

ЦАРСКАЯ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ. КОНЕЦ XVII И XVIII ВЕК



БЛАЖЕННОЙ И ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III
БЛАГОГОВЕЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУД,
ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
НАЧАТЫЙ,
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ

Считаю долгом принести искреннюю и глубокую благодарность учреждениям и лицам, содействовавшим мне в исполнении трудной задачи составления "Истории Царской и Императорской охоты".

Документальные сведения получены мною из архивов: Общего Министерства Двора (в Москве и Петербурге), Министерства юстиции (в Москве), Правительствующего Сената, Государственного (в Петербурге), Министерства иностранных дел (в Москве), а равно из Императорской Публичной библиотеки.

Разные сведения, справки и указания благосклонно сообщены мне: *В. В. Стасовым, И. Ф. Бычковым, С. Н. Шубинским, Г. И. Тимченко-Рубаном, А. В. Половцовым, С. А. Белокуровым, Н. П. Павловым-Сильванским, В. П. Ламбиным, И. М. Губкиным* и покойными *Г. В. Есиповым, А. Ф. Бычковым*.

Особенной благодарностью обязан я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему в мое распоряжение свое богатое собрание гравюр, из которого и заимствованы для настоящего тома редчайшие старинные оригиналы.



Васнецов А. М.
Москва конца XVII столетия

Том III

Глава I

Царь Феодор Алексеевич и император Петр Великий

Смерть тишайшего царя Алексея Михайловича положила конец блестящему периоду развития царской охоты. Настало время крайнего ее упадка, продолжавшееся в течение полувека, с 1676 по 1726 год.

Молодой царь, Феодор Алексеевич, не унаследовал от своего отца и тени его любви к "соколиной потехе". Человек болезненный, крайне слабого сложения, он не был рожден для подвижной жизни охотника и, получив хорошее образование под руководством Симеона Полоцкого, наполнял свои досуги писанием виршей и чтением русских и польских книг. В течение своего недолгого шестилетнего царствования Феодор Алексеевич, как кажется, ни разу не принимал участия в охоте.

Упадок учреждений царской охоты, обусловленный нерасположением к ней государя, замечается с первого же года нового царствования. В апреле 1676 г., через два месяца после смерти своего отца, царь Феодор приказал отдать на хранение в Оружейную палату все платье сокольников и птичьи уборы¹. Из Приказа тайных дел², состоявшего в ближайшем ведении государя, управление птичьей охотой, как не интересующее нового царя, передается в Приказ Большого дворца, управлявшийся на общем основании одним из бояр. Смерть стольника Афанасия Ивановича Матюшкина, заведовавшего царской

"соколиной потехой", любимца царя Алексея Михайловича, унесла последнего старателя этого дела, и управление охотой поручено было новому лицу, ловчему Василию Ивановичу Филосовову, не оставившему после себя никаких заметных следов своей деятельности³. Штаты царской охоты сокращаются; несколько сокольников переводятся с Семеновского потешного двора на другие должности. Царские охотники не дорожат более своей службой, высоко ценившейся при царе Алексее: в 1681 году один из них, птичий стрелок Мишка Зверев, бил челом государю о переводе его в Оружейную палату на должность самопального, и царь Феодор Алексеевич не замедлил исполнить его ходатайство⁴.

Царская охота падает, но не уничтожается совершенно. Она была нужна как привычная принадлежность старинного обряда московской придворной жизни и как одно из средств для поддержания добрых отношений к восточным государям. Соколы и кречеты по-прежнему посылаются в подарок восточным шахам и ханам, которые очень ценили московских охотничьих птиц. Так, в 1679 г. с послами, отправленными к персидскому шаху, посланы были в дар ему одиннадцать кречетов и сокол со всем нарядом и с колокольцами из Серебряной палаты; для ухода за птицами посольство сопровождали два кречетника и три сокольника. Незадолго перед тем девять птиц послано было бухарскому хану. Но эти птицы не все дошли по назначению. Один из мелких азиатских ханов, юргенский Атавша-Богадырь хан, через владения которого следовали царские кречетники с птицами, перехватил двух кречетов и затем, опасаясь гнева московского царя, прислал ему в 1677 г. следующую грамоту: "Великому государю храброму,

высокопрестольному и северных стран и земель великому князю, белому царю любительное поздравление. Послали вы к бухарскому Абдул-Азис-Богадырь хану девять птиц с кречетниками; а он, бухарский хан, мне вместо отца, и я из тех птиц оставил у себя две птицы, и о том я бухарскому хану писал, а у меня с ним розни нет: учинил то, надеючись на него, а достальные птицы до бухарского хана дошли в целости. И впредь вашего величества какие дела будут в сей стране, и я буду совершать по достоинству; а буде кречетники учнут говорить о тех птицах, которых я взял, и вам их речам верить не велеть, а у меня с бухарским ханом в тех птицах отнюдь ссоры не будет. Потом умножи Бог благоденствия вашего"⁵.

Упадок царской охоты продолжается и еще более усиливается в царствование Петра Великого. Наследственная в роде Романовых любовь к "полевым утехам" была ему совершенно чужда. В ранней юности Петр увлекся мореплаванием; на всю жизнь морское дело сделалось его всепоглощающей страстью и не оставляло места в его душе увлечению охотой. Подобно тому, как отец его, царь Алексей Михайлович, был истым охотником, превосходившим всех своих любимых сокольников и кречетников любовью к вольной соколиной потехе на раздольных московских лугах, так Петр был истым моряком, любившим больше всего быстрый бег судна под парусами, тревоги непогоды в открытом море, беседы с моряками, голландскими шкиперами и новыми русскими капитанами. Как Алексей Михайлович не только любил охоту, но и знал во всех подробностях дело ухода за птицами и все порядки сокольного двора, так Петр, Piter-baas (baas – корабельный мастер), как он себя

называл, соперничал с лучшими голландскими мастерами в уменье построить и оснастить корабль и успешно исполнял обязанности шкипера, проводя иностранные суда по фарватеру Невы в новорожденный "Санкт-питерсбурх".



*Императоръ Петръ I,
съ грав. Я. Хубракенъ, по портрету К. Мооръ.*

Когда в 1692 году двадцатилетний Петр строил на Переяславской верфи свой первый корабль, он так увлекся этим делом, что Л. К. Нарышкин и князь Б. А. Голицын долгое время никак не могли его уговорить на один день оставить верфь и приехать в Москву для торжественной аудиенции чрезвычайному послу персидского шаха. Впоследствии, в горячее время реформ, великий преобразователь, великий учитель своего народа, создавал новую армию, строил фабрики и заводы, переводил книги, вырабатывал регламенты Сената, коллегий, губерний, везде вникая во все подробности дела, но ничем он не занимался с такою любовью, как сооружением нового флота. Второй тост на всех пирах он провозглашал "за здоровье семейства Ивана Михайловича" (Головина, адмирала), то есть русского флота, и однажды обещал шуту заплатить 100.000 руб., если когда-нибудь забудет провозгласить эту здравицу. Спуск каждого нового судна радовал Петра несказанно. В Петербурге он постоянно следил за работами на верфи, встречал новые иностранные суда, приходившие в порт, весьма часто плавал в море или по Неве в сопровождении огромной флотилии лодок. Будучи однажды зимою в Москве (в январе 1722 г.), Петр, чтобы возместить недостаток моря, устроил большой морской маскарад; во главе длинной процессии из лодок и буеров он ехал на большом корабле на полозьях и искусно маневрировал парусами, смотря по направлению ветра.

Развлечения мореходства заменяли для Петра вполне развлечения охоты. Так именно он сам определил свое отношение к охоте в разговоре с ганноверской курфюрстиной Софией во время своего первого путешествия за границу в 1697 г.



На вопрос курфюрстины: любит ли он охоту? – Петр отвечал: "Отец мой был страстный охотник, но я не чувствую к этой забаве никакой склонности, зато очень люблю мореходство и фейерверки"⁶.

Судя по рассказам первого историка-летописца Петровского царствования, Крекшина, и автора известных "Деяний Петра Великого" Голикова, Петр I в молодости не только "не чувствовал никакой склонности" к охоте, но и был принципиальным противником охоты, как пустой и недостойной забавы. По словам Голикова, Петр однажды в ранней юности остроумно насмеялся над боярами, любителями охоты. Когда несколько бояр начали выхвалять пред ним псовую и птичью охоты как благородные забавы, прося его посетить их, Петр назначил день и место для псовой охоты. Выехав затем в поле, он объявил боярам, что желает иметь дело только с ними, а не с псарями-холопами. Псари должны были удалиться, передав собак господам. Господа же тотчас "привели псов в расстройку"; напуганные собаками лошади занесли далеко в поле своих седоков; некоторых сбили с седла; других же собаки, путаясь в сворах, стащили с лошадей. Когда на другой день государь пригласил бояр – тех, которые не лежали в постели после псовой охоты, – участвовать в соколиной охоте, то они решительно отказались, помня полученный урок. Тогда юный Петр сказал им следующее: "Аще светлая слава есть в оружии, то почто же мя ко псовой охоте от дел царских отвлекаете и от славы к бесславию приводите? Аз Царь есмь и подобает ми быти воину, а охота оная прилежит псарям и холопам"⁷.

Рассказывают также, что когда Петр в 1684–1687 гг. устраивал при помощи Франца Лефорта свои потешные полки, то он вместе с своим братом, царем

Иоанном, зашел однажды на сокольничий двор и пожелал узнать, сколько всего здесь содержалось охотников. Ему сказали, что охотников здесь до 300 человек. Тогда Петр, обратясь к своему брату и указывая на собравшихся, заметил: "Какое число людей без пользы содержится, и не лучше ли бы излишнюю охоту уничтожить, а расходы и людей употребить в пользу государственную?" – и вслед за тем, с согласия Иоанна Алексеевича, записал всех молодых сокольников в потешные⁸.

Впоследствии, уже в зрелом возрасте, Петр, находясь однажды в Польше, также очень презрительно отозвался об охоте в том смысле, что его, человека, занятого делом, войною, не может интересовать эта забава. Известный токарь Петра Великого Андрей Нартов говорит в своих записках: "Государю предлагаема была для забавы в одно время в Польше от магнатов охота за зверями, на что он отвечал им, благодарствуя: "Довольно охоты той, чтобы гоняться за шведами". Мы имеем, однако, целый ряд известий об охотах, в которых Петр принимал личное участие⁹. "Гоняясь за шведами", он иногда находил время и для того, чтобы "гоняться" за лосями, оленями и кабанами. По-видимому, Петр не жаловал охоты только в молодости, пока еще мало знаком был с западноевропейской жизнью и поэтому видел в охоте специально московскую, азиатско-русскую забаву; быть может, он пренебрежительно относился к охоте главным образом потому, что ее любили московские бояре, представители отжившего старого склада русской жизни.

Но в первое же свое заграничное путешествие 1697–1698 гг. Петр должен был убедиться, что любовь к охоте столь же распространена на Западе, как и на

Востоке, что у каждого владетельного князя и у каждого барона были свои егеря и свои зверинцы. Ганноверская курфюрстина, как упомянуто выше, при первом же свидании с Петром поинтересовалась узнать, любит ли он охоту. Бранденбургский курфюрст (впоследствии, с 1701 г., прусский король) Фридрих I, устраивая в честь великого московского посольства торжественные обеды, блистательные фейерверки, бой диких быков с медведями, не преминул устроить для него и большую зверовую охоту в окрестностях Фишгаузенского замка. В ставке курфюрста, кроме великих послов, был и "дворянин Петр Михайлов", как называл себя Петр I во время этого путешествия. Охотники выгнали большое число оленей. Петр вместе с курфюрстом застрелил до 70 оленей; на раненых зверей напускали собак. Музыканты при этом играли на трубах и громко били в литавры. "Заключена была сия забава, – как выражается Голиков, – великолепным столом и многими в саду замка потехами и веселием"¹⁰.

Впоследствии Петр несомненно уже не видел в развлечениях охотой "бесславия" и хотя не очень часто, но все же не раз принимал в них участие. В 1709 г., находясь в Сумах, он приказал князю Ромодановскому выслать туда из Москвы "немедленно пять кречетов с охотниками" для птичьей охоты. В 1714 г., плывя по Балтийскому морю, Петр высадился на одном из Аландских островов и здесь участвовал в зверовой охоте, на которой застрелил одного лося и шесть зайцев¹¹.

В последние десять лет своей жизни Петр охотился чаще, чем прежде. За время большого заграничного путешествия государя в 1716 и 1717 гг. мы имеем известия о пяти его охотах.



*Императрица Екатерина I,
сг. граф. Я. Хубракенъ.*

Как замечено в походном журнале царя, его величество, находясь в Мекленбургском герцогстве, в гор. Шверине, "ездил с герцухом на охоту и застрелил оленя". Приехав из Шверина в Краков в ноябре 1716 г., он и здесь "был на охоте, стрелял оленей и дву кабанов". В апреле 1717 г. его величество в бытность в гор. Кале "бил на егерстве зайцев". Находясь в Париже в мае того же года, Петр совершил поездку в Фонтенебло в сопровождении генерал-адмирала графа Тулузского и здесь полтора часа охотился в имении графа за оленями¹². Проезжая в окрестностях Дрездена в сентябре месяце 1717 г., Петр встретил на Остервизе несколько оленей; он убил одного оленя о двенадцати ветвях и подстрелил другого; второй зверь ушел, но егеря догнали его, убили и принесли в дом, где остановился Петр, и государь был "этому очень рад"¹³. По возвращении из-за границы Петр иногда охотился в окрестностях Петербурга. Так, например, в августе 1720 г. он ездил на птичью охоту с соколами в село Красное, вместе с князем-кесарем Иваном Феодоровичем Ромодановским¹⁴. В 1723 г. вытребована была из Москвы в Петербург для Гоцарской птичьей охоты").

Петр Великий в это время не пренебрегал охотой, но он никогда ею особенно не увлекался. Не говоря уже о мореплавании и кораблестроении, его, по-видимому, больше развлекали и забавляли зрелища травли зверей и шутовские маскарады с участием зверей. Любопытная травля зверей устроена была, между прочим, в присутствии Петра в доме великого адмирала Апраксина по случаю приезда в Россию голштинского герцога, жениха царевны Анны Петровны. "Лев должен был, – рассказывает Бергхольц, – бороться с огромным медведем; оба зверя были

крепко притянуты друг к другу веревками. Все ожидали, что лев легко победит медведя. Оказалось наоборот: лев совершенно оробел, и его едва успели спасти, оттащив от него медведя"¹⁵.

Маскарады устраивались довольно часто. Так, например, в 1720 г., под наблюдением самого Петра, устроен был большой маскарад, с участием зверей, на шутовском торжестве свадьбы "князя-папы" Петра Ивановича Бутурлина. В одних мемуарах петровского времени рассказывается об этом маскараде так: "Ездили поезда цугами на медведях, на собаках, на свиньях и ездили по большим улицам, чтоб мог весь народ видеть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на зверях ездят, которые так обучены были, что весьма послушно в запряжке ходили"¹⁶. В большом морском маскараде, устроенном в январе 1722 г. в Москве (упомянутом выше), также участвовали звери. Лодка, в которой сидел князь-кесарь И. Ф. Ромодановский в мантии, подбитой горностаем, была украшена медвежьими чучелами, а неподалеку от него следовали сани, запряженные шестернею домашних медведей, которыми правил человек, искусно зашитый в медвежью шкуру¹⁷.

Сведений об охотах наследовавшей Петру Великому императрицы Екатерины I сохранилось очень немного. Мы знаем только, что для ее охот два раза высылались в Петербург из Москвы кречетники с ловчими птицами. 25 апреля 1725 г. по приказанию императрицы охотникам Семеновского потешного двора велено было поспешить в Петербург: "ехать наскоро, днем и ночью"¹⁸. В следующем году к 15 мая вытребованы были из Москвы 12 человек лучших кречетников с соколами, кречетами и ястребами для следования "в походе за Ее Императорским

Величеством".

Заведование учреждениями царской охоты при Петре Великом находилось в руках известного князя-кесаря Феодора Юрьевича Ромодановского¹⁹ и затем его сына Ивана Феодоровича. Князь Ф. Ю. Ромодановский был одним из влиятельнейших деятелей первой половины Петровского царствования. В смутное время правления царевны Софьи князья Ромодановские заявили себя сторонниками юного Петра, и один из них был убит мятежными стрельцами. В 1682 году князь Ф. Ю. Ромодановский, раньше состоявший в чине стольника, был пожалован в спальники ко двору царя Петра Алексеевича. Во время больших потешных походов 1690–1691 гг. князь Ромодановский начальствовал одной армией в звании генералиссимуса, причем Петр, в чине ротмистра, состоял под его начальством. Противной армией начальствовал И. И. Бутурлин, и резиденцией его, заметим между прочим, был "соколий двор на Семеновском поле". Во время морских маневров на Переяславском озере Ромодановский состоял адмиралом. Когда Петр от "младенческого игrania" этого времени перешел к делу, князь Феодор Юрьевич стал одним из виднейших членов нового правительства. "Сей князь, – читаем в недавно открытой "Гистории" кн. Б. И. Куракина, – был характеру партикулярного; собою видом – как монстра; нравом – злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верной так был, как никто другой". И "того ради" царь Петр Алексеевич ему "во всех деликатных делах поверил и вручил ему все свое государство". В 1695–1696 гг. Петр поручил Ромодановскому вновь учрежденный Преображенский приказ, в котором сосредоточены

дела по государственным преступлениям, по обвинениям в "государевом слове и деле". Грозному князю Феодору Юрьевичу Петр несколько раз вверял власть правителя государства, когда надолго покидал столицу во время азовских походов, заграничного путешествия 1697–1698 гг. и в первые годы шведской войны. Князь Ромодановский, "пресбургский король", "князь-кесарь" официально был только начальником Преображенского приказа; на деле же в отсутствие государя он стоял во главе правительства: "все бояре и судьи" должны были "прилежать до него и к нему съезжаться и советовать, когда он похочет". Петр твердо верил в преданность князя Ромодановского и считал его жестокость необходимой, чтобы остановить и утешить недовольных нововведениями. "Прошу вас, – писал Петр ему, – быть крепким, а кроме сего ничем сей огонь угасить не можно". Князь Феодор Юрьевич, говорит Костомаров, был "ужасом для всех разбойников, как и для всех нарушителей царской воли"... Этот человек соединял в себе насмешливость с мрачною кровожадностью. Участник петровских оргий, неизменный член сумасброднейшего собора, представлявший из себя шутовское звание князя-кесаря, он держал у себя выученного медведя, который подавал приходившему в гости большую чарку крепкой перцовки и в случае отказа пить хватал гостя за платье, срывал с него парик или платье. Шутник большой был Феодор Юрьевич!²⁰... Но, если кто попадался серьезному суду Феодора Юрьевича, тот заранее должен был почитать себя погибшим. Ромодановский подвергал обвиняемых самым безжалостным пыткам и приговаривал преступника к мучительным казням: кроме обыкновенного повешения, он вешал их за ребра и сожигал. Его одно

имя наводило трепет; сам Петр называл его "зверем", и князь-кесарь, не скрывая своей жестокости, говорил, что "всегда оmyвается в крови".

В Преображенский приказ тотчас же после его образования в 1695–1696 гг. передан был из приказа "Большого Дворца" Семеновский потешный двор со всеми находившимися в нем птицами, зверями и служителями охоты. С этого времени царская охота в продолжение 34 лет состоит в ведении Преображенского приказа. Кровавые розыски и частые возлияния в честь "Ивашки Хмельницкого", по званию почетного члена Петровского "всешутейшего и всепьянейшего собора", не оставляли Ромодановскому времени для занятия другими делами. Он любил охоту, но обращал мало внимания на порученные ему учреждения царской охоты, зная, что Петр ими не интересуется. Одними из немногих памятников деятельности кн. Ромодановского по управлению царской охотой были изданные по его инициативе в 1701 и 1703 гг. указы о воспрещении частным лицам охоты в окрестностях Москвы²¹. Указы эти, между прочим, интересны тем, что они свидетельствуют о сильном распространении занятий охотою среди дворян и всяких чинов людей в рассматриваемое время. По существу своему они не были новостью; в них новы только некоторые подробности. Охота в окрестностях Москвы воспрещена была еще при царе Алексее Михайловиче. В начале царствования Петра, 8 мая 1686 г., вновь был объявлен "столяникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам и всяких чинов людям" старый указ, подтверждавшийся "неоднажды", чтобы они "около Москвы в ближних местах с людьми своими по полям и в них со псовою охотою не ездили и из пищалей ни по каким птицам не стреляли и людей

своих для того же не посылали". Князь Ромодановский в 1701–1703 гг. обратил особенное внимание на птичьи охоты в окрестностях села Измайлова и принял новые строгие меры к охране царских охотничьих угодий. "Ныне ведомо великому государю учинилось", сказано в указе 18 апреля 1703 г., "что на тех Измайловских лугах по рекам и по прудам и по озерам ездят всяких чинов люди со птицами и с пищальми, птиц ловят и из пищалей по ним стреляют". Ввиду этого управителю села Измайлова, стольнику и воеводе М. В. Афросимову приказано было установить строгий надзор в измайловских охотничьих угодьях: самому в них "ездить почасту и мужиков и крестьян посылать человек по 10 и больше непрестанно" и "тех людей, которые в тех местах явятся со птицами и с пищальми, ловить"; у высших чинов "имать людей, а нижних чинов — самих, и присылать тех людей, которые изловлены будут, со птицами и с пищальми к Москве в Преображенский приказ без молчания". За недозволенную охоту в Измайлове назначены были высокие пени и наказания; с высших чинов взыскивалось по 100 рублей за всякого их человека, уличенного в браконьерстве; нижних же чинов людям грозило "наказание жестокое безо всякия пощады" и "ссылка в Азов с женами и детьми на вечное житье". Этим же указом крестьянам села Измайлова и окрестных деревень строго воспрещено было продавать кому-либо пойманных ими кречетов, челигов кречетых, соколов и ястребов и велено было приносить их на Семеновский потешный двор.

Князь Б. И. Куракин в упомянутой выше "Гистории" говорит, что царская соколиная охота в это время сохранялась будто бы только для забавы самого ее начальника, кн. Ромодановского: "Оной имел власть

к своей собственной забаве всю Его Величества охоту соколю содержать на коште дворцовом; и как в лугах коломенских, так и в других местах заказ был тою охотою никому не ездить. Сие токмо чинить для его одного". Это известие интересно для нас только тем, что оно свидетельствует о любви кн. Ромодановского к соколиной охоте. Но царская соколиная охота несомненно сохранялась не для кн. Ромодановского, а главным образом потому, что охотничьи птицы были необходимы для подарков иностранным государям.

Князь Ф. Ю. Ромодановский умер 17 сентября 1717 г., и ему наследовал в должности начальника Преображенского приказа, как и в звании князя-кесаря, сын его, кн. Иван Феодорович.

Петр определил на эту должность кн. И. Ф. Ромодановского собственноручной запиской 21 февраля 1718 г. После смерти Петра кн. И. Ф. Ромодановский получил чин действительного тайного советника и назначен был 8 мая 1727 г. московским генерал-губернатором. В 1729 г. 28 марта Преображенский приказ был уничтожен, и кн. Ромодановский одновременно с увольнением от должности начальника этого приказа оставил и должность генерал-губернатора. По восшествии на престол Анны Иоанновны Ромодановский 4 марта 1730 г. был сделан сенатором в числе других заслуженнейших сановников, но через несколько дней, 30 марта, скончался; вместе с ним пресекся старинный род князей Ромодановских-Стародубских.

Вместе с розыскными делами И. Ф. Ромодановский так же, как его отец, заведовал и царской охотой. Судя по рассказу Бергхольца, он любил охотиться и с соколами, и с гончими, и с борзыми. Царская охота,

однако, при нем, так же как при его отце, остается в прежнем положении упадка. Число сокольников и псовых охотников за время царствования Петра Великого постепенно все уменьшается.



В 1684 г. на Семеновском потешном дворе было до 300 человек сокольников и других чинов царской охоты. В 1695 г., ко времени перехода охоты в Преображенский приказ, их было уже только 50 человек. Эта сильная убыль произошла между прочим оттого, что Петр зачислил множество охотников в свои потешные полки. В 1712 г. кн. Ф. Ю. Ромодановский приказал дьяку Василию Нестерову произвести смотр охотникам на Семеновском потешном дворе, чтоб исключить из списков престарелых и неспособных к службе и отправить их на покой в монастыри и богадельни²². По сыску Нестерова уволено было от службы из числа 42-х – одиннадцать человек охотников и в том числе "начальный сокольник" Данило Рамейков. После этого на Семеновском потешном дворе в течение ряда лет, до 1727 г., было не более 30 человек охотников – ничтожное число в сравнении со штатом 1684 г. в 300 человек.

Тем не менее, навыки и предания царской соколиной потехи, ее лучших времен, свято сохранялись в небольшом кружке сокольников Семеновского двора. Русские соколы и кречеты по-прежнему славились за границей. Когда князь И. Ф. Ромодановский пригласил в 1722 г. голштинского герцога и его свиту на соколиную охоту за утками, то она произвела большое впечатление на голштинцев. Камер-юнкер герцога Бергхольц хвалит в своем дневнике "прекрасных и редких соколов князя Ромодановского" и богатую добычу этой охоты²³. Псовая же охота не понравилась Бергхольцу. Хотя в гончих и борзых недостатка не было – их было более 130, – но, говорит Бергхольц, охота "шла неудачно и не могла выдержать никакого сравнения с немецкою охотою" или с виденною перед тем соколиною.

Широкие преобразования Петра Великого не коснулись учреждений царской охоты. Однако, не находя желая и времени для реформы их, он не счел нужным и уничтожить их совершенно, как многие другие учреждения московского времени. Охотничьи птицы по-прежнему были нужны для посылок в дар восточным, а отчасти и европейским государям²⁴; поэтому нельзя было "дать абшид" всем сокольникам, умевшим обучать птиц и ухаживать за ними, и необходимо было сохранить старые царские кречетни в Москве для птиц, которые по заведенному порядку ловились в определенных местах привычными к этому делу помытчиками. В 1720 г., приказывая казанскому губернатору Салтыкову наблюдать за ловлей кречетов в низовых (поволжских) городах, Петр заметил, что птицы эти ему очень нужны, потому что они "высылаются в окрестные государства непрестанно". Сохранился целый ряд известий о таких "непрестанных посылках" птиц в подарок иностранным государям; при Петре Великом они производились если не чаще, то во всяком случае не реже, чем при царе Алексее Михайловиче.

Больше всего посылали птиц персидскому шаху, турецкому султану и "цесарскому величеству" в Австрию. В Турцию посылались кречеты в 1701, 1712, 1721 гг. по 10–12 птиц²⁵. В этом последнем году отправлено было также 6 кречетов "Горскому Шамхалу Алдигирею" в награду "за его службу". В 1720 г. персидскому шаху послано было, кроме охотничьих птиц (кречетов, челигов кречетых, ястребов белых), также несколько павлинов белых и цветных, черных индейских кур, 2 белых медведя и 2 черных медведя, ученых, с поводиладельником, живые соболя, несколько "лошадей немецких больших" и пр. В 1709 г. много

диких охотничьих птиц подарено было австрийскому императору, как видно из следующего письма Петра к кн. Ромодановскому: "Sire. В сих днях писал брат наш цесарское величество, дабы Ваше Величество изволил прислать к нему новой ловли диких (необученных) птиц: кречетов, соколов, челигов и прочих; для чего прислал своего сокольника, которого посылаем с сим письмом [и], которому изволь дать на волю выбрать птиц выше писанных, сколько каких сыскать возможно. Piter"²⁶.

После Петра Великого старый обычай посылки ловчих птиц в дар иностранным государям постепенно выходит из употребления. При императрицах Анне Иоанновне и Елисавете Петровне соколы и кречеты еще посылались от поры до времени с нашими чрезвычайными послами в Турцию, Персию, а также на запад, к римскому императору; но к началу царствования Екатерины Великой такие посылки птиц совершенно прекратились. В Австрию несколько кречетов и других птиц отправлено было, по нашим сведениям, в последний раз – в 1738 году. В 1740 г. послано было персидскому шаху три кречета и два сокола и турецкому султану 14 кречетов, 23 сокола, 6 ястребов, несколько челигов кречетых и ястребых. Наконец, в апреле 1745 г. отправлено было к персидскому шаху с чрезвычайным послом кн. Голицыным 24 кречета, 12 соколов, 12 челигов кречетых при 24 кречетниках в новых богатых охотничьих нарядах. От последних лет царствования Елисаветы Петровны мы имеем сведения лишь о выдаче в 1758 году турецкому посланнику двух соколов, по его собственной просьбе²⁷.

Глава II

Император Петр II и императрица Анна Иоанновна. Организация Императорской охоты

Красивый юноша, развитой не по летам, высокого роста, статный и сильный, с задумчивым выражением лица, живого, вспыльчивого нрава – таков, по описанию современников, был император Петр II²⁸, сын несчастного царевича Алексея Петровича, преждевременно скончавшийся, на пятнадцатом году жизни, 19 января 1730 г. Почти все свое краткое царствование – неполные три года – он провел в охотничьих поездках, непрерывно следовавших одна за другою. Наследственная любовь к охоте проявилась в Петре II с чрезвычайной силой и развилась благодаря преступному попустительству воспитателей в болезненную страсть²⁹.

Юный император увлекся охотой в первый же год своего царствования, когда ему было только 11 1/2 лет. В первые же дни по вступлении его на престол светлейший князь А. Д. Меншиков, в мае 1727 г., приказал спешно "в самой скорости" доставить в Петербург из Москвы часть находившейся там царской птичьей и псовой охоты³⁰. Составляя расписание учебных занятий государя, Верховный Тайный Совет уступил его влечению к охоте и назначил для занятий охотой три дня в неделю. Вот это любопытное "начертание ученья", подписанное Петром II и сохранившееся в подлиннике в государственном архиве: "В понедельник пополудни, от 2-го до 3-го часа учиться, а потом солдат учить; пополудни *вторник и четверг с собаки в поле*; пополудни в среду солдат

обучать; *пополудни в пятницу с птицами ездить; пополудни в субботу музыкою и танцеванием; пополудни в воскресенье в летний дом и в тамошние огороды*"³¹.

Светлейший князь Меншиков, в первые четыре месяца царствования Петра II управлявший самовластно всеми делами государства, поручил воспитание государя вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману. Меншиков видел в нем своего союзника... и ошибся. Барон Остерман, умный, ловкий и крайне двуличный дипломат школы XVIII века, воспользовался страстью Петра к охоте, чтобы отдалить его от влияния Меншикова и подготовить падение этого могущественного временщика. Он не принял мер, чтобы остановить в самом начале развитие в Петре II страсти к охоте, и не устранил пагубного сближения его с князьями Долгорукими. Напротив того, Остерман тайно потворствовал охотничьим экскурсиям Петра, чтобы закрепить за собою его расположение, сам участвовал в них и в свое оправдание писал Меншикову, что он поступает так будто бы только для того, чтобы "не вдруг очень на него налегать"³².

Все лето 1727 г. Петр II провел в Петергофе, постоянно охотясь в его окрестностях. По несколько дней сряду он не возвращался в Петергофский дворец, охотясь то в Стрельне, то в Ропше, в веселой компании князей Долгоруких и своей тетки, красавицы цесаревны Елисаветы Петровны³³.

За это лето князья Долгорукие и тайно действовавший в союзе с ними барон Остерман успели совершенно восстановить Петра против Меншикова и вдохнули в него смелость разом свергнуть влияние

светлейшего князя.



*Императоръ Петръ II,
съ гравюры С. Воршмана 1729 г., по портрету, писанному П. Людденомъ.*

7 сентября Петр, проведя весь предшествовавший день на охоте в Стрельне, приехал в Петербург, но остановился не в доме Меншикова на Васильевском острове, где жил раньше, а в летнем дворце, который был наскоро отделан, и куда накануне перевезли его вещи из меншиковского дома. Гвардии послан был приказ, чтоб она слушалась приказаний только самого императора. На следующий день, 8 сентября 1727 г., Меншиков был арестован и через два дня выслан из Петербурга, сначала в Раненбург, а затем в Березов³⁴.

После удаления Меншикова Остерман, сознавая ответственность, лежавшую на нем, как на воспитателе государя, пытался вразумить его, склонить к серьезным занятиям. Но было уже поздно: увещания не действовали; Петр слишком привык к праздности, к веселой, разгульной жизни. "Однажды, – читаем у Соловьева, – Остерман обратился к Петру с просьбою уволить его от должности воспитателя, ибо иначе ему придется отдать строгий отчет; у Петра сердце не успело очерстветь, он был очень привязан к Остерману: со слезами на глазах он умолял его остаться; но к вечеру не преодолел искушения и по обычаю пробегал всю ночь по городу". Вторая попытка увещания была еще менее удачной. Петр бросил такой взгляд на своего воспитателя, что тот заболел от испуга. После этого Остерман уже не делал Петру бесполезных наставлений и предоставил его всецело князьям Долгоруким.

Из этих сблизившихся с государем князей Долгоруких старший, князь Алексей Григорьевич, по единогласным отзывам современников, не отличался ни умом, ни образованием. Его сын, молодой обер-камергер Иван Алексеевич, которого особенно любил Петр, был добросердечный, но легкомысленный и безнравственный человек. Сатирик

Кантемир метко выразился, что он был с младенчества "на ловле воспитан с псарями". Князь М. М. Щербатов в своем известном рассуждении "О повреждении нравов в России" характеризует его следующим образом: "Князь Ив. Алекс. Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем... Окружающие его однородцы и другие молодые люди, самым распутством дружбу его приобретшие, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не более была в безопасности тогда в России, как от турок во взятом городе". Князья Долгорукие заботились единственно о том, чтобы закрепить за собою расположение Петра и потворствовали его страсти к охоте и дурным наклонностям, "создавая свое благополучие на псовых охотах", как про них говорили³⁵.

16 января 1728 г. Петр выехал из Петербурга в Москву³⁶: в его охотничьей компании давно уже расхваливали удобные для охоты, обильные дичью и зверем окрестности Москвы. В Петербурге все говорили, что государь сюда более не вернется. Испанский посол при русском дворе герцог де Лирия писал в это время: "Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а страстно любит псовую охоту. Здесь, в Петербурге, негде охотиться, в Москве же очень удобно, почему никто не сомневается, что, раз переехав в Москву, он едва ли возвратится сюда"³⁷. Эти предположения оказались пророческими: последние два года своей жизни Петр провел в Москве, не возвращаясь на скучные берега Финского залива.

Путешествие в Москву было для Петра веселой охотничьей поездкой. На пути он несколько раз останавливался для охоты. Отъехав 40 верст от

Петербурга, Петр охотился в вотчине князя Ивана Федоровича Ромодановского, местность которой, как писали тогда в "С.-Петербургских ведомостях", "натурою и разными художествами зело украшена и ко всем веселиям весьма угодна". В дороге Петр заболел корью и пролежал больной две недели. Только что оправившись от болезни, он снова выезжает на охоту. Москва его вовсе не интересует, хотя он едет в нее впервые. Не доезжая пяти верст до московской заставы, Петр останавливается в селе Всесвятском для охоты, и в Москве несколько дней (до 6 февраля 1728 г.) напрасно ждут его первого торжественного въезда в первопрестольную столицу³⁸.

Поселившись в Москве, окруженной со всех сторон прекрасными охотничьими угодьями, Петр окончательно оставил всякие более серьезные занятия и всецело отдался своей страсти к охоте. Увлекаясь травлей лисиц, волков, зайцев, Петр любил охотничьи поездки с князем Иваном Долгоруким также потому, что они сопровождались обыкновенно веселыми попойками и любовными похождениями. Целые дни с раннего утра до позднего вечера Петр II проводит под открытым небом, ночуя часто в шатрах, разбитых на опушке леса. Чаще же всего после охотничьих разъездов он со всею свитою отправлялся на ночь в принадлежавшее Долгоруким село Горенки, где его встречала радушная хозяйка, княгиня, и хорошенькая княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая. Здесь за стаканами шампанского и старого венгерского вина, которое всегда в большом количестве возили за царским охотничьим поездом, начиналась веселая беседа. Все хвалили отвагу и удаль юного царя, восхищались его ловкостью, намечали планы новых охотничьих поездок.

В современных мемуарах мы встречаем длинный ряд известий об охотничьих поездках государя: "Царь каждый день ездит на охоту", "Царь все еще на охоте", "Царь еще не воротился с охоты" и т. п. Официальная газета то и дело сообщает: "Его Величество на ловлях забавляться изволит". Иностранные посланники пишут в своих депешах о все увеличивающейся страсти царя к охоте, о получаемых ими в подарок от государя трофеях его охот³⁹.

Петр не мог уже говорить ни о чем, как только о собаках, лошадях и об охотах. Самыми ценными подарками для него были собаки и ружья. Герцогиня Курляндская, будущая русская императрица Анна Иоанновна, желая сделать приятный подарок своему царственному племяннику, усердно разыскивает для него редких собак в Курляндии. "Доношу Вашему Высочеству, – пишет она великой княжне Наталье Алексеевне, – что несколько собак сыскано, как для Его Величества, так и для Вашего Высочества... И прошу Ваше Высочество донести Государю братцу о собаках, что сысканы, и еще буду стараться". Любовь Петра II к собакам была до того велика, что он однажды чуть было не пожертвовал своею жизнью, желая спасти свою любимую собаку, которую "волк не умел отличить и схватил за уши"⁴⁰. Герцог де Лирия в своих записках сообщает: "Я представил царю две борзые собаки, коих нарочно выписал из Англии, и Его Величество был так доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность"⁴¹. Петр II также очень любил ружья. Герцог де Лирия догадался поднести ему редкое ружье работы Диега Искюбея. За это император удостоил его редкой чести приглашения на обед; в другой раз Петр подарил ему застреленных оленя и кабана, тогда как другим послам подарил

только по оленю, и, наконец, оказал герцогу совершенно исключительное внимание, пригласив его с собою на охоту, куда Петр ездил всегда в замкнутом кружке своих любимцев⁴².

Первое время по переезде в Москву, с 9 февраля до начала марта 1728 г., Петр жил в городе, в Кремлевском дворце, постоянно выезжая на охоту в окрестности⁴³; москвичи видели государя только тогда, когда он садился в сани или же мчался по улицам столицы в одно из подмосковных сел. Исчезал и появлялся он всегда неожиданно, покидая или возвращаясь в Москву то ранним утром, то поздней ночью. 11 марта Петр со своею сестрою, Натальей Алексеевною, переехал в село Лефортово и отсюда совершил ряд охотничьих поездок в другие подмосковные села⁴⁴. Кроме князей Долгоруких, юному государю обыкновенно при этом сопутствовала цесаревна Елисавета Петровна, к которой он питал страстную любовь. Когда охоты в ближайших окрестностях Москвы наскучили Петру, он предпринял в апреле 1728 г. отдаленную охотничью поездку за 90 верст от столицы. Возвращение в Москву из этой поездки замедлилось до половины мая; герцогиня курляндская Анна Иоанновна, собираясь отправиться к себе в Митаву, долгое время тщетно ожидала в Москве своего царственного племянника и "предпочла сама отправиться искать его, чтобы в последний раз поцеловать Его Величество". 20 мая Петр вернулся в Москву, но только на два дня, и снова уехал на охоту. Таким же образом, в непрерывных охотничьих поездках, он провел лето и осень 1728 года⁴⁵.

Предположение устроить маневры, чтобы привлечь внимание государя к военному делу, почему-то не осуществилось, и он продолжал жить

по-прежнему исключительно интересами охоты. Возвращение государя в Москву в октябре месяце несколько раз откладывалось. 28 октября герцог де Лирия писал: "Надеемся, что Царь скоро вернется в город: к этому его должна побудить наступившая дурная погода; вот уже три дня идет снег и морозит, хотя и не особенно сильно: не сомневаюсь, что он приедет по крайней мере в воскресенье, потому что в понедельник граф Вратиславский (австрийский посол) предполагает устроить празднество в честь Императора". Граф Вратиславский, однако, должен был отложить этот торжественный прием, потому что государь не вернулся в назначенный срок: дурная погода не останавливала его охот⁴⁶.

Петр приехал в Москву только в половине ноября, узнав, что его любимая сестра, Наталья Алексеевна, опасно больна. Великая княжна, сопутствуя всюду брату, простудилась, вероятно, на одной из охот, а под влиянием нездорового помещения в Кремлевском дворце, где великая княжна прожила февраль и первую половину марта 1728 года, у нее развилась чахотка. Наталья Алексеевна не любила князя Ивана Долгорукого, сознавая его вредное влияние на Петра. Она одна, казалось, могла удержать брата, нежно ее любившего, от недостойных увлечений. Но обстоятельства благоприятствовали Долгоруким: 22 ноября 1728 г. Наталья Алексеевна скончалась. Сообщают, что перед смертью она просила брата расстаться со своим любимцем и что, желая утешить умирающую, государь обещал исполнить ее желание. Но он не имел сил остановиться⁴⁷. Бесперывные охоты и переезды из одного подмосковного села в другое не прекратились, и князя Долгорукие сохранили расположение Петра. "Князь Иван теперь в

милости больше, чем когда-либо", – писал английский резидент Рондо.

В старых делах архива Министерства Императорского двора мы нашли следующие сведения о непрерывных поездках Петра, связанных с охотами, в течение января 1729 года: 3 января государь переехал из Лефортова в село Измайлово; 5 января он провел в селе Семеновском на потешном дворе, осматривая там Императорскую охоту. С 8-го по 19-е Петр проживал попеременно то в Измайловском дворце, то в Лефортовском, посещая весьма часто Семеновский потешный двор. 19 января он был в Москве; 25-го числа мы встречаем государя в Хотунской волости; 28-го – в Измайлове; 30-го – в селе Лефортове⁴⁸.

Хотя государь, таким образом, и находился постоянно не в Москве, а в ее окрестностях, князья Долгорукие все-таки чувствовали себя не совсем спокойно. Они хорошо знали, как враждебно настроена против них большая часть общества, и опасались, чтобы кто-либо, снискав доверие Петра, не отстранил их от престола; они ревниво оберегали государя от посторонних внушений, окружили его тесным замкнутым кругом своих единомышленников, следили не только за речами, но и за жестами всех, кто с ним разговаривал.

Графу Вратиславскому с большим трудом удалось проникнуть в тесный кружок кн. Долгоруких, но его попытка остановить Петра от недостойных увлечений благодаря их энергичному противодействию не увенчалась успехом. Чтобы оградить Петра от подобных попыток, кн. Долгоруким было нужно, чтобы он находился как можно дальше от столицы. В конце января 1729 г.

они внушили Петру мысль предпринять отдаленный охотничий поход верст за 50 от Москвы на несколько недель. Назначен уже был день отъезда, но поездку неожиданно пришлось отложить на некоторое время. Враги Долгоруких, не имея сами сил бороться с их влиянием, прибегли к содействию иностранных послов при русском дворе.

Иностранные послы давно уже сетовали, что при постоянных отлучках царя они не могут вести никаких дел и напрасно живут в Москве. Заслышав о новом продолжительном охотничьем походе государя, послы решились протестовать. Вот как об этом рассказывает испанский посол герцог де Лирия в донесении 3 февраля 1729 г. "Мы уже несколько раз рассуждали с графом Вратиславским (послом) о частых отлучках Царя. Наконец, стало известно, что Царь отправится за пятьдесят миль для охоты на три или на четыре месяца. Принимая во внимание, что при настоящих обстоятельствах не только вредно и неприлично нам (иностранным послам) оставаться такое долгое время без дела, без возможности с кем-либо сноситься о делах, так как с его величеством отправляется и большая часть его министров, мы решили (и сделали это на прошлой неделе) переговорить об этом с великим канцлером бароном Остерманом и другими членами Верховного Совета. — Мы обратили их внимание на все неудобства и упущения, которые могут быть следствием такого долгого отсутствия Царя, и заявили, что мы будем вынуждены представить нашим государям о бесполезности пребывания нашего в этой столице, где нет Царя и нет лица, назначенного Его Величеством для выслушания нас всякий раз, как мы получаем какое-нибудь приказание от наших дворов. Результатом этого представления было то, что

Царь не только еще не отправился, как это было уже решено, но он не выедет из Москвы еще в продолжение следующих четырех недель. Хотя это решение и не было нам сообщено официально, мы, однако же, достоверно знаем о нем от самих министров; впрочем, предлогом, по которому отложен выезд Царя из Москвы, выставляют то, что его Царское Величество прежде отъезда хочет отпраздновать годовщину своей коронации, которая будет 7 марта (нов. ст.). Я частным образом также говорил с фаворитом, князем Долгоруким, и третьего дня он меня уверял, что его Государь ни в каком случае не поедет далеко на охоту и будет развлекаться ею только в окрестностях города, на расстоянии восьми или десяти миль"⁴⁹. Таким образом, благодаря вмешательству иностранных послов государь остался в Москве на четыре недели, но и за это время он успел побывать и в селе Измайловском, и в селе Коломенском. Вслед за тем 1 марта Петр отправился в далекую охотничью поездку с намерением объехать родовые земли Долгоруких⁵⁰.

Фавориты торжествовали: враждебная им партия сложила оружие⁵¹. Про князей Долгоруких говорили, что, устраивая облавы на волков, они в то же время устроили облаву на самого юного монарха с целью женить его на одной из княжон Долгоруких – Екатерине Алексеевне – и таким образом раз навсегда "ногою твердой" стать у трона. Действительно, с этого времени, с 6 марта 1729 года, две дочери князя Алексея Григорьевича Долгорукого всюду неотлучно сопровождали государя. А сам князь вместе с сыном своим Иваном настойчивее прежнего увлекали царя в охотничьи поездки с целью отстранить от него всех, кто не сочувствовал их планам⁵².

Выехав из Москвы 1 марта 1729 г., Петр вернулся

только 24-го, и все эти три недели охотился почти ежедневно, преимущественно на медведей⁵³, не обращая внимания на суровую погоду; при этом довольно долгое время он провел в вотчине князей Долгоруких Хотунской волости. По возвращении в Москву Петр остановился в Кремлевском дворце, но стены Кремля ему казались душными, и через пять дней, 30 марта, он переезжает в село Лефортово⁵⁴.

13 мая 1729 г. государь в сопровождении семейства Долгоруких отправился в новый отдаленный охотничий поход к Ростову и Ярославлю, за 130 верст от столицы. Ненастная погода не остановила его поездки. Проливные дожди и сильные холода заставили вскоре вернуться в столицу сановников, которые, пользуясь продолжительным отсутствием царя, расположились было на отдых в своих подмосковных дачах; между тем император как раз в это время охотился в окрестностях села Климентова, не обращая внимания на непогоду. И только высоко поднявшиеся хлеба, а также ожидаемый вскоре приезд турецкого посла побудили его поспешить в Москву к 11 июня. На обратном пути из Ростова государь был в Троицком монастыре и оттуда заехал в Александровскую слободу, вотчину великой княжны Елисаветы Петровны, жившей здесь с осени предшествовавшего года уединенно, в удалении от Двора⁵⁵.

Вернувшись из Ростовского похода, государь, увлеченный прелестью загородной жизни, остановился в лагере, расположенном в трех-четыре верстах от Москвы. В столице он появился только 29 июня, в день своих именин, и пробыл там, кажется, не более одних суток. По крайней мере, 1 июля он был уже в селе Коломенском, которое было избрано им своей

резиденцией на это лето. В течение июля и августа император делал частые выезды на охоту из Коломенского в окрестности, заезжая иногда верст за шестьдесят и более, несмотря на то, что лето 1729 выдалось такое же ненастное, как и конец весны: по сообщению одного современника, в течение целых семи недель не проходило ни одного дня, чтобы не было бури с громом и молнией⁵⁶.

В начале осени, 7 сентября 1729 г., был предпринят самый отдаленный и самый продолжительный охотничий поход к городу Туле. В этой поездке, кроме семейства Долгоруких, Петра сопровождал в качестве дежурного камергера князь Семен Дмитриевич Голицын, который сразу сумел приобрести доверие государя; их сближение внушало опасения князьям Долгоруким; они не замедлили приложить все старания, чтобы удалить князя Голицына, и скоро достигли назначения его нашим послом в Берлин⁵⁷.

Тульский "охотничий поход" Петра выдается из длинного ряда его поездок этого рода громадным количеством затравленного зверя и дичи. В течение одного только месяца, с 7 сентября по 16 октября, было затравлено 4000 зайцев, 30 лисиц, 5 рысей, убито 3 медведя и многое множество иной дичи. Один из современников сообщает, что псарня государя состояла в то время из 200 гончих и 420 борзых собак. Во время этой поездки государь два раза подвергался смертельной опасности. Однажды огромный медведь так близко подошел к нему, что если бы случившийся тут охотник вовремя не дал выстрела, медведь бросился бы на царя⁵⁸.

Поездка в Тулу с непрерывными охотами длилась

два месяца. Петр вернулся в Москву только к зиме, 9 ноября. По-видимому, он за это время вполне пресытился охотою. По свидетельству одного из современных источников, Петр при въезде в Москву раздал желающим большую часть своих собак и резко бранил свою любимую забаву. Сидя однажды за столом, он, по словам Лефорта, на льстивые речи придворных, прославлявших истребление четырех тысяч зайцев, громко ответил: "Это похвально, но я захватил еще лучшую добычу, ибо привез четырех двуногих собак"⁵⁹.

Постоянные спутники Петра в его охотах, князья Долгорукие, сохранили, однако, его расположение. Во время поездки в Тулу Петр дал согласие на брак с княжной Екатериною Алексеевною Долгорукой, не зная о ее любви к графу Милезимо, секретарю австрийского посольства. Тотчас же по возвращении в Москву, 19 ноября 1729 г., Петр II объявил об этом в собрании Верховного Тайного Совета. 30 ноября было отпраздновано обручение, и с этого времени высоконазначенные жених и невеста были неразлучны, проводя постоянно время вместе или в Лефортовском дворце, или в Головинском, где жил кн. Алексей Долгорукий с дочерью⁶⁰. Отдохнувши от тульских охот, Петр со второй половины дек. снова начинает охотиться в окрестностях Москвы и, между прочим, несколько раз охотится на медведей. Новый 1730 год Петр II встретил совершенно здоровым. 2 января он предпринял свою последнюю охотничью поездку за пятнадцать верст от города и вернулся в Москву только накануне Крещения⁶¹.

6 января было роковым для юного императора. В этот день государь, стоя на запятках саней своей невесты, выехал большим поездом на водосвятие. На

дворе стоял жестокий мороз. Несмотря на это, Петр во время церковной службы на Иордани пробыл с непокрытою головою и сильно простудился. 17 января врачи констатировали у него натуральную оспу. Вскоре ему стало легче; оспа начала высыпать наружу; но частью от "неразумения" врачей, частью от собственной неосторожности больного, выразившейся в том, что он, не вполне оправившись, сел у открытого окна, – болезнь снова осложнилась, сыпь скрылась, последовало полное ухудшение, и в ночь с 18 на 19 января 1730 года, в половине второго часа утра, император Петр II Алексеевич скончался, 14-ти лет и трех месяцев с несколькими днями от роду⁶².

Незадолго до своей кончины Петр II обнаружил способность к музыке: в январе 1730 года граф Вратиславский доносил, что Петр полюбил музыку и что он в последнее время прилежно упражняется на виолончели; после немногих уроков Петр выучился играть два менуэта.

Увлечение Петра II охотою не отразилось на положении центрального управления царской птичьей охоты – Семеновского потешного двора. Во главе этого учреждения до 1729 г. по-прежнему стоял петровский "князь-кесарь", Иван Федорович Ромодановский. Число охотников на Семеновском дворе не увеличилось; в 1729 году здесь числилось 11 сокольников, 7 ястребников, всего же, считая подьячего, кlobучечника, зверовщика и сторожей – 24 человека. Часть кречетников так же, как раньше, проживала в провинции, в своих поместьях, с обязательством являться в Москву в указанное время. По списку 1729 г. кречетников в разных городах находилось 23 человека. Правительство строго следило за тем, чтобы эти помещики-кречетники, так же как все

помещики-дворяне, "не укрывались от своих служб". Так, когда один из кречетников, Тихон Петров, в 1728 г. просил отпустить его на время на родину потому, что, как он писал, "волею Божьею в ночи сгорел домишко мой весь без остатку, и оттого разорился я в конец", то князь Ромодановский дал ему отпуск, с обязательством явиться в Преображенский приказ "на указной срок неотложно", и пригрозил, что "ежели он на тот срок не явится, за то учинено ему будет жестокое наказание, и движимое и недвижимое его имение взято будет на Его Императорское Величество".

Охотники Семеновского потешного двора не участвовали, как кажется, в охотничьих поездках Петра II. Они занимались своим делом, обучением ("выноскою") ловчих птиц, доставлявшихся из провинции, и тешили государя "птичьей потехой" только тогда, когда он посещал Семеновский двор.

Для Петра II тотчас же по вступлении его на престол организована была совершенно новая охота, псовая и птичья. В 1729 г. эта охота состояла из 114 человек; из них половина принадлежала к псовой и половина к птичьей охоте. В псовой охоте было пять егерей русских и два курляндских, затем доезжачий и два волторниста – все с более крупными окладами жалованья от 80 до 120 рублей в год – и, кроме того, рядовых охотников 31 человек с маленьким жалованьем по 12 р. в год; в числе этих последних был один татарский князь Степан Енкуватов. Во главе птичьей охоты стоял статейщик-кречетник; в состав ее входили 14 кречетников, 15 сокольников и столько же ястребников, затем "орловщик", помытчик и проч. На жалованье этим охотникам шло в год 2559 р. (не считая отпускаявшегося им провианта), в то время как на охотников Семеновского двора расходовалось в год

жалованья только 150 рублей.

В истории учреждений императорской охоты царствование Петра II замечательно тем, что при нем явилась первая, заимствованная с запада, охотничья должность *егермейстера*. Этой должностью дополняется длинный ряд заимствованных Петром Великим иностранных должностей: герольдмейстера, рекетмейстера, комиссара, камерира, рентмейстера (казначей), полицеймейстера и проч. и проч. Должность егермейстера упоминается впервые в известных нам архивных источниках в 1728 г.; занимал ее в это время полковник Михаил Селиванов⁶³, стоявший во главе описанной выше собственной охоты императора. Общее же управление охотой с уничтожением Преображенского приказа в 1729 г. перешло в непосредственное ведение Верховного Тайного Совета; многие распоряжения по охоте в это время исходили от члена этого Совета, барона Остермана.

Образованием собственной охоты Петра II с новой должностью егермейстера во главе положено было начало развитию Императорской охоты XVIII века на новых основаниях, с преобладанием охоты псовой, в противоположность XVII веку, когда на первом месте стояла охота соколиная. Вслед за тем, в царствование императрицы Анны Иоанновны, новая императорская охота впервые получает правильную организацию с изданием первого яхт-штата. Но прежде чем перейти к описанию этой организации, мы охарактеризуем личное отношение Анны Иоанновны к охоте и опишем ее развлечения охотничьего характера.

В бытность герцогиней курляндской, Анна Иоанновна, насколько нам известно, вовсе не

занималась охотой. Она не могла завести придворной охоты, приличной ее положению герцогини, вследствие крайней ограниченности средств, отпускавшихся на содержание ее двора. Петр Великий, распоряжавшийся делами Курляндии, приказал выдавать герцогине из курляндских доходов лишь "столько, без чего прожить нельзя". По вступлении же на русский престол, получив в свое распоряжение богатую охоту императора Петра II, Анна Иоанновна тотчас же заинтересовалась ружейной охотой и в течение своего десятилетнего царствования развлекалась ею довольно часто; заботясь о блеске своего двора, она внимательно следила также и за устройством и развитием учреждений придворной охоты⁶⁴. В первый же год своего царствования, 25 мая 1730 г., ровно через три месяца после принятия ею самодержавия, императрица переехала из Москвы в подмосковное село Измайлово "для препровождения там летнего времени". Ее фаворит Бирон, которого так опасались члены Верховного Тайного Совета, уже прибыл из Курляндии. Вместе с ним в течение этого лета Анна Иоанновна охотилась в Измайловском зверинце и в его окрестностях била из ружья зайцев, оленей и тетеревов. Для охоты императрицы в окрестные поля и леса выпускались из зверинца различные звери. В это же лето, возвращаясь из поездки в Троице-Сергиеву лавру, Анна Иоанновна посетила великую княжну Елисавету Петровну в селе Царицынском и провела здесь некоторое время в ее охотничьем доме⁶⁵.

В январе 1732 г. императрица переехала на постоянное жительство из Москвы в Петербург, решив в его пользу важный вопрос, столь интересовавший современников, быть или не быть столицей новому городу, созданному Петром Великим на топких берегах

Финского залива⁶⁶. Живя в Петербурге, Анна Иоанновна также охотилась довольно часто и особенно в последние годы своей жизни. Иногда, как сообщалось в официальной газете того времени, "С.-Петербургских ведомостях", императрица "изволила для летнего времени охотою забавляться на Петровском острове", на котором тогда не было других строений, кроме небольшого деревянного дворца, построенного Петром I и сохранившегося до наших дней. Любимым местом охот Анны Иоанновны были окрестности Петергофа, в котором она каждый год проводила часть лета, от начала или середины июля до второй половины августа⁶⁷.

Здесь она нередко развлекалась различными видами охоты. Одним из любимейших была гоньба оленей гончими собаками, под выстрелами охотников, между двумя рядами полотен, расставленных на большом пространстве. Полотна расставлялись обыкновенно в Нижнем Петергофском саду и требовались в таком количестве, что для хранения их выстроен был отдельный цейхгауз⁶⁸. Однажды во время такой охоты олень перескочил изгородь и стал уходить Нижним садом; государыня, преследуя его на лошади, стреляла по нем несколько раз, и только в Монплезирском саду раненый олень был окружен охотниками. Две пули, случайно ударившиеся в стену китайской галереи голландского домика во время преследования оленя, видны и до настоящего времени.

Кроме такой "гоньбы оленей", нередко практиковался особый способ охоты, называвшийся "*парфорс-яхт*" или просто "парфорс". По этому способу на зверей всякого рода: диких коз, кабанов, оленей, лосей и зайцев, устраивалась облава, а общество охотников стреляло их и травило собаками.

На такую охоту общество выезжало в особых экипажах, называвшихся "яхт-ваген" и имело при себе целую команду "парфорс-егерей и пикеров".

Практиковалась также полевая охота на зайцев и лисиц и охота "по английскому обычаю". В чем именно состоял последний способ охот – неизвестно. Мы нашли лишь в документах указания, что для этой охоты были наняты английские пикеры и что один из них, Вильсон, поступая на службу в придворную охоту, требовал себе в услужение двух человек, обещая обучить их за это "быть охотниками по английскому обычаю"⁶⁹.



Императрица Анна Иоанновна,
съ гравюры И. Соколова.

Одно время охоты при дворе происходили так часто, что лошади пикеров в летнее время не выпускались на луга на подножный корм, находясь постоянно в стойлах, чтобы по первому требованию быть готовым для выезда. Командовавший придворными охотами полковник фон Трескау в июле 1740 года требует от петербургской дворцовой конторы присылки корма лошадям прямо в стойла, мотивируя свою просьбу тем, что лошадей "для корму в луга отсылать никак невозможно для того, что оные употребляются всегда для езды при травле зверей в присутствии Ее Императорского Величества".

В "С.-Петербургских ведомостях" за 1740 год напечатано было следующее любопытное известие, свидетельствующее о том, как сильно в это время, в последний год своей жизни, императрица увлекалась охотой: "С 10 Июля по 26 Августа Ее Величество, для особенного своего удовольствия как парфорс-яхтою, так и собственноручно следующих птиц застрелить изволила: 9 оленей (с 24, 18 и 14 отростками на рогах), 16 диких коз, 4 кабана, одного волка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц"; всего 488 штук в течение полутора месяцев⁷⁰.

Помимо ружейной охоты, Анна Иоанновна очень часто развлекалась зрелищем травли зверей; ни до нее, ни после всевозможные травли зверей не практиковались в таких широких размерах. Травили преимущественно медведей и волков, реже – оленей и кабанов. Местом травли зверей бывал обыкновенно двор Зимнего дворца; иногда эти травли происходили и в Летнем саду, где тогда помещались некоторые из учреждений Императорской охоты. Травля заканчивалась тем, что измученного зверя или снова уводили в зверинец, или же пристреливали тут же на

месте; по большей части это делала сама императрица, а иногда кто-нибудь из ее приближенных.

В течение февраля 1737 года Анна Иоанновна *ежедневно* по часу перед полуднем любовалась медвежьей и волчьей травлей из Зимнего дворца⁷¹. Запас медведей, сделанный обер-егермейстером Волынским, совершенно истощился. 15 февраля 1737 года он доносил Правительствующему Сенату, что в распоряжении Императорской охоты нет более медведей, "потребных для травли ко двору Ее Императорского Величества, понеже здесь которые медведи были, из тех несколько затравлено", а оставшиеся измучены до того, что их и "травить уже не можно". По представлению Волынского Сенат разослал указы в Москву, Новгород и Псков с предписанием купить там зимою 15 медведей и 20 медеянских собак и прислать их в Петербург ко псовой ее величества охоте. С волками, предназначенными для травли, дело обстояло лучше: Императорская охота не терпела в них такого недостатка, как в медведях. Для ловли волков за Ямскою Смоленскою слободою, в 12-ти верстах от Петербурга, по именному указу императрицы был выстроен особый двор⁷². Можно судить по всему этому, в каких широких размерах тогда практиковались кровавые звериные травли и насколько еще грубы были нравы высшего русского общества первой половины XVIII века.

Анна Иоанновна, как мы видели, охотилась довольно часто и любила охоту. Но она не ценила ее так, как всякий истый охотник, любящий сильные ощущения охоты, напряженную борьбу с препятствиями, испытания сил или же увлекающийся ее поэтическими сторонами общения с природой. Анна Иоанновна любила охоту, но она столь же, если не

больше, любила травли зверей, шутовские маскарады, кривлянья шутов и шутих и особенно стрельбу в цель. Охота была для нее пустым развлечением, забавой от скуки, средством весело и незаметно провести время.

Личность Анны Иоанновны весьма различно изображается нашими историками. Костомаров, с обычною своею резкостью красок, изображает ее в весьма непривлекательном виде: "Возведенная на степень такого могущества, какого никогда себе не ожидала, она (Анна Иоанновна) оказалась вовсе неподготовленною ни обстоятельствами, ни воспитанием к своему великому поприщу. На престоле она представляла собою образец русской барыни старинного покроя, каких в то время можно было встречать повсюду на Руси. Ленивая, неряшливая, с неповоротливым умом и вместе с тем надменная, чванная, злобная, не прощающая другим ни малейшего шага, который почему-либо был ей противен, – Анна Ивановна не развила в себе ни способности, ни привычки заниматься делом и особенно мыслить, что было так необходимо в ее сане. Однообразие ее повседневной жизни нарушали только забавы, которые вымышляли прислужники: но забавы те были такого рода, что не требовали ни большой изобретательности, ни изящества... Анна Ивановна любила наряды и, следуя вкусу Бирона, предпочитала яркие краски; в будни одевалась в длинное широкое одеяние небесно-голубого или зеленого цвета, а голова у нее была повязана красным платком, таким способом, каким обыкновенно повязывались мещанки".

Характеристика личности Анны Иоанновны в изображении Костомарова соответствует следующему враждебно-пристрастному описанию внешности императрицы, сделанному ее современницей, Наталией

Борисовной Шереметевой, невестой (и впоследствии женой) князя И. А. Долгорукова: *"Престрашного была взору; отвратное лице имела; так была велика, что когда между кавалеров идет, всех головою выше и чрезвычайно толста"*.

Совершенно иной портрет Анны Иоанновны дает беспристрастный современник, камер-юнкер Бергхольц, на которого она незадолго перед тем, в бытность герцогиней, произвела наружностью и осанкой вполне благоприятное впечатление: *"Герцогиня, – пишет голштинский камер-юнкер, – женщина живая и приятная, хорошо сложена, недурна собою и держит себя так, что чувствуешь к ней почтение"*. И, как бы в соответствии с этим именно описанием внешности Анны Иоанновны, Соловьев дает более благоприятную характеристику ее личности. Склонность Анны Иоанновны к пустым забавам наш знаменитый историк объясняет не одним только недостатком образования, но и тяжелыми обстоятельствами ее жизни: *"Раннее и бездетное вдовство в стране слабой (Курляндии), за влияние над которой спорили три сильных соседа, сделало из Анны игрушку политических отношений и соображений; она стала невестою всех бедных принцев, желавших получить Курляндию в приданое... Чаша унижения была выпита до дна, а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная к унижению"*. Сделавшись императрицей, Анна Иоанновна не доверяла русской знати и потому приблизила к себе и возвысила иностранцев. *"Но возвышением иностранцев и особенно одного из них, который в глазах народа не имел никакого права на возвышение, оскорблялись русские: Анна при своем уме, которого у нее никто никогда не отнимал, не могла не сознавать этого и*

потому не могла быть покойна. Чтобы успокоиться, забыться среди постоянно тяжелых обстоятельств жизни, для натуры, неспособной уходить во внутренний мир души и оттуда вызвать успокоение, для натуры, недоступной, не подготовленной образованием к высшим средствам восстановления падающих сил духа, — для такой натуры оставалось одно средство: внешнее развлечение, празднества, окружение себя существами, которые бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство".

Кроме тяжелых обстоятельств жизни — следует прибавить — в этом случае влияла и полная неподготовленность Анны Иоанновны к ее великому поприщу, как верно заметил Костомаров. Не надо забывать, что Анна Иоанновна вступила на престол в зрелом возрасте, 37-лет. Все время до этого она жила в Курляндии, среди чуждого и неблагожелательного общества. У нее был сильный, гордый характер, был ум, природное остроумие. Но она получила плохое образование и, живя бедно и уединенно, на чужбине, не встретила людей, которые могли бы благотворно повлиять на ее развитие. Она была герцогиней Курляндии только по имени и лишена была возможности найти пищу своему уму и расширить свой кругозор в занятиях делами управления герцогством. Долгое время терпев недостаток в средствах, Анна Иоанновна, став императрицей, естественно обрадовалась возможности не отказывать себе более ни в чем и поспешила придать необычную пышность своему двору, которой удивлялись иностранцы, и предалась развлечениям всякого рода. Учреждено было множество новых придворных должностей; явилась итальянская опера, балет, немецкая труппа, два

оркестра музыки; построен новый трехэтажный каменный дворец; начались непрерывные торжественные приемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминации, фейерверки.

Одно время императрица пристрастилась к картам и, по свидетельству Миниха, сына знаменитого фельдмаршала Миниха, большую часть дня проводила за картами. На придворных вечерах играли в азартные игры, фараон или квинтич, и нередко в одну ставку проигрывали до 20.000 рублей. Сама императрица держала банк, и ставить могли лишь те, кого она называла. Выигравший тотчас же получал деньги, а с проигравшего императрица никогда не требовала уплаты.

Анна Иоанновна очень любила шутов и шутих; их состояло при дворе множество; среди них были карлицы, калмычки, персиянки, арабки; Императрица просиживала целые часы, слушая их пошлую болтовню и смотря на их глупые кривлянья. Положение царского шута было своего рода придворною должностью; кроме известного Балакирева и двух иностранцев (португальского еврея Лякоста и итальянского скрипача Педрилло), придворными шутами состояли три представителя русских знатных фамилий: князя М. А. Голицын, Н. Ф. Волконский и А. П. Апраксин. На князя Никиту Волконского возложен был уход за любимой комнатной собачкой императрицы "Цытринкой"; он должен был между прочим ежедневно в особой ведомости расписываться в получении для Цытринки по кружке молочных сливок⁷³. Князь Голицын был сделан шутом в наказание за то, что, будучи в Риме, перешел в католичество. Императрица жестоко насмеялась над ним, шумно отпраздновав в знаменитом "Ледяном доме" женитьбу его на

придворной шутихе-калмычке⁷⁴.



Суриков В. И.
Императрица Анна Иоанновна в Петергофском
"Темпле" стреляет оленей

Свадьба эта, устроенная обер-егермейстером Артемием Петровичем Волынским, доставила немало забот Императорской охоте.

По свидетельству Нащокина, жених с невестой сидели в большой клетке, поставленной на слоне, а свадебный поезд, состоявший из представителей чуть ли не всех разнообразных национальностей, населявших в то время обширную Россию, следовал за новобрачными на оленях, собаках, свиньях и других животных, с принадлежащею каждому роду "музыкалией и разными игрушками". Самым любимым развлечением Анны Иоанновны была ружейная стрельба. Она могла целыми часами забавляться стрельбою в цель и достигла в этом упражнении совершенства. Не понимая лучших сторон охоты, Анна Иоанновна любила ее лишь как упражнение в стрельбе из ружья. Поэтому она с еще с большим удовольствием, чем охотой, занималась стрельбою в мишень в Зимнем дворце, где для этого была приспособлена особая галерея.

В комнатах императрицы всегда стояли заряженные ружья, и она из окон дворца стреляла в пролетающих мимо ласточек, ворон, сорок и тому подобных птиц. Если же птицы не летели к окнам дворца императрицы, тогда дворцовый сад наполнялся птицами из "менажерии", откуда их выпускали в громадном количестве. Зарядание ружей лежало на обязанности некоего обер-егеря Бёма⁷⁵. Анна Иоанновна занималась стрельбою не только из ружья, но и из лука. Бирон принимал на себя все хлопоты по устройству этой забавы⁷⁶. Во время своего пребывания в Петергофе она ежедневно, после обеда, занималась стрельбою или в мишень, или по птицам⁷⁷.

В петергофском зверинце для нее разбивался особый намет, из которого она стреляла в мимо пробежавших зайцев, кабанов, ланей, тунгусских и немецких оленей. Иногда она помещалась в красивой беседке, выстроенной на террасе близ моря и называвшейся Темплом, и стреляла из окон беседки в зверей, нарочно выгонявшихся на поляну, окруженную высоким палисадником. "И сею забавою, – говорит Миних-сын, – вовсе неприличною женскому полу, она почти до кончины своей занималась"⁷⁸. Анна Иоанновна настолько увлекалась стрельбой, что забавлялась ею также во время переездов из одного места в другое. Как сообщалось в "С.-Петербургских ведомостях", императрица на обратном пути из Петергофа в Петербург "изволила в Стрельной мызе стреляньем по птицам и в цель забавляться"⁷⁹.

Ввиду такого сильного увлечения ружейною стрельбою Анну Иоанновну, конечно, должно было в значительной степени интересоваться и самое приготовление ружей, что лежало тогда на обязанности Канцелярии егермейстерских дел. Ружья для императрицы делались частью на Сестрорецком заводе, частью на Петербургском оружейном дворе, где между прочим заготавливались ружья и для всей царской охоты. Лично для императрицы ружья делались с золотой насечкой. Особенно богато отделывался новый штуцер в октябре 1740 г.: на него пошло целых восемь червонных. Хотя ружья, как мы видели, заготавливались в России, однако кремни для них покупались за границей; русские мастера не умели их хорошо обделывать. Наряду с этим и порох выписывался из "города Гданска" (Данцига). В 1736 г. по личному распоряжению Анны Иоанновны шесть французских ружей выписаны были для нее из Парижа. Она сама

писала об этом барону Андрею Ивановичу Остерману: "Андрей Иванович, понеже ныне князь Антон Кантемир в Париже обретається, того ради отпишите к нему, чтоб он, как скоро возможно, прислал сюда для нас шесть французских фузей самой лучшей работы и от лучшего мастера"⁸⁰.

В первые два года царствования Анны Иоанновны, во время пребывания ее в Москве, управление Императорской охотой находилось в руках одного из наиболее доверенных лиц императрицы, *графа Семена Андреевича Салтыкова*, родственника ее по матери, царице Прасковье Федоровне, урожденной Салтыковой. Граф С. А. Салтыков в тревожные февральские дни 1730 года заявил себя решительным сторонником самодержавия, и 25 февраля, видя волнение среди шляхетства, императрица вверила ему начальство над гвардией. Вслед за отменой в тот же день ограничительных пунктов Анна Иоанновна осыпала милостями Салтыкова, дала ему чин генерала, 6 марта 1730 г. назначила обер-гофмейстером и вверила ему начальство над московскою дворцовою канцелярией. В этой последней должности граф Семен Андреевич заведовал и дворцовой охотой. Когда двор в январе 1732 г. переехал в Петербург, граф Салтыков назначен был главнокомандующим старой столицы, с поручением наблюдать за всеми административными учреждениями Москвы и присутствовать в московской сенатской конторе. Он состоял главнокомандующим до 1739 г. и, по всей вероятности, все это время заведовал и оставшейся в Москве частью учреждений Императорской охоты. Ближайшим его помощником по этому делу до 1733 года был упомянутый выше первый по времени "егермейстер" Михаил Селиванов.

Кто именно в первые годы по переезде двора в

Петербург стоял во главе петербургской охоты, в период первого ее устройства, нам, к сожалению, не удалось выяснить ни по печатным источникам, ни по неизданным делам архивов.

В 1736 г. учреждена была впервые особая высшая должность по управлению Императорской охотой, должность *обер-егермейстера*. Она вверена была известному кабинет-министру *Артемию Петровичу Волинскому*, столь трагически окончившему свою жизнь на плахе в 1740 г. Этот кабинет-министр и первый обер-егермейстер является одним из интереснейших, характерных деятелей нашей истории первой половины XVIII века. Пройдя служебную лестницу с низших ступеней, Волинский везде сумел обнаружить свои недюжинные дарования и был замечен, как дельный работник, таким знатоком людей, как Петр Великий. Начавши службу простым солдатом петровской гвардии, он, двадцати шести лет от роду, в 1715 году был отправлен Петром I с ответственным поручением в Персию в качестве чрезвычайного посланника, а через три года назначен был, в звании генерал-адъютанта, астраханским губернатором. С 1725 г. по 1732 г. Волинский был губернатором в Казани. Крупное столкновение с казанским архиепископом Сильвестром было причиной удаления его из Казани.

Благодаря покровительству своего родственника, гр. С. А. Салтыкова, Волинский был сделан в 1732 г. помощником обер-шталмейстера, а в 1734 г. произведен в генерал-лейтенанты и сделан генерал-адъютантом императрицы; затем, снискав расположение могущественного Бирона, был назначен 27 января 1736 г. обер-егермейстером и, наконец, 3 апреля 1738 г. достиг высшего поста

кабинет-министра.

Волынский был умный, способный и очень образованный для своего времени человек. Он любил чтение серьезных книг, хорошо владел пером и, сделавшись кабинет-министром, много поработал над составлением широких проектов государственных преобразований. В доме Волынского собирался тесный кружок образованных и преданных ему людей, в котором читались и обсуждались его проекты. В своем главном труде, "Генеральном рассуждении о поправлении внутренних государственных дел", он обсуждает все важнейшие вопросы внутреннего управления того времени, систематически разделив "Генеральное рассуждение" на 6 частей: 1) Об укреплении границ и об армии, 2) О церковных чинах, 3) О шляхетстве, 4) О купечестве, 5) О правосудии, 6) Об экономии. Здесь, между прочим, он настойчиво требует распространения просвещения между духовенством и между шляхетством, рекомендуя средство, испытанное Петром Великим: посылку молодых дворян для обучения за границу. Благодаря этому у нас будут "свои природные министры", говорит он, намекая на немцев – Бирона, Остермана, Миниха, – заправлявших всеми делами в царствование Анны Иоанновны.

Образованность Волынского не отразилась на его характере, не смягчила его крайне пылкого и необузданного нрава. В грубом XVIII веке такие люди доходили до непонятной для нас жестокости, до вопиющего поругания человеческого достоинства в столкновениях с лицами нижестоящими. Во время приготовлений к потешной свадьбе в Ледяном доме Волынский по пустому поводу избил академика Тредьяковского, которому поручено было сочинить

стихи к предстоявшему торжеству. Когда Тредьяковский поехал жаловаться Бирону, Волынский, встретившись с ним в приемной курляндского герцога, тут же ударил его по щеке, вытолкнул из комнаты, приказал отвести под караул и здесь велел дать ему 70 и затем еще 30 ударов палкою по спине.

Мы мало знаем об административных мероприятиях Волынского в Казани и Астрахани, но зато имеем множество сведений о его жестоких и часто собственноручных расправах с местными обывателями и представителями местной администрации, знаем множество жалоб со стороны духовенства и разных лиц на его мздоимство и бесчинства всякого рода. Автор "Генерального рассуждения", красноречиво писавший о водворении правосудия, на практике презирал права лиц, возводил в закон собственный произвол и в порыве гнева жестоко расправлялся с оскорбившими его или чем-нибудь провинившимися пред ним людьми. Прибыв в Астрахань губернатором в начале 1719 г., Волынский на первых же порах проявил свой необузданный нрав, избив до полусмерти коменданта гор. Петровска, Ивинского. Тотчас же у него пошли нелады из-за пустяков с епископом Иоакимом, и ссора затем разгорелась в непримиримую вражду. В Казани Волынский открыто враждовал с архиереем Сильвестром. Мстя Сильвестру, он велел отстегать прутьями дьякона и двоих церковников; по его приказанию избит был до полусмерти архиерейский домовый иконописец; за секретарем духовного приказа губернатор гонялся с обнаженной шпагою, и тот едва ушел; архиерейского секретаря Волынский сам бил и драл за волосы, потом велел солдатам бить его палками и топтунами и оставил "едва жива".

Достигнув высшей цели своих честолюбивых стремлений, должности кабинет-министра, Волынский вскоре, не рассчитав своих сил, вступил в борьбу с немцами, Бироном и Остерманом, державшими власть в своих руках. Не ограничившись разработкой широких проектов "о поправлении внутренних государственных дел", Волынский оставил записку, в которой изобразил в черном свете барона Остермана и некоторых других лиц, приближенных императрицы. Записка не понравилась Анне Иоанновне; она сказала автору: "Ты подаешь мне письмо с советами, как будто молодых лет государю". Бирон не замедлил воспользоваться этим, чтобы добиться назначения суда над Волынским.

В апреле 1740 г., пробыв кабинет-министром ровно два года, Волынский был устранен от всех должностей, а 27 июня того же года совершена была над ним и четырьмя его друзьями жестокая казнь на Сытном рынке, что на Петербургской стороне, против крепости. Волынскому перед казнью в тюрьме отрезали язык: истекающего кровью, его повели на казнь; наложили повязку, чтобы остановить кровь, но кровь хлынула в горло, и Волынский стал лишаться чувств; двое служителей втащили его под руки на эшафот; здесь после чтения указа ему отсекали руку и затем голову. Императрица смягчила отрублением головы наказание, к которому Волынский был приговорен судом: посажение на кол.

Столь трагически окончившаяся для Волынского борьба с Бироном производит на первый взгляд впечатление неосторожной, мелкой интриги. Борьба эта, однако, имела важное историческое значение. В мрачную эпоху "бироновщины" с ужасами ее "слова и дела", во время господства немца-временщика,

презиравшего русских людей, Волынский явился первым выразителем пробуждавшегося русского самосознания. Слова Волынского о необходимости иметь в России "своих природных министров" не были только личным намеком на Бирона, но и являлись напоминанием национального завета великого Петра. Ознакомившись с делом Волынского, императрица Екатерина II писала: "Сыну моему и всем моим потомкам советую и поставляю читать сие Волынского дело от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого незаконного примера в производстве дел... Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменник, но, напротив того, *добрый и усердный патриот и ревнитель к полезным поправлениям своего отечества*. Итак, смертную казнь терпел, быв невинен".

Одним из поводов к назначению Волынского обер-егермейстером и к связанному с этим его дальнейшему возвышению послужила его любовь к охоте. Волынский увлекался охотой со всею страстностью, присущей его натуре. В этом случае, как и в других, он не стеснялся попираť чужие права, и о его увлечениях охотой мы узнаем из многочисленных жалоб лиц, потерпевших от его охотничьих экскурсий. Волынский пользовался иногда охотою как средством мстить своему врагу, архиерею Сильвестру. Последний жаловался Синоду, быть может, несколько преувеличивая, что губернатор и летом и зимою ездит по полям и сенным покосам со псовой охотою "многочисленным", "топочет" лошадьми и собаками посеянный яровой и озимый хлеб, архиерейский и монастырский, ночует в монастырских деревнях, минуя помещичьи и другие вотчины, берет "с боем и неволею со крестьян наших и монастырских сена и овса для

коней, а людям – всякую живность и хлеб, сколько похотят", причиняя тем самым "напрасно несносную обиду нам и крестьянам". Сильвестр жаловался также, что губернатор поместил на подгородном дворе Спасо-Казанского монастыря (так наз. "Подсеке") до двухсот собак и пятнадцать псарей, кормил последних монастырским хлебом и кашею, "а в иное время псари привозили на ту Подсеку собакам мертвых лошадей, коров и всякое стерво; отчего на том дворе... овцы и прочая скотина вымерла". Власти обители, "усмотрев оную причину", просили неоднократно губернатора удалить с Подсеки и собак, и псарей. Но губернатор не только не уважил законных просьб монастыря, но, призвав к себе в канцелярию "тоя обителей властей", приказал им отстроить снова на том дворе сломанную баню для помещения собак.

У Волынского было много охотничьих собак: датских, гончих и преимущественно борзых разных пород: курляндских брудастых, "хортых польских", "арлекинов чистопсовых" и др. Он подбирал их с любовью завзятого охотника и очень о них заботился. В любопытной переписке с гр. С. А. Салтыковым, который также был страстным охотником, Волынский (в 1734 г.) подробно обсуждает достоинства своих и чужих собак, сообщает о редкой английской борзой, которую ему привез в подарок какой-то "английский дворянин", восхищается борзым кобелем, принадлежавшим польскому послу графу Завише: "Столько велик, что в наклоне аршин три вершка, и столько хорош, что я, хотя уже не одну тысячу в жизнь мою видел собак, только истинно такой беспорочной от роду мало видал... мне безмерно будет жаль, если оная собака, не оставя здесь плода, увезена будет, за которую он подлинно одному шляхтичу заплатил всего

больше, как 400 ефимков". Через два года после назначения обер-егермейстером, в феврале 1738 года, Волынский перевел своих собак в числе 64-х (из них 39 борзых) на "псаренный" двор Императорской охоты в селе Измайлове. Он говорил, что передает их "в охоту Ее Величества для заводу", и в то же время, чтобы лучше их уберечь, приказал ходить за ними собственным своим охотникам. В январе 1739 г. Волынский писал об этом московскому статейничему следующее: "Хотя в посланном ныне от меня к Вам ордере и написано, чтобы из собственной моей псовой охоты несколько борзых и гончих собак, которые помечены в реестре, отданы точно в охоту Ее Императорского Величества на завод, однакож, прикажите за ними ходить собственным моим охотникам, и прошу за ними надсматривать, чтобы оные собственные мои собаки были в добром призрении и надлежащей чистоте – чтобы от них размножены были щенята и выкармливаемы были..." Когда Волынского постигла опала, то московские охотники, содержавшие его собак на Измайловском дворе, очень встревожились. Немедленно началось строгое расследование этих "непорядков". Выяснилось, что хотя охотники Волынского, ходившие за его собаками в Измайлове, и жили "на своем коште", но собственные собаки обер-егермейстера все же содержались на казенный счет. Указом императрицы по этому делу было определено: "Эти непорядки причесть ему, Волынскому, к вине"; но так как опальный обер-егермейстер был "за его злодейственные государственные вины казнен, и движимое и недвижимое его имение отписано на Ее Императорское Величество", то взыскание пало на лиц, исполнявших его незаконные приказания, и за прокорм собственных

собак Волынского с них приказано было взыскать 1489 рублей⁸¹.

После Волынского до назначения обер-егермейстером графа Алексея Григорьевича Разумовского никто не носил этого звания. В 1740 г. короткое время, около двух месяцев, с апреля по июнь, делами придворной охоты заведовал советник дворцовой конторы князь Иван Васильевич Одоевский⁸², впоследствии (1740–1744) президент Вотчинной коллегии и сенатор. А 19 июня того же года, следовательно еще во время следствия по делу Волынского, изустным указом самой императрицы заведование Императорскою охотою было поручено "командиру охоты", полковнику Второго Московского полка фон Трескау⁸³. О своем назначении Трескау донес 9 сентября 1740 года кабинету: "Ее Императорское Величество Июня 19-го дня сего 1740 года Высочайшим изустным указом соизволила мне всемилостивейше повелеть придворные все охоты содержать в своей команде и за то правление, сверх полкового жалованья, получать в год награждение по тысяче рублей.

И по силе оного... указа, пока охоты в команде моей состоять будут, означенное жалованье имею я получать ведомства своего из Егермейстерской Канцелярии, о чем Высочайшему Кабинету Ее Императорского Величества сим всенижайше доношу в известие".

Полковник фон Трескау был иностранец, только что прибывший в Россию, всего вероятнее из Курляндии, – одна из креатур Бирона. Новый начальник охоты настолько мало знал русский язык, что не умел даже подписываться по-русски на деловых

бумагах. При нем, специально "для перевода", состоял прапорщик Карл Мейбов. Управлял охотой фон Трескау короткое время, не больше двух лет.

Первый обер-егермейстер, Артемий Петрович Волынский, руководствовался в своей деятельности по управлению охотой резолюциями кабинета. Он, однако, уже положил первое начало будущей Обер-егермейстерской канцелярии, поручив делопроизводство по управлению охотой отдельной своей личной канцелярии, называвшейся "обер-егермейстерские дела". После Волынского "обер-егермейстерские дела" перешли в заведование дворцовой конторы и составили в ней особое отделение под тем же названием. Все усложнявшееся и увеличивавшееся хозяйство Императорской охоты между тем настоятельно требовало образования особого учреждения для заведования им. При преемнике Волынского, "командире" придворной охоты полковнике фон Трескау, образована была *Егермейстерская канцелярия* с особой финансовой сметой. Но эта канцелярия оказалась недолговечной и была вскоре упразднена, вероятно, в тех видах, чтобы сократить возможно более расходы на придворную охоту.

Всеми, как важными, так и мелкими, делами по управлению Императорской охотой по-прежнему стал ведать Императорский кабинет. По примеру Волынского, полковник Трескау начал осаждать кабинет всевозможными представлениями по всем делам, не исключая и самых маловажных. Подобный порядок был признан неудобным, и 6 марта 1741 года кабинет вошел со всеподданнейшим докладом, в котором обращал внимание императрицы на полковника Трескау, который своими донесениями

кабинету "о всяких делах, между тем и о самых малейших, чинит в кабинетных делах помешательство и излишнее затруднение", и просил отдать "того полковника Трескау со всею его командою и егерскими делами" в ведение придворной или дворцовой конторы. Ходатайство кабинета было уважено, и ближайшее попечение о делах Императорской охоты было поручено придворной конторе.

Императорская охота за время управления фон Трескау впервые получила точную организацию, с изданием первого яхт-штата 1740 года. Честь разработки этого важного в истории охоты законодательного памятника должна принадлежать, по-видимому, однако, не полковнику Трескау, а первому обер-егермейстеру, Волынскому, гораздо более подготовленному для этого дела. Волынский был отрешен от должностей кабинет-министра и обер-егермейстера в апреле 1740 г.; утверждение же первого яхт-штата последовало через пять месяцев после этого, 22 сентября. Из одного архивного дела, которое мы расскажем ниже, видно, что Волынский еще в 1739 г. ставил на очередь вопрос издания яхт-штата. По всей вероятности, он же разработал проект яхт-штата и только не успел представить его на утверждение императрицы, а полковник Трескау воспользовался в значительной мере трудом своего предшественника.

Прежде чем приступим к рассмотрению этого первого яхт-штата 1740 г. и изданного вслед за ним второго, 28 января 1741 г., мы опишем первые шаги устройства петербургской псовой охоты и состав ее в 30-х годах XVIII столетия.

Первые сведения о личном составе петербургской

Императорской охоты относятся к 1733 году. Как раз в это время из Москвы переведены были некоторые из чинов московской псовой охоты с тем, чтобы пополнить личный состав петербургской псовой охоты, которая хотя и существовала раньше, но в малых размерах и без правильной организации. Упомянутые охотники были вызваны из Москвы настолько спешно, что им не было времени переселиться в Петербург со своими семьями.

Личный состав вновь организованной псовой охоты был таков же, как и состав собственной охоты Петра II, рассмотренный выше, с тою лишь разницею, что в списке чинов 1733 года мы впервые встречаемся с должностью *обер-егеря*, которую занимал некий Осип Меврель (вероятно, Мервиль). Эта охота, организованная вначале в составе 20 человек, довольно быстро разрослась, особенно к концу тридцатых годов этого столетия. В течение двух лет, с мая 1737 г. по май 1739 г., число охотников непрерывно увеличивалось с каждым месяцем и возросло с 26 до 43 человек. Зная о любви Анны Иоанновны к охоте, Императорский кабинет не останавливал такого быстрого увеличения числа чинов охоты; на запрос дворцовой конторы, производить ли ей "впредь на прибавочных служителей отпуск хлебного жалованья?" — кабинет-министры предписали удовлетворять все требования обер-егермейстера по сему предмету.

Рядом с ростом численного состава замечается в псовой охоте появление и новых должностей. В документах 1737 года мы встречаемся, например, с должностью *яхт-юнкера*. Когда именно она появилась, мы не знаем, но в 1737 году "обретающемуся при охотах Ее Величества *яхт-юнkerу* Николавиусу" повелено было "от службы

отказать и дать надлежащий абшид" из Коллегии иностранных дел⁸⁴.

Ко второй половине тридцатых годов восемнадцатого века относится возникновение и новых отдельных охот в окрестностях Петербурга. От 1738 года мы имеем первые сведения о личном составе петергофской охоты. Над этой охотой начальствовал форштмейстер И. А. Газ, служивший по контракту, заключенному с ним за границу 29 января 1838 года полномочным министром в Дрездене Кейзерлингом. Под начальством Газа находились парфорс-егеря и зверовщики⁸⁵.

Соответственно увеличению личного состава Императорской охоты в царствование Анны Иоанновны значительно растут и расходы на его содержание. Так, в 1734 году на содержание всех охот, как в Москве, так и в Петербурге, израсходовано было около 2184 рублей (не считая хлебного жалованья московским охотникам).

К концу же десятилетия расходы на содержание одних только петербургских и петергофских охот выросли более чем в три раза сравнительно с прежними расходами на всю охоту в Москве и Петербурге. В 1738 году они равнялись 7384 рублям, а еще год спустя 8302 рублям, причем последняя сумма распределялась следующим образом: 4302 рубля шли на жалованье чинам охоты, 1500 рублей на шитье мундиров и 2500 рублей на канцелярские и мелочные расходы.

Такое крупное увеличение расходов на содержание Императорской охоты объясняется не только умножением числа охотников, но и тем обстоятельством, что в описываемое время в личном

составе охоты появилось много иностранцев, нанятых за границей за большое вознаграждение, а также тем, что жалованье командиров и начальных людей возросло во много раз в сравнении с прежним временем. Содержание рядового охотника стоило недорого: денежное и хлебное вознаграждение его в среднем не превышало 27 рублей 44 копеек в год; между тем высшие чины псовой охоты получали от 80 до 300 рублей жалованья в год. Обер-егерь, например, в год организации Петербургской псовой охоты получал 300 рублей, егеря-французы от 108 рублей до 240 рублей и доезжачий (иностранец) до 80 рублей годового жалованья. Все увеличивающаяся с каждым годом сумма расходов падает отчасти на жалованье вновь поступавшим рядовым охотникам, число которых растет из года в год, а главным образом на жалованье иностранцам, которых отыскивают за границей, и по заключении контракта зачисляют на службу в качестве форштмейстеров, яхт-юнкеров, обер-егерей, егерей и доезжачих.

В финансовом отношении, так же как в административном, Императорская охота в это время не представляла еще самостоятельного учреждения и в деле снабжения деньгами и припасами, необходимыми для содержания служебного персонала, зависела от других учреждений. После уничтожения Преображенского приказа денежное жалованье некоторое время выдавалось из Верховного Тайного Совета. Затем продовольствие на содержание придворных охот отпускалось из Главной дворцовой канцелярии. В 1735 году по указу императрицы Анны Иоанновны на содержание охоты определены были доходы с Хотунской волости – бывшей вотчины князя Алексея Долгорукова. Эта волость, приписанная ко

дворцу, была отдана в особое ведение генерал-директора дворцовых волостей барона Розена. Но не прошло двух лет, как придворная охота снова оказалась совершенно необеспеченной в денежном отношении. В 1736 году Хотунская волость была взята от директора дворцовых волостей и передана в полное ведение тайного домен- и финансов-советника фон Фиринга⁸⁶, который затем категорически отказался выдать из доходов волости хотя бы один рубль на содержание охоты. Придворная охота вследствие этих недоразумений едва не осталась на 1739 год вовсе без продовольствия. Обер-егермейстер Волынский, чтобы не заморить зверей и птиц с голода, решился на крайнюю меру и приказал отпустить продовольствие из сумм подведомственной ему Конюшенной канцелярии.



Рундальцев
Костюмированное утро Императрицы Анны
Иоанновны
Офорт с картины В. И. Якоби

Вместе с тем Волынский представил по этому делу доклад императрице, и кабинет, рассмотрев его, приказал снабжать охоту припасами из ближних дворцовых волостей, а деньгами — из дворцовой канцелярии, *"до утверждения яхт-штата"*.

Волынский в это время уже разрабатывал проект яхт-штата. Только что рассказанный случай лишний раз указал на необходимость твердо установить особым законом как численность личного состава Императорской охоты, так и сумму расходов на ее содержание. Вопрос об издании яхт-штата назрел окончательно и требовал немедленного решения. Постоянное появление "прибавочных служителей" охоты, число которых только за одну майскую треть 1739 года возросло с 36 до 43 человек, требовало случайных и неожиданных расходов и часто ставило учреждения, отпускавшие средства на содержание охоты, в затруднительное положение. Кабинет-министры обратили внимание на чрезмерное увеличение числа охотников и сопряженных с этим расходов и нашли нужным при составлении яхт-штата сократить личный состав придворной охоты, чтобы уменьшить затраты на нее.

Несмотря на это, издание яхт-штата в деле развития охотничьих учреждений имело весьма важное значение. С 22 сентября 1740 года, когда был утвержден и подписан Анною Иоанновною первый яхт-штат, Императорская охота вступила на новый, более твердый путь, который к концу XVIII столетия привел к образованию отдельного обер-егермейстерского ведомства. Время до издания яхт-штата является как бы переходной ступенью: старые формы постепенно сменяются новыми, слагаются новые элементы будущей организации; с

издания же яхт-штата Императорская охота принимает вполне определенную организацию и вступает на путь дальнейшего правильного развития.

Первый яхт-штат 1740 г. узаконил, во-первых, существование отдельных охотничьих учреждений⁸⁷, во-вторых – количество, права и преимущества личного персонала этих учреждений, в-третьих, обеспечил правильный отпуск определенной суммы на содержание всей охоты и, в-четвертых, точно определил, где и в каком количестве должны были содержаться звери, птицы, собаки и лошади и сколько надлежало отпускать им разного провианта и фуражу. Яхт-штатом впервые были узаконены охотничьи учреждения обеих столиц и их ближайших окрестностей. Из охотничьих учреждений Петербурга и его окрестностей в штате значатся: а) егерская команда, б) псовая охота, в) зверовая охота, помещавшаяся на слоновом и зверовом дворах и в малом зверинце, г) петергофские Большой и Малый зверинцы. В Москве по-прежнему сосредоточивалась птичья охота и в незначительных размерах зверовая, помещавшаяся в Измайловском зверинце; сохранившиеся остатки Московской псовой охоты яхт-штатом 1740 г. были уничтожены.

Из числа означенных охотничьих учреждений *егерская команда* была во всех отношениях новым явлением; она возникла под влиянием знакомства с охотничьими учреждениями западно-европейских дворов. Действительно, ни в охотах царя Алексея Михайловича, ни в охотах его ближайших преемников мы не встречаемся с такими чинами, как "обер-егерь", "егерь" и "пикер". Только около 1729 года в росписи охот Петра II мы впервые в составе охот видим *егеря*, а еще позднее, уже в петербургской псовой охоте,

в 1733 году, встречаемся с названием *обер-егерь*.



*Правительница Анна Леопольдовна
(наместря Гатчинскаго дворца).*

Появление этих чинов с иностранными названиями совпадает как раз со вступлением на службу в Императорскую охоту иностранцев по происхождению. Должности обер-егеря, егеря и пикера замещались преимущественно иностранцами, как людьми, более знакомыми с новыми приемами охоты. По первому яхт-штату егерская команда составила самостоятельный отдел Императорской охоты; она тогда состояла из "командира охоты", обер-егеря, двух егерей императрицы, одного егеря принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны и шести пикеров: двух английских, двух французских и двух с немецкими фамилиями, вероятно, курляндцев. Впрочем, английские и французские пикеры были включены в штат временно: первых велено было отпустить "по окончании их капитуляции", а вторых весною 1741 года⁸⁸.

Размеры псовой охоты первым яхт-штатом были сведены до возможного сокращения. Из 43 человек, "обретающихся при псовой охоте", к половине 1739 года осталось всего восемь человек: четыре охотника, два наварщика и два конюха. Зверовая охота тоже не изобиловала служебным персоналом. В ней по штату значилось: один смотритель Малого зверинца и 13 человек на слоновом и зверовом дворах, в том числе: один слоновщик — перс, восемь зверовщиков, один ружейный подмастерье, один рисовальный подмастерье и замочный отдельщик и двое учеников оружейного дела. В Петергофских зверинцах состояло всего шесть человек: форштмейстер, смотритель Малого зверинца и четыре зверовщика, на одного из которых были возложены обязанности цейхт-кнехта. Кроме того, при Петербургских охотах для ведения приходорасходной части состоял комиссар, для ведения

письменных дел – писарь. Таким образом при петербургских и петергофских охотничьих учреждениях по первому яхт-штату состояло всего 41 человек.

В Москве весь служебный персонал Императорских охот состоял из 21 человека, из которых 14 человек приходилось на птичью охоту и 7 человек на зверовую. Любопытно, что в составе птичьей охоты было "несколько человек старых охотников, служивших еще при Великом Государе Алексее Михайловиче": один статейщик, которому поручена была команда над всею птичьею охотою, три кречетника, шесть сокольников, два помытчика (кроме того, два сокольника "из отставленных ныне", вместо конюхов). Зверовая московская охота по обыкновению состояла из форштмейстера, пяти зверовщиков и писаря, который предназначался, впрочем, не только для зверинца, но и для других охотничьих учреждений Москвы.

В общем личный состав всей Императорской охоты в Москве и Петербурге с окрестностями первым яхт-штатом был определен в 62 человека; он был сокращен очень сильно, *почти втрое*, в сравнении с 1739 годом, когда в Императорской охоте числилось 175 человек.

Соответственно такому сокращению служебного персонала Императорской охоты сильно уменьшились и расходы на ее содержание.

До издания штата в 1740 году на содержание одних петербургских охот денежного жалованья было выдано 8190 рублей, не считая провианта; по штату же 1740 г. на содержание *всех Императорских охот* было положено 4680 рублей денежного жалованья.

Кроме того, назначено было хлебного жалованья (муки, крупы, овса и пр.) на сумму 591 р. В итоге по рассматриваемому штату на содержание служебного персонала всего было положено около 5271 рубля, из коих 4363 рубля были ассигнованы на содержание петербургских охот и 908 рублей на содержание московских охот.

Значительная часть суммы, положенной на содержание петербургских охот, около 2760 рублей, распределена была на жалованье чинам егерской команды (из 11 человек); "командир" получал 1000 р. в год, обер-егерь 300 р. в год, егеря – от 80 до 100 р., один английский пикер получал 360 р., французские егеря до 200 и курляндские по 120 р. На содержание чинов московских охот расходовалось гораздо меньше, чем петербургских, потому что там не было дорого стоивших иностранных егерей. Один только форштмейстер Измайловского зверинца получал довольно крупный оклад в 300 р.; "начальный человек" птичьей охоты – статейщик получал только 60 рублей, кроме хлебного жалованья.

Яхт-штат 1740 г. впервые определил также порядок ведения прихода-расходной части Императорской охоты. Предписано было "для денег иметь сундук с двумя замками и двумя печатями: один замок и печать полковника фон Трескау, а другой замок и печать определенного к тому комиссара, и деньги на жалованье и на все расходы в настоящих нуждах выдавать по приказам полковника, а книги приходные и расходные содержать за шнуром и печатью его же, полковника". Приход и расход по московской охоте велено было "содержать форштмейстеру или статейщику, который из них способнее будет, обще с тем писарем, который

определен будет при зверинце, а рапортовать им всегда как о приходе и расходе, так и о всем прочем содержании, к полковнику фон Трескау".

При издании первого яхт-штата правительство стремилось сократить возможно больше расходы на придворную охоту, чрезмерно возросшие, и зашло в этом отношении слишком далеко. Полное несоответствие его действительным потребностям царской охоты обнаружилось тотчас же после его утверждения – "аппробации". Яхт-штат был утвержден Анной Иоанновной 22 сентября 1740 г., за четыре недели до ее кончины. Спустя четыре месяца, 28 января 1741 года, в правление Анны Леопольдовны был издан новый яхт-штат⁸⁹. Хотя этого второго яхт-штата полностью мы не нашли, но некоторые имеющиеся у нас сведения позволяют заключать, что он, не изменивши размеров денежного и хлебного жалованья каждого чина охоты в отдельности, значительно повысил общую сумму ассигнований на содержание всей охоты. Из именного указа, данного на имя полковника фон Трескау одновременно с утверждением нового штата 1741 г., мы узнаем, что по этому штату на содержание всей Императорской охоты было ассигновано 18.871 рубль. Причем на содержание петербургских и петергофских охот положено было отпускать 14.067 рублей, а на московские охоты – 4804 рубля⁹⁰.

Сделанная в 1740 г., при издании первого яхт-штата, попытка сократить расход на Императорскую охоту, таким образом, оказалась совершенно неудачной. Новый яхт-штат 1741 г. увеличил смету на содержание охоты более, чем в три раза.

В заключение этой главы мы рассмотрим указы о запрещении охоты частным лицам в окрестностях столиц и другие мероприятия обер-егермейстерского ведомства, направленные к сохранению и размножению дичи под Петербургом в царствование Анны Иоанновны.

Увлечение охотой Петра II побудило правительство после переезда государя в Москву поскорее напомнить обывателям подмосковных селений старые указы о воспрещении охоты, "подтверждавшиеся неоднократно" до первых лет царствования Петра Великого, но с того времени уже полузабытые. В 1728 г. указом его величества в Московском уезде, на расстоянии 30 верст от Москвы запрещено было ездить как с псовой, так и с птичьей охотой⁹¹.

Царствование Анны Иоанновны отличается особенным обилием запретительных указов об охотах под Москвою и под Петербургом. Немедленно после приезда императрицы в Москву "накрепко" было указано, в апреле 1730 г., чтобы "под Москвою как сами помещики, так и люди их и крестьяне со псовой и птичьей охотами не ездили и зверей, зайцев и лисиц и прочих, кроме волков, медведей, не травили и тенетами и ничем не ловили и не стреляли"⁹². Разрешено было ловить и стрелять только волков и медведей, так как их в то время водилось еще много в окрестностях столицы, и чрезмерное размножение этих хищников вследствие воспрещения охоты могло грозить опасностью жителям Москвы. Запретный район был несколько уменьшен – до 20 верст; нарушителей указа велено было "штрафовать, не чиня никакого послабления". Любопытный документ, дошедший до нас: "Инструкция воеводам" – данная

императором Петром I, предписывающая последним надзирать, чтобы "Государевы звероловства, где заказано, были хранимы" и чтобы "хищных и вредительных зверей во всякой возможности истреблять" – знакомит нас впервые об истреблении хищников⁹³.



*Биронъ, герцогъ Курляндскій
(галерея Гатчинскаго дворца).*

Штрафы, установленные этим указом, явились недостаточной угрозой для браконьеров: невзирая на указ, "многие тому явились преступники". Ввиду этого весной следующего же 1731 года для таких преступников установлены были строгие наказания. Указом 25 мая 1731 г. было "наикрепчайше подтверждено", дабы какого кто звания ни был "отнюдь не дерзал" охотиться на расстоянии 20 верст от Москвы "под опасением за то *неизменного жестокого истребления*". Обывателям велено было доносить о всех случаях недозволенной охоты обер-егерю Осипу Меврелю (Мервиллю) и доносителям обещано выдавать по два рубля. Кроме того, велено было "ягерям" (егерям), "ежели кого наедут, таковых брать за караул, а *собак всех перестрелять*". Крестьянам и другим "подлым людям" (т. е. людям низшего звания), которые "множественным числом стреляют, тенетами и другими инструментами всякую дичину выводят", угрожали телесным наказанием и ссылкой. Этот строгий указ не пресек браконьерства: в 1738 г. Анна Иоанновна узнала, что "около Москвы с охотами весьма многолюдно ездят и зайцев по 70 и по 100 на день травят". Поэтому императрица приказала в мае 1738 г. вновь "наикрепчайше" воспретить охоту в окрестностях Москвы и на этот раз значительно расширила запретный район с 20 верст до 50 верст⁹⁴.

Начало воспрещению охоты под Петербургом положено было еще Петром Великим, который указом 22 апреля 1714 г. воспретил стрелять или бить лосей во всей Петербургской губернии под опасением "большого штрафа и жестокого наказания"; желающим при этом предлагалось ловить лосей живыми и чрез комендантов направлять их в Петербургскую канцелярию, которая за каждого живого лося должна была выдавать по 5

рублей⁹⁵. В первый год царствования страстного охотника Петра II указом 18 июня 1727 г. воспрещена была птичья и зверовая охота на Аптекарском острове: "никому с ружьем и с собаками не ходить и птиц и зверей из ружья не стрелять, и с собаками не травить, и никакими инструментами не ловить". Затем, в начале царствования Анны Иоанновны, 18 сентября 1732 г. воспрещена была как на Аптекарском, так и на всех других островах и вообще поблизости от Петербурга охота на зайцев "под опасением денежного штрафа"⁹⁶. В 1735 г. особым указом строжайше запрещено было ловить и стрелять "дичину" в окрестностях Царского Села⁹⁷.

Что касается окрестностей Петербурга, то здесь, однако, недостаточно было строжайше воспрещать охоту частным лицам; необходимо было принимать и другие меры для сохранения и размножения дичи в местах царских охот. В 1736 г., 18 ноября, Анна Иоанновна приказала обер-егермейстеру Волынскому озаботиться разведением куропаток около Екатерингофа и Петергофа и для этого велела "привезти живых куропаток из Малороссии и из других мест несколько сот пар и впредь оных по вся годы привозить пар по двести". Велено было привезти также и живых зайцев до 500 штук "и впредь по вся годы привозить ста по два".

Во исполнение повеления Анны Иоанновны Сенат не замедлил 3 января 1737 г. разослать указы в Новгородскую губернию (в города: Ладогу, Олонец, Кексгольм и Псковскую провинцию), определив плату за каждого зайца не выше 10 копеек с доставкой из Новгородской губернии и 20-ти из Московской⁹⁸. Указы были опубликованы с барабанным боем, но охотников ловить зайцев нашлось немного. В Пскове

"по тем публикациям к ловле русаков и зайцев охотников никого не явилось"⁹⁹. Ввиду этого Сенат впоследствии нашел нужным для более успешной ловли зайцев командировать в провинции охотников с тенетами из Петербурга¹⁰⁰. Чтобы исполнить волю императрицы, новгородский вице-губернатор сам, с полицеймейстером и охотниками, однажды отправился на ловлю зайцев тенетами и послал 20 штук их в Петербург с нарочным¹⁰¹.

Одновременно с распоряжением о разведении зайцев под Петербургом Сенат в январе 1737 г. строго воспретил стрелять, ловить и травить зайцев в окрестностях Петербурга и Петергофа на 100 верст кругом. Тогда же запрещено было "партикулярным людям" стрелять и ловить серых куропаток на расстоянии 200 верст от Петербурга, а всех других птиц в 100 верстах от столицы. Обер-егермейстер Волынский, однако, в мае месяце того же 1737 г. заметил, что, "невзирая на оное запрещение, партикулярные люди и ныне всяких родов птиц не только в дальних местах, но и около самого Петербурга стреляют и ловят сетками и силками и битых птиц продают в Петербурге на рынке, а некоторые тем отговариваются, что будто публикации о нестрелянии и неловлении птиц не слышали". Ввиду этого Волынский просил Сенат вновь опубликовать с барабанным боем указ о запрещении птичьей охоты, под жестоким штрафом, в Петербургском и Дерптском дистриктах (уездах) и в Ингерманландии. Теперь, однако, речь шла уже не о безусловном воспрещении птичьей охоты частным лицам, а о воспрещении ее лишь на летние месяцы: май, июнь и июль. Волынский в этом случае следовал примеру "Европы", как выразился он в своем докладе Сенату: "Понеже с Маия месяца птицы сидят

на гнездах и выводят детей, а для того обыкновенно во всех в Европе христианских государствах все охоты и ловли, и стрельба, наипаче о птицах, кроме птоядных (хищных, едящих птах, пташек) и вредительных, Маия с и по Август месяц запрещается; ибо, когда из старых одна птица из гнезда убита или поймана будет, тогда уже и приплод того гнезда бесполезно весь пропадет". Одновременно с этим, по представлению Волынского, в мае 1737 года воспрещена была ловля зайцев пустокличью около Петербурга, а также в Московской и Новгородской губерниях¹⁰².

Наконец, в том же 1737 году, столь богатом указами по части сохранения дичи разного рода, строго воспрещено было в Петербургской и Новгородской губерниях ловить и стрелять лосей¹⁰³. Обывателям велено было, как только они найдут где-нибудь лосей, немедленно сообщать об этом в Петербург; придворные егеря должны были тотчас же ехать в те места, где замечены лоси; за каждого "объявленного лося" назначена была денежная награда. Вслед за тем охота на лосей воспрещена была по всей империи¹⁰⁴.

Через три года, в 1740 году, вновь издан был ряд указов о воспрещении охоты частным лицам; все прежние строгие предписания оказались недействительными, как это признано было в именном указе 28 июня 1740 г.: "Хотя наперед сего неоднократно указами опубликовано, чтоб в Ингерманландии зверей и птиц партикулярные люди не ловили и не стреляли, но по тому не исполняется¹⁰⁵; и не только в Ингерманландии, но и в ближайших местах к Санкт-Петербургу и около Петергофа всегда лосей и зайцев и птиц ловят и стреляют, особливо и *выпущенные* по нашему указу нарочно около Петергофа и Красного Села *куропатки перестреляны*".

Оставалось одно средство, чтобы уберечь дичь, усилить наказания за браконьерство. Решено было крестьян, уличенных в недозволенной охоте на 30 верст от Петербурга, Петергофа и Красного Села, ссылать *"в каторжную работу без всякого милосердия"*. Помещичьи приказчики должны были наблюдать, чтобы крестьяне не занимались охотой, и *"за несмотрение"* им грозил *"жестокий штраф"*¹⁰⁶.

Любопытный указ от 21 июля 1740 года заключает в себе распоряжение Правительствующего Сената отобрать билеты и медные бляхи на право охоты, выданные разным лицам Волынским в бытность его обер-егермейстером¹⁰⁷.

Глава III

Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина II Алексеевна

Развитие учреждений Императорской охоты

Учреждения Императорской охоты, после предшествовавшего полувекового упадка заново организованные в царствование Анны Иоанновны по европейскому образцу, быстро развиваются в том же направлении в последующие царствования. Придворная охота, развиваясь, обособляется – по общему закону развития государственных и общественных учреждений – и выделяется в самостоятельное егермейстерское ведомство. В царствование императрицы Елисаветы Петровны является новый самостоятельный орган высшего управления Императорской охотой – Обер-егермейстерская канцелярия; затем, в царствование Екатерины Великой, Обер-егермейстерский корпус, обособляясь от других высших учреждений, становится в непосредственное подчинение верховной власти.

Это развитие Императорской охоты в течение второй половины XVIII века поддерживалось неослабным интересом к охоте императриц Елисаветы Петровны и Екатерины II. Охота была одним из любимых развлечений Великой Екатерины. Императрица же Елисавета не только любила охоту, но и страстно ею увлекалась.

Елисавета Петровна заинтересовалась охотою еще в своей молодости, 18–19 лет, под влиянием своего

царственного племянника, юного Петра II. Как мы уже упоминали, в 1727–1728 гг. она постоянно сопровождала Петра II в его непрерывных охотничьих поездках. Когда с осени 1728 г. Елисавета Петровна, заметив нерасположение к ней Петра, поселилась под Москвою, в отдалении от двора, она уже не оставляла охоты, которую успела полюбить и часто развлекалась ею в тесном кружке приближенных.

Цесаревна Елисавета в это время проживала сначала в подмосковном селе Покровском, теперь уже вошедшем в черту города Москвы, затем в Александровской слободе, памятной по жизни в ней царя Ивана Грозного¹⁰⁸. Эту слободу цесаревна особенно любила за окружающие ее красивые охотничьи угодья и приказала построить себе здесь два деревянных дворца на каменном фундаменте: летний и зимний. Живя здесь уединенно, Елисавета Петровна нередко развлекалась тем, что собирала сельских девушек, заставляла их петь песни, водить хороводы и сама принимала в них участие со своими фрейлинами; зимою же вместе с девушками каталась на салазках. В пригородном селе Кургахине, где был большой лес, для нее иногда травили волков. Большую же часть времени Елисавета посвящала охоте.

Во всем блеске молодости, стройная красавица с выразительными голубыми глазами, роскошными, каштанового цвета, волосами, цесаревна часто выезжала верхом, в мужском платье, на соколиную охоту в те самые места, где некогда тешились ею цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович. Постоянным спутником ее был Алексей Яковлевич Шубин, наиболее близкий ей в то время человек, и придворный врач Лесток, как говорили, влюбленный в прекрасную цесаревну. Елисавета Петровна занималась

также ружейною охотою на птиц; но более всего
л



Императрица Елисавета Петровна,
съ офорта Чемесова 1761 г., по портрету, писанному Л. Токэ.

В этой охоте, кроме названных лиц, ей сопровождал всегда служитель В. И. Чулков, уроженец Александровской слободы и страстный псовый охотник. Из слободы Александровской ее охотничьи выезды чаще всего направлялись по Юрьевской дороге в Ополицину. Около села Андреевского, в 17-ти верстах от слободы, указывают место хором и охотничьего двора, которые были выстроены на случай приезда Елисаветы Петровны в эти места на охоту; подобные же станы-хоромы встречались и в других окрестных селах; а под дворцовым селом Ивановским (Холудневым тож) в названиях некоторых урочищ "царскими местами" и доселе сохранилась память об охотничьих походах молодой цесаревны. В первые годы царствования Анны Иоанновны цесаревна Елисавета жила в отдалении от двора, но затем, по воле императрицы, должна была расстаться временно со своей любимой подмосковной вотчиной и переехала в Петербург; здесь она неоднократно участвовала в охотах императрицы Анны Иоанновны и, не довольствуясь этим, организовала свою собственную охоту в Царском Селе¹⁰⁹.

Длинный ряд охот, в которых Елисавета Петровна принимала участие, уже облеченная самодержавною властью императрицы, открывается в Москве, куда государыня переехала в январе 1742 г.

для коронации. Вслед за двором, отправившимся из Петербурга в Москву, последовала и Императорская охота в полном своем составе; для перевозки ее было нанято 80 ямских подвод и истрчено до 250 рублей, – сумма очень крупная по тому времени¹¹⁰.

Особенно часто императрица Елисавета охотилась в течение осени и зимы 1742 года. 9 октября этого года

английский резидент при русском дворе сообщал своему правительству: "Императрица чрезвычайно пристрастилась к охоте: министры редко находят случай докладывать ей серьезные дела". В это время Елисавета Петровна часто охотилась на тетеревов, из шалашей с чучелами, в Петровской роще и в окрестностях Измайловского зверинца. Сюда, "в вновь поставленные за зверинцем шалаши для стрельня тетеревей", приглашен был 9 октября высокий гость государыни, князь Гессен-Гомбургский. Императрица занималась также и зверовой охотой и для этой цели, между прочим, совершила поездку в подмосковное поместье баронов Строгановых. В Переяславском уезде в течение зимы 1742–1743 г. для охоты Ее Величества "обыскивали" медведей и других зверей сыновья тех самых крестьян (Ивана Иванова и Авдея Игнатьева), которым такое же поручение дано было при Петре II¹¹¹.

Елисавета Петровна с большим удовольствием охотилась в окрестностях первопрестольной столицы не только за это время, но и впоследствии всякий раз, когда она посещала Москву. А жила она в ней иногда по целому году и за свое царствование посетила ее, кроме 1742 и 1743 гг., еще три раза: в 1744, 1749 и 1752–1754 годах, причем всегда в этих случаях вслед за двором отправлялась в Москву и значительная часть Императорской охоты¹¹².

В бытность свою в Москве в мае 1744 года императрица подарила графу Алексею Григорьевичу Разумовскому, который был назначен обер-егермейстером тотчас же по вступлении ее на престол, село Перово с деревнями Тетерки и Тимохово. Окрестности этих селений сделались любимым местом охот императрицы; особенно часто посещала она село

Перово.



Бенуа А. Н., Лансере Е. Е.
Приезд Императрицы Елисаветы Петровны рано утром
с тетеревиных токов в "Монбеж" г. Царского Села

Сюда нередко вместе с нею приезжали наследник престола, великий князь Петр Феодорович, и великая княгиня Екатерина Алексеевна; здесь устраивались и соколиная, и псовая охоты, на которые нередко приглашались иностранные министры и знатные особы из русских. В том же 1744 году, во время пребывания двора в Москве, императрица совершила охотничью поездку в село Люберцы. Из Москвы она выехала в 10 часов утра через Головинский сад; в Люберцы, отстоявшие от Москвы в 15 верстах, прибыла в половине 12-го; здесь, отдохнувши от дороги, в половине 7-го вечера императрица выехала на охоту верхом с соколами и вернулась с охоты в исходе 9-го часа, а на следующий день отправилась из Люберец в Николо-Угрешский монастырь. Там, встреченная в воротах обители игуменом с братиею, она отстояла литургию, осмотрела достопримечательности и обедала на лугу в палатках. На обратном пути из монастыря в Москву Елисавета Петровна снова развлекалась охотою с соколами. Мы описали так подробно эту поездку потому, что она невольно напоминает нам то старое время, когда "охотник достоверный", царь Алексей Михайлович, также заканчивал поездки в монастыри любимую своей соколиной потехой¹¹³.

Весь 1749 год императрица снова провела в Москве. И в этот раз она весною гостила довольно долгое время в Перове у А. Г. Разумовского, забавляясь вначале охотою чуть ли не каждый день; только воспаление в боку прекратило ее охотничьи выезды: она слегла в постель, а когда оправилась, предприняла путешествие пешком в Троицкую лавру¹¹⁴.

Предпоследнее путешествие в Москву было

предпринято Елисаветою Петровною в декабре 1752 г. Предполагалось, что это пребывание ее в Москве будет сопровождаться многочисленными охотами, и граф Алексей Разумовский заблаговременно еще в октябре 1752 года озаботился заготовлением фур для перевозки псовой охоты, чтобы "не могло произойти в цене излишней передачи". Вслед за тем, в ноябре, он отдал приказ следовать в Москву егермейстеру, канцелярии со служителями, обер-егерю, егерям, егерским ученикам и прочим чинам Императорской охоты, взяв всех годных собак, негодных же, "дабы на них казенного корму напрасно не происходило", приказал раздать желающим¹¹⁵. В то же время и в Москве деятельно готовились к предстоящим охотам Императрицы: московская псовая охота устраивала пробные выезды в поле. Приготовления не оказались напрасными: в это посещение старой столицы Елисавета Петровна с особым увлечением занималась охотою и главным образом псовой. И на этот раз главной ареной ее охотничьих выездов было село Перово. Вместе с тем она побывала и в других подмосковных селах: Братовщине, Черневе, Алешине, Конькове. В Алешине, имении генерала Ал. Бор. Бутурлина, куда императрица приехала после псовой охоты в окрестностях села Братовщины, для нее было приготовлено вечернее кушанье и сожжен был блестящий фейерверк¹¹⁶.

Императрица Елисавета Петровна любила маскарады, театры и русские простонародные увеселения. С Гаврилычем¹¹⁷ зимою она катывалась на коньках по льду прудов в Красном Селе и в Измайлове, летом, наряженная в великолепный сарафан и кокошник, ходила с придворными в хороводах, сама пела с девушками хороводные, а в

Святки – святочные песни. При ней, сказывали старожилы, жили припеваючи. Мужской наряд императрице так же шел, как женский, она прекрасна была и в сарафане, и в гвардейском мундире, и в охотничьем платье, и в пышном роброне с бочками и фижмами. Одета в великолепный мундир на одном маскараде, она подошла к великой княгине Екатерине Алексеевне (Екатерине II), которая, остановив на ней свои глаза с особенным участием, сказала ей: – "К счастью женщин, что вы, государыня, не мужчина". – "Если б я была мужчиной, – отвечала императрица, – то тебе бы первой отдала яблоко". При этом слове великая княгиня поцеловала у ней руку, а государыня обняла ее с материнскою нежностью¹¹⁸.

Последней охотой императрицы в окрестностях Москвы была псовая охота в Перовских рощах в начале мая 1754 года. На эту охоту были приглашены: цесарский посол, все "чужестранные министры и знатные российские особы обоего пола". С этого отъезжего поля вся блестящая кавалькада направилась в Кусково, имение графа Шереметева, где высоким гостям было предложено вечернее кушанье, во время которого "представлена была изрядная иллюминация"¹¹⁹.

Хотя Елисавета Петровна и часто навещала Москву и подолгу в ней оставалась, но постоянной ее резиденцией был Петербург, за которым Анна Иоанновна окончательно утвердила значение столицы.

Живя здесь, Елисавета Петровна развлекалась охотою так же часто, как и в Москве¹²⁰. В окрестностях Петербурга у нее был целый ряд излюбленных мест охоты, и здесь она чаще всего посещала мызу графа Алексея Григорьевича

Разумовского, Гостилицы, подобно тому как в Москве она больше всего любила село Перово, принадлежавшее тому же Разумовскому. Кроме Гостилиц, Елисавета Петровна любила навещать и другие петербургские дачи графа А. Г. Разумовского – Мурзинку, Славянку и Приморский двор. Радужный хозяин устраивал в честь своей высокой гостии пышные празднества и великолепные выезды на охоту. Гром пушек и музыки встречал императрицу приезде и провожал при выезде из Гостилиц; блестящие иллюминации освещали здесь ее вечерний стол. Гостилицы удостоивались высочайшего посещения и раннею весною, и позднею осенью, и летом, и зимою. Здесь производились и псовые, и соколиные охоты и охоты на тетеревов с чучелами. На псовые и соколиные охоты императрица чаще всего выезжала после обеденного кушанья и возвращалась к вечернему. Во время же охот на тетеревов из шалашей, которые производились обыкновенно осенью и зимою, Елисавета Петровна вставала часто в пять или шесть часов утра и тешилась охотою до полудня¹²¹.

В Гостилицах государыня иногда жила по неделе, а иногда дня по три. Опишем, для примера, более подробно, следуя "походному журналу", одну из поездок Елисаветы Петровны в Гостилицы в июле 1745 г., характеризующую ее отношения к графу А. Г. Разумовскому. Императрица выехала из Петергофа, где она проводила лето, 8 июля со всею свитою в каретах. Проехав 23 версты по дороге в Гостилицы, она остановилась в Ропше, здесь обедала и под вечер тронулась в дальнейший путь. От Ропши до Гостилиц – 15 верст, и императрица прибыла сюда в девятом часу вечера. В Гостилицах она остановилась в доме гр. Разумовского, здесь ужинала и ночевала. Во время

ужина, при каждом тосте стреляли из пушек. Следующий день императрица провела в доме Разумовского, обедала на открытом воздухе в большой палатке, и затем, вечером, в исходе седьмого часа, "изволила шествие иметь верхом, в мужском полевом платье, на охоту в поле с кавалерами, а оттоле паки в Гостилицы изволила возвратиться в 11-м часу в исходе и по прибытии в ставке изволила кушать вечернее кушанье". На следующий день, 10-го числа, отслушав литургию в полковой церкви Астраханского полка, отобедав на той же мызе при пушечной пальбе, с 4-х часов до 8-ми охотилась с соколами. 11-е июля Елисавета Петровна также провела в Гостилицах, не выезжая на охоту; 12-го же числа после полудня выехала в Петергоф и на обратном пути опять останавливалась в Ропше на пять часов, для отдыха и для обеда¹²².

Вместе с императрицей в Гостилицы нередко ездил великий князь Петр Феодорович с супругою Екатериной Алексеевной¹²³. Одно из посещений Гостилиц осталось навсегда памятным Екатерине. Разумовский отвел ей и великому князю очень понравившийся им деревянный двухэтажный домик, стоявший на пригорке у катальной горы. Ночью к великому князю приехал из Ораниенбаума курьер, сержант гвардии Левашев. Найдя всех спящими, Левашев присел возле указанного домика. Вдруг он слышит сильный треск и, вскочив на ноги, видит, что здание, занимаемое высокими гостями, начинает рушиться. Немедля Левашев бросился в дом, выломал двери спальни, которая была расположена в верхнем этаже. Великий князь в шлафроке выскочил на двор, а Екатерина Алексеевна бросилась в смежную комнату к своей фрейлине Крузе. Но едва она успела переступить

порог, как дом затрясся, и великая княгиня вместе с фрейлиной упала. Левашев, не потерявшись, схватил Екатерину Алексеевну на руки, но выйти не мог, так как лестница уже разрушилась. Великую княгиню пришлось передавать через развалины с рук на руки сбежавшимся на крики людям. Оказалось, что разрушившимся зданием убито было три человека, находившихся в нижнем этаже, и 16 работников, спавших в подвале. Причиной катастрофы было то обстоятельство, что домик в это время переделывался. В нижнем этаже вместо столбов было поставлено 12 временных бревенчатых стоек. Архитектор, заведовавший работой, уехал в Малороссию перед приездом высоких гостей и, уезжая, приказал не дотрагиваться до стоек. Несмотря на этот наказ, управитель Гостилицкой мызы, узнавши, что домик займут их высочества, велел вынести подпорки, безобразившие сени. "Я отделалась, – рассказывает Екатерина в своих мемуарах, – несколькими синяками и страшным испугом, вследствие которого мне пустили кровь. Все мы были до того напуганы, что в продолжение с лишком четырех месяцев каждая громко захлопнутая дверь заставляла нас вздрагивать... Обер-егермейстер (Разумовский) плакал, был в отчаянии и говорил даже, что с горя застрелится. Но, видно, ему отсоветовали, потому что он остался жив"¹²⁴.

К 1748 г. относится следующий рассказ Екатерины II: "Великий Князь (Петр Феодорович) начал дрессировать собак. Он велел привести из деревни около восьми или девяти собак и поместил их в деревянном чулане, отделявшем альков моей спальни от больших сеней, которые были позади наших комнат. Поэтому в нашей спальне сквозь досчатую стену

алькова была постоянная вонь. На мои жалобы он отвечал, что нет возможности устроить иначе. Он держал собак без позволения и, чтобы не выдать тайны, я терпеливо сносила эту вонь".

"Под предлогом увеселений Великого Князя (Петра Феодоровича) Чоглоков выпросил у обер-егермейстера две собачьи стаи, одну, состоявшую из русских собак с русскими егерями, другую – из французских и немецких собак. За сею последнею ходили старый егермейстер – француз, мальчик – курляндец и один немец. Чоглоков взял на себя заведование русскою сворой, а Его Императорское Высочество принял начальство над иностранною, до которой Чоглоков уже не должен был касаться. Оба они до мельчайших подробностей занимались каждый своею частью. Таким образом Его Императорское Высочество постоянно ходил в свою собачню, либо к нему являлись егеря докладывать о благосостоянии стаи, о происшествиях и нуждах. Короче и начисто сказать, он съякшался с этими людьми, пил и бражничал с ними на охоте и почти не разлучался с ними"¹²⁵.

Летом Елисавета Петровна большею частью жила в Петергофе и нередко "забавлялась охотою" в окрестных лесах. Здесь в августе 1748 г. на одной из охот императрицы убит был "один медведь чрезвычайной величины, потому что его кожа была без четверти 4-х аршин; также и один лось, вышиною от копыт до спины в 2 аршина 6 вершков"¹²⁶. Из Петергофа Елисавета Петровна часто выезжала в окрестности: в Царское Село, Красное Село, Ораниенбаум, для псовой или птичьей охоты¹²⁷. До нас дошло подробное описание одной из псовых охот, бывшей близ Села Красного 30 сентября 1751 года. В этот день наследник престола прибыл из Петербурга в

Красное Село около 10 часов утра вместе с германским послом Претлахом и в сопровождении блестящей свиты, одетой в богатые полевые кафтаны; их встретили в Красном Селе придворные кавалеры, тоже одетые в охотничье платье, которое состояло из суконных черкесских кафтанов бирюзового цвета и алых камзолов, обшитых золотым газом. Самый выезд на охоту начался в 12-м часу дня. Сначала прошла в поле охота императрицы; ее охотники были в алых суконных черкесских кафтанах и в зеленых камзолах с золотыми позументами; шли они в известном порядке, сообразно своему чину и, проходя мимо дворца, по обычаю "звали в рога". В конце кортежа ехал егермейстер Хитров с собственными собаками; за ним, в некотором отдалении, шла лягавая охота со своим форштмейстером во главе. Потом в каретах проехал в поле великий князь с германским послом и своею свитою и остановился на Сборном пункте. В 12-м часу из внутренних покоев показалась государыня, также одетая в богатый охотничий кафтан. Ко времени ее выхода на столе уже было приготовлено кушанье. Наскоро закусивши, стоя, вместе с придворными, она села в карету и отправилась к тому месту, где ее ожидал наследник. Подали лошадей, "зазвали" в рога, и охота началась. Великолепие и блеск костюмов, стоимость которых исчисляли в 20.000 рублей, живописная холмистая местность, звуки рогов, голоса гончих, отчетливо раздававшиеся в свежем осеннем воздухе, стройный порядок, в котором совершалась охота, — все это, выражаясь высоким слогом того времени, "удивления достойный вид производило". Охота продолжалась до 6-го часа вечера. Лагерь, в который должны были съехаться все участники охоты, был расположен в двух верстах от села Красного, около

бумажной мельницы, вероятно, на месте теперешнего железнодорожного вокзала, где до сих пор сохранились развалины весьма старой постройки. Под богатою палаткою был приготовлен стол со многими "деликатными" кушаньями из трех перемен на 35 персон; третье блюдо – десерт – представляло охоту; во время стола играли в трубы и волторны и били в литавры. В Петербург императрица вернулась только ночью, в исходе 3-го часа¹²⁸.

При Елисавете Петровне получил широкое распространение особый вид птичьей охоты, не раз уже упомянутый выше, охоты на тетеревов из шалашей с чучелами. Шалаши или будки обыкновенно делались деревянные с окнами; внутри их помещалась печка; стены, потолок и пол обивались войлоком и выбеленною холстиною. Снаружи шалаш убирали ельником и прикрепляли на двух брусках, игравших роль полозьев; при посредстве этих полозьев шалаш легко можно было перевозить с одного места на другое. Охота на тетеревов с чучелами производилась обыкновенно позднюю осенью и зимой. Общество располагалось в нескольких будках, и загонщики осторожно подгоняли к ним тетеревов. Загонщики, естественно, прилагали все старания, чтобы подогнать как можно больше птиц под выстрелы императрицы; но она этого не любила и всегда награждала или деньгами, или вином тех загонщиков, которые подгоняли тетеревов равномерно ко всем шалашам, не обижая других охотников и охотниц. Елисавета Петровна настолько увлекалась охотой этого рода, что, встав часов в пять или шесть утра, нередко посвящала ей часов по шести подряд, а однажды провела в поле даже двенадцать часов. В ноябре 1748 г. императрица в сопровождении великого князя Петра Феодоровича и

его супруги четыре дня подряд выезжала в окрестности Царского Села "для забавы стрелянием птиц к постановленным чучелам"¹²⁹.

Будки или шалаши для тетеревиной охоты имелись как в Москве, так и в Петербурге. В Москве они помещались в Перове, в Липовой и Ореховой рощах, а также и в Измайловском зверинце. На эти сооружения в то время, когда двор находился в Петербурге, никто не обращал внимания, так что они, подверженные всем случайностям стихий, разрушались до тех пор, пока не получалось предписания починить их "без всякого продолжения"¹³⁰. В окрестностях Петербурга будки были поставлены, во-первых, за Вологодскою Ямскою заставой (куда еще в первые годы царствования Елисаветы часть их была перенесена из Купчинской рощи); затем – по дороге от "Горелого кабачка" на дворцовую деревню Койерово, находившуюся где-то в окрестностях Пулкова, а также – по Петергофскому тракту¹³¹. Будки имелись и в других местах под Петербургом: в селах Царском и Красном, в Ропше и в Гостилицах. Интерес к этому виду птичьей охоты Елисавета Петровна сохранила до последних дней жизни. В ноябре 1760 года она лично приказала "произвести скорую починку всех шалашей", расположенных в окрестностях Петербурга¹³².

У императрицы Елисаветы Петровны был любимый стремянный, Гаврилыч, человек ей преданный, простой и прямодушный, который говорил ей правду без обиняков; она слушала его милостиво¹³³. Однажды, ехав верхом подле ее кареты, он вынул из кармана березовую тавлинку понюхать табаку. Императрица, увидев это, сказала ему: "Не стыдно ли тебе, Гаврилыч, нюхать из такой гадкой табакерки; ты ведь царский стремянный". – "Да где же

мне, матушка, взять хорошей? не красть же стать", – отвечал Гаврилыч. – "Добро, я тебе пожалуй золотую табакерку", – промолвила императрица. После того прошло несколько месяцев, Гаврилыч не получал обещанной табакерки. Случилось ему быть при дворе, как близкому человеку к государыне, среди вельмож, у которых зашел разговор о справедливости; разумеется, дворские люди говорили, что правда светлее солнца. Гаврилыч слушал их речи и наконец, не утерпя, сказал: "Уж куда вам толковать о правде, когда и сама царица не всегда-то говорит правду". Тогда еще не уничтожено было роковое "слово и дело"; хотя его и не закричали, но услужливые перемигнулись друг с другом и тихомолком передали императрице дерзкие речи стремянного. Добрая и милостивая государыня, призвав к себе Гаврилыча, ласково спросила его: "Как я слышу, будто ты меня называешь несправедливою, да скажи, пожалуй, в чем я перед тобою несправедлива?" – "Как в чем, – возразил смело Гаврилыч, – обещала, матушка, золотую табакерку, да и до сих пор не сдержала слова". – "А! виновата, забыла". И с сими словами она пошла в спальню свою и вынесла оттуда ему серебряную вызолоченную табакерку. Гаврилыч взял ее и, посмотрев, сказал: "Все-таки несправедлива: обещала золотую, а даришь серебряную". – "Ну, подай же мне ее, я принесу тебе настоящую золотую", – сказала, засмеявшись, императрица. – "Нет, Матушка, пусть же эта останется у меня буднишнею, а пожалуй-ка мне за вину свою праздничную", – промолвил Гаврилыч. Как сказано, так было и сделано.

К концу же своего царствования Елисавета заинтересовалась также и стрельбою в цель; в июле 1757 года она приказала возобновить в петергофском Монплезире места, где ставились цели, и затем велела

выбрать четыре штуцера и двенадцать пистолетов лучших мастеров, испробовать их порохом и привести в совершенно исправный вид, чтобы можно было "из оных стрелять без малейшего затруднения"¹³⁴.

Для полноты описания высочайших охот в царствование Елисаветы Петровны нам придется еще упомянуть об охотах герцога Курляндского, саксонского принца Карла, который в 1758 г. получил курляндский престол благодаря русской поддержке и в 1759 г. приехал в Петербург, чтобы поблагодарить императрицу. Герцог Карл главным образом занимался садкою зайцев в поле, за Московскою Ямскою заставой и на лугу против Летнего сада. Вместе с гетманом малороссийским, гр. Кириллом Григорьевичем Разумовским, он посетил и слоновый двор, где в это время как раз пускали купаться в пруд слона и белого медведя. Наконец, 10 июля он навестил Гостилицы. Здесь герцог со всею своею свитою и в сопровождении любезного хозяина прежде всего отправился на пруд, где неводом ловили рыбу, оттуда все пошли на качели, а затем поехали кататься на гору, при чем забавлялись стрельбою в мишень из штуцеров, пистолетов и из луков. После стола, во время которого играли валторнисты графа, снова отправились на гору и на карусели; остальная часть дня прошла за картами, а к вечеру Разумовский устроил для герцога "осаживание" зайцев. Говоря об охотах Елисаветы Петровны, мы упоминали уже об участии в них великой княгини Екатерины Алексеевны впоследствии императрицы Екатерины II. В своих известных мемуарах Екатерина II сообщает следующее об охотах, производившихся в Ораниенбауме, где она обыкновенно жила летом: "В Ораниенбауме мы каждый Божий день ездили на охоту. Случалось иногда до тринадцати раз в день

садиться на лошадь... Сказать по правде, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду, и чем больше было в ней опасности, тем она была милее мне; если случалось, что лошадь убегала, я бросалась за нею и приводила ее назад". 135. Екатерина в этом случае, говоря о своем равнодушии к охоте, имеет в виду только псовую охоту, которую она и впоследствии не особенно любила. Но охотою на птиц Екатерина увлекалась уже и в это время, в своей молодости.



Пастернак Л. О.

Торжественная встреча Императрицы Елисаветы
Петровны гр. Л. Г. Разумовским в Гостилицах в Июле
1745 г.

Живя в Ораниенбауме летом 1748 г., она каждый день развлекалась охотой на уток. "Поутру я вставала часа в три, – рассказывает Екатерина в упомянутых мемуарах, – и без прислуги одевалась с ног до головы в мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берег к рыбачьей лодке. Пешком, с ружьем на плече, мы пробирались садом и, взяв с собою лягавую собаку, садились в лодку, которою правил рыбак. Я стреляла уток в тростнике на берегу моря, по обеим сторонам тамошнего канала, который на две версты уходит в море. Часто мы огибали канал, и иногда сильный ветер уносил нашу лодку в открытое море"¹³⁶.

Вскоре по вступлении на престол императрица Екатерина пристрастилась к охоте на птиц с соколами¹³⁷. Екатерина II мало известна с единственно занимающей нас здесь стороны – развлечений охотой; но, внимательно проследив за ее времяпровождением изо дня в день, мы можем сказать, что она была большой любительницей старинной русской "соколиной потехи" и в первое десятилетие своего царствования посвящала ей довольно много времени¹³⁸. Екатерина II никогда не увлекалась этою потехою так сильно, как некогда царь Алексей Михайлович, не следила, как он, за всеми распорядками сокольного двора и даже не принимала в охотах непосредственного участия; зато ей доставляло большое удовольствие смотреть со стороны на соколиные ставки, и она готова была любоваться ими целыми часами.

В молодости Екатерина любила быстрое движение, напряжение физических сил и увлекалась, как отмечено выше, верховой ездой на резвых лошадях, особенно когда она была сопряжена с опасностью.

Но в рассматриваемое время 1765–1769 гг. она приближалась к сорока годам жизни и стала менее подвижной. Соколиная охота увлекала ее только как красивое зрелище. По той же причине нравились ей, хотя и гораздо меньше, тяга вальдшнепов и вошедшая в моду при Елисавете охота с чучелами на тетеревов. Другие же виды охоты, как, например, псовая, которая требует большого напряжения сил, большой подвижности, мало привлекали к себе императрицу, и если она принимала в них участие, то лишь с целью доставить удовольствие своим любимцам, между которыми были страстные псовые охотники. При этом Екатерина иногда не прочь была пошутить над страстным увлечением охотой, как это видно, например, из следующих слов ее письма к Н. И. Панину: "Ваш брат (Петр Панин) со своими достойными спутниками по охоте предается ей в такой степени что, если они не будут иметь подагры (ревматизма?), то по крайней мере ничем не пренебрегли, чтобы схватить ее. Вчера они вязли в болотах в продолжение восьми часов, а сегодня опять вернулись туда"¹³⁹.

По приезде в Москву в 1763 году императрица Екатерина II посещала Измайловский зверинец, Тюхалеву рощу и другие окрестности столицы, где она занималась и соколиною и егерскою охотою. Здесь-то собственно императрица и заинтересовалась соколиной охотой и затем, по возвращении своем в Петербург, уже большую часть своих охотничьих выездов посвящала этой забаве¹⁴⁰.

Выезжая за город на прогулку с соколами, императрица обыкновенно направлялась или к так называемому "Красному кабачку", или мимо Вологодской Ямской к Средней рогатке, или же от

Московской Ямской, мимо деревни Волковой, за Невский монастырь, а отсюда полем к Смоленской Ямской слободе. Чаще всего Екатерина в это время развлекалась соколиной охотой в окрестностях Царского Села, где она проводила обыкновенно большую часть лета¹⁴¹. Живя в Царском Селе, императрица очень часто после стола, около пяти или шести часов пополудни, совершала прогулки в экипаже: в карете, таратайке или в одноколке – по направлению к селу Кузьмину, а иногда и дальше к Пулкову, в сопровождении сокольников. Иногда же она выезжала на охоту верхом или в охотничьем кафтане, или в мундире одного из гвардейских полков¹⁴²; но это случалось редко; обыкновенно Екатерина довольствовалась тем, что любовалась из экипажа соколиными ставками, не принимая в охоте непосредственного участия. Такие прогулки императрицы особенно часто сопровождалась соколиной охотой летом 1766 года¹⁴³. В камер-фурьерских журналах за это время одна за другой следуют однообразные заметки: "После стола Ее Величество, для прогуливания, изволила иметь выход в одноколке до Пулкова, и в проезд для увеселения продолжалась соколя охота"; или: "Пополудни в четвертом часу Ее Величество изволила иметь выход в таратайках по полям с сокольєю охотою"¹⁴⁴; или: "Ее Императорское Величество в пятом часу изволила иметь выход верховою ездою в мундире конной гвардии для прогуливания до Пулковского села, а оттуда возвратилась во дворец (в Царском селе) в таратайках, и в проезд как туда, так и обратно продолжалась для увеселения соколя охота"¹⁴⁵. Такие отметки за лето 1766 г. мы встречаем под 21 и 22, 29 и 30 июлем, 3, 9, 11, 13, 18, 19, 22 августом. По переезде

из Царского Села в Петербург Екатерина отсюда часто катается за город и при этом также любит сокольей о



*Императоръ Петръ III
(галерея Гатчинскаго дворца).*

Такие выезды, как слишком обыкновенные, камер-фурьеры не всегда отмечали аккуратно, и есть основание предполагать, что государыня в это время почти каждый день, если только погода была благоприятная, выезжала в поле с сокольниками. С соколиными выездами соединялись и другие развлечения: приехав в Пулково, императрица нередко гуляла пешком по Английскому саду, разбитому на Пулковской горе. Один раз, возвращаясь с соколиной охоты, возле Гатчинской мызы, которая тогда принадлежала Григорию Орлову, она заехала в деревню Колпано, отсюда прошла пешком к Колпанскому озеру, расположенному в версте от упомянутой деревни, и каталась по озеру в боте с распущенными парусами¹⁴⁶.

Из других охот этого времени мы укажем на "тягу вальдшнепов" и охоту на тетеревов с чучелами¹⁴⁷. Первый род охоты, как более поэтический, одно время очень интересовал Екатерину II. Весною, в мае месяце, она нередко в начале восьмого часа вечера уезжала из Царскосельского дворца часа на два или на три в лес, расположенный в двух верстах от Царского Села, и там с избранной компанией наслаждалась тягой вальдшнепов¹⁴⁸. Выезды на тетеревов, как и при Елисавете Петровне, совершались осенью – в октябре и ноябре, а зимою – в декабре месяце. В первые года царствования Екатерина, случалось, целый день, с раннего утра до позднего вечера, проводила в стрельбе по тетеревам из шалашей в окрестностях Царского Села¹⁴⁹. Особенно любила она ездить в шалаши, расположенные около дачи графа Сиверса, в 12-ти верстах от Петербурга; здесь охотничьи развлечения государыни иногда разнообразились игрою в карты¹⁵⁰.

Весною 1767 года Екатериною было предпринято путешествие в "низовые города" на Волгу. Оно сопровождалось многочисленными охотами, но, к сожалению, мы не имеем описания ни одной из этих охот; мы знаем только, что по высочайшему повелению, последовавшему еще в конце 1766 г., Обер-егермейстерской канцелярии предписано было отправить как в Москву, так и в Ярославль охотничью команду: в Москву – по примеру прежних лет, а в Ярославль – шесть охотников с гончими собаками, четыре егеря, поручика с соколами и при нем восемь человек сокольников. Особое большое судно должно было быть заготовлено для помещения людей и скота с фуражом, и вся охота в указанном составе должна была следовать за императрицею до Казани¹⁵¹.

В июне 1767 года государыня вернулась в Москву ко времени открытия знаменитой комиссии из депутатов от всех сословий для составления нового уложения. Во время пребывания в Москве, с июля по сентябрь 1767 г., Екатерина еще чаще развлекалась сокольной охотой, чем в Петербурге в предшествовавшем году. Если принять во внимание только одни записи камер-фурьерских журналов, которые, как мы уже заметили, не всегда велись аккуратно, и тогда можно насчитать: 32 выезда с соколиною охотою, 3 – со псовой и 2 – на тетеревов с чучелами¹⁵²; всего 37 охотничьих выездов за 4 месяца (с 18 июня по 15 октября). В течение сентября императрица выезжала в поле с сокольной охотою 10 раз. 30 сентября она выехала после обеда верхом, в мундире гвардии Конного полка, в село Коломенское, к роще со псовой охотою, но на возвратном пути на лугу не упустила заняться и своей любимой охотой соколиной.

Живя сначала в городе, в Головинском дворце, затем в селе Коломенском, Екатерина постоянно выезжает кататься в окрестности, большею частью в "таратайках", после обеда, в пятом часу, и во время этой прогулки развлекается сокольной потехой. И здесь так же, как в Петербурге, она обыкновенно только со стороны любит охоту "в проезд для прогуливанья". Таким прогулкам Екатерина посвящала обыкновенно короткое время, часа два или три; редко, редко, когда государыня увлечется настолько, что пробудет на охоте часов пять или шесть. Охотничьи выезды ее направлялись во все окрестности Москвы. Государыня побывала с соколиною охотою и в Люберцах, где она, между прочим, посетила усадьбу некоего Лихарева, и в Покровском, и в Хорошеве, и в Измайлове, одним словом, во всех тех местах, за которыми издревле упрочилась слава отличных охотничьих угодий. За то же время она пешком совершила путешествие и в Троицко-Сергиеву лавру, а во время этого путешествия, начиная от Москвы и до села Братовщина, а затем и на обратном пути императрицу сопровождали сокольники. В начале октября Екатерина приняла участие и в нескольких псовых охотах, из которых одна была устроена Алексеем Григорьевичем Орловым в его поместье – селе Острове, находившемся в пятнадцати верстах от села Коломенского. В половине октября Екатерина II уже из Головинского дворца в Москве ездила на тетеревов с чучелами в село Измайловское¹⁵³.

С переездом из Москвы в Петербург императрица с 1768–1770 г. летом жила в Петергофе и в эти годы также часто, прогуливаясь в экипаже, развлекалась красивым зрелищем соколиных ставок¹⁵⁴. Летом 1770 года она чуть ли не каждый день выезжает на

соколиную охоту. Выезды чаще всего направлялись к мызе Стрельне или к Ораниенбауму, причем в Стрельне Екатерина иногда останавливалась на несколько часов для прогулки по садам или для вечернего кушанья¹⁵⁵.



*Императрица Екатерина II
(галерея Гатчинского дворца).*

Из отдельных охотничьих эпизодов этого времени отметим посещение ею мызы Левендаль, принадлежавшей шталмейстеру Л. А. Нарышкину и находившейся по Петергофской дороге, в двадцати верстах от Петербурга. Нарышкин устроил в честь своей высокой гостии блестящий праздник с травлею зайцев. "С.-Петербургские ведомости" того времени поместили подробный отчет об этом празднестве. Приведем из него любопытное описание самой травли: "Ее Императорское Величество изволила пойти в рощу маленькою дорожкой, в которой густота деревьев и сплетенные ветви, также в подражание натуры сделанные по сторонам овраги, представляли глубокую пустыню, из которой выходя, видима была высокая и дикая гора, обросшая мохом и большими деревьями и едва имеющая маленькие тропинки для всхода на крутизну оной; из-за горы слышен был голос музыки и пения. Ее Императорское Величество лишь только изволила сесть у подошвы этой горы на сделанное канапе из дерну наподобие горки, как вдруг весь бывший на горе лес и дичь превратились в прекрасный кустарник, между коим показались просторные дорожки, и вверху горы виден был великолепный храм Дианы, которого столбы были украшены гирляндами и фестонами. В этом храме стояла статуя Дианина. По всей горе расположена была роговая музыка (придворной егерской команды), которую составляли более пятидесяти человек; звук оной принудил укрывающихся в горе зайцев бежать в лес, за коими тотчас приготовленные к тому собаки бросились"¹⁵⁶. Затеяливое сооружение изобретательного Льва Александровича Нарышкина имело такой успех, что несколько позже, для торжественного приема в Царском Селе принца Генриха Прусского,

обер-егермейстер С. К. Нарышкин также счел необходимым устроить гору с храмом Дианы наверху. Новая "Дианина гора" была сооружена, под наблюдением фон Польшмана, против Царскосельского зверинца, у ручья в лесу, и обошлась в 4000 р. На празднествах в честь принца Генриха Дианина гора была вся иллюминирована, и на вершине ее играла роговая охотничья музыка. Императрица приказала сохранить эту гору в том виде, в каком ее показывали высокому гостю; надзор за ней возложен был на управителя Царского Села ген.-м. Кашкина¹⁵⁷.

Блестящие празднества как в самом Петербурге, так и в его окрестностях были устроены также еще летом 1773 года, по случаю пребывания в России ландграфини Гессен-Дармштадтской с тремя дочерьми, из которых средняя, Вильгельмина, нареченная при св. крещении великой княжной Наталией Алексеевной, в том же 1773 году, 29 сентября, сделалась супругою наследника престола Павла Петровича (скончалась 15 апреля 1776 г.). В ряду этих торжеств видное место заняли многочисленные охотничьи выезды в окрестности Петергофа и Царского Села. Императрица несколько раз показывала высоким гостям незнакомое им зрелище русской соколиной охоты¹⁵⁸.

В 1775 году Екатерина в третий раз отправилась в Москву, для того чтобы здесь, в древней столице России, торжественно отпраздновать заключение Кучук-Кайнарджийского мира, которым счастливо и выгодно закончилась первая в ее царствование война с турками. Это "мирное торжество" сопровождалось многочисленными увеселениями, устроенными как для народа, так и для высших классов общества. Народные увеселения, из которых самое блистательное было устроено 19 июня на Девичьем поле, находились в

распоряжении дворцового ведомства, а увеселения высшего общества совершались по предначертаниям самой императрицы. В числе придворных увеселений далеко не последнее место занимало отъездное поле¹⁵⁹. К этим увеселениям обер-егермейстерское ведомство начало готовиться заблаговременно, чтобы "споспешествовать наилучшему на полях увеселению Ее Императорского Величества". Прежде всего большие старания были приложены к тому, чтобы заранее запастись к летнему времени 1775 года возможно большим количеством ловчих птиц, "ибо в птицах ныне состоит против прошлых лет большая надобность". Вследствие этого сокольным помытчикам ближайших к Москве местностей строго приказано было, чтобы они, "ни мало не мешкая, все поголовно вышли на помцы и старались оных птиц помкнуть как возможно с большим удовольствием", а пойманных птиц тотчас доставили на "Семеновский потешный двор". Эти предписания исполнялись довольно успешно: одни только ярославские помытчики доставили 113 кречетов, соколов и ястребов. Кроме того, ими же принесен был в подарок императрице от князя Дундукова цветной балабан – птица в высшей степени редкая. За недостатком надежного "ястреболовца" московская обер-егермейстерская контора не надеялась достать ястреба обычным путем от помытчиков и распорядилась купить ястреба у "вольного человека". Ловчих птиц достали; надо было их "справить к Высочайшему увеселению". Обер-егермейстер С. К. Нарышкин принял все меры для скорейшего вынашивания соколов; он приказал окосить озера в селе Коломенском, Тюхалях и др., "дабы во время выездов с соколами не было никакого помешательства", и рассыпать около озер овес и

"свечный шквар" для прикармливания диких уток в видах большего успеха охот императрицы¹⁶⁰.

Одновременно с этими приготовлениями к соколиной охоте велись приготовления и к охоте на тетеревов, "загоном, на чучелы". В Тюхалях, около озер, и в "пристойных местах" приказали вырубить излишние кусты и поставить два сухих дерева, чтобы таким образом расчистить и приготовить местность для охоты. Во всех окрестностях Москвы устраивались, починались и возобновлялись шалаши. Наконец, озаботились и исправлением дорог в окрестностях столицы. Оказалось, что все подмосковные дороги "Коширка, Коломенка, Володимирка, Стромынка, Троицкая, Дмитровка и С.-Петербургская до того были изрыты колеями, что по ним не только в карете, но и верхом проехать никак не можно". Главностатейничий московской птичьей охоты требовал постройки и исправления мостов по этим дорогам¹⁶¹.

Обстоятельных сведений об охотах Екатерины II в третий приезд ее в Москву не сохранилось, и мы не знаем, в какой мере воспользовалась она всеми указанными выше широкими приготовлениями обер-егермейстера. Известно лишь, что императрица посетила Измайловский зверинец и несколько раз выезжала с соколами в окрестности столицы. Сохранилось тоже указание на один оригинальный вид охоты – травлю зайцев маленькими английскими собаками, которою Екатерина II иногда развлекалась в это время, возвращаясь в Москву или село Коломенское с соколиной потехи. За это же время государыня еще раз навестила Л. А. Нарышкина в его подмосковной вотчине – селе Знаменском. Здесь в честь высокой гостии было устроено пышное торжество. Во время обеда при каждом тосте стреляли из пушек; играл

оркестр из духовых инструментов, кларнетов и валторн, как кажется, обер-егермейстерского ведомства, а вблизи дома, в саду, в разных местах играли на рогах придворные егеря. После обеда Екатерина вышла на крыльцо и отсюда любовалась на псовую охоту, которая была пущена по полю за Москвою-рекою на оленей и зайцев. Между тем в самом Знаменском, как и в соседней деревне Мазиловой устроены были различные увеселения для местных крестьян; по Москве-реке против дома Нарышкина крестьяне ездили на лодках с распущенными флагами, а за рекою в поле водили хороводы. После прогулки в роще и на берегу реки императрица, засвидетельствовав свое удовольствие радушному хозяину, при пушечной пальбе и колокольном звоне отбыла в Москву¹⁶².

После этой поездки в Москву в последние два десятилетия своего царствования Екатерина II все менее и менее интересовалась охотою. Случается, что камер-фурьерские журналы отмечают всего два-три выезда ее на охоту в течение целого года, а иногда в них не попадает ни одного указания и года за два подряд¹⁶³. В других источниках также мы почти вовсе не находим сведений об охотах императрицы. В начале августа 1789 г. Екатерина еще собралась рано утром на птичью охоту и при этом заметила своему секретарю Храповицкому: "Je ne suis pas haressseuse", но это была уже одна из последних редких поездок ее на охоту. В последний раз она развлекалась охотой 14-го августа 1791 года. Влево от Пулковской дороги была устроена травля зайцев. Императрица выехала с небольшою свитою в десятом часу утра и пробыла на этой охоте больше часа¹⁶⁴.

Из других развлечений Екатерины II, имеющих

связь с охотой, укажем на многочисленные посещения зверинцев в окрестностях обеих столиц; но большая часть этих посещений не сопровождалась охотой, а имела целью лишь осмотр находящихся там зверей и птиц.

Отметим также особую любовь Екатерины II к собакам. За комнатными собаками ее ходили особые егеря, которые считались состоящими при собственных делах ее величества и освобождались от подчинения прямому своему начальству. Екатерина сильно привязывалась к своим собакам и была однажды очень огорчена смертью маленькой левретки "Земиры"; она рассказала об этом графу Сегюру и прибавила, что желала бы иметь для нее эпитафию. "Я отвечал ей, – пишет граф Сегюр, – не могу воспеть "Земиру", не зная ее происхождения, свойств и недостатков". – "Я полагаю, – ответила Екатерина, – что вам достаточно будет знать, что она родилась от двух английских собак Тома и Леди, что она имела множество достоинств и только иногда бывала немножко зла". Этого мне было довольно, и я исполнил желание императрицы, написав следующие стихи, которые она чрезвычайно расхвалила:

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémir, et les graces en deuil

Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.

Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mere,

Constante dans ses goûts, a la course légère,

Son seul défaut était un peu d'humeur;

Mais ce défaut venait d'un si bon coeur!

Quand on aime, on craint tout! Zémire aimait tant celle,

Que tout le monde aime comme elle!

Voulez-vous qu'on vive en repos,

Ayant cent peuples pour rivaux?

Les dieux, témoins de sa tendresse,
Doivent a sa fidélité
Le don de l'immortalité
Pour qu'elle fut toujours aupres de sa maitresse"¹⁶⁵.



Пастернак Л. О.

Выезд Императрицы Екатерины II, 30 Сентября 1767
года, в село Коломенское, верхом, в мундире Конной
гвардии, на охоту

Эти стихи императрица велела вырезать на камне, который был поставлен в Царскосельском саду. Надпись эта и теперь еще видна, хотя не ясно, на каменной плите за пирамидальным мавзолеем¹⁶⁶.

Другой своей собаке Екатерина написала эпитафию собственноручно:

"Под камнем сим лежит
Дюшесса Андерсон,
Которою укушен
Искусный Рожерсон"¹⁶⁷

Описав охоты императриц Елисаветы и Екатерины II, мы перейдем к биографиям лиц, стоявших во главе егермейстерского ведомства с воцарения Елисаветы Петровны до конца XVIII века и затем к изображению быстрого развития учреждений Императорской охоты за этот период времени.

В течение царствования Елисаветы Петровны, за исключением последних четырех лет, управление придворною охотою находилось в руках обер-егермейстера *графа Алексея Григорьевича Разумовского*¹⁶⁸, с которым мы уже не раз встречались при описании охот императрицы Елисаветы. В жизни своей А. Г. Разумовский испытал одно из удивительных сказочных превращений, которых так много было в XVIII веке, когда людьми, приближавшимися к трону, распоряжалась случайность. "Случайные люди" нашего XVIII века из ничтожества возносились на высшую степень могущества, власти, богатства и затем игрою случая нередко кончали жизнь в тяжких страданиях в заточенье, ссылке или на эшафоте.

Разумовский составляет редкое исключение: счастливая звезда не оставляла его всю жизнь.

Он был сын простого малороссийского казака села Лемеша близ г. Козельца (Черниговской губернии), прозванного Розумом за его любимую поговорку: "Що то за голова, що то за Розум". В детстве он был пастухом, затем жил на попечении дьячка соседнего села Чемеры, где выучился грамоте и по праздникам пел на клиросе. В январе 1731 г. через село Чемеры проезжал полковник Вишневский, возвращавшийся в Петербург из-за границы. Он зашел в церковь, пленился голосом и наружностью Алексея Розума, которому шел в то время 22-й год (родился 17 марта 1709 г.), и, с согласия матери, увез его с собою. Приехав в Петербург, Вишневский представил молодого красавца малоросса обер-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который поместил его в придворный хор, состоявший в большинстве из певчих малороссов. Через несколько лет после этого цесаревна Елисавета Петровна, присутствуя однажды на богослужении в придворной церкви, обратила внимание на голос Розума и потребовала, чтобы он был ей представлен по окончании литургии. Молодая цесаревна увидела красавца юношу, высокого, стройного, несколько смуглого, с чудными темными глазами и черными дугообразными бровями. Красота его поразила Елисавету Петровну еще более, чем голос, и по просьбе великой княжны молодой певчий был переведен в ее собственный придворный хор.

В это время Алексея Никифоровича Шубина, любимца Елисаветы Петровны, уже не было при ее дворе. В 1731 году его сослали в Камчатку за неосторожные слова о том, что Анна Иоанновна, вступив на престол, нарушила права дочери Петра

Великого, Елисаветы. Великая княжна долгое время была неутешна по своему любимцу, но затем молодой Розум, названный при переходе к ее двору Разумовским, занял в ее сердце место ссыльного Шубина. Голос его вскоре спал, он был переименован придворным бандуристом; вскоре цесаревна поручила ему управление одним из своих имений, а затем и всем своим небольшим двором. В правление Анны Леопольдовны Разумовский получил звание камер-юнкера. В день восшествия на престол Елисаветы он был пожалован званием действительного камергера и чинами генерал-лейтенанта и поручика лейб-компании. Немедленно отправлен был в Малороссию офицер за семейством нового камергера; он с трудом нашел "госпожу Разумовскую" в лице "Розумихи-вдовы", содержавшей корчму в селе Лемешах.

25 апреля 1742 г. на торжестве коронации Елисаветы Разумовский нес шлейф государыни. В этот день он был произведен в обер-егермейстеры и получил знаки ордена св. Андрея Первозванного, не в очередь, помимо Александровской ленты. В июле и августе ему пожаловано было несколько сел из собственных имений императрицы под Москвой и несколько вотчин в Малороссии.

Вслед за тем А. Г. Разумовский достиг высшей степени влияния. Он занимал во дворце комнаты, смежные с апартаментами государыни, и когда чувствовал себя нездоровым, то принимал до 12 человек за раз в своих покоях, запросто, в парчовом шлафроке. В своих увеселениях двор руководствовался вкусами Алексея Григорьевича. Благодаря его любви к музыке заведена была дорого стоившая постоянная итальянская опера; все малороссийское было при дворе

в моде; украинские певчие пели на сцене вместе с итальянцами; на придворных пирах появились украинские блюда. Милости императрицы лились рекою на Разумовского. В 1744 г., в мае месяце, находясь в Москве, Елисавета Петровна подарила ему село Перово и деревни Тетерки и Тимохово, затем несколько слобод и сел в Малороссии и семь бывших гетманских мельниц под Батуриным. 16 мая того же года через предстательство нашего посланника в Дрездене, гр. Кейзерлинга, А. Г. Разумовскому пожаловано было графское достоинство Римской империи; а через месяц, 15 июня, ему вместе с братом Кириллом даровано было и русское графское достоинство. Желая доставить удовольствие Алексею Григорьевичу, с любовью вспоминавшему о своей прекрасной родине, императрица сама решила вместе с ним посетить Киев. Во время путешествия в Малороссию в 1744 г. Елисавета Петровна несколько дней провела в Козельце и здесь ближе познакомилась с семейством Разумовского; особенно пришлась по сердцу императрице его сестра, Анна Закревская. В 1745 г., по смерти принца Гессен-Гомбургского, Разумовский назначен был капитан-поручиком лейб-компании и начальником этой любимой верной гвардии императрицы.

На высоте власти и влияния граф А. Г. Разумовский остался верен самому себе: он был все тем же, как и раньше, добродушным, наивным, несколько хитрым и насмешливым, типичным малороссом. Он чувствовал недостаток своего образования и старался дополнить его общением с образованнейшими людьми того времени: он приблизил к себе Ивана Перфильевича Елагина, Григория Николаевича Теплова, В. Е. Одадунова, известных впоследствии

статс-секретарей Екатерины II. Он почти вовсе не вмешивался в государственные дела, отчасти сознавая свою неподготовленность, отчасти по лени, свойственной ему, как истому малороссу. Его интересовали только дела Малороссии и дела духовенства; гр. Алексей Григорьевич, как замечает современник, "приятством с духовными лицами обходился и в их особливых надобностях всегда предстателем был".

Екатерина II говорит в своих мемуарах, что она не знает другого временщика, которого бы все так любили. Всегда добродушный, благожелательный, А. Г. Разумовский изменял себе только под влиянием вина; он "весьма неспокоен бывал пьяный", и в такие минуты приближенные очень опасались вспышек его гнева: гр. П. И. Шувалов не один раз по его приказанию был высечен батожем.

Охота была любимым развлечением Разумовского; он отдавался ей с увлечением завязтого охотника. О его участии в частых охотах императрицы мы говорили раньше. Заметим здесь, что Разумовский нередко охотился и один, в компании своих друзей¹⁶⁹. В дневнике генерального хорунжего Ханенко, приезжавшего ко двору с депутатами от Малороссии для представления ходатайств императрице чрез графа Разумовского, встречается множество заметок такого рода за 1748–1749 гг.: "Весь день граф был на охоте а мы дважды ездили во дворец, но его не получили", "граф Разумовский из рана ездил на охоту"; "приехали во дворец, где графа не застали, отъехал на охоту в 5-м часу по полночи, а Государыня изволила отъехать кушать на Воробьевы горы". 23 сентября 1749 г. Разумовский отправился в отъездное поле вместе с малороссийскими депутатами и два дня травил с ними

зайцев, а после обеда стрелял голубей. Компания ночевала в деревне Протасово; сюда приехал один старик-помещик, большой любитель охоты, М. Г. Собакин, со своей псовой охотой; Разумовский с ним еще два дня провел в травле зайцев, ночевал в кибитках около деревни; даже жестокая стужа, бывшая 27 сентября, не охладила его охотничьего увлечения.

В эту осень 1749 года Разумовский так долго охотился один, со своей компанией охотников, в отдалении от Елисаветы Петровны, потому, что его отношения к императрице в этом году несколько изменились. Елисавета Петровна приблизила к себе молодого офицера Ивана Ивановича Шувалова; Шувалов был произведен в камер-юнкеры, а по переезде двора в Петербург получил помещение во дворце. Одно время вниманием императрицы пользовался молодой адъютант Разумовского, только что вышедший из корпуса, Н. А. Бекетов¹⁷⁰, но друзьям Шувалова скоро удалось удалить его от двора. Положение графа Алексея Григорьевича среди этих интриг для людей, не посвященных во все тайны придворной жизни, казалось не изменившимся. Государыня наружно относилась к нему по-прежнему, навещала его в Гостилицах и осыпала наградами. Брат Разумовского, Кирилл Григорьевич, получивший хорошее образование за границей, был сделан малороссийским геманом и президентом Академии наук. В 1756 г. государыня подарила Алексею Григорьевичу построенный по ее приказанию в 1744–1748 гг. графом Растрелли Аничковский дворец¹⁷¹. Елисавета Петровна любила посещать Аничковский дом, часто ездила туда к обедне и ежегодно праздновала там именины графа Алексея Григорьевича. В 1756 г., в день тезоименитства

императрицы, 5 сентября, Разумовский был произведен в генерал-фельдмаршалы. Предание гласит, что он несколько раз отказывался от этого звания, и, когда указ был подписан, сказал Елисавете Петровне: "Государыня, ты можешь назвать меня фельдмаршалом, но никогда не сделаешь из меня даже порядочного полковника..."

Оставив службу по воцарении Петра III, гр. А. Г. Разумовский жил затем довольно уединенно, свято чтя память императрицы Елисаветы. Он редко посещал двор, но любил, когда у него собиралось высшее петербургское общество. Императрица Екатерина относилась всегда к графу Разумовскому с исключительным вниманием. В 1764 г. она три дня провела в его имении Гостилицах, которое так любила Елисавета; нередко она запросто навещала его утром. Граф А. Г. Разумовский скончался 7 июля 1771 г. в Петербурге, в Аничковском дворце.

Управление делами Императорской охоты гр. Алексей Григорьевич оставил задолго до своей смерти, еще при жизни императрицы Елисаветы, в 1757 году. 7 мая 1757 г. обер-егермейстером назначен был С. К. Нарышкин.

*Семен Кириллович Нарышкин*¹⁷² родился 5 апреля 1710 г. В царствование Анны Иоанновны он бежал во Францию вследствие каких-то "гонений добрых соотечественников" и проживал там под фамилией Тенкина. По восшествии на престол Елисаветы Петровны Нарышкин тотчас же был пожалован званием действительного камергера и 31 декабря 1741 г., 31 года от роду, назначен чрезвычайным посланником при английском дворе. В Лондоне он вел важные переговоры о заключении

союзного трактата с Англией (11 декабря 1742 г.) и вскоре по окончании их, пробыв посланником только полтора года, был отозван из Англии 20 июня 1743 г., при чем получил 7000 р. на возвращение в Россию. С. К. Нарышкин больше уже не возвращался к дипломатической службе. В 1744 г. ему поручено было встретить в Риге герцогиню Иоанну-Елизавету Ангальт-Цербстскую, ехавшую в Россию вместе со своею дочерью Софией-Августой-Фредерикой, будущею императрицей Екатериной. Любезность Нарышкина произвела очень хорошее впечатление на герцогиню, которая называет его в своих записках "*le chambellan prince Narichkine*".

Долгие годы, проведенные Нарышкиным за границей, не прошли для него бесследно; он научился во Франции светской любезности, изяществу манер и вкусов и благодаря этому стал желанным гостем при дворе императрицы Елисаветы. Он знал все "должные учтивства" и "комплименты"; "довольно жил в Париже, чтоб знать надлежащие приукрашения господам" – как он выразился в одном из своих писем – умел выбрать в подарок опушку или "шитые платья, которые все укрыты блестками, так что при свече или солнце сияют, как алмазы, узорами преизрядными"; умел обратить на себя общее внимание, явившись на придворный праздник в заграничной карете, сияющей зеркалами и позолотой. Хотя при дворе в то время царила роскошь, удивлявшая даже парижан, но Нарышкину удалось приобрести в высшем обществе славу первого щеголя. 5 декабря 1744 г. Нарышкин пожалован был званием гофмаршала Высочайшего двора и чином генерал-лейтенанта. Затем, 7 мая 1757 г., как мы сказали, он назначен был на почетную должность обер-егермейстера, которую перед тем

занимал первый придворный сановник, гр. А. Г. Разумовский; одновременно с этим ему пожалован был "ранг действительного полного генерала". Но граф Разумовский в это время еще сохранял прежнее свое значение, и Нарышкину велено было "состоять в команде у генерал-фельдмаршала гр. Разумовского". Только после смерти Елисаветы Петровны, когда Разумовский устранился от дел, Нарышкин начал вполне самостоятельно управлять делами Императорской охоты и заведовал ею до самой смерти, последовавшей после тяжелой болезни 27 ноября 1775 года.

За 18-летнее управление егермейстерским ведомством, с 1757 по 1775 г., С. К. Нарышкин сделал очень много для организации широко разросшихся учреждений Императорской охоты. После издания первых яхт-штатов 1740 и 1741 гг. Императорская охота, как мы укажем ниже подробнее, безостановочно увеличивалась в своем составе; обер-егермейстер Разумовский не был стеснен раз навсегда установленным штатом; дворцовая контора, по приказанию Елисаветы Петровны, обязана была беспрекословно и немедленно выдавать деньги по требованию обер-егермейстера. Екатерина II не уделяла такого исключительного внимания охоте, и обер-егермейстер Нарышкин должен был выработать новый яхт-штат — установить законные рамки для учреждений своего ведомства. Не ограничившись разработкой яхт-штата 1773 г., С. К. Нарышкин обратил серьезное внимание на все стороны управления егерским корпусом, как видно из множества обстоятельных докладов его Екатерине, о которых мы будем говорить вслед за сим. Для подготовки егерей и лесничих, Нарышкин организовал

обучение "яхт-пажей" и много хлопотал об устройстве особой школы для детей служителей охоты. Он образовал, далее, прекрасный егерский хор из роговых инструментов. Наконец, прилагал большие старания, хотя и малоуспешно, к поддержанию старинного промысла "помыкания" охотничьих птиц, соколов и кречетов, для соколиной охоты, любимого развлечения Екатерины Великой.

Как гр. А. Г. Разумовский, так и С. К. Нарышкин, нося звание обер-егермейстера, фактически управляли Императорскою охотою как высшие ее начальники, но одновременно с ними мы встречаем и вторую должность обер-егермейстера, которую занимал голштинiec *Бредаль*¹⁷³. Бредаль, приехавший в Россию в свите великого князя Петра Феодоровича, уже с 1742 года состоял при нем обер-егермейстером, с жалованьем в 1500 руб., и затем получил в свое заведование собственную охоту великого князя, организованную вскоре после его прибытия в Россию. С Бредалем мы встречаемся и позднее, именно – в 1761 году, когда он, будучи обер-егермейстером, носил также звание "голштинского генерала", и в 1762 году, когда мы видим его в числе приглашенных "к торжеству рождения Его Величества". Но, насколько мы знаем, Бредаль ни ранее, ни в короткое царствование Петра III не заведовал Императорскою охотою.

По смерти генерал-аншефа С. К. Нарышкина должность обер-егермейстера оставалась вакантною в течение трех лет, до середины 1778 года. Делами охоты за этот период времени управлял егермейстер, действительный камергер Вилим Романович (Рейнгольд-Вильгельм) фон *Польман*¹⁷⁴. Ходатайствуя о возведении Польмана в звание

егермейстера в 1768 году, Нарышкин отметил его "склонность к охоте" и "знание в звероловных обрядах", которое "чинит его многопользным быть в корпусе обер-егермейстерства". Польшман, однако, известен более как главноуправляющий Царскосельскими государевыми вотчинами и как лицо, на которое нередко возлагались важные доверительные поручения.

С середины 1778 года до конца описываемой эпохи, в течение 23 лет, Императорскою охотою заведовал князь *Петр Алексеевич Голицын*, сначала в звании егермейстера, а с 1782 года – в звании обер-егермейстера¹⁷⁵. Князь П. А. Голицын, родившийся 6-го апреля 1731 года, еще мальчиком 11 лет, по обычаю того времени, зачислен был солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1748 г. он произведен был последовательно в капралы, фурьеры и каптенармусы и затем дослужился в 1771 г. до чина генерал-поручика. Пожалованный в 1767 г. званием камергера, он 28 июня 1778 г. назначается егермейстером и делается ответственным начальником всей Императорской охоты. Вслед за тем, 28 июня 1782 года, кн. Голицын возведен был в звание обер-егермейстера. На своем новом посту Голицын вполне оправдал доверие императрицы Екатерины II: в истории охоты он должен быть отмечен как прекрасный хозяин и администратор; Екатерина отличила его деятельностью пожалованием орденов св. Александра Невского (в 1782 г.) и св. Андрея Первозванного (в 1793 г.). В должности обер-егермейстера кн. П. А. Голицын остается и по смерти Екатерины II; при Павле Петровиче он получает в награду две тысячи душ крестьян и назначается 2 декабря 1797 г. сенатором. Незадолго до воцарения Александра I кн. Голицын, 16 февраля 1801 г., оставил

службу и через девять лет, 4 мая 1810 г., скончался на 80-м году от роду.

Ближайшими помощниками главных начальников Императорской охоты были лица, занимавшие должности *егермейстера* и *унтер-егермейстера*.

Должность егермейстера, как мы уже заметили раньше, возникла в 1729 году. Права и обязанности ее вначале были очень неопределенны; первый егермейстер только "состоял" при гофмаршале Салтыкове. Позднее, при Разумовском, егермейстеры становятся ближайшими распорядителями по делам охоты, заменяя во многих случаях обер-егермейстеров. При Екатерине II егермейстеры одно время, как только что было указано, были главными начальниками охоты. Егермейстеры в большинстве случаев назначались из офицеров гвардии и при этом получали чин бригадира или полковника; один был из флигель-адъютантов и один, фон Польшман, носил придворное звание действительного камергера. По штату 1773 года егермейстеры состояли в ранге генерал-поручика, с жалованьем в 2531 р. Должность *унтер-егермейстера* возникла, вероятно, в 1754 году; по крайней мере первый известный нам унтер-егермейстер Иван Сумароков был назначен на эту должность 13 мая 1754 года, с производством из драгунских поручиков в премьер-майоры (отставлен в июне 1762 г.). Унтер-егермейстеры, как и егермейстеры, назначались в большинстве случаев из офицеров гвардии. В 1756 году, в силу Высочайшего повеления, им определено было жалованье наравне с унтер-шталмейстерами; по штату же 1773 года унтер-егермейстеры считались по службе в ранге бригадира с годовым окладом в 1271 рубль.

При императрице Елисавете в течение почти всего ее царствования егермейстером был Петр Никитич *Хитрово*¹⁷⁶ (или Хитров), назначенный на эту должность 5 мая 1742 г. из флигель-адъютантов генерал-фельдмаршала князя Трубецкого. В октябре 1746 г. он произведен был в генерал-майоры, "с полным по тому чину жалованьем, с деньщиком и с рационы"; 4 декабря 1748 г. Елисавета Петровна пожаловала ему крупную по тому времени награду в 2000 р. из остатков от сумм, ассигнованных на содержание охоты, а затем чин тайного советника. Хитрово, или "Хитров", как писали тогда его фамилию, вышел в отставку с чином действительного тайного советника в мае 1759 г., после того, как на должность егермейстера назначен был 13 января 1759 г. Василий Иванович *Разумовский*, служивший ранее полковником малороссийского Гадицкого полка.

Император Петр III назначил егермейстером 12 марта 1762 г. гессенского выходца, полковника *Фридриха Мальтица*¹⁷⁷. Но Мальтиц оказался совершенно непригодным для службы в придворной охоте, потому что по "своей постоянной неизлечимой болезни" находился "всегда в постели неподвижно"; поэтому Екатерина, по докладу С. К. Нарышкина, в 1765 г. дала ему отставку, пожаловав за долгую службу в России (с 1739 г.) пенсион и 1000 р. на оплату долгов. После Мальтица при Екатерине II егермейстером состоял с 1768 до 1778 г., как сказано выше, Вилим фон Польман и с 1778 до 1782 г. кн. П. А. Голицын. Одновременно с Польманом в 70-х годах числился егермейстером бригадир Алексей *Лубянский*¹⁷⁸, который 4 июля 1762 г. назначен был унтер-егермейстером из секунд-ротмистров лейб-гвардии конного полка и вслед за тем, за

деятельное участие в перевороте 28 июня 1762 г. получил от Екатерины в награду 600 душ крестьян. При назначении егермейстером кн. П. А. Голицына в помощники ему по управлению охотой дан был Алексей Яковлевич *Потемкин*¹⁷⁹ (род. в 1741 г., умер в 1810 г.). В следующем году А. Я. Потемкин был ошастливлен вниманием императрицы, крестившей его сына вместе с великим князем Александром Павловичем.

В 1793 г. 1 января он был награжден чином генерал-майора, но до самой смерти Екатерины все оставался унтер-егермейстером, не получая повышения. Император Павел Петрович в первый же месяц своего царствования назначил Потемкина, 21 ноября 1796 г., егермейстером и пожаловал ему при своей коронации 500 душ крестьян. В том же ноябре 1796 г. назначен был унтер-егермейстером Михаил Николаевич *Аксаков*¹⁸⁰, который с 1783 г. служил при егермейстерском корпусе (с 1785–1788 г. он заведовал руст-камерой Ее Величества), а впоследствии, с 7 января 1799 г., был ярославским губернатором в чине генерал-лейтенанта, а при Александре I сенатором (умер в 1818 г.).

Делопроизводство по управлению Императорской охотой в рассматриваемом периоде сосредоточено было в особом учреждении, *Обер-егермейстерской канцелярии*, которая образована была в самом начале царствования Елисаветы Петровны, в 1744–1745 гг. До этого времени, как указано выше, все дела Императорской охоты состояли в ведении сначала Сената, затем кабинета. Возникшая было при командире придворной охоты полковнике Трескау "Егермейстерская канцелярия" была вскоре упразднена, и дела ее переданы были в 1741 г. в ведение дворцовой

конторы¹⁸¹. Но в первые же годы царствования Елисаветы Петровны развитие Императорской охоты не замедлило привести к образованию самостоятельного учреждения для управления ее делами. В 1743 г. Правительствующим Сенатом, только что восстановленным в прежнем своем значении, "сочинена была для лучшего в делах попечения и распорядков Обер-Егермейстерская канцелярия". Этой канцелярии, однако, первоначально вверено было лишь заведование московскими охотами; петербургские же охоты до 1745 г. по-прежнему оставались в ведении придворной или дворцовой конторы. Находившаяся сначала в Москве оберегермейстерская канцелярия в конце 1744 г. переведена была в Петербург; для непосредственного же управления московскими охотами в Москве образована была подчиненная канцелярии обер-егермейстерская контора¹⁸²¹⁸³.

Около 1745 года, с уничтожением отделения придворной конторы "Обер-Егермейстерския дела", Обер-егермейстерская канцелярия стала во главе управления как московскими, так и петербургскими охотами. Вначале она была вполне подчинена Сенату; но власть ее и права быстро увеличились с течением времени. Выходя постепенно из-под опеки Сената и обращаясь к его посредничеству только по общим вопросам, обер-егермейстерская канцелярия становилась все более и более самостоятельным учреждением. С конца царствования Елисаветы Петровны эта канцелярия уже не только самостоятельно сносилась "промемориями" со всеми центральными управлениями, но и объявляла провинциальным учреждениям высочайшие повеления по делам охоты. Наконец, в 1773 году ей предоставлены были права наравне с прочими

коллегиями. Обер-егермейстерское ведомство мало-помалу совершенно обособилось, и Обер-егермейстерская канцелярия вместе со своим начальником – обер-егермейстером, стала во главе отдельного самостоятельного *Обер-егермейстерского корпуса*. Это название впервые встречается в современных документах под 1762 годом, в царствование Петра III. Высшее управление охоты, таким образом, стало по отношению к верховной власти наряду с прочими высшими государственными учреждениями России¹⁸⁴.

По отношению к петербургским охотам Обер-егермейстерская канцелярия приняла характер учреждения и распорядительного и исполнительного, по отношению же к московским – только распорядительного. Московскими охотами управляла московская обер-егермейстерская контора, подчиненная петербургской канцелярии. Во главе конторы стоял так называемый "присутствующий". С 1750 до 1762 г. должность "присутствующего" занимал Герасим Иванович *Ларионов*¹⁸⁵, который перед тем долгое время служил в московской птичьей охоте кречетником, а в 1743 г. назначен был статейничим. Имея в своих руках, по должности статейничего, заведование птичьей охотой, а также охотой псовой и Измайловским зверинцем, и соединяя с этим управление обер-егермейстерской конторой, по званию "присутствующего", Герасим Ларионов являлся начальником всех московских учреждений Императорской охоты. В 1762 г. он вышел в отставку, так как не мог более "править своей должности за старостию лет и за невидением глазами". Должность "присутствовавшего в конторе" и вместе главного начальника московских охот после него до февраля

1785 г. занимал бригадир Алексей Иванович *Булгаков*¹⁸⁶, который перед тем некоторое время состоял унтер-егермейстером. Ближайшее заведование московскими охотами в это время (с 1762 года) находилось в руках статейничего Ивана Федоровича *Рыкунова*¹⁸⁷, искусного в деле "красной сокольной потехи". "За верную службу и добропорядочные поступки" он награжден был сначала чином капитана, а потом майора и, наконец, в 1773 г. сделан был главностатейничим. В 1783 г. на должность главностатейничего назначен был главный помощник *Рыкунова*, статейничий *Яков Ларионов*, который также заведовал не только птичьей, но и псовой охотой, как и Измайловским зверинцем. В декабре 1790 г. Ларионов был уволен "за болезнями от всех дел", и должность главностатейничего осталась вакантной. Птичьей охотой заведовал статейничий *Дмитрий Рыкунов*, который отличался вообще необузданным нравом и почти вовсе не признавал власти конторы.



Серов В. А.
Императрица Екатерина II в одноколке, сопровождаемая
Мамоновым, Потемкиным и Нарышкиным, на
соколиной охоте

У него нередко выходили крупные столкновения с подчиненными ему сокольниками¹⁸⁸, как и с непосредственным его начальством. Контора жаловалась обер-егермейстеру, что непокорный статейничий самовольно решает дела, подлежащие ее ведению, заставляет дежурить в своей квартире офицеров, дает предписание команде в "неподлежащих и к обиде ее клонящихся терминах". Обер-егермейстер почему-то не решался уволить Рыкунова от должности, несмотря на его болезнь, и прибег к полумере, а именно, оставив за ним должность статейничего, поручил заведование птичьей охотой двум комиссарам; но Рыкунов и после этого не перестал производить "беспорядок в команде"¹⁸⁹.

В непосредственном подчинении рассмотренных учреждений, петербургской обер-егермейстерской канцелярии и московской конторы, находился многочисленный и разнообразный служебный персонал.

В предшествовавшей главе мы познакомились с попыткой Анны Иоанновны сократить личный состав Императорской охоты. Попытка эта не удалась, и сокращенный яхт-штат 1740 г. тотчас же по смерти Анны Иоанновны был заменен в правление Анны Леопольдовны другим, менее экономным. По вступлении на престол Елисаветы Петровны ее страстное увлечение охотой повело к дальнейшему значительному увеличению личного состава придворных охот. В феврале 1742 г. императрица приказала содержать в силе, "до будущего Ее Величества" рассмотрения, "яхт-штат, учиненный в прошлом 1741 году, января 28 дня, за подписанием принцессы Мекленбургской" (Анны Леопольдовны). Но вслед за тем, помимо всякого особого

"рассмотрения", в первые же месяцы 1742 года личный состав придворных охот был увеличен более чем вдвое¹⁹⁰.

Прежде всего императрица решила пополнить или, вернее, заново организовать псовую охоту, которая в предыдущих штатах была весьма ограничена. По обыкновению, на этот раз прибегли к конфискации частных охот. Елисавета Петровна отправила в Москву к обер-гофмейстеру графу Салтыкову своего ловчего Лаврентия Никитича *Стромилова*¹⁹¹ с приказанием, чтобы граф Салтыков, "взяв из деревень графа Михаила Головкина охоты птичью и псовую и с охотниками", отдал их в смотрение Стромилову. Самому же Стромилову повелевалось набрать "в прибавку" еще охотников "добрых, сколько сыщется"; граф Салтыков должен был оказывать Стромилову при комплектовании охоты "всяческое содействие" и выдавать из дворцовой канцелярии "как оному ловчему", так и всем набранным охотникам платье и пищу или жалованье в том же размере, в каком оно выдавалось петербургским охотникам.

В начале 1742 года псовая охота была уже Стромиловым скомплектована; в ее состав, кроме охоты графа Головкина и "добрых" охотников, набранных на стороне, вошли, вероятно, и чины охоты бывшей великой княжны из Александровской слободы: так что личный состав ее простирался в то время до 39 человек, на которых ассигновано было денежного жалованья около 750 рублей и хлебного – в соответственном размере. Во главе этой охоты стоял ловчий (Стромилов); при охоте был свой комиссар и писарь; охотников было 14 человек, выжлятников – 12, наварщиков – 7, корытничих – 2 и 1 стремянной охотник. В следующем 1743 году Стромилов с частью

этой псовой охоты прибыл по указу императрицы в Петербург. В 1746 году эта охота состояла уже только из 25 человек; позднее она, вероятно, растворилась в общем составе Императорских охот; заведовавший ею ловчий Стромилов вышел в отставку по болезни, с награждением "рангом секунд-майорским", 24 апреля 1749 года.

Кроме охоты, подчиненной ловчему Стромилову, в Москве в 1742 г. организована была и другая псовая охота. Ее составными частями были: 1) "двор Ее Величества борзых собак", 2) "стаи русских гончих собак" и 3) "аглицкая стая гончих". При "дворе борзых собак" состояло всего 9 человек: стремянной егерь, стремянной охотник, 4 охотника и 3 выжлятника. При стаях русских гончих собак состояло: 2 корытничих, 22 охотника и 17 выжлятников, всего 41 человек. В составе "аглицкой стаи гончих" находим 10 человек: 1 корытничего, 2 охотников и 7 выжлятников. Кроме того, в собственной ее величества Александровской слободе находилась псовая охота, состоявшая из 11 человек и предназначавшаяся "для выкормки и наески" (наездки) гончих молодых собак. Подобный характер эта охота сохранила за весь рассматриваемый период, поставляя уже вполне обученных собак в Императорскую охоту. В Петербурге вся псовая охота в то время состояла только из 10 человек: 1 стремянного охотника, 2 охотников, 3 выжлятников, 2 наварщиков и 2 конюхов. Кроме того, в Ораниенбауме было 4 охотника.

Увеличение личного состава Императорских охот коснулось не одной только псовой охоты. В том же 1742 году при зверовых охотах в Петербурге состояло 28 человек: 1 слоновщик, 17 зверовщиков из индейцев и 10 зверовщиков различных

национальностей: персов, армян, греков, итальянцев и русских, т. е. сравнительно с первым яхт-штатом число чинов при этих охотах за два года увеличилось почти в два раза. Личный состав московской птичьей охоты сравнительно со штатом 1740 года увеличился также более чем в два раза (до 32 человек – в 1755 году).

Вследствие такого сильного увеличения личного состава Императорских охот нормы содержания, установленные штатом 1741 года, оказались совершенно недостаточными. Особенно ярко сказалось это, когда упомянутая нами вновь возникшая охота Стромилова переехала в Петербург; здесь чином ее тотчас же была прекращена выдача содержания. Обер-егермейстерская канцелярия была поставлена в затруднительное положение: она не считала возможным содержать прибывшую охоту за счет своей штатной суммы, а специальной ассигновки на нее не было. Обер-егермейстер Разумовский представил Сенату подробный доклад, в котором указывал на невозможность содержать охоту на сумму, определенную по штату 1741 года, и просил об ассигновании на охоту новых сумм. По этому докладу императрица повелела 23 февраля 1743 года, чтобы царская охота содержалась, не стесняясь нормами штата, и чтобы московская главная дворцовая канцелярия, как и петербургская контора, впредь до утверждения нового штата выдавали деньги по требованиям Обер-егермейстерской канцелярии *"без всякой отговорки и остановки"*.

Деятельность Императорской охоты в царствование Елисаветы Петровны развивалась настолько быстро, что никак не могла уложиться в рамки штатов, постоянно перерастая их. В 50-х годах в охотниках снова явился недостаток. Прежде всего

"умаление служителей" обнаружилось в Москве при птичьей и псовой охотах. Для устранения этого недостатка решили воспользоваться заштатными (закомплектными) чинами. В Можайский уезд был послан приказ выслать в Москву "закомплектных" кречетников Тихона и Якова Петровых "за караулом и на их коште в немедленном времени"; был также выписан и "закомплектный" кречетник Анисим Петров из села Горок Переяславского уезда¹⁹².

В 1758 году, 6 сентября, "при парадном выводе слонов", которых показывали прибывшему тогда в Петербург польскому принцу, императрица Елисавета Петровна обратила внимание на недостаточное число принимавших участие в церемонии чинов обер-егермейстерского ведомства и строжайшим образом приказала принять меры для устранения на будущее время подобного недостатка в личном составе придворной охоты. Замечание императрицы было принято к сведению: в следующее десятилетие мы уже не встречаемся с указаниями на недостаток чинов в Императорской охоте. Любовь императрицы Екатерины II к охоте соколиной ясно отразилась на личном составе охоты, как это видно из сравнения штатов 1761 и 1766 гг. В то время как численность чинов псовых и зверовых охот в 1766 г. значительно понизилась, личный состав птичьей охоты заметно увеличился: с 39 человек (в 1761 г.) до 49 человек (в 1766 г.). Вся организация птичьей охоты в списке 1766 г. представлена значительно полнее и разработаннее. Здесь мы встречаемся, во-первых, с должностью помощника статейничего, во-вторых – с учениками клобучечного и колоколичного дела.

В 1762 году явился в Императорской охоте новый разряд охотников – *трюфельные егеря*. 10 января

1762 года император Петр III приказал выписать из-за границы "достойных трюфельных егерей с собаками". Исполнение этого поручения было возложено на сенатора графа Паула Антония Лябия, который и приискал в Италии одного такого егеря с тремя собаками, заключив с ним контракт на 2 года. По контракту "трюфельному егерю" положено было в год жалованья 450 рублей, на мундир сорок рублей да за собак дано было 100 рублей, "ибо, – писал граф Лябия, – достойного егеря и собак дешевле оной цены сыскать не мог". "Трюфельный егерь" из итальянцев был причислен к птичьей охоте и в сентябре того же 1762 года был послан с кречетниками из Москвы в Казанскую губернию для отыскивания трюфелей.

В том же 1762 году по распоряжению императора Петра III Феодоровича в состав Императорских охот вошла *Ораниенбаумская охота*. Первые сведения об этой охоте относятся к 1742 году. В 1756 году Ораниенбаумский замок, при котором она находилась, в незначительном составе егерей и собак, был подарен императрицей Елисаветой Петровной наследнику престола Петру Феодоровичу. В 1756 году личный состав Ораниенбаумской охоты значительно изменился: в нем появилось много голштинцев. В начале 1762 года Ораниенбаумская охота состояла из 41 человека; на жалованье им шло в год 4005 р., во главе ее стоял обер-ферштер – лесничий высшего звания, знакомый с егерским делом, голштинец Александр Дом, получавший довольно крупный оклад в 628 р. По своему составу Ораниенбаумская охота представляла соединение егерской команды со псовой охотой. Ее чины были распределены следующим образом: 2 бюксен-шпаниера, обер-егерь (голштинец), 2 стремянных егеря, один – голштинец, другой –

русский, егерь (русский), стремянной охотник (русский), 6 егерских учеников, 6 охотников, пикер (голштинiec), 3 пикерских ученика, 12 наварщиков и у "ружейного дела" 5 человек: ружейный мастер, ружейный подмастерье, ложенный ученик, 2 ружейных ученика. Чтобы освободить место для голштинских егерей, несколько русских охотников были зачислены в части голштинских войск, которые с разрешения императрицы были выписаны из Голштинии. Эти охотники, Афанасий Воронов с товарищами, жаловались впоследствии в челобитной, что они в 1756 году были взяты из Ораниенбаумской псовой охоты и "неволею" зачислены в голштинскую службу. Тотчас же после переворота 28 июня 1762 г. эти "невольные голштинцы" были арестованы и долгое время томились сначала в Петропавловской крепости и затем под арестом в Обер-егермейстерской канцелярии. В то же время голштинские егеря Ораниенбаумской охоты были уволены "за ненадобностию в отечество", и едва ли не первым уволен был заведовавший этою охотою обер-ферштер Дом¹⁹³. Обер-егермейстер Нарышкин, еще при Петре III получивший в свое ведение Ораниенбаумскую охоту, 20 августа 1762 г. представил императрице Екатерине доклад: кому именно из ораниенбаумских служителей и по каким окладам следует производить денежное и хлебное жалованье. Этот доклад был "аппробован" и подписан собственною рукою императрицы, но Сенат, рассылая, куда надлежит, указы "о произвождении жалованья охотникам", почему-то относительно некоторых из них "возымел сумнительство" и не "учинил им никакого удовольствия". Несколько ораниенбаумских егерей вследствие такого "сумнительства" Сената не получали жалованья почти в течение года. Им ничего не

оставалось, как обратиться к милосердию самой императрицы. Выбрав удобный случай, когда Екатерина II с "егерною охотою" находилась в окрестностях Воскресенского (Нового Иерусалима) монастыря, несколько егерей обратились с жалобой к императрице, что они около года не получают следуемого им содержания, испытывая крайнюю нужду. Императрица поручила расследовать это дело своему секретарю. Не присутствовавший на охоте обер-егермейстер Нарышкин, узнавши об этом, поспешил представить императрице свои оправдания в том, что бедственное положение, в котором оказались чины Ораниенбаумской охоты, произошло не по его вине, и выразил желание, чтобы Сенат от себя сделал представление императрице по этому делу. "А если мне представлять о том, — пишет Нарышкин, — то Правительствующий Сенат может почесть оное в жалобу, а паче не в мою должность"¹⁹⁴.

С переходом Ораниенбаумской охоты в общий состав Императорских охот служебный персонал последних, и без того уже значительно численно возросший в последние годы царствования Елисаветы Петровны, сразу несоразмерно увеличился. Теперь так же, как и пред изданием первого яхт-штата 1740 года, явилось множество случайных и непредвиденных сметой расходов, и в результате получилась "великая и очень превосходная сумма" затрат. Необходимо было упорядочить это дело и точно определить бюджет Императорской охоты. "По довольном рассмотрении всех обстоятельств, происходящих в обер-егермейстерском ведомстве" Нарышкин в 1773 году выработал проект нового яхт-штата, в котором, по словам докладчика, "все излишнее было отставлено, а положено только необходимое, с немалым

уменьшением против прежнего". Обширный доклад Нарышкина об утверждении яхт-штата вместе с двумя записками об устройстве новых зданий для обер-егермейстерского ведомства и об определении к Императорской охоте яхт-пажей был передан Екатериной на заключение генерала графа Чернышева и генерал-прокурора князя Вяземского. Эти лица представили императрице длинную записку, в которой, не касаясь существа вопроса об организации учреждений Императорской охоты, между прочим, высказались, что все испрашиваемое обер-егермейстером "определено соразмерно надобности, без излишества". 26 июня 1773 года *новый яхт-штат* был "конфирмован" императрицею¹⁹⁵.

Этот яхт-штат представляет собою весьма любопытный памятник истории Императорской охоты. Узаконяя и оформливая то, что уже существовало, яхт-штат 1773 г. показывает, как широко развилась Императорская охота с 30-х годов XVIII века, когда в окрестностях С.-Петербурга впервые появились новые охотничьи учреждения; все то, что прежде, при Анне Иоанновне, существовало, так сказать, в зародыше, теперь широко и полно развернулось. Некоторые отрасли управления Императорскою охотою, которые прежде находились в заведовании одного-двух лиц, теперь разрослись в целые учреждения, в составе которых насчитываются уже десятки лиц. Рост центрального управления Императорской охоты отражает на себе ее широкое развитие и усложнение деятельности. Что из себя представляли "письменные дела" при царской охоте в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого века? Почти на все учреждение царской охоты полагался тогда один подьячий, который легко справлялся с небольшою перепискою,

вызывавшиеся несложными потребностями тогдашних охотничьих учреждений. В штате 1740 года мы уже встречаем двух писарей: одного при петербургских охотах и другого при московских. Чем сложнее и многообразнее становилась придворная охота, тем более нуждалась она в специальном отделе, на обязанности которого лежала бы вся "письменная" часть. В рассматриваемом яхт-штате 1773 года мы уже насчитываем у "письменных дел" 44 человека, которые вошли в состав отдельных учреждений: петербургской канцелярии и ее исполнительного органа – московской конторы. Первый обер-егермейстер Волынский устроил маленькую канцелярию "обер-егермейстерских дел", составившую затем одно из отделений придворной конторы. Эта маленькая канцелярия, это "отделение" разрослось теперь в целую коллегия. Обер-егермейстерская канцелярия по штату 1773 г. уравнивалась в своих правах с коллегиями, стала в ряд с высшими центральными управлениями империи.

Состав Императорской охоты по яхт-штату 1773 года, считая не только учреждения, непосредственно ведавшие дела охоты, но и все, так сказать, вспомогательные учреждения, представляется в следующем виде: 1) петербургская канцелярия, 2) московская контора, 3) егерская команда, 4) руст-камера, 5) птичья охота (в Москве), 6) псовая охота в С.-Петербурге и псовые охоты Александровской слободы и Измайловского зверинца, 7) зверинцы: Петергофский, Царскосельский, Измайловский (в окрестностях Москвы) и С.-Петербургский зверовый двор, 8) птичьи дворы: С.-Петербургский и Астраханский и 9) егерская музыка.

Во главе всех этих учреждений, во главе всего "егермейстерского корпуса" стоял обер-егермейстер с своими ближайшими помощниками, егермейстером и унтер-егермейстером. В непосредственном ведении этих должностных лиц находилась петербургская канцелярия и ее московская контора. Организация названных учреждений была почти тождественна. В них мы встречаем обычный штат канцелярий того времени: "присутствующего", члена¹⁹⁶, советника¹⁹⁷, секретарей, протоколистов, регистраторов, канцеляристов, копиистов; кроме того, для заведования специально денежной казной: казначея в петербургской канцелярии и комиссара в московской конторе; для ведения приходорасходной части в помощь к этим лицам были определены подканцеляристы. В состав петербургской канцелярии, кроме того, входила еще счетная экспедиция, состоявшая из трех лиц: бухгалтера, подканцеляриста и копииста¹⁹⁸.

Егерская команда, помещавшаяся в Петербурге, состояла из 33-х человек: обер-егеря, стоявшего во главе всей команды, 2 биксеншпаниеров¹⁹⁹, 10 егерей, 12 егерских учеников и 8 птичников, занятых, вероятно, стреляньем дичи к Высочайшему Двору. На обязанности биксеншпаниеров лежал надзор за ружьями Императорской фамилии; на ружейных охотах они всегда находились близ императриц, заряжая и подавая ружья²⁰⁰. Существовала также особая Руст-камера для ружейного и ложенного мастерства, где производилась заготовка новых ружей для императрицы и починка старых²⁰¹.

В организацию птичьей охоты, по-прежнему находившейся в Москве, новый яхт-штат внес небольшие перемены. Во главе птичьей охоты, как мы уже заметили выше, теперь поставлен был

главностатейничий с двумя помощниками: *статейничий старший* и *статейничий младший*, или просто *статейщик*; введенное было в 1766 году деление птичьих охотников на три статьи было отменено, и восстановлены прежние разряды кречетников, сокольников и ястребников²⁰². Численный состав московской птичьей охоты определен был в 45 человек. Вся псовая охота, петербургская и московская, состояла из 86 человек, из которых 63 человека приходились на долю петербургской охоты, а остальные на долю охот Александровской слободы и Измайловского зверинца. Организация служебного персонала во всех зверинцах была почти одинакова. Зверинцами заведовали обыкновенно *форштмейстеры*, в распоряжении которых находилось от двух до семи человек *зверовщиков*. От *форштмейстера* требовались знания как охотника, так и лесничего, и в особенности умение ухаживать за зверями. Царскосельским зверинцем заведовал один из штатных егерей. Приходорасходная часть зверинцев находилась в ведении комиссаров, при которых для ведения книг состояли писаря.

Впрочем, комиссары не только заведовали приходорасходной частью отдельных охотничьих учреждений, но и стояли во главе самостоятельных учреждений, как то: петербургского зверового и птичьих дворов, а также астраханского птичьего двора; комиссарам были подчинены на зверовом дворе *зверовщики*, на птичьем – *птичники* и ученики *птичников*.

В *яхт-штате* 1773 г. мы впервые встречаем *егерскую музыку*, как отдельное, правильно устроенное учреждение²⁰³. Раньше, как, напр., в списке собственной охоты Петра II, упоминались только отдельные егерские музыканты-валторнисты. Теперь

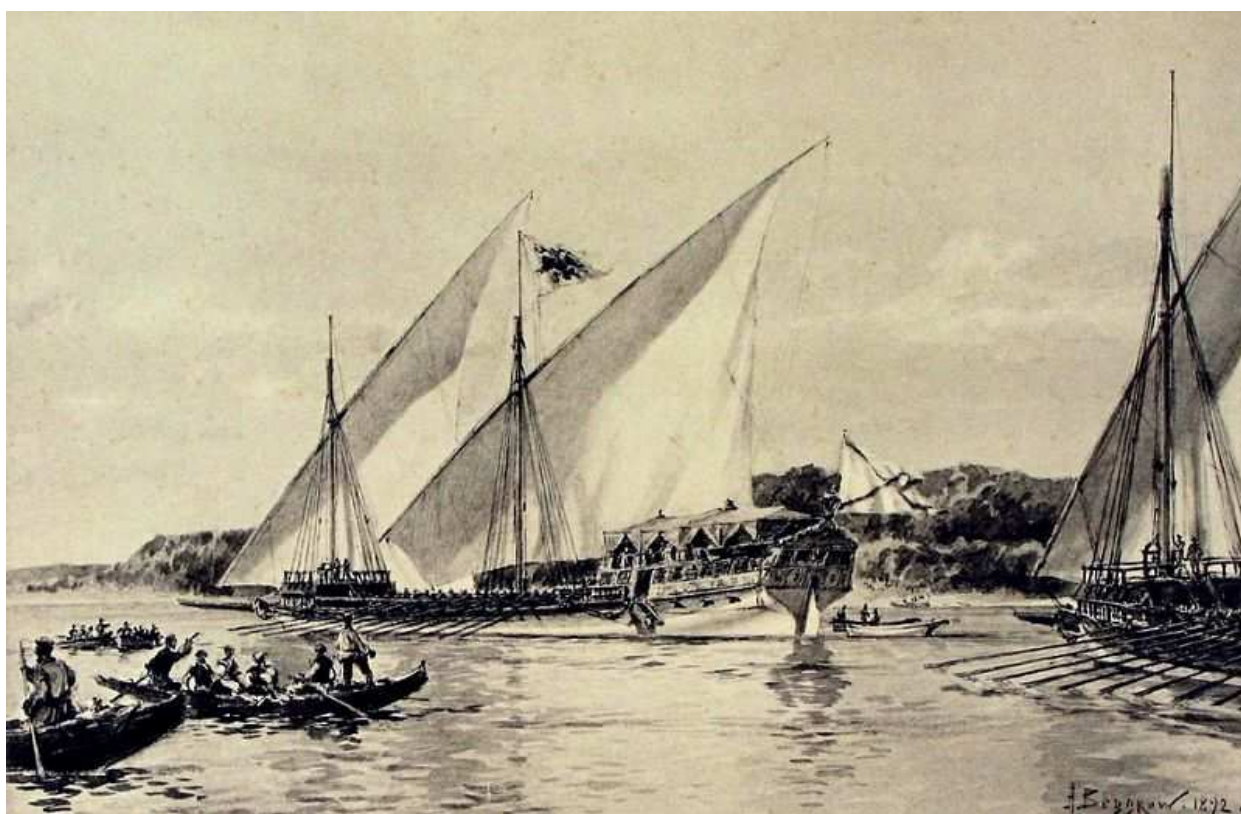
же егерская музыка – целое учреждение в составе 51 человека, с особым учителем музыки "для поправления" и для обучения музыкантов, с особым мастером "для делания к охотам и к музыке рогов, валторн и прочих принадлежностей". Егерский хор музыкантов в документах впервые упоминается в 1772 г. Образование его принадлежит инициативе обер-егермейстера С. К. Нарышкина, большого любителя музыки. Нарышкин начал обучение детей охотников игре на валторне и рогах. Однако, рогами и валторнами не ограничивались инструменты егерского хора. Из инструментов того времени мы знаем: "рога медные, скрипицы, велиончели (виолончель), контр-басы, дудки деревянные, флейтреверсы и кларнеты". Кларнеты были с двойными коленами и серебряными клапанами, а флейтреверсы или флаут-реверсы были о пяти коленах и тоже с серебряными клапанами. Упомянем еще фаготы с двойными коленами и с футлярчиками; при каждом футлярчике было по шести тростей, выписывавшихся из Парижа. Егерский хор составляли 4 *валторны*, 3 кларнета, 2 флаут-реверса, 2 гобоя, 2 баса и 36 рожечников. В 1772 году музыкантами заведовал егерь Шуберт, а дирижером был камер-музыкант Иоганн Морейша. Егерский хор считался в то время одним из лучших; по крайней мере, он играл не только на охотах, но и вообще на многих придворных торжествах.

Во всех указанных разнообразных учреждениях Императорской охоты по штату 1773 года числилось всего 321 человек; на содержание их ассигновалось в год до 37.600 р. Кроме того, 30.600 р. положено было на содержание охот, т. е. на кормы и лекарство зверям и птицам, на ремонт зданий, канцелярские расходы, покупку ружей и пороху и проч. Всего же на

Императорскую охоту ассигновано в год до 68.200 р. Если мы вспомним скромные цифры бюджета последних лет царствования Анны Иоанновны, то увидим, что Императорская охота развилась чрезвычайно сильно в течение 33 лет, протекших со времени издания первого яхт-штата 1740 года. Число служителей с 1740 по 1773 г. возросло более, чем в пять раз: с 62 человек до 321, а расход на содержание охоты с 5.600 р. до 68.200 р.

Одновременно с проектом только что рассмотренного яхтштата, обер-егермейстер Нарышкин, озабочиваясь улучшением личного состава охоты, представил императрице в 1773 году доклад об определении к Императорской охоте *яхт-пажей*. "От порядочно учрежденной охоты, – писал Нарышкин, – не только увеселения, но и действительной пользы ожидать можно", при условии, если начальствующие и их подчиненные будут состоять из таких людей, которые в совершенстве знают как охоту, так и лесное дело. Отсутствием "сведущих в форштмейстерстве" людей из русских, по мнению Нарышкина, причиняет вред не только одной Императорской охоте, но и наносит громадный ущерб вообще всему лесному хозяйству империи, так как от иностранцев лесничих, нанимаемых за границей, пользы немного: эти люди успевают раньше состариться, чем обучиться русскому языку, а состаревшись, уезжают в свое отечество. Между тем обширные леса, принадлежащие короне, за неимением знающих людей, истребляются и гибнут без всякой пользы. Ввиду этого Нарышкин предлагал ввести при обер-егермейстерском ведомстве теоретическое и практическое обучение форштмейстерству и охоте, набрав для этой цели из дворян десять яхт-пажей не моложе 16-ти лет. Курс

обучения должен продолжаться четыре года; успешно выдержавших экзамен можно назначать на обер-офицерские места в обер-егермейстерское ведомство. Подготовленные таким образом яхт-пажи будут в состоянии не только определять знания и пригодность выписываемых из-за границы форштмейстеров и егерей, но и сами обучать форштмейстерству и охоте некоторых служителей обер-егермейстерского корпуса.



Беггров А. К.

Путешествие Императрицы Екатерины II в "Низовые
города" по р. Волге весной 1767 г.

За неимением вакантных мест в обер-егермейстерском ведомстве, яхт-пажи, прошедшие полный курс, могут быть выпускаемы в армейские полки с правами, присвоенными пажам ее императорского величества и рейт-пажам конюшенного ведомства. Этот доклад Нарышкина был утвержден императрицей, и на содержание и обучение яхт-пажей приказано было отпускать по 2000 рублей в год. О дальнейшей судьбе яхт-пажей мы знаем только, что в 1785 году императрица приказала, чтобы они для обучения ходили в Пажеский Ее Величества корпус, и что в следующем году последовало распоряжение – выпускать их по окончании полного курса армейскими поручиками²⁰⁴.

Тотчас же после утверждения яхт-штата 1773 года крупный бюджет обер-егермейстерского корпуса был еще более увеличен. "По особливым именным Ее Императорского Величества указам" в обер-егермейстерское ведомство определено было несколько сверхштатных чинов с довольно большими окладами жалованья, а именно: присутствовавший в московской обер-егермейстерской конторе бригадир Алексей Булгаков, коллежский ассессор Иоганн Бем, заведовавший собственной Ее Величества оружейною палатою, и, между прочим, несколько "пенсионеров, бывших при слонах, из азиатцев, престарелых и увечных служителей". На этих сверхштатных чинов требовался сверхштатный расход до 2900 р. в год. В то же время потребовалось 7000 р. на строение и ремонт зданий и, наконец, 2000 р. на яхт-пажей. Таким образом через год после издания яхт-штата обер-егермейстер должен был просить о ежегодном отпуске еще 13.000 р. с лишком. "А без отпуску оной суммы, – писал Нарышкин в докладе своем

Императрице, – обер-егермейстерской канцелярии пробыть не можно", так как служители за неполучением жалованья претерпевают крайнюю нужду. Ходатайство Нарышкина было удовлетворено, и с августа 1774 года на Императорскую охоту стали отпускать 81.286 р. в год. Надо полагать, этой суммы с излишком хватало тогда на все потребности Императорской охоты; по крайней мере, в 1779 году явились даже остатки от разных сумм по Обер-егермейстерскому корпусу, так что преемник Нарышкина, обер-егермейстер князь П. А. Голицын, нашел возможным несколько увеличить жалованье чинов охоты. Яхт-штат 1773 г., обстоятельно регламентировавший все стороны придворной охоты, впервые обстоятельно определил также служебные права и преимущества чинов егермейстерского ведомства. "Всем служителям охоты" даны были соответственно высокие ранги, во внимание к тому, что они по роду своей службы часто бывают "близки к Высочайшим Особам". Обер-егерю присвоен был ранг придворного конюшенного ясельничего, а главностатейничему московской птичьей охоты – ранг придворного конюшенного обер-берейтора; старшему же статейничему – придворного конюшенного берейтора. Форштмейстеры, биксеншпаниеры и младший статейничий птичьей охоты состояли в чине поручика. Этим же чином награждались и лица, занимавшие должности стремянных ее величества и его высочества "за их долговременную и беспорочную службу" и вследствие того обстоятельства, что они также близки к высочайшим особам, "как бюксен-шпаниеры с ружьями, а они на поле при стреме". По отношению к кречетникам и сокольникам штатом было установлено, чтобы по выслуге семи лет

они получали чин прапорщика. До выслуги же означенного срока они должны были считаться в унтер-офицерских чинах.

+ 1765 г.

Сыну моему и Вселѣшному Монарху Монарху
 Савити и Наставлену естатъ
 Се Волынского дела отъ начала до
 конца да бы они Видели и сего оне
 рсала отъ того же тезъ да по
 го прикере Вѣроуводства дѣла
 Имѣ. Анна своей Катинѣ тѣмъ
 Министру Артемью Волынско
 му приказывала сочинить про
 шеніе о отравленіи Вѣроувод
 ства и Едретвенныхъ дѣла, кото
 рой онъ и сочинилъ и ей поддалъ
 осталось ей полезное употребитъ
 не полезное отставить изъ
 представленіи. Но на противъ
 того его злодеи и кому его про
 шеніе не ^{то} ^{досе} ~~правильно~~ изъ того со
 шипенія Вытащили за Волосъ
 такъ спазать и Вѣдали на
 Волынского измѣннеспонъ и такъ
 и Вудто онъ сего присвоивъ
 хотелъ Власть Едра, чего отъ
 подыти не ~~допустило~~. Еще шрѣ
 дѣло видно шоль мало поборитъ
 можно на пытоныхъ речей что да

Собственноручная надпись Императрицы Екатерины II на сыскомъ дѣлѣ

А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государств. архив).

Сокольники и кречетники большею частью были из дворян, и указом 1773 г. было определено, что только дворяне могут служить в Императорской птичьей охоте, и всех сокольников не дворян предписано было отставить от службы²⁰⁵. Чиновники С.-Петербургской обер-егермейстерской канцелярии и ее московской конторы: секретари, протоколист, регистратор и проч. – были приравнены к служащим в коллегиях в тех же должностях. Все комиссары, заведовавшие хозяйственной частью отдельных учреждений Императорской охоты, сравнены были в рангах с придворными конюшенными комиссарами, состоявшими "при богатой ливрее".

Указом 6 мая 1771 г. все чины обер-егермейстерского ведомства вместе со всеми дворцовыми служителями получили привилегию свободы от телесных наказаний. В указе императрицы Екатерины II сказано было следующее: "Хотя Мы, с начала Нашего царствования, уже воспретили, чтобы никто при дворе Нашем из ливрейных Наших служителей, какого бы звания ни был, никем и ничем бит не был, но ныне уведомились Мы, к немалому удивлению Нашему, что, несмотря на сие повеление Наше, воля Наша не исполняется, и паки при дворе Нашем возобновилась злая привычка ливрейных служителей бить. Мы имеем в омерзении все суровости, от невежества рожденные и выдуманные; чрез сие накрепко воспрещаем, под опасением Нашего гнева, всем, до кого надлежит, ливрейных Наших служителей, какого бы звания при дворе Нашем не находились, отнюдь *никогда* и *ничем* не бить". Далее в указе предписывалось "злую привычку бить" и все "суровости, от невежества рожденные", заменить мерами более гуманными. На провинившегося, напр., в

пьянстве, нерадении по службе и непослушании рекомендовалось сначала подействовать кротостью, затем подвергнуть аресту, а при недействительности этой меры – сажать на двое суток на хлеб и воду. Когда таким образом исчерпывалась вся система исправительных мер, предписывалось снять с виновного при его товарищах ливрею и, объяснив ему, почему это делается, уволить его со службы или же отослать в военные команды, "смотря по вине и состоянию". Служителей же, уличенных в воровстве и других преступлениях, предписано было, "сняв ливрею", предавать суду. В том же указе Екатерина II требовала, чтобы господа командиры с правосудным беспристрастием награждали служителей беспорочного поведения по их заслугам, "несмотря ни на какие посторонние ходатайства и происки"²⁰⁶.

Высоко ценя деятельность некоторых чинов Императорской охоты, венценосные охотники отличали их щедрыми наградами или пособиями в случае каких-либо несчастий. Императрица Елисавета Петровна благодаря своим частым охотам лично хорошо знала многих егерей и жаловала им награды, не в пример прочим чинам. Когда несколько егерей пострадали от пожара, Елисавета Петровна приказала выдать обер-егерю пятьсот рублей, егерям – по триста и егерским ученикам – по двести рублей²⁰⁷. Во время празднования "мирного торжества" в 1775 году, устроенного по случаю заключения мира с Турцией, Екатерина Великая пожаловала для раздачи чинам Императорской птичьей охоты тысячу голландских червонцев, составлявших тогда сумму в 2500 рублей. Раздавая эти деньги, Обер-егермейстерская канцелярия строго отделила "радивых от нерадивых", постаравшись выяснить, "кто из чинов по той птичьей

охоте должность свою рачительно исправляет и кто, по каким ни есть встречающимся обстоятельствам, оной должности не может с таким успехом и тщательным поревнованием, как первые, управлять". Любопытно, что при этом канцелярия предписала главностатейничему выдать все деньги на руки только лицам "доброго состояния", т. е. тем, относительно которых главностатейничий мог быть вполне уверен, что они по случаю продолжающегося "мирного торжества" не пустят пожалованных денег на ветер; остальным же велено было выдать только часть денег, для самых необходимых нужд, отложив полную раздачу до окончания торжества²⁰⁸.

Когда "за дряхлостью лет" или за полную "инвалидностью" чины охоты выходили в отставку, их нередко награждали пенсионом в размере жалованья, или же им поручали более легкое дело с сохранением прежних окладов. Так, в 1765 году обер-егермейстер Нарышкин, донося Екатерине, что на зверовом дворе пала "последняя слониха" из приведенных в 1741 году в Россию от шаха персидского 13 слонов и что поэтому пресекался отпуск суммы "на слоновую команду", ходатайствовал пред императрицею наградить четырнадцать человек слоновщиков, оставшихся ныне без дела, хотя бы половинным против оклада их жалованьем, указывая, что большая часть тех слоновщиков – люди престарелые, получившие за время своего ухода за слонами серьезные увечья, и что, следовательно, они, если лишатся получаемого ими жалованья, останутся совсем без пропитания, тем более что ни один из них за принятием в России православной веры не может возвратиться к себе на родину. Екатерина II вошла в положение слоновщиков "из азиатской нации" и на докладе Нарышкина

написала:

пытокъ все сіи нещасный утверж-
 дали невинность Волинскаго а
 припытми говорили всѣ что злодѣи
 ихъ хотѣли, страна на ихъ роду
 человеке сному пришло на умъ а
 те же что обвинительные свѣдѣ-
 реніи вѣражи бывшаго человека
 перели сѣ холодной кровіи, всякой
 пыткой вѣражи и самъ уже
 не зналъ что говорить, и стало
 отъ ахъ на рассужденіи всякому
 имѣющему что разумъ можно
 ли обвинить пытокными речами
 и на то сѣ доброй совѣсти пока-
 жатся Волинской былъ гордъ и
 дерзостенъ въ своихъ поступкахъ
 аупако не измѣнилъ, но на тро-
 нѣ того доброй а усердной де-
 тности и ревниженіемъ полез-
 нымъ пострашеніемъ своего оте-
 цества, и такъ смѣртная казнь
 терпѣлъ такъ невиненъ, и хотѣлъ
 отъ изаподлинно произносилъ слова

Продолженіе собственноручной надписи Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ
 А. П. Волинскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

"Сим престарелым, как денежное, так и хлебное жалованье, и дрова, и мундиры производить по смерти по прежним окладам сполна". Несколько ранее, в 1762 году, тот же Нарышкин, ходатайствуя пред Екатериною об увольнении от службы в царской охоте различных престарелых охотников, просил троих егерей, из которых первые два числились на службе с 1737 года, а третий с 1743 года, определить за старостью лет к другим делам, "наградив рангом порутческим", а престарелому петергофскому форштмейстеру Газу, которому тогда было 70 лет, дать отставку с пенсионом. Кроме того, Нарышкин просил дать обер-егерю Бему за его свыше 26-летнюю беспорочную службу следующий ранг. Относительно престарелых егерей, императрица положила следующую резолюцию: "Употребить оных в обер-ягермейстерской ведомствы (sic), дабы оны имели чем жить, а об рангах указ после будет, когда штат весь в порядке придет". Относительно же Газа и Бема императрица поставила на вид Нарышкину неполноту его доклада: "Не веду жалованья – одного, да чина – другога" (sic)²⁰⁹.

Определенной пенсии за выслугу лет установлено не было; награждение пенсионом при отставке являлось делом милости или особого "за долговременную и беспорочную службу" пожалования, на которое могло рассчитывать лишь незначительное меньшинство. Поэтому со стороны некоторых чинов обер-егермейстерского ведомства слышались жалобы на полную безвыходность их положения при отставке. Так, в 1769 году дворяне-чины московской птичьей охоты, в прошении на имя императрицы, жалуясь вообще, что им приходится долговременно "со всяким рачением" служить в птичьей охоте и не видеть никакого поощрения своей тяжелой службе, особенно

печаловались, что и по долговременной своей службе, выходя в отставку, они не получают никакого награждения и пропитания²¹⁰. Между тем служба в царской охоте настолько их изнуряет, что после отставки они ни на какую другую работу уже не способны – "за слабостию нашею и от убиения от верховой езды лошадьми", как объяснено в челобитной. Поэтому чины московской птичьей охоты, между прочим, просили или награждать их при отставках пенсионом, или же заблаговременно выпускать из службы в царской охоте в другие военные и гражданские службы "с награждением чином". Эта челобитная не была оставлена без внимания; в следующем же 1770 году именными ее величества указами повелевалось "давать пропитание в дворцовых волостях некоторым из уволенных за старостию со службы в Императорской охоте". Кроме того, по яхт-штату 1773 года ассигнована была особая сумма в 800 рублей на пенсии, которые положено было давать по смерти "служащим без всякого порока". При обер-егермейстере князе Голицыне нередко отчислялись на пенсию остатки штатных сумм²¹¹.

Места престарелых, "выбылых", охотников по высочайшему повелению, замещались по преимуществу сыновьями служителей обер-егермейстерского корпуса. "Дабы тем малолетним способнее было заступить места отцов своих", обер-егермейстер Нарышкин устроил при Обер-егермейстерском корпусе школу для детей охотников. Школа была рассчитана на 18 человек; в ней предполагалось обучать детей "фершерству, егерству, на рогах и волторнах игранию". В 1765 году Нарышкин просил Екатерину II часть суммы, которая раньше отпускалась "на слоновую команду",

ассигновать на содержание вновь открытой школы. Свои предположения об устройстве школы Нарышкин изложил в том же докладе, уже упомянутом нами, в котором он ходатайствовал о пенсии слоновщику. В своей резолюции на этом докладе Екатерина II разрешила вопрос о пенсии, но почему-то не сказала ни слова об отпуске денег на школу для детей охотников. Тогда Нарышкин, 8 декабря того же года, обратился к секретарю императрицы с просьбой вновь представить государыне его доклад. Тщетно ожидая ответа, Нарышкин 16 января следующего года снова обратился с письмом к секретарю Екатерины II, указывая, что отсутствие резолюции касательно организованной им школы лишает обер-егермейстерское ведомство возможности содержать школьников. К этому Нарышкин прибавлял, что школа, помимо всяких других соображений, нужна для Обер-егермейстерского корпуса уже по одному тому, что она не позволит малолетним разбрестись по другим командам. На содержание школы, кроме хлеба и дров, обер-егермейстер просил отпускать по 735 рублей в год. К сожалению, мы не знаем, чем кончились эти старания Нарышкина, и не имеем никаких сведений о дальнейшей судьбе егермейстерской школы, его любимого детища²¹².

Как и в предыдущую эпоху, чины Обер-егермейстерского корпуса нередко принимали участие в различных торжественных процессиях, устраивавшихся при дворе²¹³. Кроме того, сохранились сведения об участии егерей в военных действиях против шведов²¹⁴. 22 марта 1789 года высочайшим повелением обер-егермейстеру князю Голицыну предписывалось отправить егерей на флотилии в Ладонежское озеро, снабдив их ружьями из

руст-камеры, порохом и свинцом для пуль и картечи. С командою приказано было отправить офицера, бывавшего в походах.

ты слова в партиях Особо ~~и~~
 Анны в которыхъ видны что ма-
 то, тобъ она была въ ~~дѣлѣ~~ ^{целѣ} ма-
 дура и могла случая показать
 слово должно уничтожить по-
 добныя малости которыя у ней
 не отнимали ни на Вершине Ве-
 чества и не убавили повсюду
 ея персональныя качества, въ
 сей дѣлѣ и имѣетъ неисчислима
 протвѣтъ способы и удивленій
 въ почтенныя свои подданыя; Есть
 либъ Воинской приписанъ былъ
 и ябъ услаждала его способностью
 въ дѣлахъ Государственныхъ и не
 которое ^{не} таинствіе малое, ябъ
 старалась всѣми, для него неог-
 чительными способами его при-
 вести на путь истинной, а есть
 либъ я увидѣла что онъ не со-
 совенъ въ дѣлахъ, ябъ ему са-
 зала или дала разумѣть не покая
 ре его, тобъ и счастливы и доволенъ

Продолженіе собственноручной надписи Императрицы Екатерины II на сыскомъ опись
 А. П. Волинскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

Князь Голицын приискал для этой экспедиции отставного секунд-майора Толмачева, "человека весьма достойного", который находился при егерской команде в походе еще во время турецкой войны и был в сражениях под Журжею и в других местах. В экспедицию отправлено было 30 егерей, "знающих в стрельбе"; каждому егерю было выдано по ружью и пистолету. В мае следующего 1790 года из обер-егермейстерского ведомства снова были затребованы служители на гребной флот, предназначавшийся для военных действий "против Шведа"²¹⁵. На этот раз поспешно снаряжены были не только егеря, но и вообще люди всякого звания и чина, согласно требованию: "чем больше, тем лучше, лишь бы не престарелых", – и на другой же день, под командой того же майора Толмачева, отправлены были в Выборг. За скорое доставление людей "в столь нужное время" обер-егермейстер князь Голицын удостоился благодарности императрицы.

Сведения о форменной одежде егерей от рассматриваемого времени, к сожалению, сохранились в весьма ограниченном количестве. Во втором томе нашего исследования, говоря об одежде чинов царской охоты, мы имели случай заметить, что древняя Россия не знала профессиональных костюмов и что таковые появились только со времени Петра Великого. В царствование Петра русские, по почину великого царя, переодеваются в западноевропейское платье; рядом с этим с Запада заимствуется обычай специального обмундирования чинов государственной службы. Различные ведомства одно за другим, вслед за военным и морским, присваивают своим служащим особые мундиры. Егермейстерское ведомство последовало общему примеру; заимствовав иностранные

наименования для чинов охоты, оно заимствовало для них также и специальное обмундирование по западноевропейскому образцу. Когда именно чины Императорской охоты были одеты в западноевропейские мундиры – неизвестно, как неизвестно и то, какова была первоначальная форма их обмундирования. Определенные указания на платье чинов царской охоты мы находим впервые в росписи собственной охоты Петра II; здесь упоминаются парадные мундиры из зеленого сукна со стамедным подбоем и ординарные – из сермяжного сукна, для полевой осенней езды. Начиная с 1741 года, встречаются отрывочные указания на обмундирование того или другого чина охоты. По этим данным, однако, трудно восстановить полную картину обмундирования чинов обер-егермейстерского ведомства, особенно в ее историческом развитии, и мы ограничимся только немногими замечаниями²¹⁶.

Составными частями охотничьего обмундирования в это время были кафтаны, сюртуки, мундиры, камзолы, шапки или шляпы, картузы, кушаки, перчатки или рукавицы и проч. Кафтаны употреблялись разных цветов: так, в 1741 году егеря и пикеры носили кафтан *зеленого* цвета; впоследствии употреблялись также парадные кафтаны *алого сукна*; в 1751 году в них были одеты стремянные охотники, а в 1772 году – чины птичьей охоты, отправленной в Яссы с послом князем Григорием Григорьевичем Орловым²¹⁷. По штату 1773 года "охотной" команде полагались кафтаны красного цвета. По борту, подолу и по швам кафтан обшивался позументом. Сукно на кафтаны употреблялось иногда очень высокого качества (в 5 р. аршин – цена по тому времени очень дорогая).

Сюртуки предназначались для повседневного ношения и делались из сермяжного сукна; от 1766 года сохранилось упоминание о "дождевых" зеленых сюртуках для выжлятников. *Мундир* в большинстве случаев представляет парадный или выездной костюм, хотя встречается упоминание и об ординарных мундирах, приготовленных из сермяжного сукна. Преобладающий цвет мундира – зеленый; иногда мундир отделывался золотым позументом. Особенно парадные мундиры из зеленого сукна были приготовлены в 1743 году для егерей к празднику св. Пасхи и в 1766 году для выжлятников, наварщиков и охотников московской охоты, а также для чинов Императорской птичьей охоты, отправленной в Яссы; здесь мы встречаем богатые мундиры и ординарческие мундиры с широким позументом и палевыми штанами.

Камзол надевался под кафтан, сюртук или мундир. Камзолы были или зеленого цвета, или же различных оттенков: желтого, палевого и лосиного. Особенно богатые камзолы изготовлены были стремянным охотникам для полевых выездов в 1751 году. Эти камзолы были зеленого сукна, подбитые зеленым атласом и украшенные богатыми золотыми кистями различной длины. В штате 1773 года упоминаются камзолы лосиного (для егерской команды) и желтого (для охотников) цвета, выложенные по борту и по швам в три узких позумента, из которых один, золотой, шел посередине и два серебряных по бокам. Чином птичьей охоты, имевшим ранг прапорщика, приказывалось обшить камзолы узеньким позументом и, отобрав от них казенные пуговицы с гербами, нашить на кафтаны и камзолы ординарные пуговицы, "как все обер-офицеры ходят". Низшим чином охоты выдавались шапки,

кушаки, рукавицы. Впрочем, шапки теплые с сурковой опушкой и красным верхом носили в 1762 году и пикеры, а такая же шапка, но только с зеленым верхом, полагалась трюфельному егерю. Кроме того, упоминаются "яские богатые картузы" из зеленого бархата, украшенные различными позументами и кисточками, и шляпы с золотым позументом и лентами, а также шапки чинов птичьей охоты – "черные, плисовые с золочеными гербами", "штучками" и разными плюмажами, белыми шелковыми, белыми гарусными, "белыми перьяными с бантами зеленой ленты".

В качестве зимнего костюма встречаем шубу. Но, вообще говоря, выдача шуб чинам обер-егермейстерского ведомства – явление редкое. Мы нашли только одно упоминание об этой одежде: в 1762 году полагались волчьи шубы, крытые зеленою материею (камлотом), пикерам и трюфельному егерю. Наконец, нам остается еще упомянуть об одном костюме – эпанче, которая в 1746 году для чинов московской птичьей охоты была изготовлена из английского зеленого сукна и отделана байкой и немецким гарусом.

Из других принадлежностей обмундирования и снаряжения должно упомянуть кортики, портупей, ружья, медные гербы и перевязи. У "яских охотников" упоминаются кортики с золочеными эфесами и позументные перевязи и портупей; чинам птичьей охоты – прапорщикам предписывалось на парадных выездах на охоту иметь "парадные кортики" с зелеными костяными эфесами [218](#)).

Седла и вальтрапы для Императорской охоты изготовлялись конюшенным ведомством, а гербы,

перевязи, портупей и проч. работал "придворный живописец Дювили"²¹⁹. Перевязи и портупей его работы делались из кожи и сукна и украшались "орлами, вензелями и штучками", или на перевязи и портупей шли "вычеканенные штучки или звенышки, а именно состоящие в блесточках маленьких, в орлах и именах Ее Императорского Величества"²²⁰. На перевязи и портупее прикреплялись, сверх того, "два орла большие, из которых один будет на лопасти портупейной, а другой – где сойдутся два конца перевязи". Последние орлы позолочены и посеребрены "самым лучшим золотом и серебром", потому что "чеканить таких больших орлов не можно". Портупей имели "медные замки" с пришитой лосиной кожей для вкладывания в них кортиков.

В 1775 году Петербургская псовая охота имела: смычки для гончих собак железные, слесарной работы; сумки кожаные с дублеными ремнями и глухими пряжками "для клажи шквар и прикормки во время наездки собак"; арапники у псовых охотников, сделанные по образцу, указанному обер-егермейстером Нарышкиным, "который бы исправно хлопал", выдавались охотникам с вычетом их стоимости из их жалованья. Вальтрапы были суконные зеленые с узким золотым позументом; седла кожаные английские; узды ременные; тулумбасы или "политавры" медные; рогатины разборные (Госуд. арх., оп. 72, д. NoNo 48, 39, 53)²²¹.

Глава IV

Охоты частных лиц в XVIII веке

Когда царь Михаил Феодорович после тягостных первых пяти лет своего царствования нашел возможность позаботиться о возобновлении царской псовой охоты, разрушенной Смутным временем, то он прежде всего, как мы говорили во II томе, послал в северные уезды охотников и конных псарей с поручением брать у всяких чинов людей собак борзых, гончих и медеянских. Царская охота была восстановлена при помощи частных охот, боярских и дворянских. То же самое повторилось спустя более ста лет. По вступлении на престол страстного охотника Петра II Царская псовая охота, пришедшая в крайний упадок за предшествовавшие царствования, была заново организована путем конфискации и покупки лучших собак у частных лиц. В частных охотах дворянства-"шляхетства" этого времени нашлось для государя много резвых борзых и гончих, много искусных псарей и доезжачих. Охоты частных лиц и впоследствии не раз питали Императорскую охоту. Так, например, ядром псовой охоты, образованной для императрицы Елисаветы Петровны, послужила охота графа Головкина.

Русская псовая охота самостоятельно развилась, со всеми своими особыми приемами, еще в Московской Руси XVI и XVII столетий, леса и поля которой изобиловали дичью и зверем. Иностранцам, впервые знакомившимся с русской охотой, она не нравилась. Так, рижский немец Фонлессин, посетивший Россию в 1639 г., усмотрел в русских охотах "бездельные

порядки"; голштинец Бергхольц писал, что псовая охота, показанная ему князем Ромодановским, "не может выдержать никакого сравнения с немецкой". Но эти иностранцы не понимали и не ценили самобытного своеобразия русской охоты, потому что смотрели на нее с предвзятой точки зрения западноевропейских охотников, увлекавшихся охотой парфорсной и не знавших другой. Они считали "бездельными" — непривычные для них, своеобразные и строго выработанные приемы. Подробных сведений о псовых охотах московского времени, к сожалению, не сохранилось. Мы обстоятельно знакомимся с русской псовой охотой впервые по данным второй половины XVIII века и тотчас же убеждаемся, что все ее приемы и навыки представляют собою наследие глубокой старины. Мы встречаем в ней выработанное искусство, ряд твердо установившихся приемов и живую чисто русскую охотничью речь. Иностранное влияние, отразившееся на Императорской охоте, почти вовсе не коснулось частных псовых охот, сохранивших старые русские порядки.

Об известнейших охотниках начала XVIII столетия, князьях Ромодановских, князьях Долгоруких и Волынском, мы говорили уже в предшествовавших главах. Князя *Долгорукие*, Алексей Григорьевич и его сын Иван Алексеевич, любимцы Петра II, пользуясь охотой как средством для личного возвышения, в то же время сами искренно, до самозабвения увлекались ею. В царствование Петра II Бирон, заискивавший перед князем Иваном, не нашел для него лучшего подарка, как хорошую курляндскую собаку. После смерти Петра II князя Долгорукие поспешили взять себе из устроенной ими для государя измайловской охоты 109 собак. Когда затем, подвергшись внезапной опале, они

отправились всею семьею в далекую ссылку, то постоянно охотились в дороге. "Маленькая у нас утеха была – псовая охота, – рассказывает княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная Шереметева. – Свекор (князь Алексей Григорьевич) превеликой охотник был; где случится какой перелесочек, место для них покажется хорошо, верхами сядут и поедут, пустят гончих".

Таким же "превеликим охотником" был и первый обер-егермейстер Артемий Петрович *Волынский*. Он увлекся охотою и стал большим знатоком по этой части много раньше своего приближения ко двору императрицы, еще когда служил губернатором в далекой Казани. Назначенный обер-егермейстером, Волынский оказался вполне подготовленным для управления Императорской охотой. Его собственные собакигодились для улучшения псарни Царской охоты. Волынский, конечно, не был одиноким любителем охотничьей потехи; несомненно, и в Казани, и в Астрахани он нашел себе товарищей, хорошо знающих дело. В Москве же и в Петербурге он мог встретить многих любителей охоты среди высшего дворянства. Из писем Волынского к родственнику его, главнокомандующему Москвы графу Семену Андреевичу Салтыкову, видно, что Волынский хорошо знал его собак и псарей и знаком был с лицами, составлявшими охотничий кружок влиятельного графа Салтыкова. Мы коснулись уже раньше этой переписки, но считаем не лишним привести здесь из нее несколько выдержек, живо рисующих нам, как сильно интересовался охотою этот кружок охотников. Когда Волынский в 1734 году уехал в Петербург, Салтыков взял к себе одну из его собак, оставшихся в Москве. Волынский писал ему по этому поводу следующее:

"Что же, милостивой государь, изволите писать, что суку мою чюбаропегую, брудастую, до приезда моего изволили взять к себе, я в том, конечно, не спорщик, только милости прошу, чтобы она поближе была от вас, а не у Еврейскова на руках; я и о том, Милостивой государь, дивлюсь, что такому беспутному охотнику изволили отдать рыскать черных брудастых собак, которых я к вашему высокографскому сиятельству прислал; лучше было пожаловать Сенке или другому кому, такому ж охотнику". В другом письме Волынский спрашивает графа Семена Андреевича о своих собаках "Татарке" и "Алгред", "с повеселили-ль они его хотя несколько", и Салтыков не замедлил ответить на его вопросы: "Государь мой Артемий Петрович. Вашего превосходительства государя моего, письмо из Петербурга от 12 Октября – сего Ноября 2 числа я получил, за которое благодарствую и впредь прошу тем же меня не оставить, что охотно всегда видеть. Что же изволите писать о брудастой чюбаропегой суке, как она, будучи у меня, скакала, также и о Татарке, на что вам доношу, она чюбаропегая сука у меня скакала не резво, и многократно видел, скачет не лихо, а Татарки еще и по сие время не видал, и хотя за мной скакала, только видеть не случилось. Москва, Ноября 4 Дня 1734 г."

Из числа лиц, разделявших эти охотничьи интересы Волынского и графа Салтыкова, составлявших их дружеский охотничий кружок, мы знаем нескольких, а именно: сенатора и тайного советника Федора Васильевича *Наумова*, который в 1727 г. был министром при малороссийском гетмане Апостоле, а впоследствии (с 1737 г.) петербургским вице-губернатором; затем графа *Панина*, Алексея Ивановича, бывшего одно время смоленским

губернатором, а в 1734–1740 гг. президентом Ревизионной коллегии, и Степана Андреевича *Колычева*, который при Петре Великом служил вице-губернатором в Воронеже, а впоследствии, между прочим, ревизовал все счета по Императорскому двору. О Федоре Наумове известно, что он, находясь в Симбирске в 1733 г. для сооружения закамской оборонительной линии, прислал оттуда в подарок своему патрону, графу С. А. Салтыкову, борзую, "пребезпримерно резвую", по кличке "Перла". А. И. Панин в 1733 году состоял товарищем заведовавшего московской сенатской конторой Салтыкова и в это время часто ездил вместе с ним на охоту и менялся собаками.

Среди высшего общества в царствование Анны Иоанновны любовь к псовой охоте была широко распространена. Ввиду крайней отрывочности и случайности сведений мы не в состоянии дать полной картины дворянских охот за это время, но все же, кроме описанного охотничьего кружка графа С. А. Салтыкова, можем назвать еще несколько лиц, любивших забавы отъезжего поля. Грозный начальник Тайной канцелярии, или Канцелярии тайных розыскных дел (учрежденной в 1731 г., взамен только что уничтоженного Преображенского приказа), генерал-аншеф Андрей Иванович *Ушаков*, славился своими охотами под Москвою. Очень хорошая охота имелась у *графа Головкина*, Михаила Гавриловича, сына петровского канцлера. При Анне Иоанновне гр. М. Г. Головкин был сенатором и главным директором Монетной канцелярии (с 1731 г.), а в недолгое время правления Анны Леопольдовны состоял вице-канцлером и кабинет-министром и пользовался исключительным доверием правительницы.

Женившись на княжне Ромодановской, гр. Головкин после смерти кн. Ив. Фед. Ромодановского наследовал в числе прочего имущества и его богатую псовую охоту.



А. Степанов. Пуск гончих.

По воцарении Елисаветы Петровны гр. Головкин был сослан вместе с Остерманом, Минихом и Левенвольдом; охота его была конфискована и послужила, как мы говорили, ядром новой псовой охоты, устроенной для императрицы ловчим Стромиловым. Большим любителем охоты был также князь Алексей Дмитриевич *Голицын*, действ. статск. советник, с 1730 г. по 1738 г. состоявший главным судьей Московского судного приказа.

Пример императрицы Елисаветы Петровны и графа Алексея Григорьевича Разумовского, страстно любивших псовую охоту, мог только усилить интерес к ней в высшем обществе. Не менее широко, чем в высшем обществе, распространена была любовь к охоте среди провинциального мелкопоместного дворянства. В подмосковных поместьях и в отдаленной провинциальной глуши встречалось одинаково много помещиков, искусных охотников, имевших хороших борзых и гончих. Несколько любопытных указаний на этот счет дают извлеченные нами из архивов дела о браконьерстве за 1740–1760 гг., вызванные указами о воспрещении охоты всякого рода в окрестностях Петербурга и Москвы²²².

Указы о воспрещении охоты, изданные при Анне Иоанновне (рассмотренные нами выше, во II главе), были подтверждены в первый же месяц по вступлении на престол Елисаветы Петровны, и декабря 1741 г., "в возобновление прежде выданных указов", велено было объявить о запрещении охоты под Петербургом и 19 декабря – под Москвою на 100 верст кругом²²³. Через год, указом 11 декабря 1742 г., запретный для охоты район под Москвою был уменьшен со 100 до 50 верст²²⁴, и при этом вновь было объявлено с барабанным боем строгое воспрещение: "Около

Москвы во все стороны, расстоянием на 50 верст, со псовой охотою и тенетами никому не ездить и как зверей, так и птиц не травить, и не ловить, и не стрелять, и никакими вымыслы не ловить же"²²⁵. Охота на зайцев впоследствии, в 1752 г., воспрещена была также в провинциях: Переяславской, Юрьев-Польской и Суздальской и в Шуйском уезде тогдашней Московской губернии, т. е. в нынешней Владимирской губернии с прилегающими к ней частями губерний Ярославской и Костромской²²⁶. Капралам и ефрейторам московского драгунского "шквадрона" вменено было в обязанность преследовать браконьеров. Драгуны объезжали окрестности Москвы и очень часто ловили и приводили в московскую егермейстерскую канцелярию охотников с ружьями, собаками и лошадьми, на суд и расправу²²⁷. Но драгунские караулы оказывались недостаточными и не пресекали браконьерства. Время от времени обнаруживалось, "что не токмо в запретительных местах (на 50 верст), но и в самой близости Москвы, а именно в Перовских Строгановских рощах и около села Коломенского и в прочих тому подобных местах, не страшась Ее Императорского Величества указов, некоторые презрители как со псовой охотою ездят, так и птиц всячески ловят и стреляют"²²⁸.

Наряду с крестьянами, ловившими зайцев и стрелявшими уток в недозволенных местах, "презрителями указов" весьма часто оказывались подмосковные дворяне-помещики средней руки. Сыновья служившего в петербургской полицмейстерской канцелярии князя Никиты Петровича Щербатова, Павел и Андрей, в 1745 году два раза были застигнуты на месте преступления. Вотчина их, село Салтыково, находилась в

Коломенском уезде, в 50 верстах от Москвы, на границе запретного района, но, увлекаясь охотой, они нередко переступали через эту границу и направлялись к Москве, в те места, где легко можно было встретить объездчиков-драгун и царских охотников. Один раз драгуны настигли молодых князей и арестовали бывших с ними псарей и доезжачих, но князьям удалось легко откупиться от этих блюстителей порядка; получив пять рублей, драгуны отпустили всех пойманных охотников. В другой раз молодые князья наткнулись на корытничего псовой охоты Ее Величества, Извольского, который обучал гончих. Извольский захватил из их охоты: "охотников 3 человек и при них 9 собак борзых, 5 гончих, 3 лошади с седлами; у оных же охотников 2 рога медные, 3 ножа охотничьи". Он оказался более строгим исполнителем своих обязанностей, чем драгуны, или же, быть может, не сошелся в цене выкупа, – и представил пойманных браконьеров с поличным в Обер-егермейстерскую контору в Москве. Задержанные охотники утверждали на допросе, что они со своими господами охотились вне запретных мест, возле речки Гнилуши, в 52 верстах от Москвы; в запретные же места, у села Шубина, попали будто бы против своей воли, ловя убежавших собак. Лишь только они "пустили псовую охоту для приему зайцев" по речке Гнилуше, как "послышалась гоньба по зайцам" в противоположной стороне и тогда "их собаки от оной речки Гнилуши на оную гоньбу сдались"; они поскакали догонять собак, убежавших в запретные места, и тут-то их и "взяли государевы охотники". "А в тех де местах, где набежали охоту Ее Императорского Величества, они со псовой охотой не ездили, и собак не пушали, и зверей никаких не травили; а утекли оные собаки на вышеозначенную

охоту на крик сами". Обер-егермейстерская контора не поверила этому рассказу и конфисковала собак, рога и ножи, лошадей же отдала обратно владельцам. Лучшие из захваченных собак в числе 10-ти были переданы в Императорскую охоту: 6 борзых, в том числе и чубарая английская, и 4 гончих: выжлецы черный, каурый и 2 багряных²²⁹.

В этом случае охотники князей Щербатовых счастливо избегли наказания, установленного за браконьерство. Пострадали только их господа, лишившиеся хороших охотничьих собак. Но браконьерам-псарям нередко приходилось жестоко платиться за нарушение закона; им полагалось наказание плетьюми. В сентябре 1748 г. объездчики-драгуны поймали в лесных дачах графа Федора Алексеевича Апраксина, в 35 верстах от Москвы, псаря, жившего в вотчине графа для присмотра и корма собак, которых на его попечении было 30 штук. Псарь охотился с двумя борзыми и гончей и настигнут был как раз в тот момент, когда "звал в рог". На допросе он говорил, что "никаких зверей он с собаками не ловил", а трубил в рог, чтобы поймать убежавших собак; вверенные его попечению псы прогрызли в сарае дыру и убежали; он погнался за ними в лес и стал их скликать: "И по трубе те собаки к нему из лесу прибежали, с которыми он и пойман объезджими драгунами". Губернская канцелярия, разбиравшая дело, не приняла этих оправданий и постановила: "за ту его продерзость, на страх другим, учинить ему наказанье: бить плетьюми, и по учинении наказания освободить с распискою"²³⁰.

Еще строже наказаны были дворовые люди помещика сержанта Ханенева, которых драгуны задержали между речками Серпуховкой и Каширкой со

псовой охотой, с четырьмя борзыми и двумя смычками гончих (в 1749 г.). Эти охотники также заявили, что и не думали охотиться, а трубили в рог, чтобы поймать убежавших со двора собак. Так как они никак не хотели сознаться в своей вине, то губернская канцелярия решила покарать их "за *несмотрение*", что собаки со двора сорвались и побежали полем в рощу" и "на страх другим, учинить им наказание: *бить плетми нещадно*"²³¹.

В 1752 г. драгуны, между прочим, в 45 верстах от Москвы по Серпуховской дороге "наехали" на псовую охоту гвардии капрала Ивана Еропкина и артиллерии штык-юнкера Александра Чебышева; с ними было 7 человек егерей, 8 лошадей, 17 гончих и 3 борзых. Лошади и собаки были конфискованы и "записаны на приход" в московскую Императорскую охоту; кроме того, с каждого охотника взыскали по 10 рублей штрафных денег. В том же 1752 г. задержана была "в неуказных местах" псовая охота князя Сергея Яковлевича Львова – три охотника на лошадях и 18 собак²³².

Капралы и ефрейторы драгунского "шквадрона" часто задерживали крестьян, ловивших зайцев тенетами или стрелявших уток на пруду. Крестьяне обыкновенно оправдывались неведением указа; "на страх другим" их нещадно били плетями или батожем²³³. Однажды объездчики в излишнем усердии привели на расправу в егермейстерскую контору "незнаемо какого человека", который выстрелил в лесу из только что купленного "карманного пистолета", для его "апробации"²³⁴. В другой раз задержали лесника, который, объезжая лес, принадлежавший его господину, помещику Неронову, поднял на дороге тетеревиную чучелу²³⁵. Перечислять

далее случаи браконьерств крестьян не будем²³⁶, нас интересуют теперь только факты задержания браконьеров-помещиков и их охотников. Рассказанные выше случаи этого рода дают, хотя и в отрывочных и случайных чертах, но все же яркую картину широкого распространения среди подмосковных дворян-помещиков псовых охот, правильно организованных, с хорошими охотничьими собаками. Заметим здесь, что более влиятельные и богатые помещики охотились нередко в запретном районе, откупаясь взятками от драгунского надзора или же доставая себе специальное разрешение. Такое разрешение ездить со псовой охотой за 35 верст от Москвы получил в 1743 г. от императрицы Елисаветы камергер князь Андрей Федорович Вяземский; ему, однако, дозволено было охотиться никак не ближе 35 верст от Москвы и притом одному с дворовыми людьми-охотниками, без гостей²³⁷.

Помещиков-любителей охоты было довольно много в то время не только в ближайшем подмосковном районе, но и в более или менее удаленных от Москвы "провинциях и уездах", на которые делились тогдашние губернии²³⁸. Так, например, мы имеем любопытное известие, указывающее на распространение охоты в суздальской провинции. В 1754 г. суздальская провинциальная канцелярия доложила Сенату, что, несмотря на последовавшее в 1752 г. запрещение травить зайцев, в канцелярию постоянно поступают жалобы от местных помещичьих крестьян, "что *многое число охотников со псовою охотою*, за оным запретительным Ее Императорского Величества указом, ездят в посторонние разных господ дачи и хлеб поминают, и за запрещение многих крестьян бьют"²³⁹. Любопытный

изустный указ Петра III дошел до нас, от 27 февраля 1762 г., разрешающий дворцовым егерям стрелять ворон²⁴⁰.

Борьба с браконьерством в запретных местах под Москвою и Петербургом продолжается в царствование Екатерины Великой²⁴¹. Обер-егермейстер С. К. Нарышкин, много сделавший, как мы видели, для упорядочения всех сторон вверенного ему управления, пытался поставить на новых основаниях охрану запретных районов. "В чужих государствах, как известно, – писал он во всеподданнейшем докладе 1769 г., – около городов все поля и леса наполнены разных родов дичью, а здесь, напротив того, что ближе к столице, то дичи меньше"; обыватели истребляют дичь и "чинят то похищение, невзирая на строгие запретительные именные и Правительствующего Сената указы, опубликованные в прошедших годах". Эти замечания об истреблении дичи, несмотря на строгие и строжайшие воспрещения, мы встречали уже не раз и в указах Анны Иоанновны, и в указах Елисаветы Петровны. Для "пресечения такого зла" Нарышкин предлагал всех тех, кто будет пойман "в произвождении охоты борзыми собаками, фузеями и какими бы ни было орудиями в запретительных местах": около Петербурга, Петергофа, сел Царского и Красного и Кипенской мызы, – неимущих сдавать в солдаты, в наказание "за такое самовольство", а с зажиточных брать рекрутов, "ибо в немецких странах и вяще сего наказываются таковые преступники, яко то каторгою и прочим". Вместе с этим обер-егермейстер предлагал установить продажу билетов на право охоты в запретных местах, взимая 40 рублей "за каждую фузею с одною лягавою", как и за каждую свору борзых. Деньги, выручаемые от продажи билетов,

Нарышкин предлагал употребить на разведение зайцев и серых куропаток в окрестностях Петербурга и на постройку "жилищ для заставных объездателей, по подобию чужестранных" (сторожевых будок). Доклад Нарышкина был утвержден в мае 1769 г. надписью императрицы: "быть по сему"²⁴². Плата за билеты на право охоты (40 рублей) оказалась слишком высокой; несмотря на частые публикации в газетах о продаже билетов в Обер-егермейстерской канцелярии, лиц, желавших покупать их, не нашлось²⁴³, поэтому преемник Нарышкина, кн. П. А. Голицын, понизил в 1779 г. плату за билеты до 10 рублей²⁴⁴.

Забываясь об охране дичи в запретных местах, Нарышкин считал необходимым принять меры для охраны дичи вообще, по всей России, от чрезмерного истребления ее как охотниками-любителями, так и в особенности охотниками-промышленниками. В этом деле он последовал примеру обер-егермейстера А. П. Волынского, по инициативе которого издан был в 1737 г., как мы говорили, указ о воспреещении охоты в Петербургской губернии на летние месяцы. Эта мера по докладу Нарышкина была распространена на все государство. 17 июля 1763 г. объявлено было во всенародное известие: "Марта с 1-го числа до Петрова дни (29 июня) никому и нигде во всем государстве зверей и птиц (кроме хищных...) как тенетами, цевками, петлями, кляпцами и никакими тому подобными инструментами и ямами не ловить, так и с собаками не ездить"²⁴⁵. Исполнение этого указа "во всем государстве", во всех столь различных по климатическим условиям местностях империи оказалось невозможным; указ оказался совершенно нецелесообразным для Сибири и для Архангельского

края. Обер-егермейстер упустил из виду, что "многие сибирские народы", как поспешил указать сибирский губернатор, "не имеют иного пропитания, как только весенним временем налетевших в бесчисленном множестве всяких птиц и по заливным островам зверей бьют и тем на целый год пропитание себе заготовляют". Архангельские власти также указывали, что большая часть местных жителей "хлеба не сеют, а питаются промыслами" – охотой на птиц и зверей в весеннее время. Ввиду этого указами 1764 и 1765 гг. жителям Сибири и крайнего севера России разрешено было по-прежнему производить ловлю и стреляние птиц и зверей в удобное для них время, в течение круглого года, невозбранно²⁴⁶.

В блестящей плеяде деятелей славного екатерининского царствования было много страстных любителей охоты. Назовем прежде всего известного князя Григория Григорьевича *Орлова*, игравшего видную роль в первое десятилетие царствования Екатерины. Не довольствуясь участием в сокольных охотах императрицы, князь Григорий Григорьевич²⁴⁷ нередко охотился со своими друзьями в окрестностях Петербурга. Получив в подарок от императрицы Гатчину, он устроил здесь прекрасный зверинец²⁴⁸.

Известный генерал-аншеф граф Петр Иванович *Панин*, отличившийся взятием Бендер в первую турецкую войну и особенно усмирением пугачевского бунта, был страстным охотником. Он готов был целыми днями "вязнуть в болотах", по словам Екатерины²⁴⁹. В 1776 г. граф П. И. Панин писал одному из своих приятелей о своей страсти к псовой охоте: "Два года уже стараюсь я собрать себе достаточную свору все серых борзых собак; но за бывшим в них мором не дошел больше, как имею к

весне только трех кобелей сей шерсти". Узнав, что у одного из помещиков Поволжья есть резвая серая борзая, он просит достать ему эту собаку, причем выражает надежду, что помещик не откажет в этой услуге во внимание к его заслугам по усмирению пугачевского бунта: "Как низовые наши собраты за последнее мое на обороне их служение почти все изъявили и казались быть желательными при удобных случаях вспомоществовать и мне в моих от них выгодах".

Таким же завзятым охотником был граф Петр Васильевич *Завадовский*, один из фаворитов императрицы (в 1776–1778 гг.), бывший после удаления от двора директором заемного (ассигнационного) банка, а в царствование Александра I министром народного просвещения (в 1812 г.). Получив в 1778 г. приказание отправиться "в бессрочный вояж", Завадовский удалился из Петербурга в свое поместье близ Могилева, и здесь отдался своей страсти к охоте. "Вместо того, чтобы хозяйство разбивать, – писал он отсюда графу Воронцову в феврале 1780 г., – я с утра до вечера в лесу живу на охоте и забываю все выгоды, которые вас держат в столице". В мае этого же года, во время путешествия Екатерины на юг России, друг Завадовского А. А. Безбородко (впоследствии светлейший князь канцлер) спешил особым письмом напомнить ему о времени приезда императрицы в Могилев, вблизи которого жил Завадовский, "чтоб он не прозевал нашего приезда, гоняя зайцев". Позднее, в 1785 г., Завадовский так характеризовал свое времяпрепровождение "Живу между своей семьей и посреди псовой охоты". Он нередко отлучался на охоты на неделю и на две, отъезжал от своего поместья на

многие десятки верст, чтобы — как он говорил — "прекрасной Диане последовать в лесах"²⁵⁰.

В ряду известных охотников времен Екатерины следует назвать и двух ее обер-егермейстеров: С. К. Нарышкина и князя П. А. Голицына, которые не были только охотниками *ex officio*, но искренно увлекались охотой, затем князя Александра Михайловича Голицына (вице-канцлер при Петре III и обер-камергер при Екатерине II, умер в 1807 г.). В 1790 г. граф К. Г. Разумовский писал о князе Александре Михайловиче, что он "себя, лошадей, зайцев, людей и собак беспокоит у Шереметева в Кускове". Владелец Кускова, граф Петр Борисович Шереметев, обер-камергер, в 1781 г. получил от императрицы разрешение охотиться в запретном районе окрестностей Москвы. Такое же разрешение дано было в 1795 г. графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину, генерал-фельдмаршалу, начальствовавшему армией в войну со Швецией 1789–1790 г. (умер в 1804 г.).

В екатерининское время славился своей охотой также Иван Васильевич *Гудович*, один из наших кавказских героев. В 1785–1786 гг. Гудович был генерал-губернатором Рязанской и Тамбовской губерний, затем, после успешных действий на Кавказе во вторую турецкую войну, назначен был кавказским генерал-губернатором; впоследствии Павел I возвел его в графское достоинство; Александр I за покорение Текинского ханства и за победу под Арпачаем даровал ему чин генерал-фельдмаршала (вышел в отставку в 1812 г. и умер в 1820 г.). Когда в 1790 г. граф Кирилл Григорьевич Разумовский чрез своего сына, графа Андрея, бывшего нашим посланником в Неаполе, узнал о желании неаполитанского короля Фердинанда IV иметь свору русских собак и решил выслать их королю

в подарок от себя и своего сына, то прежде всего обратился за содействием к Гудовичу. Сам граф Кирилл Григорьевич был совершенно несведущ в охотничьем деле: собственная его охота находилась в Батурине, и он не надеялся найти в ней ни собак, ни охотников для отсылки в Неаполь; о своих охотниках он писал сыну, что из них "один пьяный, да полпьяный"; "в каком бы они костюме в Неаполе не предстали, пьянство все помрачит". Граф Разумовский поспешил обратиться с просьбою о выборе гончих к Гудовичу. "Теперь, – писал Разумовский из Москвы в Петербург к сыну (в январе 1790 г.), – буду писать о борзых, которые, без сомнения, у него (Гудовича) лучшие, и льщу себя надеждою, что он, может быть, пару и уделит, хотя он, после жены и детей, сих животных любит паче других". Гудович не замедлил выбрать лучших собак для подарка неаполитанскому королю. 28 января 1790 г. Разумовский писал своему сыну, прилагая копию письма Гудовича: "Из одного ты увидишь, что он, яко охотник, понял яснее, нежели в письме твоём написано было, т. е. что собаки должны быть борзые, а не гончие, коих он ни во что вменяет. По письму его сии животные вскоре сюда присланы будут, с которыми обходиться у меня в доме никто не знает, ибо моя охота вся в Батурине". Это "собачье посольство", как выразился граф Разумовский, доставило ему много хлопот. Он хотел одно время устроить дело так, чтобы собаки были посланы королю Фердинанду в дар от императрицы; но это его предположение не осуществилось. Затем Разумовский опасался, что его собаки и охотники не достигнут благополучно Италии: "Мне приходит на мысль, – писал он, – не лучше ли сию экспедицию оставить до удобнейшего времени, ибо теперь везде воюют, везде

бунтуют, скоты наши могут, хотя неповинные и к неповинному царю грядущие, могут, говорю, тою или другою шайкою схвачены быть и лишить нас сего предмета". Тем не менее в мае 1790 г. флигель-адъютант Разумовского, Степан Васильевич Денисов, отбыл из Москвы с "собачьим посольством" из 8 борзых и двух охотников, в конце того же года благополучно достиг Неаполя и передал собак по назначению.

О широком развитии интереса к охоте во второй половине XVIII века свидетельствует специальная охотничья литература этого времени. В "Экономическом магазине" 80-х годов печатается ряд статей и заметок по части охоты, большею частью писавшихся провинциальными любителями-охотниками. Вятский корреспондент журнала сообщает испытанные им средства лечения гончих, потерявших чутье, указывая, как вредно кормить собак салом, которое "не только отнимает чутье, но и самую паратую (резвую) собаку делает пешею", и как вреден для них деготь, которым иногда "завистники в съезжих полях" мажут ноздри лучших собак своих соперников. Другой охотник рекомендует способ, как отучить гончую собаку от дурной привычки гоняться за курами; для этого, говорит он, "надлежит ущемить хвост ее крепко в деревянную колодочку и привязав оную к нему так, чтобы не отпал, а к другому концу колодочки привязать курицу и дать собаке с нею бегать, и при том сечь ее хорошенько плетью". Некто М. Д. сообщает заметки о двух способах ловить волков и о двух способах ловить медведей, не подвергая ни себя, ни собак опасности. В том же "Экономическом магазине" находим, между прочим, сообщения о борзых и о меделянских собаках; в "Магазине натуральной истории, физики и химии или

новом собрании материй, принадлежащих к сим трем наукам" за 1789 г. – о ловле и выращивании ловчих птиц.

В 1779 г. тульский помещик, В. А. Левшин, секретарь Вольного экономического общества, даровитый и разносторонний писатель, идя навстречу общему интересу, издает краткое руководство по охоте "Совершенный егерь". Вслед за тем, в 1785 г., появляется в свет новое сочинение по части охоты: "Псовый охотник, изданный любителем псовой охоты Г. Б."



Многие главы последней книги "Псовый охотник" сохраняют вполне свое значение до настоящего времени и могут служить прекрасным руководством для современных охотников. Книга эта дает нам любопытнейшую живую картину лучших псовых охот XVIII века, показывая, как высоко стояло искусство русской псовой охоты среди провинциального дворянства того времени. В книге любителя Г. Б. псовая охота – целая наука, с множеством строго выработанных правил, с подробной, точной, исключительно русской терминологией. Автор не переводил с иностранного и не сочинял своих наставлений, он, так сказать, писал с натуры; по-видимому, он сам имел образцово устроенную охоту; во всяком случае был страстным охотником, знатоком своего дела и, составляя свой учебник охоты, только привел в систему все установившиеся издавна приемы русских охотников.

В книге этой находим интересные рассуждения "о свойствах псового охотника и о разном одного названии и должности; о должности охотников во время полевой езды"; об обучении собак: "высворка борзых и наездка гончих"; затем "о знании гончих собак мастеров во время гоньбы оными зверя, как которая добывает его", и равным образом "о знании по статьям борзых". Идеальному охотнику автор предъявляет требования, удовлетворить которые очень не легко. "Псовой охотник, – так начинает автор книгу, – должен быть следующих свойств, а именно: верен, трезв, хороших поступков, трудолюбив, вежлив, опрятен, осторожен, примечателен, чуток, не горяч, рассудителен, проворен, хитр, нестрашлив, несонлив и ласков", и, конечно, должен знать в совершенстве во всех деталях все охотничье дело. Должностей в псовой охоте – шесть:

ловчий, стремянный, доезжачий, выжлятник, псарь, корытничий. *Ловчий* – главный начальник всей охоты; он наблюдает "за всем поведением охотников", каждый день поутру докладывает господину о состоянии всей охоты и отвечает за ее исправность. Должность *стремянного* "состоит в смотре за борзыми собаками"; он седлает господину лошадь для полевой езды, приняв ее от "конюшего", и на охоте не должен отъезжать от своего господина. *Доезжачий* смотрит за гончими, чтоб всегда были в чистоте, и наезжает их, "чтоб были послушливы, позывисты на рог и стойко б гоняли". *Выжлятников* должно быть в охоте "непременно" двое; они помогают доезжачему в смотре за гончими. *Псарей* также должно быть двое для смотра за борзыми собаками и для обучения их: "к себе присворить и высворить, чтобы были вежливы". *Корытничий* заведует кормом для собак, хранит муку, шквар (высушенная конина), котлы, корыта. Кроме того, должен быть при охоте еще *сырейщик*, который приготавливает мясо для собак, покупает на убой лошадей. "Есть еще в охоте просто называемые *охотники*, которые могут быть из лакеев и прочих, служащих при господине, людей" и которые ездят на поле "единственно для умножения его свиты".

В главе "о должности охотников во время полевой езды" во всех подробностях устанавливается строгий обряд выезда на охоту и действий охотников в поле: "Приехавши к намеренным островам" (т. е. выбранным заранее местам охоты) "и не доезжая острова сажен за сорок или ближе, как место позволит, стать ловчему со всеми охотниками и построиться рядом в один человек, потом доезжачему отъехать с выжлецами и выжлятниками вперед сажен десять, остановиться и, отреша гончих с смычков, сесть на лошадей и, поехав

всем охотникам в остров, понуждать гончих к добыче зверя чиновным охотничьим гарканьем; и чтоб человек от человека не более сажень в двадцати равнялся и равняться же чинно, выслушивая один другого, не выезжая вперед и не оставаясь позади, и чтоб балмошный и непорядочный крик ни от кого не происходил, что накрепко смотреть надлежит ловчему".

На охоте все должны действовать согласно, "чинно", "чиновно", по выработанному порядку. "Прежде напуска гончих надлежит заехать некоторым охотникам вперед и по обеим сторонам острова стать по крылам", и прилежно смотреть, чтобы не пропустить какого-либо зверя "внезапно вытекшего из острова, от натечки гончих". Во время гоньбы зверя "охотникам друг от друга мест не перехватывать, а всякому стоять на своем месте под островом, оступя оной в равном порядке. Меж себя порожних мест, где признается лаз, зверя не оставлять, чтобы всякой зверь между стоящими не пролез и не пробережен был ленинью и от несмотрения охотника". Охотники с борзыми собаками "все должны быть под гоньбою и переезд зверя делать искусно и осторожно; притом должны наблюдать, чтобы было место чистое, не илистое и не каменистое, ибо в таких местах борзые убиваются до смерти". Ловчий во время охоты надсматривает, чтобы охотники "равнялись порядочно и не лениво порскали, крепких мест, поймов, густых трав и чистых лесных порослей не проезжали", в которых можно найти зверя, и, "не изыскивая дорог и троп, не взирая на чащу лесную и завалы, везде заезжая, понуждали бы собак к исканию зверя". Если в выбранном для охоты "острову" "от множества зверей гончие врознь разобьются и станут гонять на разные стаи", то доезжащий с выжлятниками соединяют стаи собак, не позволяя

"гонять врознь". "Отдирчивую" (т. е. отбившуюся от стаи) "собаку немедленно должно выжлятнику, поймав, наказать арапником и подпускать к стае" и смотреть чтоб и впредь "не отдиралась", стараясь отучить ее от этой повадки.

Ловчий должен знать, как кричать, спуская гончих со смычков, – различным образом, смотря по времени года. С начала весны надо *решишь*, крича: "Ну, полез, полез, эх, стеки, довались"! С половины мая – *гаркать*, присоединяя к этим словам возгласы: "О, го, го, ай, ту, ту, ай, эх". Наконец, осенью – *порскать*, усиливая крики, и хлопать арапником "для того, что зверь осенью лежит крепко, а особливо заяц", и порскать до тех пор, пока гончие зачнут гонять". Автор подробно перечисляет все разнообразные сигнальные возгласы травли²⁵¹, указывает, как следует "называть гончих на пролаз зверя, до тех пор, как подвалятся", как стоять осторожно, ожидая зверя, "с молчанием и прилежным смотрением, чтобы не проберець и не отпужать" и вовремя "указать собакам, усвиснув", как закричать умеренным голосом: "Ух, ух, эх, милая, не упусти!", когда собаки "намерются к угонке", – а когда затравят зверя, "отозваться громко сим образом: О, го, го, го, хлыст, дошел, дошел", для известия охотникам; "ежели заяц – один раз, а красный зверь, то есть лисица или волк, – три раза" и проч. и проч.

Замечательную наблюдательность, тонкое знание охотничьих качеств гончих и борзых собак обнаруживает автор "Псового охотника" в своих рассуждениях, как какая собака добывает зверя и как узнать гончих собак "мастеров". Множеством метких выразительных слов обозначает он движения гончей в полазе и гоньбе, различные положения убегающего зверя, показывая, как хорошо использовали наши

охотники богатство и гибкость русского языка в применении к охоте. "Мастер", "паратый" (резвый) выжлец "гоняет верхним чутьем, подняв чутье вверх": еще будучи на смычке, он издали по ветру чует зверя, и как спустят со смычка, то он прямо направляется туда, где лежит зверь, и, "толкнув с логова, взрячь помчит"; "такой мастер никогда не сорвется и не пролезет мимо зверя". Зверь может "удалеть", "отбыть" от собаки, воспользовавшись быстро текущей рекой, "круто отстать" от нее в буераки, "увалиться на камень" в каменистых местах, но у мастера-гонца это случается редко.

Гончая, которая гоняет не верхним чутьем, а "припав к следу, где бежал зверь", тоже должна быть "почтена за мастера". Если зверь, "удалев от ней, круто отсядет или увалится, а она будет обымать полазами кругом и немедленно отселого справит, удалелого и упалого дойдет; а наипаче ежели зверь побежит бойною дорогою, в сухое время и от ветра пылью след заносит, к тому ж далеко скинется на пашню сухую, – невзирая на сие, она его словит и, расчуйв, немедленно взрячь его заловит и назад его в пятау или на круг к охотникам поставит". Иная гончая добывает зверя даже тогда, когда он за полчаса или четверть часа пролезет чрез пашенные или скошенные луга или через дорогу, по которой после него прогонят стадо; но такая собака должна быть признана редким гонцом-мастером, так же как та, которая не упускает зверя даже в тех случаях, когда он побежит низкими мокрыми местами и кочками, перепрыгивая с кочки на кочку.

В "Псовом охотнике" далее весьма интересны практические наставления "о высворке борзых и о наездке гончих собак", как высворивать гончих, "сперва к себе прикормив, чтобы были ласковы", как

наезжать гончих, приучая их к рогу, "чтобы позывисты на рог были" и проч., затем наставления, как содержать собак, борзых и гончих отдельно, в "крепких, мшонных стаях" (закутах), чем и как их кормить. Автор советует беречь собак и больше шести часов подряд с ними не ездить, "чтобы безмерною ездой и долговременных борзых рыском и гончих гоньбою не обессилить и не стомить". А "с стомившимися собаками", замечает автор, "ездить не советую, да, думаю, и всякой охотник не захочет себя, вместо утешения, в скуку приводить, по пословице: *с мертвым соколом мало утехи птиц травить*". Отметим еще обстоятельное описание статей охотничьих собак, "о узнании по статьям борзых и гончих", а также главу о "порошах и осоках, как разных зверей объезжать и обметывать тенетами".

Охотничьи книги в известной степени отражали действительность. Среди помещиков этого времени было много искусных псовых охотников, для которых многие наставления автора "Псового охотника" являлись излишними, было много удалых наездников, мастеров ловчих и лихих доезжачих, было много отлично слаженных стай гончих, много резвых и цепких борзых. Развитие частных охот во второй половине XVIII века находилось в связи с общим развитием жизни провинциального дворянского общества, которое было вызвано отчасти известным манифестом Петра III о вольности дворянства, 18 февраля 1762 года. Дворяне широко воспользовались предоставленною им свободою: тотчас все дороги из Петербурга и Москвы, по свидетельству современников, покрылись каретами и возками дворян, которые оставили службу и спешили по своим домам. Прежде большая часть дворян возвращалась в свои поместья только в старости, отбыв долгую

подневольную службу; теперь в провинции явилось много дворян-помещиков во цвете лет. Приволье патриархальной помещичьей жизни давало им много досуга; многие из них, раз заинтересовавшись охотой, увлекались ею и становились страстными охотниками. Дремучих лесов, непроходимых лесных дебрей в то время было неизмеримо больше, чем теперь, и в тех местностях, где теперь о них нет и помину. Охота сохраняла еще старинное значение борьбы с хищным зверем, "обижавшим человека"; помещик-охотник видел в волках и медведях сильных врагов; он смотрел на себя как на защитника своей округи от вредных хищников и тем легче увлекался зверовой охотой, чем больше она представляла опасности.

Об одном из замечательнейших провинциальных охотников-любителей этого времени, князе Гаврииле Федоровиче Барятинском, мы имеем превосходный рассказ, записанный со слов жены его, княгини Ф. Ф. Барятинской²⁵². Этот рассказ так живо рисует любопытный сильный характер старого князя-охотника, дает такую яркую картину провинциальной помещичьей жизни, объясняя развитие всепоглощающей страсти к охоте, что мы не можем не привести его здесь с небольшим пропуском.

"Покойный мой князь Гаврила Федорович, – рассказывала княгиня Ф. Ф. Барятинская, – был человек серьезный: редко шутил, еще реже смеялся и лишнего слова не говаривал. Смолodu служил он в военной и, видно, привык командовать. Если что обдумает и прикажет, тому быть непременно; однако ж был не самонаравен и не сердит, и что ему ни говорили, все, бывало, выслушает терпеливо. Лет пятьдесят с лишком жили мы вместе, не поссорившись ни разу; да я и не видывала, чтобы с кем он ссорился или за

что-нибудь выходил из себя. Людей и крестьян никогда не наказывал и наказывать не приказывал, кроме за кражу леса. Если же кто сделает дурно, что прикажут, то велит переделать и переделывать до тех пор, пока не выйдет хорошо, хотя год проделают, нужды нет, а уж он поставит на своем. Заодно на меня, в первые годы в замужестве, бывал в недовольствии: поедет в отъездное поле на неделю или больше, мне станет скучненько, да и за него страх возьмет, мало ли что случиться может! Я погрущу иногда и поплачу и, как возвратится, начну ему выговаривать, а он, мой сердечный, и понадуется – слова не скажет. После уж я привыкла, да и дела прибавилось: стали рождаться детки, так я его и не тревожила. Бывало, в угоду ему, и сама речь заведу об охоте, а ему и любо: "Вот, – говорит, – Феня, и ты полевать собираешься". У него только и было две охоты: к лесу да к полеванью с собаками. Лес берег он, как глаз: никто не смей срубить прутика, а до собак такой охотник, что и Боже сохрани. Любил и хороших лошадей, только не хвастался ими, не то, что собаками, и на показ соседям выводить не приказывал. У нас их было очень много, все свои, с Плавицкого завода, все пегие да белые; если же приведут другой какой шерсти, то всех раздарит; продавать не любил: "что, де, я за барышник". Правду сказать и не для чего было: с 2500 десятин получали мы тысяч 12; все было свое, денег куча – девать некуда. Кой-когда еще посылали в Серпейск бедным родным на помощь; да в Кострому, либо в Курляндию за борзыми собаками, о которых писали старые приятели, что уж очень хороши: да тут не велика была трата. Ловчий Моисей возил их мало, сказывая, что тамошние собаки больно грузны и против наших ничего не стоят. Один раз только угодил он покойному князю: привез какую-то большую собаку,

отца "Зверева" (собаки "Зверь": это был известный в свое время всем старым охотникам "рид-кан", выписанный курляндским помещиком Блюмом из Ирландии и присланный им в подарок князю в 1779 г. – собака необыкновенной величины, силы, резвости и красоты), да и та у нас прожила не больше двух лет: убилась за лисицею. Князь хоть и тужил, да не очень, говорил: Дети остались лучше. В самом деле, "Зверь" от этой собаки вышел такой хороший, что охотники издалека приезжали смотреть на него, да и писали из Петербурга, чтобы его непременно прислать туда к графу З. (Завадовскому?) или В., право, сказать не умею. Мой покойный князь говорил, что лучше этой собаки в целом свете родиться не может, а он очень был знающ; жалел очень, что она досталась ему под старость. "Кабы смолоду, – говорил он, – всех волков в целом наместничестве перетравил бы в одну ночь". Я было сначала и порадовалась, что так говорил он, – думала про себя, что верно больше на охоту ездить не хочет: под семьдесят лет пора успокоиться; не тут-то было: чуть прослышит, где волки есть, давай коня да "Зверя", сам на свору – и уж всегда почти притащут за ним какого-нибудь монстра, а я тому будто радуюсь: что с ним будешь делать! Один раз князь очень напугал нас удальством своим, так что дочери Маше сделалось даже дурно. Вот как это случилось: приехали к нам гостить племянники, князь Михайло да князь Дмитрий на Покров день. Всякий год в это время заезжали они к нам в Жуково с Лебедянской ярмарки. Приговорят, бывало, с собою знакомых соседей да приведут борзых собак. Тут и начнутся у них полеванья, а после разговоры да споры об охоте, а мой князь на молодежь и радуется; только уж никому хвастнуть не даст, тотчас остановит: красных слов покойник не любил. Вот

однажды как-то было ему не по себе, целый вечер сидел насупившись, не пошел за стол к ужину и уж хотел опочивать, как вдруг нелегкая принесла псаря Никиту да охотника Самсонку Портного: "в Яхонтовском лесу волки порезали у мужиков поросят и сдались в Требунский". Вот у моего князя куда и немочь девалась: "Позвать Моисея! Позвать Петрушку Горячева! Послать на село за Филькой Кизильдеевым!" Вот и собрались охотники. Ловчему Моисею князь приказал до рассвета быть с гончими у Требунского лесу, да стоять смирно и гончих держать на смычках, чтобы ни одна не вякнула, покамест не пришлет стремянного с приказом бросать их в остров; а Горячева с Кизильдеевым послать в заезд от Донковского тракта и наказать не болтать громко дорогой, а пуще не горланить песен, чтоб не взбудить зверя. А мы, де, с компаниею заедем от Кудрявшинских и станем на перелазе. С тем людей отпустил; остальное, де, смекнут сами. Всю эту ночь мой сердечный глаз с глазом не смыкал и только часа на три поуспокоился; встал с петухов и всю компанию перебудил. Пора, де, под остров; а линейка у балкона уж с час дожидалась; только что глотнули по чашке чаю, да и отправились. Уж я рада была, что хотя в экипаже под остров поехали и этакую даль не вздумалось ехать верхом: верст с десять будет".

Рассказ княгини дополняет кн. Д. А. Барятинский, участвовавший в этой охоте старого князя Гаврилы Федоровича:

"Мы подъехали, – говорит он, – к острову на самом рассвете. Дядя Г. Ф. пересел с линейки на своего "Толкача" и разослал всех нас по перелазам, приказав не терять друг друга из вида и стоять смирно, и если бы даже вскочил из-под ног заяц или лисица, то отнюдь не

атукать и не люлюкать. Стремянного отправил к ловчему с приказом бросать гончих, а сам остался один у куста и с одним "Зверем", другие собаки увязались за стремянным. Вот мы все стали по местам своим, далече от дяди, так что он едва был нам виден; бросили гончих; через минуту они закипели по зрячему и повели назад, но вдруг смолкли, как будто сгоняли зайца. Впрочем, нам гоньбу и слышать было трудно: Требунский лес был тогда не то, что теперь, а настоящий бор, дебрь непроходимая; нынче однодворцы весь вырубили, одни кусты остались. Вот мы ждем да подождем: гоньбы не слышно, и ни один охотник не трогается с места. Я посматриваю; вдруг вижу А. Я. Кошкин, который стоял у меня влеве, охотника через два, опрометью бросился к острову и замахал картузом. Красный зверь! подумал я и притаился к кусту, рассчитывая, что Антон Яковлевич нетерпелив и в поле зверя не выпустит, так он будет искать другого лаза и наверно побежит на меня или на дядюшку. Так и случилось: матерый волк из опушки бросился на Кошкина, но этот, не выждав, заулюлюкал и покати́л прямо за ним в опушку, да и наткнулся глазом на сук. Подумаешь, что делает охота! Глаз завязал платком и все поле проездил, как ни в чем не бывало; а сколько раз дядя уговаривал его, чтобы унялся.

"Ведь ты, братец, не доезжачий!" – толковал он. Между тем, как я берег зверя да посматривал на охотников, гончие стали слышнее к стороне дяди, и вот он вдруг понесся к Малинкам, забирая вправо, а перед ним машет "Зверь". "Недаром, – подумал я, – старичок наш хватил на перерез: волк пошел в чистое, надобно за ним"; я замахал картузом Михею с Кизилдеевым, и все мы, один за другим, поскакали за дядюшкой; а его

чуть-чуть видно, и он все забирает вправо. Версты три или больше по нем скакали; лошадь у меня попритупела, и охотники меня обскакали, однако ж я держался за ними не очень вдалеке. Странно показалось мне, что дядюшка гонит шибко, а волка не видно; да старичок-то посмышленнее был нас: он смекнул, что серый будет пробираться лощинкою, и сам норовил к вершине. Так и вышло: скоро из лощины показался волк да преогромный, а за ним, саженьях во ста, несется "Зверь" и все усиливает помаленьку; а дядюшка скачет и поминутно погоняет "Толкача" арапником. Вот мы давай улюлюкать и показывать собакам; на ту пору, как нарочно, ни одна не воззрится и от стремени не отрыскивает, а только прыгает. Глядим, "Зверь" уж и не очень далеко от серого, но думаем: нет, этот гость не по нашей трапезе. Где одной собаке остановить в угон такого выходца! Однако же "Зверь" все ближе и ближе к волку, да как вдруг изловчится, хватить его за гачи, и оба на дыбы!.. а дядюшка тут как тут – с Толкача долой и прямо к волку. Мы спустились в овражек и только что выбрались, глядь, "Зверь" висит у него на горле. Прежде всех подскакал Кизилдеев и вынимает нож, а старик проговорить от усталости не может и только машет головою, чтоб не трогал, а просто струнил. Тут подоспели я и Михей и сострунили волка, дядю же Г. Ф., кажется, сняли с него почти без памяти, а руки насилу развели: так на ушах у волка и застряли. Тут же послали ему плащ; долго лежал; насилу отдохнул. – Вскоре получили письмо из Петербурга, чтоб прислать туда "Зверя". Обещали открыть великую протекцию по делу с Н. и для князя Михаила Гавриловича открыть дорогу; но дядя не хотел о том и слышать, да и по кончине его тетушка не хотела расстаться с фаворитом

покойного. Послалн туда двух детей его: один очень был похож на отца, такой же большой, глаза навывкате, щипец сухой, ребро длинное, такой же серый и также окликом "Зверь". Словом, собака была – чудо! однако ж, дело-то (спорное) проиграно".

Среди русского дворянства XVIII века наиболее распространена была охота псовая, стоявшая в тесной преемственной связи с боярскими псовыми охотами московского времени. Во второй половине этого века довольно широкое распространение получила также ружейная охота на дичь. Об этом свидетельствует упомянутая нами выше книга В. А. Левшина "Совершенный егерь", 1779 г., в которой изложены были ценные наставления для ружейных охотников. Описывая различные породы лягавых собак, испанских, голстинских, "брус-барты или бордастых", немецких пуделей, английских, французских, Левшин замечает о "российских ищейных", что они, "как надобно думать, выродки от лягавых, но их в дрессировку разве по крайней нужде употребляют, а, впрочем, дело их – искать ястребом перепелок и коростелей, а к болоту неспособны".

Автор затем обстоятельно рассуждает об обучении лягавых собак, "*о трессировании с парфорсом*, то есть об учении с приневоливанием лягавых собак", во время обучения на собаку надевается "парфорсный ошейник" с острыми спицами; всякий раз, как собака не слушается приказаний, ее дергают за привязь и ошейник колет ей шею. Автор советует каждому охотнику самому "трессировать" своих собак, указывая на недостаток и дороговизну хорошо обученных лягавых собак: "добрую или порядочно вытрессированную собаку достать скоро не можно; к тому ж такая собака в руках не того, кто ее учил, редко

должность свою порядочно исполняет и недешево покупается".



Степанов А.
Травля волка

Глава V Зверинцы и охотничьи дворы

I. Петербург

Во II и III главах мы описали развитие учреждений Императорской охоты в существенных его чертах в течение XVIII столетия; начав с первого образования новых псовых охот, проследили быстрое увеличение личного состава егерских команд, отметили появление охотников различных специальностей, неизвестных ранее в России, обрисовали организацию управления обер-егермейстерского ведомства и проч. Теперь мы коснемся некоторых подробностей, менее важных, но любопытных и необходимых для полноты картины развития придворной охоты за рассматриваемое время, а именно сообщим сведения об устройстве охотничьих дворов и зверинцев в Петербурге, Москве и их окрестностях: в Петергофе, Гатчине, Царском Селе, и под Москвою: на Семеновском потешном дворе, в селе Измайлове и в Александровской слободе. Наряду с псарными дворами и зверинцами, или зверовыми дворами, в которых содержались звери и птицы, предназначавшиеся для придворных охот, мы опишем зверинцы-зоологические сады с коллекциями редких зверей и птиц, которые также входили в состав учреждений Императорской охоты того времени.

Начало устройству таких зверинцев-зоологических садов в Петербурге положено было Петром Великим. Петр очень интересовался всякими редкостями, "раритетами", как тогда говорили, диковинными зверями и птицами, уродами — "монстрами",

древностями, археологическими находками, сознавая научное и общеобразовательное значение естественно-исторических, как и археологических коллекций. Устраивая Кунсткамеру, приказывая доставлять отовсюду диковинки, монстры, рождающиеся "как в человеческой породе, так и в зверской и в птичьей", Петр старался рассеять суеверные понятия "невежд", думавших, "что такие уроды рождаются от действия дьявольского через ведовство и порчу". Одновременно с изданием указа о собрании редкостей Петр I сделал несколько распоряжений о привозе в Петербург из различных мест птиц и зверей редких пород. В Астрахани велено было (в 1718 г.) ловить и присылать в Петербург редких птиц и зверьков, затем (в 1720 г.) купить в горах и выслать в Петербург бобров и барсов, выдрав у них когти и вытравив зубы "спиртом витриольным" (купоросным маслом?) или крепкою водкою.

Гетман Скоропадский должен был прислать из Малороссии "диких коз и других зверьков и птиц"; голландский резидент Брант – "разных птиц для зверинца" вместе с разными травами для ботанического сада²⁵³.

Подробных сведений о зверинце, устроенном Петром Великим, к сожалению, не сохранилось. Мы имеем только от 1721 года краткое описание находившегося в Летнем саду зверинца или, вернее, птичника, так как различных птиц редких пород здесь было гораздо больше, чем зверей. Летний сад в то время имел продолговатую форму. С восточной стороны его находился Летний дворец, с южной – оранжерея, с западной – большой луг (Царицын) и с северной – река Нева. На берегу Невы, почти у самой воды, стояли три крытые галереи, и от средней галереи

шла широкая аллея с фонтанами. На этой аллее была устроена площадка со статуей и большим фонтаном; около них находился пруд с беседкой посередине, на котором свободно плавали редкие гуси и утки, совершенно ручные. Тут же устроен был птичник и зверинец. Птиц было очень много; Бергхольц называет орлов, черных аистов, журавлей; некоторые из них гуляли на свободе, другие помещались в клетках. В особом домике было множество прекрасных редких голубей. Большая, сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом наполнена была всякого рода маленькими птицами, которые летали в ней целыми группами, садясь на посаженные внутри ее деревца. Зверей было немного. Бергхольц обратил внимание на дикобраза: "очень большого ежа, имеющего множество черных и белых игл до 11 дюймов длиною", затем на синюю лисицу и соболей²⁵⁴.

Близ Летнего сада с описанным зверинцем, в одном из домиков, стоявших на Царицыном лугу, помещались при Петре Великом слоны²⁵⁵, присылавшиеся ему в дар от персидского шаха. Первый слон был доставлен из Персии вскоре после основания Петербурга; когда этот слон, поражавший всех своей величиною, пал, то персидский шах прислал в Петербург в 1723 г. другого слона, которого поместили в том же домике, где находился первый. Бергхольц видел обоих этих слонов и говорит, что присланный в 1723 г. был гораздо меньше первого, которого он осматривал в 1713 г., но зато был очень хорошо приручен, брал хлеб из рук и "охотно играл с приставленными к нему людьми, поднимая их хоботом высоко от земли"²⁵⁶.

Зверинец, устроенный Петром Великим, живо интересовал современное общество и не заглох после

его смерти. Императрица Екатерина I неоднократно осматривала диких зверей и птиц. Так, по записям камер-фурьерского журнала, 29 июля 1725 г. она вместе с герцогом Голштинским смотрела слона, который был выведен на луг против Летнего сада²⁵⁷; 30 сентября 1726 г. "изволила смотреть тюленя большого, которого привезли из Невского монастыря"²⁵⁸. Как при Екатерине I, так и в последующие царствования зверинец постоянно, хотя и без системы, пополнялся различными птицами и зверями, привозившимися с окраин России и из-за границы.

В царствование Анны Иоанновны, большой любительницы охоты и травли зверей, возникло в Петербурге несколько зверинцев, зверовых и охотничьих дворов, на которых, кроме коллекций редких зверей и птиц²⁵⁹, содержались также звери, предназначавшиеся для ружейных охот императрицы²⁶⁰, наконец, собаки вновь устроенной при дворе псовой охоты. Об этих зверинцах и охотничьих дворах мы имеем довольно обстоятельные сведения, относящиеся к последним годам царствования Анны Иоанновны и к царствованию Иоанна Антоновича.

Главный *Зверовой двор* помещался в том месте, где теперь находится дом военного министра²⁶¹, Инженерный замок и Михайловский манеж. Он занимал обширное пространство, обнесенное вокруг высоким деревянным забором; одною стороною, где были главные ворота, примыкал к каналу, через который перекинут был мост. На дворе устроен был ряд "покоев" для зверей; в апреле 1741 г. покои были переделаны, причем под стены был подведен каменный плитный фундамент "для лучшей зверям теплоты". В

одном из покоев помещались две львицы, каждая в особой "светлице"; одна львица доставлена была еще до 1737 г., другая – в 1739 г. из Англии; в клетке вместе с нею жила маленькая собачка²⁶². В 1741 г. клетка была переделана: под ящик были подделаны валы, "чтобы можно было для содержания оной львицы летним временем на двор оный ящик из покоя вывозить". В другом покое содержались два леопарда, "бабра", как их тогда называли. Один "старый бабр" давно уже находился в Петербурге, другой доставлен был в 1740 г. хивинским послом²⁶³. В остальных двух покоях помещены были рысь, чернобурая лисица и три мартышки. В особом "остроге", огороженном тыном, с пятью дверями и двумя окнами с железными решетками, содержались 4 белых медведя²⁶⁴. Внутри острога был вырыт пруд, обложенный по берегам досками и имевший четыре спуска к воде. По сторонам пруда были выстроены небольшие амбары, в которых собственно и помещались белые медведи, по одному в каждом²⁶⁵. Близ зверового двора устроен был *Ауроксов двор*, в котором содержались дикие быки, или ауроксы. Находившиеся здесь ауроксы пали около 1735 г.²⁶⁶; прусский король в 1739 г. прислал в подарок императрице Анне Иоанновне 8 ауроксов, но и эти также очень скоро все "померли"²⁶⁷. В сентябре 1741 г. на опустевшем дворе была отведена квартира обер-егерю Бему, а через месяц после этого здесь были помещены голландские коровы²⁶⁸. Отдельно от зверового двора был расположен на берегу реки Фонтанки, на лугу, против Летнего дворца *Малый зверинец*, в котором содержались американские олени. В начале сороковых годов Малый зверинец занимал весьма большое пространство, обнесенное деревянною оградой с несколькими воротами.



Рябушкин А. Г.

Петр Великий перевозит в ботике через р. Неву
Императрицу Екатерину Алексеевну, кн. Меншикова,
адмирала Головина, канцлера Головкина и Макарова

В 1738 г. здесь находилось восемь "индийских оленей"²⁶⁹; в 1740 г. к ним присоединены были десять "малых индийских оленей" ("малой американской дичины"), привезенных в том же году из Англии. Яхт-штатом 28 января 1741 г. положено было содержать при охотах 20 американских оленей, и к концу этого года число их уменьшилось с 30 до 22 ²⁷⁰. Кроме этих оленей, в Малом зверинце содержались в 1739–1740 гг. также две "иностранные малые дикие козы".

Малый зверинец поручен был особому смотрителю, должность которого в 1738 году занимал егерь Качман, а в 1741 году егерский ученик Коев.

Слоны, так же как американские олени, содержались совершенно отдельно от общего зверинца – зверового двора, в особом *Слоновом дворе*²⁷¹, находившемся на берегу реки Фонтанки между Симеоновским мостом (который тогда устроен был несколько выше по течению реки, чем теперь) и "перспективной улицей" (Невским проспектом). Слоновый двор занимал большое пространство; протяжение его по проспекту равнялось 45 саженьям; на берегу Фонтанки устроена была "слоновая площадка" для прогулки слонов. В 1737–1740 гг. на слоновом дворе содержался только один слон, приведенный из Персии в 1737 году²⁷². Вслед за тем, в 1741 г., здесь помещено было 14 слонов, которых прислал Шах-Надир или Кули-Хан персидский. Слоны эти составляли только часть богатых даров персидского шаха, который после покорения Индии искал дружбы русского правительства, имея в виду войну с Турцией; кроме 14 слонов он прислал 2 октября 1741 г. 30 верблюдов и много драгоценностей из сокровищниц индийской столицы Дели²⁷³. В ожидании прибытия

слонов канцелярия обер-егермейстерских дел поспешила построить для них "амбар" на слоновом дворе. Сначала думали поместить их на Лиговке, но вода этой речки оказалась "известковатой и твердость в себе имеющей", и специалист Асатий, "слоновый учитель", признал ее вредной для купанья слонов. На слоновом дворе построили три высоких, светлых амбара с топками наружу, так как, по заявлению Асатия, "слоны противного воздуха терпеть не могут". Особая теплая хранилища приготовлена была для слона и слоницы, "обыкших в одном месте быть". На постройку двух только амбаров затрачено было 5000 рублей. Кроме того, сочли необходимым исправить дороги и мосты в Петербурге и окрестностях по пути следования слонов, "дабы им не могло быть какого повреждения". Мосты: Аничковский, близ Зимнего дворца, чрез Мойку против Мошкова переулка и другие, найдены были в "немалой ветхости", до такой степени, что настилка на них "во многих местах пробивалась". Среди этих приготовлений забыли сделать распоряжение об отпуске корма для слонов. Командир придворной охоты, полковник Трескау, оказался в крайне затруднительном положении и только через несколько дней после прибытия персидского посольства добился от дворцовой конторы отпуска кормовых припасов. Вскоре обнаружился и еще один крупный недосмотр; привязи и запоры у амбаров, в которых помещены были слоны, оказались недостаточно крепкими. 16 октября слоны, "осердясь о самках", начали буйствовать, сорвались с привязей, разломали двери и ушли. Два из них вскоре были пойманы, а третий "пошел через сад, изломал деревянную изгородь, прошел на Васильевский остров и там изломал Сенат и Чухонскую деревню". Но здесь

беглец, наведший панику на весь город, был пойман и водворен на место. Слоновщик Ага-Садык настоятельно просил выдать ему для привязи слонов толстые железные цепи и кольца. Просьбу его еще не успели удовлетворить, как на следующее же утро четыре слона снова сорвались с привязи, ушли, сломавши ворота, и "много беды наделали в городе"²⁷⁴. Вслед за тем слоновый двор едва не сгорел со всеми слонами от небрежности истопников, и вследствие этого для надзора за слоновщиками назначен был особый комиссар, которому дана была строгая инструкция²⁷⁵.

Зверей редких пород было много, но не было благоустроенного зверинца²⁷⁶. Зоологические коллекции размещены были в отдельных дворах: зверовом, ауроксовом, слоновом²⁷⁷, малом зверинце, разбросанных в разных местах от Невы вверх по Фонтанке, на большом пространстве.

Кроме зверей, размещенных в указанных дворах, в придворной охоте имелось еще несколько черных медведей; они также помещены были совершенно особо, в *медвежьих дворах* за Невою, около Охты. Сначала, в 1738 году, черные медведи содержались в мясных рядах, куда они были отданы на прокорм от Императорской охоты²⁷⁸. Случилось, что один медведь, сорвавшись с цепи, загрыз до смерти малолетнюю девочку. Тогда по приказанию Анны Иоанновны для помещения медведей были устроены особые дворы, огороженные палисадниками, около Охты, в отдалении от города²⁷⁹.

Среди этих медведей несколько было ученых. Такие медведи в то время встречались во многих частных домах. Однажды императрица Елисавета

Петровна, заехав в Александро-Невскую лавру, увидела у архиепископа Феодосия ученого медвежонка, обученного приказным келейником монастыря.

Разного рода птицы²⁸⁰ содержались отчасти в Летнем саду, а главным образом в Первом дворцовом саду, где устроены были для них большие клетки, называвшиеся *менажерией* (*ménagerie*). В этой менажерии содержалось большое количество различных маленьких птиц: соловьи, журавлики, зяблики, подорожники, снегири, овсянки, реполовы, дубноски, иры, чижи и чечетки. Более крупные птицы, страусы и др., а также звери помещались в саду, в особых "покоях"²⁸¹. Ловчих птиц (соколов, кречетов и ястребов) здесь не было. В места, где содержались птицы, публика не допускалась. Для ловли птиц Канцелярия от строений, заведовавшая менажерией, посылала в провинцию особых охотников. В том же Первом дворцовом саду содержалась под надзором егеря дичь, предназначавшаяся для охот императрицы, тетерева и куропатки; в 1740 году здесь было 14 пар тетеревей и до 110 пар серых куропаток^{282, 283}.

Придворная псовая охота, устроенная, как мы указали выше, в 1733 году, помещалась первоначально в так называвшемся старом псарном дворе²⁸⁴. В 1740 году ее перевели, по высочайшему повелению, в загородный двор обер-егермейстера Волынского, взятый в казну после его казни и получивший затем название *Егерского двора*. Двор этот стоял на реке Фонтанке у Обухова моста и состоял из 13 жилых барских покоев и и о людских. Все эти покои были переделаны сообразно их новому назначению, и к ним пристроено было 12 новых покоев и две большие "светлицы в 10 сруб"²⁸⁵. Для собак устроили особые, огороженные досками, дворы; здесь же построили

кузницу для изготовления ружей ко двору ее величества. 3 сентября 1740 г. вся псовая охота в составе 195 собак и 63 служителей была уже на дворе Волынского, хотя перестройки не были окончены; сооружение новых помещений и приспособление старых затянулось до мая 1741 года.

Придворную охоту в это время составляли: собственная охота ее величества, своры собак правительницы Анны Леопольдовны и ее супруга и своры, конфискованные у Артемия Петровича Волынского и у бывшего регента Бирона²⁸⁶. При собаках правительницы Анны Леопольдовны состоял придворный егерь Пфицман, а при собаках ее мужа – егерь Мулий. В сентябре 1740 года всех собак при петербургской псовой охоте ее величества числилось 185; из них: для травли оленей – 60, для травли зайцев – 60, борзых – 19, русских различных родов – 15, больших медеянских – 21, такселей – 6, датских – 2 и трюфельных – 2 и 52 охотничьи лошади. Штатом 22 сентября 1740 года число собак было сокращено до 138; именно положено было содержать: для травли оленей – 60, для травли зайцев – 60, борзых – 12, больших медеянских – 4 и "для труфли"²⁸⁷ – 2-х. Лошадей было положено иметь 20²⁸⁸. Почти такое же количество собак, именно 124 штуки, имелось в охоте принцессы Анны Леопольдовны и ее супруга. Последующие сведения о числе собак относятся к 1773 году, когда по штату положено было иметь при псовой охоте: 30 борзых, 100 гончих (составивших две стаи), 12 мордашек, 4 духовых и 2 легавых собаки, всего 148²⁸⁹. В 1773 году легавые собаки имелись также в егерской охоте; биксеншпаниеры и егеря обязаны были содержать каждый по две собаки, а егерские ученики – по одной; всех же собак при егерской охоте состояло

около 44-х. Судя по вышеприведенным спискам, преобладающими породами среди собак придворной охоты были: борзые, гончие, меделянские, датские, легавые, таксы, или "таксели", бассеты, хорты и русские²⁹⁰. Особенно замечательны были так называемые "биклеса", или малые гончие, выписанные Анною Иоанновною из-за границы. Все перечисленные породы собак предназначались или для травли зверей – медведей, волков, кабанов, оленей, лисиц, зайцев и т. п., или для ружейной охоты за дичью, или же, наконец, для приискания трюфелей. В большом количестве собаки приобретались за границей – во Франции и Англии. Например, в 1740 году русский посол при французском дворе князь Кантемир купил для императрицы 34 пары собак из породы бассетов (коротконогих), заплатив за них 1100 рублей; доставка этих собак в Петербург обошлась в 281 рубль. Вместе с собаками для ухода за ними в Петербург прибыли французские пикеры, Жан Дюбуа и Люис Жое²⁹¹. В том же году посланником князем Щербатовым приобретено было в Англии, чрез посредство английского охотника Смита (бывшего на службе при охоте первого министра Роберта Вальполя), 63 пары разных пород собак – гончих, биклесов, борзых и хортов; собаки эти, с доставкой в Россию, обошлись в 481 ф. стерл., до 2240 р. по тогдашнему курсу²⁹².

О состоянии описанных выше зверинцев в царствования Елисаветы Петровны и Екатерины II мы имеем только немногие отрывочные сведения. Коллекции зверей в это время пополнялись еще более случайно, чем раньше, и они не увеличивались, а уменьшались²⁹³. О некоторых отделах зверинца, как, напр., об "ауроксовом дворе" с дикими быками или о "малом зверинце" с американскими оленями, вовсе не

встречается сведений в источниках второй половины XVIII века. На зверовом дворе в 1773 г. содержались только 2 барса, и каракула, 4 соболя и 4 лисицы, 3 рыси, 1 волк и 1 песец²⁹⁴. Львов и леопардов уже не было. Для птиц, содержащихся в менажерии Первого дворцового сада и отчасти в Летнем саду, устроен был при Екатерине II птичий двор²⁹⁵ близ Итальянского сада, на Лиговском канале; вместе с птицами сюда были перемещены и некоторые звери, содержащиеся в названных двух садах. В 1773 г. этот птичий двор изъят был из ведения Канцелярии от строений и передан "по приличности" в обер-егермейстерское ведомство²⁹⁶. Слоновый двор при Елисавете Петровне, в 1744 г., был переведен с Фонтанки на "Невскую перспективу", к урочищу "Пеньки"²⁹⁷. К началу царствования Екатерины II слонов здесь оставалось немного, и в 1765 г., по заявлению обер-егермейстера, из числа 14 слонов, присланных из Персии в 1741 г., "пала последняя слониха"²⁹⁸. "Престарелые азиатские служители" — слоновщики — были отставлены от службы, и опустевший слоновый двор решено было уничтожить: строения, находившиеся на этом дворе, императрица Екатерина приказала в 1763 году перенести на егерский двор (бывший Волинского), что на Фонтанке, у Обухова моста.

Повелев представить планы и сметы работ по переноске этих строений, императрица вместе с тем заметила, что указанный егерский двор "для всего егерского корпуса весьма доволен быть может". Обер-егермейстер Нарышкин воспользовался этим случаем, чтобы возбудить вопрос о сосредоточении в одном месте всех зверовых и охотничьих дворов Петербурга и о постройке для них новых зданий. Он не замедлил представить императрице проект обширного

каменного здания, с красивым фасадом, которое предполагал построить на берегу реки Фонтанки и по Царскосельской "перспективной" улице. Рядом с этим домом предполагалось, в видах экономии, построить несколько деревянных зданий "на каменных жилых погребах". Вся эта постройка по смете была исчислена в 95.000 рублей с лишком. Не рассчитывая, что проект каменного здания ввиду его дороговизны будет утвержден императрицей, Нарышкин одновременно представил другой проект постройки для Императорской охоты более простых деревянных зданий, вне черты города, за семинарией Невского монастыря, по берегу Невы, на пустом болотистом месте. Вся постройка за Невским монастырем должна была состоять из шести отдельных дворов. На первых двух дворах предполагалось выстроить: церковь, дом для канцелярии, лазарет, связь для церковнослужителей, два покоя для школьников. Третий двор предназначался для помещения зверовой охоты и ее служебного персонала. Здесь наше внимание останавливает железный тын, предназначавшийся "для выпуска на воздух зверей". На четвертом дворе предполагалось возвести ряд помещений для птичьей охоты, временно проживавшей в Петербурге, а также помещение для служителей, состоявших при различных мастерских (рисовальной, ружейной, ложенного дела и проч.). Пятый двор предназначался для егерской команды и шестой – для псовой охоты. Кроме постройки различных покоев и служб, на этих дворах предполагалось вырыть несколько прудов²⁹⁹. Ни один из рассмотренных проектов не был утвержден императрицей, и С. К. Нарышкину пришлось ограничиться ремонтом крайне обветшавших старых зданий обер-егермейстерского

ведомства, на что в 1769 году ему ассигновали 3000 р.³⁰⁰.

Вопрос о сооружении новых зданий и о соединении всех охотничьих учреждений Петербурга в одном месте вновь был возбужден спустя с лишком десять лет, при обер-егермейстере князе П. А. Голицыне. Петербургские учреждения Императорской охоты в это время были расположены в четырех местах: подле Обухова моста, на "Невской перспективе", близ Преображенского полка и в так называемом Итальянском доме, где помещалась Руст-камера. Во всех этих местах постройки, кроме Руст-камеры, были деревянные, и все были "в крайней ветхости"; на починку их ежегодно употреблялась "знатная" сумма. Следуя мысли своего предшественника С. К. Нарышкина, обер-егермейстер кн. Голицын проектировал постройку нового общего каменного здания для всех учреждений своего ведомства. Но он не просил на это никаких специальных ассигнований. Князь Голицын предполагал строить новое здание по частям, на остатки от обычных штатных сумм, обещая "со всеусердною тщательностью" откладывать на постройку ежегодно по 10.000 р.; за предшествовавшие годы ему удалось уже скопить 35.000 р. остатков. Князь Голицын замечательно экономно, "с хозяйственным попечением" вел дела своего ведомства; он установил правильные покосы трав в зверинцах, тщательный сбор буреломного леса, который до него пропадал почти даром; с другой стороны, уменьшил цены на провиант и фураж и расходы по перестройке служительских квартир и зверинцев. Проект расчетливого обер-егермейстера внушил полное доверие императрице, и 14 апреля 1780 г. она повелела

приступить к постройке новых зданий для Императорской охоты. Составление планов и фасадов нового здания императрица приказала поручить выписанному из Италии архитектору Тромбару. После этого, однако, прошло еще шесть лет, прежде чем кн. Голицын мог приступить к осуществлению своего проекта. Архитектор Тромбар составил план одноэтажного здания: Екатерина нашла более "экономичным" построить здание в два этажа, а затем в три. Сначала она решила поместить его на Песках, затем признала более удобным отвести для строений охоты место по Царскосельской дороге, за городским валом. Дворцовая канцелярия затруднилась выдать обер-егермейстеру его сбережения из остатков от сметных сумм, вероятно, потому, что истратила их на другие надобности. Только после особого повеления императрицы дворцовая канцелярия уплатила свой долг обер-егермейстерскому ведомству, превышавший в 1783 году 100.000 рублей. Подрядчики, приглашенные на торги, запросили "необычайную цену" в 500.000 р., и кн. Голицыну с большим трудом удалось понизить ее до 360.000. Только к началу 1785 г. все эти затруднения были устранены; 5 февраля 1785 г. новый проект трехэтажного здания был утвержден императрицей, и в марте следующего года работы были начаты. Часть здания была сооружена через два года, но весь план выполнен был только в конце царствования императора Александра I³⁰¹.

Мы перейдем теперь к описанию зверинцев и охотничьих учреждений всякого рода, существовавших в окрестностях Петербурга: в Петергофе, Царском Селе, Гатчине и друг., в связи с некоторыми данными из общей истории этих местностей.

Петергоф. Петергоф был любимейшей летней

резиденцией Петра Великого; начало устройству его положено было вскоре после основания Петербурга. Около 1709 г. здесь устроена была гавань и выстроен небольшой дом для государя на берегу моря. Сооружение большого дворца начато было, по приказанию Петра, в 1711 г. французским архитектором Леблоном, или "Леблондом". Впоследствии Петр сам наблюдал за постройкой дворца, за устройством "плезирных" садов и фонтанов. В 1721 г., как видно из дневника Бергхольца, Петергоф был уже благоустроенным загородным местом с двухэтажным дворцом, маленьким домиком в голландском стиле "Монплеziром" и беседкой Марли, которую Петр называл "Mon bijou", с большими садами, верхним и нижним.

с фонтанами и каскадом. Работы по украшению садов в это время еще не были закончены³⁰²; многие проектированные Петром I фонтаны и постройки исполнены были уже после его смерти.

В верхнем Петергофском саду при Петре Великом начато было еще до 1721 г. сооружение обширного зверинца. После смерти Петра работы по сооружению этого зверинца были прекращены, и он оставался неоконченным до первых лет царствования Анны Иоанновны. Петергофский зверинец, окончательно устроенный в 1731–1736 гг. и получивший затем название Старого, занял обширное пространство до шести квадратных верст на том месте, где теперь расположен парк "Александрия"³⁰³. Для ружейной стрельбы императрицы в зверинце была построена красивая беседка, называвшаяся "Темплом".

В Старом зверинце больше всего было оленей разных пород. В декабре 1737 г. императрица

приказала привезти сюда из Москвы (из Измайловского зверинца) "немецких оленей и маралов (сибирских оленей) по 50 зверей, кабанов рослых до 15 и таких, которые там для заводу быть не годны"³⁰⁴. В июле 1737 г. в Петергофский зверинец переведен был из Петербурга слон. Кроме того, здесь содержались ауроксы, зубры ("изюбры")³⁰⁵, дикие козы и в начале царствования Анны Иоанновны – тигры и буйволы. Здесь же было большое количество зайцев, содержавшихся для придворных охот; зайцы нередко подрывались под ограду зверинца и убегали. Узнав об этом, Анна Иоанновна приказала весной 1738 г. вдоль всей городьбы вбить колья на полтора аршина в землю, оставив 1/2 аршина наружу³⁰⁶. Кроме указанных зверей, в Старом зверинце содержались также и птицы, индейские куры и серые куропатки, которые так же, как и зайцы, предназначались для охот самой императрицы³⁰⁷.

В последние годы царствования Анны Иоанновны отдельно от "старого зверинца" устроены были небольшие зверинцы – *кабаний, заячий и малый*. В кабаньем зверинце сделан был для кабанов большой сарай в 12 сажен длины, 5 сажен ширины и 1 сажень высоты, с 4 хлевами и лавками по стенам. В заячьем зверинце, кроме зайцев, помещались в 1740 г. также кабаны и дикие козы, и здесь же построены были 4 сарая для выпущенных в 1741 г. из Москвы оленей, кабанов и коз³⁰⁸. В Малом зверинце содержались фазаны под присмотром фазан-егеря. Климат Петергофа, впрочем, вскоре был признан для фазанов неблагоприятным, и в 1740 г. их перевели в Царскосельский и другие зверинцы.

В 1740 г. в Петергофских зверинцах находилось всего 80 голов зверей, в том числе 25 оленей немецких,

30 маралов (сибирских оленей), 24 кабана и один лось. В этом же году в Петергоф перевели с Петербургского зверового двора 21 американских оленя, так как яхт-штатом 1740 г. определено было содержать в Петергофе всех американских оленей "сколько есть и впредь будет"³⁰⁹. Вторым яхт-штатом 1741 г. установлена была норма для числа зверей в Петергофе – 110 штук (72 оленя, 35 кабанов, лось и 2 дикие козы). Однако в апреле того же года наличное число оленей превышало штатное – на пятнадцать штук. Различные породы оленей – белые, малые, американские, немецкие и сибирские, помещались главным образом в старом зверинце. Белые олени употреблялись для "парфорс-яхта" и доставлялись из Олонца.

В половине 1741 года Старый зверинец оказалось необходимым расширить и исправить, так как он, по словам форштмейстера Газа, был "весьма ветх" и внушал опасение, как бы от "погоды городьба ветром не обвалилась, и звери не ушли". Канцелярия от строений затребовала от Петергофской конторы план и смету на работы по починке и переустройству зверинца; но были ли произведены эти работы – мы не знаем³¹⁰.

Около этого же времени было приказано "в старом зверинце в низу стоящем лесе верхи сравнять против нижнего сада, чтоб из звериных палат до стрельны весь берег видно было". В Петергофских "приморских" прудах были насажены стерляди и карпии, "но эту рыбу ловили и поедали какие-то звери". Императрица Анна Иоанновна, когда ей было об этом доложено, велела выписать из-за границы инструменты для ловли этих зверей. Инструменты были выписаны названием *теллер-эйзен* из "Дрезена". При Петергофских садах содержался постоянный караул из солдат, в том числе

при зверинце у двоих ворот по 3 человека и в Новом заячьем зверинце 3 человека.

В 1757 году императрица Елисавета Петровна приказала возобновить в Петергофе места, где ставятся цели, которые были в Монплезире, почему велено было прислать из Оружейной, по выбору присутствующего при Обер-егермейстерской канцелярии, четыре штуцера и дюжину пистолетов лучших мастеров, осмотрев и испробовав их порохом, "чтоб было возможно Ее Императорскому Величеству из оных стрелять без малейшего затруднения"³¹¹.

В первые годы царствования Екатерины Великой все петергофские дворцовые учреждения, в том числе и учреждения придворной охоты, были в крайне запущенном состоянии. Вот что об этом писала императрица 8 июня 1768 года графу Панину: "Только без сердца видеть не можно, как все здесь запущено, хотя с 1762 года я на то выдала 180.000 рублей, а старый хрыч, вместо того, чтобы Петергоф чинить, чорт знает, что из тех денег делал"³¹². Вероятно, такое плачевное состояние Петергофа было одною из причин того, что Екатерина II его не любила. "Я сегодня, – писала она г-же Бьелке в 1772 г., – оставила мое любезное, мое прелестное Царское село и отправилась в отвратительный, ненавистный Петергоф, которого я терпеть не могу, чтобы праздновать там день моего восшествия на престол и день св. Павла. После этих слов Вы, может быть, захотите знать, откуда я Вам пишу? Милостивая государыня, я, как школьник, выбрала дальнюю дорогу, отправляясь из рая в ад: я заехала в охотничий дом, где ночую эту ночь, а завтра буду в Петергофе"³¹³. К концу царствования Екатерины II внешний вид Петергофа несколько улучшился. В 1772 г. здесь производились большие

работы по возобновлению придворных учреждений, в том числе и учреждений царской охоты³¹⁴. Так, между прочим, в этом году чинилась изгородь Большого зверинца, состоявшая из досок и кольев, при чем было поставлено около 1000 звеньев изгороди. Несколько позднее, в июне 1780 г., в Старом зверинце начали разбивать Английский сад³¹⁵; тогда же здесь построили небольшой домик "на вид крестьянского жилища", в котором императрица Екатерина II нередко обедала.



Рябушкин А. Г.
Императрица Анна Иоанновна в Петсргофском
зверинце на охоте; при ней герцог Бирон и
Оберъ-Егермейстер Волынский

Царское Село. На месте Царского Села во времена шведского владычества находилась небольшая финская деревня – Саарская мыза, Saarimojs, т. е. мыза, стоящая на возвышенности (слово Saari значит возвышенность). По именному указу Петра I 31 мая 1708 г. Сарская мыза была "приписана к комнате Ее Царского Величества" вместе с окружными деревнями и мызами (в числе коих была мыза Пурколовская, названная впоследствии Пулковым). Это дало основание называть Сарскую мызу по созвучию Царской. В 1724 г. здесь построили церковь во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы и иногда называли Сарскую мызу селом Благовещенским, но это название не привилось, и с 1725 г. в официальной переписке утвердилось наименование Царского Села³¹⁶. В начале 1728 года Царское Село со всеми приписанными к нему мызами и деревнями, согласно завещанию Петра I, поступило по именному указу Петра II в полное владение великой княжны Елисаветы Петровны³¹⁷. Царское Село в это время и до конца XVIII века было окружено дремучими болотистыми лесами, в которых водилось много оленей и медведей. В 1772 году в окрестностях его появилось столько медведей, что жителям соседних деревень, чтобы поощрить их к истреблению медведей, обещано было выдавать по три рубля за каждого убитого зверя³¹⁸.

Возникновение охотничьих учреждений в Царском Селе относится к началу XVIII столетия. Еще в 1710 году, при составлении планов на устройство в Царском Селе различных учреждений дворцового ведомства, было, между прочим, назначено и место для зверинца. При межевании в 1711 году Пурколовской мызы показаны, кроме дворца и других строений придворного ведомства, птичий дворы и строения охот:

псовой, соколиной и кречетъей, которые помещались на особом дворе. Строения эти состояли из двух светлиц с кирпичными сенями и печами, одной житницы, одной конюшни для охотничьих лошадей и двух каретных сараев. Весь двор был огорожен палисадником. В таком виде находились эти строения 11 мая 1719 года, когда владетельница Пулковской мызы угощала здесь "в первый раз обеденным столом великого своего супруга государя Петра I, услаждавшего свое зрение из окон дворца и из саду на любезный сердцу его Петербург возрастающий"³¹⁹. К устройству зверинца в Царском Селе приступили не ранее 1718 года. В этом году выбранное для него место против каменных дворцовых палат, на расстоянии от них к западу в 234 сажени, огорожено было палисадом, и кругом был вырыт ров, шириною с откосами в 2 сажени и глубиною в 2 1/3 аршина. В окружности зверинец имел до четырех верст; на самой середине его был сооружен большой каменный погреб. Земля, насыпанная на этот погреб, образовала высокий холм, на котором поставили большую решетчатую галерею; на месте этой галереи впоследствии был сооружен знаменитый Монбеж (Mon bijou). От галереи по направлению к дворцу была прорублена в лесу широкая просека, превращенная впоследствии в липовую аллею. На середине этой просеки были вырыты по бокам его два пруда, каждый окружностью в 94 сажени, предназначавшиеся для разведения рыбы. Кроме этой главной просеки, от галереи проведено было еще семь просек-аллей во все стороны зверинца. В концах просек, названных "блезирами" (plaisirs), около палисадника были поставлены шесть амбаров, куда загоняли зверей на ночь, и изба для зверовщиков. Через двадцать лет после устройства этого зверинца, в

1739 году, была сооружена вокруг него новая деревянная изгородь³²⁰, затем, в 1741 году, здесь построены были четыре амбара, в том числе и амбар с избою для караульщиков зверинца³²¹.

В начале царствования Елисаветы Петровны на месте упомянутой выше галереи было выстроено четырехбашенное здание "ягдкамера", названное Монбежем (Mon bijou)³²². Зал и верхние павильоны этого здания были в 1748–1750 гг. расписаны изображениями животных и украшены картинами из охотничьей жизни кисти художника *Иоганна Фридриха Грота* (Grooth), небезызвестного в истории русской живописи. Вместе с своим братом, портретистом, рано умершим, Грот, сын штутгартского придворного живописца, прибыл в Петербург в 1743 г. и занимался сначала реставрацией картин. В декабре 1748 года он был принят на русскую службу с большим жалованьем (1600 руб., кроме квартирных денег) "для убору в Царском селе ягдкамеры (Монбежа) живописною работою и новыми картинами". Ему поручено было на шпалерах и плафонах "писать всякого звания и всяких родов птиц и зверей", а также написать картины, "более до охоты касающиеся". Грот написал для Монбежа до 54 картин на охотничьи сюжеты, как, например: 1) "Вечерняя заря; подле большого дуба две застреленных утки и другие мелкие птицы, которых стережет охотничья собака"; 2) "Ровное поле с большим орлом, теребящим тетерева"; 3) "В темном лесу кабан, гонимый тремя собаками, из коих у одной брюхо клыками распорото"; 4) "Высокий холм, с белым медведем, на коего нападают две собаки" и т. п.³²³. На куполе здания художник написал "соковыми красками различных зверей и птиц по лесам, перелескам, болотам и при озерах". Охотничьи

картины Грота, исполненные с большим искусством, очень понравились увлекавшейся охотой императрице Елисавете Петровне³²⁴. Довольный успехом своих работ, Грот остался в России; при Елисавете Петровне он носил звание придворного живописца; высшая знать нередко посещала его мастерскую, чтобы полюбоваться новыми произведениями его кисти. В 1765 г. он поступил, с званием академика, в новоучрежденную Академию художеств преподавателем живописи животных и имел много известных впоследствии учеников. Состоя с 1774 г. почетным вольным общником Академии, Грот умер в Петербурге в 1800 г., 83-х лет от роду. Картины, украшавшие Монбеж, в 1765 г.

переданы были в Академию художеств, где до начала XIX столетия составляли особую Гротовскую галерею; теперь в академическом музее имеется только одна картина из этой коллекции – "Битая дичь"; несколько произведений Грота сохранилось в Гатчинском дворце, в охотничьем домике в с. Ящеры и у частных владельцев.

Императрица Елисавета Петровна очень интересовалась благоустройством Царскосельского зверинца³²⁵; в мае 1750 года она приказала возвести вокруг зверинца вместо деревянного палисадника каменную стену; через год же, в июне месяце, по ее приказанию начата была постройка на трех углах зверинца каменных бастионов. Сооружение их продолжалось до 1755 года³²⁶, на восточных бастионах летом этого года были устроены два павильона, или люстгауза³²⁷.

7 сентября 1754 г. в Царское Село были приглашены императрицею Елисаветою Петровною

чужестранные министры и другие знатные "обоего пола персоны". В описании пребывания этих лиц в названном пункте, между прочим, читаем, что они, "сев в три линей, поехали садом к зверинцу и там, быв долго, смотрели Готовые картины, которые весьма хвалили; а между тем подогнаны были из зверинца олени сибирские и сего рода зверей и их крику министры особливо удивлялись". Показывали при Елисавете Петровне Царскосельский зверинец и его знаменитый Монбеж с картинами Грота и другим знатым иностранцам.

Так, 24 августа 1758 года "возили на гору в зверинец" турецкого посланника, а 3 июня 1759 года осматривал зверинец герцог Курляндский. Впоследствии, в царствование Екатерины II, на одном из бастионов зверинца, северо-восточном, была поставлена вся царскосельская артиллерия³²⁸. Несколько раньше, в 1764 году, через весь зверинец мимо Пулковской горы была проложена дорога, по которой Екатерина Великая часто выезжала на прогулку с птичьей охотой³²⁹.

В Царскосельском зверинце содержались преимущественно олени, а также другие звери: лоси, кабаны, дикие козы, зайцы. О числе их сохранилось очень мало сведений. В 1723 году здесь числилось 74 оленя и 3 лося; в течение лета 1741 года сюда было пущено: 3 лося, 4 сибирских оленя и 2 немецких, 2 диких козы, 2 диких кабана, 2 диких свиньи и 30 зайцев³³⁰. По штату 1773 года при Царскосельском зверинце положено было содержать только 40 оленей-маралов, а всех остальных зверей велено было продать³³¹. В описываемом зверинце содержались также и птицы³³². В архивных делах 1747 года упоминается, построенный на берегу большого пруда,

новый птичий деревянный двор, в котором приказано было содержать павлинов, лебедей и других редких птиц³³³. В 1774 году в зверинце построены были два каменных птичьих корпуса, длиною в 7 и шириною в 6 сажен; в эти здания птицы помещались только на зиму; летом же они жили в саду, где для них на особых двориках устроены были чуланы. Среди пернатого населения этих двориков мы встречаем: павлинов различных пород и цветов, журавлей, цесарок, лебедей и различных гусей: арзамасских, американских, канадских, гренландских; казарок, уток и кур различных пород³³⁴. В начале 1779 года в Царское Село были доставлены из Англии фазаны³³⁵, которых привез "церковник" Базилевич³³⁶, оставленный затем на службе в Царском Селе для присмотра за этими птицами.

В 30-х годах при Царскосельском зверинце помещалась собственная псовая охота великой княжны Елисаветы Петровны, находившаяся в ведении управителя села Царского, мундшенка Андрея Удалова. Эта охота состояла в 1741 году из: 26 борзых, полowych, полово-пегих, черных, серых, брудастых, 46 гончих (23 французских и английских, 7 "приводных" и 16 домашних гончих собак), 6 "ищейных" собак (вероятно, легавых)³³⁷.

В 1742 году в Царском Селе временно пребывала часть Императорской птичьей охоты, вероятно, вызванная с Семеновского потешного двора на охотничий сезон, причем заведование ею было поручено охотнику Дмитрию Яковлеву.

Кроме описанного зверинца, в пяти верстах к востоку от поселений нынешних ижорских колонистов был расположен особого устройства зверинец для

ловли "забеглых оленей". Сторожа, приставленные к этому зверинцу, заметив приблизившихся к нему диких оленей, поспешно разбирали прясла изгороди зверинца в соответствующих местах, при помощи крестьян соседних деревень окружали оленей, затем, мало-помалу сокращая круг, заставляли их самих забежать в зверинец через разобранные прясла. Забежавших оленей ловили и доставляли в Царскосельский зверинец. Практиковался и другой способ ловли оленей. В зверинце имелись заповедные березовые рощи; мох, покрывавший старые березы этих рощ, составлял приманку для оленей. Для той же цели служили оставлявшиеся в зверинце на зиму стога сена. Сторожа разбирали изгородь зверинца, а сами прятались в укромных местах. Как только олени входили в зверинец на приманку сена и мха, изгородь поспешно забиралась – и добыча была в руках³³⁸. В царствование Екатерины II ловля оленей этими способами постепенно приходила в упадок, и в ноябре 1791 года зверинец для забеглых оленей был предоставлен ижорским колонистам под сенные покосы³³⁹.

Екатерингоф. Об основании Екатерингофа мы знаем, что в 1711 году близ Калинкинской деревни, на том месте, где русские 6 мая 1703 года одержали победу над шведами, Петр Великий велел построить деревянный дворец, названный им в честь своей супруги Екатерингофом³⁴⁰. В скором времени около Екатерингофского дворца был разбит прекрасный парк, а в нем устроен небольшой зверинец³⁴¹.

Обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский составил в 1737 году широкий план устройства в Екатерингофе нового большого зверинца с яхт-гартеном, а также сооружения в нем зданий для

различных частей Императорской охоты. Зверинец должен был занять обширное пространство в 33 версты окружности; одна ограда его, частью из досок и частью из жердей, должна была обойтись в 8450 р. Вероятно, этот зверинец должен был, по мысли Волынского, заменить все другие многочисленные зверинцы и зверовые дворы, находившиеся в Петербурге и его окрестностях. Здесь же проектировано было построить: покои со службами для императрицы на случай пребывания ее в зверинце; покои со службами для придворных кавалеров; особый конюшенный двор с разнообразными помещениями как для служащих, так и для лошадей; различные беседки и галереи, например "Дианин Темпель" – каменная беседка с куполом, крытым железом; наконец, здания для помещения егермейстерской канцелярии, покои для егерьей-охотников, дворы для собак и конюшни для охотничьих лошадей. Стоимость устройства зверинца и этих зданий исчислена была в 100.780 рублей. Весною 1737 г. работы уже были начаты, местами были сделаны просеки и возведена часть изгороди. Но вскоре за тем постройки были остановлены, и грандиозный план Волынского был предан забвению. Старый Екатерингофский зверинец мало-помалу разрушался; сохранилось следующее краткое, но яркое описание его печального состояния в 1740 г.: "огорожен кольем, городьба развалилась и погнила, в нем один амбар да изба с сеньми ветхая". В следующем году зверинец этот был окончательно заброшен, и содержащиеся в нем звери: олени, лоси и лани – были переведены в Петергоф³⁴².

Гатчина. В писцовых книгах Вотской пятины 1499 года значится между прочими великокняжескими именениями "село Хотчино над озерком Хотчином".

Название деревень, приписанных к этому селу, соответствует современным названиям деревень, окружающих Гатчину, и это дает основание утверждать, что село Хотчино находилось как раз там, где теперь расположена Гатчина³⁴³. Именным указом 31 мая 1708 года мыза Гатчина была подарена государем Петром I-м великой княжне Наталии Алексеевне, а после ее кончины, последовавшей в 1716 г., была присоединена к дворцовым дачам³⁴⁴. Затем по приказанию князя А. Д. Меншикова мыза Гатчинская с деревнями и мельницами, которые были расположены на реке Ижоре, была отдана во владение "архиатеру" Ивану Блюментросту. Когда Блюментрост был уволен от службы, то гатчинское имение в 1732 г. у него было отобрано и приписано к владениям Дворцовой канцелярии. После этого Гатчина еще два раза переходила в частные руки и снова возвращалась в дворцовое ведомство. В 1734 году императрица Анна Иоанновна пожаловала Гатчину тайному советнику князю Куракину, но после его смерти Гатчина была куплена у наследников и снова поступила в дворцовое ведомство³⁴⁵. Екатерина II по восшествии на престол подарила Гатчину князю Григорию Григорьевичу Орлову³⁴⁶, а после его смерти купила ее у братьев Орлова и 6 августа 1783 г. отдала во владение наследнику престола Павлу Петровичу.

Гатчинский зверинец устроен был князем Г. Г. Орловым: здесь при князе Орлове содержались, между прочим, фазаны и американские олени, которых ему подарила императрица Екатерина 15 марта 1771 г.³⁴⁷. По проекту князя Орлова, зверинец этот должен был занять очень большую площадь земли, но кн. Орлов не успел вполне осуществить свой план. Сохранилось следующее краткое описание этого зверинца,

относящееся к последним годам царствования Екатерины, когда Гатчина находилась во владении великого князя Павла Петровича: "Зверинец очень обширен, хотя он и не занимает всего того пространства, которое ему предназначалось прежним владельцем, князем Орловым. Несколько романтических домиков для лесничих, много приятных мест для прогулок, звездообразные аллеи и цветочные клумбы составляют его прелесть. Одна из этих аллей направляется к самой высокой из Дудергофских гор, на вершине которой виднеется кирка. В зверинце содержится много красного зверя"³⁴⁸.

Ораниенбаум, представлявший из себя вначале бедную деревушку, был подарен Петром I князю А. Д. Меншикову. В 1714 году Меншиков построил себе в Ораниенбауме загородный дом и усадьбу. Отобранный в казну после падения временщика, Ораниенбаум был в 1743 году подарен императрицею Елисаветою Петровною наследнику престола, великому князю Петру Феодоровичу³⁴⁹. Великий князь завел здесь, как мы уже упоминали раньше, егерскую и псовую охоту и приступил к устройству зверинца³⁵⁰. В этом зверинце содержались дикие свиньи и американские олени. Последний раз Ораниенбаумский зверинец в документах упоминается в 1773 году. Кроме зверинца, в Ораниенбауме имелась оружейная камера, переданная в 1768 году в обер-егермейстерское ведомство и переведенная после этого в Петербург, в Итальянский дом³⁵¹.

В Дудергофе охотничьи учреждения появляются в конце XVIII века. В мае 1770 года императрица Екатерина II приказала построить при Дудергофской горе "фазанарию". До 1778 года Дудергофская "фазанария", состоявшая в заведовании особого

фазан-егеря, числилась в ведомстве Красного Села, в 1781 году была причислена к Царскосельскому дворцовому ведомству, а в 1796 году снова перешла в прежнее Красносельское дворцовое управление. По данным 1778 года в этом заведении содержалось 159 фазанов³⁵².

В Красном Селе в 1764 г. по приказанию императрицы Екатерины устроен был сокольничий двор со всеми необходимыми помещениями для птиц и служителей для "непременного", т. е. постоянного содержания в нем птичьей охоты. В этом дворе помещены были ловчие птицы, кречеты и челиги кречетьи, которые были привезены в 1763 г. "из Дацкой земли от Дацкого короля". Птиц велено было принять в обер-егермейстерское ведомство и "довольствовать их, яко прочую охоту, по надлежащему и по показанию прибывшего при оных птицах королевского фалк-егеря". На этом же дворе останавливались, надо полагать, и сокольники с ловчими птицами, прибывавшие в Петербург из Москвы с Семеновского потешного двора на летнее время, для охот императрицы Екатерины³⁵³.

II. Москва.

Семеновский потешный двор. Первое место среди московских охотничьих учреждений принадлежало старому Семеновскому потешному двору — средоточию царской птичьей охоты. Излюбленная московскими царями красная соколя потеха в придворной жизни XVIII века отступила, как мы видели, на второй план перед охотами псовой и ружейной; но она не была совершенно забыта. О ней вспоминали всякий раз, когда приходилось отправлять послов к кому-либо из восточных государей. При

посещении Москвы императрицы всегда развлекались красивыми соколиными ставками. Сокольников с соколами и кречетами часто также требовали в Петербург ко двору; Екатерина Великая предпочитала соколиную охоту всем другим и в первые годы царствования, как мы указывали, постоянно развлекалась выездами в поле с ловчими птицами.

В конце XVII столетия на Семеновском потешном дворе имелись царские хоромы, по-видимому, нередко служившие местопребыванием царской семьи. В июне 1687 года на обивку дверей и окон этих хором было затрачено 18 аршин дорогого английского красного сукна, а в августе того же года в те же хоромы было отпущено с казенного двора 20 икон. В течение всего XVIII века на Семеновском потешном дворе сохранялся в общих чертах жизненный распорядок, установившийся в царствование Алексея Михайловича³⁵⁴. Из поколения в поколение передавалось трудное искусство обучения диких хищных птиц, которые нелегко свыкались с неволей. Так же как в старое московское время, сокольники и кречетники Семеновского двора свидетельствовали³⁵⁵ и испытывали птиц, доставлявшихся помытчиками с Волги и с севера, осторожно приручали их, "выдерживали и вынашивали". Деятельность Семеновского двора, однако, сильно сократилась в XVIII столетии вместе с упадком значения соколей охоты³⁵⁶.

Громадное количество ловчих птиц, достигавшее при Алексее Михайловиче до 3000 штук, через двадцать лет после его смерти, к 1696 г., понизилось до ничтожной сравнительно цифры – 49 птиц, на корм которых ежедневно расходовалось по 36 к. 1 1/2 деньги. За все последующее время на Семеновском

потешном дворе находилось обыкновенно не более 100 соколов и кречетов; только в царствование Петра Великого число их три раза несколько превышало цифру 100. Наличное количество ловчих птиц на Семеновской царской кречетне постоянно сильно изменялось в пределах от двух десятков до сотни, в зависимости от отправки обученных соколов в Петербург или за границу и от успешности улова диких птиц помытчиками³⁵⁷. Так, например, в июне 1740 года всего насчитывалось 70 птиц, в том числе: 25 кречетов, 12 челигов кречетых, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребых и один балабан; через два же месяца, в сентябре того же года, птиц было уже только 30 штук: 7 кречетов, 2 челига кречетых, 15 соколов и 6 ястребов³⁵⁸. Ввиду такой неустойчивости численного состава кречетни ни в одном из яхт-штатов для него не было установлено постоянной нормы. Первым яхт-штатом велено было содержать на потешном дворе соколов и кречетов столько, "сколько их есть и впредь будет", и яхт-штатом 1773 года – "сколько оных в котором году помкнуто и принесено будет, без недостатка"³⁵⁹.

Незадолго до издания этого последнего яхт-штата, а именно в 1771 г., Обер-егермейстерская канцелярия, не ограничивая численности кречетов и челигов кречетых, постановила держать при охоте только 6 соколов и 2 ястребов. Но яхт-штат 1773 г. не подтвердил этого постановления, которое на практике оказалось неудобоисполнимым в случае недостаточного улова кречетов их неизбежно приходилось заменять соколами и ястребами³⁶⁰.

Неволя губительно действовала на ловчих птиц; они очень скоро хирели, теряли силы и свои охотничьи способности. Кроме непривычки к подневольной

жизни, на них вредно влияла также перемена климата. Через два, три года, при наилучшем уходе, соколы и кречеты становились непригодными для выездов в поле, оказывались "к держанию неспособными". Поэтому главная команда обер-егермейстерского ведомства строго следила за тем, "дабы негодные птицы на корму не состояли" и своевременно были удаляемы из охоты³⁶¹. Кроме ежемесячных ведомостей наличным птицам, статейничий обязан был подавать особые рапорты о каждой вновь принятой, "выбылой" или "упалой" птице. Негодных птиц или продавали за недорогую цену частным лицам, или же, когда покупателей не находилось, отпускали на волю³⁶². Такие птицы, естественно, оценивались очень низко; в 1782 году, например, за девять птиц со стороны покупателей предложено было только 4 р. 10 к., так что Обер-егермейстерская контора предпочла выпустить этих птиц на свободу³⁶³.

Обучение ловчих птиц, их "выноска и справка" производились как на Семеновском потешном дворе, так и на специально приспособленном для этого Тюхальском потешном дворе, который стоял в том месте, где теперь Тюхалева роща, т. е. за Симоновым монастырем, близ деревни Кожуховки³⁶⁴. Здесь ежегодно в летнее время проживало несколько кречетников, сокольников и ястребников, занимавшихся "справкою" птиц; на случай дождя и жары были построены из хвороста плетеные сараи, покрытые соломой. Для обучения ловчих птиц на Семеновский и Тюхальский потешные дворы из дворцовых и других подмосковных волостей доставлялись по-прежнему "коршаки, осорьи и воронки".

Кормили ловчих птиц или говяжьим мясом, или

мясом голубей, ворон и галок, причем на корм кречетам шли вороны, а на корм соколам голуби и галки³⁶⁵. Голубиной повинности – главного источника для корма птиц при Алексее Михайловиче – в описываемое время уже не существовало. По сведениям, относящимся к 1724 году, голуби, вороны и галки ловились в подмосковных дворцовых, архиерейских и монастырских волостях сокольниками и ястребниками, которые посылались "на три дороги, по два человека на дорогу". Крестьяне обязаны были отводить сокольникам постоянные дворы, "а как станут тех птиц ловить и воронники вновь ставить и старые починивать, и в том... чинить им... вспоможение, давать работных людей, сколько человек пристойно, и их, сокольников и ястребников, поить, кормить и государевым лошадям, которые с ними будут, давать корм, сено и овес, чем им быть сытым, и на прокормку воронкам давать мясища"³⁶⁶. В позднейшее время голуби на корм ловчим птицам добывались иным путем, а именно покупались от крестьян. Имеются сведения, что в 1745 г. статейничему Савватию Ларионову выдано было за четыре месяца (январь – апрель) 100 р. "на покупку мяса говяжьего и голубей"³⁶⁷. На подстилку ловчим птицам употреблялась ржаная солома, которой по штату 1741 года положено было доставить 83 воза³⁶⁸. В летнее время ловчих птиц, привыкших к суровому климату северных стран, обливали обыкновенно холодной водою³⁶⁹.

Ловчие птицы содержались на Семеновском потешном дворе в так называвшихся "птичьих покаях"³⁷⁰: зимою – в теплых "светлицах"³⁷¹, летом – в "птичьих амбарах", в которых они сидели на шестах, обитых ровным холстом. Днем на птиц надевали клобучки, но, несмотря на это, они сидели в светлицах

очень беспокойно, постоянно пугались, что вредно отражалось на их здоровье. Ввиду этого Обер-егермейстерская канцелярия в 1775 г. сделала опыт держать птиц зимою не в светлицах, а в особо устроенных темных "выходах", полагая, что птицы, находясь "в темном месте", будут сидеть спокойнее и благодаря этому дольше сохраняют свои охотничьи способности, "проживут в команде года два-три и добывать будут хорошо". О дальнейшей судьбе названных "выходов" сведений не сохранилось³⁷².

Птицы, предназначавшиеся для "выноски" и корма ловчих птиц, – голуби, вороны и проч. – содержались в голубятнях и в амбарах, называвшихся "воронниками"³⁷³. Кроме всех этих птичников разного рода, на Семеновском потешном дворе было много разнообразных служб: сараев, "магазиннов", конюшен для сокольничьих лошадей³⁷⁴.

Все эти постройки очень редко ремонтировались и с течением времени пришли в крайнюю ветхость. В 1773 году обер-егермейстер Нарышкин на ремонт построек Семеновского двора, как и Измайловского зверинца, испрашивал крупную сумму до 22.000 рублей³⁷⁵. Решено было возобновлять эти здания постепенно, ассигнуя ежегодно 2000 рублей на починку и перестройку всех помещений московских охот, кроме Измайловского зверинца³⁷⁶.

Мы не имеем достаточно сведений, чтобы судить, насколько хорошо велось хозяйство Семеновского двора, но отдельные известные нам факты рисуют это хозяйство далеко не в блестящем виде. Ветхость "птичьих покоев" не могла не оказывать вредного влияния на здоровье ловчих птиц³⁷⁷. Иногда же, как в 1757 году, случалось, что эти ветхие покои не

отапливались по несколько дней в самое холодное время – в декабре месяце, за недостатком дров. Корм, предназначавшийся для птиц, замерзал; "птицы пришли в великое несостояние", так что две из них "от нетопления светлиц свалились"³⁷⁸. Обер-егермейстерская контора, опасаясь, как бы птицы "за неотоплением покоев не могли прийти в наивящее несостояние и упадок", определила отпустить на Семеновский двор две сажени дров, негодных, оставшихся от раздачи служителям, и предписала при этом употреблять эти дрова "в расходе подлежаще, без излишества"³⁷⁹.

К Семеновскому потешному двору принадлежала Сокольничья слобода³⁸⁰, в которой жили кречетники, сокольники, ястребники, несколько помытчиков и зверовщиков, вместе со своим начальством. Кроме этих чинов птичьей охоты, на Семеновском потешном дворе впоследствии проживали еще чины учрежденной в 1745 году Обер-егермейстерской конторы: канцеляристы, подканцеляристы, копиисты и другие. Они помещались в особых зданиях, известных под общим именем "служительских покоев". Сокольничья слобода в XVIII веке сохраняла устройство и распорядок, которые в московское время имели всякие казенные слободы: стрелецкие, пушкарские, дворцовые, ямские, кузнецкие и т. п. Она представляла отдельное поселение, выстроенное по определенному плану, с соблюдением "должных разрывов" между домами на случай пожара³⁸¹. Служительские покои, возникшие позднее, напротив того, были уже устроены по-новому и были размещены без всякого плана в разных местах Семеновского потешного двора. Под каждый отдельный двор в Сокольничьей слободе отведен был определенный участок усадебной земли в

33 сажени "длиннику" и от 7 до 7 1/2 сажени "поперечнику". На таком участке строился дом со всеми надворными службами вроде погребов, "напогребещ" и сараев; за домом обыкновенно разбивался сад или огород³⁸². В описи "хоромного и дворового строения" одного из жителей слободы упоминается, например, горница на жилом подклете, с изразцовыми печами, створчатые крашеные ворота с калиткою, влево от которых при входе во двор помещались "напогребещица" и огород с яблонными и вишневыми деревьями и с крашеною беседкою посредине. Дворы в Сокольничьей слободе с принадлежащею к ним усадебной землею не составляли полной собственности проживавших в них чинов птичьей охоты, так как последние не могли их отчуждать. Старинные порядки сохранялись здесь до конца XVIII века³⁸³; в актах 80-х и 90-х гг. встречаются указания, что чинам сокольей слободы воспрещалось продавать свои дома частным лицам, владеть более чем одним отведенным каждому из них двором, как и отдавать внаем свои жилища; правительство заявляло, что в отношении к дворам сокольей слободы "частное лицо не только покупщиком, но и жильцом почитать не можно"³⁸⁴. Правила эти нередко нарушались; так, например, в 1794 году Обер-егермейстерская контора писала статейничему Рыкунову, что в Сокольничьей слободе "под укрывательством частных командиров" живут два человека своими домами на казенной земле. На присутствие "жильцов" в домах чинов птичьей охоты главная команда смотрела довольно снисходительно и требовала только, чтобы сокольники не пускали к себе людей беспаспортных и чтобы они имели за своими жильцами строгий присмотр³⁸⁵. Сокольникам,

кречетникам и ястребникам, оставленным на старом их месте жительства в Москве, на описанном выше Семеновском дворе, очень часто приходилось на лето переезжать в Петербург, с ловчими птицами, для охот в присутствии Высочайшего двора. В первый раз часть московской птичьей охоты была вытребована в новую столицу на время охотничьего сезона в 1723 г., по приказанию Петра Великого³⁸⁶. С этого времени птичья охота постоянно отправлялась на лето в Петербург, в среднем – года через два, через три³⁸⁷, а с 1763 года, по повелению Екатерины II – ежегодно³⁸⁸.



Лебедев К. В.
Вечер на Измайловском Потешном дворе г. Москвы в
начале XVIII столетия

По окончании охотничьего сезона сокольники с птицами обыкновенно возвращались обратно в Москву. Перевозка ловчих птиц из одной столицы в другую производилась с большими предосторожностями, чтобы птицы не погибли в дороге. Для отправки в Петербург выбирали самых лучших ловчих птиц и "с крайним старанием" "выдерживали" их "по установленным обрядам". Во главе транспортов ставили кого-либо из высших начальников птичьей охоты. Так, в 1725 году сокольники и кречетники с птицами были отправлены в Петербург под надзором сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Романа Мельгунова, заведовавшего тогда Семеновским потешным двором³⁸⁹. Позднее, приблизительно с 1743 года., транспорты с ловчими птицами отправлялись под начальством статейничих. Кроме кречетников, сокольников, ястребников, с птицами отправлялось всегда несколько сторожей и помытчиков. Во второй половине XVIII столетия птицы перевозились в особо приспособленных для этого роспусках, покрытых парусиною и обитых кожею³⁹⁰, по 3–4 птицы в каждой такой повозке. Служители ехали или верхами на лошадях, которые в известном числе всегда отправлялись в Петербург вместе с птицами, или же в кибитках. Для защиты птиц от зноя и дождя в дорогу брали полотняные палатки. Лицу, стоявшему во главе транспорта, давали подробную инструкцию, в которой точно определялись не только взаимоотношения начальника и подчиненной ему команды, но и все мельчайшие хозяйственные подробности. Так, статейничему Рыкунову в 1791 году предписано было строго следить, чтобы на мазание колес в пути "дехтю излишне отнюдь употреблено не было"³⁹¹.

Переезд в Петербург стоил каждый раз довольно дорого, если принять во внимание тогдашнюю ценность денег и общий бюджет придворной охоты, а именно от 100 до 150 рублей в 1743–1746 гг.³⁹². В конце же столетия он обходился еще дороже; в 1791 году статейничему было выдано на путевые расходы 450 рублей. Сокольникам приказывали всегда ехать с птицами "в самой скорости" "днем и ночью", чтобы не измучить птиц длинною дорогою и доставить их в Петербург вполне здоровыми³⁹³. Скорые переезды из Москвы в Петербург в то время были не особенно затруднительны. Манштейн в своих записках замечает, что в "свете нет страны, где бы почта была устроена лучше и дешевле, чем между этими двумя столицами. Обыкновенно везде дают на водку ямщикам, чтобы заставить их скорее ехать, а между Петербургом и Москвою, напротив, надобно давать на водку, чтобы тише ехали".

В дороге надзор за птицами усиливался. Если какая-либо птица в дороге "прислабеет", то статейничий должен был не стесняться в денежных затратах на приобретение для нее самого свежего корма. Кормили птиц преимущественно живыми голубями или свежим мясом; в обозе всегда следовало большое количество голубей, которые перевозились в корзинках, "в крошнях о дву жильях". На всякий случай иногда брался "тайник" – снаряд для ловли птиц; кроме того, в числе служителей с транспортом отправлялся, как мы уже заметили, и помытчик.

В 1772 году часть Императорской птичьей охоты была отправлена с Семеновского потешного двора в первую армию, в город Яссы, к князю Григорию Григорьевичу Орлову. В мае 1772 года князь Орлов по пути к первой армии заехал в Москву и сам осмотрел

птичью охоту³⁹⁴: выбрано было восемь лучших птиц из кречетов, челигов кречетых и соколов. Эти птицы были отправлены в Яссы под надзором кречетника Сергея Ларионова, которому была дана обстоятельнейшая инструкция. Транспорт должен был, согласно инструкции, передвигаться по дороге в те часы, когда не будет ни жару, ни ветра большого; птиц велено было "от всяких предопасных случаев крайне беречь, чтоб оным не только упадка, ниже какого повреждения или заломки в крыльях и хвостах перьев последовать не могло"; иметь при них и днем и ночью "твердый караул"; смотреть, чтобы при остановках отводились им хорошие помещения, не говоря уже о том, чтобы корм доставлялся всегда свежий и "с довольствием". Чтобы птицы во время дороги не утратили приобретенных ими во время "справки" охотничьих навыков, инструкция рекомендовала "перевабливать" их и даже – если выпадет "способное" время – давать им "пущеное". Для только что названных охотничьих упражнений с птицами приказано было взять "тайник" для "покрывания" диких птиц, необходимых при этих упражнениях, и купить дорогою "добыточного", т. е. хорошего и ученого ястреба. Ларионов с честью выполнил свою задачу и получил благодарность от князя Г. Г. Орлова. В 1716 году на Семеновский потешный двор были присланы из Архангельска с промышленником Иваном Митрофановым два зверя – белые медведи, на продовольствие которых в пути было выдано Митрофанову по гривне на день для покупки ржаного хлеба. Для медведей этих были устроены в Семеновском особые срубы, а кормили их там белым хлебом, тратя на это по алтыну две деньги на день. В 1718 году, по-видимому, на Семеновском потешном

дворе содержались борзые и другие собаки. По крайней мере, в современной описи имевшихся там вещей, между прочим, упоминаются: "свора, ошейник лента золота с серебром, подложена бархатом, ворворы обнизаны жемчугом; снуру 5 аршин; тот снур и кисть золото с серебром"; а также "пять ошейников меделянских собак, бархатные на коже, пряшки и наконечники скружыва медные".

В 1720 году на Семеновский потешный двор понадобилось зачем-то, вероятно для отправления в какое-нибудь иноземное государство, 15 пар кречетых и 30 пар соколых колокольцев.

В 1723 году на Семеновском потешном дворе содержались, между прочим, медведь, 2 рыси, 2 орла да филин, которым сырейщики и живодееры поставляли мясо даром до августа месяца. В августе они от такой поставки отказались, почему мясо стали покупать, тратя на прокорм помянутых зверей и птиц по 5 алтын в неделю³⁹⁵.

Описанный нами Семеновский потешный двор являлся за весь XVIII век почти единственным центром царской птичьей охоты; зверовая же и псовая охоты размещены были под Москвою, в селе Измайловском и в Александровской слободе. Наше внимание прежде всего останавливается на Измайловском зверинце, устроенном в подмосковном селе Измайлове. История этого зверинца тесно связана с историей московской псовой охоты XVIII столетия³⁹⁶.

Измайловский зверинец. Село Измайлово, старинная вотчина рода Романовых, лежало в двух верстах от Преображенской и Семеновской застав, между дорогами "Остромынкою" и знаменитой "Володимеркой". Во втором томе нашего исследования

было указано, что во второй половине XVII века окрестности села Измайлова были одним из любимейших мест царской охоты, а в самом Измайлове находился тогда дворец и прекрасно устроенный царский хутор с садами и рощами – предмет постоянных и неусыпных забот рачительного хозяина царя Алексея Михайловича. К западной стороне дворца, окруженного рощей из высоких деревьев, примыкал зверинец. К сожалению, нам не удалось выяснить, когда был устроен этот зверинец и какие звери в нем содержались в царствование Тишайшего царя. Да и от последующего времени до 1727 года – этого глухого периода истории царской охоты – тоже не сохранилось никаких данных, которые могли бы пролить хотя слабый свет на судьбу этого учреждения.

С воцарением одного из страстнейших охотников, императора Петра II, сразу, как мы видели, оживилась деятельность всей царской охоты: и птичьей, и зверовой, а в особенности псовой; вместе с нею ожил и Измайловский зверинец. С переездом молодого императора в Москву в Измайловском зверинце помещены были птицы, собаки и почти весь служебный персонал птичьей и псовой охот³⁹⁷. Со смертью Петра II значение этого зверинца умалилось, и в нем уже более не наступало прежней жизни.

Измайловский зверинец в XVIII веке состоял из нескольких отдельных частей: собственно зверинца, зверового двора и псарного, или охотного, двора. Зверинцев в собственном смысле слова было несколько: прежде всего – Старый зверинец, устроенный еще в XVII веке, у западной стороны дворца, затем – Новый, основанный в 1730 году императрицею Анною Иоанновною, которая во время пребывания своего в Москве нередко бывала здесь и

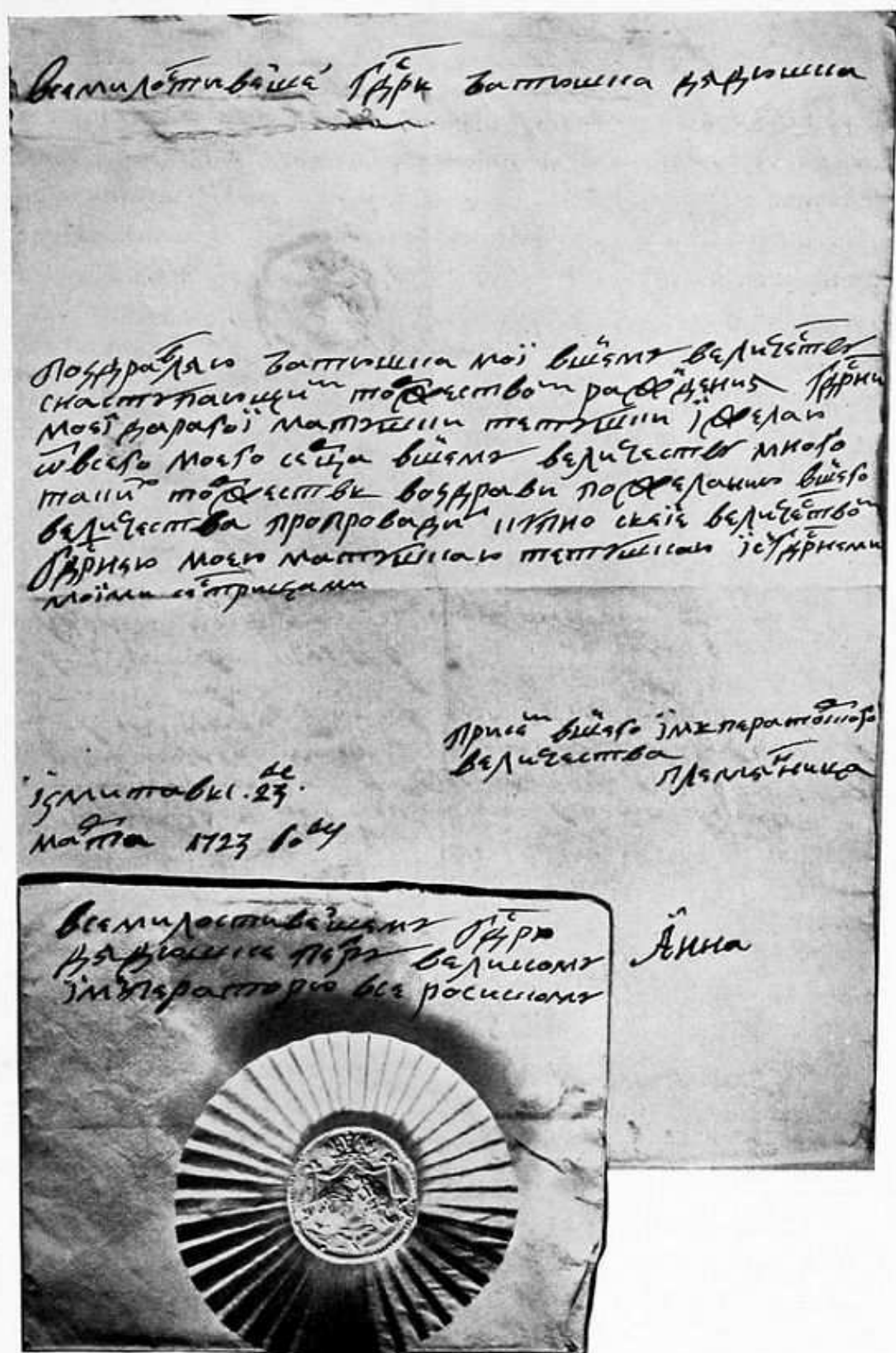
вместе со своим любимцем Бироном забавлялась стрельбою в зверей³⁹⁸. Оба эти зверинца, Старый и Новый, ходили под общим названием Большого, в противоположность устроенному около 1730 года Малому зверинцу³⁹⁹. Впоследствии все отдельные измайловские зверинцы назывались иначе, по породам содержащихся в них зверей. В 1740 году мы встречаем в селе Измайлове зверинцы: *заячий*, *лосиный*⁴⁰⁰ и *кабаний*; из них заячий зверинец, как видно из данных 1750 года, разделялся на Старый и Новый. В 1740 году все эти зверинцы занимали большое пространство, обнесенное кругом высоким тыном, местами до 6 аршин вышины. Ограда заячьего зверинца, в котором, кроме зайцев, содержались также дикие козы, устроена была особенно тщательно: он был "весьма крепостию загорожен и крепок". В лосином зверинце, кроме лосей, которых было очень немного, помещались иногда "саженные" зайцы. В кабаньем зверинце "для размножения кабанов" были выстроены четыре омшаника. В 1732 г. в особых покоех, стены которых были обиты железными листами, содержались дикобразы и бобры. К 1752 году относится упоминание о лисятнике, в котором содержались лисицы и куницы.

Значительное расширение зверинца было произведено в 1748–1750 гг. В июле 1744 года обер-егермейстер граф Разумовский представил доклад императрице Елисавете Петровне, в котором указывал, что вследствие размножения зверей, в особенности оленей, зверинец оказался "обширностию не весьма доволен" и что близ него имеются праздные места, которые для "пригорождения способны". Елисавета Петровна разрешила пригородить указанные места к зверинцу "для лутшего удовольствия зверям"⁴⁰¹. Сведений о размерах зверинцев не сохранилось;

некоторое понятие об обширности их дает известный нам факт, что в 1750 году на починку изгороди кабаньего, лосиного и заячьего зверинцев ушло 50.000 кольев⁴⁰².

После 1750 г. строения зверинца долгое время не ремонтировались и крайне обветшали. Когда в 1774 г., по случаю приезда в Москву Высочайшего двора, обер-егермейстер Нарышкин отдал приказ купить 400 зайцев и посадить их в зверинец в такое место, "откуда бы они разбежаться не могли", то такого места не нашлось: заячьи зверинцы оказались настолько ветхи, что "зайцев и русаков во оные сажать никак не можно". Все вообще постройки Измайловского зверинца оказались в таком же полуразрушенном виде, как и строения Семеновского потешного двора. Обер-егермейстер писал в 1774 г. следующее: "Необходима починка Семеновского и Измайловского дворов с зверинцем, дабы при приезде туда не поморить собак и лошадей в тамошних строениях, кои походят более на развалины, нежели на обиталища, быв столь времени без починки, паче же людям вреда от того не нанести..."⁴⁰³. В различных местах Измайловского зверинца были разбиты сады: Колышинский, Просянский и другие⁴⁰⁴. Императрица Елисавета Петровна с племянником своим, великим князем Петром Феодоровичем, и великой княгиней Екатериною Алексеевною нередко охотилась в Колышинском саду и останавливалась там на ночь в беседке. В Просянском саду был вырыт большой пруд, известный под именем Лебедевой плотины; здесь водилась царская птица – лебеди. В зверинце был еще пруд, называвшийся "Красным"; через него был перекинут "проезжий" мост. В 1739 году по проекту обер-егермейстера Волынского была произведена

перепланировка всего Измайловского зверинца: в нем были прорублены "проспекты", и звери были размещены в более удобном порядке, согласно новому плану⁴⁰⁵.



Письмо Герцогини Курляндской Анны Иоанновны Императору Петру I.

На *Зверовом дворе*, составлявшем особый отдел всего Измайловского зверинца, проживали зверовщики и помещались хозяйственные постройки, имевшие то или другое отношение к зверовой охоте. На *Псарном*, или *Охотном*, дворе помещалась псовая охота. Эта часть Измайловского зверинца в конце восемнадцатого столетия в свою очередь разделялась на несколько "дворов". В документе 1791 года сохранились указания на существование по крайней мере пяти псарных дворов. На псарных дворах были выстроены для собак особые денники с полавочниками внутри и навесы, под которыми задавался собакам корм. Здесь же помещались избы с сенями для охотников и другие служительские покои. Для помещения и выкормки щенят в 1757 году Обер-егермейстерская канцелярия предписала устроить вне Измайловского зверинца, однако в недалеком от него расстоянии, бревенчатый, рубленый со мхом амбар и два жилых покоя с сенями и со всеми принадлежностями для помещения пикеров, которым поручалось выкармливать щенят; все это строение предписано было огородить общим забором. Такой же точно дворик и для той же цели предписано было выстроить недалеко от зверинца и в 1775 году.

В 1775 году, во время пребывания в Москве Императорского двора, "комнатные борзые собаки Его Высочества" цесаревича Павла Петровича содержались в Измайловском дворце, в комнате, расположенной рядом с квартирой обер-ферштера Андреаса Тона. На прокорм этих собак отпускалось ежедневно по 2 фунта свежей говядины, да варилась им каша гречневая, на которую шло ежемесячно по одному четверику круп.

В это же время предписывалось для выкормки борзых щенят свор ее величества и его высочества

сделать у Измайловского дворца небольшой дворик, огородив его забором, сооруженным из столбов, забранных досками, и "внутри дворика поставить к тому же забору два денника бревенчатые мшеные", размерами в длину и ширину по 2 1/2 сажени, "покрыты в два теса с прокладкою драни", с потолками и полами дощатыми, с "полавошниками дощатыми" внутри зданий, в которые должны были вести двери на железных петлях, а для запираения последних "цепи железные с пробоями". В заборе приказывалось устроить "двои створчатые ворота" на железных петлях, для запора которых изготовить "щеколды железные"⁴⁰⁶.

Псовая охота при Измайловском зверинце была устроена заново в 1728 году для юного императора Петра II стараниями его фаворитов, князей Долгоруких. Собаки частью взяты были из конфискованных частных охот, частью куплены в России и выписаны из-за границы⁴⁰⁷. В начале 1730 года псовая охота Измайловского зверинца состояла из 241 собаки. В ней было 50 борзых, 50 французских гончих, 128 гончих русских, 4 кровавых гончих (bloodhound или гончая святого Губерта) и 9 такселей. Кроме того, при охоте числилось до 224 лошадей⁴⁰⁸. Вскоре после смерти Петра II эта охота значительно сократилась, она была расхищена теми же приближенными молодого государя, которые при его жизни так усердно ее пополняли. Князья Долгорукие забрали себе всех лучших собак; один князь Алексей Долгорукий взял себе 6 борзых, 8 французских и 50 русских гончих, а все князья Долгорукие присвоили 106 собак. Через два месяца после смерти Петра II, в марте 1730 г., в псовой охоте Измайловского зверинца осталось только 70 собак. Заодно с собаками были расхищены и охотничьи

лошади: из 224-х лошадей к марту 1730 г. осталось их только 174. Императрица Анна Иоанновна тотчас же по воцарении раздала из измайловской охоты частным лицам еще 80 лошадей, 4 кровавых собаки и 6 такселей; так что в охоте оставалось только 60 собак и 94 лошади⁴⁰⁹.

Однако в последующие годы царствования Анны Иоанновны численный состав псовой охоты Измайловского зверинца снова стал увеличиваться и пополняться новыми породами собак. Так, в 1740 году в охоте перед ее упразднением числилось уже до 156 собак, причем, кроме 68 борзых и 44 гончих, здесь находилось 8 легавых, одна лошья сука, 18 медеянских и 17 датских собак.

Кроме того, в том же 1740 году здесь содержались отписанные в казну собаки князя Алексея Голицына, генерала Карла Бирона и Артемия Волынского. Сохранилась любопытная подробная опись всем собакам, находившимся в 1739 г. в Измайловском зверинце, со сведениями не только об их породах, но и о росте, об окрасе и кличках. Из этой описи видно, что в 1739 году псовая охота Измайловского зверинца, со включением содержавшихся здесь же собственных собак обер-егермейстера Волынского, состояла из собак борзых, гончих, медеянских, датских, лошых и других. Борзые собаки были ростом в наклоне: старые кобели – от 3 четвертей 3 1/2 вершков до 1 аршина и 1 1/2 вершка, а суки старые – от 3 четвертей 1 1/2 вершка до 3 четвертей 3 1/2 вершков; приплодные 1738 года – от 2 четвертей и вершка до 3 четвертей 1 1/2 вершка. Гончие были несколько ниже: старые выжлецы имели в наклоне от 2 четвертей 2 1/2 вершков до 3 четвертей 1/2 вершка; приплодные 1738 года выжлецы – от 2 четвертей 2 1/2 вершков до 3 четвертей. Медеянские и

датские собаки по росту подходили к борзым: старые кобели имели от 1 аршина до 1 аршина 1 1/2 вершка в наклоне; старые суки – от 3 четвертей 2 вершков до 3 четвертей 3 1/2 вершков и даже до одного аршина. Что касается лошых собак и польских, то ростом в наклоне они были: кобели от 1 аршина 1/2 вершка до 1 аршина 2 1/2 вершка, а суки – от 3 четвертей 2 вершков до 1 аршина 1/2 вершка⁴¹⁰.

Между борзыми преобладали следующие окрасы: половые, красно-половые, полово-пегие, бурмато-пегие, муро-пегие, черно-пегие, голубо-пегие, черные с загривиною, чубарые с загривиною, белые, чернощекие; между гончими – черные с загривиною, черно-красные, черно-пегие, серо-пегие, бело-подпалые, красно-подпалые, багряные, темно-багряные, багряно-пегие, черно-белоподпалые, багряно-белоподпалые и проч.; между медеянскими: половые, темно-красные, красно-половые, чубаро-пегие, половые с мурыжиною, половые с загривиною и т. п.; между датскими собаками встречались преимущественно цвета красные и красные с мурыжиною и реже – половые и половые с мурыжиною.

Небезынтересны клички собак того времени, сохранившиеся в помянутой описи: Ектор, Галт-Фест, Визирь, Касань, Злодей, Лиходей, Нахал, Змей, Камас, Балмас, Свистун, Журило, Крутила, Говор, Соловей, Ворон, Скворец, Грач, Ратман, Реут и т. п.; Скосырка, Зельма, Остуда, Раниана, Славка, Лезетка, Бралья, Кама, Славна, Ареа, Палишка, Ронта, Доборка, Звонишка, Дубровка, Росиха, Журиха, Затейка и т. д.

Яхт-штатом 22-го сентября 1740 года псовая охота при Измайловском зверинце была упразднена; в

яхт-штате было сказано: "Псовую охоту всю, что есть в Москве, раздать, и людей всех распустить". Часть собак была отдана генерал-аншефу Ушакову, часть – князю Куракину и "прочим господам". Тогдашний начальник Царской охоты фон Трескау предлагал камергеру графу Алексею Григорьевичу Строганову взять из имеющихся в Москве собак сколько ему угодно или всех. Собак Карла Бирона предположено было передать в ведомство Дворцовой конюшенной канцелярии, но эта канцелярия ответила, что ей "собак содержать негде и нечем и довольствоваться будет нечем", так что собаки Бирона остались, как кажется, в Измайловском зверинце⁴¹¹. Через два года здесь вновь явилось много собак из конфискованных охот частных лиц, в том числе и из охоты графа Михаила Головкина. Часть охоты Головкина 1742 года была переведена в Петербург одновременно с переводом туда же Обер-егермейстерской канцелярии⁴¹². В 1745 г. в Измайловский зверинец поступило 10 гончих собак, 5 выжлецов и 5 выжловов, принадлежавших брату тогдашнего егермейстера Хитрова⁴¹³. Псовая охота Измайловского зверинца и в последующее время постоянно пополнялась собаками из частных охот⁴¹⁴. Здесь иногда скоплялось чрезмерное количество собак⁴¹⁵; в 1750 г. борзых было так много, что не хватало охотников для ухода за ними: пришлось возвратить собак назад тем лицам, от которых они поступили. Несмотря на это, в 1761 году в охоте все-таки числилось 152 собаки⁴¹⁶; впрочем, в следующем году это число понизилось до 98. Лучшие собаки Измайловского зверинца, так же как Александровской слободы, время от времени отправлялись в Петербург⁴¹⁷; псовые охоты названных учреждений служили главным образом для пополнения

петербургской Императорской охоты⁴¹⁸. Это их назначение было закреплено яхт-штатом 1773 г. "Для лучшего умножения псовой охоты в Петербурге яхт-штат предписал держать в обеих названных охотах определенное количество "заводных" собак: борзых: кобелей – 2, сук – 6, от них щенят – 12; гончих: старых выжлецов – 6, сук – 20, от них щенят – 100".

Продовольствие собак, так же как и зверей Измайловского зверинца и птиц Семеновского потешного двора, лежало на обязанности живодеров, мясных торговцев, которые за безденежную поставку мяса и корма освобождались от многих повинностей и служб. Около 1767 года сырейщики и птичники по указу Правительствующего Сената были навсегда уволены от поставки мяса и корма для псовой и птичьей охот ее величеством и причислены к Московскому купечеству со всеми правами последнего.

В числе многих других подробностей до нас дошли от 1770 года сведения о медикаментах, употреблявшихся для собак и зверей; мы приводим их в примечаниях, чтобы не утомить внимания читателя⁴¹⁹.

Описав псовую охоту Измайловского зверинца, мы перейдем к собранным нами сведениям о содержавшихся здесь зверях. В состав так называемой зверовой охоты этого зверинца в разное время входили следующие животные: бобры, волки сибирские и черные, дикобразы⁴²⁰, зайцы русаки и беяки, изюбры (род оленя), кабаны, козы дикие и русские, лисы ("бурый лисенок"), лоси, медведи⁴²¹, олени: американские, сибирские, олонецкие, немецкие, маралы, сайгаки, обезьяна, сурок, соболь, куница, тур (кавказский горный козел), верблюды. Некоторые из

этих животных, как, например, олени, кабаны, козы, зайцы и лоси, содержались здесь постоянно, все же прочие звери представляли собою в охоте, так сказать, явление случайное⁴²². Общее число зверей не превышало 1099 штук (в 1741 г.) и не спускалось ниже 123 (в 1730 г.). В штате 1773 г. сделана была попытка установить норму для числа зверей в Измайловском зверинце, а именно: положено было содержать 100 кабанов и 320 оленей (200 немецких и сибирских маралов и 120 американских)⁴²³. Заметим здесь, что американские олени в первый раз в документах упоминаются в 1762 году. За все описываемое время больше всего в Измайловском зверинце содержалось зайцев и оленей. В 1740 году зайцев, например, насчитывалось 722 штуки из 1087 (общего числа зверей), а в следующем году их было 622 из 1099; оленей в те же годы было: 176 – в 1740 г., 257 – в 1741 г. В начале шестидесятых годов число оленей возросло до 544 при общем числе зверей в 668 штук⁴²⁴. Из числа оленей, рождавшихся в зверинце, весьма немногие доживали до двухлетнего возраста; молодые олени весьма часто шли на царскую кухню для Высочайшего двора. Следующее место по количеству занимают кабаны (число их, начиная с 1740 года, не спускалось ниже сотни), а за ними – козы (от 16 до 63 штук). Прочие звери содержались в очень незначительном количестве от одного до семи штук⁴²⁵.

Олени, зайцы и кабаны Измайловского зверинца весьма часто посылались в Петербург для пополнения тамошних зверинцев, так же как собаки, отправлявшиеся для комплектования петербургских охот. Так, например, в 1740 г. отправлена была в Петербург большая партия зверей из 20 оленей немецких, 4 сибирских, 40 кабанов, 16 диких коз, 26

зайцев и 12 серых куропаток. Сохранились любопытные сведения о перевозке этих зверей. Оленей везли в ящиках длиною "в два зверя", шириною и вышиною "по препорции тех зверей, дабы звери в ящиках не могли поворачиваться"⁴²⁶.



Андреев
Ледяной дом
Офорт с картины В. И. Якоби

Ящики были с перегородкою внутри; таким образом на одной подводе можно было везти двух оленей. Вести оленей на веревках, как это делалось раньше, было воспрещено, "понеже и прежде сего отправлены были на веревках, и многие из них померли". Свиней, диких коз и зайцев, по примеру прежних лет, везли тоже в ящиках, с особою осмотрительностью. С зверями отправлено было "два добрых и надежных" зверовщика и два конюха. Весь поезд состоял из 63 ямских подвод под конвоем десяти солдат московского гарнизона при капрале и офицере. Несмотря на все принятые меры предосторожности, часть зверей и птиц (5 коз, 6 зайцев и 3 куропатки) пала в пути. Зайцев отправляли обыкновенно в Петербург, для пополнения тамошних зверинцев, партиями от 50 до 100 штук, притом только тех, которые пробыли в Измайловском зверинце определенный промежуток времени. Отправлялась отсюда в Петербург также и битая дичь для Высочайшего стола⁴²⁷.

Редких животных в Измайловском зверинце было немного, так как они обыкновенно пересылались в Петербург. В 1738 году здесь содержался обративший на себя внимание обер-егермейстера Волынского "белый кабан, перед прочими рослый, у которого рыло черное и на спине щетины черные ж"⁴²⁸. В 1746 году при охоте содержались "две дикие коровы с лошадиными хвостами". Позднее, в 1775 году, в Измайловский зверинец поступила так называвшаяся "китайская скотина": буйволы, ишаки (ослы) и козы⁴²⁹. Для этой скотины велено было сделать "в удобном месте конюшню мшеную и низкую, чтобы была теплая"; форштмейстеру зверинца, Зандену, подтверждалось накрепко, "чтоб китайскую скотину

весьма берег и добивался от нее приплоду", "ибо она скотина столь редка, что никогда из Китая в Москву не была приваживана"; для припуску к буйволам предписано было купить одну или две "комолых и смирных" коровы. Кроме вышеперечисленных животных, при Измайловском зверинце на птичьем дворе содержались лебеди, павлины, китайские гуси, английские куры, утки и куропатки. Животные в зверовую охоту доставлялись и из разных мест государства: лоси – из Казанской губернии⁴³⁰, дикие козы, сайгаки и куропатки – из Царицына (в 1739 г.). В начале 1742 года полковник фон Трескау просил императрицу Елисавету повелеть, чтобы в Измайловский зверинец было доставлено: 1) 500 зайцев из Украйны и столько же из Новгородской губернии; 2) до 100 пар куропаток из ближайших к зверинцу мест и 3) некоторое количество "оленей белых, которые привозятся из Олонца". В 1746 году были доставлены из Енисейска четыре лисицы. Зайцы-русаки доставлялись главным образом из Скопина и Богородицка, а беяки – из Всегодачской волости⁴³¹. В конце 1745 года для пополнения Измайловского зверинца отправлены были на ловлю зайцев в Гуслицкую волость двое охотников псовой охоты⁴³². По их требованию волость ежедневно наряжала из крестьян "кричан и тенетчиков" – пеших от 84 до 150 человек и "для возки тенет с лошадьми" по 33 человека. Всего тогда было поймано 182 зайца.

Такие же ловли были устроены одновременно и в других волостях⁴³³.

В известных записках А. Т. Болотова сохранилось обстоятельное описание практиковавшихся в то время приемов ловли зайцев. Охотники выбирают, – пишет Болотов, – такую часть леса, в которой надеются найти

довольное число зверей, окидывают ее с одной стороны множеством тенет, расположенных полуциркулем или дугою; потом главный ловчий набирает возможно большее число людей и ребятишек с трещотками и ставит их на не занятой тенетами окраине леса, так чтобы все люди вместе с тенетами составили один обширный круг. Без шуму, "с превеликим молчанием" становятся люди на свои места, причем каждому дается ловчим наставление, в какую сторону идти. Другой ловчий расстанавливает самих охотников недалеко от тенет, внутри охваченного круга, на расстоянии двадцати сажен друг от друга, лицом в сторону тенет; при этом для охотников выбирают такие места, чтобы каждый из них сзади был прикрыт каким-нибудь кустарником или деревом. После этого отдаются наставления — стоять тихо и смирно и отнюдь не шуметь, увидев зверя, не кричать до тех пор, пока он не пробежит мимо и не будет находиться между охотником и тенетами. Но вот все необходимые приготовления сделаны; главный ловчий подает сигнал. Все расставленные с трещотками поднимают "превеликий крик и вопль" и, выпугивая зверей из всех кустов и трущоб, начинают мало-помалу подвигаться в сторону тенет, постепенно уменьшая круг. Звери, преследуемые криком и шумом трещоток, естественно бегут в ту сторону, где нет крика, не предполагая, конечно, что там их ожидают тенета и самые ловцы. Но лишь только зайцы попадут в пространство между тенетами и охотниками, последние на них "ахают и кричат" и тем их так перепугивают, что звери без памяти бросаются прямо в тенета и запутываются в них. Охотники берут их из тенет живьем или прикалывают.

Во главе всех учреждений Измайловского зверинца

стоял обыкновенно форштмейстер, при Анне Иоанновне эту должность занимал иностранец Мильхерт⁴³⁴, а с 1745 г. – Иоанн Гофман. Ближайшее заведование псовой охотой этого зверинца поручалось обыкновенно обер-егерю; в 30-х годах этой охотой заведовал обер-егерь Мервиль или Меврель, упоминавшийся уже нами в предшествовавших главах, в начале 40-х годов – подпоручик Вердеревский. Для охраны зверинца посредством караулов и объездов при форштмейстере состояло пять солдат⁴³⁵; форштмейстер Мильхерт указывал, что это число солдат крайне недостаточно для охраны всего зверинца, раскинувшегося на большом пространстве. Впоследствии, около 1750 года, в распоряжение форштмейстера для содержания караулов при Измайловском зверинце назначен был капрал Московского драгунского "шквадрона" с подчиненною ему командою⁴³⁶. Несмотря на усиленную охрану, случаи покраж из Измайловского зверинца были довольно часты. Так, напр., в 1752 году совершены были две дерзких покражи зверей и вещей из зверинца среди бела дня. Воры, вынуд несколько жердей в изгороди Нового заячьего зверинца, проникли к Старому заячьему зверинцу, где содержались тогда лисицы, здесь также вытащили колья из ограды и подошли к лисятникам, разломали у них замки и двери и украли одну черно-серую лисицу, куницу да железное коромысло от весов (весом в 3 пуда 16 1/2 футов) и вернулись тем же путем, никем не замеченные, даже дневальным зверовщиком⁴³⁷. Во второй раз воры обокрали шалаш у Петровских ворот зверинца, но были пойманы форштмейстером.

Александровская слобода. После Измайловского зверинца наибольший интерес представляют охотничьи

учреждения *Александровской слободы*. Эта известная Александровская слобода – в которой некогда жил царь Иоанн Васильевич Грозный, окруженный толпою опричников, смиренно, в монашеском одеянии, молясь Богу и между церковными службами пытая и казня строптивых бояр и князей, – теперь разрослась в небольшой городок, уездный город Александров Владимирской губернии. В начале XVIII века именным указом Петра Великого Александровская слобода была приписана "к комнате Ее Царского Величества". После смерти императрицы Екатерины I она поступила во владение великой княжны Елисаветы Петровны, которая не замедлила завести здесь охоту. За дворцом был устроен охотный дом с сокольной и "немалой" псарней⁴³⁸. Этот двор, расположенный на окраине слободы, по реке Серой, и до сих пор сохранил за собою название Охотного. В шести верстах от Александровской слободы, в деревне Курганихе, принадлежавшей во времена Елисаветы Петровны любимцу цесаревны, ее казначею Алексею Яковлевичу Шубину, имелась другая псарня, около "Волчьей рощи", в которой великая княжна нередко травила волков. Здесь, на так называемой Костяной Сече и в настоящее время попадаетесь много старых костей, вероятно остатков от волчьих притрав.

С восшествием Елисаветы Петровны на престол ее охота слилась с царскою охотою, причем птичья, по-видимому, была приобщена к охоте Семеновского потешного двора, а псовая – частью была переведена в Петербург, частью причислена к псовой охоте Измайловского зверинца, частью же оставлена в Александровской слободе. Во все последующее время до конца столетия псовая охота Александровской слободы служила питомником охоты петербургской. Во

главе ее стоял пикер, т. е. доезжачий. В охоте содержались главным образом гончие собаки: английские, русские, а с 1766 года также французские. В 1761 году здесь было 23 английских и 73 русских гончих; почти все эти собаки были молодые или щенята; из этого видно, что псовая охота Александровской слободы в то время содержалась исключительно для выкормки гончих щенят и для "наездки" молодых собак⁴³⁹.

Из других охотничьих учреждений, расположенных в окрестностях Москвы, укажем на *Преображенский потешный двор*, который не следует смешивать с Преображенским потешным городком.

Около 1681 года на этом дворе имелся особый птичий двор, где, кроме птиц, содержались три лани. Несколько позднее, в 1688 и 1690 гг., мы встречаемся с указаниями на существование в селе Преображенском Лебязьего двора и Лосиной рощи, представлявших, по-видимому, составные части Преображенского потешного двора.

Около находившегося здесь дворца, в котором останавливался Петр Великий, расположен был, как видно из дневника Бергхольца, обширный сад с прекрасным прудом, где содержались редкие утки, лебеди, журавли и другие птицы. Вероятно, вскоре после смерти Петра I Преображенский потешный двор со всеми своими учреждениями был упразднен⁴⁴⁰.

В заключение упомянем, что некоторые части царской охоты были расположены и в других подмосковных селах. В селе Коломенском, например, имелся *потешный двор*, окруженный девятью заповедными рощами⁴⁴¹; в селе Хорошеве – *волчий потешный двор* с заповедною сосновою рощею; в селе

Воздвиженском – *лебяжий двор* и *двор лебедчиков*. В селе Пахрине проживало несколько сокольников. В одной из любимых резиденций императрицы Екатерины II, селе Царицыне, называвшемся раньше селом *Черная грязь*, был построен дворец и разбит обширный сад с прудом, на островках которого в 1775 году разводили фазанов⁴⁴².

III. Снабжение зверинцев зверями и птицами.

Звери и птицы для только что описанных нами зверинцев и зверовых дворов доставлялись отчасти из-за границы, а главным образом с различных окраин России. В начале этой главы мы коснулись уже распоряжений Петра Великого о доставке зверей и птиц для первых, устроенных им, зверинцев и птичников в Петербурге и Петергофе. Здесь мы сообщим некоторые подробности об организованной Петром I доставке редких птиц и зверей из Астрахани и изложим собранные нами сведения о снабжении зверинцев зверями и птицами за последующие царствования до конца XVIII века.

Приказав астраханскому губернатору в марте 1718 г. выслать в Петербург редких птиц, "зайчиков и прочих зверьков, каких около Москвы и на Украине нет", Петр I послал ему примерную роспись птиц, водящихся в Астраханской губернии и на Кавказе. В росписи этой были указаны: "гуси красные, которые ловятся на Эмбе-реке", "чапуры (цапли) красные и белые", "утки красные и пегие, петушки дикие (фазаны), журавлики персидские и горские", "кваки" – водящиеся около Астрахани птицы из породы цапель, "колпи" – белые птицы величиною с цаплю, "каравайки" – приморские птицы с длинным шилообразным загнутым клювом, и другие ("казарки,

неклейки, стерхи"). С указом в Астрахань был послан солдат гвардии Татаринов (а по другим источникам – каптенармус государева полка Савва Гавердовский), которому предписано было между прочим выстроить в Астрахани на удобном месте двор для птиц⁴⁴³. На этом дворе для помещения зимою "гусей, которые ловятся на Эмбе-реке" и других нежных птиц велено было выстроить большой мшный амбар с печью и выкопать посредине его небольшой прудок, устроивши по краям прудка со всех сторон сходни, чтобы гусям "можно было в воду сходить и выходить". Для различных птиц должны были быть выстроены летние и зимние "покои" сообразно привычкам и наклонностям каждой породы – "как которые любят", а также особые помещения для зайчиков и других зверьков.

Фазанов, "тамошним речением именуемых косными петушками", ловили "близ Каспийского моря в камышах", около устья реки Волги и подле реки Терека, около "Гребенских казачьих городков". Журавлики малые, именуемые терскими, с двумя белыми хохлами по сторонам головы, с сизым оперением передней половины шеи и зоба, ловились тоже около Гребенских казачьих городков и Кизлярской крепости, откуда они доставлялись морем в Астрахань. Около самой Астрахани, Черного Яра и Царицына ловили серых куропаток. Птицы, пойманные летом в пределах Астраханской губернии, отсылались в Петербург или Москву только на следующую весну. Осень и зиму их содержали в Астраханском птичьем дворе, чтобы отучить пойманных птиц от корма, которым они питались на свободе, и постепенно приучить к корму, которым им предстояло питаться в менажериях и зверинцах. Для этого птиц сначала

кормили рыбою и мясом, мелко искрошенными и смешанными с гречневой или овсяной крупой, а потом мало-помалу их приучали к одной крупе. Привыкнув к хлебному корму, птица становилась смирнее и ручнее. Астраханский птичий двор, устроенный по указаниям Петра I, существовал долгое время после него, во все царствование Анны Иоанновны⁴⁴⁴. Ежегодно отсюда отправляли в Петербург большое количество птиц. В апреле 1721 г. отправлено было разом 470 штук разных птиц на стругах. В последующее время птиц посылали меньше, но все же за пять лет, с 1737–1741 г., их отправили до 1000 штук (от 135 до 249 в год).

Отправка птиц из Астрахани производилась раннею весною, тотчас же по вскрытии рек, "ни мало не мешкав". Их отправляли водою на стругах, "с надлежащими покои, кормами и присмотром". Для гусей и других "нежных" птиц в середине струга устраивался водоем, в котором птицы могли плавать во время дороги. Помост на корме и носовой части стругов усыпали песком для отдыха гусей по выходе из воды. В случае ненастья или вообще дурной погоды птиц загоняли в особые покои на корме и носу. В пути предписывалось идти "со всяким поспешением и легкостью", не имея на тех судах, кроме птиц и корму их, "ни малого числа ни своей, ни сторонней клади". Губернаторы, воеводы и коменданты поволжских городов обязаны были "в местах опасных" непременно давать конвой птичьему транспорту, лоцманов (вероятно, для охраны от волжских разбойников) и, в случае надобности, "ежели от шторма судно повредится – новые струги". Несмотря на большие предосторожности, значительная часть птиц не выносила тягостей дальнего пути и погибала в дороге⁴⁴⁵. Из 951 птицы, отправленной из Астрахани

за 1737–1741 гг., в Петербург прибыло меньше половины – 442 штуки; 509 пало во время перевозки. Птичий транспорт 1739 г. был особенно несчастлив: из 212 птиц достигло Петербурга только 54; 74,5 % погибло в пути. Птицы нежных пород, как, напр., красные гуси, особенно страдали от перевозки: в 1738 и 1739 гг. все красные гуси, отправленные из Астрахани, пали в дороге; в 1741 г. из 36 гусей в Петербург доставлено было только 5 штук⁴⁴⁶.

Вместе с птицами из Астрахани привозили в столичные зверинцы различных зверьков, которых также перед отправкой приручали и приучали к хлебному корму на Астраханском птичьем дворе. Через Астрахань же доставлялись различные птицы из Персии, например: персидские разноцветные красноногие и красноносые куропатки и гилянские курочки темно-василькового оперения, на высоких ногах, с рудожелтыми носами и ногами и длинными пальцами. Птицы эти покупались около Дербента и Тарков за довольно дешевые цены (по 20, 30 копеек за штуку).

Особенно в большом количестве требовались в петербургские зверинцы *серые куропатки*. Кроме Астраханской губернии, где они держались преимущественно около Астрахани, Черного Яра и Царицына, их доставляли из Воронежской губернии (около "Битюцких дворцовых волостей", на Дону), из Севской и Рязанской провинций, а также из Малороссии и с Среднего Поволжья⁴⁴⁷. Серых куропаток ловили живыми и, приучив к хлебному корму, отправляли по несколько сот пар "по вся годы" в Петербург⁴⁴⁸ из Астрахани водою, а из прочих мест в зимнее время на санях – в крошнях или коробах, разместивши пар по пяти в каждый короб или крошню.

В Киевской губернии около Переволочни и запорожских казаков приобретались журавлики, похожие на терских и отличающиеся от них только красноватым оперением передней половины шеи и зобов. В 1753 году, по указу императрицы Елисаветы Петровны, велено было наловить в Переяславской провинции 25 пар *турухтанов* и отправить их в Москву. Для ловли этих птиц послали в Переяславль 8 человек соколых помытчиков. В царствование Анны Иоанновны в мае 1737 г. сделано было распоряжение доставить 50 *соловьев* из Москвы и 50 из Новгорода и Пскова и впредь из тех мест привозить их "повсягодно за добрым призрением"; в то же время "партикулярным людям" воспрещено было продавать кому-либо соловьев и велено было всех пойманных соловьев приносить в Обер-егермейстерскую канцелярию, где за них выдавали установленную плату. На это повеление первым откликнулся московский Охотный ряд, который со своим выборным "купеческим третьей гильдии человеком" Семеновым прислал ко двору партию соловьев, закупленных по пяти копеек за штуку⁴⁴⁹. В следующем 1738 г. запрещена была ловля соловьев в окрестностях Петербурга и во всей Ингерманландии⁴⁵⁰. Но вслед за тем в 1740 году сенатским указом вовсе была отменена доставка ко двору соловьев.

От времени до времени птицы редких пород выписывались из-за границы. Согласно повелению Петра Великого, о котором мы уже упоминали, голландский резидент Брант выслал в Петербург "заморских птичек и зверьков разных пород", но они привезены были из Голландии уже после кончины Петра, 7 июня 1725 г., птичником Симоном Шталем. В царствование Анны Иоанновны (в мае 1737 г.)

доставлена была, между прочим, из Англии "великая птица страус, или строфокамил" и вместе с другими заморскими птицами отдана в менажерню⁴⁵¹. При Елисавете Петровне из Голландии (из городов Амстердама, Роттердама и Лейдена) доставлялись в Петербург птицы параклитки, серые попугаи, канарейки и китайские фазаны. В 1760 г. граф Головкин, полномочный посол в Голландии, купил для Петербургского двора серого попугая и несколько параклиток⁴⁵².

В меньшем количестве, чем птицы, доставлялись в Императорскую охоту также звери разных пород, преимущественно с дальних окраин России. Из Астраханской губернии присылались: олени, подобные немецким, селтени, сайгаки, дикие козы, дикие кошки и кабаны, водившиеся в степи от Царицынской линии до Астрахани, а также в окрестностях реки Терека, близ Гребенских казачьих городков, затем штейнбоки (дикие быки) из Кабарды. Здесь же, в Кабарде, водилась другая порода диких быков, так называемых идосов, известных на местном наречии под именем "домбаев". В царствование Анны Иоанновны приказано было, "всячески стараясь", не жалея денег, приобретать этих животных и присылать в Петербург.

Со Среднего Поволжья и из провинций Казанской, Симбирской и соседней с ней Пензенской, а также из Малороссии и Слободской Украины доставляли диких коз, сайгаков и кабанов. Около же донских казачьих городков и вообще во всей Воронежской губернии, кроме только что перечисленных зверей, встречались зубры, или дикие быки, лоси, олени, подобные немецким, и дикие кошки (несколько другой породы, чем астраханские). Для ловли этих зверей в Воронежской губернии были определены особые

охотники, "звериные ловцы", жители Битюцкого и Павловского уездов, в числе 77 человек. От начала царствования Анны Иоанновны сохранились сведения о тяжелом экономическом положении этих охотников. От беспрестанной ловли зверей многие из них обезлошадели; промысел давал скудный заработок; за неплатеж подушных денег жен их сажали под караул.



*Императрица Екатерина II,
сх. грав. В. Дикинсонъ 1773 года.*

Воронежская губернская канцелярия возбудила в 1732 году перед Сенатом ходатайство о выключении этих "звериных ловцов" из подушного оклада. Сенат же вместо того предписал давать им "за уловных диких зверей" деньги, с таким расчетом: за оленей и лосей старых – по 2 рубля, а за молодых – по 1 рублю, за кабанов и за диких коз, за старых – по 1 рублю, а за молодых – по 50 копеек за каждого зверя⁴⁵³.

В прикаспийских степях, между реками Волгою и Доном, ниже Царицынской линии, и по другую сторону Волги, между реками Яиком и Эмбой, а также в башкирских степях и близ реки Днепра, около тех мест, где находились хутора запорожских казаков, ловились в описываемое время еще и *дикие лошади*. Этих лошадей донские, яицкие и запорожские казаки, а также калмыки и башкиры, обыкновенно, охотясь, убивали, а "малых" жеребят ловили и выкармливали потом под кобылами в течение года. Годовиков же или двухгодовалых жеребят приучали к сену вместе с другими дворовыми лошадьми, и когда жеребята окончательно привыкали к сену, их бережно отправляли в Москву или в Петербург.

Из-под Москвы в зверинцы и зверовые дворы Петербурга доставлялись лисицы и волки⁴⁵⁴. Наконец, из С.-Петербургской, Новгородской, Смоленской и Казанской губерний к Высочайшему двору доставлялись *лоси*. Этих животных ловили молодыми телятами и выкармливали в домах, подпуская под коров или под коз, и, прокормивши таким образом год или полтора, приучали к дворовому корму. Так же поступали со всеми помянутыми выше зверями; правительство предписывало ловить их "малышами" и, только приучив к "дворовому корму" и сделав более или менее смирными и ручными, через

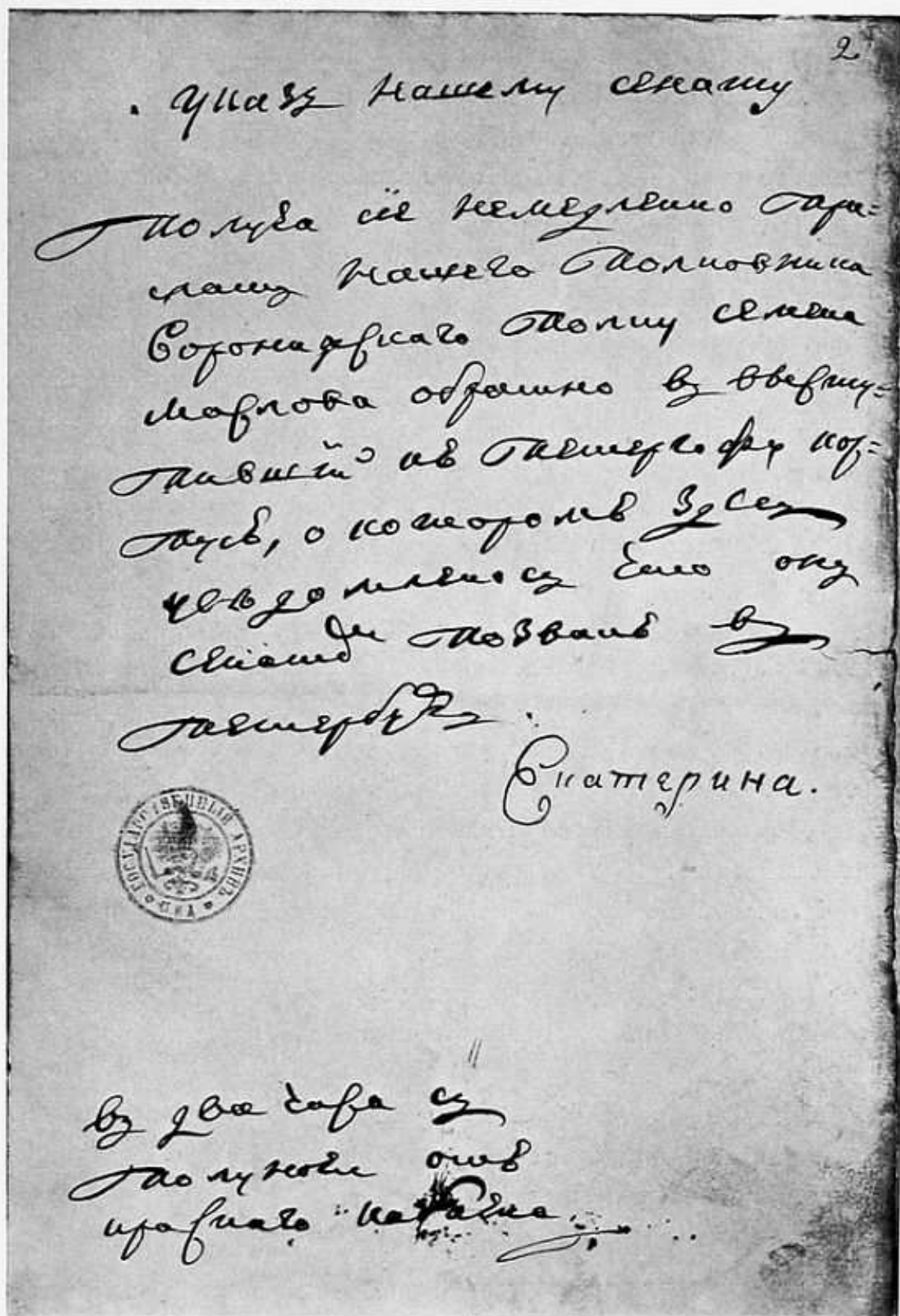
год или два отправлять к Высочайшему двору. Для выкормки и предварительного приручения зверей сенатскими указами повелевалось выбирать удобное при текущей воде место на травянистом лугу, загородить это место забором, сделать внутри перегородки для зверей и избу для зверовщиков – короче говоря, устроить небольшой зверинец. Такие зверинцы были построены в Казани, Царицыне и Астрахани. В зверовщики к этим зверинцам определяли отставных солдат "людей добрых и прилежных". Казанским зверовщикам жалованье положено было "вполы" против солдат, состоящих на действительной службе, а Царицынским – такое же, какое полагалось казакам; расходы по содержанию этих зверинцев были отнесены на счет местных губернских канцелярий.

Наиболее разнообразные звери и животные доставлялись из *Сибири*, где в описываемое время водились: "маралы", или большие олени; олени обыкновенные; "бабры", или леопарды; "ирбиси" – звери, похожие на барсов (королевские тигры?); барсы, или "тигеры"; росوماхи; белые, черные и желтые волки; черные лисицы; боболи, или дикие быки с большими хвостами, подобными лошадиным; маленькие козочки, пестрые, о пяти копытах на каждой ноге; белые соболи и дикие лошади, "добротою подобные кубанским или черкесским лошадям". Некоторые из этих зверей, например маралы, боболи и лошади, водились в сибирских степях; другие – бабры, барсы и ирбиси – в Иркутской и Якутской провинциях, а также близ Селенгинска и китайской границы; остальные в различных местностях Сибири⁴⁵⁵.

Сведения о ловле поименованных зверей в Сибири, как и в других местах, относятся главным

образом к царствованию Анны Иоанновны⁴⁵⁶. В 1732 году сибирские воеводы Плещеев и Бутурлин во исполнение Высочайшего повеления командировали в сибирские города посольных с указами отправить немедленно в удобные для лову маралов места "нарочитых промышленников". В последующие годы в Сибирскую губернию неоднократно посылались указы, подобные вышеприведенному, с наставлениями: ловить зверей молодыми (кроме козочек, которых позволялось ловить и старыми) и, приучивши к дворовому корму, направлять в столицы через город Тобольск. Ловля некоторых зверей – бабров, барсов и ирбисей – в 30-х годах, по проекту обер-егермейстера Волынского, поручена была сибирским инородцам, которым приказано было примечать, где водятся вышеупомянутые звери, и старых из них убивать, а детенышей ловить и привозить в ближайшие города⁴⁵⁷. За такую службу инородцам или выдавалась особая плата, или же пойманные звери зачитывались им в ясак. Доставка зверей из Сибири при тогдашнем бездорожье естественно была сопряжена с большими затруднениями. К тому же между местными охотниками не было искусных зверовщиков, которые умели бы ухаживать за зверями в дороге. Так, в ноябре 1738 года Иркутская провинциальная канцелярия доносила Сенату, что хотя в "Нерчинском и Иркутском ведомстве" и встречаются степные лошади "чигитаи" (джигитаи) и маленькие козочки "кабарги", а также большие оленимаралы, "токмо таких людей, чтоб могли зверей пропитать и не поморить, в Иркутской провинции не имеется". По требованию прибывших в Иркутскую провинцию с научными целями профессоров Академии наук пойманы были живыми две степные лошади-джигитаи

и несколько маленьких кабарг, но по дороге в Иркутск все эти животные, "за неимением в Иркутской провинции искусных зверовщиков", померли.



Указъ Императрицы Екатерины II Сенату, данный Ею на пути следованія
 съ войскомъ въ Петергофъ 29 Юня 1762 года.

Академики должны были мертвых животных "описывать живописцами", т. е. срисовывать.

Несмотря на множество распоряжений о доставке зверей и птиц из различных местностей, количество присылавшихся птиц и зверей оказывалось недостаточным для многочисленных петербургских и московских менажерий и зверинцев. Обер-егермейстер Волынский, с замечательной энергией действовавший по всем отраслям управления Императорской охоты, испросил у Анны Иоанновны в мае 1738 г. разрешение разослать во все места, где водились нужные животные и птицы, указы о скорейшем их "ловлении" и присылке в Петербург⁴⁵⁸. На эти указы из провинциальных учреждений долго не получалось никаких ответов. Тогда, по предложению Волынского, Сенат в 1739 году послал во все места "наикрепчайшие подтвердительные указы с нарочными курьерами", чтобы по Высочайшему повелению "неотложное исполнение с надлежащим радением чинено было". На этот раз губернские и провинциальные канцелярии прислали свои объяснения; все почти одинаково сообщали, что требуемых зверей и птиц в данной местности не встречается или что их очень трудно ловить⁴⁵⁹. 6 сентября 1739 г. Псковская провинциальная канцелярия доносила Императорскому кабинету, что хотя ею и "чинены при барабанном бое публикации" и посланы в разные места указы о ловле зверей, однако до сих пор по тем публикациям никаких известий не получено⁴⁶⁰. Из Саратова писали в марте 1740 г., что во исполнение указа о присылке зверей послан был саратовский дворянин Алексей Попов с звериными юртовщиками на низ реки Волги, в немалое от Саратова расстояние", но они, несмотря на "ревностное попечение и старание", куропаток и коз не только не

наловили, "но и к усмотрению их никакого способа не сыскали, понеже снега весьма глубокие и рыхлые, и не токмо на лошадях за оными ездить, но и пешком и на лыжах ходить никак невозможно"⁴⁶¹. Олонецкая воеводская канцелярия донесла (12 февраля 1740 года), что требуемых ко двору зверей и птиц в Олонецком уезде "не изыскано"⁴⁶². Только Терское казачье войско удовлетворило отчасти требованию правительства, приславши 115 фазанов, наловленных в 1739 году около Гребенских казачьих городков, сообщив, однако, в то же время, что в местах по Тереку других птиц и зверей, указанных Сенатом, нет и покупкою достать их невозможно. Таким образом, старания Волынского дали весьма незначительные результаты⁴⁶³.

В 1740 г. дальнейшая ловля птиц и зверей была прекращена: указом 26 июня 1740 г. велено было выслать ко двору всех закупленных и пойманных зверей и птиц, а впредь таковых не ловить, не закупать и ко двору не присылать. В Астрахани тогда были возвращены в полки все люди местного гарнизона, которые до того занимались ловлею птиц и зверей, а люди, состоявшие на птичьем дворе, были определены к другим занятиям, престарелые же уволены в отставку. Морские суда, приспособленные специально для ловли и перевозки птиц, оставлены были без присмотра и скоро пришли в совершенную негодность; строения, в которых содержались пойманные звери и птицы, "за непоправлением пришли в неудобность"⁴⁶⁴.

Однако чрез четыре года правительство снова потребовало отовсюду присылки птиц и зверей. В мае 1744 года Обер-егермейстерская канцелярия, странным образом забыв об упомянутом выше указе 26 июня 1740 г., потребовала от губернаторов и воевод объяснений, на каком основании они прекратили

доставку зверей и птиц, и приказала присылать их в Петербург по силе прежних указов⁴⁶⁵. Сведений о том, в каком порядке и на каких основаниях производилась доставка дичи в последующее время во второй половине XVIII века, к сожалению, мы не нашли⁴⁶⁶.

Кроме зверей и птиц редких пород⁴⁶⁷, в зверинцы доставляли также иногда разных "куриозных" птиц, отличавшихся какой-нибудь аномалией в оперении или строении тела. При Петре Великом и Анне Иоанновне всеобщий интерес возбуждали известия о появлявшихся то там, то здесь белых воронах или галках. В марте 1719 года Петр Великий приказал московскому губернатору послать в Переяславль-Залесский к ландрату Кривцову лейб-гвардии Преображенского полка солдата "для своего государева дела", с поручением достать от ландрата "птицу белую ворону, которая у него в поимке есть"⁴⁶⁸. Несколько позднее, в начале 1725 года, на Семеновский потешный двор была доставлена другая белая ворона. У этой вороны оказались перья двух цветов: на голове и под зобом "светло-глинчатые", на спине и хлупе – "белые с проглинностью"; кроме того, нос против обыкновения был покрыт мелкими перышками. Эта диковинная птица была усмотрена и поймана двумя служителями Семеновского потешного двора в Новодевичьем монастыре, на что предварительно было испрошено дозволение у начальника Царской охоты, князя Ивана Федоровича Ромодановского⁴⁶⁹. В конце 30-х годов императрица Анна Иоанновна приказала доставить из Глухова от князя Барятинского белую галку; за этой галкой был послан царский егерь. Около того же времени обер-егермейстер Волынский писал в Москву графу Салтыкову о поимке другой белой галки, которую

видели в Твери, – "токмо той галки в Твери и уезде не сыскали"⁴⁷⁰.

Императрица Елисавета Петровна однажды очень заинтересовалась переданным ей рассказом голландского шкипера (Класа Кемптеса) о "зеленой мартышке, толь малой, что она совсем входит в индейский орех", которую этот шкипер видел в Амстердаме. В октябре 1745 года императрица послала приказание нашему послу в Голландии, графу Головкину, непременно "без замедления" купить эту диковинную мартышку. Головкин с некоторыми затруднениями купил ее и прислал в Петербург с нарочным курьером, сержантом гвардии Валуховым. Не знаем, оправдала ли эта мартышка ожидания и была ли она действительно так мала, что могла поместиться в скорлупе индейского ореха⁴⁷¹.

В заключение главы надо сказать, что к Высочайшему двору в течение всего XVIII столетия была доставляема битая дичь как егерями, посылаемыми нарочно для этого от Императорской охоты, так и ведомствами и людьми, по указанию от Высочайшего двора⁴⁷².

Глава VI

Кречетьи и соколы помытчики

Соколиная "красная" потеха со смертью царя Алексея Михайловича теряет свое значение и никогда уже более не возрождается во всем том блеске, каким она отличалась во дни царя-"охотника достоверного". Тем не менее, она, как мы видели, продолжает существовать и в конце XVII и на всем протяжении XVIII века, сохраняя и даже совершенствуя свою организацию, несмотря на то, что почти все преемники царя Алексея Михайловича мало интересовались этим видом охоты, исключая Екатерины II, которая очень любила зрелище соколиных охот, хотя и не принимала в них деятельного участия.

Ловчие птицы в XVIII веке доставлялись по-прежнему помытчиками, составлявшими тогда особое привилегированное сословие, размещенное в различных частях государства. Птицы лучшей породы – кречеты и челиги кречетьи, так же как в XVII веке, присылались главным образом с севера двинскими помытчиками, а также с Поволжья – из восточной и юго-восточной Европейской России (казанскими, симбирскими, чебоксарскими, кзымодемьянскими и кокшайскими помытчиками). Соколы и ястребы доставлялись с севера вологодскими и белоозерскими помытчиками, а из центральных мест – помытчиками переяславль-залесскими, ярославскими, ростовскими, суздальскими и коломенскими.

Во втором томе нашего исследования мы видели, что привоз кречетов в эпоху царя Алексея Михайловича совершался еще сибирскими

помытчиками; от описываемого же периода об этих помытчиках не сохранилось никаких известий. По-видимому, со смертью царя Алексея Михайловича окончилась и их деятельность по доставке птиц в царскую кречетню. Когда в 1733 году граф Салтыков, стоявший тогда во главе Императорской охоты, просил Сенат послать в Сибирскую губернию указ о привозе цветных кречетов и челигов кречетых, то Сенат отказал ему, сославшись на то, что в Преображенский приказ не было доставлено из Сибири за все время заведования его Царскою охотою ни одного кречета⁴⁷³. Кроме перечисленных нами помытчиков, ловлю птиц занимались еще так называемые комплектные помытчики, числившиеся в штате Императорской охоты и проживавшие своими дворами в Москве.

Имеющиеся у нас сведения об общем числе всех помытчиков в XVIII веке относятся к 1729 и 1744 гг. Мы нашли две ведомости наличного количества помытчиков, составленные по требованию Сената. По ведомости 1729 года помытчиков значится 124 двора; по ведомости 1744 г. – 868 человек. По различным местностям они распределялись следующим образом: вологодских помытчиков в 1744 г. было 333 человека⁴⁷⁴ (Комельской волости – 207 и Сямеженской – 126), Белоозерских – 148, Двинских – 66, Ростовских – 64, Переяславль-Залесских – 63, Юхотских – столько же, 63, в Казанской губернии – 98 душ, в Суздале – 29 и в Коломне – 4. За другие годы мы располагаем лишь отрывочными сведениями о числе помытчиков отдельных местностей. Из сравнения этих сведений с вышеприведенными видно, что число помытчиков к концу столетия увеличилось, но очень незначительно. Так, например, в Казанской губернии помытчиков

было в 1744 г. – 98 человек, а в 1800 г. – 102; Юхотских помытчиков в 1744 г. числилось 63 человека, а в 1782 г. – 92.

На всех помытчиках лежало обязательство доставлять в Москву на Семеновский потешный двор определенное количество ловчих птиц. Нормы этого оброка в большинстве случаев были для каждой отдельной группы помытчиков одинаковы и равнялись двенадцати соколам дикомытам в год (шесть вешних и шесть осенних). По ведомости 1729 г. одни только суздальские помытчики составляли исключение и обязаны были приносить меньше других, а именно по 4 сокола в год. Эта обязательная норма приноса 12 соколов в год, по-видимому, установилась только в начале XVIII столетия. До этого же времени количество обязательного приноса птиц определялось различно. По писцовым книгам 1676 г., например, переяславль-залесские помытчики обязаны были доставлять на Семеновский потешный двор ежегодно, с каждого двора "по соколу дикомыти, да по ястребу гнездному"⁴⁷⁵. Сохранились также сведения, что на Юхотских помытчиков в конце XVII века был положен оклад – 4 сокола в год⁴⁷⁶. Двинские помытчики еще и в начале описываемого периода совсем не были "положены в оклад" и должны были доставлять все, что "в улове будет". Они обыкновенно привозили от 50 до 100 и даже более ловчих птиц в год. Подобная неопределенность показалась почему-то неудобной, и в 1723 году в Преображенском приказе был поднят вопрос: нельзя ли установить для двинских помытчиков определенный оклад ловчей повинности⁴⁷⁷. При ближайшем ознакомлении с условиями деятельности этих помытчиков Приказ пришел к убеждению, что "оним кречетым

помытчикам окладу исправлять не мочно" ввиду того, что для ловли птиц им приходится иногда бывать в Швеции и "в Дацкой земле". Однако через восемь лет вопрос об установлении определенного оклада для двинских помытчиков был поднят снова, и сенатским указом от 25 июня 1731 г. была установлена для них норма – приносить по 20 кречетов и 30 челигов кречетых в год⁴⁷⁸. К концу XVIII столетия размеры птичьего оброка для некоторых помытчиков были, вероятно, несколько изменены⁴⁷⁹. Известно, например, что около 1782 г. Юхотские помытчики доставляли в Императорскую охоту с каждых 5 душ по одному соколу да с каждых 15 душ по одному кречету⁴⁸⁰. На уловный промысел помытчики обыкновенно отправлялись артелями, под командою своих старост, с наступлением теплого времени. Переяславль-Залесские помытчики "в полевом сидении" бывали с Блоговещения по Петров день (с 25 марта по 29 июня) и с Ильина дня до Покрова (с 20 июля по 1 октября). Вероятно, в эти же сроки производилась ловля птиц и другими соколыми помытчиками центральных областей. Поволжские кречетьи помытчики на уловном промысле бывали в сентябре, октябре и ноябре месяцах; двинские же помытчики – с Петрова дня до зимнего Николы (6 декабря). В центральных и восточных областях лов птиц производился в угодьях не только казенных, но и помещичьих и монастырских. Помытчики уходили обыкновенно в самые отдаленные от своих деревень уезды, верст на 100 и на 200. Во время ловли птиц на монастырских и помещичьих угодьях дело, конечно, не обходилось без столкновения между помытчиками и вотчинниками, несмотря на строгие предписания Обер-егермейстерской канцелярии и Сената, чтобы помытчикам в улове птиц

никто не смел "чинить никакого помешательства"⁴⁸¹.



Лебедев К. В.
Привоз и сдача подсокольничему соколов на
Семеновском Потешном дворе г. Москвы
холмогорскими сокольными помытчиками в конце XVII
столетия

Ловля птиц поволжскими помытчиками производилась по луговой и нагорной стороне Волги, а, начиная с 1769 года, казанские помытчики командировались в Оренбургскую губернию и другие восточные области, расположенные между Волгой и Уралом. От местных инородцев, враждебно настроенных против русских людей, помытчикам иногда приходилось испытывать немало затруднений в своем промысле. Один злополучный чебоксарский помытчик, Иван Кликунов, побывал в плену и у башкиров, и у "государственного злодея" Пугачева. Осенью 1773 г. артель помытчиков, к которой принадлежал Кликунов, "помыкала" птиц в Исецкой провинции и затем по приказанию Исецкой провинциальной канцелярии отправилась с пойманными птицами в Казань. На пути в Казань лошади очень изнурились, и поэтому староста артели должен был оставить одного из помытчиков, Кликунова, вместе с его птицами в башкирской деревне Кильдиар. Кликунов настойчиво требовал у башкир подводы, чтобы везти далее птиц. Башкиры же не только не исполнили его требования, но, воспользовавшись тем, что он остался один в глухой деревне, ограбили его и связали. "Взяли меня в свои тиранские руки, – писал впоследствии Кликунов, – и били немилостиво, и разграбили у меня денег и прочего экипажу не малое число, и содержали меня связанного три дня"; затем он по приказанию сотника деревни Кильдиара "развязан был и ходил два дня за караулом, из-под которого бежал и вышел в Станкинский завод, являсь того завода прикащику Степану Моисееву". Отсюда Кликунов пробрался назад к воеводе Исецкой провинции и рассказал ему о своих злоключениях. Воевода приказал Кликунову провести

зиму в селе Кундровинском. Здесь-то злополучный помытчик был снова полонен и на этот раз уже полковником "государственного злодея" Пугачева, Грязновым. По словам Кликунова, 10 декабря 1774 года, в ночное время Грязнов "с злодейской толпой" приехал нечаянно в село Кундровинское, взял Кликунова "в полон" и даже хотел лишить его "живота", но почему-то раздумал и не повесил, ограничившись тем, что отдал его под караул. В плену у Грязнова помытчик пробыл четыре месяца; затем ему удалось освободиться "из оной злодейской толпы" и пробраться в Челябин, где он жил "под скрытием у казака Ефимова" до прибытия секунд-майора Владимирского полка Гагарина, явившегося туда со своей командой усмирять бунтовщиков. Поступив в команду Гагарина, Кликунов прослужил у него до полного усмирения бунта и затем снова принялся за свой уловный промысел⁴⁸².

Двинские кречетьи помытчики не терпели таких "обид и разорений" от населяющих север мирных лопарей и самоедов, но зато должны были вести тяжелую борьбу с суровой северной природой. Много нужно было отваги и ловкости, а главное закаленной энергии, чтобы с успехом вести и без того трудный промысел ловли кречетов в местности, круглый год овеваемой холодным дыханием угрюмого Ледовитого океана. На уловный промысел двинские помытчики отправлялись на двух прочных судах. Одно судно шло к Мурманскому берегу в становища Гаврилово, Харлово и Пасово и на острова Кильдин и Семь островов, где в то время ловчие птицы водились в большом количестве. Второе судно направлялось на Зимний и Терский берег. Как постройка судов, так и приобретение необходимых принадлежностей для

промысла, а также заготовка хлебных запасов на все время лова производилась в начале XVIII века на счет казны. Покупка морских судов и полное снаряжение их всем необходимым для промысла стоили до 400 рублей, а на прокорм каждого помытчика закупалось в Архангельске по 15 пудов хлеба. На все эти надобности помытчики издревле получали из Архангельской земской избы по 7 рублей на человека. В начале XVIII столетия размер "подмоги" помытчикам на ловлю и перевозку птиц был уменьшен: на постройку судов и заготовку припасов стали выдавать вместо 7 рублей только 5 рублей на человека. Новая мера привела к тому, что многие из двинских помытчиков стали уклоняться от исполнения своих обязанностей, вследствие чего и улов кречетов становился из года в год все меньше и меньше. Тогда Петр Великий, нуждавшийся, как мы видели, в охотничьих птицах для непрестанной посылки их в иностранные государства, – приказал в 1719 г. выдавать помытчикам все то, что они получали издревле, "без убавки". Затем, когда в мае 1724 года помытчики жаловались, что им не выдают положенных денег на строение морских судов и на хлебные запасы, несмотря на то, что время к отправке на промысел уже пришло, то архангельскому вице-губернатору Ладыженскому был послан высочайший указ немедленно снарядить помытчиков в путь на кречетий промысел⁴⁸³.

В 1731 году способ вознаграждения двинских помытчиков за улов и принос к охоте кречетов был существенно изменен. Сенат нашел более удобным, чтобы побудить помытчиков "ревностнее промыслять птиц", выдавать им вместо прежнего жалованья и подмоги деньги особо за каждую доставленную птицу: за кречетов цветных была определена плата в 6 рублей,

а за простых – в 5 рублей; за челигов цветных – 4 рубля, а за простых – 3 рубля. Строить и снаряжать суда помытчики должны были теперь за свой счет: чтобы помочь им в этом, решено было, однако, выдавать им часть платы за птиц вперед⁴⁸⁴.

Такое изменение в порядке вознаграждения помытчиков за улов кречетов не представляло для них особых выгод. Счастье могло изменить им, пойманных птиц могло оказаться мало, и они должны были терпеть нужду и лишения, тогда как при прежней системе вознаграждения они не подвергались подобного рода случайностям и спокойно шли на промысел, будучи уверены, что и в случае неудачного улова у них есть верный кусок хлеба. Немудрено поэтому, что они через обер-егермейстера Артемия Петровича Волынского ходатайствовали в 1736 году о восстановлении хотя бы отчасти прежней системы вознаграждения. Волынский сделал попытку согласить старую и новую системы вознаграждения помытчиков и в своем представлении Сенату предложил: снаряжение судов и путевых саней, корм птиц и прогонные деньги отнести на счет казны, как это и прежде было, а вместо жалованья назначить впредь вознаграждение за каждую доставленную птицу в половинном размере против прежнего. Сенат, однако, не одобрил предложения Волынского, и положение помытчиков в этом отношении несколько не изменилось, если не считать того, что им разрешено было птиц, оказавшихся лишними сверх оклада, продавать "кому похотят".

Ловля кречетов и соколов, а также доставка пойманных птиц в Москву в описываемую эпоху производились теми же способами и в том же порядке, как и в XVII веке. Поэтому, чтобы не повторяться, мы здесь отметим лишь некоторые частные изменения,

происшедшие за описываемое время в порядке привоза и сдачи ловчих птиц в Императорскую охоту. Чебоксарским помытчикам одно время велено было сдавать пойманных кречетов и соколов не в Москве, как то было прежде, а в гор. Казани и в Свияжске. Должно быть, однако, местные власти сильно притесняли помытчиков при сдаче птиц: они или не выдавали им положенного за принос птиц жалованья, или долго заставляли их держать пойманных птиц при себе, вводя их через это в лишние расходы; как бы то ни было, но помытчики просили императрицу Екатерину I, чтобы она повелела им самим привозить кречетов и соколов попрежнему "к Москве в Преображенский приказ"⁴⁸⁵.

Прием привезенных в Москву ловчих птиц производился обыкновенно дневальными сокольниками или кречетниками на Семеновском потешном дворе. Около же 1740 г. помытчикам почему-то предписано было сдавать птиц в Правительствующий Сенат. Это предписание оказалось для помытчиков крайне стеснительным: при частых в то время перекочевках высших правительственных учреждений из одной столицы в другую помытчикам приходилось сидеть в Москве, ожидая возвращения Сената из Петербурга, и держать все время птиц на своих квартирах, где "к содержанию оных удобных мест не имеется"; приходилось, следовательно, много тратить денег как на корм птицам, так и на свое содержание, а главное быть в постоянном страхе, что неудобство помещений погубит птиц. Это заставило двинских кречетых помытчиков обратиться в Обер-егермейстерскую канцелярию с просьбой об отмене этого неудобного для них правила, и ходатайство их было уважено Сенатом⁴⁸⁶.

При приеме птиц тщательно осматривали: в настоящем ли они теле? нет ли заломов перьев в хвосте и крыльях? Здоровых птиц зачисляли на "довольствие", а больных совсем не принимали, чтобы казенного корму на них не тратить. Если больных птиц и с заломами оказывалось очень много, помытчикам чинили жестокое наказание: их "за слабое смотрение и нерадение нещадно били батожем", с обещанием и впредь поступать с ними "без всякого упущения", если будут повторяться случаи привоза больных птиц⁴⁸⁷. За недоставленных по окладу птиц с помытчиков обыкновенно удерживали по 3 рубля за птицу, а в позднейшее время – 10 рублей. Если принос птиц был значительно ниже оклада, то помытчиков опять-таки нещадно били батожем. Чтобы избежать этой кары, помытчики готовы были объяснять недостаточный улов птиц вмешательством в их промысел сверхестественных явлений. Так, кокшайский помытчик Емельянов с товарищами в 1775 г. доносил Обер-егермейстерской конторе, что, несмотря на "всеусердное старание к поимке птиц", они все же ничего не поймали, "понеже в самое то время, когда бывает лов птицам, от воли Божией был мрак"⁴⁸⁸. За птиц, умерших в дороге, с помытчиков удерживали половину платы, положенной за живую птицу. Кроме того, подозревая, что причиной гибели птиц был или плохой и недостаточный корм во время дороги, или недосмотр со стороны помытчиков, их всегда подвергали строгому допросу, почему у них оказались "упалые" птицы. Когда в 1726 году двинские помытчики, отправленные из Архангельска с 52 ловчими птицами (23 кречета и 29 челигов кречетых), размещенными в 17 санях с окутами, доставили в Москву только 40 птиц, а саней 13, то в

Преображенском приказе помытчиков допрашивали под страхом смерти, отчего умерло у них в дороге 12 птиц и куда они дели четверо саней. Ватащики отвечали, что "оние птицы померли от больших морозов, а не от бескормицы их помытчиков, а по тем умершим птицам, что которая птица в котором месяце и числе умерла, тому при помытчиках письменной записки не имеется и ныне нет, для того в прошедших годах деда и отцы их от города в Москву с такими же птицами присыланы, и у них в дороге многие птицы помирали ж и в которых месяцах и числах и отчего у них помытчиков... допросов не бывало; что каких живых и мертвых у них в приносе будет, то число и примут, и в том приеме давались им из Преображенского приказу за судейскими руками отписки". Относительно утеранных саней помытчики отвечали, что "едучи от города (Архангельска) до Вологды по земле, а снегу не было, и у тех саней полозья и вязья изломались, и те ломанные сани и с окутки по дороге разбросали и покидали"⁴⁸⁹.

Иногда таким объяснениям не верили и, объясняя смерть птицы нерадением помытчиков, их за это били батожем. Каждая "упалая птица" для помытчика была сущим несчастьем. У помытчиков Белоозерского уезда в 1750 г. из 13 птиц, привезенных в Москву, одна умерла в дороге; они так испугались ответа за эту "упавшую" птицу, что решились самовольно уехать из Москвы в свои деревни, не дождавшись приема птиц⁴⁹⁰. Конечно, они были снова вытребованы в Москву, и с ними поступили, вероятно, "без упущения".

Положение помытчиков за рассматриваемое время становится более трудным; высшая власть предъявляет к ним все более и более строгие требования; местные же власти нередко крайне стесняют их деятельность, не

выдавая им установленного жалованья. В 1736 году двинские помытчики жаловались обер-егермейстеру, что вместо причитавшихся им 346 руб. (за 72 птицы живых и 10 упалых) в Архангельске им выдали только 188 рублей 50 коп. Да раньше еще в 1734 г. им было недодано за привоз птиц 20 руб., и от этой недодачи "пришли они в самое убожество". Обер-егермейстер Волынский сочувственно отнесся к ходатайству помытчиков, и по его представлению Сенат выдал помытчикам все недоданные деньги полностью⁴⁹¹. Казанская губернская канцелярия, так же как Архангельская, в 1734–1750 гг. неправильно выдавала помытчикам лишь половину причитающихся денег, "да и за тою половинною выдачею", по словам помытчиков, им приходилось ходить месяца по два и больше⁴⁹².

Но самый существенный ущерб благосостоянию помытчиков был нанесен постепенным сокращением их древних прав и привилегий. Попытки ограничить права помытчиков замечаются, как мы видели, еще в царствование Михаила Феодоровича. Но при царе Алексее Михайловиче расцвет соколиной охоты снова поднял нарушенные было права помытчиков: они снова почувствовали себя господами положения. В конце XVII и в начале XVIII века до 1723 года, никаких ограничений в области прав и преимуществ помытчиков сделано не было; напротив того, эти права и преимущества даже подтверждались Высочайшими указами. Так, в 1700 году дана была жалованная грамота переяславль-залесским помытчикам, которою подтверждались их древние привилегии, а именно: а) право на свободную торговлю, б) свобода от податей и повинностей, кроме доставки птиц, а также в) изъятие из ведения общегосударственного суда, кроме дел

уголовных, с подчинением в судебном отношении Преображенскому приказу. Отметим также Высочайший указ 1714 года, которым повелевалось архангельскому губернскому начальству не брать с вологодских помытчиков никаких новоокладных поборов и выключить их из табельного оклада.

Но вот 9 января 1723 года издается указ, в силу которого помытчики и дети их зачисляются в подушный оклад наравне с прочими крестьянами⁴⁹³. Опубликование этого указа было как бы поворотным пунктом в истории помытчиков. С этого момента началось постепенное ограничение их прав, возникло стремление сравнять их в правовом и в других отношениях с обыкновенными "черносошными" крестьянами, стремление, окрепшее впоследствии и закончившееся полным упразднением сословия помытчиков в 1827 году. Не прошло года со дня обнародования упомянутого указа, как помытчики настолько уже почувствовали все невыгодные для них последствия от включения их в подушный оклад, что одновременно из разных мест слышались их жалобы на свое тяжелое положение. Двинские помытчики в 1721–1724 годах жаловались Преображенскому приказу, что архангельский вице-губернатор Лодыженский берет с них подати наравне с черносошными крестьянами, учиняет среди них рекрутские наборы, а за неисполнение своих требований бьет на правеже и в тюрьму сажает. В том же 1724 году поступают челобитья от переяславль-залесских и вологодских помытчиков. Переяславль-залесские помытчики в своей челобитной писали: "ныне внесли их в перечневые книги для обложения восьмигривенными деньгами, наравне с прочими местными тягловыми жителями, ...требуют от

них рекрут... в день бьют на правеж, а к ночи сажают в тюрьму, и от того де караульного задержания и правежу соколье ловле учинилась остановка, и в полевом сиденьи и для сокольи ловли сидеть стало некому"⁴⁹⁴. Вологодские помытчики жаловались, что архангелогородский губернатор князь Петр Алексеевич Голицын прислал переписчиков, "которые в их деревнях переписали всех от мала до велика и нужных (т. е. больных)" и, приравнявши их к дворцовым пашенным крестьянам, положил на них тягло и всякие подати. А вице-губернатор Курбатов, к довершению всего, требует от них денежных поборов за прежние года, держит за караулом, "бьет на правеже и мучает ежедневно без пощады"⁴⁹⁵. Жалобы слышались и с Волги. В 1726 году чебоксарский помытчик Алаторцев писал в своей челобитной императрице Екатерине I, что земские комиссары берут с него и с его детей подушный оклад и всякие разные поборы и с торгу спрашивают десятой деньги, а бурмистры сажают детей его в земскую избу и держат их там "в чепах и железах".

Помытчики никак не хотели подчиняться новому закону, нарушавшему их исконные привилегии; на взыскание подушной подати они смотрели как на злоупотребление. Местные же власти в этом случае были только точными исполнителями указа 9 января 1723 г.: помытчики, зачисленные в подушный оклад, обязаны были нести все государственные и общественные повинности. Поэтому жалобы и все ходатайства как самих помытчиков, так и их непосредственного начальства оставлялись правительством без всяких последствий. Волей-неволей приходилось помытчикам мириться с новыми порядками, со страшной для них "подушной". Между

тем новые порядки отразились губительным образом на их экономическом положении, а через это и на самом уловном промысле. "Соколье ловли учинилась остановка, для соколы ловли сидеть стало некому", пишут переяславльские помытчики в упомянутой уже нами челобитной.

"Братья соколы помытчики все от правезу подушных денег и от хлебного недорода разбрелись в мир, кормятся и доднесь в мире, а положенных на них соколов ловить некому", отвечал в декабре 1726 года допрошенный в Преображенском приказе помытчик Чаранской округи Федоров, который "за умалением в ловле соколов дикомытей" принес в Москву сокола молодика⁴⁹⁶. Прошло с небольшим двадцать лет со дня включения помытчиков в подушный оклад. За это время прежде привилегированное сословие совсем разорилось. Мрачными красками рисуют свое экономическое положение вологодские помытчики в челобитной 1744 года, поданной ими в Правительствующий Сенат. По переписи 1724 года в подушный оклад их зачислено было 197 душ; из этого числа к 1744 году осталось только 73 души. Из остальных же – кто помер, кто взят в солдаты, другие же пришли в совершенную старость и оскудение и нищету и в службу негодны, наконец, многие, "покиня дома свои, разбрелись врозь". Оставшиеся же 73 человека должны были платить подушные деньги, поставлять рекрут как за себя, так и за умерших, бежавших и престарелых. Это привело помытчиков "в самую нищету и оскудение", меж тем как соколов с них требуют по-прежнему и в прежнем количестве. При таком бедственном положении никакие строгие требования и предписания не достигали цели, и принос птиц с каждым годом все уменьшался и уменьшался.

Правительство пришло, наконец, к убеждению, что необходимо, хотя немного, облегчить участь помытчиков⁴⁹⁷. Первым шагом на этом пути было исключение из подушного оклада тех двинских помытчиков, которые не имели земли⁴⁹⁸. Затем в 1732 году велено было не взыскивать с переяславльских помытчиков никаких сборов, кроме подушной подати⁴⁹⁹. Наконец, с 1739 года последовал ряд частных постановлений, коими помытчикам разрешено было заменить поставку рекрут денежными взносами.



Лебедев К. В.
"Выноска и справка" соколов на Семеновском
Потешном дворе г. Москвы кречетниками и
сокольниками

Сенатским указом 30 апреля 1739 г. определено было "рекрут натурою не брать, а брать, как с малопоместных по указам велено, в складку деньгами, дабы от того оных (т. е. помытчиков) не умалялось, а ловле птиц остановки не было"⁵⁰⁰. Такие же постановления состоялись 11 февраля 1740 г., 16 июня 1743 г. и 28 ноября 1744 г. по отношению к переяславль-залесским, двинским и вологодским помытчикам. Все эти частные постановления завершились Сенатским указом 17 ноября 1748 г., которым все помытчики освобождались от натуральной рекрутской повинности, с заменою ее – денежною. Указ этот был вызван крайним разорением помытчиков: в ноябре 1748 года Обер-егермейстерская канцелярия вошла в Сенат с представлением, в котором указывала, что во время рекрутского набора 1747 года, с помытчиков брались рекруты с немалым для них изнурением, отчего некоторые из них пришли в крайнее разорение и нищету. Сообразно с этим Сенат мотивировал свое постановление следующим образом: "хотя... рекрутские наборы чинятся со всех положенных в подушный оклад, но понеже оные помытчики, сверх того подушного окладу, ко двору Ее Императорского Величества, по прежним их грамотам, ловя птиц, ставить и в Москву привозить должны, к тому ж находятся они в разных местах и число душ не великое: и того ради... со всех тех сокольных помытчиков в предбудущие наборы рекрут натурой не брать, а когда рекрутские наборы будут, тогда их, приписывая к прочим государственным, дворцовым, монастырским или помещиковым крестьянам, в складку брать деньгами, почему с души при тех рекрутских наборах указами определено будет".

Несколько раньше этого, в 1747 году, был

поставлен и разрешен вопрос о том, в чьем ведении должны находиться кречетьи и соколы помытчики. Как известно, "судом и расправою" помытчиков издревле ведал сначала сам царь чрез своего сокольничего, а впоследствии Преображенский приказ⁵⁰¹. Это право помытчиков было неоднократно подтверждено в конце XVII и в начале XVIII века. В 1732 году у некоторых помытчиков (ростовских) эта привилегия была отнята, и их велено было ведать "судом и расправою", на общем основании, "воеводской канцелярии"⁵⁰². Но затем Сенат после этого случайного отступления восстановил старое правило, определив в 1747 году, что все помытчики состоят в непосредственном ведении Обер-егермейстерской канцелярии и, следовательно, без ее ведома не могут быть привлекаемы к судебной ответственности⁵⁰³. Обер-егермейстерская канцелярия заступила в этом отношении место Семеновского потешного двора, который один только ранее мог "ведать" помытчиков "судом и расправою"⁵⁰⁴. Древняя привилегия помытчиков была вновь подтверждена указом 1775 года, по поводу столкновения белозерских помытчиков с помещиком Головиным. Дело обстояло так: в начале 1775 г., получив приказание из Москвы, "ни мало не мешкав, всем поголовно выйти на помцы и стараться оных птиц помкнуть, как возможно, с наибольшим удовольствием", белозерские помытчики, староста Алексеев с товарищами, собрались в Кирилло-Белоозерский монастырь и отсюда отправились в казенный черный лес с целью нарубить в нем сухого леса на истопки и строевого на амбары "под уловные птицы", на столбы и "к помцам". Нарубивши лесу "потребное число", они поехали на промысел, но когда они поравнялись с другим

казенным лесом, называвшимся "Белый мох", – "не знаемо каким образом" вышли из лесу на лыжах и ползком на коленях крестьяне деревни Дитятева, вотчины господ Головиных, напали на них с топорами и дубинами, отбили у них лес и шесть лошадей, а с некоторых помытчиков даже сняли шубы и платье. Подобный грабеж, произведенный крестьянами помещиков Головиных, "учинил во всем остановку". Вслед за тем помещик Головин подал в Белоозерскую провинциальную канцелярию исковую челобитную, в которой обвинял помытчиков в порубке леса в его дачах без разрешения владельца. Белоозерская провинциальная канцелярия вызвала помытчиков в суд, но они заявили, что на суд идти "они опасны и не смеют" без разрешения Обер-егермейстерской канцелярии, в ведомстве коей они состоят. В конце концов дело перешло в Обер-егермейстерскую канцелярию, которая оправдала помытчиков и именем Ее Величества объявила провинциальной канцелярии, что она никоим образом не имела права принудить помытчиков к формальному суду – без требования "от команды" (т. е. от начальства) – в силу жалованных грамот, "коими повелено их, помытчиков во всяких исковых делах судом и расправою, кроме Семеновского потешного двора, отнюдь не ведать", и так как "помытчики состоят в точном ведомстве Обер-егермейстерской канцелярии" – "тем паче что ныне наступило время к помыканию птиц"⁵⁰⁵.

Весьма тяжким лишением для помытчиков было запрещение заниматься торговлею и промыслами⁵⁰⁶. С начала XVIII века помытчикам воспрещалось заниматься посторонними делами хотя бы и в свободное от ловли птиц время. Для наблюдения за тем, чтобы это правило неуклонно исполнялось,

посылались даже в места жительства помытчиков из Москвы особые кречетники. Между тем некоторые помытчики, как, например, переяславль-залесские и чебоксарские, не наделенные ни землею, ни другими какими-либо угодьями, не могли существовать без посторонних занятий и в промежутке между "полевыми сидениями" занимались рукодельем и торговлею в рядах, наравне с посадскими людьми, так что для них вопрос о праве торговли являлся вопросом существования. По жалованной грамоте 1700 г. переяславль-залесским помытчикам разрешалось заниматься торговлею и промыслами, и это право их подтверждалось впоследствии неоднократно. Местный переяславль-залесский магистрат тем не менее не позволял им торговать, прибегая иногда даже к насилию: запечатывал лавки и даже не позволял брать оттуда непроданный товар. Во всех таких случаях переяславль-залесский магистрат стоял на почве общего закона: по регламенту Петра I право торговли предоставлено было только лицам, записавшимся в купечество; крестьянству же разрешался только местный торг, в ничтожных размерах. Приравнивая помытчиков к крестьянам, магистрат отказывался признать их торговую привилегию, обеспеченную жалованными грамотами. Эта точка зрения Переяславльского магистрата была усвоена впоследствии Сенатом. В 1760 г. в Обер-егермейстерскую канцелярию поступила челобитная от переяславль-залесского помытчика Андрея Боженова "с товарищи", в которой снова говорилось о незаконных притеснениях помытчиков со стороны переяславль-залесского магистрата и купечества. В своем решении по этому делу Сенат, принявши во внимание все жалованные грамоты,

дарованные в разное время переяславль-залесским помытчикам, стал, однако, на сторону закона общего, изложенного в регламенте Петра Великого, и постановил, что помытчики могут производить только такой торг, какой по регламенту разрешен был всему крестьянству. Желаящим при этом предоставлено было право переходить в купечество, но с неперменным обязательством продолжать наследственный промысел — помыкания ловчих птиц⁵⁰⁷.

Помытчики издревле были освобождены от несения городской и полицейской службы, а также от постоянной повинности, которая для обывателей сел и городов составляла порой непосильное бремя.

Упомянутые привилегии подтверждались неоднократно и в XVIII веке; местные же провинциальные власти, несмотря на это, нередко их нарушали, особенно с тех пор, как помытчики включены были в подушный оклад. В этом случае, как и в других, помытчики упорно отстаивали свои права: из разных мест явились жалобы на новые притеснения со стороны провинциальных и губернских властей. Комплектные помытчики, Блазновы, в декабре 1758 года жаловались Обер-егермейстерской канцелярии, что Московская полицеймейстерская канцелярия требует от них "всяких полицейских исправлений" и на дворы постоя "многолюдственно" ставит, к тому же как раз в то время, когда помытчики уходят из Москвы на уловный промысел, так что им приходится для отбытия полицейской службы нанимать за себя посторонних людей. Обер-егермейстерская канцелярия не замедлила охранить помытчиков от таких незаконных требований московских властей, имея в виду, "чтобы помытчики в приносе птиц были всегда исправны и в том бы

никакой отговорки Обер-егермейстерской конторе представлять не могли"⁵⁰⁸. В следующем 1760 году подобная же жалоба была принесена в Сенат переяславль-залесскими помытчиками, и Сенат, рассмотревши дело, также освободил помытчиков от постоев и от несения городской службы. Недоразумения на этой почве возникали и потом между помытчиками и местными полицейскими и городскими властями, но они всегда разрешались высшими учреждениями в пользу помытчиков⁵⁰⁹. Так обстояло дело только до 1786 года, когда именным Высочайшим указом ярославскому и вологодскому генерал-губернатору Мельгунову было определено, что сокольи помытчики, если они записаны в мещанское сословие и "упражняются в мещанских промыслах, то и тягости сего звания нести обязаны, на основании городского положения", т. е. не должны уклоняться от исправления полицейских должностей в городах, по месту жительства⁵¹⁰.

Общественное положение помытчиков в XVIII веке значительно ухудшилось в сравнении с предшествовавшим столетием; местные власти, предупреждая соответствующие законодательные постановления, нарушали древние их преимущества, некоторые же воеводы, не довольствуясь этим, незаконно пользовались помытчиками для личных услуг. Так, чебоксарский воевода Шахмометов не только употреблял их для занятия караулов при местной тюрьме и воеводской канцелярии, не только назначал их "в посылки по разбойническим и всяким делам", но и пользовался ими в качестве домовой прислуги, заставляя дежурить при своем доме, а также брал их для гребли на судах, когда ему случалось ехать в Казань. Исполнение всех этих повинностей отнимало

у помытчиков месяца по два и часто совпадало с тем временем, когда наступало время отправляться на уловный промысел⁵¹¹. В результате являлось "убожество и скудость" помытчиков и недостаточный улов птиц. Условия деятельности помытчиков, начиная с того времени, как они включены были в подушный оклад, постепенно ухудшались, а параллельно с этим год от году падал и самый уловный промысел⁵¹².

Большая часть помытчиков, как мы видели, вела упорную борьбу с местными властями, отстаивая свои древние преимущества, постепенно отменявшиеся. Помытчики же, жившие в Юхотской волости Ярославской губернии, в течение всего XVIII века, кроме того, упорно боролись с приказными людьми местных вотчинников графов Шереметевых⁵¹³. Почти целое столетие они вели известный в свое время процесс с наследниками графа Бориса Петровича Шереметева. Юхотская волость Ярославского уезда, от которой получили свое наименование эти помытчики, составляла в конце XVI и в начале XVII столетий вотчину князей Милославских. По смерти последнего отпрыска этого рода она поступила в число дворцовых волостей. В волости этой имелось в числе прочих село Новое, к погосту которого – Клементовскому – была приписана деревня Павлова, на речке Кое с пустошью Ратьково. В январе 1632 года жители этой деревни, Ивашка да Трофимка Сысоевы, били челом царю Михаилу Феодоровичу, чтобы он пожаловал их в соколы помытчики. Челобитная была уважена, а деревня Павлова была "для государевой соколы ловли обелена". В 1681 году в деревне Павлове уже было девять дворов соколых помытчиков да в Ратькове – два двора. В 1706 году, 26 августа, Петр Великий во время военного похода в Киев пожаловал "большого

полку генерал-фельдмаршала", графа Бориса Петровича Шереметева, "за многие его верные службы", владением в Юхотской волости. Владение это состояло из четырех сел, в том числе и села Нового с деревнями, с 1800 крестьянских дворов, и было передано графу Шереметеву "со всем, как во дворце было". В указе Петра I о дворах помытчиков ничего не говорилось. Это обстоятельство и послужило завязкой сложного и запутанного процесса, который даже через столетие все-таки не был разрешен окончательно, а, скорее, потонул в море исписанной по поводу его бумаги. Дело в том, что помытчики ни за что не хотели стать наряду с черносошными крестьянами, отказавшись навсегда от своего звания, которое, сравнительно с прочими "подлыми" людьми, было привилегированным. С другой стороны, и наследники Шереметева никак не хотели поступиться тем, что принадлежало им по точному смыслу указов. Процесс этот не обошелся, конечно, без трагических положений для более слабой стороны – помытчиков. Управители и наместники Юхотской волости, исполняя волю своих господ, нередко в своем усердии позабывали меру и правомочия своей власти и жестоко карали упрямых помытчиков, не хотевших исполнять их требований. "Державнейший Царь, Государь Милостивый!" – пишут юхотские помытчики в челобитной Петру I в 1716 году, – приказный человек графа Шереметева, Иван Костров разорил нас до конца: из деревень нашу братью, соколых помытчиков... вывез в иные вотчины, дома наши запечатал, также и хлеб, и всякую рухлядишку. И ныне у нас соколья ловля стала, и помыкать соколов на тебя, Великого Государя, некому". Нам нет нужды следить за всеми перипетиями этого процесса. Скажем только одно, что, несмотря на

неоднократные Высочайшие указы, в которых точно и определенно подтверждалось, что юхотские помытчики отданы графу Шереметеву, они как-то сумели сохранить за собой свое обособленное звание, отстоять свои права⁵¹⁴.



Бенуа А. Н.; Лансере Е. Е.
Зимний поезд Императрицы Екатерины II с Ее
ближними сановниками

Уловный промысел постепенно падал в течение XVIII века. Обер-егермейстерское ведомство должно было прилагать большие старания, чтобы птичья охота находилась в наилучшем порядке и особенно чтобы в ловчих птицах не было недостатка. С этой целью оно не только шлет строгие указы помытчикам и "учиняет" жестокое наказание тем из них, которые оказывались неисправными в приносе положенного на них птичьего оброка, но и возлагает ответственность за правильность поступления ловчих птиц в царскую кречетню на воеводские и губернские канцелярии, предписывая последним следить, чтобы помытчики помыкали птиц "со всяким радением, безленостно и с наибольшим удовольствием"⁵¹⁵. Особенно грозные указы посылались в Казанскую губернию, помытчики которой не всегда исправно исполняли свои обязанности. Обер-егермейстерская канцелярия в 1750 году рекомендовала Казанской губернской канцелярии не стесняться в выборе средств для поощрения помытчиков; так, наводя справки, есть ли у козьмодемьянских помытчиков в улове птицы, она между прочим писала: "Буде же, паче чаяния, у оных помытчиков птиц в улове не имеется, учинить им за то наказание, бить батожем нещадно и накрепко подтвердить, чтобы птиц помыкали по вся годы в надлежащее удобное время бездоимочно; а ежели оною Казанскою губерниєю усмотрено будет, что помытчики в улове тех птиц, конечно, слабо и нерадительно поступают, и с которого двора или от которой семьи кого на улове птиц в удобное время не будет, за то их штрафовать по указам без упущения"⁵¹⁶. Не ограничиваясь строгими предписаниями провинциальным учреждениям, Обер-егермейстерское ведомство, кроме того, командировало в места ловли

птиц особых нарочных из своих чинов для понуждения помытчиков "к непременному приобретению" ловчих птиц. Так как в царствование Екатерины II оказался большой недостаток в лучших породах кречетов – в белых и белокрапчатых, то и помытчикам, и тем нарочным, которые посылались к ним, приказывалось стараться "помкнуть" именно этих птиц; помытчикам даже обещаны были денежные награды сверх положенной платы, если они доставят в Императорскую охоту кречетов и челигов названных пород⁵¹⁷.

С этою же целью была организована ловля птиц на крайнем севере, около Пустозерского острога, в устье реки Печоры. В феврале 1766 года три солдата Архангелогородского гарнизона, братья Мезенцовы, рассказали одному царскому сокольнику, Микулину, что около Пустозерского острога в приморских местах встречается много белых и белокрапчатых кречетов и челигов, и вызвались показать места, где водятся птицы. При этом они просили, чтобы их перевели из Архангельского гарнизона в команду при Пустозерской воеводской канцелярии и чтобы вместе с ними послали в Пустозерск опытных помытчиков. Обер-егермейстерская канцелярия весьма охотно приняла это предложение.

Братья Мезенцовы и с ними еще три солдата Олховы были немедленно переведены в Пустозерский гарнизон; туда же отправили кречетников и двух помытчиков со всеми принадлежностями для лова птиц. Кречетник Григорий Перов должен был объявить солдатам, что если они в ловле птиц окажут должное усердие, то Обер-егермейстерская канцелярия наградит их деньгами сверх положенной платы за каждую пойманную птицу. В Пустозерскую воеводскую

канцелярию был послан указ с требованием, чтобы вышеназванным солдатам в помыкании птиц от местных жителей никакого "помешательства" не было. Эти солдаты-помытчики впоследствии довольно успешно ловили птиц в приморских местах на Печоре; и в 1774 г. между прочим отправили в Москву три редких "белокрапчатых" кречета⁵¹⁸.

В тех местах, где кречетов ловили издревле, их становилось все меньше и меньше; недоставало не только белых и белокрапчатых, но и простых кречетов. Уловный промысел с каждым годом становился все труднее и труднее вследствие переселения ловчих птиц на крайний север. Надо было, чтобы найти птиц, идти дальше к берегам Ледовитого океана. Почти одновременно с устройством ловли кречетов в Пустозерске Обер-егермейстерская канцелярия распорядилась отправкою помытчиков на Мурман. В феврале 1765 года, послали две ватаги помытчиков "к приобретению кречетов и челигов кречетых лучших пород", одну на "Мурманский остров", в самое "дальнейшее поморское место", т. е. к Коле, а другую – на зимний берег.

Частным лицам как русского происхождения, так и иностранцам поимка ловчих птиц на севере Европейской России воспрещалась безусловно⁵¹⁹ и только в виде исключения в 1741 году была дозволена голландским и римско-цесарским подданным для их дворов, в виде "особливого оным дворам угождения"⁵²⁰. Но любопытно, что в то время, как профессиональные помытчики все менее успешно добывали ловчих птиц, лицам, не имевшим права ловли птиц, промысел помытчиков представлялся выгодным и заманчивым. Выгорецкие раскольники, Аммос Вилютин и Алексей Киселев "с товарищи", во

время своих отдаленных поездок по северу часто встречали цветных кречетов и челигов кречетых; в 1776 году они просили Обер-егермейстерскую канцелярию разрешить им ловить птиц в разных местах, на севере, а особенно на Канином Носу, по р. Печоре, на берегах Карского моря, у устья р. Оби и на датском острове "Груманте". Они обещали привозить пойманных птиц в Архангельск, а оттуда, если дадут им казенные подводы, то и в Москву. Обер-егермейстерская канцелярия тотчас же воспользовалась предложением выгорецких раскольников и разрешила им в виде опыта производить ловлю птиц в названных местах в течение одного года, намереваясь потом в случае удачного улова сохранить за ними это право навсегда, а за ревностное и добровольное усердие наградить их деньгами. Вологодских же помытчиков предполагалось обложить денежным оброком на том основании, что они, не доставляя положенного на них количества птиц, сами выпросили себе льготу – не посылать их за птицами в море. О дальнейшей судьбе уловного промысла выгорецких раскольников сведений до нас не дошло; вероятно, по своей малоуспешности он скоро прекратился. Хотя со стороны промысел помытчиков и казался заманчивым, но он должен был быть очень трудным для лиц, не привыкших к этому делу, требовавшему большой сноровки и ловкости⁵²¹.

Небезынтересно будет отметить в числе разных перемен, происшедших в положении помытчиков в течение XVIII столетия, что Обер-егермейстерское ведомство сделало попытку возложить на них обязанность ловли, кроме соколов и кречетов, также и других птиц. В феврале 1770 года Обер-егермейстерская контора предписала на

основании Высочайшего указа ростовским сокольим помытчикам, чтобы они, сверх ловчих птиц, помкнули бы еще и четырех филинов; то же предписание получили и комплектные московские помытчики⁵²².

В своих заботах о поднятии промысла ловли охотничьих птиц обер-егермейстер Нарышкин считал необходимым не только сохранить за помытчиками издревле присвоенные им права и преимущества, но и установить для них некоторые новые льготы. Задача эта была труднодостижимой потому, что постепенное ограничение и полное уничтожение некоторых прав и преимуществ помытчиков совершились на почве общегосударственного законодательства. В 1773 году Нарышкин, представляя императрице проект нового яхт-штата, просил, оставив помытчиков по-прежнему в подушном окладе, разрешить им заниматься торговлею или кто "чем похочет"; вместе с тем он предлагал освободить помытчиков от денежной рекрутской повинности на 20 лет. И этих незначительных улучшений положения помытчиков Нарышкин предполагал достигнуть путем сокращения их наличного состава. Но со всеми этими предложениями Екатерина II не согласилась и на докладе Нарышкина положила такую резолюцию: "О соколых помытчиках остаться впредь до рассмотрения на прежнем основании"⁵²³.

Таким образом попытка обер-егермейстера восстановить отчасти привилегированное положение помытчиков не увенчалась успехом: общее законодательство, начиная с 1723 г., постепенно и неуклонно все более и более ограничивает их права и преимущества. Правительствующий Сенат еще в 1763 году предполагал сравнивать помытчиков с государственными крестьянами в отношении податной

повинности. Хотя на этот раз Екатерина II и не утвердила предложений Сената, но вскоре за тем, в 1782 году, вопрос об отмене особых прав сокольных и кречетых помытчиков был снова поставлен на очередь.

Предписав местным властям доставить обстоятельные сведения о положении помытчиков, Сенат вместе с тем предложил провинциальным казенным палатам высказаться по вопросу об их особых правах. В ответах казенных палат сказалось то враждебное отношение местных властей к привилегиям помытчиков, которое красною нитью проходит чрез все XVIII столетие. Одна из палат, Ярославская, прямо заявила, что старую систему снабжения Императорской охоты ловчими птицами нужно оставить, организовав это дело на совершенно новых основаниях, а именно предоставить всем желающим, "охочим людям", ловить птиц и доставлять их егермейстерскому ведомству за особую плату. Ярославская казенная палата считала наиболее целесообразным "соколов и другого рода птиц доставать от охочих людей, коих уповательно сыскать можно довольное число, за повольную цену". Казенные палаты других губерний (Новгородской, Владимирской, Казанской) находили удобным сохранить старый порядок помыкания кречетов и оставить помытчиков в ведении Обер-егермейстерской канцелярии, но настаивали на том, чтобы помытчики обязаны были платить все подати и пошлины. Сенат же усвоил себе точку зрения Ярославской палаты и готов был заменить всех помытчиков "охочими людьми". В 1783 г. Сенат предложил Обер-егермейстерской канцелярии обсудить вопрос: нельзя ли "потребное число птиц" для охоты доставать покупкою у частных лиц, а помытчиков перечислить в равный податной

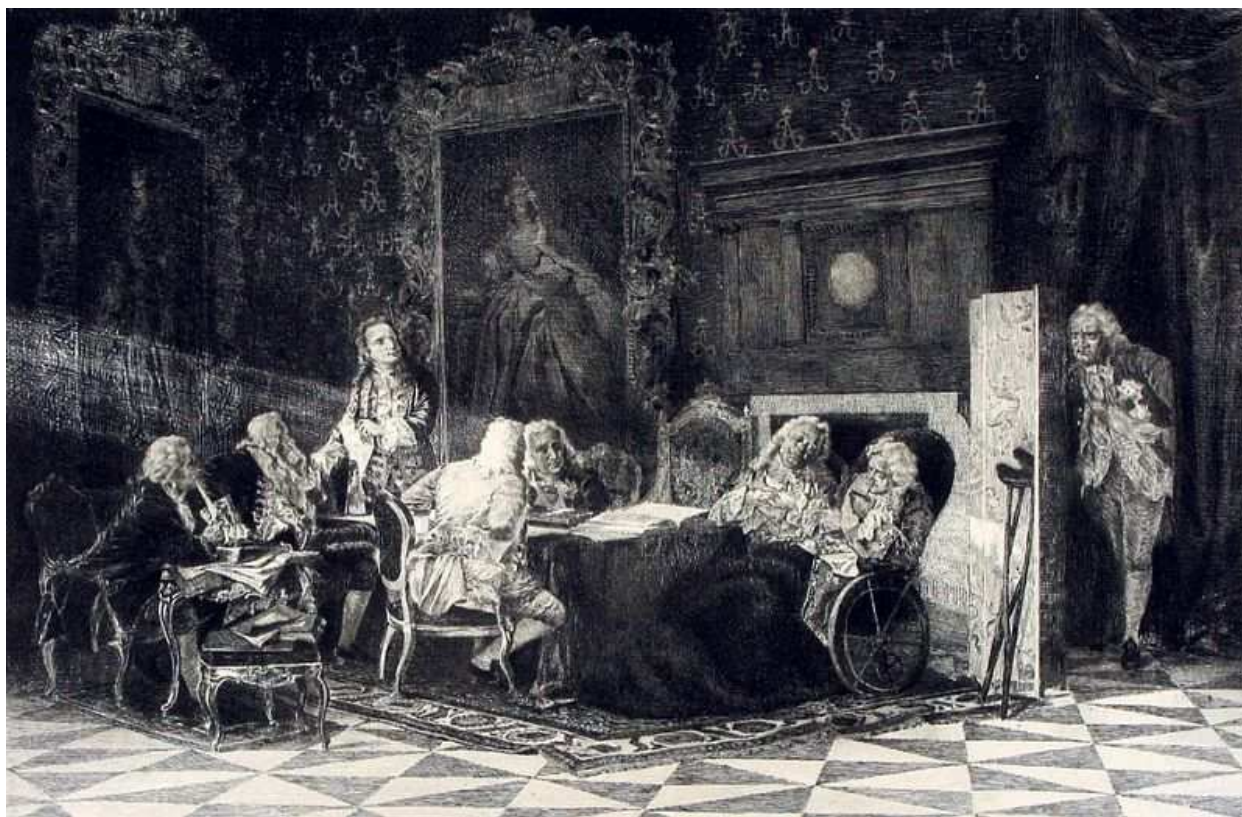
оклад с прочими государственными крестьянами⁵²⁴.

Обер-егермейстерская канцелярия, идя наперекор общему стремлению провинциальных властей и Сената, еще раз попыталась отстоять права помытчиков. В своем представлении Сенату 1784 года обер-егермейстер настаивал на том, что состоящих в ее ведомстве сокольных и кречетых помытчиков, кроме некоторых излишних, необходимо оставить *навсегда на прежнем основании* "для помыкания к охоте Ее Величества потребных птиц", что же касается "излишних" помытчиков (указанных в штате 1773 г.), то они могут быть окончательно исключены из Обер-егермейстерского ведомства лишь при том условии, чтобы оставшиеся помытчики пользовались всеми правами и преимуществами, присвоенными их званию, на основании прежних узаконений, как наградой за то, что они не получают ни прогонов, ни кормовых денег, а доставляют птиц на своем коште. Сенат не взял на себя ответственности решить вопрос о дальнейшем существовании помытчиков собственной властью и постановил всю переписку об этом – и приведенные донесения казенных палат и представление обер-егермейстера – ничего не предрешая, повергнуть на Высочайшее воззрение⁵²⁵. Императрица Екатерина II до времени оставила вопрос открытым. Уничтожение старинного "чина" помытчиков было отсрочено, но не надолго.

С кончиною Екатерины Великой соколиная охота, на время было восстановившаяся в ее царствование, навсегда замирает, делаясь достоянием истории, которая бережно сохраняет память о всех как великих, так и малых явлениях жизни былых поколений. В 1800 году именным указом императора Павла I велено было "состоящих по разным губерниям сокольных

помытчиков", исключая кречетых помытчиков Казанской губернии, "обратить в дворцовые крестьяне, обложив податями и подчинив в ведомство Казенных палат, наравне с прочими казенными поселянами, и коим не достает земли, тех снабдить оною; кречетых же помытчиков Казанской губернии оставить на прежнем основании". Наконец в царствование императора Николая I и эти последние помытчики были исключены из придворного ведомства. Именной указ 19 августа 1827 года гласил: "Придворного егермейстерского ведомства кречетых помытчиков, состоящих в разных городах и уездах Казанской губернии в числе 106 душ по седьмой ревизии, повелеваем исключить из придворного ведомства и тех из них, кои живут в городах и занимаются торговлею, приписать к тамошнему купечеству или мещанству для платежа податей, сообразно с их состоянием и промыслами, а прочих обратить в казенных крестьян, обложив их податями и снабдив их землею, наравне с прочими казенными поселянами".

Так прекратилось существование сословия помытчиков, сохранявших в течение пяти столетий преимущества, дарованные издревле великими князьями Московской Руси и подробно рассмотренные в I и II томах нашего исследования. Пять веков преимущества их поддерживались, не ради прихотей великих князей, царей и императоров, а ради той несомненной государственной пользы, сознательно ощущаемой правителями земли русской до Екатерины II включительно. Конец XVIII столетия, можно сказать, был рубежом, когда главарь помытчиков – "Охота Государева" – слагает с себя государственные обязанности и замыкается в круг более тесный – исключительно "Потехи Государевой".



Быстренин
Последнее заседание в Кабинете Министров
Обер-Егермейстера А. П. Волынского
Офорт с картины В. И. Якоби



Ты побѣдай намъ правду истинную,
про кылое, да про славное о святой руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В первый же год своего царствования, в апреле 1676 года, Феодор Алексеевич приказал отдать в Оружейную палату с Семеновского потешного двора все платье сокольников и птичьи уборы (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 249 – 7184 г.), а сами сокольники и прочие охотники остались почти без дела и "содержались без пользы", так же как и в начале следующего царствования.

2 При Алексее Михайловиче царские охоты ведались двумя органами: птичья охота состояла в ведении приказа "Тайных Дел", псовая и зверовая – в ведении Конюшенного приказа. Порядок этот был изменен, вероятно, в царствование Феодора Алексеевича, и все учреждение царской охоты перешло в ведомство приказа "Большого Дворца".

В 1695 году Семеновский потешный двор, бывший до этого года в ведении приказа "Большого Дворца", поступил "со всем учреждением, что на нем имелось каких птиц и зверей, также весь двор служителей" в ведение Преображенского приказа и под начальство ближнего стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского (Госуд. арх., разр. XIV, No 25).

Преображенский приказ ведал, по-видимому, царскою охотою до самого конца своего существования, то есть до Страстной пятницы 1729 года. Апреля 4 числа этого года названный приказ был уничтожен, а дела его были разделены между Верховным Тайным Советом и Сенатом. (Соловьев, т. XIX, ст. 169).

В то же время с учреждением в 1711 году Сената,

который явился центральным и притом непосредственным, без промежуточных инстанций, органом по отношению местных организованных еще в 1708 году губернских установлений (Градовский, Начала госуд. права, т. II, стр. 251) некоторые дела царской охоты, требовавшие предписаний губернаторам, например дела, касавшиеся помытчиков кречетых и соколых или доставки ко двору различной дичи, восходили на усмотрение и решение Сената.

С уничтожением Преображенского приказа, органа, который специально ведал бы царскою охотою, по-видимому, не существовало вплоть до 1742 года.

Вначале дела охоты ведались Верховным Тайным Советом (Госуд. арх., разр. XIV, No 25), а засим, кажется, обер-гофмейстерскою частью. По крайней мере мы знаем доподлинно, что в 1732 и 1733 годах делами охоты заведовал обер-гофмейстер граф Семен Андреевич Салтыков (Общ. Арх. Мин. Двора, опись 6, дело No 325), при котором состоял егермейстер Михаил Селиванов. (Моск. арх. Мин. юст., книга Сената No 4 – 1068). Отношение же Сената к учреждению царской охоты оставалось прежнее.

Так, по-видимому, продолжалось до учреждения должности обер-егермейстера.

3 Под 8 октября 1676 года в "Дворцовых разрядах" значится, что в этот день приказано было "к Великому Государю быти в походе в село Покровское Московскому Ловчему Василию Иванову сыну Философову". (Дворц. разр., т. IV, стр. 10).

"Звание Ловчего, – читаем у Глеба Успенского, – при Феодоре Алексеевиче сначала потеряло свое значение, а при Петре Великом было вовсе упразднено" (ч. II, отд. I). Об охотах царя Феодора Алексеевича мы не нашли нигде никаких указаний.

4 2 мая 1676 года Феодор Алексеевич приказал "Мишку да Семку Суминых и Гришку Брызгина, которые были в Семеновском, на потешном дворе в сокольниках, отослать в Оружейную палату, и быть им там, кто в который чин пригодится". (Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 275 – 7184 г.), а в мае 1681 года птичий стрелок Мишка Зверев подал царю, уваженную Феодором Алексеевичем, челобитную о зачислении его в ту же палату в самопальные. (там же, столб. 545 – 7189 г.).

В том же году последовало изменение в обмундировании чинов царской охоты: Феодор Алексеевич издал указ, касавшийся охотников так же, как и всех прочих подданных, дабы впредь вместо длинных охабней или однорядок носились короткие кафтаны. (Соловьев, XIV, стр. 277).

5 Акты Малиновского (портф. VI, No 91).

6 Голиков, т. I, стр. 365; Соловьев, т. XIV, стр. 254; Костомаров, т. II, стр. 555.

7 Голиков, т. I, стр. 176.

Под 1710 годом тот же Голиков повествует, что во время пребывания Петра Великого в Москве, царь был приглашен одним помещиком дворянином в подмосковную его деревню "на охоту, приуготовленную им для забавы Его Величества, и на травлю медвежью. Но как Государь не любил сей охоты и никогда в оной не упражнялся, то и ответствовал ему: "Упражняйтесь вы в звериной травле, сколько вам угодно; это не моя забава; и без зверей у меня есть с кем сражаться: вне отечества с дерзким неприятелем, а внутри укрощать моих грубых и неугомонных подданных" (Голиков, т. IV, стр. 112).

8 Деяния Петра Вел., том I, стр. 182.

В 1684 году на Семеновском потешном дворе состояло около 300 человек сокольников и прочих охотников, большая часть которых, как мы имели уже случай заметить, была зачислена в том году юным Петром Алексеевичем в потешные (Голиков, I, стр. 182).

Однако возможно предположить, что зачисленные в потешные сокольники и охотники некоторое время продолжали проживать на Семеновском потешном дворе, сохраняя свои охотничьи наименования. На мысль эту наводит запись расходной книги 1690 года, гласящая о покупке в январе месяце сокольником Афанасием Протасовым двух бочек ружейных кремней. (Сборн. архивн. бум. о Петре Вел., т. I, стр. 105.) Можно сказать с уверенностью, что для потребностей охоты такого количества кремней не понадобилось бы; для Петровских же потех с потешными – весьма вероятно.

От 1695 года сохранился именной список всех чинов охоты, состоявшей при Семеновском потешном дворе, с обозначением получаемого этими чинами жалованья. По этому списку комплектных чинов той охоты состояло 50 человек, в том числе: а) начальных сокольников двое, с окладом годового жалованья по 15 р. каждому; б) рядовых сокольников 29 человек, с окладами от 12 до 4 рублей; в) ястребников 9 человек, с окладом от 9 до 4 рублей; г) подьячий один, с окладом в 5 р.; д) клобучечник один, с окладом в 5 р.; е) повара два, с окладами по 3 руб. каждому; ж) хлебник один, с окладом в 3 р.; з) сторожей трое, в их числе один ларевник, с окладами от 3 до 2 р.; 1) зверовщиков двое, с окладами в 12 и 10 р. Кроме денежного жалованья, названным чинам отпускалось: а) всем 31 человеку

сокольникам – 313 четвертей ржи и 168 четвертей овса; б) 9 ястребникам – 101 четверть ржи и 60 четвертей без полуосмины овса, и в) остальным чинам – ржи 65 четвертей с осминою и четвериком и овса столько же. Всего же на содержание 50 человек выходило ежегодно около 341 р. денег, 479 четвертей ржи и 293 четвертей овса. Сокольники, ястребники и подьячий получали еще и другие продукты натурою. соответственно как служебному, так и семейному их положению. Из перечисленных сокольников было двое начальных, 13 человек женатых и 16 холостых. Начальные получали по 7 пудов свиного мяса, да по 12 пудов соли в год на человека. Женатые сокольники, 13 человек, да ястребники, 9 человек, получали по 5 пудов свиного мяса да по 5 пудов соли. Трое холостых сокольников получали вместо продуктов натурою, по деньге на день и на человека. Остальные холостые сокольники, 13 человек, да подьячий получали по чарке вина на день да из того же числа холостых: а) 5 сокольников и подьячий вместо квасу по получетверiku, да 8 сокольников вместо квасу же – по одной четверти четверика солоду ржаного в месяц; б) 7 сокольников по полувзена рыбы в день и по пуду соли в месяц, да трое сокольников по четверти звена рыбы в день и по полуторе гривенки соли в месяц; в) 5 сокольников по четверiku снятков сухих в месяц, да 5 сокольников по осмине таких же снятков в месяц же; г) 9 сокольников по полуосмине муки ржаной и по получетверiku круп овсяных в месяц. При этом надо заметить, что в то время вино и квас отпускались из Сытного дворца, мясо, рыба и соль из Кормового дворца, мука и крупа из Хлебного дворца. Что же касается до денежного жалованья, то, дабы не повторяться, заметим, что таковое, по имеющимся сведениям, выдавалось с 1695

по 1729 год из Преображенского приказа, а с уничтожением в последнем году названного приказа некоторое непродолжительное время из Верховного Тайного Совета, а засим из Дворцовой Канцелярии и других учреждений. В тот же промежуток времени Преображенский приказ выделял из своих доходов также средства, потребные на различные надобности по охоте, как то: на корма содержимым при охотах зверям и птицам и на изготовление клубучков, колокольцев и т. п. Хлебное же жалованье выдавалось из дворцовой канцелярии Приказа Большого дворца по росписям, доставляемым приказом Преображенским.

Кроме вышепомянутого числа чинов охоты, к тому же Семеновскому потешному двору в 1695 году было "ребят взято птиц держать" 6 человек, а в оклад им положено только хлебное жалованье, по 5 четвертей ржи и по стольку же овса на год. (Сборн. арх. бум. о Петре Вел., т. II, стр. 333; Госуд. арх., разр. XIV, No 25; Общ. Арх. Мин. Дв., приходорасх. кн. Сем. пот. двора, оп. 75, дд. NoNo 15, 139, 166; оп. 72, д. No 19).

В том же году числилось "в разных городах кречетников 23 человека, которые верстаны помесными и денежными оклады и служат с поместей своих, а жалованье им не определено". Эти кречетники разбивались, по усмотрению начальника птичьей охоты, на известные очереди, и одна из таких очередей проживала определенное время в Москве. (Госуд. арх., разр. XIV, No 25).

9 В 1687 году, декабря 3 числа, из Приказа Большого дворца было отпущено 8 алтын 2 деньги на покупку лошадиного мяса для прикормки волков в рощах села Преображенского, тогдашней любимой резиденции Петра Алексеевича. (Сборн. архивн. бум. о Петре Вел., т. I, стр. 351).

В современных документах весьма часто упоминается, что во время походов юного царя по окрестностям Москвы в конце XVII столетия отпускались из Оружейной палаты большие запасы дрови "для потешной стрельбы". (Там же).

10 В 1697 году, как известно, царь Петр Алексеевич предпринял заграничное путешествие инкогнито, в рядах русского посольства, в котором полномочными послами были: генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, воинский генерал-комиссар и наместник сибирский боярин Федор Алексеевич Головин и болховской губернатор, думный дворянин Прокофий Богданович Возницын.

25 мая этого года, в Королевце (Королевец – Кенигсберг) послы присутствовали при зверовой потехе, устроенной специально для венценосного путешественника "Курфирст, – свидетельствует Голиков, – пригласил послов и их свиту на звериную охоту в зверинец, со стен которого, на коих были устроены перила, смотрели на сражение медведей с дикими быками. Сии последние оказались победителями. Были также выпускаемы и другие на драку звери. Все сие время на стенах били в литавры и играли на трубах". (Голиков, т. I, стр. 334; Туманский, т. III, стр. 22 и 36; Юрнал Петра Вел. 7205 года, стр. 12).

В середине июля того же 1697 года "званы послы и дворяне посольства в Курфиршевский замок Фишгаузен, отстоящий от Пилавы в полутора милях, позабавиться звериною охотою; и для сего присланы от Его Светлости четыре богатые кареты и немалое число верховых лошадей с комнатным дворянином его, Принцем или Фон-Принценом, куды послы того же часу и поехали. Послы и свита приняты были Его

Светлостью с великою честью. В зверинце помянутого замка смотрели они с Курфирстом на звериную гоньбу. Охотники сперва выгнали перед ставку Курфирстову великое число лосей. Курфирст и один Русский Дворянин ("который был сам Монарх") застрелили из оных до семидесяти, а на раненых напускали собак. Все сие происходило при игрании на трубах и битье в литавры. Заключена сия забава великолепным столом и многими в саду замка потехами и веселием". (Голиков, т. I, стр. 347).

11 В ноябре 1705 года по требованию царя князь Федор Юрьевич Ромодановский выслал его величеству в Гродну для какой-то надобности живого белого медведя, о получении которого государь извещал князя письмом от 25 ноября. (Русск. архив 1865 года, стр. 641).

29 января 1709 года государь писал из Сум тому же князю Ромодановскому: "Sere. По получении сего изволь прислать сюды пять кречетов немедленно с охотниками, которые б их в пути берегли, а здесь, приехав, явились господину Головину. Piter". (там же, стр. 659).

11 августа 1714 года Петр Великий, плавая по Балтийскому морю, высадился на одном из островов близ Аланты, где и была устроена зверовая охота. На этой охоте царь с приближенными взяли одного лося и шесть зайцев. (Юрнал 1714 года, стр. 123).

12 Во время заграничного путешествия Петра Алексеевича в 1716–1717 годах, в бытность государя в Меклембурге в Шверине, 14 мая 1716 года "Его Величество ездил с Герцухом на охоту и застрелил оленя". (Юрнал 1716 года, стр. 76).

2 июня того же года, у Пирмонта, "Его Величество

после питья воды ездил верхом и кушал дома, и по кушанью стрелял из ружья в цель, и стреляли Графиня Липы и Граф". Стрельбою же в цель государь занимался 4, 8 и 9 чисел того же месяца. (там же, стр. 78 и 79).

10 ноября 1716 года "Их Величество поехали из Шхверина; приехали в Крак; и был на охоте, стрелял оленей и дву кабанов". (там же, стр. 99).

17 апреля 1717 года "Его Величество в Кале бил на ягерстве зайцев". (Юрнал 1717 года, стр. 12).

По поводу этой охоты 18–29 апреля того же года некий де Либуа доносил из Кале французскому регенту, герцогу Орлеанскому. "Вчера Царь присутствовал при небольшой охоте и был очень весел и приветлив; он не обладает грацией, но видно, что в такие минуты он старается нравиться". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XXXIV, стр. 178).

19 мая 1717 года, в бытность свою в Париже, "после обеда у герцога д'Антен, Петр, в сопровождении Генерал-Адмирала графа Тулузского, отправился в Фонтенебло, где, на другой день после прибытия, полтора часа охотился за оленями на коне графа Тулузского, после чего он обедал в павилионе на острове". (Русск. арх. 1865 года, стр. 686; Костомаров, т. II, стр. 715).

13 15 июля 1717 года Петр Алексеевич у Ахена, на горе, отстоящей от города в полуверсте, "изволил стрелять из самопалов стрелами и Министрам своим приказал стрелять же в мишень, коя была поставлена на горе; и в пятьдесят раз, или больше малым чем, дважды бил Его Величество в ту мишень в середину и поверх в третье по среди того бревна, на чем та мишень утверждена". (Юрнал 1717 года, стр. 25).

11–22 сентября 1717 года главный сокольничий

Фицтум доносил императору Августу II из Дрездена: "21 числа я отвез его (Петра Великого) на Остервизе, где он встретил несколько оленей; там Его Величество убил оленя о двенадцати ветвях и подстрелил еще другого зверя, но так как он ушел от государя, то охотники убили и принесли его в дом Его Царского Величества, чему он был очень рад". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XX, стр. 43).

14 11 августа 1720 года "Их Величество ездили за охотой с птицами, с собаками". (Юрнал 1720 года, стр. 32).

В этот же день с.-петербургский полицеймейстер Антон Мануилович Девиер доносил князю Александру Даниловичу Меншикову: "При сем доношу, что вчерашнего числа Их Величество изволили путь воспрять в Красное Село с Князь-Кесарем (Иваном Федоровичем Ромодановским) для птичной охоты соколами к ловле и оттуда через четыре дня возвратится". (Русск. арх. 1865 года, стр. 1246).

6 июня 1722 года "после полудня Его Величество ездил в город Казань и был у виц-губернатора Кудрявцева 17дворянина Есипова, где травили медведя собаками". (Юрнал 1722 г., стр. 39).

В 1723 году для высочайших охот была вытребована из Москвы в С.-Петербург часть Царской птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 50).

21 февраля 1724 года государь император Петр Великий собственноручным своим письмом на имя бригадира и с.-петербургского полицеймейстера Девиера предписал:

"При отъезде Детей Наших в Москву отправить тудаж собак". (Арх. Прав. Сената, кн. XXII, л. 25).

15 17 сентября 1721 года царь и герцог Голштинский (жених великой княжны Анны Петровны) в доме великого адмирала Апраксина "с галереи смотрели на травлю льва с огромным медведем, которые оба были крепко связаны и притянуты друг к другу веревками. Все думали, что медведю придется плохо; но вышло иначе: лев оказался трусливым и почти вовсе не защищался, так что, если бы медведя во время не оттащили, он непременно одолел бы его и задушил. Травля продолжалась не долго, потому что Царю не хотелось потерять льва". (Дневн. Берхгольца, т. I, стр. 179).

16 7 февраля 1720 года государь с приближенными ездили на быках, на собаках, на медведе и на козлах". (Юрнал 1720 г., стр. 6).

По этому поводу читаем, между прочим, в записках Нащокина: "ездили поезда цугами на медведях, на собаках, на свиньях и ездили по большим улицам, чтоб мог весь народ видеть и веселиться, смотря на куриозные уборы, и что на зверях ездят, которые так обучены были, что весьма послушно в запряжке ходили".

Это шутовское торжество при участии в нем диких зверей, выдрессированных Придворною охотою, было устроено по причине свадьбы князя-папы Петра Ивановича Бутурлина (Нащокин, стр. 9).

17 В январе 1722 года в Москве был устроен грандиозный маскарад, в котором принимали участие дикие звери. 30-го числа этого месяца государь с приближенными отбыл из Москвы в село Всесвятское, расположенное тогда за Тверскою заставою, влево от С.-Петербургского шоссе, в четырех верстах от Москвы. 31-го числа, в девятом часу утра, шутовской

поезд тронулся из Всесвятского в Москву. В описании этого поезда, между прочим, находим, что князь-кесарь Иван Федорович Ромодановский, в мантии, подбитой горностаем, сидел в небольшой лодке, украшенной спереди и сзади медвежьими чучелами. Неподалеку от Ромодановского везли "сани, запряженные шестернею одинаких медведей, которыми правил человек, весь зашитый в медвежью шкуру и чрезвычайно похожий на настоящего медведя". Были тут и сибирские санки, запряженные 10 собаками. Весь поезд состоял из 25 женских и 36 мужских саней (Берхгольц, т. II, стр. 66–77).

Еще 3 января того года "один шведский офицер рассказывал герцогу, что встретил вчера на улице сани, запряженные шестью медведями, которых, вероятно, готовят к предстоящему маскараду". (там же, стр. 19).

18 25 апреля 1725 года императрица приказала вытребовать с Семеновского потешного двора в С.-Петербург часть птичьей охоты, и приказание это носило характер экстренности, так как охоте предписывалось "ехать наскоро, днем и ночью" (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 50).

18 апреля 1726 года князь Иван Федорович Ромодановский писал из С.-Петербурга в Москву секретарю Преображенского приказа Казаринову, что "по указу Ее Императорского Величества повелено прислать сюда к предбудущему мая к и 15 числу птиц кречетов, соколов и ястребов... по неже оным быть в походе за Ее Императорским Величеством".

Предписывалось выбрать лучших кречетников 12 человек и приказать им ежедневно практиковать предназначенных к отправлению птиц в полевой езде, впредь до дня отправления охоты из Москвы, о назначении которого Ромодановский собирался

сообщить своевременно.

19 С переходом в 1695 году царской охоты в ведение Преображенского приказа главным начальником этой охоты и лицом, самолично отдававшим по охоте различные приказания, является страшный начальник названного приказа, ближний стольник, "кесарь всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора", князь Федор Юрьевич Ромодановский. (Госуд. арх., разр. XIV, No 2, и Переписка Петра Великого с Ф. Ю. Ромодановским, Русск. арх. 1865 г., стр. 639).

Ромодановский с любовью занимался своим адским делом, и его Преображенский приказ у русского народа носил прозвище "бедности". (Костомаров, Истор. в жизнеопис., т. II, стр. 638).

Князь Федор Юрьевич заведовал царскою охотою вплоть до смерти своей, последовавшей в начале 1717 года.

Как на этом поприще, так и по должности начальника Преображенского приказа и по званию князь-кесаря ему наследовал сын его, князь Иван Федорович Ромодановский (Костомаров, т. II, стр. 672, и рукописи Общ. Арх. Мин. Двора).

Князь Иван Федорович заведовал охотою еще и в 1728 году, будучи уже действительным тайным советником и московским генерал-губернатором (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 204), заведовал ею, вероятно, и вплоть до уничтожения (в 1729 году) Преображенского приказа, а может быть, и до своей смерти, последовавшей 1 марта 1750 года. ("С.-Петербур. ведом." 1730 года, No 24).

Князь Иван Федорович Ромодановский был страстный охотник, и за время его управления царскими охотами последними пользовался более их начальник, чем царь. В его время охота Семеновского

потешного двора, состоявшая тогда, надо полагать, не только из птичьей, но и из псовой охоты, находилась в полном распоряжении князя Ивана Федоровича. В дневнике Берхгольца – камер-юнкера герцога Карла-Фердинанда Голштинского, жениха, а впоследствии мужа великой княжны Анны Петровны, – который пробыл в России с 1721 по 1725 год, читаем, между прочим, следующее: "1722 года, августа 30, в 7 часов утра, его королевское высочество с тайным советником Бассевичем и некоторыми из нас поехал верхом к охотничьему дому князя Ромодановского, где еще до обеда началась соколиная охота за утками, которая была чрезвычайно забавна. У князя множество прекрасных и редких соколов, и он немало тратится на них. Уток там было очень много, а потому добыча наша вышла довольно значительная. Мы отправились потом в самый охотничий дом, где обедали и ужасно пили. Наш почтенный господин Плато подвергся здесь в первый раз полному опьянению, хотя и очень крепок; но хозяин, Ягужинский и другие русские господа хотели его испытать и потому сильно принуждали пить. После обеда принялись за обыкновенную охоту, но, несмотря на то, что у князя Ромодановского там более 130 гончих и борзых собак, она шла как-то неудачно и не могла выдерживать никакого сравнения с немецкою охотою или бывшею до обеда соколиною; впрочем, она и продолжалась недолго, тем более, что как прислуга, так и сами знатные господа охотники были порядочно навеселе. С полковником Плато чуть не случилось большой беды: упал он с лошади и с трудом высвободился из стремян, потому что седло, некрепко пристегнутое, съехало вместе с ним. К счастью, он ничего не повредил себе. По окончании и этой охоты было распито еще несколько бокалов, и затем все

разъехались по домам" (Берхгольц, Дневник, т. II, стр. 164).

"К чести князя Ивана Федоровича сказать надобно, что никогда ни прежде, ни после него Тайная канцелярия не руководствовалась такою кротостью; при нем мало было работы в застенке; редко прибегали к розыскам и пыткам". (Арсеньев, стр. 70).

Из ближайших помощников Ивана Федоровича Ромодановского по его деятельности как начальника царской охоты мы знаем двух: капитана Михаила Слеткова, начальствовавшего в 1721 году Московскою птичьєю охотою, и сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Романа Мельгунова, заведовавшего Семеновским потешным двором в 1726 и 1727 годах. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 39, д. No 349 и др.).

Следует заметить, что оба Ромодановские заведовали царскою охотою не как специальные ее начальники, а как начальники Преображенского приказа.

20 Ученых медведей после смерти Ф. Ю. Ромодановского их царские величества вытребовали к себе в Петербург. "Алексей Васильевич – государь! – писал к кабинет-секретарю Макарову обер-фискал Нестеров, – по письму вашему к ближнему стольнику кн. И. Ф. Ромодановскому о присылке медведей с учителями их... два медведя с учителями их, двумя человеками, которые обретались в Москве при дворе Его Сиятельства, отправлены с Мельгуновым 8-го февраля, а на их корм и на подводы прогоны даны из Преображенского приказа, а других таких ученых медведей и учителей медвежьих, по сказкам учителей из мясных рядов, старост и тех рядов купеческих людей, в Москве нет. А Его Сиятельство кн. Иван

Федорович от Москвы отлучился на Олонец к водам. 1720 г.". (Кабинет. дел в Государств. арх., т. II, кн. XLVII, стр. 398). Сообщ. И. Н. Божерянов.

21 Распоряжения кн. Ф. Ю. Ромодановского, касавшиеся сокольных помытчиков и устройства зверинцев, будут изложены ниже, в соответствующих главах V и VI.

22 18 апреля 1712 года "по указу Великого Государя и по приказу стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского" чинам царской охоты на Семеновском потешном дворе был произведен смотр дьяком Василием Нестеровым, столь известным по деятельности его в Преображенском приказе.

Во время смотра оказалось налицо 42 человека охотников, в том числе один начальный сокольник, 25 сокольников рядовых, 9 ястребников, 5 сторожей, 1 помытчик^{A1} и 1 зверовщик.

По-видимому, смотр этот был произведен с целью увольнения со службы престарелых охотников, с рекомендацией последним отправиться на покой в монастыри или богадельни.

В донесении Нестерова, между прочим, читаем:

"Начальный, 70 лет, Рамила Рамейков – постричься и в Богадельню не хочет".

"Сокольники: 60 лет, Михайло Сумин – бьет челом, чтоб за многую его работу, что он работает 40 лет, написать его в слуги в Девичь монастырь; Василий Рудаков, хром, нога ниже колена переломлена – бьет челом, чтобы его отставить, а чтоб на его место быть сыну его Михайлу; Никита Чикин – бьет челом, чтоб за сердечною болезнию на поле ему не быть; Василий Алферьев, левым глазом ничего не видит и глух – бьет челом, чтоб отставить, а на его место быть племяннику

Ивану Феклину Евдокимову сыну".

"Ястребники: 65 лет, Михайло Коноплев – бьет челом, чтоб его постричь для многой его работы, что он работает больше 40 лет, в который нибудь монастырь, безовкладно; Арист Коноплев – бьет челом, чтоб также постричь безовкладно, а сыну бы его быть брата его родного на Михайлово место Коноплева и оклад учинить ему тот же, что был Михайлу".

"Сторож, 70 лет, Федор Васильев – бьет челом, чтоб за многую его работу, для его старости, постричь в монастырь безовкладно". (Сборн. архивн. бум. о Петре Вел., т. II стр. 335 и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 15).

По-видимому, все престарелые охотники были уволены, но вместо них не определили никого. По крайней мере в сохранившемся списке чинов царской охоты Семеновского потешного двора за 1714 год нет ни поименованных выше престарелых и убогих, ни выставленных последними кандидатов. По этому списку значится сокольников 18, ястребников 7, зверовщиков 1, сторожей 4 и клобучечник 1 (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 59, д. No 190).

В 1722 году из Преображенского приказа были затребованы к герольдмейстерским делам подробные списки чинов царской охоты, с обозначением возраста, семейного и имущественного положения и продолжительности службы каждого чина. Для какой цели было отдано такое распоряжение, известное нам по Сенатскому указу 4 мая того года, мы не знаем. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3995).

В списке чинов охоты, состоявших при Семеновском потешном дворе в 1727 году, значится: а) 13 сокольников, с окладами денежного жалованья от 10 до 5 руб. и хлебного: ржи от 10 до 5 четвертей и овса

по 5 четвертей; б) один подьячий, с окладом 5 р., ржи 10 и овса 5 четвертей; в) 8 ястребников, с окладами от 7 до 4 р., ржи 10 и овса 5 четвертей; г) один зверовщик, с окладом 10 р., ржи 6 и овса 6 четвертей; д) 3 сторожа, с окладом 3 р., ржи 6 и овса 5 четвертей; е) один клобучечник, с окладом 5 р., ржи 9, овса 5 четвертей; ж) один мастер колокольный – без оклада. Всего на этих чинов ежегодно расходовалось 167 рублей денег, 223 четверти ржи и 141 четверть овса. Хотя количество сокольников в означенном году меньше, чем было их в 1714 году, однако заметно желание поддерживать охоту, так как в этом году впервые в течение описываемого периода времени замечаем быстрое замещение убылых охотников новыми. Так, вместо Якова Маслова, который "за старость и за дряхлость, и за очною болезнью от соколиныя службы отставлен", принят новый сокольник Михайло Федоров сын Шамаев, а вместо умершего Дмитрия Андреева "определен сын его Петр Андреев, и оклад отца его справлен ему, Петру" (Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 75, д. No 166).

Количество личного персонала царской охоты Семеновского потешного двора, а равно и расход на них остались совершенно те же и в следующем 1728 году с заменю лишь некоторых лиц новыми. (там же, оп. 75, д. No 182).

От 1727 года сохранилось весьма любопытное дело, свидетельствующее о мерах, принимавшихся по отношению кречетников, которые уклонялись от сврих обязанностей. В январе этого года послан был указ ее императорского величества в Ростовскую воеводскую канцелярию, коим повелевалось кречетника ростовского помещика Афанасия Кузьмина сына Кушникова "сыскать в городе Ростове и выслать его в

Москву в Семеновское на потешный двор за караулом, скованна, для держания птиц, для того, что оный Кушников с своею братьею кречетниками на том потешном дворе не служит и птиц не держит с 724 года и от той службы бегают и укрывается; а по имянным блаженные и вечнодостойные памяти прежних Великих Государей (указам) издревле сокольникам, кречетникам и прочим потешного двора служителям велено служить на оном потешном дворе у держанья птиц кречетов, соколов и прочих и обучать те птицы, как в том регулы состоят, а по обучении такие птицы посылаются с ними; из кречетников и из сокольников, во окрестные государства в дарех, а в иные чины оным чинам и детям их, самим собою, выходить, и никаким командирам к делам их ни к каким выбирать и писать – никому не повелено. А буде он, Кушников, от Ростовских посыльных в дому своем укроется или где будет в отлучке или у какого дела, и посланным велено взять из дому его жену или лучших людей и крестьян человек 3 или 4 и привести в Ростов на его подводах и коште и держать скованными за караулом, покамест он, Кушников, в Москве на потешный двор не явится". Не получая до апреля месяца никакого ответа от воеводской канцелярии, Преображенский приказ 13-го числа этого месяца направил в Ростов лейб-гвардии Преображенского полка солдата Кузьму Ржевитинова с приказанием взять от воеводской канцелярии "подьячего и солдат, сколько человек пристойно, и с теми людьми ехать в Ростовский уезд в вотчину помянутого кречетника Афанасия Кушникова, в дом его, где он живет, и, не доезжая дому его, взять в понятия из сторонних вотчин сколько человек пристойно, и при тех людях взять того Кушникова и, заковав и взяв за ним провожатых Ростовских

служилых людей, сколько человек пристойно, привести в Преображенский приказ и объявить его, Кушникова, скованна при своем доезде Его Сиятельству Действительному Тайному Советнику Кавалеру Князю Ивану Федоровичу Ромодановскому. А буде оный посланный солдат одного Кушникова в дому не изъездит, а он, Кушников, будет в отлучке или у какого дела, и посланному солдату велено взять из дому его жену его, Кушникова, и потому ж привести в Преображенский приказ. А буде и жена того Кушникова укроется, велено тому посланному солдату взять из дому его и из деревень его лучших людей и крестьян, человек 5 или 4, и, оковав, потому ж привести за Ростовскими провожатыми в Преображенский приказ на его, Кушникова, подводах и кошт". Однако ранее прибытия Ржевитинова в Ростов Кушников сам явился в воеводскую канцелярию и объявил там, что "в прошлом 725 году выбран он, Кушников, по указу и выданному плакату в той провинции всем шляхетством, в том числе и его братьею кречетниками на Ярославский пехотный полк с кречетником Яковым Ярцевым: он, Кушников, для сбора подушных денег в земские комиссары, а помянутый Ярцов к строению полкового штабного двора в надзиратели, и держались на полковом дворе многое число под караулом, и во оное правление не вступали и о том де в Преображенский приказ донесение от себя посылали, и по оному де посланному от себя доношению из Преображенского приказа указу о свободе своей оттого не получали, и за таким принуждением и за многодержанием на оном полковом дворе он, Кушников, во оное Правление в прошлом 726 году и вступил, и с того де году был он, Кушников, при том подушном сборе", причем собрал в 1726 году 34.578

руб. 40 коп. и за январскую треть 1727 года 7000 рублей, которые и находятся за его печатью. Полковой же двор Ярославского пехотного полка, подтверждая в общем заявление Кушникова, отозвался, что выслать последнего в Преображенский приказ "невозможно". Тем, кажется, и кончилось это дело (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 162).

От 1728 года сохранился документ, не лишенный известного интереса: это просьба кречетника Тихона Петрова: "дабы Его Императорское Величество указом, а Вашего Сиятельства (князь Ромодановский) милостивым рассмотрением повелено было меня, нижайшего, отпустить в домишко мой", ибо "в ноябре месяце в последних числах волею Божьею в нощи сгорел домишко мой весь без остатку, и оттого разорился я в конец". Петров просил отпустить его "марта до первого числа предбудущего 729 года". Петрова отпустили, но "с подкреплением, чтоб он в Преображенский приказ явился на указаной срок неотложно, а ежели он на тот срок в Преображенский приказ не явится, и за то учинено ему будет жестокое наказание, и движимое и недвижимое его имение взято будет на Его Императорское Величество". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 639).

23 "У князя много прекрасных и редких соколов, и он немало тратится на них", — пишет Бергхольц. По-видимому, он здесь впал в ошибку, приняв царскую охоту за собственность кн. Ромодановского. Этот последний едва ли тратил свои деньги на соколов, имея в полном своем распоряжении царскую охоту и к тому же так мало заботясь о ее развитии.

24 11 марта 1679 года посланы были к персидскому шаху с посланниками, стольником Степаном

Чириковым и с дьяком Иваном Казариновым, одиннадцать кречетов да сокол, и велено было "на те птицы наряд дать из Оружейного приказа, из тех нарядов, которые в тот приказ отданы с Потешного Двора" (Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 334 – 7187 года) да отпустить колокольцы из Серебряной палаты (там же, столб. 335 – 7187 года). С птицами этими было отправлено двое кречетников и трое сокольников, Иван Волошенинов и Лукьян Леонтьев с товарищами (там же, столб. 417 и 489 – 7187 года).

2 февраля 1684 года царский посол в Малороссии Одинцов поднес в Батурине гетману царское жалованье, состоящее, между прочим, из подарка двух кречетов (Соловьев, XIV, стр. 18).

В апреле 1685 года окольничий Неплюев привез, между прочим, гетману Самойловичу "в дар для потехи морского медведя" (там же, стр. 30).

В 1698 и 1709 гг. предписывалось вологодским помытчикам ловить возможно большее число птиц "для нужных посылок в Цесарию и к Шаху Персидскому, и к Салтану Турецкому и в иные государства" (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, 752, д. No 521).

25 В записках Желябужского под 1691 годом, между прочим, читаем: "В том же году был посол Персидский из Кизилбаш, от Шаха Персидского, с дарами и зверьми; а зверей с ним прислано лев да львица" (Желябужский, стр. 23).

В 1712 году в иностранную посылку, однако не знаем куда именно, были отправлены сокольники Григорий Шамаев и Дмитрий Андреев (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 15).

В 1715 году птицы были отправлены к персидскому шаху с кречетниками Даниилом Шубиным с товарищами. При отправке всем кречетникам добавили

к их годовым окладам по 4 рубля (там же, оп. 59, д. No 350).

В 1720 году в Персию приказано было отправить 10 кречетов, 5 челигов кречетых, 5 ястреба белых, 2 пары белых павлинов, 5 пар павлинов цветных, 20 пар кур индейских черных и глинистых, 2 белых медведя, 2 медведя черных, ученых, с поводиладельником, 4 соболя живых, 4 росوماхи, 4 песца, 4 бобра, 20 горностаев, 30 белок, лошадей немецких больших: кобыл 8 и жеребцов 4, 5 пар меделянских собак. Ловчих птиц и всех зверей велено было отправить с Семеновского потешного двора, а павлинов купить в Москве, "а буде купить не сыщет, то взять в неволю, заплатя за них цену, что надлежит". Означенные птицы и животные отправлялись с тогдашним астраханским губернатором, впоследствии обер-егермейстером Артемием Петровичем Волынским (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4/654).

Интересно, что заведовавший в то время царскою охотою князь Иван Федорович Ромодановский, прочитав сенатский указ об отправлении с Семеновского потешного двора сказанных птиц и животных, объявил Сенату, что "будет де он о тех птицах и зверях докладывать Царскому Величеству, а без доклада не отдаст, и оных указов не принял" (там же).

В том же 1720 году, в июле месяце казанскому губернатору Салтыкову был послан указ о ловле кречетов в низовых городах. В указе этом Петр Великий, между прочим, писал, что такие птицы высылаются из Семеновского села в окрестные государства "непрестанно" (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 23).

В 1721 году в Турцию было отправлено 12 кречетов

(там же, оп. 178, д. No 8), а в мае того же года по именному указу Петра Алексеевича повелено было "отпустить к Горскому Шахману Алдигирею, за его службу, с присланным от него Айдаром птиц 6 кречетов и за ними кречетников потребное число" (там же, оп. 39, д. No 350).

В двадцатых годах XVIII столетия лица, служившие в ведомстве царской охоты, освобождались от воинской повинности. Так, в 1727 г. колокоleshный мастер Московской птичьей охоты Иван Иванов был взят "в Канцелярию господина Чернышова под караул" для записания его в солдаты. Однако, когда Иванов заявил о месте своего служения и когда по справке оказалось, что слова его верны, – Иванова приказано было выпустить немедленно (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 130).

26 Русск. арх., 1865 г., стр. 664.

27 3 июня 1738 года повелено было прислать из Москвы в С.-Петербург несколько кречетов и прочих птиц при потребном количестве чинов царской птичьей охоты, для отправления их к римскому императору. (Рукописи Имп. ох.).

В 1740 году было отправлено к персидскому шаху 3 кречета и 2 сокола и, вероятно, турецкому султану – 14 кречетов, 7 челигов кречетых, 23 сокола, 6 ястребов и один челиг ястребий. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., т. I, стр. 360 и Рукоп. Имп. ох.).

В апреле 1745 года приказано было отправить к персидскому шаху 24 кречета, 12 челигов кречетых и 12 соколов при 24 кречетниках и одном надсмотрщике от Обер-егермейстерской канцелярии. Птицы эти были отправлены с послом, действительным тайным советником Голицыным. Кречетникам выдали в виде

подъемных денег годовые оклады; им же были заготовлены новые мундиры и епанчи из зеленого сукна, кафтаны, камзолы, шляпы с золотым позументом по бортам, охотничьи седла с уборами и перчатки лосиные на правую руку для держанья птиц. На птиц были изготовлены "хорошие" клобучки, обносцы и проч. На все эти расходы из Статс-конторы было отпущено 4000 р. (Рук. Имп. ох.).

В августе 1758 года Государственная коллегия иностранных дел уведомила Обер-егермейстерскую канцелярию, что "Турецкий де здесь находящийся посланник просит, чтоб ему пожалованы были от Двора Ее Императорского Величества два сокола, почему оная Коллегия, не излишним признавая помянутого посланника в сей его просьбе удовлетворить", просила Обер-егермейстерскую канцелярию отпустить этих соколов в С.-Петербурге, а при недостатке таковых птиц в этом городе предписать Московской обер-егермейстерской конторе выдать их в Москве обретающемуся при посланнике лейб-гвардии капитану Чечерину. Так как в С.-Петербурге соколов не было вовсе, то Обер-егермейстерская канцелярия предписала заведующему Императорскою птичьей охотой в Москве, капитану Герасиму Ларионову, передать птиц Чечерину "или кому от него по прибытии его в Москву принять приказано будет без умедления, а для того осведомиться, когда оной в Москву прибудет в самой скорости, выбрав оных (птиц) из посредственных, ибо лучшие потребны хранить для Высочайших Ее Императорского Величества увеселений". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 68, д. No 37).

Наконец, в 1762 году, в августе месяце, обер-егермейстер Нарышкин всеподданнейше

докладывал, между прочим, о том, что комиссар птичьей охоты Саватий Ларионов находился на службе с 1742 года и "неоднократно имелся со птицами в походах при посольствах в Турцию и Персию". (Рукоп. сборн. им. ук.)

28 20 ноября – 1 декабря Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "9 ноября Его Царское Величество возвратился сюда с охоты в полном здравии. Он очень высок и силен для своих лет. Вчера Государь, собрав Верховный Совет, объявил, что женится на старшей дочери князя Долгорукова, которой около 18 лет". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 110).

Герцог де Лирия писал в своих записках: "Петр II был высокого роста, красив собою и сложен хорошо; на лице его видна была задумчивость; сложение крепкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудновато сказать что-либо решительное о характере четырнадцатилетнего Государя, но можно было догадываться, что он был вспыльчив, решителен и, может быть, жесток. Он не терпел вина, т. е. не любил пить более надлежащего, и был весьма щедр, так что щедрость его походила на расточительность. Хотя с приближенными к нему он обходился ласково, однако же не забывал своего высокого сана и не вдавался слишком в короткие связи. Он быстро понимал все, но был осмотрителен; любил народ свой, но мало уважал другие. Словом, он мог бы быть со временем великим Государем, если бы удалось ему поправить недостаток воспитания, данного ему Долгорукими". (Записки Дюка де Лирия, стр. 114).

29 Петр II вступил на престол 7 мая 1727 года, 11 лет 6 месяцев и 23 дней от роду. Императрицею Екатериною I ему был назначен в воспитатели и обер-гофмаршалы

знаменитый Андрей Иванович Остерман, в помощь к которому, по указанию князя Александра Даниловича Меншикова, определили князя Алексея Григорьевича Долгорукова, наименовав последнего вторым воспитателем императора и Гофмейстером (Арсеньев, стр. 135, 21, 27).

30 В 1729 году на Семеновском потешном дворе состояло сокольников 11, ястребников 7, подьячий, клобучечник, зверовщик и сторожей 3; на содержание этих 24 человек шло в год 150 рублей денег, 200 четвертей ржи и 125 четверти овса. (Госуд. арх., разр. XIV, No 25).

В том же году в разных городах проживало 23 человека кречетников, наделенных вместо жалованья поместьями, "и те кречетники, как прежде, живут в Москве с переменою указное число по рассмотрению командирскому и обретаются в селе Измайлове" (там же).

Приводя ниже сведения о личном составе охоты Петра II, считаем нужным выразить мнение, что упомянутые выше чины птичьей охоты Семеновского потешного двора не входили в состав той царской охоты, среди которой юный царь проводил почти все дни своего пребывания в Москве, охоты, проживавшей в селе Измайловском. Семеновские охотники, кажется, никогда не потешали этого императора, а занимались лишь выноскою доставляемых на потешный двор ловчих птиц да сопровождением последних в чужие края в подарки иностранным владетелям.

В начале января месяца 1729 года собственная охота Петра II состояла из следующих лиц: 1) Егермейстера в ранге полковника, с жалованьем в 518 р. 55 коп. в год.

2) 5 егерей русских, из которых один получал 110

р., а остальные – по 90 р. в год.

3) 2 волторнистов, получавших по 90 р. в год.

4) 2 курляндских егерей, с жалованьем по 120 р. в год каждому.

5) Доезжачего, получавшего 80 р. в год.

6) 31 охотника (в том числе один княжеского титула – Степан Енкуватов), коим полагалось в год по 12 р., по 10 четвертей муки, по 1 четверти круп, по 6 пудов мяса, по пуду соли и по 2 мундира: один из сукна зеленого с подбоем стамедным, а другой из сермяжного сукна "для полевой осенней езды".

7) 7 наварщиков, каждому 6 р., 10 четвертей муки, 1 четверть круп, 6 пудов мяса, пуд соли да мундир сермяжного сукна.

8) 1 орловщика, с жалованьем 15 р., 15 четвертей муки, и четверти круп, 6 пудов мяса, и пуда соли и мундиры, как охотникам.

9) кречетника-статейщика, с жалованьем 20 р., 15 четвертей муки, 2 четвертей круп, 8 пудов мяса, 6 пудов соли, 5 четвертей овса, 5 пудов рыбы.

10) 14 кречетников, с жалованьем по 10 р., по 10 четвертей муки, по 1 четверти круп, по 6 пудов мяса, по пуду соли да мундиры те же, что 17 охотников.

11) 15 сокольников, с жалованьем как и кречетникам, только без крупы (?) и с мундирами, как у охотников.

12) 15 ястребников, с тем же жалованьем, как кречетникам.

13) Один помытчик и один сторож с жалованьем каждому по 8 р., 10 четвертей муки, 1 четверти круп, 6 пудов мяса и 1 пуда соли да мундир сермяжного сукна.

14) Одного кузнеца, которому жалованья лишь на 2 р. больше предыдущих.

15) 6 конюхов с жалованьем по 6 р., 6 четвертей

муки, 4 четверика круп, 3 пуда мяса и 1 пуду соли да по мундиру серого сукна.

16) Коновала, с жалованьем в 100 руб.

17) 2 плотников с жалованьем, как конюхам.

18) 4 человек у верблюдов, с жалованьем, как кречетникам.

19) Клобучечника и колоколечника, с жалованьем по 5 р., 10 четвертей муки, 1 четверти круп, 6 пудов мяса, 1 пуда соли.

Всего же одного егермейстера и 113 человек прочих служителей, а жалованья им в год: денежного 2559 р. 55 к., хлебного – муки 998 четвертей, круп 99 четвертей, овса 5 четвертей; мяса 590 пудов; рыбы 5 пудов; соли 107 пудов.

Кроме того, охотникам, кречетникам, сокольникам и ястребникам отпускалось 12 солдатских палаток да им же и прочим служителям в два года 91 седло "с войлоки и с крышки, что на войлоках, с уздами и со всем убором ремненным".

Впрочем, вместо седел выдавали деньгами, по 3 р. за седло, в год 273 р. (Роспись охоты Петра II; Русск. арх., 1869 г., No 10, стр. 1665–1681).

Непосредственно по вступлении на престол императора Петра II, в мае же месяце 1727 года, было предписано московскому генерал-губернатору князю Ивану Федоровичу Ромодановскому выслать из Москвы в С.-Петербург, "в самой скорости, на подводах", царскую птичью охоту. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 135).

31 В Государственном архиве сохранилась записка, подписанная Петром II, относящаяся к первым дням его царствования, о распределении времени царственного отрока. В записке этой читаем: "В понедельник по полудни, от 2 до 3 часа учиться, а

потом солдат учить; по полудни вторник и четверг с собаки в поле; по полудни в среду солдат обучать; по полудни в пятницу с птицами ездить; по полудни в субботу музыкою и танцованием; по полудни в воскресенье в летний дом и в тамошние огороды". (Соловьев, т. XVIII, стр. 110).

Сохранилось и другое "начертание учения Императора Петра II, сочиненное Верховным Тайным Советом", в котором, между прочим, читаем: вторник, от 4 до 5 часов дня "можно забавляться стрельбою в мишень", от 5 до 6 часов – "немного отдыхать", от 6 до 7 часов – "одну забаву из прежних продолжать"; среда, от 4 до 5 часов – "забавляться ловлею в острову", от 5 до 6 часов – "можно покоиться", от 6 до 7 часов – "продолжать прежнюю забаву". (Арсеньев, стр. 139).

32 С первых дней царствования Петра II "Остерман потакал его празднوليбию, склонности ко всяким развлечениям и особенно к охоте, на которую молодой Государь ездил часто в окрестности Петергофа". (Костомаров, т. II, стр. 861).

33 10–21 июня 1727 года легационный советник курфирста саксонского и короля польского Иоанн Ле-Форт доносил своему двору из С.-Петербурга: "Кажется, что страсть царя к охоте увеличивается все более. Выдумывают разные средства, чтобы отвлечь его от этого, но страсть зашла так далеко, что он не в состоянии заниматься чем-либо другим". (Сборн. Русск. истор. общ., т. III, стр. 479).

Лето этого года молодой император провел в Петергофе в сообществе со своею красавицею теткою, великою княжною Елисаветою Петровною, охотно разделявшею все любимые потехи царственного отрока. (Костомаров, т. II, стр. 861).

20 августа 1727 года император, бывший в этот день в С.-Петербурге, отправился оттуда на ночевку в Стрельну, а из Стрельны в Ропшу, с намерением вернуться из этой поездки в Петергоф лишь на пятый день. В Стрельну Петр Алексеевич прибыл в девятом часу вечера, а на другой день, позавтракав, выехал, сопровождаемый всею Императорскою охотою. Устройством этой охоты, по-видимому, распоряжался Андрей Иванович Остерман, который и сообщал об изложенном в Ораниенбаум князю Александру Даниловичу Меншикову. (Соловьев, т. XVIII, стр. 133).

Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 158.

"XVIII век", т. II, стр. 121 и др.

34 К этому времени относится охлаждение императора к князю Меншикову, который слишком уже настойчиво стремился быть полным и бесконтрольным руководителем молодого царя, лелея мысль выдать за Петра Алексеевича свою дочку.

Ослабление влияния Меншикова на императора весьма рельефно выразилось 4 сентября. В этот день князь прислал к императору с нарочным приглашение прибыть в его загородное поместье Ораниенбаум на церемонию освящения нового храма. Петр, оскорбившись, что Меншиков не приехал сам пригласить его, отказался исполнить просьбу князя под предлогом нездоровья. После освящения церкви Меншиков приехал в Петергоф; но царь оказался на охоте. "Меншиков остался в Петергофе, и на другой день, тщетно ожидавши возвращения Государя с охоты, решился ехать в Петербург. Перед отъездом своим он виделся с Остерманом и грозно укорял его за небрежный надзор за Государем и за потворственное позволение ему отлучаться на охоту на столь продолжительное время". (Арсеньев, стр. 36; то же –

Соловьев, т. XVIII, стр. 130 и Костомаров, т. II, стр. 861).

Современник события, Манштейн, прибавляет к этому, что император уехал на охоту не сам, а "его увезли" (Манштейн, стр. 6), а Ле-Форт доносил своему двору, что, узнав о приезде Меншикова в Петергоф, государь поспешно уехал на охоту, причем "сестра его (великая княжна Наталия Алексеевна) выпрыгнула за ним из окна, не желая видеть Меншикова". (Сборн. Русск. истор. общ., т. III, стр. 490).

6 сентября 1727 года император был на охоте в окрестностях Петергофа, ночевал в Стрельне и на другой день, в четверг, 7-го числа прибыл в С.-Петербург в Летний дворец. (Соловьев, т. XVIII, стр. 135).

Около 20 сентября 1727 года Ле-Форт доносил, между прочим, своему двору, что во вторник 19-го числа (старый стиль) Его Величество рано утром уже был на охоте, когда в Петергоф явился Меншиков. Последний остался в Петергофе и дал бал, "на котором Его Величество был недолго, жалуюсь на усталость после охоты..." "В среду Его Величество провел на охоте, на ночь приехал в мызу Стрельну". (Сборн. Русск. ист. общ., т. III, стр. 493).

К ноябрю месяцу 1727 года относится окончательное решение молодого царя избавиться от притязаний князя Меншикова относительно женитьбы государя на дочери бывшего временщика. Маньян писал по этому поводу, что государь категорично и гласно заявил о своем нежелании даже думать о браке (там же, т. LXXV, стр. 133). К этому же времени относится и увлечение императора своею постоянною спутницею на охоте, великой княжною Елисаветою Петровною.

35 С переездом императора в Москву он всецело подпадает под влияние сплавивших князя Меншикова в ссылку князей Долгоруких, князя Алексея Григорьевича – второго царского воспитателя, – и сына его, князя Ивана Алексеевича, который вскоре приобрел глубокую привязанность юного царя и стал его фаворитом. Главным средством, при посредстве которого князья Долгорукие приобрели огромное влияние на императора, была охота. Князь Алексей Григорьевич "созидал свое благополучие на псовых охотах". (Русск. арх., 1863 г., стр. 30). Фаворит, князь Иван Алексеевич, был, по словам Кантемира, "на ловле с младенчества воспитан с псарями". (Соловьев, т. XIX, стр. 285).

В донесении чугуевского казака Кузьмина "о разных дерзновенных, непристойных, возмутительных, изменнических и воровских делах", где обвинялись разные люди в поношении чести князей Долгоруких и самого Государя, между прочим, приводилось слышанное Кузьминым от некоторых лиц выражение: "У князя Алексея Долгорукова много собак; Долгорукие и Государя приучили к ним до того, что он сам мешает в корыте собакам". (Арсеньев, стр. 146).

"Чтобы удалить Государя от докучливых представлений Остермана и избавить его от неизбежных встреч с членами Верховного Совета и с почетнейшими царедворцами, князь Алексей Григорьевич стал часто увозить его из Москвы и, забавляя его охотою в лесных дачах подмосковных, продолжал отсутствие из столицы на несколько дней и нередко на целые недели. Петр II до такой степени пристрастился к охоте, что, бегая или разъезжая по лесу с раннего утра до позднего вечера, он часто проводил и ночи под открытым небом в раскинутых нарочно

шатрах по опушке леса; час обеда и глубокая ночь были единственным временем для его отдохновения. По окончании охотничьих разъездов император со всею свитою своею приезжал в село Горенки, принадлежавшее князю Долгорукову и служившее обыкновенным сборным местом всей охотничьей компании, которая всегда состояла только из родственников и искренних друзей Долгоруковской фамилии; в этом искреннем кругу, за роскошным и шумным обедом, веселили Государя похвалами его ловкости и искусству в стрельбе, перечисляли удачи и радовали новыми планами новых поездок; о делах государственных, о высоких обязанностях царственных не было и помина; Император, истощая физические свои силы в утомительных прогулках, не имел ни охоты, ни возможности развивать силы умственные и усовершенствовать свой разум учением и науками". (Арсеньев, стр. 102).

36 23 числа сентября же месяца тот же Ле-Форт писал: "Так как Его Величество большой любитель охоты, он мне подарил сегодня утром бедро лося, убитого им недавно в Петергофе". (Сборн. Русск. ист. общ., т. III, стр. 496).

Того же числа французский поверенный по делам при Русском дворе Маньян доносил своему министерству: "Молодой Царь, еще не видевший своей столицы Москвы, высказывает желание увидеть ее; нужно думать, что зарождающаяся в этом Государе страсть к охоте заставит его найти пребывание в Москве гораздо приятнее и удобнее для охоты, чем жизнь в Петербурге". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 84).

В начале января 1728 года император предпринял путешествие в Новгород, вероятно, с целью

поохотиться в новых местах. 11 числа этого месяца он приехал в Новгород и в тот же день выехал обратно в С.-Петербург. ("С.-Петербургские ведомости" 1728 года, NoNo 5 и 6).

16 января 1728 года его величество, "со всем Гоф-штатом", предпринял путешествие в Москву (там же, No 7).

22 февраля – 4 марта 1728 года Ле-Форт доносил из Москвы своему министерству: "Здесь было опубликовано, кто станет поговаривать о возвращении Двора в Петербург, будет бит нещадно кнутом". (Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 302).

37 В записках испанского посла при Русском дворе, герцога де Лирия, читаем: "Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а страстно любит псовую охоту. Здесь в Петербурге негде охотиться; но в Москве очень можно, почему никто не сомневается, что, переехав туда один раз, он едва ли возвратится сюда, и причины, для сего приводимые, кажутся мне не неосновательными". К тому же приближенные выхваляли императору московский климат и множество дичи в окрестностях первопрестольной столицы. (Записки де Лирия, стр. 13).

По свидетельству Нащокина, молодого императора приближенные люди почти непрерывно увозили на охоту "и тако Государя от всех удалили, что не всегда было можно его видеть, и Его Императорское Величество, со псовою охотою, того ж (1727) году осень продолжать себя изволили в С.-Петербурге в угодных местах для оной псовой охоты". (Нащокин, стр. 30).

38 17-го числа того же месяца государь прибыл в одну из вотчин князя Ивана Федоровича Ромодановского,

отстоявшую от С.-Петербурга в 40 верстах, "а понеже тамошние места натурою и разными художествами зело украшены и ко всем веселиям весьма угодны", то император, оставшись до 21-го числа, "тамо забавлялся" (там же, No 8).

Продолжая путешествие, Петр Алексеевич простудился и заболел корью, будучи поэтому принужден на две недели остановиться в Твери. (Соловьев, т. XVIII, стр. 150).

От болезни этой император благодаря крепкой своей натуре поправился довольно скоро. 3 февраля он, по-видимому, был уже совершенно здоров и, откладывая со дня на день свой торжественный въезд в Москву, "пять верст оттуда во Всесвяцком по ныне забавляться изволит". ("С.-Петербург. ведом." 1728 года, No 10).

Торжественный въезд государя в Москву состоялся 5 февраля (там же, No 12). Манштейн этот день помечает 15 февраля, то есть по старому стилю 4 февраля. (Манштейн, стр. II).

25 февраля 1728 года отпраздновано было торжество коронации императора. ("С.-Петербург. ведом." 1728 года, No 18).

39 1–12 апреля того же года герцог де Лирия писал из Москвы в Испанию маркизу Санта-Крус, что царь каждый день ездит на охоту в окрестности города ("XVIII век", т. II, стр. 63).

Около этого же времени Петр Алексеевич было заболел какою-то болезнью; но 8–19 апреля де Лирия опять пишет тому же лицу, что царь продолжает каждый день ездить на охоты (там же, стр. 64).

4–15 того же апреля Маньян доносил своему министерству: "Неделю тому назад здесь были в некотором беспокойстве относительно здоровья

молодого Царя, по причине бывшего у него приступа болезни, в котором врачи думали сначала признать симптомы оспы, что заставило очень тщательно избегать того, чтоб общество не узнало о положении этого Государя. Сегодня говорят, что это была лишь простуда, полученная Государем вследствие охоты в дурную погоду". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 175).

В тот же день де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Теперь мы пользуемся хорошей погодой... Царь все лето проведет в развлечении охотой, для каковой цели приготовили различные дачи, в которых он будет жить попеременно". ("XVIII век", т. II, стр. 66).

23 апреля 1728 года император провел на охоте (там же, стр. 70).

В дневнике малороссийского генерального подскарбия Марковича под 25-м числом того же апреля месяца читаем: "Его Величество изволил поехать в околичные места с охотою". (Маркович, т. I, стр. 277).

В конце того же апреля месяца император охотился где-то в окрестностях Москвы, в расстоянии 12 миль от города. Об этой охоте герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Принцесса Елисавета сопровождает Царя в его охоте, оставивши здесь всех своих иностранных слуг и взявши с собою только одну Русскую даму и двух Русских служанок". ("XVIII век", т. II, стр. 70).

29 апреля 1728 года в "С.-Петербургские ведомости" сообщалось из Москвы: "Его Императорское Величество тридцать верст оттуда на ловлях забавляться изволит, откуда Его Величество вскоре паки назад в Москву ожидается". ("С.-Петерб. ведом." 1728 года, No 37).

40 Собаки выписывались, между прочим, и из Курляндии. Так, в 1728 году тогдашняя герцогиня

Курляндская Анна Иоанновна писала из Митавы к любимой сестре императора великой княжне Наталии Алексеевне: "Доношу Вашему Высочеству, что несколько собак сыскано как для Его Величества, так и для Вашего Высочества, а прежде августа послать невозможно: охотники сказывают, что испортить можно, ежели в нынешнее время послать. И прошу Ваше Высочество донести Государю братцу о собаках, что сысканы, и еще буду стараться". (Соловьев, т. XIII, стр. 161).

18–29 ноября того же года Ле-Форт доносил своему двору: "В прошлую среду Остерман должен был сопровождать Царя на охоту..." "Сегодня пополудни Царю захотелось верхом поохотиться за волком, посаженным в саду. Волк не умел отличить любимой царской собаки, схватил ее за уши и так потряс, что Царь хотел спрыгнуть с лошади и спасти свою собаку; но его удержали". (Сборн. Русск. истор. общ., т. III, стр. 509).

15 марта 1728 года Ле-Форт доносил своему государю: "Князь Василий Долгорукий сказал, что Царю так много хвалили охоту Вашего Королевского Величества, что Царь, как сам дал заметить, был бы очень доволен получить в подарок от Вашего Величества несколько гончих собак и хотя одного, другого хорошего охотника. Я обещал им об этом доложить Вашему Величеству" (там же, стр. 304).

41 Под 14–25 октября того же года читаем в записках герцога де Лирия: "Я представил Царю двух борзых собак, коих нарочно выписал из Англии, и Его Величество был так доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность. В тот же день он поехал опять за город, сказав, что воротится не прежде, как выпадет первый снег. (Записки Дюка де Лирия, стр.

42).

42 В начале 1728 года герцог де Лирия писал в Испанию: "Января 12 (новый стиль; разница со старым в то время 11 дней), в новый год по старому стилю, я поднес Царю очень хорошее ружье, работы Диега Искюбеля, которое ему очень понравилось, и когда я приехал во дворец с поздравлением, то он приказал мне остаться обедать с ним: милость, каковой он не оказывал ни одному иностранному послу". (Записки де Лирия, стр. 20).

1–12 марта герцог де Лирия писал из Москвы в Испанию маркизу Санта-Крус, что в этот день император Петр II прислал ему застреленных кабана и оленя. По оленю прислал государь также всем иностранным министрам, исключая шведского. ("XVIII век", т. II, стр. 56).

43 О первом времени пребывания Петра Алексеевича в Москве находим следующее свидетельство историка его царствования: "Государь являлся повсюду, и повсюду встречаем был со изъявлениями необыкновенных искренних восторгов; красивая наружность, величественный стан, здоровое телосложение и умная физиогномия Императора радовали Русских и казались им верными залогами продолжительного и прочного счастья России". (Арсеньев, стр. 100).

44 11 марта 1728 года император, живший до того времени в Кремле, переехал вместе со своею любимую сестрою, великою княжною Наталией Алексеевной, в Лефортово. ("С.-Петерб. ведом.", No 22 – 1728 года).

Одною из причин подобного переселения было сильно расстроившееся к тому времени здоровье великой княжны Наталии Алексеевны. По

свидетельству Иоанна Ле-Форта, обнаружившиеся тогда у сестры императора признаки чахотки были не что иное, как "плод нездорового помещения в Кремле и прогулок, которые она принуждена была предпринимать для доставления удовольствия своему брату". (Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 310).

45 2 мая 1728 года в "С.-Петербургские ведомости" писали из Москвы: "Изволит Его Императорское Величество, Всемилоостивейший наш Государь, на ловлях девяносто верст от Москвы забавляться". ("С.-Петерб. ведом." 1728 года, No 38).

Под 6 мая того же года читаем в Дневнике Марковича: "Его Величество изволил назад повернуться с охоты своей в Москву". (Маркович, т. I, стр. 278).

Вероятно, в этот день император приехал в Москву на весьма непродолжительное время, не оповестив даже о своем возвращении, и снова уехал на охоту. По крайней мере в тот же день, 6 – 17 мая, Герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь еще не возвращался с охоты", а 13 – 24 мая: "Этот Монарх еще не возвратился с охоты, так что Герцогиня Курляндская (будущая императрица Анна Иоанновна), устав ждать его, чтобы проститься с ним, три дня тому назад сама отправилась искать его, чтобы последний раз поцеловать Его Величество и тотчас же возвратиться в свою резиденцию, в Митаву". ("XVIII век", ч. II, стр. 72).

20–31 мая герцог де Лирия писал тому же лицу: "Царь воротился с охоты дня на два и после завтра уезжает опять" (там же, стр. 74).

В письме того же лица от 27 мая – 7 июня читаем: "Получено донесение о смерти Герцогини Голштинской, принцессы красивейшей в Европе. Но

это отнюдь не заставило Царя отложить поездку на охоту в окрестности, хотя и без принцессы Елисаветы, которая осталась в городе по случаю траура по сестре" (там же, стр. 80).

3–14 июня герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь еще не возвратился с охоты, но надеются, что воротится на этой неделе" (там же, стр. 81).

9 июня 1728 года герцог де Лирия получил приглашение приехать к императору по месту его нахождения в подмосковные места. "Я очень был доволен сим знаком милости, – пишет испанский посол, – потому что никому не давалось позволения видеть Его Величество, когда он занимался охотою с избранным обществом". (Записки Дюка де Лирия, стр. 35).

10–21 июня 1728 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Этот Монарх еще не возвратился в город, но надеюсь, что возвратится на этих днях". ("XVIII век", ч. II, стр. 83).

Под 16-м числом того же июня месяца читаем в Дневнике Марковича: "Его Величество приехал с охоты в Москву и кушал у посла Гишпанского". (Маркович, т. I, стр. 282).

В этот день испанский посол герцог де Лирия устроил праздник по случаю двойного бракосочетания: испанского наследного принца с португальской инфантой и испанской инфанты с принцем бразильским. На празднике этом, кроме императора, присутствовали великие княжны Наталия Алексеевна и Елисавета Петровна, а также герцогиня Меклембургская ("XVIII век", ч. II, стр. 8.).

О препровождении времени императора во вторую половину июня и в течение июля месяцев 1728 года мы

знаем немного: 9 июля был устроен фейерверк у дворца монаршего (Маркович, т. I, стр. 283), а 1 июля царь возвратился в Москву с охоты по случаю рождения своей сестры (великая княжна Наталия Алексеевна родилась 12 июля 1714 года). (Записки Дюка де Лирия, стр. 36).

30 июля император ездил в Новодевичий монастырь поздравить с днем рождения царицу Евдокию Феодоровну. (Маркович, т. I, стр. 290).

5–16 августа 1728 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Чтобы ослабить в Царе необузданную страсть, которую он имеет к охоте, и в то же время дать ему некоторое понятие о том, что такое войско, думают устроить маневры в окрестностях города, впрочем, этого еще не решили. ("XVIII век", ч. II, стр. 103).

7-го того же августа состоявший при английском консульстве Клавдий Рондо писал на родину, в Англию, неизвестному лицу: "Теперь в большом почете Царевна Елисавета Петровна, сестра покойной Герцогини Голштинской. Она очень красива и, кажется, любит все, что Государю по нраву: танцы и охоту. Охота — господствующая страсть Царя"; "о некоторых других страстях его упоминать неудобно". Пока Елисавета Петровна, по-видимому, в государственные дела не мешается, вполне отдаваясь веселию, всюду неотлучно следуя за молодым государем. Но особенно расположением государя в настоящее время пользуется князь Долгорукий, молодой человек лет двадцати. С ним государь проводит дни и ночи, он единственный участник всех очень частых, разгульных походов императора. (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 4).

12–25 августа 1728 года герцог де Лирия писал

маркизу Санта-Крус: "Завтра Царь приедет с охоты в эту столицу", а 19–30 августа: "Царь все еще на охоте". ("XVIII век", ч. II, стр. 103 и 105).

27 того же августа император отправился на охоту за город, причем ходили слухи, что вернется он в Москву не ранее как через пять недель. (Записки Дюка де Лирия, стр. 40).

2 сентября 1728 года герцог де Лирия имел разговор с фаворитом, князем Иваном Алексеевичем Долгоруким, о том, когда можно ожидать возвращения государя в С.-Петербург. Фаворит сказал испанскому послу, "что уже два раза говорил об этом с Его Царским Величеством, что он надеется, что зимою мы возвратимся туда, и что до того времени он не надеется устроить этого, потому что пока еще можно охотиться здесь, нельзя сильно настаивать на этом; но как скоро охотиться будет нельзя, он сделает все возможное, чтобы отправиться туда с первым же снегом". ("XVIII век", ч. II, стр. 107).

Того же числа герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Через несколько дней Царь отправится в ближайшие местности на охоту недель на шесть и не возвратится сюда, пока не заставит его сделать это дурная погода и недостаток дичи" (там же, стр. 108).

7 сентября 1728 года Маркович отметил в своем Дневнике: "Его Величество поехал на охоту" (Маркович, т. I, стр. 293), а 9–20 сентября герцог де Лирия писал: "Третьего дня Царь уехал на охоту и не возвратится до 21 (10) октября, чтобы 23 (12) октября праздновать день своего рождения". ("XVIII век", ч. II, стр. 109).

11 сентября 1728 года Клавдий Рондо писал в Англию к лорду Таунсенду из С.-Петербурга: "Ходят слухи, будто Его Величество вскоре отправится на

охоту к Смоленску и пробудет там месяца два"; а 19 сентября: "Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а сановники о том, как бы сгубить один другого". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 14 и 19).

19 же сентября в "С.-Петербургские ведомости" писали из Москвы, что император проводит время вне города, "увеселяя себя последним приятным осенним воздухом". ("С.-Петерб. ведом." 1728 года, No 77).

23 сентября того же года Маньян доносил французскому министерству иностранных дел: "Холодность Царя к Принцессе Елисавете растет со дня на день. Этот Государь не пожелал, чтобы она отправилась с ним в село Измайлово, несмотря на ее сильные просьбы". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 241).

30 сентября – 11 октября 1728 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Я только что получил известие, что Царь возвратится в город дня через три или четыре". ("XVIII век", ч. II, стр. 113).

6 октября Маркович пометил в своем Дневнике, что Император "недавно с охоты приехал". (Маркович, т. I, стр. 295).

7–18 октября 1728 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь, впрочем, опять уедет скоро в деревню и воротится для празднования дня своего рождения 23 (12) октября". ("XVIII век", ч. II, стр. 114).

46 21 октября – 1 ноября того же года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Этот Государь еще не воротился с охоты и, говорят, не возвратится, пока погода не помешает совершенно этому развлечению". ("XVIII век", ч. II, стр. 117).

28 октября – 8 ноября тот же корреспондент писал тому же лицу: "Надеемся, что Царь скоро вернется в

город, к этому, верно, его побудит наступившая дурная погода; вот уже три дня идет снег и морозит, хотя и не особенно сильно; не сомневаюсь, что он приедет по крайней мере в воскресенье, потому что в понедельник граф Вратиславский (цезарский посол) думает дать свой праздник в честь Императора" (там же, стр. 18).

Праздник, задуманный графом Вратиславским, был, однако, отложен, потому что к этому дню император с охоты еще не вернулся (там же, стр. 119).

47 4–15 ноября 1728 года герцог де Лирия снова писал маркизу Санта-Крус: "О возвращении в С.-Петербург не говорят; сам Монарх ни о чем более не думает, как об охоте" (там же, стр. 120).

Около того же времени Клавдий Рондо писал к лорду Таунсенду: "Меня уверяли, что будто любимец Царский, молодой князь Долгорукий, впал в немилость, и Государь уже несколько дней не допускает его к себе. Рассказывают, будто Царевна Наталия Алексеевна, страдающая чахоткой, нашла, с помощью барона Остермана, возможность удалить этого молодого человека. Царевна в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия, которых следует ожидать и для него самого, и для народа Русского, если он и впредь будет следовать советам молодого Долгорукова, поддерживающего и затевающего всякого рода разврат. Она прибавила, что и больна от горя, которое испытывает, видя, как Его Величество, пренебрегая делом, отдается разгулу". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 25).

14–25 ноября того же года Ле-Форт доносил своему двору: "Царь только и участвует в разговорах о собаках, лошадях, охоте; слушает всякий вздор, хочет жить в сельском уединении; о чем-нибудь другом и знать не хочет" (там же, т. V, стр. 316).

22 ноября 1728 года, в 8 часов пополудни, любимая сестра императора Петра II, великая княжна Наталия Алексеевна скончалась. ("С.-Петерб. ведом." 1728 года, No 96, и Маркович, стр. 299).

Вскоре после смерти великой княжны Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Царевна Наталия Алексеевна, сильный недруг князя Долгорукова, скончавшаяся 22 (ст. ст.) ноября, чувствуя себя очень плохо, просила брата расстаться с своим любимцем, и, желая утешить умирающую, Государь обещал исполнить ее желание; но со смертью Царевны он изменил слову и князь теперь в милости больше, чем когда-нибудь". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 28).

24 ноября император снова переехал из Немецкой слободы, из Лефортовского дворца, в Кремль. (Маркович, ч. I, стр. 300).

48 О времяпрепровождении императора Петра Алексеевича в течение декабря месяца 1728 года сведений мы не нашли.

3 января 1729 года Петр Алексеевич, живший в последнее перед этим числом время в Лефортовском дворце, переехал на жительство в Измайловский дворец. Во время пребывания императора в Измайлове туда постоянно требовалось крепкое венгерское вино. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

5 января император провел в селе Семеновском на потешном дворе (там же).

С 8-го по 19-е числа того же месяца Петр Алексеевич проживал попеременно то в Измайловском дворце, то в Лефортове, посещая в то же время весьма часто Семеновский потешный двор (там же).

19 января император присутствовал при выносе тела великой княжны Наталии Алексеевны (там же).

"По совершении печальной церемонии погребения Великой Княжны, Император начал, для рассеяния грусти своей, уезжать каждодневно из Москвы и, в сообществе князя Алексея Долгорукова и дежурного камергера, проводил остальное время зимы в селе Измайлове в детских забавах или совершенной праздности. Жители Москвы могли видеть Государя ежедневно только тогда, когда он, окутанный в шубу, выходил из теремов царских и, сев в сани, мчался в обычный свой путь". (Арсеньев, стр. 105).

"Любившие отечество, – свидетельствует герцог де Лирия, – приходили в отчаяние, видя, что Государь каждый день, поутру, едва одевшись, садится в сани и отправляется в Подмосковную с князем Алексеем Долгоруким, отцом фаворита, и дежурным камергером, и остается там целый день, забавляясь как ребенок и не занимаясь ничем, что нужно знать Великому Государю". (Записки Дюка де Лирия, стр. 55).

23 января император Петр Алексеевич был в Измайлове, 25-го числа – в Хотунской волости, вероятно, на охоте; 28-го числа – в Измайлове; 30-го числа – в Лефортове. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

К январю же месяцу 1729 года относится свидетельство герцога де Лирия о том, что когда враждебная князьям Долгоруким партия искала возможности настоять на возвращении императора в С.-Петербург, то отец фаворита, князь Алексей Долгорукий, "уговорил его ехать на охоту на несколько недель за пятьдесят верст от Москвы, в той уверенности, что при возвращении в Москву начнется уже оттепель и дорога испортится так, что поездку должно будет отложить до будущей зимы; ибо он очень хорошо знал, что Царь не выедет из Москвы летом, по

причине множества дичи в окрестностях сего города, чего нет в Петербурге". (Записки Дюка де Лирия, стр. 50).

49 Письмо герцога де Лирия маркизу Санто-Крус. 3–14 февраля 1729 г. ("XVIII век", ч. II, стр. 156).

50 12 февраля 1729 года император был в селе Измайлове; 28-го числа этого месяца в селе Коломенском. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

5–14 марта 1729 года герцог де Лирия писал в Испанию: "Третьего дня Царь уехал за пятнадцать миль от города на охоту, где пробудет недели четыре; он взял с собою только людей, необходимых для его службы, и оставил здесь все министерство". ("XVIII век". т. II, стр. 161; то же "С.-Петербур. вед." 1729 года, No 19).

6 марта "приехали к Царю во время его охоты" обе дочери князя Алексея Долгорукого. (Записки Дюка де Лирия, стр. 61).

В тот же день Маньян доносил французскому министерству иностранных дел: "Несмотря на усилия, употреблявшиеся некоторыми из Царских министров с целью воспрепятствования задуманной здешним Государем поездки, он уехал в прошлую субботу и вернется сюда лишь под конец поста, намереваясь объехать, охотясь, родовые земли Долгоруких, что, по мнению многих, все более и более доказывает преобладающее значение этого рода, тем более что Царский воспитатель и сын его почти одни сопровождают Государя в этом путешествии". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 324).

51 В конце того же месяца император забавлялся охотою у села Чашникова, где проживал тогда

Александр Львович Нарышкин, большой враг всей семьи князей Долгоруких. Когда Нарышкину доложили, что у его села охотится император в сообществе с князьями Долгорукими, он отказался выйти навстречу царю, за что и был сослан в дальние свои деревни. (Арсеньев, стр. 109).

52 "У Императора, – писал современник, адъютант фельдмаршала Миниха, Манштейн, – была страсть к охоте, но Алексей Долгорукий, отец любимца, вместо того, чтобы позволять ему предаваться ей умеренно, напротив, заставлял его по целому дню, а иногда и по несколько дней сряду рыскать по полям, отчего молодой Государь сильно уставал и разгорячался". (Манштейн, стр. 11).

"Князь Алексей Григорьевич Долгорукий созидал свое благополучие на псовых охотах. Охоты эти, несмотря на тогдашнюю бездорожицу, производились за сотни верст от Москвы. Покойный А. С. Хомяков рассказывал, по преданию, что Петр II охотился даже в Чернском уезде, и городу Черни дана была похвальная грамота, в которой упоминалось о водившихся там русаках. Верно ли это предание – не знаем; но, живя зимою 1729 года довольно долгое время в Туле, Петр II действительно мог охотиться в Чернском уезде". (Русск. арх. 1863 года, стр. 30).

По восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны в числе обвинений назначенного по высочайшему повелению суда над Долгорукими указывалось, между прочим, на то обстоятельство, "что они отклоняли покойного императора от изучения полезных для него наук и обогащения себя сведениями, необходимыми для управления, что они расстроили его здоровье частыми поездками на охоту и тем были причиной его преждевременной кончины" (Манштейн,

стр. 27).

53 8 марта императору в поход отправили три дюжины шампанского вина, которое было привезено для этого в Москву из С.-Петербурга. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

10 марта 1729 года Маньян доносил французскому министерству: "Предполагают, что Царь уедет на медвежью охоту верст за шестьдесят-восемьдесят от этой столицы". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 323).

Около этого времени велено было крестьянам Переяславского уезда, Ивану Иванову и Авдею и Максиму Игнатьевым, "к охоте Его Императорского Величества обыскивать медведей и других зверей". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

17–28 марта герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Через камергеров, которые меняются при Царе каждую неделю, мы знаем, что Царь здоров, но ведет беспокойную жизнь на охоте, на которую выезжает каждый день, не обращая внимания на погоду, которая еще довольно сурова". ("XVIII век", ч. II, стр. 166).

54 С 15 по 20 марта 1729 года император пробыл в Хотунской волости. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

24 марта – 4 апреля герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь сейчас воротился в Москву; его ждали было позже, но он поспешил будто бы потому, что могли испортиться дороги". ("XVIII век", ч. II, стр. 167).

25 марта император был в Семеновском на потешном дворе, а 27 числа того же месяца в селе Измайлове. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

27 марта – 7 апреля Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Его Величество 24 марта прибыл в Москву из поместья князя Долгорукого, расположенного отсюда приблизительно в пятидесяти английских милях". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 40).

В Москве Петр Алексеевич остановился в Кремлевском дворце. ("С.-Петерб. вед." 1729 года, No 27).

30 марта император переехал в Лефортово, где и провел Пасху. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

55 7–18 апреля 1729 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Вчера Царь слег в постель по причине лихорадки; ныне он чувствует себя лучше, и думают, на следующей неделе обычным образом он выедет на охоту" ("XVIII век", ч. II, стр. 167).

11 апреля Иоанн Ле-Форт доносил своему двору: "Бог знает, что он (Император Петр II) любит; он становится ко всему апатичен, исключая охоты". (Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 524).

18 апреля Петр Алексеевич был в селе Измайлове; 23 апреля – в селе Воскресенском; с 24-го по 30-е число того же месяца проводил время в селе Коломенском и его окрестностях. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

21 апреля – 2 мая Маньян доносил французскому министерству иностранных дел: "Чтобы именно удержать в своей власти свое прежнее значение, лица из рода Долгоруких, овладевшие особой молодого Монарха, держат его вдали от столицы, поддерживая в нем страсть к охоте, и, как говорят, Царь отправится теперь в Ростов, за двести верст отсюда, чтобы доставить себе любимое развлечение, и пробудет там

до конца июня". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 539).

24 апреля – 5 мая 1729 года датский посланник Вестфаль доносил своему королю: "Юный Государь совершенно оправился от своей последней болезни" (там же, т. XLVI, стр. 70).

25 апреля – 6 мая герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Его Царское Величество отправился на охоту в окрестности и не возвратится в город в продолжение трех недель" ("XVIII век", ч. II, стр. 174), а 28 апреля – 9 мая: "Царь находится в двух милях отсюда и, полагают, что воротится в город через три дня. Впрочем, в городе не останется долго, а отправится на охоту в другие места" (там же, стр. 176.).

Того же 28 апреля – 9 мая Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Царь выехал отсюда прошлую пятницу в небольшое, ему лично принадлежащее, село Коломенское, расположенное в пяти милях от Москвы; завтра же предполагал проследовать дальше, в Ростов, Ярославль и Вологду. Думают, что он не возвратится до конца июня. Единственная цель этой поездки – охота. Его Величеству сопутствуют очень немногие лица и притом никто из министров; за то с ним едет его любимец – Долгорукий, который состоит при нем как бы главным образом для развлечения". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 43).

Того же 28 апреля – 9 мая 1729 года Маньян доносил своему министерству, что в прошлую среду в Немецкой слободе, на окраине Москвы, вспыхнул громадный пожар, привлекий туда значительное число гвардейских солдат, которые, однако, мало думали о том, чтобы тушить огонь, а занялись самым грубым и варварским грабежом. "Царь, находившийся в то время в нескольких верстах отсюда, заметив огонь,

приехал вскачь". Его присутствие и личные распоряжения во многом способствовали прекращению грабежа. (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 324).

2 мая 1729 года Петр Алексеевич предпринял охотничий поход к селу Качалову; 4 мая – к селу Волынскому; 6 мая возвратился в Лефортовский дворец, а 10 мая так же, как и 13-го числа того же месяца, ездил на охоту в окрестности Москвы через Киржацкий монастырь. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

12–23 мая того же года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Шесть дней тому назад Царь возвратился в город с охоты. Завтра Царь направляется опять на охоту к городу Ростову и не возвратится в столицу до дня св. Петра". ("XVIII век", ч. II, стр. 178). 19–30-го числа того же месяца тот же корреспондент писал: "Шесть дней тому назад Царь уехал на охоту. С ним поехали по прежнему жена и дочери князя Алексея Долгорукого. Все министры Верховного Совета и других трибуналов воспользовались отсутствием Его Царского Величества и отправились отдыхать на свои дачи". (Там же).

Около 20 мая того же года в "С.-Петербургские ведомости" сообщалось, что император отправился от Москвы к Ярославлю за 150 верст. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 42).

25 мая – 6 июня герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Ждали, что Царь воротится в столнцу к Троице, но он не приехал, несмотря на ужасные дожди и холод, испытываемый нами, который министров даже заставил бросить свои дачи". ("XVIII век", ч. II, стр. 180).

С 24 по 31 число мая месяца император Петр II

провел в окрестностях села Климентова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, Д. No 162).

30 мая – 10 июня Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Царь отправился на охоту к Ярославлю, по Архангельской дороге, где пробудет недель пять-шесть". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 50).

4 июня 1729 года император был в Троицком монастыре, откуда отправился в Александровскую слободу. В этой слободе Петра Алексеевича встречала августейшая хозяйка вотчины, великая княжна Елисавета Петровна. 10 июня император был в селе Братовщине, откуда в тот же день прибыл в Лефортовский дворец. 11 числа того же месяца царь был в Измайлове. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162 и "С.-Петербургск. ведом.", No 48).

56 16–27 июня герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь возвратился в город 25-го (12) числа не по иной причине, как потому, что довольно поднявшиеся хлеба не дозволяют больше охотиться". ("XVIII век", ч. II, стр. 182).

26 июня – 7 июля Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Царь прибыл сюда 22 (11) июня, то есть гораздо раньше, чем предполагал, вероятно, с целью быть в Москве к приезду Турецкого посла, которого ожидают со дня на день..." "Царь со времени своего возвращения из Ростова до того восхищен загородною жизнью, что теперь все время проводит в лагере, расположенном в милях трех или четырех отсюда". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 53 и 54).

29 июня, день своих именин, император провел в Москве, в Кремлевском дворце. (Записки Дюка де Лирия, стр. 62).

1 июля 1729 года Петр Алексеевич был в селе

Коломенском, 3 июля в Слободском дворце и время с 7-го по 31-е число того же месяца проводил в селе Коломенском, часто выезжая на охоту в окрестности. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

5–16 июля английский консул Чард писал лорду Таунсгенду: "Вблизи Государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие необходимые сведения по государственному управлению; ни малейшая доля его досугов не посвящается совершенствованию в познаниях гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные от верховой езды, охоты, развлечений, проходят в слушании пустых рассказов, что случилось с таким-то и таким-то. Природа, правда, его не обидела, но и лучшая почва останется бесплодною, если к ее обработке не приложить хотя некоторого труда". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 56).

7–18 июля того же года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь вчера уехал на охоту за две мили от города и, говорят, скоро воротится". ("XVIII век", ч. II, стр. 190).

"С.-Петербургские ведомости" сообщали, что император отправился 8 июля 1729 года "для увеселения в монастырь св. Ерусалима", откуда не возвратился в Москву еще и 17-го числа того же месяца. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 59).

21 июля – 1 августа герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Здесь Государь все развлекается охотой. Прошлые дни на охоту с Царем был приглашен граф Вратиславский, третьего дня он отправился туда с посланником Бланкенбурга, и воротились они вчера вечером". ("XVIII век", ч. II, стр. 190).

24 июля – 4 августа Маньян доносил французскому министерству иностранных дел, что граф Вратислав

уже давно и сильно стремился попасть на охоту к императору. "Этот Министр, наконец, добился разрешения сопутствовать Царю, но не мог извлечь из этой поездки того, на что надеялся, то есть беседы с Царем наедине, потому что этот Государь не пожелал говорить с ним иначе, как в присутствии своих фаворитов и притом на русском языке". (Сборн. Русск. истор. общ., т. LXXV, стр. 364).

28 июля – 8 августа герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь все наслаждается охотою, несмотря на непостояннейшее время, которое длится вот уже семь недель. Не проходит дня, чтобы не было бури с громом и молниею". ("XVIII век", ч. II, стр. 191).

2 августа 1729 года император был в селе Гренки (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162), а 4-го числа того же месяца отправился в Коломну. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 64).

В этот же день, 4–15 августа, герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Три дня тому назад граф Вратиславский и посланник Бланкенбурга опять были приглашены на дачу, где находится Царь. Наслаждаясь целый день охотою, уже ночью они возвратились в город". ("XVIII век", ч. II, стр. 192).

6 августа Петр Алексеевич был в селе Волынском, а 8-го числа того же месяца в селе Коломенском. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

11–22 августа герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Царь все еще наслаждается охотою, и говорят, что в конце месяца он поедет для этого за четыреста верст от этого города". ("XVIII век", ч. II, стр. 192).

16 августа император был в селе Волынском, 18 августа в селе Хотуне, 22 августа в селе Измайлове, с 23 по 31 августа в селе Коломенском и его окрестностях

(Общ. Арх. Мив. Двора, оп. 42, д. No 162), откуда 30 августа приезжал в Москву на кавалерский праздник ордена св. Александра Невского и где провел лишь часть дня, отправившись к вечеру на охоту; 1 сентября он был снова на охоте со всеми князьями Долгорукими (Записки Дюка де Лирия, стр. 63); 3-го же сентября был в Хотуне. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

57 8–19 сентября Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Его Царское Величество находится в вожделенном здравии. 7 сентября он выехал в Хотимск (Хотьков), место, лежащее приблизительно в восьмидесяти милях отсюда по Украинской дороге. Там он думает охотиться до 12 октября. (Сборн. Русск. истор. общ., т. XVI, стр. 95).

8 же сентября в "С.-Петербургские ведомости" сообщалось, что Его Величество отправился в "Каттуну", за 90 верст от Москвы. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 73).

Того же 8–19 сентября герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Третьего дня Царь отправился на охоту в "Sathuna" (?), за двадцать миль отсюда и проживет там до 23 (12) октября, дня своего рождения, по крайней мере если снег не заставит его возвратиться скорее. ("XVIII век", ч. II, стр. 194).

На эту охоту с Петром Алексеевичем выехало только семейство князей Долгоруких и дежурный камергер (Арсеньев, ст. 112), и в эту же поездку, продолжавшуюся до 9 ноября, император изъявил свое согласие вступить в брак с дочерью князя Алексея Долгорукого, княжною Екатериною Алексеевною (там же, стр. 113).

С 12 по 17 сентября 1729 года Петр Алексеевич пробыл в селе Хотуне, а 25-го числа того же месяца

был в Серпухове. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

Во время этого отъезжего поля императора сопровождал в качестве дежурного камергера князь Семен Дмитриевич Голицын, бывший до сентября 1727 года посланником в Испании. Князь Голицын сразу заслужил полное к себе доверие государя, но сближение это сильно пришлось не по вкусу князьям Долгоруким, которые, приложив к тому все свои старания, добились отправления князя Голицына в сентябре же месяце 1729 года послом нашим в Берлин. (Арсеньев, стр. 130).

58 1 октября 1729 года император был в Скопине, 2 октября в селе Лимонове Александровского уезда, 8-го и 9-го чисел того же месяца совершал поход к городу Туле. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

6–17 октября Ле-Форт доносил своему двору: "Теперь Его Величество находится за 180 верст отсюда на охоте за куропатками. Думают, что он отправился бы далее, если бы время благоприятствовало охоте; потому сомневаются будет ли он здесь на 23 (12) число, день его рождения". (Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 330).

9 октября сообщалось из Москвы в "С.-Петербургские ведомости", что его величество находится за двести верст от Москвы, вблизи города Тулы. ("С.-Петербургские ведомости" 1729 года, No 80).

15–24 октября герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус, что император не вернулся в Москву ко дню своего рождения и что причину подобного обстоятельства он, герцог, видит в том, что князь Алексей Долгорукий ревнует его ко всем и стремится во что бы то ни стало женить государя на одной из

своих дочерей, для чего "таскает последних на все охотничьи экскурсии". ("XVIII век", ч. II, стр. 197 и 198).

В тот же день, 13–24 октября, Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Его Величество до того увлекается охотою, что находится теперь в 135 милях от Москвы и не приехал сюда ко дню своего рождения, хотя его и ожидали. Это дало повод слуху", будто князя Долгорукие устраивают брак царя на княжне Екатерине Алексеевне. (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 102).

16–27 октября Ле-Форт доносил своему двору: "С тех пор, как Его Величество уехал отсюда, считают, что затравлено 4000 зайцев, 50 лисиц, 5 рысей, 3 медведя и множество дичи. Его свора состоит из 200 гончих собак и 420 борзых. Не думают, чтобы этот Монарх скоро возвратился в столицу" (там же, т. V, стр. 331).

17–28 ноября Ле-Форт доносил своему двору: "Во время охоты Царь два раза подвергался опасности, угрожавшей жизни; однажды огромный медведь так близко подошел к нему, что, не случись бы тут охотника, выстрелившего по нем, он бы бросился на Царя". (Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 355).

59 24 октября император был у города Коломны (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162), а из Коломны должен был направиться к Москве. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 89).

27 октября – 7 ноября герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Ждут возвращения Царя на следующей неделе; к чему его побудит начавшееся дурное время: вот уже четвертый день идет снег". ("XVIII век", ч. II, стр. 198).

28 октября император был в Зарайске, 30 октября в селе Коломенском, 7 ноября в селе Гуслицах. (Общ.

Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

9 ноября 1729 года государь Петр Алексеевич, окончив свой продолжительный охотничий поход, вернулся в Москву. ("С.-Петербургск. ведом." 1729 года, No 94 Сборн. Русск. истор. общ., т. V, стр. 332).

60 10–21 ноября герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Вчера Царь возвратился с охоты" ("XVIII век", ч. II, стр. 199).

20 ноября император был в Головинском дворце, откуда скоро переехал во дворец слободской, где и жил в течение декабря месяца, уезжая по временам в ближайшие окрестности Москвы. Так, 3 декабря он был в селе Измайлове. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. No 162).

30 ноября было отпраздновано обручение царя с княжною Екатериною Алексеевной Долгорукой. Со дня обручения высоконаренченные были неразлучны, проводя время постоянно вместе или в Лефортовском (слободском) дворце, где жил император, или в Головинском дворце, где жил князь Алексей Долгорукий с дочерью. Это сближение молодого царя с невестою происходило, по-видимому, совершенно без участия в ловкой интриге куртизана-отца самой высоконаренченной невесты, питавшей в это время нежные чувства к одному из кавалеров цезарского посольства, к графу Милезимо. (Арсеньев, стр. 128 – 130).

61 Во второй половине декабря 1729 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "28 (17) декабря был день рождения принцессы Елизаветы, и хотя Ее Высочество приглашала Царя провести этот день в ее доме и обедать у нее, Его Царское Величество утром этого дня уехал на медведей и возвратился в город

только на следующий день". ("XVIII век", ч. II, стр. 206).

29 декабря – 9 января Клавдий Рондо писал лорду Таунсенду: "Его Царское Величество, пользуясь прекрасным здоровьем, почти ежедневно развлекается охотою". (Сборн. Русск. истор. общ., т. XLVI, стр. 117).

5–16 января 1730 года герцог де Лирия писал маркизу Санта-Крус: "Здесь Государь здоров, и три дня тому назад он отправился за 15 миль от города на охоту, с которой возвратился нынешнею ночью". ("XVIII век", ч. II, стр. 210).

62 6 января 1730 года, в день Богоявления Господня, император, "стоя на запятках саней невесты своей, выехал большим поездом на водосвятие". На дворе стоял жестокий мороз, несмотря на который государь Петр Алексеевич простоял все время церковной службы на Иордани с непокрытой головой, отчего и подвергнулся чрезвычайно сильной простуде. 17 января врачи констатировали у императора натуральную оспу. Вскоре болезнь облегчилась, оспа стала высыпать наружу, и дело было пошло на выздоровление, но "от неразумения врачей, частью от его собственной неосторожности", выразившейся тем, что юный государь открыл окно и сел у него, – болезнь осложнилась, оспа снова скрылась, последовало полное ухудшение, а затем, в половине второго часа утра, в ночь с 18 на 19 января 1750 года, император Петр II Алексеевич отошел на вечный покой. (Арсеньев, стр. 131–154, Манштейн, стр. 17).

63 В последующее время с должностью исключительно охотничьего характера мы встречаемся в первый раз в начале 1729 года. Должность эта была егермейстера, занимал ее, в чине полковника, Михаил Селиванов

(Роспись царской ох. 1729 г., Русск. Арх. 1869 года, No 10, стр. 1679), остававшийся на той же должности и в 1753 году. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4 – 1068). Сколько времени Селиванов был егермейстером, мы не знаем, но можем сказать утвердительно, что в его время эта должность не была главной в ведомстве придворных охот, так как все распоряжения по охоте в царствование императора Петра II исходили от знаменитого Андрея Ивановича Остермана (Соловьев, т. XVIII, стр. 133), а в начале царствования Анны Иоанновны делами охоты заведовал обер-гофмаршал Семен Андреевич Салтыков, при котором и "состоял" Селиванов в качестве егермейстера (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 325; Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4 – 1068).

Вероятно, подобный порядок сохранялся до первого известного нам обер-егермейстера Волынского.

64 В 1750 году количество личного состава царской охоты значительно уже сократилось, так как имелось налицо: 4 егеря, 2 волторниста, доезжачий, комиссар, писарь, 15 кречетников, 9 сокольников, 10 ястребников, 2 помытчика, кузнец, 10 конюхов, столяр, плотник, клобучечник, колоколешник, "из охотников, оставшихся у зверей" трое, зверовщик; всего разных чинов 64 человека вместо 114 человек, несмотря на то, что в вышепоименованное число охотников несомненно вошли не только чины охоты Семеновского потешного двора, но и зверовщики Измайловского зверинца, которых в числе 114 человек чинов охоты Петра II, проживавшей в Измайловском, не значилось. Однако к списку охотников 1730 года приписано: "да сверх вышеписанного числа французов 5, татар 6. Для объезду зверинца и рощей стрелков 3; для объезду ж заповедных рощей солдат 9". (Письмо Забелина). На

означенных выше 64 человек расходовалось в год денег 1575 р. 55 к., муки 568 четвертей, круп 55 четвер. 4 четверика, мяса 335 пудов, соли 65 пудов, да французам выдавалось ежедневно от 1 р. до 50 к. на человека, что составляло в год около 1435 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 6).

Найденные нами первые сведения о личном составе С.-Петербургской охоты относятся к 1735 году. В этом же году впервые встречаемся с должностью обер-егеря, каковую должность занимал в это время Осип Меврель (Мервиль?).

Петербургских охотников было следующее число: а) обер-егерь, с жалованьем в 500 р. в год; б) французов (егерей?) 4 человека, с жалованьем от 240 до 108 р. в год; в) доезжачий, также иностранец, с жалованьем 80 р. в год; г) писарь, с жалованьем 12 р. в год; д) охотников русских 9 человек, с жалованьем от 12 до 10 р.; е) наварщик, с жалованьем в 6 р.; ж) плотник, с жалованьем в 6 р.; з) 2 конюха, с тем же жалованьем; всего 20 человек, которым уплачивалось в год 1136 р. Сверх того русским выдавалось взамен половины следуемого им хлебного жалованья 172 р. 80 к.; другая же половина хлебного жалованья выдавалась натурою их женам, оставшимся в Москве. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 597). Последнее обстоятельство заставляет предполагать одно из двух: или 1733 год надлежит считать годом организации С.-Петербургской псовой охоты, личный состав которой был пополнен главным образом охотниками, переведенными из Москвы и притом переведенными настолько спешно, что им не было времени переселиться в С.-Петербург со своими семействами, или в 1733 году была вытребована Московская псовая охота из села Измайловского на известный срок.

От следующего 1754 г. сохранилось два именных списка чинов царской охоты: один – относящийся к Московской птичьей охоте, а другой – неизвестно к какому учреждению, но, по сличении фамилий чинов, во всяком случае не к той охоте, которая была в 1755 году в С.-Петербурге. При птичьей охоте состояли следующие, с жалованьем в треть: а) статейщик – 6 р. 66 2/3 к.; б) комиссар – 5 р. 33 1/3 к.; в) 19 кречетников – по 5 р. 33 1/3 к.; г) 15 сокольников – по 3 р. 33 1/3 к.; д) 9 ястребников – 3 р. 33 1/3 к.; е) клобучечник – 1 р. 66 2/3 к.; ж) 2 помытчика – по 2 р. 66 2/3 к.; з) столяр – 2 р.; 1) 3 конюха – по 2 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 46, д. No 228).

Заметим кстати, что должность комиссара, впервые упоминаемая в приведенном списке, заключалась "в заведовании приходом и расходом как денежной казны, так и кормовых для охоты припасов". (Быт Росс. гос. 1740 – 1741 г., ч. I, стр. 306). В последующие годы комиссары стояли при каждом отдельном учреждении Императорской охоты.

Упомянутый выше второй неизвестный список чинов охоты, во главе которого стоит форштмейстер ("форштмейстерство" – "знание лесохранительного разумножительного обряда" – 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14005) Финк, вероятно, относится к Измайловскому зверинцу, так как Иоаким Гендрик Финк был при этом зверинце егерем еще в 1730 году (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 6) и так как зверинцами в последующие годы заведовали форштмейстеры. По списку этому в 1754 году, кроме Финка, числились следующие чины, с жалованьем в треть: а) егерь – 30 р.; б) 5 стрелков – по 3 р. 66 2/3 к.; в) 4 зверовщика – от 4 р. до 1 р.; г) кузнец – 3 р. 33 1/3 к., и д) наварщик – 2 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 46, д. No 228).

65 25 мая 1750 года, в бытность свою в Москве, императрица Анна Иоанновна переехала из этой столицы в село Измайловское "для препровождения тамо летнего времени" ("С.-Петербургск. ведом." 1750 года, No 44), где, судя по некоторым документам московских архивов, нередко занималась охотой в тамошнем зверинце.

11 июля того же года ее величество пошла на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру, причем на возвратном пути из монастыря заезжала в гости к великой княжне Елисавете Петровне, проводя некоторое время в охотничьем ее домике селе Царицынском (там же, NoNo 55 и 57).

В течение этого лета императрица весьма часто охотилась в Измайловском зверинце вместе с любимцем своим Бироном, была из ружей зайцев, оленей и тетеревей. (Снегирев, стр. 13).

Из Измайлова императрица вернулась в тот год в Москву 17 октября. ("С.-Петербургск. ведом.", No 86).

25 июня 1751 года из Москвы сообщалось в "С.-Петербургские ведомости": "Сего дня изволила Ее Императорское Величество из Измайлова, забавлявшаяся тамо несколько времени ловлею, в Высочайшем благополучии сюда паки назад возвратиться". (Тлм же, за 1731 год, No 55).

В бытность императрицы в Измайлове из тамошнего зверинца выпускались для охот ее величества в окрестные поля и леса различные звери. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 311).

66 8 января 1732 года императрица со всем штатом отправилась из Москвы в С.-Петербург, куда прибыла 15 числа того же месяца. Часть лета, с 15 июля по 5 августа Анна Иоанновна провела в Петергофе, "ежедневно в приятные дни" гуляя по садам и уделяя,

по всей вероятности, немало времени охоте. (Времяпрепровождение в Петергофе, "С.-Петербургск. ведом." 1732 года, NoNo 4, 5, 57, 59 и 63).

67 С 21 июля по 14 августа 1733 года императрица Анна Иоанновна проживала в Петергофе. ("С.-Петерб. ведом." 1855 г., NoNo 59 и 66).

6 июня 1734 года "С.-Петербургские ведомости" сообщали: "Вчера изволила Ее Императорское Величество, наша Всемиловитейшая Самодержица, для нынешнего летнего времени на Петровском острове охотою забавляться". ("С.-Петербургск. ведом." 1734 г., No 45).

В Петергофе императрица провела в этом году время с 15 июля по 17 августа (там же, NoNo 56 и 66).

68 "С переездом Двора на лето в Петергоф, охота происходила в его парках. Здесь преимущественно занимались гоньбою оленей в Нижнем саду. Для охоты в саду расставлялись полотна, между коими гончими собаками и производилась гоньба оленей. Полотен заготовлялось такое количество, что для хранения их потребовалось определить особого охотника, носившего звание Цейх-кнехта..." "Был еще в употреблении способ охоты, называвшийся "парфос-яхт" или "парфорс". Охота заключалась в травле целым обществом охотников разного рода зверей: диких коз, кабанов, оленей, лосей и зайцев; для этой цели первоначально устраивалась облава, а затем производилась травля собаками и ружейная стрельба. Общество выезжало на такую охоту в особых экипажах, называвшихся "яхт-ваген", и имело при себе целую команду парфорс-егерей и пикеров". (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг. ч. I, стр. 302).

69 "В то же время входило в употребление охотиться с

собаками "по английскому обычаю..." заимствованному от англичан пикеров. Один из числа прибывших, Вильсон, поступая на службу в Придворную псовую охоту, требовал себе в услужение двух человек, обещаясь за то обучать их "быть охотниками по английскому обычаю"; в чем же именно заключался этот обычай – указаний в документах нет. В производствах упоминаются еще охоты: "полевая", на зайцев, на лисиц, травля волков и медведей; но каким образом производились они – сведений не находится". (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 303).

"Как часто производились при Дворе охоты, указанием может служить то обстоятельство, что лошади пикеров в летнее время не выпускались в луга на подножный корм, но постоянно находились в стойлах, чтобы по первому требованию быть готовыми для выезда. Командующий Придворными охотами, Полковник Трескау, 28 июля 1740 года требовал от Петербургской Дворцовой Конторы присылки корма лошадям пикеров прямо в стойла, потому что тех лошадей "для корму в луга отсылать никак не возможно для того, что оные употребляются всегда для езды при травле зверей в присутствии Ее Императорского Величества". (Там же).

70 По исходе лета 1740 года "С.-Петербургские ведомости" сообщали: "Ее Императорское Величество, наша Всемиловитейшая Государыня, во время Высочайшего своего присутствия в Петергофе, для особенного своего удовольствия, как парфос ягтою затравить, так и собственноручно следующих зверей и птиц застрелить изволила: девять оленей, у которых по двадцать четыре, по восемнадцать по четырнадцать отростков на рогах было: шестнадцать диких коз; четыре кабана; одного волка; триста семьдесят четыре

замца; шестьдесят восемь диких уток, и шестнадцать больших морских птиц". ("С.-Петербургск. ведом." 1740 г., No 64).

71 31 мая 1733 года "С.-Петербургские ведомости" сообщали: "Вчерашнего дня гуляла Ее Императорское Величество, наша Всемиловитейшая Самодержица, в Летнем саду и притом на бывшую во оном медвежью травлю смотрела". ("С.-Петербургск. ведом." 1832 г., No 44).

21 февраля 1737 года в "С.-Петербургских ведомостях" было напечатано следующее:

"Понеже Ее Императорское Величество, наша Всемиловитейшая Государыня, до сего времени едва не ежедневно, по часу перед полуднем, смотрение в Зимнем доме бывающей медвежьей и волчьей травли забавляться изволила, то и третьего дня (19 февраля) на том же месте, для собственного своего увеселения, соизволила Ее Императорское Величество приказать великого и двенадцать отростков на рогах имеющего оленя травить, который, наконец, от Ее Высочества Герцогини Принцессы Анны (Леопольдовны) из фузеи пулею застрелен". ("С.-Петербургск. ведом." 1737 года, No 15).

72 В ноябре 1736 года, по именному ее императорского величества указу, был сделан за Невским монастырем и Ямскою Смоленскою слободою, в лесу, в 12-ти верстах от города С.-Петербурга "двор для ловления волков". (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1086).

15 февраля 1737 года обер-егермейстер Волынский доносил Правительствующему Сенату, что "потребны ко Двору Ее Императорского Величества, для травли, медведи; но понеже здесь которые медведи были, из тех несколько затравлено, а оставшие от травли

измучены, которых и травить уже не можно, а сыскать здесь других не у кого". – Волынский испрашивал разрешения послать указы в Москву, Новгород и Псковскую провинцию с предписанием купить там зимою 15 медведей и 20 меделянских собак и прислать таковых в С.-Петербург ко псовой ее величества охоте.

Ходатайство Волынского Правительствующим Сенатом было уважено, и в названные места был послан соответственный указ 22 того же февраля. (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 7 – 1070.

12 марта 1737 года "изволила Ее Императорское Величество, Всемилостивейшая наша Монархиня, в Зимнем своем Императорском доме забавляться травлею диких зверей. При сем случае травили дикуую свинью, которую, наконец, Ее Императорское Величество собственноручно застрелить соизволила". ("С.-Петерб. ведом." 1737 года, No 15).

В Петергофе в этом году Анна Иоанновна провела время с 14 июля по 20 августа (там же, NoNo 56 и 68), откуда сообщалось:

25 июля: "Перед несколькими днями изволила Ее Императорское Величество быть на охоте, где несколько оленей убито. На прошлой неделе приказала Ее Императорское Величество при дворе учредить стрельание птиц, а награждение за оное состояло в золотых кольцах и алмазных перстнях" (там же, No 59).

15 августа: "В понедельник, будучи на охоте, изволила Ее Императорское Величество из своих рук одного кабана и одного оленя о четырнадцати отростках (сучки на рогах) застрелить" (там же, No 66).

26 апреля 1738 года "изволила Ее Императорское Величество, во Дворце ходившего молодого оленя и дикого кабана собственноручно застрелить" (там же, за 1738 год, No 53).

В Петергофе в этом году императрица Анна Иоанновна провела время с 13 июля по 26 августа (там же, NoNo 56 и 69). К этому периоду времени из Москвы была вытребована часть Императорской птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 4–2).

Сведений об охотах императрицы Анны Иоанновны в течение 1739 года мы не имеем. В этот год государыня провела в Петергофе время с 17 июля по 28 августа. ("С.-Петербургск. ведом." 17 39 года, NoNo 57 и 70).

В 1740 году в Петергофе императрица провела время с 10 июня по 29 июля. ("С.-Петерб. ведом." 1740 года, NoNo 48 и 62).

73 Как большая охотница и любительница собак, императрица Анна Иоанновна постоянно держала во дворце комнатных собак, в числе которых особенною ее любовью пользовалась собачка "Цытринка" или "Цетринка". Для ухода и кормления при этой собачке, перешедшей после смерти императрицы к правительнице Анне Леопольдовне, состоял князь Никита Волконский, ежедневно собственноручно расписывавшийся в получении для "Цытринки" по кружке сливок молочных. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 218).

74 Знаменитая устроенная обер-егермейстером и кабинет-министром Артемием Петровичем Волинским потеха – свадьба в Ледяном доме придворного шута Квасника (князя Голицына, сделанного шутлом за то, что, будучи в Риме, князь сделался ренегатом – принял латинскую веру) на придворной же дуре Буженине; потеха, сопровождавшаяся большим маскарадом, также доставила немало забот Императорской охоте. "Жених

с невестою сидел в сделанной нарочно клетке, поставленной на слоне, а прочей свадебной поезд вышеписанных народов (Вотяки, Мордва, Черемисы, Татары, Калмыки, Самоеды), с принадлежащею каждому роду музыкалией и разными игрушками, следовал на оленях, на собаках, на свиньях". (Нащокин, стр. 65).

75 От того же года сохранилось известие, что у императрицы Анны Иоанновны было весьма много различного собственного охотничьего оружия, заботы о сохранении которого в порядке лежали на обязанности обер-егермейстера. Ближайшее же попечение об оружии было тогда возложено на обер-егеря Бема. Хранилось оружие императрицы в доме покойного цесаревича Алексея Петровича "в мазанках; а около оных по обе стороны жилое строение и опасно, чтоб от внезапного пожарного времени не учинилось оному ружью траты, понеже неоднократно уже загоралось; також и мазанки оные, в которых лежит ружье, весьма ветхи и во многих местах подставлены уже в них подпоры; и тако небезопасно, чтоб оные мазанки не обломились". Поэтому обер-егермейстер Волынский ходатайствовал о переносе оружия императрицы или в каменные палаты Итальянского дома, или об отправке его в Москву, в Оружейную палату. Удовлетворено было первое ходатайство. (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1086).

76) 4 июля 1735 года, в пятницу, "С.-Петербургские ведомости" сообщали: "В среду и пятницу (вероятно, прошлой недели, то есть 25 и 27 чисел июля) изволила Ее Императорское Величество, Самодержавнейшая наша Монархиня стрелянием в цель забавляться, которое от Его Высокографского Сиятельства

Обер-Камергера фон-Бирон в третьем саду учинено было". ("С.-Петербургск. ведом." 1735 года, No 52).

77 13 июля 1736 года императрица Анна Иоанковна отправилась на жительство в Петергоф ("С.-Петербургск. ведом." 1836 года, No 57), откуда сообщалось в четверг 19 августа:

"Ее Императорское Величество Всемилоостивейшая наша Монархиня, находится здесь со всем Придворным статом и во всяко вожденном благополучии, и изволит всякий день после обеда в мишень и по птицам налету стрелять. В прошедший вторник (17 числа) пополудни забавлялась Ее Императорское Величество опять охотою и убила одного кабана" (там же, No 67).

"Того ж дни (т. е. 19 августа, в четверг), пополудни забавлялась Ее Величество со всем Придворным статом в Петергофском зверинце охотою и застрелила там одного оленя с шестью отраслями на рогах" (там же, No 68).

21 августа Анна Иоанновна вернулась из Петергофа в С.-Петербург (там же).

78 По свидетельству Миниха-сына, "в досужее время не имела она ни к чему особой склонности. В первый год своего правления играла она почти каждый день в карты. Потом провожала целые полдни, не вставая со стула, в разговорах или слушая крик шутов и дураков. Когда все сии каждодневно встречающиеся упражнения ей наскучили, то возымела она охоту стрелять, в чем приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и налету птицу убивала. Сею охотою занималась она больше других, так что в ее комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в

мимопролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных. В Петергофе заложен был зверинец, в котором впущены привезенные из Немецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тут нередко, сидя у окна, смотрела на охоту, и когда заяц или олень мимо пробежит, то сама стреляла в него из ружья. Зимой во дворце, в конце галереи, вставлена была черная доска с целью, в которую при свечах упражнялась она попадать из винтовки". (Миних, стр. 95).

В другом месте находим у того же автора, что императрица Анна Иоанновна "сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, почти до кончины своей занималась", что государыня нередко упражнялась также стрельбою в мишень стрелами из лука, ночью, при освещении, что при высочайших охотах в Петергофе, в зверинце, на зайцев, кабанов, ланей, тунгусских и немецких оленей для императрицы разбивался особый намет, из которого она и стреляла по мимопробегающим зверям (там же, стр. 165).

Из современных архивных документов усматривается, что императрица Анна Иоанновна, "кроме частых выездов на охоту, любила стрелять из ружья и лука из окон своего дворца, обращенных в сад. Для сей цели из менажерии выпускали в сады большое количество птиц, и, чтобы они не переводились, именным указом запрещено было частным лицам охотиться в окрестностях С.-Петербурга и ловить их каким бы то ни было образом. Приготовление ко Двору ружей лежало на обязанности Канцелярии егермейстерских дел; они частью делались на Сестрорецких заводах... частью на петербургском Оружейном дворе, где приготавливались ружья для всякой царской охоты. Все ружья для императрицы сделаны были богато, с золотою насечкою. Из указа от

Егермейстерских дел приходорасходчику Самарцову видно, что в 1740 году, июля 10 дня, велено ему выдать "купецким людям" 36 рублей 71 1/4 копейку за червонцы, "взятые у них ко Двору Ее Императорского Величества на наsekание на ружьях золотом". Особенно богато отделывался в октябре 1740 года новый штуцер, на который потребовалось 8 червонных... Хотя ружья были туземного производства, но кремни были покупные – их, вероятно, еще не умели обделывать... Порох для императрицы выписывался из-за границы, из города Гданска... Ружья для императрицы заряжались обер-егерем Бемом и притом особым образом: пули вкладывались в гильзы, которые "смазывались салом". (Заключение о "гильзах" выведено из фразы документа: "По требованию Обер-егеря Бема, к заряданию ружья Ее Императорского Величества на смазывание пластырей "гильзы""; перевод составителей труда: "в которые обертываются пули" и т. д. Не можем не обратить внимания на неудачное толкование слова "пластыря" – просаленной ветошки для обертывания пули при дульнозарядных ружьях – термином "гильза"). (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 222 и 225).

79 5 июля того же года императрица со всем придворным штатом переехала на жительство в Петергоф ("С.-Петербургск. ведом." 1755 года, No 54), откуда 20-го числа того же месяца сообщалось: "Ее Величество, для продолжающейся ныне приятной погоды, иногда гулянием, иногда стрелянием в цель забавляться изволит" (там же, No 58).

В С.-Петербург возвратилась в том году императрица из Петергофа 9 августа, причем "во время пути изволила в Стрельной мызе стрелянием по птице и в цель забавляться" (там же, No 64).

80 31 декабря этого года поднес императрице генерал-лейенант от атиллерии фон Геннин различные ружья и штуцера, изготовленные для ее величества на Сестрорецком оружейном заводе. ("С.-Петербургск. ведом." 1756 года, No 1; "XVIII век", ч. III, стр. 156).

81 Первым известным нам обер-егермейстером является Артемий Петрович Волынский, назначенный на эту должность в январе 1756 года; но и при нем не было еще учреждения, которое специально ведало бы всеми делами Царской охоты. Дела эти вершались либо именными высочайшими указами, либо сенатскими постановлениями, до назначения Волынского в 1758 году кабинет-министром. С этого времени по многим делам царской охоты исходили резолюции от Императорского кабинета до отстранения Волынского от всех занимаемых им должностей. Императорскому же кабинету Волынский доносил и обо всех отданных по охоте приказаниях или сделанных распоряжениях во исполнение изустных указов ее императорского величества (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 9 – 1086), и Императорский же кабинет стал решать многие дела по царской охоте, подлежавшие раньше компетенции Сената, значение и круг деятельности которого в это время сильно умалились, при чем и самое название его было переделано из "Правительствующего" на "Высокий". (Градовский, Нач. госуд. права, т. II, стр. 265). Однако Сенат и в это время не был совершенно чужд делам охоты, вершая главным образом вопросы, касавшиеся кречетых и соколых помытчиков. (Госуд. арх., ч. I, разр. XIV, No 57).

В то же время впервые встречается учреждение, именовавшееся "Обер-Егермейстерские Дела", которое при Волынском представляло из себя, так сказать, личную канцелярию обер-егермейстера, а вскоре по

отстранении Волынского от должности составило особое отделение Придворной конторы.

Артемий Петрович Волынский, родившийся в 1689 году, начавший службу солдатом петровской гвардии, бывший в 1715 году нашим чрезвычайным посланником в Персии, заведовавший с 1718 года, в звании генерал-адъютанта Петра I-го, Астраханскою губерниею, а с 1725 года Казанскою, назначенный в 1732 году помощником обер-шталмейстера графа Левенвольда, произведенный 6 декабря 1734 года в генерал-лейтенанты и генерал-адъютанты императрицы Анны Иоанновны, – был возведен в звание обер-егермейстера 27 января 1736 года, в день рождения императрицы, с производством в действительные генералы. (Шишкин, ч. I, стр. 453, 468; ч. II, стр. 226).

"Бирон, – говорит Соловьев, – был страстный охотник и поэтому отчасти провел Волынского в обер-егермейстеры" (т. XX, стр. 425).

Поясняя мысль нашего историка, скажем, что и Волынский был страстный охотник и не только страстный, но и знающий свое дело и преданный ему до чрезмерности.

Наиболее характерные черты Волынского как охотника встречаем в жалобе, поданной в самом начале царствования Анны Иоанновны в Синод казанским архиепископом Сильвестром на губернатора Волынского. (Соловьев, т. XVIII, стр. 295).

В жалобе этой, приводимой дословно в статье Шишкина "Артемий Петрович Волынский", между прочим, говорится, что губернатор, поместив на подгородном дворе Спасо-Казанского монастыря "Подсеке" до двухсот собак и 15 псарей, кормил последних монастырским хлебом и кашею, "а в иное

время псари привозили на ту Подсеку собакам мертвых лошадей и коров и всякое стерво, от чего на том дворе будущие овцы и прочая скотина вымерли. И усмотря той же обители власти оную причину, просили Губернатора о свободе вышепоказанных людей и собак с двора того неоднократно, и в теж числа призывал Губернатор к себе в Канцелярию тоя обители властей и с великим угроживанием приказал им на том дворе для помету щенят сукам выстроить сломанную баню" (ч. I, стр. 512). "Оный же Губернатор, летом и зимою, со псовою охотою многолюдством ездит по полям и сенным покосам и посеянный яровой и озимой хлеб наш и монастырской лошадыми и собаками, и людьми своими толочет необычно и, мимо помещичьих и других вотчин, ночует у нас в деревнях, и с боем и неволею со крестьян наших и монастырских берут коням сена и овса и про людей всякой живности и хлеба, сколько похотят, и тем несносную нам и крестьянам обиду чинят напрасно" (там же, стр. 514).

В своей истории о русском государстве Герман, между прочим, отмечает любимую забаву Волынского, состоявшую в том, что людей, имевших несчастье почему-либо рассердить Артемия Петровича, раздевали донага, обвешивали кусками сырого мяса и натравливали на них целую стаю некормленных и злых охотничьих собак (там же, стр. 482).

Указывая на страсть императрицы Анны Иоанновны к стрельбе и охоте, автор упомянутой выше статьи о Волынском говорит: "Понятно, что при таких наклонностях и занятиях Анны Иоанновны человек, облеченный званием обер-егермейстера, должен был находиться с нею в довольно близких отношениях и пользоваться ее всемилостивейшим расположением, если, конечно, исполнял свою обязанность ревностно и

с любовью". Далее автор прибавляет, что на этом поприще Волынский "хлопотал и работал неусыпно и, по-видимому, вполне целесообразно, лучшим доказательством чему может служить некоторое знакомство с его обер-егермейстерскою деятельностью" (ч. II, стр. 250).

Пожалованный 3 апреля 1738 года "в рассуждение особливых Его Превосходительства заслуг" в кабинет-министры ("С.-Петербургск. ведом." 1758 года, No 28), крупно повздоривший затем с Бироном, Артемий Петрович Волынский был отстранен от всех его должностей в апреле 1740 года (Быт госуд. росс. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 304), а 27 июня того же года Волынского казнили: ему отсекали сначала правую руку, а затем голову. (Шишкин, ч. IV, стр. 568). Как на помощника Волынского по деятельности его обер-егермейстера, следует указать на капитан-поручика Измайловского полка Рахманова. 13 мая 1737 года императрица Анна Иоанновна "соизволила повелеть над охотами Ее Императорского Величества, которые здесь в С.-Петербурге и в Петергофском зверинце, а именно над звериною и над псовою надзирание иметь", во время отлучек Волынского, "Гвардии Измайловского полку Капитан-Поручику Гавриле Рахманову и для того всех обретающихся здесь при охотах Ее Величества, також и канцелярских служителей, поручить ему ж, Капитан-Поручику Рахманову". (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1086).

К 19 февраля 1742 года относится нижеследующий любопытный указ императрицы Елислветы Петровны, характеризующий взгляд монархини на виновность Артемия Петровича Волынского.

"Указали Мы Артемья Волынского детей

Санкпетербурхский двор, состоящий на Фонтанке (где содержится охота Наша), взять на Нас, а им заплатить за оный двор из казны Нашей три тысячи рублей и повелеваем Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу. Елисавет". (Арх. Прав. Сен., кн. No 66 – 1742 г., л. 217).

Конечно, указ этот, коим повелевалось двор Волынского "взять на Нас", не может породить сомнения в том отношении, что это имущество бывшего обер-егермейстера не было конфисковано раньше, тем более что в указе же приводится в скобках, "где содержится Наша охота". Указом этим императрица как бы желала отметить свое мнение о неправильности конфискации имущества, а следовательно, о неправильности и всего суда над Волынским. Елисавета Петровна не хотела даже упоминать в указе о состоявшейся при Анне Иоанновне конфискации, дабы не возобновлять в памяти верноподданных печального события.

82 После Волынского царскою охотою заведовал незначительное время князь Иван Одоевский; по крайней мере все бумаги того времени по обер-егермейстерской части подписывались этим лицом. Однако звания обер-егермейстера Одоевский, кажется, не носил. (Подлинн. указ Сената, No 3027 – 1773, рук., прин. Имп. ох.).

83 При преемнике Волынского как заведовавшего царскими охотами, полковнике Трескау, появляется новое название органа царской охоты – "Егермейстерская канцелярия", имевшая, по-видимому, свою собственную финансовую смету, то есть учреждение более или менее самостоятельное, может быть, заменившее на короткий срок учреждение

"Обер-Егермейстерские Дела". (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1086).

Трескау, "основываясь, вероятно, на том, что предшественник его, Кабинет-Министр Волынский, входил по некоторым делам в Императорский Кабинет, стал по всем делам, не исключая и самых маловажных, относиться непосредственно в Кабинет". (Быт росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 304).

Подобный порядок был признан Кабинетом ненормальным, почему 6 марта 1741 года Кабинет вошел со следующим всеподданнейшим докладом:

"При Дворе у Егермейстерских Дел обретается полковник Трескау, который особливо своею командою состоит и для того о всяких делах и между тем о самых малейших, которые до придворных охот касаются, всегда прямо в Кабинет представления чинит, от чего в Кабинетных делах помешательство и излишнее затруднение происходит. Того ради не соизволено ли будет того полковника Трескау со всеми его Егерскими делами в полную команду поручить Придворной или Дворцовой Конторы, дабы он о всем, что до содержания придворных охот надлежит, резолюции требовал от той конторы, а в Кабинет уже не представлял". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8347).

Согласно высочайшей резолюции, Трескау с его командою был подчинен Придворной конторе. (Быт росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 305).

В то же время с восстановлением императрицею Елисаветою Петровной Сената в полном его первоначальном значении и с отдачею в распоряжение этого органа внутреннего управления (Градовский, Нач. госуд. права, т. II, стр. 267) попечение Сената о делах охоты становится ближайшим.

"В 1742 году от Правительствующего Сената, для

лучшего в делах попечения и распорядков, сочинена Обер-Егермейстерская Канцелярия". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. No 15).

Значение этого органа, ставшего впоследствии, со времен императрицы Екатерины II, органом главного управления царскими охотами, входившего непосредственно со всеподданнейшими докладами и подчиненного тогда лишь Сенату и то косвенно, представляется при начале его учреждения, на основании данных имеющихся у нас документов, несколько неопределенным.

Наиболее важные данные, могущие послужить для выяснения этого вопроса, суть следующие: Как было сказано выше, Обер-егермейстерская канцелярия учреждена в 1742 году.

В конце того же 1742 года последовало высочайшее повеление "как Обер-Егермейстеру, так и Обер-Егермейстерской Канцелярии" отправиться из Москвы в С.-Петербург, о чем доносилось Сенату для надлежащих распоряжений касательно предоставления потребных для того средств. (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1073).

В 1743 году Обер-егермейстерская канцелярия была в С.-Петербурге, а в Москве имелась Обер-егермейстерская контора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 1).

В 1744 году в С.-Петербурге была Обер-егермейстерская контора с ограниченным количеством личного персонала. (Рукописи, принадлежащ. Имп. охоте).

В том же 1744 году Императорский двор находился в Москве. (Камер-фурьерск. журн. 1744 г.).

В начале 1745 года Обер-егермейстерская канцелярия была очевидно в Москве, так как по своим

делам делала представления не в Сенат, отбывший уже в то время в С.-Петербург, а в Сенатскую контору, оставленную в Москве. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, оп. 64, д. No 10).

В январе 1745 года было прислано из Казанской губернии одиннадцать ловчих птиц к "Обер-Егермейстерским Дела́м", откуда было писано, что ввиду того обстоятельства, что птичья охота по сенатскому указу состоит в ведений Обер-егермейстерской канцелярии, уловных птиц следует направлять в названную канцелярию, а не к "Обер-Егермейстерским делам". Бумагу эту подписал егермейстер Хитрово. (Тот же арх., оп. 64. д. No 11).

Имеются прямые указания на то обстоятельство, что с 1738 по 1745 год С.-Петербургские царские охоты состояли в ведении "Обер-Егермейстерских Дел". (Архивы: Моск. Мин. юстиц., кн. Сен., 9 – 1086; Общ. Мин. Двора, оп. 64, д. No 11; Государств., разр. XIV, No 57).

Далее 1745 года учреждение "Обер-Егермейстерские Дела́" не встречается.

В 1746 году писались "указы Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Обер-Егермейстерской Канцелярии в оставшую в Москве Контору". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51, д. No 2614).

В 1750 году Обер-егермейстерская канцелярия была в С.-Петербурге, а Обер-егермейстерская контора в Москве. (Тот же арх., оп. 43, д. No 4; оп. 52, д. 1758).

В 1752 году Обер-егермейстерской канцелярии вместе с С.-Петербургскою охотою велено было отправиться в Москву, оставив в С.-Петербурге Обер-егермейстерскую контору. (Рукописи, принадлежащ. Имп. охоте).

15 декабря того же года императрица Елисавета Петровна отбыла из С.-Петербурга в Москву. ("С.-Петерб. ведомости" 1752 г., No 101).

В 1757 и 1758 годах Обер-егермейстерская канцелярия была в С.-Петербурге, а ее контора в Москве. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. No 8 и оп. 14, д. No 175).

В царствование Елисаветы Петровны при путешествиях императрицы из С.-Петербурга в Москву за государыней следовали в Москву же и высшие правительственные учреждения. ("С.-Петерб. ведом." 1752 года, No 75).

В 1773 году Обер-егермейстерская канцелярия была в С.-Петербурге, а Обер-егермейстерская контора в Москве. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 69, д. No 16).

В 1775 году в Москве находились и Обер-егермейстерская канцелярия, и Обер-егермейстерская контора, а в С.-Петербурге Обер-егермейстерская контора. В декабре того же года Обер-егермейстерская канцелярия переехала в С.-Петербург. (Тот же арх., оп. 72, д. No 25 и д. No 72 и оп. 73, д. No 4).

Указаний на одновременное нахождение в С.-Петербурге и Обер-егермейстерской канцелярии и Обер-егермейстерской конторы мы нигде не нашли.

В том же 1775 году императрица Екатерина Великая весьма часто охотилась в окрестностях Москвы. (Камер-фурьерск. журн. 1775 года).

Из приведенных выше данных можно прийти к следующему вероятному заключению.

В 1742 году распоряжением Правительствующего Сената была организована в Москве Обер-егермейстерская канцелярия, в которой были сосредоточены все дела, касавшиеся учреждений

царской охоты, расположенных в Москве. В это время Обер-егермейстерская канцелярия была всецело подчинена Сенату, и все дела этой канцелярии, вызывавшие необходимость распоряжений по всем другим учреждениям тогдашней государственной администрации, представлялись на благоусмотрение Сената для постановления надлежащих указов. Собственно Обер-егермейстерская канцелярия была органом распорядительным, и в ее непосредственном подчинении состояла Обер-егермейстерская контора, низшая инстанция, орган исполнительный. Заведование петербургскими охотами лежало по-прежнему на обязанности Придворной конторы, где было особое отделение, именовавшееся "Обер-Егермейстерскими Делами" и находившееся под ближайшим заведованием егермейстера. С переводом в конце 1742 года Обер-егермейстерской канцелярии в С.-Петербург, в Москве был оставлен подчиненный ей исполнительный орган – Обер-егермейстерская контора, но петербургские охоты, находясь наравне с московскими под общим начальством обер-егермейстера, Обер-егермейстерской канцелярии подчинены не были, оставаясь в ведении Придворной конторы. При путешествиях Императорского двора из С.-Петербурга в Москву Обер-егермейстерская канцелярия переезжала в Москву также, выделяя только на это время из своего состава контору, ограниченного количества личного персонала, причем на обязанности С.-Петербургской конторы лежало, может быть, лишь заведование имуществом и архивами Обер-егермейстерской канцелярии. Около 1745 года отделение Придворной конторы, носившее название "Обер-Егермейстерские Дела", было упразднено. Петербургские охоты были подчинены

Обер-егермейстерской канцелярии, и исполнительная по этим охотам деятельность перешла в ту же канцелярию, носившую с того времени по отношению охот петербургских характер органа и распорядительного, и исполнительного, а по отношению охот московских органа только распорядительного. С того же времени, продолжая переезжать вместе с Императорским двором из С.-Петербурга в Москву, Обер-егермейстерская канцелярия оставляла в С.-Петербурге контору, организуемую при таких переездах наподобие конторы московской и являвшуюся органом только исполнительным. Принцип подобного порядка переезда учреждений из С.-Петербурга в Москву был установлен Елисаветой Петровною еще задолго до ее воцарения. Будучи великою княжною и имея в то время свое собственное Вотчинное управление, называвшееся и канцелярией, Елисавета Петровна еще 4 марта 1729 года приказала, чтобы во время ее присутствия в Москве там находилась канцелярия, а в С.-Петербурге оставалась контора, во время же пребывания в С.-Петербурге – наоборот. (Яковкин. Кратк. лет. о Царск. Селе, стр. 47).

Деятельность и права Обер-егермейстерской канцелярии как общегосударственного административного учреждения постепенно расширялись, а самое учреждение становилось все более и более самостоятельным, постепенно выходя из-под опеки Сената и обращаясь к его посредничеству только по общим вопросам, подчиненным исключительной компетенции этого высшего правительственного органа. Начиная с конца царствования Елисаветы Петровны, Обер-егермейстерская канцелярия не только писала

промемории, то есть отношения, во всевозможные центральные органы, но даже посылала непосредственно от себя по делам охоты указы ее величества в посторонние провинциальные учреждения. Словом, с этого времени организовалось совершенно отдельное обер-егермейстерское ведомство, и Обер-егермейстерская канцелярия со своим начальником – обер-егермейстером, стояла во главе отдельного "Обер-егермейстерского корпуса", каковое название впервые встречается в современных документах под 1762 годом, в царствование императора Петра III-го.

В 1767 году упоминается должность "Главного Командира Обер-Егермейстерского Корпуса" обер-егермейстера тож (Рукоп. сборн. Им. Ук.), а по штату 1775 года Обер-егермейстерской канцелярии были предоставлены права наравне с прочими коллегиями. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14.004).

Заметим кстати, что с разделением в 1765 году Сената на шесть департаментов, четыре с.-петербургских и два московских, представляемые Обер-егермейстерскою канцеляриею в Сенате дела по Императорской охоте ведались производством в 3-м департаменте, компетенции коего подлежали все вообще дела по специальным управлениям. (Градовский, Нач. Госуд. Права, т. II, стр. 271 и 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11.989).

Еще при жизни Волынского, в период производства над ним следствия, заведование царскими охотами было поручено второго Московского полка полковнику фон Трескау.

9 сентября 1740 года Трескау доносил Кабинету Ее Императорского Величества "Ее Императорское Величество июня 19 дня сего 1740 года Высочайшим

изустным указом соизволила мне Всемилоостивейше повелеть придворные все охоты содержать в своей команде и за то правление, сверх полкового жалованья, получать в год награждение по 1000 рублей. И по силе оногo Ее Императорского Величества именного изустного указа, пока охоты в команде моей состоять будут, означенное жалованье имею я получать ведомства своего из Егермейстерской Канцелярии, о чем Высочайшему Кабинету Ее Императорского Величества сим всенижайше доношу во известие". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

Сведений о том, кто такой был полковник фон Трескау, мы не нашли. Знаем только, что этот полковник русской службы был иностранец, может быть, курляндец, креатура Бирона, настолько незнакомый с русским языком, что не умел даже подписываться по-русски на деловых бумагах. При Трескау состоял прапорщик Карл Мейбов, специально "для переводу". (Различн. рукоп. и Быт росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 305).

История охоты должна, однако, отметить этого деятеля как составителя первого утвержденного в законодательном порядке штата личного персонала Царской охоты.

84 В документах 1737 года впервые встречаем должность яхт-юнкера. Однако должность эта существовала и ранее, так как в этом году было уже повелено "обретающемся при охотах Ее Императорского Величества яхт-юнkerу Николавиусу от службы отказать и дать ему надлежащий абшид" из Коллегии иностранных дел. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сената 9 – 1086). В чем заключались обязанности этой должности, мы не знаем. Отметим только любопытный факт получения Николавиусом жалования из Соляной

конторы. (Внутр. быт Р. Г., ч. I, стр. 310 – 311).

85 В 1738 году впервые встречаем некоторые сведения о личном составе Петергофской охоты. Начальствовал над этим личным составом форштмейстер Иоаган Адам Газ, который служил по контракту, заключенному с ним в этом году 29 января за границею действительным тайным советником и полномочным министром в Дрездене Кейзерлингом. Под ведением форштмейстера состояли парфорс-егеря и зверовщики, но сколько их было в это время, мы не знаем. (Быт росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 346).

В 1738 году на производство служителям С.-Петербургской и Петергофской охот жалованья, на шитье мундиров, на расходы канцелярии обер-егермейстера и на мелочные по охотам надобности полагалось 7824 р. 31 к. Из этой суммы или, вернее сказать, из части ее, причитавшейся чинам названных охот в жалованье, вычиталось "на госпиталь" 50 р. 15 1/3 к. Средства эти отпускались Статс-конторою, вернее за счет Статс-конторы – Канцеляриею Монетного правления. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сената 9 – 1086).

В следующем 1739 году на ту же надобность отпускалось 8302 р., в том числе 4302 р. для выдачи чинам С.-Петербургской и Петергофской охот жалованья, 1500 р. на шитье мундирной одежды и 2500 р. на канцелярские и мелочные расходы "Обер-Егермейстерских Дел" (там же).

В июне этого года С.-Петербургская дворцовая контора вошла в Императорский кабинет с представлением, в котором указывала, что по сенатскому указу 18 мая 1737 года велено было выдавать из этой конторы хлебное жалованье на 26 человек, "обретающихся при псовой охоте". Во

исполнение этого указа и по требованию обер-егермейстера конторою было выдано в 1738 году за январскую треть на 26 человек, за майскую на 32, за сентябрьскую на 34, а в 1739 году за январскую на 36 и за майскую на 43 человека. Контора просила от Кабинета указа "впредь на прибавочных служителей хлебному жалованью отпуск производить ли?" Императорский кабинет предписал Дворцовой конторе требования по сему предмету обер-егермейстера удовлетворять (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7828).

86 Относительно источника содержания московских охот в это время находим в сочинении "Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции", следующие сведения:

"До 1735 года на содержание здешних придворных охот продовольствие отпускалось от Главной Дворцовой Канцелярии. В этом году, по именному указу Императрицы Анны Иоанновны, поручена была генерал-директору дворцовых волостей барону фон-Розену в особое ведение приписанная к Дворцу от князя Алексея Долгорукова Хотунская волость с тем, чтобы доходы этой волости поступали на содержание охот и состоявших при них служителей. В следующем 1736 году, по именному же указу, означенная волость взята от барона Розена и поручена в полное ведение тайному домену и финанс советнику фон-Фирингу, и с того времени охоты получали содержание, по-прежнему, от Дворцовой Канцелярии. 15 декабря 1738 года Дворцовая Канцелярия обратилась к означенному Фирингу с требованием отпуска денег на содержание охоты из доходов Хотунской волости, присовокупив при этом, что содержать охоты из своих

средств она не будет. На это Фиринг послал объяснение, что "без именного Ее Императорского Величества указа из Хотунских доходов на охоту ни одного рубля употребить не может, понеже та Хотунская волость ему в полное ведомство поручена для особого управления, а охота в оной волости ничем уже не касается", поэтому и предлагал Канцелярии "довольствоваться охоты из других каких-либо доходов". После того канцелярия, не входя в дальнейшие пререкания с Фирингом, уведомила смотрителя охот, что она с 1739 года не будет уже отпускать содержания на охоты, но что он таковое может требовать сам от Фиринга из доходов Хотунской волости. Когда смотрителем охоты доведено было об этом обстоятельстве до сведения обер-егермейстера Волынского, не желая вступать в новые переписки с Дворцовой канцеляриею и Фирингом, в марте 1739 года представил доклад императрице, в котором привел вышеозначенную переписку и отказы упомянутых управлений отпускать продовольствие для охот, донося при этом, что, оставляя зверей и птиц без корма, он рисковал их поморить, почему и вынужден был дать ордер членам подведомственной ему Конюшенной канцелярии об отпуске к охотам продовольствия на январь, февраль и март текущего года от этой канцелярии; при сем всеподданнейше просил впредь, до апробации яхт-штата, птичью, звериную и псовую охоты довольствоваться от Главной дворцовой канцелярии, на жалованье же служителям при охотах, на их мундир и на прочие мелочные расходы деньги производить на счет яхт-штата из Конюшенной канцелярии.

На этот доклад 6 мая того же года последовала резолюция Кабинета: до апробации яхт-штата охоты

кормовыми и прочими припасами продовольствовать из ближних дворцовых волостей; здания же в зверинцах, на Потешном и Охотном дворах "исправлять и вновь строить, а также дрова отпускать от Дворцовой Канцелярии". (Часть I, стр. 310–311).

87 22 сентября 1740 года был утвержден императрицею Анною Иоанновною первый яхт-штат. По яхт-штату было положено иметь в Императорской охоте следующее количество чинов и со следующим жалованьем: а) Командир охоты, в чине полковника – 1000 р., б) обер-егерь – 300 р., в) 2 егеря ее величества – 100 р. и 80 р.; г) егерь ее высочества принцессы Анны Леопольдовны – 100 р.; д) 2 пикера английских – 360 р. и 180 р.; е) 2 пикера французских – по 200 р. (английские и французские пикеры были введены в штат временно: первых велено было отпустить "по окончании их капитуляции", а вторых будущею весною; ж) 2 пикера (фамилии их немецкие, вероятно курляндцы) – по 120 р.; з) при псовой охоте: 1) 4 охотника – каждому 12 р., муки 10, круп 1 четверть; 2) 2 наварщика – каждому 8 р., муки 10 и круп 1 четверть; 3) 2 конюха – каждому 6 р., муки 6 четвертей, крупы 4 четверика; и при слоновом и зверовом дворах: 1) слоновщик-перс – 182 р. 50 к.; 2) зверовщиков 8 – каждому от 40 до 30 р., муки от 10–6 четвертей, крупы 1 четверть: 1) оружейный подмастерье – 150 р.; к) рисовальный подмастерье и замочный отдельщик – 60 р. и муки 6 четвертей; л) учеников оружейного дела двое – 40 и 36 р. (раньше последних было много, и по штату повелевалось оставить в охоте лучших, а прочих отослать на Тульские заводы); м) в Петергофском зверинце: 1) форштмейстер – 300 р.; 2) зверовщиков четверо – каждому 20 р. и от 10–6 четвертей муки и 1 четверть круп (на одного из зверовщиков были

возложены обязанности цейт-кнехта, о которых скажем ниже); 3) смотритель малого зверинца – 12 р., муки 10 и круп 1 четверть (интересно, что на эту должность велено было назначить кого-либо из лучших охотников, оставшихся за штатом "вместо фазан-егеря"); н) комиссар – 100 р.; о) писарь – 60 р.; п) смотритель малого зверинца в С.-Петербурге – 12 р.; муки 10 и круп 1 четверть. Всего в С.-Петербурге и в Петергофе чинов 41, а жалованья им 4118 р. 50 к., муки 178 и круп 21 четверть, а считая за хлеб по табельным ценам 245 р. 10 к., итого деньгами 4363 р. 60 к.

Тем же штатом предписывалось приход и расход содержать следующим образом: "для денег иметь сундук с двумя замками и двумя печатями, один замок и печать Полковника фон-Трескау, а другой замок и печать же определенного к тому комисара, и деньги на жалованье и на все расходы в настоящих нуждах выдавать по приказам Полковника, а книги приходные и расходные содержать за шнуром и печатью его ж Полковника".

В Москве. "При птичьей охоте людей старых, которые были Блаженные и Вечnodостойные памяти при Великом Государе Царе Алексее Михайловиче": а) статейщик один, "которому команду над всею птичьей охотою иметь" – 50 р., в том числе за мясо, рыбу и соль 10 р., ржи 20, круп 2 и овса 10 четвертей; б) 3 кречетника – каждому 10 р. да за мясо и соль 3 р., ржи 10, овса 1 четверть; в) 6 сокольников – то же, что и кречетникам; г) 2 помытчика – каждому 8 р. да за мясо и за соль 3 р., ржи 10, крупы 1 четверть; д) "вместо конюхов определить из отставленных ныне сокольников двух" – каждому 6 р. да за мясо и соль 2 р., ржи 6 четвертей, крупы 4 четверика. При звериной

охоте: а) форштмейстер 300 р.; б) 5 зверовщиков – каждому от 6 до 5 р., ржи от 7 1/2 до 5 четвертей и круп от 1 четверти до 6 четвериков. При зверинце и других охотничьих делах писарь; ему 30 р., ржи 6 и овса 6 четвертей. Всего в Москве чинов 21 и жалованья им 562 р., ржи 177, круп 17 1/2 и овса 16 четвертей, а считая за хлеб по табельной цене 246 р. 45 к., итого деньгами 808 р. 45 коп.

Приход и расход по Московской охоте велено было "содержать форс-мейстеру или статейщику, который из них способнее будет, обще с тем писарем, который определен будет при зверинце, а рапортовать им всегда как о приходе и расходе, так и о всем прочем содержании к полковнику фон-Трескау". "А псовую охоту, все что есть в Москве, раздать и людей всех распустить".

Кроме того, в штате этом показано также, сколько следует содержать при царских охотах зверей, собак, птиц и лошадей.

На содержание всей охоты было исчислено по штату 5584 р. 85 к. в год. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сената 9 – 1086 и 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8251).

Приведенным штатом от 22 сентября 1740 года количество чинов царской охоты было значительно сокращено против имевшегося на службе до этого времени, а расход на охоту сильно понижен. До издания штата на службе состояло в 1740 году всего 175 человек, по штату 62; до издания штата чинам охоты выдавалось жалованья 8190 р. да, кроме того, муки 1149, круп 105 и овса 103 четверти, мяса 239 и соли 46 пудов, по штату всего 5172 р. 5 к. Оставшихся за штатом егерей, охотников кречетников, сокольников и прочих чинов охоты было велено распустить. (Госуд. арх., ч. I, р. XIV, No 57).

88 Отметим, как интересные факты, что в половине XVIII столетия обер-егери назначались на должности именными указами, Обер-егермейстерской канцелярии даваемыми (Рукоп. Импер. ох.), а копиисты, то есть писаря последней канцелярии – сенатскими указами, из числа обучавшихся в С.-Петербургской гарнизонной школе. (Подл. Сен. Ук., No 6327 – 1746 и др.; Рук. Имп. ох.).

89 Спустя четыре месяца штат 22 сентября 1740 года был несколько, хотя и незначительно изменен, а 28 января 1741 года утвержден новый штат. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 310).

Последнего штата полностью мы не нашли и знаем только, что по этому штату полагались при Измайловском зверинце следующие чины с нижеуказанным жалованьем: а) форштмейстер – 300 р., б) 5 зверовщиков – каждому 5 р., муки от 7 до 6 четвертей и круп от 1 четверти до 4 четвериков; в) писарь – 30 р., муки 6 четвертей, овса 6 четвериков. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. No 3). Знаем также, что, согласно тому же штату, из числа из охотников, определенных состоят при псовой охоте в Петербурге, 8 человек назначены были состоять собственно для ловли и стрельбы дичи. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 301).

Одновременно с воспоследованием высочайшего повеления на принятие последнего штата дан был именной указ полковнику Трескау, в коем говорилось: "Указали Мы: 1) На положенных при дворе Нашем по яхт-штату служителей, здесь и в Петергофе обретающихся, на жалованье, на мундир и прочие мелкие расходы денег 7102 р. 44 к. отпускать из Штатс-Конторы. 2) Оным же служителям провиант и дрова натурою или за оные деньгами, також на корм

псовый и звериной охоты и на слона и на корм же и лекарство деньгами и что потребно натурою, всего по примерным прошлого 1732 года ценам до 6965 р. 23 к. или сколько понадобится производить отныне из нашей Дворцовой Конторы. 3) Обретающимся из того ж штата в Москве служителям на жалованье и провиант и на корм птиц и зверей, натурою и деньгами, всего полагая, например, до 4805 р. 58 к., отпускать из Дворцовой Канцелярии, и все те отпуска чинить как ныне, так и впредь, здесь по требованию твоему, а в Москве определенных служителей, о чем всем ведать и учинить по сему указу". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8328).

Правительница Анна Леопольдовна и супруг ее Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-Люнебургский, по-видимому, оба были большие поклонники охоты. Мы уже видели, что у них были собственные своры собак и что Анна Леопольдовна самолично отдавала приказания по Императорской охоте. Однако мы не нашли сведений, когда, при какой обстановке и где охотилась принцесса Мекленбургская в период своего правления российским государством. Об участии же Анны Леопольдовны в охотах императрицы Анны Иоанновны мы уже говорили.

90 Сумма, предназначавшаяся на содержание петербургских и петергофских охот распределялась так: 7102 рубля шли на жалованье, на мундир и прочие мелкие расходы служебного персонала и 6965 рублей – частью на хлебное жалованье, частью же на кормы и лекарства зверям и в частности слону. Деньги и провиант выдавались из дворцовой канцелярии и Штатс-конторы.

91 8 мая 1686 года последовал следующий указ,

сказанный всяких чинов людям:

"Стольники, Стряпчие и Дворяне Московские, и Жильцы, и всяких чинов люди".

"Великие Государи указали: в прошлых годах, по указу отца их Государева, блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца и Брата их Государей, блаженные ж памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, Их, Государей, указ сказан им неоднократно, чтобы они с людьми своими около Москвы, в ближних местах, по полям, по лесам, со псовою охотою и по рекам, и по озерам, и по прудам, и по заливам со птицами, отнюдь не ездили, и из пищалей не стреляли, и людям своим стрелять не велели".

"И ныне ведомо Им, Великим Государям, учинилось, что многие из них около Москвы, в ближних местех, в полях и в лесах со псовою охотою ездят, а по рекам и озерам, и в лесах же по птицам из пищалей стреляют".

"И они б впредь о том Их, Великих Государей, указ ведали, и около Москвы, в ближних местех с людьми своими по полям и в них со псовою охотою не ездили, и из пищалей ни по каким птицам не стреляли, и людей своих для того же не посылали".

"А буде кто из них впредь, за их, Государевым, указом то учинит, и от Них, Великих Государей, за то им быть в опале, а людям их в жестоком наказании без пощады". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 1188).

18 апреля 1703 года царь Петр Алексеевич отправил следующий указ управителю селом Измайловым, стольнику и воеводе Матвею

Васильевичу Афросимову:

"В прошлых годах, по указу блаженныя Памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великие и Малые и Белые России Самодержца, посланы были его, Великого Государя, указы в село Измайлово к прежним прикащиком, велено того села деревень сторожам и всем крестьянам учинить заказ крепкий, чтоб всяких чинов люди по лугам и по прудам, и по озерам со птицами и с пищалями не ездили и птиц никаких отнюдь не ловили и из пищалей по ним не стреляли; а в прошлом 1701 году послан его, Великого Государя, указ из Преображенского приказа к прежнему прикащику, к Ивану Головкину: велено всяких чинов людям учинить заказ крепкой же, чтоб в Измайловских лугах и по рекам, и по прудам, и по озерам с соколами и с ястребами и с пищалями отнюдь не ездили и птиц никаких не ловили, и из пищалей по ним не стреляли, и людей своих для того не посылали".

"А будет на тех Измайловских лугах и реках, и на прудах, и на озерах кто с пищальми и со птицами явятся, и тех людей велено ловить и присылать к Москве в Преображенский приказ; а в Преображенском приказе имать на них за то пени: вышних чинов людей по 50 рублей на человека, да людям же их велено чинить наказание без пошады".

"А ныне ведомо Великому Государю учинилось, что на тех Измайловских лугах, по рекам и по прудам, и по озерам ездят всяких чинов люди со птицами и с пищальми, птиц ловят и из пищалей по ним стреляют".

"И как к тебе сей, ево, Великого Государя, указ придет, и ты б по прежним и по сему ево, Великого Государя, указу на те вышеписанные места сам ездил почасту и мужиков, и крестьян посылал человек по

десять и болши непрестанно, и тех людей, которые в тех местах явятся со птицами и с пищальми велел ловить: вышних чинов у людей имать людей, а нижних чинов самих, и присылать тех людей, которые изловлены будут, со птицами и пищальми к Москве в Преображенский приказ без мотчания. А в Преображенском приказе взято будет пени вышних чинов на людях по сту рублей на человеке, а нижних чинов людем учинено будет наказание жестокое безо всякия пощады и сосланы будут в ссылку в Азов с женами и детьми на вечное житье".

"А которого месяца и числа, и каких чинов люди, и кто имянны, и в которых местех, и с чем пойманы будут, о том к Великому Государю писать и отписки велел подавать, и пойманных людей объявлять в Преображенском приказе – ближний стольник князь Федор Юрьевич Ромодановский".

"А которые того села Измайлова и приселков, и деревень крестьяне поймают птиц: кречетов, челигов кречетых, соколов, ястребов и тех бы птиц они отнюдь никому не продавали и безденежно не отдавали, а приносили тех птиц и объявляли в Семеновском на Потешном дворе. А буде кто тех птиц поймают и кому продаст, а в Семеновском на потешном дворе не объявит, и тем людем учинено будет жестокое наказание безо всякия пощады и сосланы будут в ссылку в Азов с женами и с детьми на вечное житье. А однолично б тебе о всем чинить по вышеписанному Великого Государя указу и того смотреть накрепко; а буде ты на те вышеписанные места ездить сам по часту не станешь и мужиков и крестьян непрестанно посылать не будешь, или посланные мужики и крестьяне, поймав кого на тех местех со птицами и с пищальми, для своих взятков отпустят, а после про то

будет ведомо, и за то тебе быть в пене и в жестоком наказанье, а посланным мужикам и крестьянам быть в смертной казни". (Портфейль Малиновского, No 24).

Распоряжения государя Петра Великого о запрещении охоты у села Измайлова и вообще в окрестностях Москвы, по-видимому, не касались иностранцев, гостивших в древней столице.

Известный путешественник Корнилий де Бруин во время своего пребывания в царствование Петра I-го в Москве постоянно гулял с ружьем позади своего дома, находившегося у Немецкой слободы на реке Яузе, убивая от времени до времени куликов на пруду или уток на Яузе. Однажды он убил пулей пролетавшего над его садом журавля. (Чтения при Моск. унив. 1872 года, No 1, стр. 72).

92 2 апреля 1730 года был опубликован высочайший указ:

"Понеже в прошлом 1728 году, указом блаженные и вечнодостоинныя памяти Его Императорского Величества Петра Второго в Московском уезде, расстоянием от Москвы в 30 верст со псовою и птичьею охотою ездить запрещено; а ныне Ее Императорское Величество указала из того закона убавить 10 верст, а публиковать и накрепко указать в Москве и в Московском уезде на все стороны, расстоянием от Москвы только по 20 верст, чтоб как сами помещики, так люди их и крестьяне со псовою и птичьею охотами не ездили и зверей, зайцев и лисиц и прочих, кроме волков и медведей, не травили и тенетами и ничем не ловили и не стреляли; и того накрепко смотреть самим помещикам, которые живут в домах своих, а где самих помещиков нет, то прикащикам их и старостам".

"А буде кто в противность сего Ее Императорского

Величества указа дерзнет со псовою или птичьею охотою ездить и зверей, кроме волков и медведей, отравливать или чем ловить и стрелять, тех, имая, приводить в Губернскую Канцелярию и штрафовать, не чиня никакого послабления. А волков и медведей стрелять и ловить позволяется". (1-е Полн. Собр. Зак., 1, ст. 5526).

25 мая 1731 года Правительствующему Сенату был дан следующий именной высочайший указ:

(Начало буквально заимствовано из указа 2 апреля 1730 года о запрещении охоты на 20 верст кругом Москвы). "...Но ныне, не взирая на тот Наш указ, многие тому явились преступники; чего ради сим накрепчайше подтверждаем и повелеваем, дабы, какого кто звания ни был, отнюдь не дерзал в вышеозначенных около Москвы двадцати верстах впредь то чинить, также и птиц не стреляли – и тенетами, и другими никакими снастями не ловили, под опасением за то неотменного жестокого истязания; и для лучшего о том известия публиковать Нашими указами во всех селах и деревнях, чтоб обыватели о том были сведомы; а где такие явятся, всяк бы о них доносил Обер-Ягеру Нашему Осипу Меврелю (Мервилю), которым доносителям давано будет за то каждому по два рубля, и чтобы о сем Нашем ревностном повелении, всяк ведая, впредь неведением не мог отговариваться, указали Мы при Нашей охоте ягерам Нашим, ежели кого наедут, таковых брать за караул, а собак всех перестрелять; крестьяне же и другие подлые люди, которые множественным числом стреляют и тенетами, и другими инструментами всякую дичину выводят, тем запрещается под наказание на теле и ссылкой; а на тех, чьи те крестьяне или служители в том явятся, будет взыскано с штрафом".

(1-е Полн. Собр. Зак., ст. 5760).

93 Полн. Собр. Зак., ст. 3294.

94 6 мая 1738 года Императорский кабинет уведомлял обер-гофмейстера графа Салтыкова, что "Ее Императорское Величество, именным своим указом, соизволила повелеть к Вам из Кабинета отписать, дабы в Москве опубликовано и накрепчайшим указом запрещено было, чтоб никто, как знатные, так и прочие партикулярные люди, ни с какими охотами от Москвы ближе 50 верст не ездили и никтоб зайцов и русаков не травили, и тенетами, и цевками, и протчими не ловили, и птиц не стреляли, ибо, как Ее Императорскому Величеству известно есть, что около Москвы с охотами весьма многолюдно ездят и зайцев по 70 и по 100 на день травят". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7575).

95 22 апреля 1714 года царь Петр Алексеевич приказал, дабы в С.-Петербургской губернии, в городах и уездах, было запрещено всяких чинов людям стрелять или бить лосей. "А ловить их, ежели кто захочет, живых, и, ловя, приводить их в города к Обер-Комендантам и Комендантам. А им тех лосей, принимая у них, кормить и в С.-Петербургскую Канцелярию писать, понеже тем людям, кто их поимает, по отпискам их дано будет из Его, Государевой, казны за всякого лося по пяти рублей".

"А буде кто впредь, с сего Его Царского Величества указа, лосей станет стрелять и бить, и о том, по чьему извету, сыщется допряма, и на таких противниках взят будет штраф большой, да им же учинено будет жестокое наказание". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 2799).

В первой половине 1737 года было объявлено в С.-Петербурге, в Ингерманландии, в Кексгольмском и Выборгском уездах и в Новгородской губернии, чтобы

"обыватели лосей никто сами не ловили и не стреляли, а присматривали б и обьезжали в тех местах, где оные бывают, и ежели кто лосей обьедут, то б, по всякой скорости приехав в С.-Петербург, обьявляли при дворе Ее Императорского Величества, с которыми немедленно для ловли и стреляния тех лосей посланы будут от двора Ее Императорского Величества егеря, а им, обывателям, за обьезд и за обьявление о лосях давано будет в награждение за каждого лося: за старого по 5 рублей, а за молодого по 3 рубля". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

96 18 сентября 1732 года последовал именной высочайший указ, данный генерал-полицеймейстеру Салтыкову, коим предписывалось "на Васильевском и Аптекарском, и на прочих островах, и в близости С.-Петербурга зайцев никому без указа не стрелять и не травить, и никакими инструментами не ловить, под опасением жестокого штрафа". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 6186).

18 июля 1727 года последовал нижеследующий высочайший указ: "Всепресветлейший Державнейший и Великий Государь Петр II, Император и Самодержец Всероссийский указал, по Именному Своему Императорского Величества указу, на Аптекарском острове никому с ружьем и с собаками не ходить и птиц и зверей из ружья не стрелять, и собаками не травить, и никакими инструментами не ловить, и для гулянья множеством не ходить, и кулашных боев не чинить, и кабакам на нем не быть. Сей Его Императорского Величества Именной указ объявил Тайный Действительный Советник и Кавалер Его Превосходительство Господин Остерман". (Арх. Прав. Сената, кн. XXV, л. 22).

97 4 апреля 1735 года было строжайше запрещено ловить и стрелять дичину в окрестностях Царского Села. (Яковкин, Летоп., ст. 284).

98 Доклад обер-егермейстера Волынского от 18 ноября 1736 года о "заведении" зайцев в окрестностях Петергофа и С.-Петербурга рассматривался Правительствующим Сенатом 3 января 1737 года. Сенат "приказали: в Новгородскую губернию, той губернии в города, в Ладогу, в Олонец, також в Кексгольм и во Псковскую провинцию, и в Московскую губернию послать указы, велеть публиковать, чтобы охотники нынешнею зимою в Новгородской губернии наловили живых зайцев до 500, а именно: около Новгорода 200, около Ладоги 50, в Олонецком уезде 100, в Кексгольмском 50, во Псковской провинции 100; а сколько где когда тех зайцев уловлено будет, оным охотникам объявлять воеводам, а им отсылать в С.-Петербург немедленно и дорогою беречь, чтобы все живы были довезены, и за тех зайцев тем охотникам платить деньги по рассмотрению, а именно, чтоб каждый заяц с перевозкою до С.-Петербурга не выше 10 копеек стать мог; а впредь тех зайцев по все годы присылать в декабре и январе месяцах, против вышеписанного ж, а в Московской губернии охотникам же наловить русаков до 200, которых объявлять им в Москве губернатору, а ему присылать в С.-Петербург же в генваре месяце и дорогою беречь, чтоб довезены были все живы, и впредь повсягодно по тому ж числу лова, присылать в декабре и генваре, и охотникам за них платить деньги по рассмотрению, чтобы до С.-Петербурга не выше каждый русак обойтись мог, как по 20 коп.; а ежели сыщутся такие охотники, что вышеписанных зайцев и русаков пожелают ставить в

С.-Петербург живых, с теми заключить контракты в цене без передачи, и на то все деньги держать из неположенных в штат доходов. А около С.-Петербурга и Петергофа стрелять и ловить, и травить зайцев во сте верстах запретить, о чем публиковать в С.-Петербурге из Полиции, а в Ингерманландии из Каммер-Конторы, и о том послать указы. А буде по вышеписанным ценам зайцев и русаков, с расходы, достать будет не можно, то за оных платить деньги по рассмотрению Губернаторов и Воевод". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7147).

99 По собранным Псковскою провинциальною канцеляриею сведениям оказалось, что у местных крестьян "для ловли зайцев тенета, саженой по 10, 15 и 18, имеются без крюков, которыми они ловят зайцев в зимнее время около лесов близ деревень своих по снеговым порошам, сыскивая тех зайцев по следам; а в летнее де и в осеннее время зайцев они не ловят; а русаков в тех местах никогда не бывает... Имеющимися у них тенетами ловят зайцев, связывая те тенета одни с другими, по пяти и больше, и загоняют тех зайцев из лесу в тенета людьми". Псковская канцелярия просила прислать в Псков потребные тенета с крюками и человека, опытного в ловле зайцев.

100 Зайцев предписано было наловить охотникам Новгородской губернии около Новгорода 200, около Ладоги 50, в Олонецком уезде 100, в Кексгольмском 50, в Псковской провнции 100. "А сколько где когда тех зайцев изловлено будет, оных охотникам объявлять воеводам в городех, а им отсылать в С.-Петербург немедленно и дорогою беречь, чтоб все живы были довезены, и за тех зайцев тем охотникам платить деньги по рассмотрению, а имянно: чтоб каждый заяц и

с провозом до С.-Петербурга не выше 10 копеек стать мог, а впредь тех зайцев по вся годы присылать в декабре и январе месяцах против вышеписанного ж". Московским же охотникам приказывалось наловить до 200 русаков, а платить им с расчетом, чтобы каждый русак с провозом в С.-Петербург обходился не более 20 копеек. "А ежели сыщутся такие охотники, что вышеписанных зайцев и русаков пожелают ставить в С.-Петербург живых, с теми сочинить контракты, в цене без передачи". Расход на эту надобность предписывалось "чинить из неположенных в штат доходов". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

101 Во внимание аналогичных с изложенным ходатайств, поступавших в Правительствующий Сенат из других местностей, впоследствии стали командировать в провинции охотников с тенетами из Императорской охоты, о чем мы уже упоминали, приводя сведения, касающиеся Измайловского зверинца.

Около того же времени Квашнин-Самарин всеподданнейше доносил императрице Анне Иоанновне, что "изловлено поныне около Новгорода и в Старорусском уезде 20 зайцев, для которой ловли ездил из нас нижайший (т. е. он сам Квашнин-Самарин) и вице-губернатор да полицеймейстер Барыков с охотники и с тенетами, и оные зайцы отправляются в С.-Петербург сего (не означено которого) числа на судне в ящиках с нарочитым прапорщиком Малюевым". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

102 7 мая того же 1737 года обер-егермейстер Волинский представлял Правительствующему Сенату следующее:

"Хотя указом Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената запрещено под штрафом, чтоб от С.-Петербурга партикулярным людям не стрелять и не ловить птиц, а именно куропаток серых, расстоянием в двухстах верстах, и чтоб оных, битых, и в продаже здесь не было, а прочих птиц, употребляемых в пищу, не стрелять и не ловить во степях, но токмо, не взирая на оное запрещение, партикулярные люди и ныне всяких родов птиц не только в дальних местах, но и около самого С.-Петербурга стреляют и ловят сетками и силками, и битых птиц продают в С.-Петербурге на рынке и носят по домам, что уже неоднократно присмотрено, а некоторые тем отговариваются, что будто и публикации о нестрелянии и неловлении и ловлении птиц не слышали. А понеже с мая месяца птицы сидят на гнездах и выводят детей, и для того обыкновенно во всех в Европе христианских государствах все охоты и ловы, и стрельба, наипаче о птицах, кроме птоядных (хищных, едящих птах, пташек) и вредных, мая с 1-го по август месяц, запрещается, ибо когда из старых одна птица из гнезда убита или поймана будет, тогда уже и приплод того гнезда бесполезно весь пропадает. Того ради, чтоб указом Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената повелено было в С.-Петербург и в С.-Петербургском и Дерптском дистриктах (уездах) и в Ингерманландии публиковать печатными указами и с барабанным боем под жестоким штрафом, чтоб обыватели, опричь тех, кому повелено стрелять малая птицы и даны им билеты, птиц не стреляли и не ловили, а для лучшего для того унятия и пресечения, повелено б было в дистриктах при церквах и кирках выставить оные печатные листы и при том прикащикам и мызникам накрепчайше

подтвердить, чтоб таковых презрителей указов, стрелков и ловителей, до того не допускали и впредь, и в том чтоб у прикащиков 17мызников 17 выборных старост чтоб повелено было взять подписки, дабы впредь неведением никто отговариваться не могли. А в С.-Петербурге ежели кто из тех запрещенных птиц в законные месяцы, в мае, июне и июле, продавать будут, оных повелено б было от Полицеймейстерской Канцелярии сотским и десятским ловить в Полицеймейстерскую Канцелярию для учинения штрафа, каков от Правительствующего Сената каким людям определится". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен., 7 – 1071).

В дополнение к этому Волынский 12 мая доносил: "Во многих местах обыватели ловят зайцев пустокличью тенетами, а понеже как здесь, около С.-Петербурга, так и в Московской и Новгородской губерниях, оную ловлю зайцев надлежит обывателям запретить, – того ради, чтоб указом Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената повелено было в С.-Петербургском и Дерптском дистриктах, и в Ингерманландии и в Московской и в Новгородской губерниях и приписных к тем губерниям провинциях и городех всем обывателям зайцев ловить пустокличью запретить и о том публиковать в тех местах указом". (Там же).

Вышеприведенные доклады обер-егермейстера Волынского о приобретении куропаток и зайцев, о неловлении зайцев и нестрелянии птиц весною были заслушаны и уважены Правительствующим Сенатом в том же 1737 году. 3 числа неизвестного месяца. (Там же).

103 (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

104 Около того же времени был опубликован указ о запрещении охоты в окрестностях Москвы, а также следующий интересный указ о запрещении охоты на лосей на пространстве всей территории Российского государства: "Божиею Милостью, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч. и проч. и проч. Хотя прежде сего публичными указами уже накрепко запрещено было, чтоб никаких лосей в Нашем Государстве не бить, но оные разведены и к нашей диспозиции, яко регалия, заповеданы быть имеют, дабы кожи оных на всякий потребный мундир Нашей милиции употребляемы быть могли; однакож к немалому неудовольствию уведомлеюсь, что таких зверей ежегодно как от помещиков маетностей (имений – польск.), так и от крестьян множество побито, от чего оные со временем почитай вовсе искоренятся, и кожи весьма в дорогую цену придут, или более оных невозможно сыскать будет. Того ради сей Нашим указом всем и каждому подданным и жителям в Нашем Государстве и во всех принадлежащих к тому Российских и Лифляндских провинциях состоялся, чтобы при публичных и коронных маетностях и на границах оных никто из помещиков, управителей и крестьян, или ктоб они не были, не дерзал никогда за лосями ходить и бить, а в частных и шляхетных маетностях оное на десять лет от сего числа, також вовсе заповедуется и запрещается, дабы в такое время, до Нашего соизволительного указа и определения и тамо лоси распложились и на потребное употребление кожи оных сбережены были. Ежели же явится, что кто противно тому поступит, то помещик маетности за каждого лося пятьюдесятью ефимками штрафован (будет) и такие деньги из его наличного имения или, за недостатком оного, с отягощением (от слово тягло, то

есть налог, повинность) крестьян в его поместье столько, сколько потребно, тотчас без всякой пощады взяты, а управители или другие таковые служители, которые столько денег заплатить не могут, по препорции того под жестокий арест или в заточение посажены, крестьяне же на публичную работу в крепости, по состоянию обстоятельств, на некоторое время посланы и содержаны будут; чего Наши определенные командующие управители в каждом дистрикте и округе, також и земские и экономические фискалы накрепко и прилежно предостерегать и смотреть должны, и тот, который о том донесет и объявит, что кто противно сему Нашему запрещению поступит, третью часть из собираемых за то штрафных денег получить имеет, а прочее в церкви, школы или убогие дома оных дистриктов или округов употребится. И дабы никто неведением отговариваться причины не имел, тоб священники в церквях с канцелей (в документе против этого слова на полях написано: "с катедр") сей указ ежегодно по четвертям года публиковали и читали, о содержании ж оного приказу ясно подтверждали, а помещики или управитель каждой маестности, что им о том объявлено, своеручно подписались". (Быт Росс. госуд. в 1740–1741 гг., ч. I, стр. 302).

105 12 марта 1741 года обер-егерь Бем доносил к Егермейстерским делам: "Понеже в прошлом 1740 году, за подписанием Ее Императорского Величества Анны Иоанновны, опубликовано печатными указами, дабы в Копорском уезде, во всей Ингерманландии, от Петербурга в тридцати верстах, от Петергофа, Красного Села, Кипинской мызы в тридцати ж верстах, зверей никаких ловить, також и птиц стрелять запрещено, которые Ее Императорского Величества

указы в мызах, в показанных верстах, и опубликованы, чтоб неведением никто отговариваться не мог; а ныне уведомился я, что, где обретаются лоси в дачах, обыватели и птиц всяких стреляют, а именно: в селе Колтышах, которое отстоит от Петербурга в 15-ти верстах, и в мызах: ведомства С.-Петербургской Гарнизонной Канцелярии, что называется Комендантчина; ведомства Канцелярии от строений – в селе Ижере, что на реке Неве, да по Московской дороге, Федоровского посада, в деревне Лисине; ведомства Дворцовой Конторы в деревне Кайкушах; от чего по Двору Ее Императорского Величества в ловле тех лосей и птиц чинится не малая остановка; и чтоб от оных дел (Егермейстерских) о неловлении и нестрелянии зверей и птиц для подтверждения взнести, куда надлежит, доношение".

Вследствие этого от заведовавшего в то время придворными охотами полковника фон Трескау 18 марта того же года представлено было в Придворную контору, "чтобы повелено было о неловлении и нестрелянии партикулярным людям зверей и птиц во всей Ингерманландии и Выборгском уезде и в прочих заповедных местах публиковать еще Ее Императорского Величества указами". (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 305).

106 28 июня 1740 года последовало нижеследующее высочайшее повеление:

"Божию Милостию, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч. и проч. и проч. Объявляем во всенародное известие. Хотя наперед сего неоднократно указами опубликовано, чтоб в Ингерманландии зверей и птиц партикулярные люди не ловили и не стреляли, но по тому не исполняется, и не только во всей Ингерманландии, но и в ближайших

местах к Санкт-Петербургу и около Петергофа всегда лосей, зайцев и птиц ловят и стреляют, особливо и выпущенные по Нашему указу нарочно около Петергофа и Красного Села куропатки перестреляны. Того ради указали Мы впредь лосей во всей Ингерманландии и в Выборгском уезде, а прочих зверей и никаких птиц около Петергофа, Санкт-Петербурга, Кипенской мызы и Красного Села в тридцати верстах, из партикулярных людей отнюдь никому не ловить и не стрелять, под жестоким наказанием; особливо же того по деревням и мызам за людьми и крестьянами накрепко смотреть прикащикам; а ежели кто из людей и крестьян в преступлении сего явится, то, чьибы они ни были, без всякого милосердия сосланы будут в каторжную работу, а прикащики за несмотрение жестоко штрафованы будут. И о том в Санкт-Петербурге и Ингерманландии, во всех мызах и деревнях сей Наш Императорского Величества указ публиковать, дабы все были известны и неведением никто отговариваться не мог". (Быт Росс. госуд. в 1740–1741 гг., ч. I, стр. 502).

107 21 июля 1740 года "Правительствующий Сенат, по доношению Полковника фон-Трескау, приказали: 1) о неловлении и нестрелянии в Ингерманландии и прочих местах зверей и птиц поступать по опубликованным Ее Императорского Величества печатным прошлого июня 28 числа указам непременно, чего ради такой указ, ежели к Егермейстерским делам прежде было не послано, для ведома ныне сообщить. 2) О данных от Артемия Волынского разным людям о ловле и стрелянии зверей и птиц билетах за его рукою и печатью и медных орловых бляхах, кроме Дворцовых егерей, из Полиции публиковать, ежели кто оные у себя имеет, чтоб к Егермейстерской Конторе объявили без

всякия утайки; а ежели кто не объявит и с оным станет зверей и птиц ловить и стрелять, и пойман будет, или кто в том после на него донесет, оным будет учинен штраф по указу без всякого упущения. 3) Придворным егерям, ежели где они на охоте поймают какого вольного человека: во взятые оных и приводе в Вышепомянутую Контору, обывателям в тех местах чинить вспоможение без отрицания; и о том тем егерям дать из Полиции указ с прочетом". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8179).

108 "Любимою потехою цесаревны, — говорит Стромилов, — по примеру царствующих особ тогдашней Европы, а тем более ввиду пристрастившегося к ней царствующего своего племянника, Петра II, была охота во всех ее видах, ставшая, так сказать, современной модой. Ей-то она и посвящала все свое время в Слободе, будучи в душе страстной охотницей до псовой охоты за зайцами. Статная красавица, она выезжала верхом в мужском платье и на соколиную охоту..." (Чтения в Импер. истор. общ. при Моск. унив., 1874 год, кн. I, стр. 21).

Занимаясь также стрельбою птиц, цесаревна все-таки "псовую охоту предпочитала выездам на шалаши или чучела, словом, птичьей или вообще так называемой егерской; около Слободы в пригородных селах, окруженных густыми лесами, было где потешиться в отъезде поле; и отсутствуя из своей слободы, в окрестных ее селах и деревнях, она имела также в них свои станы (ставки) — хоромы для своего ночлега, а близ них и охотные дворы". (Там же).

109 Непременным участником охот цесаревны был казначей великой княжны, Алексей Яковлевич Шубин, человек вполне в то время близкий к Елисавете

Петровне. "Шубин также был страстный охотник, и вот он, цесаревна, неразлучный с ней служитель В. И. Чулков, тоже уроженец из-под Слободы и также псовый охотник, наконец, пристрастившийся к ружейной охоте и едва ли не влюбленный в цесаревну ее лейб-хирург Лесток, – вся эта компания ревностно занималась охотою во всех ее видах..." (там же, стр. 22).

"Полевала она около дворцового своего села Андреевского (в 17 верстах от Слободы по Юрьевской дороге), где и указывают на нем место хором, а близ и любезный охотный двор для ее приезда на охоту; память об этом под дворцовым селом Ивановским (Холудневым тож) доселе сохранилась в названии некоторых урочищ-угодий – Царскими местами; все по пути переезжала она в Опольщину, к городу Юрьеву Польскому, на поле-гладь, где тешилась выпусками живых или, как выражались тогда, саженных зайцев, которых и изволила осаживать борзыми, травя около него в Монастырском селе Кучках и в сельцах Шетневе и Малом Кузьминском.. В Кузьминском народное предание сохраняет память о том роднике на ключе, где цесаревна пила воду: место это доселе осеняется иконою св. Елисаветы Мученицы" (там же, стр. 24).

110 Вскоре по вступлении императрицы Елисаветы Петровны на престол и по переезде высочайшего двора из С.-Петербурга в Москву, в январе 1742 года, последовало приказание отправить для предстоящих высочайших охот в Москву же и Петербургскую императорскую охоту, которая выбыла безотлагательно, по-видимому, в полном ее составе, так как под служителей, собак и кормы для последних было наряжено 80 ямских подвод, а самый переезд охоты обошелся в 250 рублей – сумму по тому времени

весьма солидную. (Госуд. арх., разр. XIV, No 57).

В июле месяце, "для лучшего умножения в С.-Петербурге псовой Ее Императорского Величества охоты к осенней езде", приказано было прислать из Москвы "сколько возможно больше, годных гончих собак, конечно неотменно", выступив в путь 2 августа. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 43, д. No 4).

111 В октябре 1742 года императрица охотилась на тетеревей из шалашей с чучелами. Шалаши устраивались в это время большею частью в Перовской роще, откуда один шалаш по высочайшему повелению был перенесен в начале этого месяца в Измайловский зверинец (Рукоп. Импер. охоты). В последнем месте охота, по-видимому, была особенно хороша, так как сюда приглашались высокие гости императрицы. 8-го числа того месяца "Его Светлости князя Гессен Гомбургского генерал-адъютант Господин Малтиц" объявил в Измайловском дворце, "что по именному Ее Императорского Величества изустному указу завтрашнего числа пополудни в третьем часу изволит Его Светлость быть во вновь поставленные за зверинцем шалаши для осматривания оных и стреляния тетеревей, и чтоб для загонки оных птиц были наряжены люди". (Рукоп. сборн. Именн. указ.).

9 октября этого года английский резидент при Русском дворе Wich доносил своему министерству: "Императрица чрезвычайно пристрастилась к охоте; министры редко находят случай представлять ей какие-нибудь серьезные дела". (La cour de la Russie, стр. 109).

2 ноября 1742 года Елисавета Петровна приказала построенный в Перовской роще шалаш для стреляния тетеревей перенести на новое место, по указанию обер-егермейстера Разумовского. (Рукоп. Импер. ох.).

В том же 1742 году, "в бытность свою в Москве, Императрица ездила на охоту в Подмосковную баронов Строгоновых и застрелила несколько зверей". (Вейдемейер, т. II, стр. 122). Зимой с 1742 на 1743 год велено было крестьянам Переяславского уезда, Елисею и Степану Ивановым и Матвею Игнатьеву, "к охоте Ее Императорского Величества обыскивать медведей и других зверей". Весьма интересно, что названные крестьяне были сыновьями: первые двое того Ивана Иванова, а последний того Авдея Игнатьева, на которых совершенно такая же задача была возложена (о чем мы говорили раньше) при императоре Петре II. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

112 21 января 1744 года императрица Елисавета Петровна со всем придворным штатом отправилась из С.-Петербурга в Москву, не дождавшись приезда в С.-Петербург приглашенной ею принцессы Цербстской, впоследствии императрицы Екатерины II, которая прибыла в этот город 3 февраля и тотчас же направилась с матерью в Москву, куда и прибыла 9-го числа того же месяца. (Соловьев, т. XXI, стр. 305 и 324).

113 12 мая 1744 года императрица в бытность свою в Москве подарила обер-егермейстеру графу Алексею Григорьевичу Разумовскому село Перово и деревни Тетерки и Тимохово. И эти вновь подаренные обер-егермейстеру места сделались вскоре весьма частой ареной охотничьих походов Елисаветы Петровны. "Государыня любила посещать Перово и гостила там иногда довольно долго. Туда привозила она впоследствии и Великого Князя и Великую Княгиню (Петра Феодоровича и Екатерину Алексеевну); там Елисавета Петровна любила

потешаться соколиною и псовой охотою, на которую приглашались часто чужестранные министры и некоторые из знатных обоего пола особ".

"Как любила Императрица гостить в Перове, так точно, во время пребывания в Петербурге, или его окрестностях, часто навещала она Гостилицкую мызу; то Мурзинку, то Славянку, то Приморский двор, подпетербургские дачи старшего Разумовского. Но особенно любила она Гостилицы. Сюда приезжала она на несколько дней летом", позднюю осенью и даже зимою. Здесь она охотилась верхом, то с собаками, то с соколами, в мужском платье". ("XVIII век", ч. II, стр. 406 и 434).

19 июня 1744 года, в 10 часов утра, Елисавета Петровна из Москвы "с небольшою свитою, изволила шествие иметь через Головинский сад, и, выступая из сада, изволила сесть в кареты и следовать в путь в село Люберицы, которое от Москвы расстоянием в пятнадцати верстах, куда изволила прибыть в двенадцатом часу в половине, и по прибытии вступить в ставки, поставленные во дворце". Затем "пополудни в седьмом часу в половине, Ее Императорское Величество, с придворными кавалеры, из оных ставок изволила поехать верхом в поля с соколами, за охотою, а прибыть изволила во оные ж ставки пополудни ж в девятом часу в исходе, где по прибытии изволила кушать вечернее кушанье и ночевать". 20-го числа императрица ездила из Любериц в Николо-Угрешский монастырь, который от Любериц в 7 верстах, куда вошла пешком, встреченная в воротах игуменом с братьею. Отслушав в монастыре литургию и молебен, посетив затем дворец у монастыря, Елисавета Петровна обедала на лугу в ставках, а в седьмом часу вечера со всею свитою направилась в Москву. "И будучи в пути,

изволила ездить с соколами, за охотою; а в Москву прибыть изволила к Головинскому саду пополудни ж в одиннадцатом часу в половине". (Походн. журн. 1744 года, стр. 18–20).

114 22 мая 1749 года императрица Елисавета Петровна в бытность свою в Москве, "соизволила в забавный дом, называемый Перово, на несколько дней отъехать". ("С.-Петербургск. ведом." 1749 года, No 43).

Это пребывание императрицы в гостях у обер-егермейстера, вероятно, должно было быть посвящено главным образом охоте, о чем, между прочим, можно догадываться и по свидетельству генерального хорунжего Ханенка, который, будучи также приглашенным в Перово, почел первейшею своею обязанностью купить для себя в Москве ружье. (Ханенко, стр. 425).

В начале этого пребывания Елисаветы Петровны в Перове охоты действительно происходили каждый день. Кроме императрицы, в охотах этих принимали участие великий князь и великая княгиня, также приглашенные Разумовским в его поместье. Злобою дня был в это время Чеглоков, муж обер-гофмейстерины. "Благодаря подаренной ему сучке Цырцее, он участвовал в каждой охоте и сделался предметом постоянных насмешек и шуток всей Перовской компании. Его уверяли, что собака его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чеглоков был в восторге". ("XVIII век", т. II, стр. 461).

Однако в это свое пребывание в Перове Елисавета Петровна не могла долго наслаждаться охотою. Вскоре по приезде императрица занемогла воспалением в боку, а оправившись от этой болезни, предприняла путешествие пешком в Троице-Сергиевскую лавру. (Вейдемейер, т. I, стр. 134).

Во время пребывания высочайшего двора в Москве в течение 1749 года с великим князем Петром Феодоровичем приключился на охоте следующий знаменательный случай:

"Великий Князь любил охоту и часто занимался сею забавою в окрестностях Москвы. В сей столице стоял Бутырский полк, в котором служил поручик Батурин, дурного поведения, игрок, обремененный долгами, но человек предприимчивый. Однажды, когда Великий Князь был на охоте, Батурин, увидя его отделившегося от своей свиты, бросился к ногам и сказал, что он клянется не признавать никого Государем, кроме его, и что он готов исполнить все, что ему Его Высочество прикажет". Великий князь ускакал, а Батурин был препровожден в Преображенское, в Тайную канцелярию, где оказалось, что он питал намерение покуситься на жизнь императрицы. Приговоренный к вечному заключению в Шлиссельбургской крепости, бежавший оттуда, пойманный и сосланный затем в Камчатку, совершивший побег и из этой ссылки, Батурин был убит туземцами на острове Формозе. (Вейдемейер, т. I, стр. 135).

115 В октябре 1752 года обер-егермейстер граф А. Г. Разумовский писал егермейстеру Хитрово:

"Доношением ко мне от Обер-Егермейстерской Канцелярии представлено, что, по имянному Ее Императорского Величества изустному указу, повелено Ее Императорского Величества своры блюденных борзых сук ныне отправить для наилучшего способу в Москву с нарочным, которые и отправляются в одной фуре; а понеже Ее Императорское Величество соизволила намерение воспрять в будущем декабре месяце шествовать в Москву и, как уповательно, что в бытность в Москве имеют быть походы, а для возки в

походах своры Ее Императорского Величества и под прочих собак потребно до шести фур сделать вновь, и для избежания казенного убытку заблаговременно потребовано, не повелено ль будет оные фуры ныне определить сделать. И на оное Вашему Превосходительству сим сообщаю, изволите, для показанных мне в докладе резонов, против той фуры, которая ныне отправляется в Москву, определить вновь шесть фур сделать заблаговременно, дабы во время Высочайшего Ее Императорского Величества прибытия в Москву в делании тех фур не могло произойти в цене излишней передачи; а платеж под вышеобъявленных собак ямским подводам прогонов и на прочие путевые расходы, что надлежит, безылишеству, також и на дело тех фур, деньги употребить из оставшей по яхт-штату за годовыми расходами сумм, что объявля, пребываю Вашего Превосходительства всегдашний слуга Гр. Ал. Разумовский". (Рукоп. Имп. ох.).

6 ноября того же года граф А. Г. Разумовский приказал следовать в Москву егермейстеру, канцелярии со служителями, обер-егерю Армакову со всеми егерями и егерскими учениками и для починки ружей Ее Величества слесарному подмастерью и двум ложенного дела ученикам да псовой охоты корытничим, стремянным охотникам и прочим служителям, взяв с собою всех годных борзых и гончих собак, а негодных, "дабы на них казенного корму напрасно не происходило", раздать желающим, донеся ему, обер-егермейстеру, какие собаки подлежат раздаче. (Рукоп. Имп. ох.).

В то же время готовилась к предстоящим охотам императрицы Елисаветы Петровны и Московская псовая охота, для чего, между прочим, были устраиваемы пробные охоты в окрестностях Москвы. В

одну из таких охот, происходивших в Семеновской роще, охотник Шолмин нашел неизвестного человека, укрывавшегося в яме, заложеной сверху травой. По извлечении неизвестного из его убежища и по осмотре его он оказался питанным, почему его и отправили в Сыскной приказ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

116 В 1755 году, во время своего пребывания в Москве, императрица Елисавета Петровна посещала потешный двор села Семеновского. (Журнал гоф-штаб-квартирмейстера 1753 года, стр. 21, 23 и др.).

11 июля того же года "поутру Ее Императорское Величество изволила слушать обедню в Воскресенском монастыре; а после полудня изволила ездить на поле со псовой охотою" (там же, стр. 40).

14 июля того же года "поутру Ее Императорское Величество изволила слушать обедню в Воскресенском монастыре; а после полудня изволила ездить на поле со псовой охотою" (там же, стр. 40).

18 июля, в "воскресение, Ее Императорское Величество поутру в селе Черневе изволила слушать обедню, а после обеденного кушанья изволила ездить в поле со псовой охотою" (там же).

Прибыв 23 августа 1753 года, в понедельник вечером, в село Братовщино, на следующий день, во вторник, "24-го числа, пополудни Ее Императорское Величество изволила забавляться на поле со псовой охотой, и того вечера вечернее кушанье изволила кушать в селе Алешине, от Братовщины пятнадцать верст, у Генерал-Адъютанта и обоих Российских орденов Кавалера, господина Александра Борисовича Бутурлина, при чем был зажжен фейерверк и ракеты" (там же, стр. 45).

1 сентября того же года, в среду, "пополудни Ее

Императорское Величество соизволила в селе Перове веселиться со птичьей и псовой охотой, куда приглашены были некоторые знатные особы обоего пола и все чужестранные Министры; и того вечера все, при столе Ее Императорского Величества, во оном селе Перове, первых трех классов, Статс-Дамы и чужестранные Министры кушали вечернее кушанье" (там же, стр. 50).

21 сентября 1753 года, во вторник, "после обеденного кушанья, Ее Императорское Величество с некоторыми придворными кавалерами и знатными особы изволила ездить со псовой охотой от Воробьевых гор полями; а вечернее кушанье изволила кушать от Москвы в двенадцати верстах, в Подмосковном селе Конькове, у графа Михаила Ларионовича Воронцова" (там же, стр. 56).

117 Стремянный императрицы.

118 От одного старого придворного, умершего в 1815 г. лет ста от рождения. Сообщено С. Н. Шубинским.

119 9 мая 1754 года, "пополудни, Ее Императорское Величество и Его Императорское Высочество изволили иметь выход; было съезжее поле в Перовских рощах; охота была псовая Гофмаршала и кавалера господина Нарышкина, где были Цесарский Посол, и все чужестранные Министры, и Российские первого и второго классов и некоторые знатные обоего пола особы. А с поля Ее Императорское Величество, и Его Императорское Высочество, и все в свите, бывшие на охоте, Российские и чужестранные, у Камергера и Кавалера, Графа, господина Шереметева в селе Кускове, Ее Императорское Величество и Его Императорское Высочество и все кушали вечернее кушанье, причем представлена была изрядная

иллюминация". (Церемониальный журнал 1754 года, стр. 41).

19 того же мая императрица со всем придворным штатом направилась из Москвы в Село Царское, куда прибыла 25 числа того же месяца. ("С.-Петербур. вед." 1754 года, NoNo 41 и 42).

120 В марте 1745 года, еще по снегу в санях, была перевезена из Москвы в С.-Петербург часть Императорской псовой охоты, а вскоре и часть птичьей, но прибыла ли последняя в Петербург тогда же – не знаем, так как в июне месяце снова в Москву было отправлено требование выслать птичью охоту к Высочайшему двору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. No 14).

121 14 апреля 1743 года приказано было выслать из Москвы в С.-Петербург часть Императорской птичьей охоты "без всякого продолжения". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 4–2).

10 мая 1743 года, во вторник, в бытность свою в Царском Селе, "Ее Императорское Величество, после обеденного кушанья, пополудни в пятом часу, изволила быть для увеселения в имеющемся тамо зверинце, где и кушать соизволила". (Походный журнал 1743 года, стр. 29).

20 августа того же года Елисавета Петровна приказала Императорской псовой охоте выехать из С.-Петербурга в дворцовые села Сарское и Красное, а также в Ропшу и состоять там некоторое время. (Рукоп. Имп. ох.).

Очевидно, это распоряжение предшествовало выезду императрицы на охоту, что совершенно определенно подтверждается следующей депешей, помеченной 27 числом того же месяца, французского

резидента в С.-Петербурге Дамона к французскому министру в Стокгольме: "Царица сегодня после полудни из своих полевых домов возвратилась, где она несколько дней пробыла". (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 414).

7 октября 1743 года императрица Елисавета Петровна подарила своему любимцу, обер-егермейстеру графу Алексею Григорьевичу Разумовскому, Гостилицкую мызу. ("XVIII век", т. II, стр. 402).

В новом своем имении граф Разумовский весьма часто удостоивался посещений своей высокой покровительницы и устраивал при таких случаях блестящие праздники, во время которых охотничьи забавы играли далеко не последнюю роль. Приводя ниже все описания Гостилицких охот, считаем нужным упомянуть двумя словами и о времени каждой известной нам поездки императрицы в Гостилицы, при описании которой в источниках об охоте даже не упоминается, так как последнее обстоятельство, думаем, совершенно не доказывает, что охота не была одной из целей поездки. Говорим это утвердительно вследствие того обстоятельства, что по сличении записей камер-фурьеров с другими безусловно достоверными документами оказывается, что камер-фурьеры весьма и весьма часто не записывали в свои рукописи, что тот или другой выезд царствующих лиц имел, между прочим, целью и охоту.

7 октября 1743 года, в пятницу, Елисавета Петровна отправилась из С.-Петербурга в Красное Село, куда и прибыла в шестом часу вечера. В субботу 8-го числа, "в шестом часу пополуночи, изволила иметь шествие, для стреляния птиц, к нарочно сделанным для того шалашам, и тут изволила пребыть до шестого часа

пополудни, а потом возымела шествие в село Царское, и изволила прибыть пополудни в восьмом часу". 10 числа, в понедельник, императрица "пополуночи в седьмом часу, изволила шествовать для стрельяния диких птиц в шалаши и тамо пробить до первого часа пополудни". В этой охотничьей поездке царицу сопровождали "знатные персоны", Алексей Григорьевич Разумовский, гофмаршал Дмитрий Шепелев, Михайло Ларионович Воронцов, Александр Иванович Шувалов, Антон Мануилович Девиер, шталмейстер Петр Спиридонович Сумароков, Андреян Никифорович Елагин и камер-юнкеры Лялин и Сиверс. Это охотничье общество конвоировала лейб-компания. (Походный журн. 1745 года, стр. 38 и 39).

10 января 1744 года, "пополуночи в восьмом часу, Ее Императорское Величество изволила шествие иметь на охоту, а прибыла в третьем часу пополудни". (Походный журн. 1744 года, стр. 2).

11-го числа того же месяца, "пополуночи в восьмом часу Ее Императорское Величество изволила шествие иметь на охоту, а прибыла в первом часу пополудни" (там же).

19 августа 1746 года Елисавета Петровна ездила из Петергофа в Гостилицы, в гости к обер-егермейстеру. (Камер-фурьерский журн. 1746 года, стр. 82).

С 29 сентября по 3 октября, а затем с 1 по 5 декабря того же 1746 года Елисавета Петровна гостила у обер-егермейстера в Гостилицах (там же, стр. 95 и 119).

С 8 до 15 сентября императрица проживала в Гостилицах у обер-егермейстера Разумовского (Камер-фурьерск. журн. 1748 года, стр. 58), а 15 декабря того же 1748 года отправилась, со всем двором, в Москву. ("С.-Петербур. вед." 1748 г., No 101).

122 8 июля 1745 года, в полдень, императрица

Елисавета Петровна со всею своею свитою выступила из Петергофа в каретах на мызу Ропшу, отстоящую от Петергофа в 23 верстах. В Ропше государыня обедала, а после обеда, под вечер, тронулась в дальнейший путь в Гостилицкую мызу, расстоянием от Ропши в 15 верстах, куда и прибыла в девятом часу вечера. В Гостилицах императрица остановилась в доме обер-егермейстера графа А. Г. Разумовского, где сначала ужинала, а затем и ночевала. Во время ужина, при тостах, предложенных императрицею и в честь императрицы, расположенная в Гостилицах артиллерия палила из пушек. Проведя следующее утро и первую половину дня в Гостилицах, отобедав затем в нарочно поставленной на чистом воздухе большой палатке, "в седьмом часу в исходе Ее Императорское Величествво изволила шествие иметь, верхом, в мужском полевом платье, на охоту в поле, с кавалерами, а оттоле паки в Гостилицы изволила возвратиться в одиннадцатом часу в исходе и, по прибытии, в ставке изволила кушать вечернее кушанье". На следующий день, 10-го числа, отслушав в той же мызе, в полковой Астраханского полка церкви литургию и отобедав при пушечной стрельбе "при здоровьях" "пополудни в четвертом часу Ее Императорское Величество соизволила шествие иметь, верхом, в мужском охотничьем платье в поле с соколами для птичьей охоты, а возвратиться в дом в десятом часу в начале". 1-е число Елисавета Петровна также провела в Гостилицах, но уже не выезжая на охоту, а 12 июля в половине первого часа дня направилась в каретах в Ропшу, где посвятила отдыху около 4-х часов времени и обеду час времени, а затем поехала в Петергоф, куда и прибыла в двенадцатом часу ночью. (Походный журн. 1745 г. стр. 165–168).

3 сентября 1745 года, в двенадцатом часу дня, Елисавета Петровна снова направилась из Петергофа через мызу Ропшу в Гостилицкую мызу, "которая Его Сиятельства Обер-Егермейстера и кавалера, Рейхс-графа Алексея Григорьевича Разумовского", куда прибыла уже в третьем часу. Здесь императрица провела и свое тезоименитство, 5 сентября, в каковой день обер-егермейстер устроил пышный обед на 12 столах, при пушечной пальбе, игрании на трубах и битии в литавры, а вечером против дома Разумовского была зажжена роскошная иллюминация. На другой день, 6-го числа, "пополудни в первом часу, Ее Императорское Величество с придворными кавалеры изволила шествие иметь, верхом, в охотничьем платье, поле за охотою, а оттоле возвратиться изволила в пятом часу в начале". В Петергоф же Елисавета Петровна вернулась в десятом часу вечера 8 сентября (там же, стр. 175–177).

123 2 декабря 1745 года, в четвертом часу пополудни, императрица, великий князь Петр Феодорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна и принц Август Голштинский отправились из С.-Петербурга, из Зимнего дворца в Петергоф, куда прибыли в начале седьмого часа вечера. На следующий день, 3-го числа, утром в 10 часов "Ее Императорское Величество, Его Императорское Высочество и Его Светлость изволили шествовать за охотою на чучелы; а возвратиться изволили во втором часу в половине". На завтра, 4-го числа, те же лица со свитою направились через Ропшу в Гостилицы, причем выехали из Петергофа в десятом часу утра, а были на месте в исходе двенадцатого часа. Высоких гостей обер-егермейстер встретил в своем поместье пушечною пальбою. На следующий день, 5-го числа, "после обеденного кушанья, пополудни во

втором часу, Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества, и Его Светлость Принц Август с прочими персонами изволили шествовать, в малых санках, на чучелы, а оттоле возвратились в четвертом часу". В 8 часов утра 6-го числа те же лица снова отправились тем же порядком бить на чучелах тетеревей, вернувшись в Гостилицы в 2 часа дня. На следующий день, 7 декабря, предпринято было путешествие из Гостилиц через Красное Село в Царское Село, отстоящее от Гостилиц в 29 верстах, "и во время того шествия Ее Императорское Величество изволила заезжать в мызу Ропшу на чучелы". 9 декабря, будучи в Царском Селе, "пополуночи в девятом часу Ее Императорское Величество изволила шествовать на чучелы, а возвратиться изволила в двенадцатом часу". На следующий день, во вторник 10 декабря, "пополуночи в девятом часу Ее Императорское Величество изволила шествовать на чучелы, а возвратиться изволила в первом часу в начале, к обеденному кушанью". (Походный журн. 1745 года, стр. 179–182).

124 С 15 по 19 марта 1748 г. императрица провела время в Гостилицах (Кам.-фур. журн. 1748 года, стр. 22); 20 мая того же года направилась туда же, причем 22 мая к ней присоединились их высочества Петр Феодорович и Екатерина Алексеевна (там же, стр. 39). Это путешествие чуть было не кончилось для последних весьма плачевным образом.

После приезда в Гостилицы, откушав поздний ужин, великий князь с супругою направились в особый домик, который они обыкновенно занимали, посещая охоты, устраиваемые обер-егермейстером. Ночью приехал из Ораниенбаума к великому князю курьер, сержант гвардии Левашов, который, боясь беспокоить

Петра Феодоровича, по-видимому уже уснувшего, присел у сказанного домика и вдруг услышал чрезвычайно сильный треск. Вскочив на ноги и заметив, что здание, занимаемое высокими гостями, начинает рушиться, Левашов бросился в дом и выломал запертые двери спальни, расположенной в верхнем этаже. Великий князь, накинув шлафрок, выскочил на двор, а Екатерина Алексеевна бросилась в смежную комнату к своей фрейлине Круз; но едва успела она переступить порог, как дом затрясся и обе женщины, великая княгиня и ее фрейлина упали. Левашов, не потерявшись, схватил Екатерину Алексеевну на руки, но выйти со своею дорогою ношею не мог, так как лестница уже разрушилась, и великую княгиню пришлось передавать через развалины, с рук на руки, нескольким сбежавшимся на крики людям. Трое человек, находившихся в нижнем этаже, и 16 работников, спавших вокруг домика, были убиты.

Причиною этой катастрофы было то обстоятельство, что домик этот переделывался в то время, и в нижнем этаже вместо столбов были поставлены 12 временных бревенчатых стоек. Заведовавший работою архитектор, отлучившийся в С.-Петербург перед приездом высоких гостей, хотя и наказывал строго-настрого, чтобы не дотрагивались до названных стоек, однако управитель Гостилицкой мызы, узнав о том, что в домике этом будут помещены их высочества, приказал ради красоты стойки эти вырубить прочь. (Вейдемейер, т. I, стр. 115 и др.).

Из Гостилиц высокие гости отбыли в С.-Петербург 27 мая. (Кам.-фур. журн. 1748 года, стр. 40).

125 Сообщено И. Н. Божеряновым.

126 Проводя лето 1748 года в Петергофе, Елисавета Петровна довольно часто охотилась в его окрестностях. 25 августа оттуда писали в "С.-Петербургские ведомости": "Ее Императорское Величество, наша Всемилоостивейшая Государыня, с некоторого времени изволила забавляться охотою в находящихся около Петергофа лесах, при чем побиты были разные дикие звери и между ими один медведь чрезвычайной величины, потому что его кожа была без четверти четырех аршин. Также и один лось, вышиною от копыт до спины в 2 аршина 6 вершков". ("С.-Петербургск. ведом." 1748 года, No 68).

127 30 мая 1745 года "пополудни в шестом часу, Ее Императорское Величество изволила шествие иметь в Ранбом (Ораниенбаум), верхом, и оттоле возвратиться в восьмом часу в Петергоф; а Их Императорские Высочества и Их Светлости изволили шествовать во зверинец". (Походный журн. 1745 года, стр. 157).

29 июля 1745 года, в бытность свою в Царском Селе, "пополудни в шестом часу Ее Императорское Величество изволила шествие иметь, с птичьєю охотою, около зверинца и скрозь зверинца, откуда возвратиться во Дворец изволила пополудни же в восьмом часу" (там же, стр. 171).

14 ноября 1745 года, в среду, "пополудни в шестом часу, Ее Императорское Величество изволила шествовать из Зимнего Дворца, по Петергофской дороге, на Головину дачу и в другие места, на чучелы для стреляния птиц; а возвратиться изволила в Санктпетербург и прибыть в Зимний Дворец на пятнадцатое число в ночи". (Банкетный журн. 1745 года, стр. 122).

Июнь месяц 1746 года императрица Елисавета Петровна провела в Петергофе ("С.-Петерб. ведом."

1746 года, No 44), а июль употребила на путешествие в Ревель (там же, NoNo 54, 60 и 61).

22 сентября 1746 года, "после полудни, изволила Государыня отъехать в Царское Село и другие места на охоту". (Дневник Ханенка, стр. 285).

15 января 1750 года императрица Елисавета Петровна отправилась после обеда из С.-Петербурга в Петергоф, откуда, откушав вечернее кушанье, проследовала в Гостилицкую мызу, где и оставалась до 18 января, после чего уехала в Царское Село. (Кам.-фур. журн. 1750 года, стр. 11). В Гостилицах же Елисавета Петровна пробыла с 14 по 19 марта того же года, причем 17-го числа, в день именин графа Алексея Григорьевича Разумовского, состоялся парадный банкет: "В продолжение столов, обеденного и вечернего, происходила пушечная пальба, и в покоях при тех столах играла Италианская музыка, также против покоев зажжена была иллюминация" (там же, стр. 32).

23 июня 1750 года "Ее Императорское Величество соизволила шествовать из Петергофа в Царскую мызу, состоящую в трех верстах, и там иметь обеденное кушанье, и после кушанья соизволила с некоторыми знатнейшими в поле на охоту, а с поля прибыть паки в ту мызу, где иметь вечернее кушанье, а после кушанья шествовать в Петергоф" (там же, стр. 67).

26 июня того же года "обеденное кушанье Ее Императорское Величество соизволила кушать с некоторыми знатнейшими обоего пола особами в саду, в беседке, а после обеденного кушанья соизволила выход иметь в поле на охоту; а с поля соизволила заехать в Приморскую мызу и там вечернее кушанье соизволила кушать, и после кушанья в Петергоф изволила прибыть в первом часу пополуночи" (там же,

стр. 70).

30 того же июня, в шестом часу пополудни "Ее Императорское Величество изволила шествовать, верхом, в поле на охоту, а с поля паки в Петергоф прибыть в одиннадцатом часу" (там же, стр. 75).

2 июля того же года императрица отправилась из Петергофа в Гостилицы, где пробыла до 6-го числа и откуда поехала в Царское Село (там же, стр. 76).

Эта "осенняя езда" Ее Величества происходила в Гостилицах, где Елисавета Петровна провела в тот год время с 11 по 17 сентября. (Кам.-фур. журн. 1750 года, стр. 105).

Проводя июль месяц 1754 года в Петергофе, 21-го числа того месяца, "поутру, Ее Императорское Величество изволила Высочайший выход иметь в село Ропшу и там изволила кушать обеденное кушанье; а после кушанья изволила ездить на поле, со псовой охотою, и к вечернему кушанью паки в Петергоф прибыть изволила".(Церемониальный журн. 1754 года, стр. 53).

22 ноября того же года "Ее Императорское Величество соизволила Высочайшее шествие иметь из Санктпетербурга на шалаши, отстоящие по Петергофской дороге, пополудни в пятом часу, куда приездом Высочайше удостоены были и чужестранные Министры, то есть: господин Цесарский Посол и господа Шведский и Датский Посланники. А оттуда прибыть соизволила, пололудни в третьем часу, к Средним Рогаткам, к обеденному кушанью, где трактованы были как упоминаемые чужестранные Министры, так и Российские знатные особы" (там же, стр. 97).

26 июня 1755 года, будучи в Петергофе, "Ее Величество изволила ездить в поле на охоту".

(Кам.-фур. журн. 1755 года, стр. 68).

21 августа того же года Иван Иванович Шувалов писал из Царского Села графу Михаилу Ларионовичу Воронцову: "Внушить иностранным, если они любопытствовать станут о присутствии Ее Величества, что всемилостивейшая государыня изволила поехать на охоту того ж утра их к вечеру назад возвратиться изволит". (Арх. кн. Воронцова, т. IV, стр. 275).

Очевидно, это предупреждение было послано относительно следующего дня. Действительно, 22 августа в Царском Селе "Ее Императорское Величество обеденное кушанье изволила кушать во внутренних Своих покаях. И после обеденного кушанья изволила поехать на поле со псовой охотой, а на Пулковской горе поставлены были шатры, куда Ее Императорское Величество с охоты прибыть изволила, також Английский Посол и Граф Понятовский приглашены были. И после вечернего кушанья Ее Императорское Величество изволила возвратиться в Село Царское, а Посол отправлен обратно в Петербург". (Кам.-фур. журн. 1755 года, стр. 77).

128 8 августа 1751 года, "пополудни в четвертом часу, Ее Императорское Величество из Петергофа соизволила поехать в Ропшу, и тут, уже поздно, изволила кушать обеденное кушанье; и после кушанья, тогож дня, изволила прибыть в Гостылицкую мызу Графа Алексея Григорьевича Разумовского и тут изволила веселиться на охоте и пробыть до 17 числа". (Журнал гоф-штаб-квартирмейстера 1751 года, стр. 75).

30 сентября 1751 года "Ее Императорское Величество изволила веселиться с охотою в селе Красном следующим порядком:

"Того дня, по утру, в десятом часу, Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь,

изволил прибыть из Санктпетербурга в село Красное, в линею, с Послом Их Римских Императорских Величеств, господином Бретлахом (Претлахом) и с своими придворными кавалерами, все в богатом полевом платье, и перед покоем Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь, встречен всеми придворными Кавалеры, которые тако ж одеты все в полевых богатых кафтанах. Потом, мимо дворца, пошла в поля Ее Императорского Величества охота, преизрядно с учрежденных порядком, по званиям охотничьих чинов все охотники в пребогато выкладенных гасами охотничьих кафтанах, поверстаясь дворца, по обычаю, звали в рога; во окончании охоты ехал Егермейстер, господин Хитров; за ним его охота; потом, воодаль несколько, шла лягавая охота с своим Форштмейстером, а верховые лошади Ее Императорского Величества наперед в поля отведены. Потом Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь, с господином послом и своими придворными Кавалерами, из дворца, в каретах, изволил поехать в поля, где и ожидал Ее Императорского Величества прибытия.

"Ее Императорское Величество, в одиннадцатом часу, из внутренних Своих покоев к Кавалерам изволила выдти в охотничьем кафтане; тогда на столе поставлено было кушанье, и изволила с Кавалерами, стоя, кушать. И сев в кареты, следовать изволила в поля, и прибыв, где Его Императорское Высочество ожидать изволил, тут Обер-Егермейстер распределил охоту, где и господину Послу как от Императорской конюшни лошадей подали, так и от охоты охотники и собаки даны, а придворные Кавалеры, каждый, имели лошадей своих с богатым экипажем, также охотников и охоту свою, все в богатом убранстве.

"Сев тогда верхами, имели через весь день охотиться, а ночь принудила всех охотников оставить поля и съезжаться от села Красного в двух верстах, близ бумажной мельницы (надо предполагать на месте теперешнего железнодорожного вокзала, около которого имеется мельница, теперь развалина, весьма старой постройки), в поставленный Ее Императорского Величества лагерь; тогда, в большой ставке, Ее Императорское Величество с Его Императорским Высочеством и господином Послом, и со всеми Кавалерами, которые были на охоте, в тридцати пяти персонах, изволили кушать. Стол состоял в трех переменах; в третьей, последней перемене представлен был кондитером Ее Императорского Величества великолепный десерт, приличный тому веселию: представлял охоту. В продолжении стола играли в трубы, били в литавры и, пока стол продолжался, играли в волторны.

"По окончании того стола, Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь, и господин Посол, по принесении Ее Императорскому Величеству должного благодарения, поехать изволили в Петербург, а Ее Императорское Величество, из лагеря, в село Красное". (Журнал гоф-штаб-квартирмейстера 1751 года, стр. 92–95).

4 октября того же года появилось следующее описание той же охоты в "С.-Петербургских ведомостях": "Великолепие, соединенное с искусным распоряжением, которым Российской Императорской Двор пред другими столь превосходно сияет, никогда в прекраснейшем виде не оказывалось, как 30 числа прошедшего месяца, при учрежденной в Красном Селе охоте.

"Ее Императорское Величество, Его Императорское

Высочество, Государь Великий Князь, и несколько Дамских особ, которые, купно с знатнейшими придворными Кавалерами, числом до тридцати персон, на оную приглашены были, прибыли туда все в одинаком платье, а именно в суконных бирюзового цвета, Черкесских кафтанах и в алых камзолах, везде золотым газом пребогато выкладенных, при чем не было ни одного, кто б не имел на себе такого платья, кроме Его Превосходительства Римско-Императорского Генерала и Полномочного Посла, барона Претлаха, и графа Коллоредо, которых Ее Императорское Величество такожде к своей охоте звать повелела.

"Оная началась в двенадцатом часу перед полуднем, а в исходе шестого часу ввечеру окончилась.

"При прибытии Ее Императорского Величества на сборное место, стояли там, кроме свиты Ее Величества, в два ряда, больше семидесяти егеров, в Черкасском же одинаком платье, а именно в алых суконных кафтанах и в зеленых камзолах, с золотым позументом.

"Как скоро дан был сигнал трублением 3 роги, то началась охота и с совершеннейшим успехом продолжалась, при чем было больше трехсот гончих и борзых собак.

"Вышепомянутое одинаковое платье высоких особ, также и егерское, было столь великолепно и богато, что оно стоило больше 20.000 рублей, не считая того, что каждый кавалер имел при себе еще несколько собственных егеров и других служителей, которые не меньше богато одеты были; также не малого числа заводных лошадей с богатым набором. А понеже при том и самое положение места, где охота происходила, для множества холмиков, чрезвычайно способно было, чтоб такое с наилучшим порядком соединенное великолепие зрению совершенно представить, то по

справедливости сказать можно, что все сие удивления достойный вид производило.

"По возвращении с охоты, приготовлен был под пребогатою палаткою стол со множеством деликатного кушанья, за которым Ее Императорское Величество со всеми, высокую Ее Величества свиту составляющими персонами, при игрании на волторнах, причем по переменам слышна была симфония разных других инструментов, вечернее кушанье кушать, а потом, в исходе третьего часа пополуночи, в Санктпетербург возвратиться соизволила.

"Как впрочем великолепие, порядок и изрядное распоряжение везде при сем увеселении являлось, то сие не иначе как общее удивление во всех присутствовавших при том произвести могло, и справедливо за наилучшее почтено, какое в сем роде представить возможно". ("С.-Петербур. вед." 1751 года, No 81).

129 10 декабря 1754 года, в субботу, "Ее Императорское Величество изволила иметь выход из Санктпетербурга, по утру, в восьмом часу, по Петергофской дороге на шалаши, и оттоле возвратилась, пополудни в четвергом, к обеденному кушанью; при оном выходе, кроме придворных, никого не было". (Церемониальный журн. 1754 года, стр. 109).

20 января. 1756 года, "по утру, Ее Императорское Величество изволила выход иметь в шалаши, стоящие близ дачи графа Петра Ивановича Шувалова, куда взят был столовый прибор, и во оных шалашах изволила кушать обеденное кушанье". (Кам.-фур. журн. 1756 года, стр. 7).

130 От этого времени сохранилось известие, что в Перове, в Липовой и Ореховой рощах, "для стреляния

во время присутствия Ее Императорского Величества в Москве тетеревей", имелись шалаши, в которых, однако, "от дождевые погоды, за худобою крышек, великая бывает течь и от той течи, показанные шалаши весьма гниют". Сооружения эти, "чтоб объявленным шелашам и в них обоям не учинилось вреда", приказано было "покрыть вновь тесом, без продолжения". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

131 В мае 1746 года последовало распоряжение произвести починку дороги "от Горелого кабачка" на дворцовую деревню Койерово, находившуюся где-то в окрестностях Села Пулкова. По дороге этой имелась "охота Ее Императорского Величества для стреляния птиц", и на ней были поставлены "бутки", вероятно, для осенней стрельбы тетеревей на чучелах. (Рукоп. Подлинн. Указ Сен. No 4513 – 1746 года).

132 3 ноября 1760 года "Ее Императорское Величество, имянным изустным указом повелеть соизволила, чтоб стоящие вне Санкт-Петербурга шелашы, а наипаче те, в которых Ее Императорское Величество Всевысочайшее, для стреляния из оных, на чучелах, тетеревей, присутствие иметь соизволит, к наступающему для той стрельбы времени конечно были в готовности, ибо, как тому наступит время, то Ее Императорское Величество, для Всевысочайшей стрельбы, присутствие во оных шелашах иметь соизволит вскоре, и для того о скорейшем в тех шелашах и около оных всех потребностей, и исправлении, також и об отпуске во оные шелашы потребных обоев и прочих уборов, – соизволила-ж повелеть, откуда надлежит, требовать в скорости". (Рукоп. сборн. Им. указ.).

Этот документ, совершенно определенно указывающий на то обстоятельство, что и в последние года своего царствования императрица Елисавета Петровна не прекратила своих охотничьих поездок, еще раз подтверждает высказанное нами предположение, что современные камер-фурьеры, гоф-штаб-квартирмейстеры и т. под. далеко не аккуратно вносили в свои журналы выезды ее величества на охоту: за последние три года царствования Елисаветы Петровны не имеется ни одной отметки сказанного характера.

В конце ноября того же года императрица, надо полагать, охотилась на тетеревей в окрестностях С.-Петербурга за Вологодскою Ямскою. 26 числа этого месяца обер-егермейстер Разумовский приказал немедленно перенести из имеющихся в Купчинской роще шалашей для стрельяния тетеревей один шалаш за Вологодскую Ямскую и установить его там на месте, которое должно было быть указано егерем Исаем Армаковым. В этом перенесенном на новое место шалаше 12 декабря велено было переделать окна, по указанию того же егеря Армакова, о чем Обер-егермейстерская канцелярия уведомляла Канцелярию от строений, на обязанности которой лежало устройство шалашей для высочайших охот на тетеревов. (Рукоп. Имп. ох.).

Кстати заметим, что при Елисавете Петровне шалаши для стрельбы тетеревей делались деревянные, снаружи убирались ельником, имели внутри печку, были обиты по стенам, потолку и полу войлоком и выбеленною холстиною. Они делались на двух брусках, игравших роль полозьев, при посредстве которых шалаш можно было перевозить с места на место. Любя эту охоту, императрица терпеть не могла, когда все

старания загонщиков тетеревей обращались к тому, чтобы подогнать побольше птиц только под выстрелы ее величества; Елисавета Петровна "всегда награждала или деньгами или винною порциею охотников, которые тетеревов к будке ее подгоняли, не обижая других охотников и охотниц в их будках подгоном сей дичи". (Яковкин, История Села Царского, т. I, стр. 147).

133 Слышал от его племянника, П. М. И., умершего в 1832 г., около девяноста лет. Сообщено С. Н. Шубинским.

134 18 июля 1757 года, в пятницу, "Ее Императорское Величество из Петергофа, с некоторыми знатными особы, после обеденного стола, изволила ездить на дачу Его Сиятельства графа Алексея Григорьевича Разумовского и там стреляли в мишень из ружья". (Кам.-фур. журн. 1757 года, стр. 57).

24 июля Елисавета Петровна ездила в Гостилицы, вернувшись в Петергоф в тот же день (там же, стр. 65).

2 августа того же года снова происходила на даче графа А. Г. Разумовского ружейная стрельба в цель, подобно тому, как 18 июля (там же, стр. 69).

От 1757 года сохранилось известие, что находившаяся до того времени в Зимнем дворце и состоявшая под заведованием обер-егеря Бема "оружейная" была переведена "в собственный Дворец Ее Императорского Величества, что по каналу, против сада Летнего Дворца". (Рукоп. сборн. Им. ук., No 15).

135 В 1758 году, вероятно, предполагалось устройство в окрестностях С.-Петербурга больших придворных псовых охот, для которых собак С.-Петербургской императорской псовой охоты оказывалось недостаточно и таковых предполагалось вытребовать из Москвы.

В первой половине этого года из С.-Петербурга в Москву были командированы для приготовления собак к высочайшим охотам член Обер-егермейстерской канцелярии князь Черкасский и унтер-егермейстер Сумароков.

Князю Черкасскому предписывалось "возыметь свое старание собрать гончих собак, особо, третью стаю".

Собак князь выбрал, и в июне месяце они уже находились "под его смотрением" и по указу ее величества он начал их "около Москвы выезжать".

Однако для последней надобности Черкасскому понадобился отпуск кормов для собак, фуража для лошадей "и для того развозки подвод из села Измайлова", между тем как управитель названного села отказался выдать требуемое без соответственного указа Дворцовой конторы.

Прося немедленно сделать распоряжение по этому предмету, князь Черкасский вместе с тем доносил, что по силе учиненных ему затруднений в исполнении возложенного на него поручения, если "Обер-Егермейстерская Канцелярия оных гончих собак потребует в С.-Петербург, а оные гончие собаки еще в гоньбе неисправны имеют быть, и в том бы ему в вину причтено не было".

Сумароков также должен был готовить для высочайших охот гончих собак, имея "езду около Москвы в таких местах, где бы в близости дворцовые волости, дабы можно иметь способ в получении от оных волостей на довольствие казенных лошадей фураж, а для собак овсяную муку, без завозу из Москвы", по какому предмету и были сделаны соответствующие распоряжения по дворцовому ведомству. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. No 175).

Высочайшие охоты этого года происходили, по-видимому, около Гостилиц в конце июля, куда императрица Елисавета Петровна "отсутствие иметь соизволила со всеми Статс-дамами и Кавалерами" в пятом часу пополудни 25 июля и откуда вернулась 29-го числа того же месяца. (Походный журн. 1758 года, стр. 110).

От 1759 года сохранилось лишь известие, что Елисавета Петровна была 25 июля в Гостилицах (Кам.-фур. журн. 1759 года, стр. 132); зато имеется довольно много сведений об охотах высокого гостя императрицы, герцога Курляндского, которого государыня довольно усердно забавляла всевозможными охотами, по-видимому, не участвуя в них самолично, что можно объяснить, между прочим, тем обстоятельством, что к этому времени здоровье Елисаветы Петровны сильно пошатнулось: у нее стали появляться эпилептические припадки. (Вейдемейер, т. II, стр. 107).

Из охот герцога Курляндского, устроенных ему Императорскою охотою по повелению ее величества в бытность герцога в России в течение 1759 года, знаем о следующих:

29 апреля "по утру, в десятом часу Его Королевское Высочество изволил иметь выход, Двора Ее Императорского Величества с Генерал-Лейтенантом, Действительным Камергером и Кавалером, Князь Петром Ивановичем Репниным и своей свиты с кавалерами, верхами, за Московскую Ямскую, в поле, где изволил тешиться и стрелять из ружья, оттуда обратно в квартиру прибыл, по утру-ж, в двенадцатом часу. А для запаса позади ехали три кареты, заложенные в хомутах: в первой восемь, во второй и третьей по шесть лошадей. И по приезде немного

спустя времени, привезены были от Обер-Егермейстера и Кавалера, господина Нарышкина, с охотником, живые зайцы, и Его Королевское Высочество из покоев изволил выдти на имеющийся против оных покоев луг и осажать борзою собакою". (Записки о пребывании герцога Курляндского в России, стр. 241).

"1 мая пополудни в двенадцатом часу пред покаями на лугу, что против Летнего сада, Его Королевское Высочество изволил забавляться травлею двух зайцев своею собственною борзою собакою" (там же, стр. 243).

18 мая, "пополудни в первом часу, Его Королевское Высочество, против Дворца, на имеющемся лугу, у Летнего сада, затравил собственною борзою собакою саженого зайца" (там же, стр. 254).

19 мая герцог затравил своею собакою перед обедом двух саженных зайцев и столько же 21-го числа (там же, стр. 254 и 255).

23 мая снова "сажали зайцев", причем на садках этих принимали активное участие, кроме герцога Курляндского, цесарский посол с двумя кавалерами, генерал-лейтенанты, действительные камергеры и кавалеры: Иван Иванович Шувалов, граф Петр Борисович Шереметьев, князь Куракин, князь Голицын, гофмаршал барон Сиверс, обер-егермейстер Нарышкин, обер-церемониймейстер барон Лефорт, камер-юнкер Бутурлин, французский консул, саксонские кавалеры Илинштрин, князь Черторижский, Дорголицкий, резиден Брас и лифляндский барон (там же, стр. 257).

24 мая, после обеда, "Его Королевское Высочество имел выход, верхом, с Обер-Егермейстером и Кавалером, господином Нарышкиным, с Шведским послом и Генералом Ливеном, за Московскую Ямскую, где сажали зайцев" (там же, стр. 258).

9 июня, "пополудни в пятом часу, Его Высочество имел выход с Малороссийским Гетманом Графом Кириллом Григорьевичем Разумовским на Слоновый двор, где смотрели на слонов и белых медведей, где, по приказу Обер-Егермейстера и Кавалера Семена Кирилловича Нарышкина, при том одного слона и одного медведя пускали в пруд купаться" (там же, стр. 266).

10 июля, "по утру, в девятол часу, Его Королевское Высочество из Петергофа изволил поехать с Кавалерами в Гостилицкую мызу, куда приехав, с Обер-Егермейстером и Кавалером Графом Алексеем Григорьевичем Разумовским (который в то время хотя еще и продолжал носить звание обер-егермейстера, но лишь как звание почетное, передав все обязанности новому обер-егермейстеру Семену Кирилловичу Нарышкину) и с прочими Кавалерами пошли на пруд, где неводом ловили рыбу; а оттуда пошли на качели, на которых и качались; после-ж чего поехали на гору кататься, причем забавлялись стрельбою в мишень из штуцеров, пистолетов и из луков стрелами. А пополудни во втором часу, паки возвратились в покои, где кушали обеденное кушанье, при котором играли на волторнах волторнисты Его Сиятельства; а после стола поехали, в линейях, паки на гору, где по приезде катались с горы и на карусели, и стреляли из штуцеров, пистолетов и из луков, а потом забавлялись в карты. А потом, по приказу Его Сиятельства графа Алексея Григорьевича, у горы сажали зайцев, и потом возвратились в Петергоф, пополуночи в двенадцатом часу" (там же, стр. 286).

15 июля в Петергофе "после стола, Его Королевское Высочество, с Кавалерами, изволил поехать, в каретах, на поле, за верхний зверинец, где, пересев на верховых

лошадей, поехали за охотою и травили медведей и зайцев; а по приезде с охоты были в Монплеzure, где забавлялись в карты (там же, стр. 289).

136 В том же 1748 году "Великая Княгиня Екатерина Алексеевна, во время бытности своей, в сие лето, в Ораниенбауме, ходила на охоту. Она вставала в три часа утра и одевалась, без прислуги, в мужское платье; потом, в сопровождении одного старого егеря, с ружьем на плече, с охотничею собакою, приходила к берегу морскому и садилась с ними в ялик, на котором действовал веслами рыбак". "В тростнике близ берега стреляла она в диких уток; часто объезжала длинный канал, в конце которого пристань; иногда в ялике удалялась на довольное расстояние в море, когда оно волновалось. Часа через два приходил к ней Великий Князь. Тогда они садились на лошадей и долго вместе прогуливались". (Вейдемейер, т. I, стр. 118).

137 Императрица Екатерина Великая "весьма соизволила жаловать птичью охоту для Всевысочайшего своего оною охотою во время выездов на поля увеселения" (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. Но 46) и охотилась с ловчими птицами чрезвычайно часто, как мы и увидим ниже. Но, будучи страстною охотницею соколиною, Екатерина Алексеевна была не прочь от времени до времени позабавиться и другими охотами, может быть, устраиваемыми для доставления удовольствия некоторым из своих любимцев, в числе которых были такие завзятые охотники, как граф, а впоследствии князь Григорий Григорьевич Орлов и граф Петр Васильевич Завадовский.

У Екатерины Великой была особенная страсть к собакам и голубям. (Сумароков, Русск. арх. 1870 года, стр. 2079).

За собственными ее величества собаками, которых императрица держала у себя в комнатах, ходили особые егеря Императорской охоты, считавшиеся в таком случае состоящими "при Собственных Ее Величества делах" и освобождавшиеся на время этой службы даже от подчинения прямому своему начальству. (Рукоп. Имп. ох.).

138 По возвращении в С.-Петербург, 9-го августа 1763 же года, "в субботу, Ее Императорское Величество соизволила предпринять шествие в Стрельну мызу, что и совершить изволила сего-ж числа, пред полуднем в одиннадцатом часу. По прибытии-ж в оную мызу изволила кушать обеденное кушанье с находившимися в свите Ее Величества кавалерами и Фрейлинами в одиннадцати персонах; а по окончании стола изволила быть с сокольєю охотою в поле верховою ездою". (Камер-фурьерский журнал 1763 года, стр. 172).

18 того же августа, под С.-Петербургом, "после стола Ее Величество с Его Высочеством изволили иметь выход в поле с сокольєю охотою, откуда изволили возвратиться пополудни в десятом часу" (там же, стр. 177).

13 мая 1764 года, "в четверток, пополудни в шестом часу Ее Императорское Величество изволила из села Царского отбыть и до села Красного изволила быть в егерской охоте; в село-ж Красное прибыть соизволила того-ж числа, пополудни в десятом часу". (Камер-фурьерский журнал 1764 года, стр. 90).

В Красном Селе императрица Екатерина Алексеевна, надо полагать, охотилась с ловчими птицами, так как к весне этого года для высочайшего увеселения в Красном Селе был устроен соколиный двор. (Рукоп. сборн. Им. ук., No 19).

139 В начале августа 1765 года императрица предприняла путешествие в Ладогу. Окружающие императрицу лица занимались во время этого путешествия охотою довольно ревностным образом, но сама Екатерина Алексеевна, по-видимому, в этих охотах не участвовала. 6-го числа этого месяца она писала к Н. Панину: "Ваш брат, с своими достойными спутниками по охоте, предается ей в такой степени, что если они не будут иметь подагры (ревматизма?), то по крайней мере ничем не пренебрегая, чтобы схватить ее. Вчера они вязли в болотах в продолжение восьми часов, а сегодня опять вернулись туда". (Сборн. Русск. истор. общ., т. X, стр. 36).

140 В 1762 году, ожидая прибытия Высочайшего двора в Москву, Обер-егермейстерское ведомство делало распоряжения, чтобы в Подмосковной Тюхалево́й роще делались загородки, в которые должно было пускать оленей, по два и по три "для Высочайшего Ее Величества увеселения". В ту же рощу и для той же цели напускались зайцы, которых покупали в Москве, по 35 копеек за штуку. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. No 36).

31 марта 1763 года, в бытность свою в Москве, "в понедельник, по утру в одиннадцать часов, Ее Императорское Величество изволила иметь выход до зверинца (в Измайловский зверинец), откуда изволила возвратиться во Дворец пополудни в первом часу". (Камер-фурьерский журнал 1769 года, стр. 55).

Апреля "22-го числа, во вторник, по утру в шестом часу, Ее Императорское Величество изволила быть в егерной охоте, откуда изволила возвратиться перед полуднем в двенадцатом часу" (там же, стр. 67).

3 мая того же 1763 года, под Москвою, "в субботу, по утру в десятом часу, Ее Императорское Величество

изволила иметь выход в поле, с егерною охотою; а по возвращении оттуда изволила кушать обеденное кушанье с находящимися в свите Ее Величества и вновь сего числа прибывшими кавалерами, дамами и Фрейлинами, в двадцати персонах" (там же, стр. 76). 4 мая, в воскресенье, после обеда, осмотрев "церковные все к окончанию приведенные и еще неоконченные приделы" церкви Воскресения Христова у Воскресенского Нового Иерусалима монастыря под Москвою, Екатерина Алексеевна "изволила с егерною охотою ехать в поле, откуда изволила возвратиться, в восьмом пополудни часу, и, за приуготовленным в галерее стол, кушать вечернее кушанье в двадцати двух персонах" (там же, стр. 78).

4 июня того же 1763 года, в бытность свою в Москве императрица приказала отправить часть птичьей охоты в С.-Петербург "за Ее Императорским Величеством в скорости". ("Архангельск. губ. ведом." 1875 г., No 80).

12 того же июня, "в четверток, в пятом пополудни часу, изволила Ее Императорское Величество иметь выход, верхом, в поле с сокольемою охотою, откуда изволила возвратиться во дворец в восьмом часу", в девятом же отправилась уже на маскарад, устроенный генералом Иваном Ивановичем Юшковым, возвратившись во дворец лишь в третьем часу полночи. (Камер-фурьерский журнал 1763 года, стр. 114).

Охота эта происходила в Тюхалях, причем "Ее Императорское Величество соизволила отозваться, что она охота к Высочайшему Ее Императорского Величества увеселению оказалась весьма угодна". ("Архангельск. губ. ведом." 1875 года, No 80).

141 8 августа 1764 года, в воскресенье, после

обеденного кушанья Екатерина Великая "изволила иметь, в придворном штате, выход, в кафтанах, с сокольєю охотою, до Красного Кабачка, проезжая мимо Вологодской Ямской к Средней Руке, а оттуда к Московской Ямской; а во дворец прибыть соизволила пополудни в девятом часу". (Камер-фурьерский журнал 1764 года, стр. 133).

20 того же августа, в пятницу, в четвертом часу пополудни, в бытность свою в селе Царском "Ее Императорское Величество изволила иметь выход, верхом, в поле смотреть охоту, пущание соколов, проезжая полем до деревни Кузьминки, от которой возвратясь, изволила быть в манеже" (там же, стр. 140).

На следующий день, 17 мая 1766 года, императрица посетила Царскосельский зверинец (там же, стр. 78).

22 июня того же года, в бытность свою в Петергофе, Екатерина Алексеевна с приближенными лицами ездила в таратайках в тамошний зверинец (там же, стр. 123).

5 сентября того же 1766 года, в воскресенье, в бытность свою в С.-Петербурге ее императорское величество "по окончании стола, изволила иметь выход за деревню Волкову, в поле, с сокольєю охотою" (там же, стр. 189).

19 того же сентября, во вторник, также проживая в то время в С.-Петербурге, Екатерина Алексеевна "после стола изволила иметь выход и проезжала за Московскую Ямскую и полем за Невский монастырь; и в проезд, для увеселения, пусканы были Его Сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова соколы на утки" (там же, стр. 198).

24 июля того же года, в воскресенье, "пополудни в шестом часу Ее Величество (в бытность свою в С.-Петербурге) соизволила проходить к Его

Императорскому Высочеству (Павлу Петровичу); потом соизволила, в штате Своем, иметь выход, с сокольєю охотою, в поле" (там же, стр. 263).

25 июня 1772 года, переезжая из Царского Села в Петергоф, в котором она обыкновенно проводила день тезоименитства наследника престола – великого князя Павла Петровича – 29 июня – императрица Екатерина Алексеевна нарочно избрала для своего путешествия не прямую, а кружную дорогу и, вероятно, охотилась во время этого пути, так как не только заезжала, но и ночевала в одном из своих охотничьих домов. (Сборн. Русск. истор. общ., т. XIII, стр. 259).

26 июля того же 1772 года, в бытность свою в Петергофе, императрица Екатерина Алексеевна пробыла некоторое время в тамошнем зверинце, может быть, охотясь, а может быть осматривая происходившие тогда большие работы по капитальному возобновлению изгороди зверинца. (Камер-фурьерский журнал 1772 года, стр. 293 и "С.-Петербургск. ведом." того же года, No 73).

18 августа того же года, в субботу, "по окончании стола, в начале четвертого часа Ее Императорское Величество и Его Императорское Высочество соизволили иметь выход (из Царскосельского дворца), верхом, в поле, с сокольєю охотою". (Камер-фурьерский журнал 1772 года, стр. 341).

20 того же августа, в понедельник, "по окончании стола, в исходе четвертого часа, Ее Величество и Его Высочество с кавалерами соизволили иметь выход (из Царскосельского дворца), верхом, по перспективе, за зверинец до четырех верст, где и продолжалась псовая охота, и в восьмом часу возвратились во Дворец" (там же, стр. 349).

25 того же августа, в субботу, "по окончании стола,

в два часа пополудни Ее Императорское Величество, с небольшою свитою, соизволила иметь выход (из Царскосельского Дворца), верхом, для гуляния, в поле до Пулкова, и продолжалась соколя охота, и в пятом часу (изволила) возвратиться обратно во Дворец" (там же, стр. 356).

16 апреля следующего 1773 года императрица Екатерина Алексеевна в седьмом часу вечера посетила Царскосельский зверинец. (Камер-фурьерский журнал 1774 года, стр. 18).

2 июля следующего 1774 года императрица Екатерина Алексеевна посетила Петергофский зверинец. (Камер-фурьерский журнал 1774 года, стр. 348).

12 того же июля, в субботу, "в пятом часу пополудни Ее Императорское Величество, со всею свитою, соизволила, в фэтоне и таратайках, иметь выход, для гуляния, от Петергофа верст шесть, к Стрельне; и в продолжение сего шествия продолжалась соколя охота" (там же, стр. 368).

17 того же июля, в четверг, "в седьмом часу пополудни Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества, с Фрейлинами и кавалерами, соизволила иметь, для гуляния, выход до Стрельной мызы; села Ее Величество с Ее Высочеством, с Статс-дамами двумя, в таратайку, також Фрейлины в другие таратайки, а Его Высочество и кавалеры верхами; в продолжение шествия была соколя охота, и возвратились во Дворец (Петергофский) в девятом часу" (там же, стр. 380).

9 августа того же 1774 года, во время пребывания Высочайшего двора в Царском Селе, "пополудни, в начале пятого часа Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами и со всею свитою,

соизволила иметь выход, в поле, с сокольєю охотою: Ее Величество, с Ее Высочеством и с некоторыми кавалерами, в большом фаэтоне, а Его Высочество, с кавалерами, верхами, а прочие персоны в таратайках; и с поля, чрез Кузьмино, проехали на Пулковскую гору и на оной соизволили гулять в Английском саду". С охоты этой императрица с августейшими детьми и приближенными лицами возвратилась в Царскосельский дворец в половине восьмого часа вечера (там же, стр. 451).

11 того же августа, в понедельник, "пополудни в пятом часу Ее Императорское Величество соизволила иметь выход (из Царскосельского дворца), для гуляния, со всеми в свите персонами, в таратайках, в поле, с сокольєю охотою", при чем возвратилась во дворец в половине седьмого часа вечера. Чрезвычайно интересным является тот факт, что в этот день, в то самое время, когда императрица Екатерина Великая охотилась в окрестностях Царского Села со всею своею свитою, великий князь Павел Петрович с августейшею супругою также развлекался тою же потехою и также в окрестностях села Царского, но отдельно от государыни; Павел Петрович с супругою провел только на охоте несравненно больше времени, чем императрица: он выехал из Царского Села еще утром и вернулся во дворец лишь вечером, в шестом часу (там же, стр. 454).

19 того же августа, во вторник, "пополудни в пятом часу Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами и со всеми персонами, соизволила иметь выход, в таратайках, в поле, с соколами" (там же, стр. 465).

142 2 июля 1765 года, в субботу, императрица Екатерина Алексеевна "пополудни в шестом часу, в

мундире полка Конной Гвардии, изволила иметь выход, в каретах, проезжая к Московской Ямской, от оной, верхом, соизволила следовать к деревне Волковой и полем за Невский монастырь к Смоленской Ямской; в проезд смотреть изволила пускаемых на птиц соколов; а от Смоленской Ямской, паки в каретах, обратно шествовала в Свой Императорской Дворец. И от живущих в той Смоленской ямщиков подносима Ее Императорскому Величеству живая рыба, лось и сиги, которую соизволила приказать принять, а тех ямщиков все милостивейше пожаловала деньгами. Во Дворец прибыла в десятом часу". (Камер-фурьерский журнал 1765 года, стр. 119).

6 того же июля, в среду, из С.-Петербурга императрица "пополудни в пятом часу соизволила иметь выход с сокольєю охотою в поле, откуда по возвращении, соизволила кушать вечернее кушанье за ординарным столом в двенадцати персонах" (там же, стр. 122).

8 того же июля, в пятницу, императрица, также в бытность свою в С.-Петербурге, "пополудни в шестом часу, в провожании кавалеров и Фрейлин, изволила пойти, верхом, в поле, с сокольєю охотою, откуда изволила возвратиться во Дворец в исходе десятого часа" (там же, стр. 126).

23 августа того же 1765 года, во вторник, в бытность свою в Царском Селе, "пополудни в пятом часу, с придворными кавалерами, Ее Величество изволила иметь выход, верхом, до Пулкова; в проезд изволила смотреть пускаемых соколов на птиц". (Камер-фурьерский журнал 1765 года, стр. 160).

5 сентября того же года, в субботу, также из Царского Села императрица "после стола имела выход, в каретах, до Пулкова, и в проезд смотреть сокольей

охоты" соизволила, возвратившись во дворец в Седьмом часу пополудни (там же, стр. 169).

10 мая 1766 года, в бытность свою в Царском Селе императрица, с дамами, фрейлинами и кавалерами своей свиты, отправилась в шестом часу в зверинец, где и пробыла некоторое время; но охотилась ли она там, или нет — не знаем. (Камер-фурьерский журнал 1766 года, стр. 72).

На следующий день, 11 мая, в четверг, перед вечером императрица, "сев в Императорскую Свою новосделанную одноколку, изволила проезжать от Села Царского, расстоянием в двух верстах, в лес для стрельяния птиц", вернувшись с этой охоты во дворец только к ужину того же дня (там же, стр. 73).

143 25 того же июля, в воскресенье, "в седьмом часу пополудни, со всею Своею свитою, соизволила Ее Величество иметь выход (из Царскосельского дворца, где проживала в это время), в таратайках, для прогуливания, до Пулкова, и в проезд продолжалась соколя охота". (Камер-фурьерский журнал 1770 года, стр. 167).

30 того же июля, в пятницу, "в седьмом часу пополудни, со всею Своею свитою, соизволила Ее Величество иметь выход (тоже из Царскосельского дворца), верхом, для прогуливания, до Пулкова, и в проезд продолжалась соколя охота" (там же, стр. 169).

6 августа того же 1770 года, в пятницу, "пополудни в пятом часу Ее Величество соизволила иметь выход, в таратайках, для гуляния, до Пулкова, и в проезд продолжалась соколя охота" (там же, стр. 179).

10 того же августа, во вторник, "пополудни в шестом часу, Ее Величество соизволила иметь выход, в таратайках, для гуляния, до Пулкова, и в проезд продолжалась соколя охота" (там же, стр. 182).

20 того же августа, в пятницу, "пополудни в начале седьмого часа Ее Величество соизволила иметь выход, в таратайках, для гуляния, до Пулкова, и в проезд продолжалась соколя охота" (там же, стр. 189).

144 30 июля, 1766 года, в воскресенье, в бытность свою в Царском Селе, "после стола, Ее Величество изволила иметь выход, в одноколке, до Пулкова и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота". (Камер-фурьерский журнал 1766 г., стр. 161).

5 августа того же 1766 года, в четверг, в бытность свою в Царском Селе, Екатерина Алексеевна, "после стола, для прогуливания, изволила иметь выход в одноколке, до Пулково и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота" (там же, стр. 164).

9 того же августа, в среду, императрица "после стола, для прогуливания, изволила иметь выход, в одноколке, за Пулково; в шествии-ж, как туда, так и обратю, продолжалась, для увеселения, соколя охота" (там же, стр. 169).

11 того же августа, в пятницу, Екатерина Алексеевна "пополудни в четыре часа изволила иметь выход, в одноколке, до Кузьмина и, для увеселения, продолжалась соколя охота" (там же, стр. 170).

13 того же августа, в воскресенье, в бытность свою все то же в Царском Селе, "пополудни в пятом часу Ее Величество изволила иметь выход, в одноколке, для прогуливания, полем, к Пулкову, и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота" (там же, стр. 170).

18 того же августа, в пятницу, все еще оставаясь в Царском Селе, "пополудни в четвертом часу Ее Величество, через покои, изволила со всеми персонами проходить на горы и смотреть оттуда продолжаемой соколей охоты" (там же, стр. 176).

19 того же августа, в субботу, императрица Екатерина Алексеевна отправилась в С.-Петербург "для аудиенции чужестранным Министрам". Ее величество "из Царского Села изволила отбытие иметь в одноколке, в которой следовала за Пулково, провожаема всею Своею свитою, и в проезд до одного места продолжалась соколя охота; потом Ее Величество, вышед из одноколки, и изволила сесть в карету и продолжала путешествие с малою свитою, а прочие дамы, Фрейлины и кавалеры имели отъезд в Село Царское" (там же, стр. 177).

27 того же августа в Царском Селе в воскресенье, после стола, "Ее Величество изволила иметь выход, в каретах, для прогуливания, до Пулкова; в шествии-ж, для увеселения, продолжалась соколя охота" (там же, стр. 183).

145 29 июля 1766 года, в субботу, во время пребывания в Царском Селе, "Ее Императорское Величество в пятом часу изволила иметь выход, верховою ездою, в мундире Конной Гвардии, для прогуливания, до Пулковского села, а оттуда возвратилась во Дворец, в таратайках, и в проезд, как туда, так и обратно, продолжалась, для увеселения, соколя охота". (Камер-фурьерский журнал 1766 года, стр. 161).

16 мая, во вторник, на мызе у графа Григория Григорьевича Орлова, в Гатчине, Екатерина Алексеевна "по окончании стола, изволила одеться в мундир Гвардии пехотного полка", после чего "в провожании Своей свиты, изволила отправиться, верхом, с егерною охотою, трактом к Царскому Селу, и пробывать в оной (то есть в охоте) изволила несколько время, потом пересест в карету и продолжать путь в Царское Село, куда прибыть соизволила того-ж числа,

пополудни в девятом часу, в вожденном здравии" (там же, стр. 77).

146 21 июля 1766 года, в пятницу, "пополудни в пятом часу" императрица "соизволила предпринять отсутствие, в таратайках, из села Красного к Его Сиятельству Графу Григорию Григорьевичу Орлову, в мызу Гатчино, и проезжала через мызу Скворецы. В продолжении того шествия до Гатчины, для увеселения, продолжалась соколя охота; в мызу-ж Гатчино соизволила прибыть в девять часов" (там же, стр. 155).

На следующий день, 22 июля, в субботу с мызы Гатчины императрица "пополудни в пять часов, изволила иметь выход, в таратайках, для прогуливания, от мызы до восьми верст, и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота. По возвращении оттуда, мимо следующей деревни Колпино, от которой в одной версте лежащее не малое озеро, называемое Колпинское, и от помянутой деревни до оного озера идти изволила пешком и на оном прогуливалась в боте с распущенными парусами; потом, возвратясь обратно, и в каретах шествовала к мызе и прибыть соизволила в девятом часу" (там же, стр. 156).

17 мая следующего 1771 года императрица Екатерина Алексеевна, будучи в гостях у графа Григория Григорьевича Орлова в его мызе Гатчине, провела некоторое время в тамошнем зверинце, а 20 того же мая посетила зверинец Царскосельский (Камер-фурьерский журнал 1771 года, стр. 172 и 174).

147 13 ноября 1764 года, в субботу, "по утру в восьмом часу, Ее Императорское Величество изволила иметь выход с некоторыми Двора Своего особами на чучелы, откуда соизволила возвратиться пополудни во втором

часу". (Камер-фурьерский журнал 1764 года, стр. 218).

28 ноября 1765 года, "в понедельник, по утру в шестом часу, Ее Императорское Величество изволила иметь отсутствие из Санктпетербурга к селу Красному для чучелов; куда обратно прибыть соизволила пополудни в пятом часу" (там же, стр. 252).

29 июля 1776 года, в пятницу, проживая тогда в Царскосельском дворце, "в исходе пятого часа пополудни Ее Императорское Величество изволила, в фаэтоне, со всеми персонами (обедавшими в тот день в Царском Селе за высочайшим столом), иметь выход с сокольєю охотою за Пулковскую гору". Назад во дворец императрица с гостями вернулась в семь часов вечера. (Камер-фурьерский журнал 1776 года, стр. 444).

7 августа того же года, в воскресенье, "пополудни в пятом часу Ее Императорское Величество, со всеми персонами, изволила иметь выход, в фаэтоне, за село Кузьмино с сокольєю охотою" (там же, стр. 464).

18 ноября того же года, "в пятницу, по утру в восемь часов Ее Императорское Величество изволила шествовать, в санях, на чучелы, для стреляния тетеревей, в поставленную будку от села Царского две с половиною версты, где Ее Величество изволила застрелить пять тетеревей, откуда изволила возвратиться в село Царское в исходе двенадцатого часа перед полуднем" (там же, стр. 680).

25 того же ноября, "в пятницу, по утру в начале десятого часа Ее Императорское Величество изволила шествовать, в санях, с дежурными кавалерами, на чучелы, для стреляния тетеревей, в прежнюю-ж будку, коя по Царскосельской дороге, где Ее Величество изволила застрелить две тетерки, откуда Ее Императорское Величество, по окончании стрельбы, в

последней четверти одиннадцатого часа изволила из села Царского отсутствовать и предпринять шествие, в каретах, прямо в Санктпетербург" (там же, стр. 698).

2 декабря того же 1776 года, в пятницу из С.-Петербурга "по утру в семь часов Ее Императорское Величество изволила, с малою свитою, шествие иметь на чучелы, кои по Петергофской дороге, на дачу покойного Обер-маршала Графа Карла Ефимовича Сиверса, состоящую от Петербурга в двенадцати верстах. Откуда, в начале второго часа пополудни, Ее Величество изволила прибыть во Дворец" (там же, стр. 725).

11 июля следующего 1777 года, во вторник, во время пребывания Императорского двора в Петергофе, "пополудни в пять часов, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами, с Фрейлинами, кавалерами, изволила иметь выход, для гуляния, с сокольєю охотою, до Стрельной мызы. Ее Величество с Ее Высочеством и с прочими персонами, изволила сидеть в фэтоне, подле которого Его Высочество ехал верхом. В исходе восьмого часа изволили обратно прибыть во Дворец". (Камер-фурьерский журнал 1777 года, стр. 561).

28 того же июля, в пятницу, во время пребывания Императорского двора в Царском Селе, "пополудни, исходе пятого часа, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами, с Фрейлинами и кавалерами, изволила иметь выход за село Кузьмино, и в шествии продолжалась соколиная охота. Ее Величество, с Ее Высочеством и с знатными особами изволила сидеть в большом фэтоне, а Его Высочество подле оногo ехал верхом. Прочие же персоны сидели в таратайках, а некоторые ехали верхом. В исходе шестого часа изволили прибыть во дворец" (там же,

стр. 628).

10 августа того же 1777 года, "в четверток, в четвертом часу пополудни, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами, с Фрейлинами и кавалерами, в таратайках, изволила иметь выход (из Царскосельского дворца) за Пулково, с сокольєю охотою, откуда возвратилась в восьмом часу" (там же, стр. 657).

19 того же августа, в субботу, "Их Императорские Высочества, с утра, с седьмого часу, даже до вечера до девятого часа, изволили быть на охоте за Федоровским посадом (близ Царского Села, где в это время проживал Павел Петрович с супругою), и там был обеденный стол в ставке" (там же, стр. 678).

26 того же августа, в субботу, "Их Императорские Высочества изволили отбыть к Красному селу, для псовой охоты, и возвратились в село Сарское пополудни в седьмом часу". Отметим, как любопытный факт, что в этот самый день, который великий князь Павел Петрович с супругою Марией Федоровной провел в отъезде поле со псовой охотою, в Царском Селе служили панихиду по покойной первой супруге наследника престола, по великой княгине Наталии Алексеевне (там же, стр. 695).

10 ноября того же 1766 года, в пятницу, из города С.-Петербурга "пополуночи в семь часов, Ее Императорское Величество изволила иметь выход на чучелы, откуда прибыть соизволила пополудни в пятом часу". (Камер-фурьерский журнал 1771 года, стр. 236).

148 8 мая 1770 года, в субботу, проживая в то время в Царском Селе, "в вечеру, в восьмом часу, соизволила Ее Величество иметь выход по вновь построенной Гатчинской перспективе, до семи верст, для стреляния птиц, откуда соизволила возвратиться в десятом часу".

(Камер-фурьерский журнал 1770 года, стр. 93).

Заметим кстати, что приведенное и аналогичные с ним свидетельства камер-фурьеров двора императрицы Екатерины Великой о выездах государыни, преимущественно в окрестности Села Царского, весною, в мае месяце, "для стреляния птиц", о выездах, предпринимавшихся почти всегда в начале восьмого часа вечера и продолжавшихся не более двух или двух с половиною часов, заставляют догадываться, что это "стреляние птиц" было не что иное, как стреляние вальдшнепов на тяге, и что Екатерина Алексеевна была большою любительницею этой поэтичной по обстановке охоты, воспетой многими поэтами-охотниками.

149 25 ноября 1766 года, во вторник, "по утру в начале восьмого часа, Ее Императорское Величество соизволила шествовать, в санях, с малым числом кавалеров, на чучелы, в новосделанную по Царскосельской дороге, от Села Царского три версты, будку для стреляния тетеревей, откуда соизволила возвратиться во Дворец (Царскосельский) в первом часу пополудни". (Камер-фурьерский журнал 1771 года, стр. 655).

150 12 мая 1766 года, в пятницу, "в шестом пополудни часу, изволила проходить в оперный дом, смотреть представленной там Французской комедии; по окончании оной, возвратясь в комнату, и изволила одеться в мундир Гвардии сухопутных полков и иметь выход с Их Сиятельствами Графами Григорьем Григорьевичем Орловым, Захаром Григорьевичем Чернышовым и Карлом Ефимовичем Сиверсом под село Колпино, стрелять дупельшнепов (ток), откуда изволила возвратиться пополуночи в первом часу".

(Камер-фурьерский журнал 1766 года, стр. 74).

2 сентября 1771 года, в пятницу, проживая в это время в Царском Селе, "пополудни в четвертом часу Ее Величество соизволила иметь выход, в таратайках, в поле с сокольєю охотою". (Камер-фурьерский журнал 1771 года, стр. 320).

13 декабря того же года, во вторник, проживая в это время в С.-Петербурге, "Ее Императорское Величество, по утру, в исходе восьмого часа, соизволила предпринять отсутствие, для стреляния птиц, в сделанный нарочно для оного шалаш, в недалеком расстоянии от мызы Его Сиятельства Графа Карла Ефимовича Сиверса, куда и прибыть соизволила в девять часов и продолжение иметь соизволила в стрелянии до начала первого часа пополудни; по сем, тут же, в шалаше, обеденное кушанье соизволила кушать; кушанье было холодное; а после стола таковое-ж стреляние продолжала и в исходе третьего часа пополудни отправилась в город и в Свой Императорский Дворец прибыла в исходе четвертого часа пополудни-ж" (там же, стр. 437).

4 ноября 1774 года, во вторник, "по утру, в начале седьмого часа, Ее Императорское Величество соизволила предпринять шествие, в каретах, с небольшою свитою, на чучелы, для стреляния тетеревей, на дачу Его Сиятельства Графа Карла Ефимовича Сиверса, состоящую по Петергофской дороге, в тринадцати верстах от Санктпетербурга, где и обеденное кушанье соизволила кушать; оттуда Ее Императорское Величество возвратиться соизволила во Дворец (С.-Петербургский) пополудни в четвертом часу" (там же, стр. 599).

14 ноября 1777 года, "во вторник, по утру, в семь часов, Ее Императорское Величество изволила

предпринять шествие, в каретах, на чучелы, для стрельбы тетеревей, на дачу покойного графа Сиверса, что по Петергофской дороге, в расстоянии от Дворца Зимнего, С.-Петербургского, четырнадцати верст. В свите находились следующие: 1) Фрейлина Екатерина Алексеевна Сенявина, 2) Граф Захар Григорьевич Чернышев, 3) Князь Григорий Григорьевич Орлов, 4) Граф Яков Александрович Брюс, 5) Лев Александрович Нарышкин, 6) Вилим Романович Польша (б. Егермейстер), 7) Князь Федор Сергеевич Барятинский, (8) Семен Гаврилович Зорич, 9) Василий Михайлович Ребиндер; Камергеры: 10) Князь Иван Васильевич Несвицкий, 11) Степан Степанович Лопухин; Камер-Юнкеры: 12) Алексей Федорович Сабуров, 13) Матвей Григорьевич Спиридов, 14) Флигель-Адъютант Апраксин".

"На чучелы прибыть изволили в половине девятого часа, и через недолгое время, по прилете тетеревей, Ее Величество изволила начать стрелять. В продолжение сего, до первого часа, изволила играть в карты с Графом Захаром Григорьевичем Чернышевым, с Князем Григорием Григорьевичем Орловым и с Семеном Гавриловичем Зоричем. В первом часу пополудни, Ее Императорское Величество изволила кушать обеденное кушанье, со всеми персонами, в той же будке. После стола, недолгое время, тож изволила стрелять".

"Всего застрелено тетеревей десять штук".

"В начале второго часа, Ее Величество с чучелов изволила отбыть, а в Зимний Дворец прибыла в исходе третьего часа" (там же, стр. 905).

151 Так как в начале 1767 года императрице, со всем ее придворным штатом, предстояло путешествие в Москву, Казань и другие "низовые города", то еще в

конце 1766 года последовало высочайшее ее величества повеление о порядке путешествия, предполагавшегося к совершению еще по зимнему пути, в каковом повелении, между прочим, значилось:

"Имеет Ягерь-Мейстерская Канцелярия отправить как в Москву, так и Ярославль свою команду: в Москву по-прежнему, а в Ярославль охотников с гончими собаками двенадцать, охотников с борзыми собаками шесть, Ягерей четыре, Поручика с соколами и при сокольниках восьми человеках. Для охоты иметь в готовности особое большое судно, на котором все люди и скот с фуражем помещены быть должны: и охота следует за Ее Величеством до Казани неотлучно". (Рукоп. сборн. Им. ук., No 25).

152 По совершении помянутого выше путешествия, сопровождавшегося как то указывает приведенный документ, охотами, никакого описания которых, однако, не имеется, и вскоре после возвращения "из низовых городов" в Москву, 18 июня 1767 года, в понедельник, "пополудни в четвертом часу, изволила Ее Величество иметь выход в Коломенский Дворец, смотреть во оном покоев, а оттуда в проезд — забавляться сокольєю охотою". (Камер-фурьерский журнал 1767 года, стр. 232).

На следующий день, 19 июня, во вторник, императрица, "пополудни в четвертом часу, изволила иметь выход в село Измайлово и быть в тамошнем Дворце, и в проезд изволила забавляться с сокольєю охотою" (там же, стр. 235).

В бытность же в Москве, 22 того же июня, в пятницу, Екатерина Алексеевна "пополудни в пятом часу, изволила иметь выход на Воробьевы горы и проезжать по близости к оным стоящему лесу, и забавляться сокольєю охотою, потом возвратиться в

Свой Императорский Головинский Дворец, пополудни-ж девятого часа" (там же, стр. 234).

На следующий день, 23 июня, в субботу, императрица ездила в село Хорошево, где, между прочим, осматривала заводских жеребцов; при возвращении из Хорошева в Москву ее величество "в проезд изволила забавляться сокольєю охотою" (там же, стр. 235).

25 того же июня, в понедельник, пополудни в четвертом часу, Екатерина Алексеевна "изволила в придворном штате иметь выход в лагерь Конного Карабинерного полка, состоящий у Петровской (Перовской?) рощи, и смотреть воинской экзерции; и в проезд изволила забавляться сокольєю охотою" (там же, стр. 236).

27 того же июня, в среду, будучи в этот день в селе Покровском, императрица, "пополудни в четвертом часу, изволила иметь выход, для прогуливания в поле, где изволила забавляться сокольєю охотою" (там же, стр. 239).

30 того же июня, в субботу, императрица, "пополудни в пятом часу, в придворном штате, изволила иметь выход в Подмосковное Свое село Люберцы". Из села Люберцы Екатерина Алексеевна ездила в усадьбу дворянина Лихарева, расположенную в шести верстах от названного села, а оттуда направилась обратно в Москву. "И в проезд, в оба пути, изволила забавляться сокольєю охотою; а во Дворец прибыть изволила пополудни в десятом часу" (там же, стр. 245).

1 июля того же 1767 года, в воскресенье, императрица, "пополудни в пятом часу, с придворным штатом, изволила иметь выход за Коломенский Дворец в поле, для прогуливания, и в проезд изволила

забавляться сокольєю охотою, откуда изволила возвратиться пополудни, в исходе девятого часа", в ставку свою, которая была тогда устроена в саду Головинского дворца (там же, стр. 246).

На следующий день, 2 июля, в понедельник, Екатерина Алексеевна "пополудни в четвертом часу, изволила иметь выход, для прогуливания, в поле (около Головинского дворца) и в проезд, в оба пути, изволила забавляться сокольєю охотою". (Там же).

На следующий день, 3 июля, во вторник, "пополудни, в половине пятого часа, в препровождении Генералитета" Екатерина Алексеевна "соизволила предпрять отсутствие из Москвы в Лавру Троицы Сергиеву, и до первой станции, в селе Братовщине, в проезд продолжалась соколья охота; и в оную станцию прибыть соизволила в исходе девятого часа, расстоянием от Москвы тридцать две версты" (там же, стр. 247).

6 того же июля, в пятницу, при возвращении своем из Троицко-Сергиевской лавры императрица "в седьмом часу пополудни, соизволила из села Братовщины иметь отсутствие, и в шествие продолжалась соколья охота. И в одиннадцатом часу в Свой Императорский Головинский Дворец прибыть изволила благополучно" (там же, стр. 255).

11 того же июля, в среду, "пополудни, в исходе шестого часа, Ее Императорское Величество из Головинского Дворца изволила иметь перешествие в новопостроенный в селе Коломенском Дворец; и от Дворца шествовать изволила верховою ездою, в мундире Гвардии Конного полка, и, проезжая до вышепомянутого села полями, забавлялась сокольєю охотою. И в исходе девятого часа в помянутый Коломенский Дворец прибыть изволила благополучно"

(там же, стр. 259).

15 того же июля, в пятницу, проживая тогда в селе Коломенском, императрица "в шесть часов пополудни изволила иметь выход, в таратайках, для прогуливания, к прудам, называемым Цареборисовские, и изволила смотреть ловленной в оных прудах рыбы, и посматрев, возвратилась обратно во Дворец. В шествие-ж, как туда, так и обратно, продолжалась соколя охота". (Там же стр. 263).

16 того же июля, в понедельник, "в шесть часов пополудни Ее Величество, со всею Своею свитою, изволила иметь выход (из Коломенского дворца), в таратайках, для прогуливань, полями; и в проезд продолжалась соколя охота". Назад во дворец императрица прибыла в исходе девятого часа (там же, стр. 265).

19 того же июля, в четверг, императрица ездила осматривать конские заводы в селе Пахрине, а возвращаясь из этого села в село Коломенское, охотилась с соколами (там же, стр. 266).

22 того же июля, в воскресенье, ее величество "пополудни в седьмом часу, изволила иметь выход, в таратайках, для прогуливания по полям с сокольєю охотою; обратно возвратилась в девять часов. И во время Высочайшего отбытия и прибытия, у подъезда большего крыльца играла Егерской команды музыка в рожки" (там же, стр. 269).

24 того же июля, во вторник, Екатерина Алексеевна "в седьмом часу пополудни, для прогуливания, изволила иметь выход, в таратайках, с сокольєю охотою" (там же, стр. 270).

14 августа того же 1767 года, во вторник, продолжая жить в Коломенском дворце "Ее Императорское Величество изволила иметь выход в

поле с сокольєю охотою" (там же, стр. 283).

17 того же августа, в пятницу, императрица "пополудни в шестом часу изволила иметь выход (из Коломенского дворца), верховою ездою, в поле и там забавляться с сокольєю охотою" (там же, стр. 284).

На следующий день, 18 августа, в субботу, в селе Коломенском "обеденное кушанье Ее Императорское Величество изволила кушать с Статс-дамою, Фрейлинами, кавалерами и прибывшим из Москвы Генералитетом, в девятнадцати персонах. По окончании стола Ее Величество с вышеозначенными персонами изволила иметь выход с сокольєю охотою в поле" (там же, стр. 285).

22 того же августа, в среду, императрица "в пятом часу пополудни изволила иметь выход (из Коломенского дворца) в поле с сокольєю охотою" (там же, стр. 287).

25 того же августа, в субботу, "в шестом часу пополудни Ее Величество изволила иметь выход (из Коломенского дворца), в таратайках, для прогуливания, в поле с сокольєю охотою". Обратно во дворец Императрица прибыла в восьмом часу (там же, стр. 288).

26 того же августа, в воскресенье, "в шестом часу пополудни, Ее Величество изволила иметь выход (из Коломенского дворца), в таратайках, для прогуливанья, в поле с сокольєю охотою" (там же, стр. 289).

1 сентября того же 1767 года, в субботу, проживая уже не в селе Коломенском, а в Москве, в Головинском дворце, императрица "пополудни в пятом часу, изволила иметь выход, для прогуливания, в поле с сокольєю охотою (там же, стр. 293).

3 того же сентября, в понедельник, "пополудни в пятом часу, Ее Величество с придворным штатом

соизволила иметь отсутствие в село Коломенское. В шествие, близ Кожуховой деревни, на озерках, продолжалась птичья охота Его Сиятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова. А в село Коломенское прибыть соизволили в начале 8-го часа" (там же, стр. 294).

На следующий день, 4 сентября, во вторник, "в шесть часов пополудни, Ее Величество изволила иметь выход, для прогуливания, в таратайках, и в проезд продолжалась соколя охота Его Сиятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова. Обратно изволила возвратиться в восьмом часу" (там же, стр. 295).

7 того же сентября, в пятницу, "пополудни в пятом часу, Ее Величество изволила иметь выход (из Коломенского дворца), в таратайках, для прогуливания, в поле и продолжалась соколя охота Его Сиятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова". С охоты императрица вернулась во дворец в начале восьмого часа (там же, стр. 297).

153 На следующий день, 8 сентября, в субботу, в девятом часу утра Екатерина Алексеевна отправилась из села Коломенского в село Остров, принадлежавшее в то время графу Алексею Григорьевичу Орлову и отстоявшее от села Коломенского в 15-ти верстах. По приезде в село Остров высоким гостям был предложен парадный обед, по окончании которого "на поле продолжалась псовая охота". В обратный путь гости направились в шестом часу вечера, причем императрица предварительно "засвидетельствовала хозяину Высочайшее Свое удовольствие". В село Коломенское прибыли в восьмом часу вечера (там же, стр. 301).

12 того же сентября, в среду, "пополудни в шестом часу, Ее Величество изволила иметь выход (из

Коломенского дворца), в таратайках, для прогуливания, в поле; в продолжение была соколья охота" (там же, стр. 505).

15 того же сентября, в субботу, императрица Екатерина Алексеевна "после стола (происходившего в селе Коломенском) изволила иметь выход, для прогуливания, в поле, с сокольєю охотою" (там же, стр. 504).

20 того же сентября, в среду, проводя этот день в городе Москве, в Головинском дворце, "по окончании стола Ее Величество имела выход, для прогуливания, в таратайках, за село Коломенское, с сокольєю охотою; оттуда возвратилась обратно в седьмом часу пополудни" (там же, стр. 321).

29 того же сентября, в субботу, продолжая проживать в Москве, в Головинском дворце, Екатерина Алексеевна "по окончании стола, изволила иметь выход, для прогуливания, в поле, с сокольєю охотою; обратно возвратилась в седьмом часу" (там же, стр. 322).

На следующий день, 30 того же сентября, в воскресенье, прослушав обедню в малой дворцовой церкви Московского Головинского дворца, императрица Екатерина Алексеевна отправилась, сопровождаемая своею свитою, в каретах, в село Коломенское. По прибытии в названное село и "по окончании стола, быв Ее Величество в мундире Гвардии Конного полка, следовала, верхом, для увеселения к роще, что у села Коломенского, со псовою охотою, а оттуда по лугу с сокольєю охотою-ж, и продолжала время до шестого часа пополудни и возвратилась обратно в Головинский дворец" (там же, стр. 323).

8 октября того же 1767 года, в понедельник, в

бытность свою в Москве, императрица Екатерина Алексеевна "по окончании стола изволила иметь выход, для прогуливания, к Первой роще, где продолжалась псовая охота". Из поездки этой государыня возвратилась в Москву в седьмом часу вечера (там же, стр. 327).

13 того же октября, в субботу, "по окончании стола Ее Величество изволила иметь выход за село Измайлово, для стреляния на чучелах птиц"; назад в Головинский дворец государыня возвратилась в этот день в шестом часу вечера (там же, стр. 328).

15 того же октября, в понедельник, все еще продолжая жить в Московском Головинском дворце, "по утру, в седьмом часу, Ее Императорское Величество изволила иметь выход за село Измайлово на чучелы, откуда изволила возвратиться и прибыть во дворец пополудни в четвертом часу" (там же, стр. 330).

154 По оставлении Высочайшим двором Москвы и по переезде в С.-Петербург 25 мая 1768 года, в пятницу, проживая в это время в Царском Селе, в девятом часу вечера "Ее Величество, с малою свитою, изволила шествовать в карете в поле, для стреляния птиц (надо полагать, это был выезд на тягу вальдшнепов); оттуда возвратилась в одиннадцатом часу" обратно в Царскосельский дворец. (Камер-фурьерский журнал 1768 года, стр. 94).

23 июня того же 1768 года, в понедельник, императрица Екатерина Алексеевна, проживая в это время в Петергофе, посетила в седьмом часу вечера тамошний зверинец; однако неизвестно, была ли целью этого посещения охота или просто осмотр зверинца (там же, стр. 114).

4 июля того же 1768 года, в пятницу, продолжая жить в Петергофе, императрица опять посетила

Петергофский зверинец в сопровождении свиты, причем все участвовавшие в этом выходе были верхами (там же, стр. 126).

21 того же июля, в понедельник, императрица Екатерина Алексеевна, сопровождаемая малою свитою, предприняла путешествие из Петергофа на мызу Гатчину, принадлежавшую в то время графу Григорию Григорьевичу Орлову. На пути высокие путешественники останавливались в мызе Кипенской, также принадлежавшей тогда тому же графу Г. Г. Орлову, отстоявшей от Петергофа по дороге в 26 верстах, где во втором часу дня им предложен был обед. "В пятом часу пополудни, из помянутой мызы Кипени" императрица "продолжала путь в Гатчину, и в проезд продолжалась соколя охота. И не доезжая мызы Гатчины верст трех, изволила Ее Величество идти в новостроющийся зверинец и смотреть привезенных вновь фазанов, откуда следовать изволила, пешком же к новостроющемуся каменному дому; посмотрев одного, оттуда проходила в мызу. По прибытии в оную, в девятом часу, расстоянием от Кипени в двадцати четырех верстах, вечернее кушанье изволила кушать в поставленной ставке в четырнадцати персонах" (там же, стр. 143).

29 того же июля, во вторник, "в шесть часов пополудни, Ее Величество соизволила, верховою ездою, для прогуливания, шествовать (из Петергофа) до Стрельной мызы, и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота; от Стрельной мызы изволила возвратиться в Петергоф, в каретах, и прибыть изволила в девять часов" (там же, стр. 148).

9-го августа того же 1768 года, в субботу, императрица Екатерина Алексеевна, проживая в то время в С.-Петербурге, "пополудни в шестом часу

изволила иметь выход, в каретах, в поле, с сокольєю охотою" (там же, стр. 157).

25 того же августа, в понедельник, в бытность свою в Царском Селе, ее величество "в четвертом часу пополудни, изволила иметь выход, в таратайках, для прогуливания, до Пулкова, полем, с сокольєю охотою". Во дворец Царскосельский государыня вернулась в этот день в 7 часов вечера (там же, стр. 167).

2 декабря того же 1768 года, во вторник, "по утру, в начале восьмого часа, Ее Императорское Величество соизволила с малою свитою шествовать (из С.-Петербурга) для стреляния птиц в шалаши, которые приуготовлены были близ Средней Рогатки, и в тех шалашах изволила иметь обеденный стол; обратно во дворец прибыть соизволила пополудни в пятом часу" (там же, стр. 241).

15 мая следующего 1769 года, в пятницу, императрица Екатерина II, проживая в то время в Царском Селе, ездила оттуда в гости к графу Григорию Григорьевичу Орлову в его мызу Гатчину, где пробыла некоторое время в новом зверинце. (Камер-фурьерский журнал 1769 года, стр. 87).

155 7 июля того же года, во вторник, в бытность свою в Петергофе, "в пять часов пополудни, Ее Величество иметь соизволила верховой выход до мызы Стрелиной, и в шествии продолжалась соколья охота". Назад в Петергофский дворец императрица вернулась в каретах, в тот же вечер (там же, стр. 134).

На следующий день, 8 июля, в среду, "пополудни в шесть часов, Ее Величество, со всею Своею свитою, соизволила (из Петергофа) шествовать, верхом, в Ораниенбаум, и в проезд продолжалась соколья охота". Из Ораниенбаума императрица с приближенными лицами вернулась в Петергоф в тот же вечер в каретах

(там же, стр. 135).

Переехав вскоре из Петергофа в Красное Село, 11 того же июля, "в субботу, по утру, в восемь часов, Ее Императорское Величество из Села Красного соизволила предпринять отсутствие в мызу Гатчино, принадлежащую Его Сиятельству Графу Григорию Григорьевичу Орлову, и в проезд продолжалась соколя охота. По прибытии в оную мызу, Ее Величество соизволила несколько времени с кавалерами забавляться в карты, по сем кушать обеденное кушанье с прибывшими в свите своей в четырнадцати персонах. А пополудни в шестом часу, Ее Величество соизволила идти пешком, для прогуливания и проходить к новостроющемуся каменному дому, а оттуда в зверинец смотреть находящихся в оном фазанов и других птиц; и осмотрев оного, соизволила предпринять отсутствие из мызы Гатчиной к Селу-ж Красному, и в проезд до оного продолжалась соколя охота. По прибытии в Красное Село, вечернее кушанье Ее Императорское Величество кушать не соизволила, а кушали находящиеся в свите персоны (там же, стр. 138).

На следующий день, 12 июля, в воскресенье, "в пять часов пополудни, Ее Императорское Величество соизволила иметь отсутствие из Села Красного в Петергоф, и в шествие до Петергофа, по способным местам, продолжалась соколя охота" (там же, стр. 139).

15 того же июля, в среду, императрица Екатерина Алексеевна, "пополудни в седьмом часу, соизволила иметь выход, в каретах, для прогуливания, в мызу Стрельну, и в проезд продолжалась, для увеселения, соколя охота". По прибытии в Стрельну государыня прогуливалась там по саду, и дворцовый садовник той

мызы удостоился поднесения Ее Величеству разных разводящихся там цветов и ягод. Из Стрельны императрица отбыла обратно в Петергофский дворец в девятом часу вечера (там же, стр. 140).

21 того же июля, во вторник, "пополудни в шестом часу, Ее Величество изволила предпринять отсутствие из Петергофа в Санктпетербург, в продолжение шествия, до местечка Ульянки, продолжалась соколя охота". В С.-Петербург императрица прибыла в исходе десятого часа вечера (там же, стр. 150).

24 того же июля, в пятницу, проживая в то время в С.-Петербурге, императрица Екатерина Алексеевна "пополудни в пятом часу, изволила иметь, в придворном Своем штате, выход в поле с сокольєю охотою" (там же, стр. 152).

28 того же июля, во вторник, "пополудни в четвертом часу, Ее Величество соизволила иметь выход, в каретах, за Московскую Ямскую, а оттуда проезжала к Вологодской Ямской, по лугам, с сокольєю охотою; обратно в Летний дворец прибыть соизволила в исходе восьмого часа" (там же, стр. 154).

22 августа того же 1769 года, в субботу, проживая в то время в Царском Селе, "пополудни в шестом часу, Ее Величество соизволила иметь выход, в каретах, для прогуливания, до Пулкова, с сокольєю охотою" (там же, стр. 167).

26 того же августа, в среду, Екатерина Алексеевна, отслушав литургию в придворной царскосельской церкви Владимирской Богоматери, где в тот день справлялся престольный праздник, поехала в гости к графу Мартыну Карловичу Скавронскому в его поместье-мызу Мозино, отстоявшую от Царского Села по Гатчинской дороге в 15 верстах. По приезде в названную мызу и по окончании предложенного

высоким гостям обеденного стола, во время которого императрица провозгласила тост за здоровье "хозяина и его фамилии", ее величество "с балкона, малое время, соизволила смотреть продолжающейся псовой охоты, которая была около того дома лежащего леса" (там же, стр. 170).

15 июля того же 1770 года, проживая в то время в Петергофе, "в обыкновенное время пополудни, Ее Величество, свиты Своей с кавалерами, соизволила иметь выход верховою ездою, до Стрельной мызы, и в проезд до оной продолжалась соколя охота; по прибытии в означенную мызу, изволила там пробить с полчаса времени, оттуда возвратиться обратно в Петергоф в девять часов" (там же, стр. 155).

Это указание камер-фурьера на то обстоятельство, что охотничий выход ее величества из Петергофа в Стрельну состоялся в тот день "в обыкновенное время пополудни", совершенно определенно констатирует, что если не постоянно в период своего пребывания в Петергофе, то, по крайней мере, в течение жительства своего в этом пункте в 1770 году императрица Екатерина Алексеевна чуть ли не каждый день предпринимала свои охотничьи с ловчими птицами поездки по направлению к Стрельне и что если сведения о последних являются в камер-фурьерских журналах лишь повременными, то объясняется это исключительно тем, что камер-фурьеры не всегда отмечали подобные факты, именно как факты слишком "обыкновенные".

156 17 того же июля, в субботу, императрица Екатерина Алексеевна, сопровождаемая приближенными лицами, отправилась в гости к шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину в принадлежавшую последнему мызу Левендаль, расположенную по

Петергофской дороге в 20-ти верстах от Петергофа. В этот день Нарышкин устраивал блестящий праздник в своем поместье (Камер-фурьерский журнал 1768 года, стр. 159), о котором "С.-Петербургские ведомости" поместили на своих столбцах весьма подробный отчет. Воздерживаясь от полного приведения современной корреспонденции, приведем лишь следующее из нее извлечение:

"Ее Императорское Величество изволила пойти в рощу маленькою дорожкой, в которой густота деревьев и сплетенные ветви, также в подражание натуры сделанные по сторонам овраги, представляли глубокую пустыню, из которой, выходя, видима была высокая и дикая гора, обросшая мхом и большими деревьями и едва имеющая маленькие тропинки для всходу на крутизну оной; из-за горы слышен был голос музыки и пение. Ее Императорское Величество лишь только изволила сесть у подошвы оной горы на сделанное канапе из дерну наподобие горки, как вдруг весь бывший на горе лес и дичь превратилась в прекрасный кустарник, между коим показались пространные дорожки, а вверху горы виден был великолепный храм Дианы, которого столбы украшены были гирляндами и фестонами. Во оном храме стояла статуя Дианина. По всей горе расположена была роговая музыка (музыка эта была придворной егерской команды – Камер-фурьерский журнал 1770 г., стр. 159), которую составляли более пятидесяти человек; звук оной принудил укрывающихся в горе зайцев бежать в лес, за коими тотчас приготовленные к тому собаки бросились". ("С.-Петерб. вед." 1770 года, No 59). После этой травли императрица отправилась осматривать другие выдумки своего любимца, хитроумного Льва Александровича, всегда умевшего угодить своей

повелительнице.

157 В октябре месяце 1770 года был устроен в Царском Селе торжественный прием принцу Генриху Прусскому. В ряду различных увеселений и зрелищ, которыми забавляли принца Генриха, "против Царскосельского зверинца, по приказанию Егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина и под смотрением Егермейстера фон-Польмана, у ручья, в лесу, сооружена была гора Дианина с храмом ее, вся иллюминированная, на коей слышна была роговая охотничья музыка". (Журн. пребывания Генриха Прусского в России, стр. 53).

Эту гору с Дианиным храмом, сооруженную, по-видимому, наподобие Дианиной горы, устроенной в том же году Львом Александровичем Нарышкиным к своему празднику в Левендале, а может быть, гору, перевезенную из Левендаля в Царское Село, обошедшуюся казне с лишком в 4.000 рублей, по высочайшему повелению велено было поддерживать в том виде, в котором она была показана принцу Прусскому, с возложением надзора за сооружением на управителя Селом Царским генерал-майора Кашкина. (Рукоп. сборн. Им. ук., No 50).

158 9 июля 1773 года, во вторник, проживая в это время в Петергофе, "пополудни в пятом часу, Ее Императорское Величество с Ландграфинею, с Принцессами, с Фрейлинами и кавалерами, сев Ее Величество с Принцессами в большой фаэтон, а прочие персоны в таратайки, изволила иметь выход от Петергофа верст до семи, для гуляния; в продолжение сего продолжалась соколя охота" (там же, стр. 424).

Считаем необходимым оговорить, что помянутые высокие гости Императорского двора были

ландграфиня Гессен-Дармштадтская с дочерьми, принцессами Амалией, Вильгельминой и Луизой. Принцессы были выписаны в Петербург самой императрицей Екатериной Великой, озабоченной скорейшим вступлением в брачную жизнь наследника престола Павла Петровича. Выбор наследника пал на принцессу Вильгельмину, нареченную по принятии ею православной веры великою княжною Наталиею Алексеевною.

Этот первый брак великого князя Павла Петровича с принцессою Гессен-Дармштадтскою состоялся в том же 1775 году. В течение лета этого года высоким гостям устраивались всевозможные празднества как в самом городе С.-Петербурге, так и в его окрестностях, в Петергофе, Царском Селе и других местах. По нашей задаче мы приводим лишь имеющиеся сведения о поездках императрицы с гостями, имевших, между прочим, задачею производство охоты.

16 того же июля, во вторник, "пополудни в начале шестого часа, Ее Императорское Величество, с Ландграфинею, с двумя Принцессами, Амалиею и Луизою, с Фрейлинами и кавалерами, соизволила, для гуляния, иметь выход (из Петергофского дворца в окрестности Петергофа), в таратайках, верст до девяти; в продолжение сего была соколя охота" (там же, стр. 457).

27 июля, в субботу, в три часа дня, императрица Екатерина Алексеевна предприняла поездку из Петергофа в Царское Село, главным образом в видах осмотра приготовлений в последнем пункте к приему высоких гостей – ландграфини Гессен-Дармштадтской с дочерьми. До "путевого экипажа" императрицу провожали великий князь Павел Петрович, ландграфиня и принцессы, откуда государыня поехала

уже одна, в сопровождении небольшой свиты. "Поначатию путешествия, до Стрельной мызы продолжалась соколя охота" (там же, стр. 506).

2 августа 1773 года, в пятницу, "в начале четвертого часа пополудни, Ее Императорское Величество, в длинном кафтане (то есть в амазонском платье), соизволила проходить в манеж и оттуда предприняла шествие, верхом, в поле, с сокольєю охотою; а за Ее Величеством последовал и Его Императорское Высочество с кавалерами, верхом же, а Ландграфиня с Принцессами" – которые к этому времени также прибыли из Петергофа в Царское Село – "також Фрейлины, заседали в таратайках". С охоты этой все общество вернулось обратно в Царскосельский дворец в седьмом часу вечера. (Камер-фурьерск. журн. 1775 года, стр. 535).

5 августа того же 1773 года, в понедельник, будучи в Царском Селе, императрица Екатерина Алексеевна, сопровождаемая Павлом Петровичем, ландграфинею Гессен-Дармштадтскою и принцессами, "предприняла шествие, в таратайках, для гуляния, в поле, с сокольєю охотою" (там же, стр. 550).

10 того же августа, в субботу, "пополудни в пять часов, Ее Императорское Величество с Его Императорским Высочеством, с Ландграфинею, с Принцессами и со всеми прочими персонами соизволила предпринять отсутствие из Села Царского в Санктпетербург, и до Пулковской горы шествовала в фэтоне, и продолжалась соколя охота, а от Пулковской горы в каретах; и в половине восьмого часа в Зимний Каменный Дворец прибыть соизволила", (там же, стр. 575).

159 В начале 1775 года части С.-Петербургской егерской и псовой охот отправились в Москву на время

пребывания там Императорского двора.

Егерская охота, под начальством обер-егеря Коева, в составе 5 егерей, 7 егерских учеников и 6 птичников, отправилась в Москву в феврале месяце и прибыла на место 10 марта. Для охоты этой было отведено в селе Измайлове: обер-егерю – покой, егерям – 3 покоя, егерским ученикам и птичникам – 5 покоев и "для содержания в летнее время стрелянных птиц погреб один". (Госуд. Арх., оп. 72, дд. NoNo 39 и 63).

Псовая охота была отправлена в Москву двумя партиями: одна партия отправилась под начальством корытничего Семена Зотова, в составе 11 охотников, 4 доезжачих, 4 выжлятников, 4 наварщиков, 4 конюхов, коновала, 2 кузнечных и двух фельдшерских учеников. С нею же выехали лекарь и подлекарь. (Тот же арх., оп. 72, д. и 53). Другая партия, под начальством обер-ферштера Андреаса Тона, была отправлена со сворами ее величества и его высочества, заключающими в себе 40 борзых собак. С этою партией поехало 6 охотников, 1 доезжачий, 6 выжлятников, 2 наварщика, 2 конюха и фельдшерский ученик. Кроме собак, Андреас Тон должен был доставить в Москву 24 охотничьих лошади. Ему было выдано 30 саней; "для покрышки собак, на девятеры сани, на каждая, по 2 луба"; 9 лубьев запасных; 48 веревок толстых; 35 сажень веревки пеньковых; 15 сажень бечевки; корыто дощатое; 9 четвертей овсяной муки; 3 четверти шквар; 172 рубля прогонных денег; 72 рубля на фураж лошадям; 27 рублей на кормовые деньги служителям, по 10 копеек в сутки на человека; 25 рублей на разные расходы. (Тот же арх., оп. 72, д. No 21).

Затем надлежит припомнить, что в начале того же 1775 года из С.-Петербурга были командированы в Москву тамошние Императорские псовая и егерская

охоты почти в полном их составе. (Тот же арх., оп. 72, дд. NoNo 39 и 63).

Все перечисленные выше распоряжения Обер-егермейстерской канцелярии, мелочные, но серьезные заботы различных должностных лиц Императорской охоты об организации наиболее соответственной арены будущих высочайших охот, заставляют предполагать, что имеющиеся у нас нижеприводимые сведения об охотах императрицы Екатерины Великой в 1775 году далеко не исчерпывают того, что происходило в то время в Москве в этом направлении даже со стороны, так сказать, дневника времяпрепровождения императрицы.

13 мая 1775 года, в бытность свою в Москве, императрица Екатерина Алексеевна в четвертом часу дня направилась со всею своею свитою из Москвы в село Измайлово, где в то время была сосредоточена вся прибывшая из С.-Петербурга Императорская охота и где содержались собственные своры борзых собак ее величества и его высочества. "По прибытии в зверинец, Ее Величество из фэтона соизволила выдти и следовать, пешком, через весь зверинец", в подробностях осмотрев который, покинула село Измайлово в восьмом часу и направилась в дальнейший путь в село Коломенское. (Камер-фурьерский журнал 1775 года, стр. 291).

23 июня того же года, во вторник, проживая в то время во дворце села Коломенского, "пополудни в седьмом часу, Ее Величество соизволила из внутренних своих апартаментов прибыть в кавалерскую комнату, куда и Их Императорские Высочества прибыли, и соизволила из той комнаты смотреть бывшей за Москвою рекою, на поле, заячьей маленькими собаками травли" (там же, стр. 393).

На следующий день, 24 июня, в среду, "пополудни в шестом часу, Их Императорские Высочества изволили прибыть в апартамент Ее Императорского Величества, откуда Ее Величество с Их Высочествами, вышед в кавалерскую комнату, соизволила предпрять, в фаэтоне, шествие на охоту с соколами и кречетами, и, проезжая чрез Кожухов мост, в правую сторону, по полю, а оттоле обратно, соизволила возвратиться к селу Коломенскому и, не доезжая до одного села, на поле-ж, пущены были маленькие собаки на зайца, чем окончив охоту, прибыть соизволила во дворец (Коломенский) и проходить в Свои апартаменты" (там же, стр. 396).

29 июля того же года, во время пребывания своего в селе Царицыном, расположенном в недалнем от Москвы расстоянии, "в среду, пополудни в шестом часу, Ее Императорское Величество с Их Императорскими Высочествами, також с Фрейлинами и кавалерами, соизволила поехать, для прогуливания в фаэтоне, до Коломенского села, и тут продолжалась соколя охота", откуда императрица с их высочествами и свитою возвратилась обратно во дворец села Царицына в девятом часу того же вечера (там же, стр. 497).

9 августа того же 1775 года, в воскресенье, продолжая в то время проживать в селе Царицыном, "в вечеру, Ее Императорское Величество с Их Императорскими Высочествами, також с Фрейлинами и кавалерами, соизволила ездить, в фаэтоне, за Коломенское, по ту сторону Москвы-реки, к озеркам, где продолжалась соколя охота на уток; откуда соизволила возвратиться в Царицыно в восьмом часу вечера" (там же, стр. 514).

18 того же августа, во вторник, императрица Екатерина Алексеевна имела выход к расположенным в

Царицынском саду "островкам, где сидят фазаны" (там же, стр. 526).

160 В 1775 году, как мы уже не раз имели случай упоминать выше, в Москве, в присутствии императрицы, торжественно и продолжительное время праздновалось заключение выгодного для Российского государства мира с Блистательною Портою. Это "мирное торжество" сопровождалось всевозможными увеселениями, устраивавшимися как для простого народа, распоряжением Дворцового ведомства, так и для высших слоев тогдашнего общества, в самых московских дворцах, по предначертаниям Великой Императрицы. В числе собственно придворных увеселений занимало далеко не последнее место отъездное поле.

Ожидая прибытия по сказанному случаю в Москву Императорского двора, Обер-егермейстерское ведомство в полной уверенности, что пребывание Екатерины Алексеевны в этой столице будет, между прочим, сопровождаться более или менее частыми выездами императрицы и приближенных к ней лиц на охоту, прилагало заботливое старание к подготовке успешности подобных выездов и делало всевозможные распоряжения, долженствовавшие споспешествовать "наилучшему на полях увеселению Ее Императорского Величества".

Как мы уже говорили в отделе о сокольных помытчиках, по предписаниям Обер-егермейстерской канцелярии, прилагалась масса стараний к тому, чтобы запастись заранее, к летнему времени 1775 года, наивозможно большим числом ловчих птиц, "ибо в птицах ныне состоит против прошлых лет большая надобность". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73. д. No 7). Различным сокольным помытчикам, местностей не

особенно отдаленных, строго-настрого приказывалось, чтобы они, "ни мало не мешкав, все поголовно вышли на помцы и старались оных птиц помкнуть как возможно с большим удовольствием", а пойманных птиц "тотчас" приносили в Семеновское на потешный двор. (Тот же арх., оп. 73, д. No 51). Грозные эти предписания исполнялись довольно аккуратно. Так, одни ярославские помытчики принесли, разновременно, в течение определенного срока 113 экземпляров кречетов, соколов и ястребов, да ими же принесен в подарок императрице от князя Дундукова редкая птица – цветной балобан (там же, оп. 73. д. No 2). Не имея в Московской императорской птичьей охоте надежного "ястреба ловца" и не будучи убежденной в возможности получить потребную птицу нормальным путем, другими словами, не рассчитывая в данном случае на помытчиков, Московская обер-егермейстерская контора распорядилась покупкою подобного ястреба у "вольного человека", ассигновав для этого потребную сумму. (Тот же арх., оп. 73. д. No 19). "В селе Коломенском, на большом озере, что к Москве-реке", распоряжением Обер-егермейстерской конторы была заготовлена для ее императорского величества большая лодка, долженствовавшая к приезду императрицы быть убранной надлежащим образом ельником для маскировки судна. В лодке этой, по заключению сведущих охотников, встречалась полная необходимость для успешности охоты на воде по диким уткам – "при напуске соколов на уток". (Тот же арх., оп. 73, дд. NoNo 50–2). В дворцовом имении Тюхалях, около расположенных в той местности озер, "в пристойных местах", приказывалось расчистить местность, вырубить излишние кусты да поставить два сухих дерева, надо полагать, для охоты в этом районе

на тетеревей, загоном, на чучелах. (Тот же арх., оп. 73, д. No 32). Озабочивалась Обер-егермейстерская канцелярия, чтобы ко времени начала высочайших охот того года под Москвою не обнаружилось недостатка в "ящиках, в коих возятся на поля шапки, портупей и чепраки" принимающего в охотах участие личного персонала Императорской охоты. (Тот же арх., оп. 73, д. No 39). Устраивались, починялись и возобновлялись шалаши для стрельня тетеревей и отдавались другие аналогичные приказания.

161 Относительно устройства шалашей считаем необходимым привести некоторые более подробные сведения.

25 мая 1775 года унтер-егермейстер Дубянский доносил Обер-егермейстерской канцелярии нижеследующее:

"Поданным ко мне Обер-Егерь Алексей Коев доношением представляет: около Москвы имеются шалаши для всевысочайшего Ее Императорского Величества увеселения, стрельняем на чучелах тетеревей; два были в Перовской роще, кои в прошлом 1767 году, за ветхостью, сломаны, и из оных построен шалаш в Измайловском зверинце от Дворцовой канцелярии; а имеющиеся два шалаша: один в Гиреевском, что под Владышным, совсем ветх, в прошлом же 1767 году оный был подперт балками, а ныне как оный, так и в Максинской роще, совсем шалаши повалились, из которых за ветхостью выбрать нечего. А вышепомянутый в Измайловском зверинце шалаш, для переноски в другое место, несколько за ветхостью негоден. И для того надлежит заблаговременно построить шалаш новый в Максинской роще, против Царскосельского или Красно-Кабацкого, что в Санктпетербурге, шалашей, о

чем Обер-Егермейстерской канцелярии сим
представляю".

По получении этого представления
унтер-егермейстера Дубянского Обер-егермейстерская
канцелярия "приказала к Обер-Егерю Коеву и
Форштмейстеру Зандену (Измайловского зверинца)
послать из канцелярии ордер и велеть, чтобы они, обще
осматривая в здешнем зверинце (опять-таки
Измайловском), сколько есть лесу соснового и елового
срубленного, и можно ли употребить на постройку
шалаша, и ежели недостаточно оно, то сколько еще
потребно в добавок, или имеет быть оно и без
прибавки достаточно, о том бы обо всем, по
исполнении вышеписанного, подали тотчас в
канцелярию репорт, дабы сия канцелярия могла
принять в постройке оно шалаша надлежащие меры".

Вероятно, по последовавшему по сему предмету
донесению обер-егеря Коева и форштмейстера
Измайловского зверинца Зандена пригодных для
постройки шалаша лесных материалов в названном
зверинце не оказалось, что явствует из
нижеприводимой описи, каким образом надлежит
построить в Максинской роще для стрельбы шалаш.

"Построить оный из соснового лесу, внутри
шириною восемь аршин, вышиною, от полу до
потолку, три аршина десять вершков; вокруг его шесть
чуланов с переборками досчатыми, которые чуланы
внутри имеют быть шириною на трех аршинах, и как
середина оно шалаша, так и чуланы осьмистенные;
оный шалаш и чуланы покрыты тесом, с прокладкою
дранью в два ряда. Во оном же шалаше, в середине, и в
чуланах, сделать две печи израсцовые и один очаг. А
коликое число во оном шалаше надлежит сделать
окошек, дверей и рундуков, о том показано от меня

(надо полагать, унтер-егермейстера Дубянского) быть имеет при строении. А пол сделать досчатый и убить оный войлоками. Крыльцов ко оному шалашу, с перильцами, три. В середине шалаша сделать потолок из тонкого тесу и обить же войлоками как оный, так и вокруг в чуланах, и сверх оных войлоков подбить холстом и подбелить. Внутри ж оного шалаша столярных дверей четыре с медными замками и вокруг как на полу, так и на потолке вытянуть карниз; все вышеписанное строение, по показанию моему, исправить подрядчику своими работными людьми из всех к тому принадлежащих собственных материалов". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 24).

В июле месяце того же года было приказано Обер-егермейстерскою канцеляриею "имеющийся в Измайловском зверинце, для увеселения Ее Императорского Величества стрелянием на чучела тетеревей" шалаш не переделывать заново, капитально, как то было предположено раньше, но ограничиться только одною починкою существующего сооружения, "чтобы не опасно в нем пребывать". К этому распоряжению прибавлялось довольно подробное и чрезвычайно интересное наставление о тех работах, какие, по мнению Обер-егермейстерской канцелярии и надлежало произвести при починке шалаша. Предписывалось в "шалаше стены, с обеих сторон, изнутри и снаружи, скрепить поставленными брусьями, а для укрепления пропустить железные болты, ибо внутри будет обито бумажками, а снаружи ухвоится ельником, то и брусьев будет не видно, а крепость так будет надежна, хотя бы и новый был; также стены, полы, потолки, печи и окончины, и, одним словом, чтобы все было исправлено починкою; и тако сей с новым будет разнствовать только в том, что не будет

так починенной пригож, как новый; но как в Обер-Егермейстерской канцелярии денег не имеется, то она и стараться должна не о красоте оногo, но о твердости и теплоте". (Тот же арх., оп. 73, д. No 4).

Из других подготовительных к предстоявшим в то время высочайшим охотам распоряжений отметим следующие:

1 мая 1775 года главностатейничий Московской императорской птичьей охоты, Иван Рыкунов доносил Обер-егермейстерской канцелярии:

"Как известно Обер-Егермейстерской канцелярии, что всевысочайшее Ее Императорского Величества имеется здесь, в Москве, присутствие, и уповательно, что нынешнего лета, в скором времени, и со птичьей охотою на поля выход иметь соизволит, а не иначе как в каретах и таратайках. А как около Москвы по большим дорогам сделаны великие каналы, так что не только через их в карете проехать, но и верхом никак не можно, мостов же через те каналы почти ничего не имеется, а без оных никак проезжать не можно ж, того ради, по долгу моему, почитаю сие за нужное, в Обер-Егермейстерскую канцелярию представить, повелено б было от оной канцелярии, для предписанной (т. е. вышеписанной) необходимой надобности, в Московскую губернскую канцелярию сообщить, благоволила б около тех дорог каналы, где всевысочайшее Ее Императорское Величество со птичьей охотой на поля выходы иметь соизволит, а именно: по Коширке, Коломенке, Володимерке, Страмынке и Троицкой, Дмитровке, Санктпетербургской для свободного через их в каретах и верхом проезду, поделать мосты, також от Камер-Коллежского валу, на каждой дороге, по пяти верст, поделать мосты ж, на каждых ста саженьях, а не

далее, по показательству отправленного от меня, для того исправления дорог, от птичьей охоты обер-офицера, в самоскорейшем времени, чтобы оные исправлены были сего мая к 16 числу". (Тот же арх., оп. 73, д. No 11).

3 июля того же года тот же главностатейничий Рыкунов доносил Обер-егермейстерской канцелярии:

"Надлежит, для справки в нынешнее летнее время соколов к Высочайшему Ее Императорского Величества увеселению, скосить около озер травы, от каждого озера, вокруг, по тридцать сажень, а именно: вниз по Москве-реке, в деревне Кулакове, в селе Слободках, да в селе Софийке, где там соколам справа быть имеет, также около села Коломенского и в Тюхалях, где всевысочайше Ее Императорское Величество с теми соколами на поля выход иметь соизволит. А как те луга состоят в ведомстве Главной Дворцовой канцелярии и Придворной Конюшенной канцелярии да Коллегии Экономии, того ради Обер-Егермейстерской канцелярий сим представляю, повелено б было, для вышеписанной надобности, о кошении в предписанных местах в лугах озер вышепомянутые ведомства сообщить, которые б озера непременно окошены были сего июля к пятому на десять числу, дабы б во время с теми соколами на поля выездов никакого помешательства не было. А по окошении около тех озер травы подтвердить, чтобы к тем озерам близко скота не подгонять и празднующим людям не ходить, а особливо окола села Коломенского, в лугах, через что б уток с тех озер не отпугивать". (Тот же арх., д. No 3, оп. 73).

Для более успешного вынашивания соколов и для приготовления их к серьезной задаче увеселения Ее Императорского Величества в полной мере, тогдашний

обер-егермейстер Семен Кириллович Нарышкин прибегал к мерам, о которых до сего времени указаний не имелось: "для пущания соколам", подготовлявшимся к участию в высочайших охотах, приобретались живые дикие утки. Таких уток для означенной цели было куплено 28 июля по приказанию обер-егермейстер шесть штук. (Тот же арх., оп. 73, д. 38).

Высоколюбопытным является также распоряжение того же обер-егермейстера Нарышкина, воспоследовавшее 31 июля, по силе коего из Императорской московской псовой охоты было передано на Семеновский потешный двор в охоту птичью, "для рассыпки около Тюхальских озер и Коломенских полей, шквар свешных семь четвертей и овса четыре четверти". Меровою этою, надо полагать, думали прикормить все тех же диких уток – главный объект соколиной охоты императрицы Екатерины Алексеевны – на местах, наиболее вероятных высочайших на поля и на воды с соколами выходов. (Тот же арх., он. 73, д. No 40).

23 октября того же 1775 года состоялась высочайшая охота, надо полагать, в Максинской роще, в шалаше для стрельбы тетеревей, над сооружением которого, как мы видели выше, столь потрудился унтер-егермейстер Дубянский.

К участию в этой охоте были приглашены следующие приближенные к императрице лица: фрейлина Авдотья Андреевна Полянская, граф Петр Александрович Румянцев, граф Кирилла Григорьевич Разумовский, граф Захар Григорьевич Чернышов, обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, граф Григорий Александрович Потемкин, граф Иван Григорьевич Чернышев, гоф-маршал Григорий Никитич Орлов, Иван Михайлович Ребиндер, камергер

Иван Васильевич Обухов, камер-юнкеры Михаил Сергеевич Потемкин и Петр Васильевич Завадовский и флигель-адъютант Бибииков.

В этот день, "в пятницу, по утру, в шестом часу, Ее Императорское Величество, с назначенными персонами, изволила предпринять шествие на охоту, за город, для стрельня тетеревей, в Подмаксинскую рощу, состоящую от Москвы в двенадцати верстах. По прибытии туда, у шалаша, встретил Ее Величество Унтер-Егермейстер Дубянский и стрельня началось с восьмого часа".

"В двенадцатом часу, пред полуднем, Ее Величество с находящимися в свите персонами изволила кушать обеденное кушанье в шалаше ж, где пробыв Ее Императорское Величество до четвертого часа пополудни, изволила возвратиться обратно в Москву и прибыть в Пречистенский дворец в начале шестого часа" (там же, стр. 690).

162 3 сентября 1775 года, в четверг, Екатерина Алксеевна, с великим князем Павлом Петровичем и со всею обоего пола знатных персон свитою, отправилась поутру в гости к своему обер-шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, в Подмосковную вотчину последнего, село Знаменское, расположенное в расстоянии 7 верст от Москвы. Здесь хозяин устроил для высоких и многочисленных гостей парадный обед, во время которого были произнесены многие тосты, сопровождавшиеся пушечною пальбою. При столе играла музыка на кларнетах и волторнах, музыка, кажется, обер-егермейстерского ведомства, а вблизи дома, в саду, в разных местах, играли на рогах придворные егеря. "По окончании стола, Ее Императорское Величество, со всеми персонами, вышла из покоев на крыльцо, откуда смотрела псовой

охоты, пущенной за Москвою-рекою на поле, на оленей и зайцев", привезенных, надо полагать, специально для этой охоты в окрестности села Знаменского из Измайловского зверинца. Затем, совершив прогулку у Москвы-реки и в близ расположенной роще, императрица "засвидетельствовала гостеприимцам Высочайшее свое удовольствие и, пожаловав к руке", при пушечной стрельбе и колокольном перезвоне отбыла в Москву. Во время этого посещения императрицы Екатерины Алексеевны вотчины Льва Александровича Нарышкина, как в доме помещика, так и в соседней деревне Мазиловой, устроены были различные увеселения для тамошних крестьян: происходило плясание по-русски; пелись хоровые русские песни; против дома Нарышкина, на Москве-реке ездили крестьяне на лодках с распущенными флагами, а за рекою на поле ходили хороводы (там же, стр. 567).

163 Охотилась ли императрица Екатерина Алексеевна в течение лета 1778 года – мы не имеем никаких сведений.

20 октября этого года, "в субботу, по утру, в половине шестого часа, Ее Императорское Величество изволила иметь выход (из С.-Петербургского Зимнего дворца), с малою свитою, на чучелы, за красный кабачек, в левую сторону от Петергофской дороги, для стрельяния тетеревей, сев Ее Величество в одну карету с графинею Прасковиею Александровною Брюссковою, и там в обыкновенное время изволила кушать обеденное кушанье, а пополудни, в половине четвертого часа, Ее Императорское Величество с охоты прибыть изволила в Зимний дворец. "Сего числа с Ее Величеством, при охоте на чучелах, находились: 1) Графиня Прасковья Александровна Брюссова, 2) Князь Александр

Михайлович Голицын, 3) Лев Александрович Нарышкин, 4) Князь Федор Сергеевич Барятинский, 5) Иван Иванович Михельсон, 6) Иван Николаевич Римский-Корсаков, 7) Павел Сергеевич Потемкин, 8) Князь Петр Алексеевич Голицын (Егермейстер), 9) Федор Матвеевич Толстой, 10) Василий Иванович Левашов, 11) Александр Львович Нарышкин, Алексей Яковлевич Потемкин". (Камер-фурьерский журнал 1778 года, стр. 671).

28 февраля 1779 года императрица Екатерина Алексеевна ездила из С.-Петербурга в Царское Село, но там оставалась не долго и уже в исходе второго часа дня направилась обратно в С.-Петербург. "В шествии ж, прибыв к новой Пулковской деревне, и изволила остановиться и смотреть охоту в травле зайцев; по смотрении оной продолжала путь и прибыла во Дворец пополудни в начале четвертого часа". (Камер-фурьерск. журн. 1779 года, стр. 90).

16 июля того же года, во вторник, в бытность Императорского двора в Петергофе, "после полудня, в шестом часу, Ее Императорское Величество соблаговолила предпринять шествие, с фрейлинами и кавалерами, в фэтоне и таратайках, с сокольєю охотою, до Стрельной мызы, куда по прибытии изволила шествовать в нижний сад и гуляя (гуляла) в оном, потом изволила иметь вечернее холодное кушанье, в саду ж, под деревом". После этого императрица отправилась обратно в Петергофский дворец, куда и прибыла в половине десятого часа вечера (там же, стр. 324).

19 того же июля, в пятницу, "пополудни в половине шестого часа, Ее Императорское Величество с Их Императорскими Высочествами предпринять изволила шествие, при свите фрейлин и кавалеров, с сокольєю

охотою, до Стрельной мызы, сев Ее Величество, с Его Высочеством Великим Князем и прочими особами в фаэтон, а Их Высочества Государь Цесаревич и Государыня Великая Княгиня следовать изволили верхом, доехав до Знаменской; от оной Его Высочество Великий Князь Александр Павлович, в своей карете, возвратный путь предпринял к Петергофу". Императрица же со всею остальною компаниею охотников доехала до Стрельнинской мызы, где состоялся Высочайший вечерний стол, по окончании которого Ее Величество направилась обратно в Петергофский дворец, куда и прибыла в исходе девятого часа вечера (там же, стр. 328).

24 того же июля, в среду, в пять часов пополудни императрица Екатерина Алексеевна направилась из Петергофа в Царское Село; "во время ж Высочайшего шествия от Петергофа, через 12 верст, благоволила иметь соколью охоту" (там же, стр. 341).

27 того же июля, в субботу, "после полудня в шестом часу, соблаговолила изволила Ее Императорское Величество шествовать в экипажах при свите фрейлин и прочих персон, за Кузьмино с сокольєю охотою". С охоты этой императрица возвратилась в Царскосельский дворец в десятом часу вечера (там же, стр. 348).

1 августа того же 1779 года, в четверг, "в исходе шестого часа пополудни, Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества изволили со всеми персонами шествовать для гуляния к Пулковской горе, с сокольєю охотою. Ее Величество, сев в открытую коляску, пригласила Графиню Брюсс. Их Высочества, подле Ее Величества коляски, ехали верхом; тако ж некоторые фрейлины и кавалеры верхом же ехали, а прочие в фаэтоне и таратанках"; во дворец

Царскосельский императрица со спутниками вернулась в этот день в исходе восьмого часа вечера (там же, стр. 365).

4 того же августа, в воскресенье, императрица Екатерина Алексеевна направилась из Царского Села в С.-Петербург. "А как Ее Императорское Величество, во время шествия в Санкт-Петербург, Высочайше указать соизволила быть под Царским Селом соколей охоте, то для сего, Ее Величество при отбытии соблаговолила посадить в Свою коляску Его Высочество Государя Великого Князя Александра Павловича, а следовали с охотою до выезда Кузьминской слободы лугом. Отъехав Ее Величество от села Царского близ двух верст, Его Высочество Государь Великий Князь с Госпожею Генерал-Майоршею Бенкендорф, в своем экипаже, возвращен в Село Царское, а Ее Величество, оставя охоту, продолжала путь к Санкт-Петербургу". (Там же, стр. 371).

13 того же августа, во вторник, после обеда, "в шесть часов Ее Императорское Величество изволила, с фрейлинами и кавалерами, иметь выход, для гуляния, до Пулкова; в продолжение сего выхода продолжалась соколя охота, и обратно возвратилась в Село Царское в восемь часов" (там же, стр. 387).

17 того же августа, в субботу, "в исходе шестого часа пополудни, изволила Ее Императорское Величество, свиты Своей с фрейлинами и кавалерами, иметь выход до Пулкова с соколиною охотою". Назад возвратилась императрица в Царскосельский дворец в исходе восьмого часа вечера (там же, стр. 393).

20 того же августа, во вторник, "в шесть часов пополудни, Ее Императорское Величество изволила, с фрейлинами и кавалерами, иметь выход до Пулкова, с сокольею охотою". Назад в Царскосельский дворец

вернулась в 7 1/2 часов вечера (там же, стр. 399).

24 июля следующего 1780 года, в пятницу, императрица Екатерина Алексеевна, направляясь из Петергофского дворца во дворец Царскосельский, "шествовала из Петергофа через Старый зверинец, отъехав же от Петергофа не более восьми верст, встретили Ее Императорское Величество на пути господа Егермейстер Князь Голицын и Унтер-Егермейстер Потемкин, с сокольєю охотою, при которой изволила Ее Величество шествовать до шести верст к Красному Селу, по сем же Высочайше указать соизволила охоте возвратиться к их месту, а потом благоволила продолжать путь до Красного Села". (Камер-фурьерский журн. 1780 года, стр. 559).

28 того же июля, во вторник, "после полудня, в пятом часу, Ее Императорское Величество изволила, с вышеписанными персонами (императорской свиты, в числе всего 19 человек), иметь выход, в фаэтоне и таратайках, с сокольєю охотою, при чем быть изволил и Его Императорское Высочество Государь и Великий Князь Александр Павлович, и отсутствовав Ее Величество в фаэтоне, приглася во оный фрейлин, також и господина дежурного Генерал-Адъютанта и некоторых знатных особ, а Его Высочество, выехав прежде в коляске Ее Величества, а потом пересесть изволил в фаэтон же, и шествуя Ее Императорское Величество при означенной охоте от Кузьмина нижними лугами и проехав на Пулковскую гору", там гуляла в Английском саду, а потом вернулась обратно в Царскосельский дворец в девять часов вечера (там же, стр. 569).

9 августа того же 1780 года, в воскресенье, "после полудня, в исходе шестого часа, Ее Императорское Величество изволила с Их Императорскими

Высочествами, також с обретающимися в свите обоего пола персонами, иметь шествие в фаэтоне, на охоту с соколами". В Царскосельский дворец императрица вернулась с этой охоты в 7 1/2 часов вечера (там же, стр. 597).

20 июля следующего 1781 года, во вторник, "пополудни в пять часов, Ее Императорское Величество изволила шествовать с Камер-Фрейлиною (Александрю Васильевною Энгельгард) и прочими в свите обретающимися особами, в экипажах, забавляться соколиною охотою, с которого Ее Величество изволила следовать от Царского Села к Кузьминской деревне и мимо оной, с правой стороны, лугом, через девять верст, до деревни Старой Пулковской, где соблаговолить изволила повелеть Обер-Егермейстеру Князю Голицыну с командою его кончить охоту". Назад в Царскосельский дворец Екатерина Алексеевна возвратилась в тот день в исходе восьмого часа вечера (там же, 1781 года, стр. 430).

2 августа того же года, в понедельник, "пополудни, в половине шестого часа, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами Государем Цесаревичем, Государынею Великою Княгинею и с находящимися в свите обоего пола персонами, изволила шествовать с сокольею охотою под Кузьминскую слободу", откуда возвратилась в Царское Село в 7 1/2 часов вечера (там же, стр. 467).

164 23 августа 1782 года, во вторник, "после полудня, в шестом часу, Ее Императорское Величество, с дежурными фрейлинами и кавалерами и прочими персонами, изволила иметь шествие, в экипажах, под Кузьмино, при сокольей охоте". Выход этот состоялся из Царскосельского дворца, где в это время проживала императрица. (Камер-фурьерский журнал 1782 года,

стр. 396).

25 того же августа, в четверг, "после полудня, в шестом часу, имели прибытие во внутренние покои Ее Императорского Величества (в Царскосельском дворце) Их Императорские Высочества Великие Князья, а потом отбыли в Нижний сад, куда, в седьмом часу, и Ее Величество изволила иметь выход, с свитою фрейлин и кавалеров, и протчих обоего пола персон, и проходя около большего пруда и мимо гор на луг, где тогда, по соизволению Ее Императорского Величества, затравлен был малыми аглицкими собаками заяц, а как сия охота кончилась, то Ее Величество" прибыла назад во дворец в девятом часу вечера (там же, стр. 399).

На следующий день, 26 августа, в пятницу, "после полудня, в половине шестого часа, Ее Императорское Величество, с Их Высочествами Великими Князьями и с обретающимися в свите, и протчими обоего пола персонами, изволила иметь выход при соколей охоте, в фаэтоне и каретах, под Кузьмино", возвратившись с этой охоты назад в Царскосельский дворец в восьмом часу вечера (там же, стр. 401).

15 июля следующего 1783 года, в субботу, в бытность свою в Царском Селе, "после полудня, в половине шестого часа, Ее Императорское Величество с вышеписанными в свите находящимися (Генерал-Аншеф Граф Петр Иванович Панин, Граф Александр Сергеевич Строганов и Унтер-Егермейстер Алексей Яковлевич Потемкин) и прочими знатными персонами, благоволила иметь выход, в фаэтоне, под Царское Село к селу Кузьмину, с соколиною охотою" (там же, 1783 года, стр. 347).

23 августа того же года, в среду, "после полудня, в пять часов, Ее Величество, с находящимися в свите обоего пола персонами, изволила иметь выход под село

Кузьмино с сокольєю охотою, откуда возвраться через Пулково, благоволила в восемь часов прибыть в Царское Село" (там же, стр. 431).

25 того же августа, в пятницу, "после полудня, в шестом часу, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами Великими Князьями, в провожании в свите находящихся обоего пола и прочих знатных особ, изволила выход иметь, в экипажах под село Кузьмино, с сокольєю охотою", возвраться в Царскосельский дворец в исходе восьмого часа вечера (там же, стр. 433).

9 сентября того же 1783 года, в субботу, "после полудня, в пять часов, Ее Императорское Величество с вышеписанными (Иван Иванович Шувалов, Граф Андрей Петрович Шувалов, Граф Александр Сергеевич Строганов и Князь Федор Сергеевич Барятинский) и прочими находящимися в свите придворными обоего пола особами, изволила иметь выход, в экипажах, с сокольєю охотою, при которой благоволила шествовать к селу Кузьмину, откуда изволила возвратиться в Царское Село около шести часов вечера (там же, стр. 463).

В продолжение 1784 и 1785 годов камер-фурьеры не занесли в свои журналы ни одного высочайшего выхода на охоту. Нет сведений об охотах императрицы Екатерины Алексеевны за этот период времени и в других источниках.

4 августа 1786 года, во вторник, "после полудня, около пяти часов, Ее Императорское Величество, с находящимися в свите придворными обоего пола персонами, изволила предпрять Высочайшее шествие, в фаэтоне и таратайках, с охотою соколов и кречетов, и проезжая по Кузьминской дороге до Пулково, и забавляясь охотою, потом благоволила обратно

прибыть в село Царское" (там же, 1786 года, стр. 472).

11 того же августа, во вторник, "после полудня, в пять часов, Ее Императорское Величество, с находящимися в свите обоего пола персонами, изволила выход иметь, в фаэтоне и в таратайках, с сокольєю охотою, с которою проезжала от Царского Села левою стороною, полем, до Новой Пулковой деревни; потом благоволила возвратиться чрез Кузьмино, и прибыв к Царскому Селу, и остановясь у сада, против инжерей (оранжерей?) изволила выдти из фаэтона и шествовать садом в покой" (там же, стр. 486).

За 1787, 1788, 1789 и 1790 года в камер-фурьерских журналах совершенно не имеется сведений о высочайших охотах. Однако надо полагать, что императрица Екатерина Алексеевна, в этот период времени, не оставила совершенно полевой утехы. Подтверждается последнее соображение следующим свидетельством:

В дневнике Храповицкого, под 2 августом 1789 года значится, что в тот день состоялся высочайший выход с птичьєю охотою. Отправляясь на охоту рано утром, императрица Екатерина Алексеевна, обратившись к автору дневника, своему личному секретарю, сказала: "Je ne suis pas haresseuse?" (Храповицкий, стр. 201).

8 августа 1791 года, в пятницу, "по утру, в восемь часов, Ее Императорское Величество, с Их Императорскими Высочествами Государями Великими Князьями, в препровождении кавалеров, верхами, шествовать изволили в Царский зверинец (в Царском Селе, где тогда пребывал Императорский двор) и во оном забавлялись охотою, травить саженных зайцев комнатными малыми аглицкими собаками

(левретками?), потом, в половине одиннадцатого часа утра ж, при игрании роговой музыки, из зверинца Ее Величество и Их Высочества благоволили возвратиться во Дворец". (Камер-фурьерский журнал 1791 года, стр. 531).

На следующий день, 9 августа, в субботу, "после полудня, в шестом часу, Ее Императорское Величество, в препровождении вышеписанных (А. С. Протасовой, графа Я. А. Брюса, графа А. С. Строгонова, князя Ф. С. Барятинского, А. Ю. Нелединского, Пл. А. Зубова, Вал. А. Зубова) и прочих, составляющих свиту придворных обоего пола особ, изволила выход иметь, в фаэтоне и таратайках, с сокольєю охотою, под село Кузьмино" (там же, стр. 533).

14 того же августа, в четверг, "по утру, в десятом часу, Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества Государи Великие Князья, с малою свитою, изволили выход иметь на Пулковскую дорогу на охоту травить диких зайцев, для чего место избрано было близь шалашей, имеющихся от помянутой дороги в левой стороне, и продолжая время на охоте до одиннадцати часов утра ж, Ее Императорское Величество, а потом, вскоре, и Их Императорские Высочества изволили возвратиться в Село Царское" (там же, стр. 540).

За 1792 и 1795 года сведений о высочайших охотах не имеется ни в камер-фурьерских журналах, ни в других источниках. Знаем только, что 8 июля 1792 года Турчанинов писал обер-егермейстеру князю Голицыну, что императрица Екатерина II приказала прислать в Царское Село двух или трех егерей, лучших стрелков Императорской охоты, с порохом, пулями и дробью, вменив им в обязанность привести пожалованные великим князем ружья и пистолеты. Вместе с тем было

приказано поставить в Царскосельском зверинце цель, чтобы можно было заняться стрельбою в субботу, в 7 часов утра. (Сборн. рукописных именн. Высоч. указов, No 144).

31 июля 1794 года, в понедельник, "первой четверти девятого часа утра, Их Императорские Высочества Великие Князья отбыли, с составляющими Их свиту кавалерами, на охоту и к обеденному столу в село Красное, в своих экипажах; потом, в двенадцатом часу, Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Алексеевна отбыла с графиней Екатериною Петровною Шуваловой и фрейлинами к обеденному же столу в село Красное, в своих экипажах". Назад в Царское Село вернулись с этой охоты в тот же день, в 8 3/4 часа вечера. (Камер-фурьерский журнал 1794 года, стр. 567 и 569).

Эта была последняя известная нам охота особ Императорского дома за период описываемой эпохи.

165 Здесь покоится "Земира", и Грации, облеченные трауром, должны осыпать цветами ее гробницу. Как "Том", ее предок, как "Леди", ее мать, постоянная в своих вкусах, легкая на бегу, она имела единственный недостаток: была несколько зла; но недостаток этот происходил от доброго сердца. Когда любят, боятся всего. "Земира" так любила ту, которую все любят так же, как она. Можно ли жить спокойно, когда с вами соперничают сто народов? Боги, свидетели ее нежности, должны даровать ей за верность бессмертие, чтобы она всегда могла быть у ног своей госпожи.

166 Письма де Линя, т. I, стр. 105.

167 Лейб-медик Императрицы.

168 "Императрица Елизавета, — свидетельствует

очевидец и участник переворота, Манштейн, – войдя на престол награждала помощников по революции и начала со своего любимца Разумовского... возвела его в должность обер-егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту". (Манштейн, 242).

Действительный камергер, лейб-кампании поручик и кавалер Алексей Григорьевич Разумовский пожалован в обер-егермейстерство, соответственно его склонности, в день коронации императрицы Елисаветы Петровны 25 апреля 1742 года. (Соловьев, т. XXI, стр. 197).

Невысокого происхождения, не отличавшийся ни выдающимися способностями, ни обширным образованием, отмечаемый современниками как человек глубоко честных правил, замечательно ровного характера, доброго сердца и чуждый гордости, возведенный волею судьбы и императрицы в положение, совершенно исключительное, подобным которому ни раньше, ни после Разумовского не пользовался ни один подданный русской короны, граф Алексей Григорьевич известен в истории Царской охоты главным образом как устроитель различных, подчас блестящих охотничьих поездок своей благодетельницы, игравший при таких поездках в большинстве случаев не роль обер-егермейстера, а роль любезного хозяина, потешавшего высокую гостью и приближенных лиц императорской свиты.

Однако Разумовский и сам был в душе ярый охотник и нередко оставлял дворец и императрицу для отъезжего поля. В дневнике генерального хорунжего Ханенко, приехавшего в С.-Петербург с депутатами от Малороссии с различными ходатайствами и остававшегося несколько лет в резиденции

Императорского двора, то в С.-Петербурге, то в Москве, встречаем между прочим следующие к тому подтверждения: 1747 года, сентября 7: "Весь день граф был на охоте, а мы дважды ездили в дворец, но его не получили" (стр. 325). 1748 года сентября 1: "Весь день слотный был, однакож граф Розумовский ездил на охоту" (стр. 381). 1749 года апреля 25: "Граф Розумовский из-рана ездил на охоту" (стр. 419); мая 20: "Были во дворце рано, но не застали графа Розумовского, — отъехал на охоту" (424); августа 28: "Приездили во дворец, где графа Розумовского не застали: отъехал на охоту в 5 часу по полночи, а государыня изволила отъехать кушать на Воробьевы горы" (444); сентября 23 Разумовский с малороссами ездил на охоту за зайцами, ночевал в деревне Протасово, приписанной к Троицко-Сергиевской лавре; на другой день травили зайцев до обеда, а после обеда стреляли голубей; 25-го приехал в Протасово "некоторый старик помещик Михаил Григорьевич Собакин с своею псовою охотою, из которим поехав граф и мы, целый день травили в лестах разных зайцев"; ночевали в деревне Пруссы, в кибитках; 26-го Разумовский "отправил часть своей охоты 3 охотниками в Раево до Его Высочества Государя Великого Князя"; 27-го Разумовский поехал на охоту к Собакину и вернулся оттуда в Пруссы только вечером, несмотря на "великий мороз"; 28-го компания вернулась в Москву (450).

25 ноября 1745 года Алексей Григорьевич Разумовский был пожалован лейб-компании капитан-лейтенантом (Ханенко, 261); 5 сентября 1748 года Лейб-гвардии Конного полка подполковником ("С.-Петербургские ведом." 1748 г., No 72).

В ноябре 1756 года мы видим "Его

Высокорейхсграфское Сиятельство Обер-Егермейстера, Лейб-Компании Капитан-Поручика и Лейб-Гвардии Конного полку Подполковника, Генерал-Аншефа, Действительного Камергера и разных орденов кавалера Алексея Григорьевича Разумовского" (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758) уже генерал-фельдмаршалом (Кам.-фур. журн. 1756 г.), а в следующем 1757 году граф А. Г. Разумовский слагает с себя должность обер-егермейстера, которая переходит к Нарышкину (там же, 1757 года, стр. 38). По крайней мере после указанного срока граф Алексей Григорьевич нигде не именуется обер-егермейстером.

Вовсе от службы граф Алексей Григорьевич Разумовский был уволен в 1762 году, в царствование императора Петра III. Современный официозный периодический орган печати, "Санкт-Петербургские ведомости", оповестил публику об отставке графа А. Г. Разумовского следующей знаменательной заметкой:

"Его Императорское Величество, бывши всегда довольными Его Сиятельства Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Графа Алексея Григорьевича Разумовского усердием собственно к Его Величеству и ревностию к отечеству, по всеподданнейшему его прошению о вечном увольнении от службы за слабым здоровьем и непрестанными болезнями, всемилостивейше соизволили быть ему уволенным и вечно свободным от всей Его Императорского Величества военной и гражданской службы с тем, что как у двора Его Императорского Величества, так и где бы он жить не пожелал для своего здоровья, повелели ему отдавать по чину его должное почтение, обещая Его Императорское Величество сами сохранять к нему непрременную Свою Императорскую милость и Высочайшее благоволение". ("С.-Петерб. вед." 1762 года, No 22).

Считаем не лишним заметить, что по отзывам многих современников императрица Екатерина II оказывала графу Алексею Григорьевичу исключительное внимание, всегда выходила встречать его при посещении графом дворца, сама провожала гостя до дверей, нередко сама подавала старику кресло и вообще относилась к Разумовскому с чисто родственною сердечностью.

169 В 1743 году, при отправлении в сентябре месяце обратно в Москву прибывшей на лето в С.-Петербург с Семеновского потешного двора части царской птичьей охоты, обер-егермейстер Разумовский задержал в С.-Петербурге всех "дербничков" и при них потребное количество охотников. Птицы эти помещены были, кажется, в Пулкове. (Рукоп. прин. Имп. ох.).

170 Никита Афанасьевич Бекетов впоследствии был астраханским губернатором (умер в 1794 г.).

171 Дворец этот в то время стоял на открытом месте: он был в три этажа и имел совершенно простой фасад. На улицу выходил на сводах висячий сад вдоль всего здания. Большой дворцовый сад простирался до Садовой улицы. В саду находилось каменное здание в один этаж, в котором помещена была картинная галерея графа.

172 7 мая 1757 года, "перед обедом, Ее Императорское Величество Всемилоштивейше пожаловать изволила гофмаршала, Генерал-Лейтенанта и Кавалера господина Нарышкина Обер-Егермейстером". (Кам.-фур. журн. 1757 г., стр. 38).

Семен Кириллович Нарышкин родился 5 апреля 1710 года и первую свою молодость, будучи камер-юнкером при императрице Анне Иоанновне,

провел за границу, проживая в Париже. В 1741 и 1742 годах Нарышкин был нашим посланником в Англии, а вскоре по возвращении в С.-Петербург был назначен гофмейстером сначала к великому князю Петру Феодоровичу, а затем к большому двору. (Русск. арх. 1871 г., Род Нарышкиных, стр. 1504 и 1505).

Первый щеголь своего времени и изобретатель роговой музыки (там же), введенной им в штат придворной охоты, С. К. Нарышкин прилагал много стараний к постановке царской охоты на надлежащую почву, стремясь сделать охоту одновременно и блестящей забавой и разумной хозяйственной отраслью. Насмотревшись заграничных порядков, Семен Кириллович проводил их и у нас, не будучи, однако, фанатичным западником и подробно мотивируя каждое проектируемое мероприятие. Опасаясь повторяться, не станем перечислять заслуг С. К. Нарышкина по его деятельности обер-егермейстера. Сведения об этом будут изложены ниже.

27 ноября 1775 года "Генерал-Аншев, Ее Императорского Величества Обер-Егермейстер Действительный Камергер и разных орденов Кавалер Семен Кириллович Нарышкин" - "по тяжелой болезни своей" - скончался. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 32 и Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57).

173 Одновременно с Разумовским и Нарышкиным встречаем вторую должность обер-егермейстера, которую занимал в то время некий Бредадь.

В 1742 году, письмом от 1 сентября Бестужев-Рюмин просил вице-канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова (который был женат на двоюродной сестре императрицы Елисаветы Петровны) определить сына его в шталмейстеры к Петру Феодоровичу, бывшему тогда еще только герцогом

Голштинским. В письме этом между прочим говорится: "Хотя собственной (Петра Феодоровича) полевой охоты и не имеется, однакож есть Обер-Егермейстер иностранец Бредаль". (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 2).

Начиная с 30 сентября 1742 года по 10 июля 1747 года "Комнаты Его Императорского Высочества Обер-Егермейстер Бредал" получал по 1500 рублей в год от Придворной конторы. (Кам.-фур. журн. 1748 года, Дополн., стр. 158).

В описании торжества по случаю мира со Швецией, происходившего в Москве в июле 1744 года, между прочим упоминается, что великого князя Петра Феодоровича сопровождал верхом обер-егермейстер его высочества. (Банкетный журн. 1744 г., стр. 80).

Встречаем Бредаля и в 1761 году, но со званием "Голштинского Генерала". (Церемониальный журн. 1761 года, стр. 155).

Далее, в 1762 году, отдельно от обер-егермейстера Нарышкина, видим в списке лиц, приглашенных в феврале этого года в Царское Село "к торжеству рождения Его Величества" обер-егермейстера Бредаля (там же, 1762 года).

Не умея сказать положительно, заведовал ли Бредаль охотою великого князя Петра Феодоровича, организованною вскоре по прибытии голштинского принца в Россию, в Ораниенбаум, утверждаем, что Императорскою охотою Бредаль не заведовал никогда, даже в царствование Петра III, когда Ораниенбаумская охота слилась с царской, под начальство С. К. Нарышкина.

Сказанное, в особенности непреложные факты, показывающие, что Бредаль в сентябре 1742 и в феврале 1762 годов, неся звание обер-егермейстера, не ведал никакою охотою, заставляет нас отметить эту

личность как первую, носившую звание обер-егермейстера, как звание придворное, почетное, не соответствовавшее деятельности лица, им облеченного.

Со смерти Нарышкина до середины 1778 года обер-егермейстерская должность оставалась вакантною. В 1776 и 1777 годах в придворных штатах ее величества звания этого даже не значится. (Кам.-фур. журн. названн. года, Приложения, стр. 5 и 35).

174 После кончины С. К. Нарышкина к управлению Императорской охотой был призван егермейстер, Действительный камергер Вилим (Рейнгольд-Вильгельм) Романович фон Польшман, находившийся в то время в годовом отпуску, с сохранением содержания. (Рукоп. сборн. именн. ук., No 64).

Польшман был пожалован в егермейстеры 29 апреля 1768 года (Подл. Ук. Сен., NoNo 3027 - 1773), а царскою охотою управлял единолично с 1775 по 1778 год. (Кам.-фур. журн. Придворн. штаты).

На должность эту он был назначен по ходатайству Нарышкина, повергавшего на высочайшее благоусмотрение то обстоятельство, что его "склонность к охоте, а наипаче знание в звероловных обрядах, чинит его многополезным быть в корпусе Обер-Егермейстерства". (Рукоп. сборн. Имп. ук., No 22).

Однако деятельность его по заведованию учреждением Императорской охоты была довольно пассивна. Польшман известен более как главноуправляющий царскосельскими государевыми вотчинами и как лицо, на которое нередко возлагались поручения, связанные с особым доверием.

175 С 1778 года по конец описываемой эпохи Императорскою охотою заведовал князь Петр Алексеевич Голицын.

Родившийся 6 апреля 1751 года ("XVIII век", т. II, стр. 345), зачисленный 16 октября 1742 года в солдаты Измайловского полка, повышенный и января 1748 года в капралы, 25 ноября того же года в фурьеры, 18 декабря того же года в каптенармусы, 2 июня 1750 года в сержанты, произведенный 20 сентября 1755 года в прапорщики, 25 ноября 1758 года в адъютанты, 25 декабря 1761 года в поручики, 4 апреля 1762 года в штабс-капитаны, 3 июня того же года в капитаны, 22 мая 1765 года в секунд-майоры (Рукописи, принадл. Имп. ох.), пожалованный в 1767 году в камергеры и награжденный 26 января того же года Анненскою лентою ("XVIII век", т. II, стр. 345), генерал-поручик князь Петр Алексеевич Голицын был назначен 28 июня 1778 года егермейстером (Кам.-фур. журн. 1778 года, стр. 382). В 1782 году, июня 28 числа, Голицын получает звание обер-егермейстера (Рукоп., принадл. Имп. ох.), 24 ноября того же года Александровскую, а 2 сентября 1795 года Андреевскую ленты. ("XVIII век", т. II, стр. 345).

Обер-егермейстер князь П. А. Голицын должен быть отмечен историею охоты как образцовый хозяин и вообще прекрасный администратор, как то явствует из сведений, которые мы приведем ниже.

Голицын оставался на должности обер-егермейстера и по смерти Екатерины Великой, после вступления на престол Павла Петровича, во время коронации которого получил в награду за службу свою 2000 душ крестьян. (Чтения в Ист. общ. при Моск. унив., 1767 год, No 1, стр. 152).

176 5 мая 1742 года вновь назначенному, в помощь к

обер-егермейстеру, для ближайшего заведования царскими охотами, егермейстеру Петру Хитрово было приказано принять под свое ведение команды, раньше находившиеся под начальством Трескау, так же как и команды ловчего Строилова. (Рукоп. сборн. им. Имп. ук., принадл. Имп. ох.).

Из приведенного повеления не следует, однако, выводить заключения, что при Трескау часть царской охоты не была подчинена этому "Командиру охоты". До воцарения Елисаветы Петровны Строилов заведовал не частью царской охоты, а охотою великой княжны, о которой мы скажем несколько слов впоследствии.

Ближайшими помощниками главных начальников Императорской охоты в описываемое время были лица, занимавшие должности: 1) При Обер-Егермейстерской Канцелярии в С.-Петербурге - Егермейстера, Унтер-Егермейстера, Члена Обер-Егермейстерской Канцелярии, Советника той же Канцелярии и Присутствовавшего в ней; 2) При Московской Обер-Егермейстерской конторе - Присутствовавшего в ней и Главностатейничего.

О времени, когда какие из указанных должностей существовали, можно судить по нижеприводимым кратким хронологическим данным, касающимся службы известных нам лиц, бывших облеченными сказанными обязанностями.

Первый известный вам егермейстер был Михаил Селиванов, о котором мы уже говорили.

Петр Никитич Хитрово назначен егермейстером 5 мая 1742 г. из флигель-адъютантов генерал-фельдмаршала князя Трубецкого. (Рукоп. сборн. Имп. ук., принадл. Имп. ох.). В 1744 году, будучи полковником, по случаю бракосочетания

наследника престола, великого князя Петра Феодоровича, Хитрово просил, "дабы, ради нынешнего торжества, он не был оставлен милостию Ее Величества против прочих своей братьи". ("XVIII век", т. II, стр. 250). 1 октября 1746 года он был произведен в генерал-майоры "с полным по тому чину жалованьем, с деньщиками и рационны". ("С.-Петербур. вед." 1746 года, No 85). 4 декабря 1748 года пожаловано ему императрицею Елисаветою в награду за службу 2000 рублей из остатков от сумм, ассигнованных в том году на содержание царской охоты. (Рукоп., принадл. Имп. ох.). В последний раз встречаемся мы с этим егермейстером в 1754 году. (Там же).

В июне 1752 года повелено было Статс-конторе отпустить деньги, необходимые на покупку для Обер-егермейстерской канцелярии пожарных инструментов, а Военной коллегии определить к обер-егермейстерскому ведомству для пожарной команды отставных солдат, с производством последним жалованья от Статс-конторы. "А во время пожарных случаев, отчего Боже сохрани, ездить генералу мажору Хитрову (Егермейстеру) самому, а в небытность его той Канцелярии секретарю". (Подл. сенатские ук. 5292, 1752 г., Рукоп. Имп. ох.).

177 17 марта 1762 года был назначен егермейстером полковник Фридрих Мальтиц, остававшийся на этой должности по 1765 год. Об увольнении Мальтица ходатайствовал обер-егермейстер Нарышкин. Указывая на то обстоятельство, что Мальтиц вступил в русскую службу еще в 1739 году из гессенского шляхетства и хотя занимает должность егермейстера с 1762 года, но по своей постоянной неизлечимой болезни находится "всегда в постеле неподвижно", Нарышкин просил назначить вместо него камергера Вилима Польшмана, о

котором мы уже говорили. На докладе Нарышкина Екатерина Великая положила резолюцию: "Мальтица отставить Штатским Советником с настоящим его жалованьем, вместо пенсiona, по смерть из Штатс-Конторы; а на уплату долгов выдать ему тысячу рублей из Кабинета". (Рукоп. сборн. Имп. ук., No 22).

178 Унтер-егермейстер Михаил Дубянский. Пожалованный в это звание 4 июня 1762 года из Лейб-гвардии конного полка секунд-ротмистров (Рукоп. сборн. Имп. ук.), Дубянский получил вместе с сим и награду в 600 душ крестьян за деятельное участие в перевороте этого года. ("С.-Петерб. вед." 1762 года, No 64). В 1771 году он числился уже егермейстером в ранге бригадирском. (Рукоп. сборн. Имп. ук.).

179 18 сентября 1778 года пожалован унтер-егермейстером Алексей Яковлевич Потемкин. (Рукоп. Имп. ох.). В следующем году мы видим его бригадиром в июле месяце, когда 19-го числа императрица Екатерина Великая с внуком своим Александром Павловичем крестила у него сына (Кам.-фур. журн. 1779 года, стр. 326 и Дополн., стр. 20), а 21 ноября 1796 года он был повышен в звание егермейстера. В этом звании он был и при Павле Петровиче, получив во время коронации этого государя подарок в 500 душ крестьян. (Чтения в Ист. общ. при Моск. унив., No 1, стр. 136).

1 января 1793 года унтер-егермейстер Алексей Потемкин был произведен в генерал-майоры, с оставлением в должности. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, св. 466, реестр 52, шкаф 2, стр. 317).

180 11 ноября 1796 года возведен в унтер-егермейстеры Михаил Николаевич Аксаков.

(Рукоп. Имп. ох.). Еще 2 июня 1783 года он, будучи лейб-гренадерского полка капитаном, был причислен к Обер-егермейстерскому корпусу для надзора за постройкою нового Егерского двора (Рукоп. сборн. Имп. ук., No 95). а в 1785 и 1788 годах заведовал в чине надворного советника Собственною Ее Императорского Величества Руст-камерою. (Кам.-фур. журн. ozn. год., Дополн., стр. 22 и 23).

181 См. выше, стр. 61.

182 При частых переездах двора из Петербурга в Москву Обер-егермейстерская канцелярия переезжала в Москву вместе с некоторыми другими правительственными учреждениями; в Петербурге же взамен ее временно действовала Обер-егермейстерская контора.

183 Князь Александр Черкасский Меньшой 13 мая 1754 года, будучи капитаном, был назначен членом Обер-егермейстерской канцелярии с чином коллежского советника и оставался на этой должности еще и в 1758 году. (Рукоп. Имп. ох.).

Иван Вилкин занимал в чине коллежского асессора должность присутствовавшего при Обер-егермейстерской канцелярии с 1757 по 1762 год, а в последнем году был назначен советником той же канцелярии "за добropорядочную службу". (Рукоп. сборн. Имп. ук.).

Иван Одинцов был назначен в 1762 году "за добropорядочную службу". присутствующим в Обер-егермейстерской канцелярии из секретарей той же канцелярии, причем на последней должности пробыл с 1742 по 1762 год. (Там же).

Моисей Рыкунов в 1772 году назывался "Командиром Московской птичьей охоты", будучи

поручиком; собственно он занимал должность статейничего. В птичьей охоте он прослужил с 1738 года "беспорочно и возложенные на него должности справлял по мере сил человеческих и возможности с довольно тщательною ревностью и усердием". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. No 2 и Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57). В сентябре 1781 года он был уволен в отставку "за болезнь и по старости", "с пожалованием по неимуществу его пансиона" в размере годового жалованья, то есть 280 руб. 36 1/4 коп. (Рукоп. сборн. Имп. ук., No 91).

Петр Иванович Ершов 1 февраля 1785 года был назначен присутствующим при Московской обер-егермейстерской конторе с чином надворного советника (там же, No 115); был на этой должности и в 1788 году. (Кам.-фур. 1788 года, Дополн., стр. 22).

Кроме указанных должностных лиц как при Обер-егермейстерской канцелярии, так и при ее Московской конторе состояли секретари, канцеляристы и копиисты, а зверинцами и различными частями охоты заведовали форштмейстеры, биксен- (правильнее бюксен) шпаниеры, обер-егеря, пикеры, комиссары^{A2}, приводить фамилии и время служения которых считаем излишним.

В течение 1751 и 1753 годов весьма многие распоряжения по Императорской охоте исходили от действительного тайного советника и кавалера барона Ивана Черкасова (Гос. арх., разр. XIV, дд. NoNo 133 и 155), а в 1772 году от тайного советника, сенатора и кавалера Дмитрия Васильевича Волкова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. No 2). Значения этих лиц в Обер-егермейстерском ведомстве мы не знаем.

¹⁸⁴ Манифестом от 15 декабря того же 1763 года было предписано делами по обер-егермейстерской части

ведать в Третьем департаменте Правительствующего Сената. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11989).

185 Капитан Бутурлин заведовал Московскими птичьими и зверовыми охотами в 1738 году. (Арх. Мин. юст. в Москве, кн. Сената 9 - 1086).

Герасим Иванович Ларионов "присутствовал" в чине капитана в Московской обер-егермейстерской конторе в 1750 году, заведую вместе с тем птичьей охотой. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 45, д. No 4). Будучи кречетником еще в 1728 году, статейничим в 1743 году, он был уволен от службы в 1762 году. Об его увольнении ходатайствовал Нарышкин перед императором Петром III в следующих выражениях: "В Москве при птичьей Вашего Императорского Величества охоте находится капитан Герасим Ларионов, который, за старостию его лет и за невидением глазами, должности своей при той охоте править уже не может, на место которого, по усмотрению моему, признаваю быть за способного находящегося в моей команде при Петергофском зверинце комисара Ивана Рыкунова, по склонности и знанию его, ко птичьей, ибо оный в комисары определен от той птичьей охоты из кречетников по достоинству его и за добропорядочные проступки". Хотя доклад этот и был утвержден Петром III, но так как Сенат не успел постановить по этому предмету соответственного указа в царствование Петра Феодоровича, то обер-егермейстер вошел по тому же поводу со всеподданнейшим докладом к новой императрице. Екатерина II положила на докладе резолюцию:

"Есть-ли деревень не имеет, дать ему по смерти полное жалованье". (Рукоп. сборн. именн. ук.).

186 Вместо Ивана Сумарокова унтер-егермейстером "к Российской псовой охоте" был назначен в июне 1762 г. полковник Алексей Иванович Булгаков (Рукоп. Имп. ох.), в шестидесятых же годах XVIII столетия переведенный в Москву "присутствовать" в Обер-егермейстерской конторе и начальствовавший над Московскими царскими охотами уже в 1766 г. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. No 51). В 1770 г. он был произведен в бригадиры (Рук. сборн. Им. ук., No 49), а 11 февраля 1785 года обер-егермейстер Голицын представил императрице, что "Действительный Статский Советник Алексей Булгаков от правления должности своей письменно отказался, по случаю приключившейся ему параличной болезни, которою руку и ногу ему повредило, и находится без движения. Сей последовавший в престарелых летах удар кажется опасным и к поправлению его безнадежным". Поэтому, а также вследствие того обстоятельства, что "в Московскую Контору по переводам Главной Дворцовой Канцелярии из разных мест всегда поступает и ныне хранится немалая денежная казна и письменные, производимые по тамошним командам, а особливо о сокольных помытчиках, состоящих в разных губерниях, и прочие дела требуют всегдашнего присмотра и порядочного исправления", князь Голицын просил об увольнении Булгакова и о назначении на его место Ершова. (Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57). Булгаков был уволен в отставку с сохранением по смерти положенного на службе содержания. (Рукоп. сборн. именн. ук., No 116).

187 Иван Федорович Рыкунов, состоящий при птичьей охоте с 1745 года, был назначен в 1762 году, вместо Герасима Ларионова, присутствующим при Московской обер-егермейстерской конторе, заведывая в

звании статейничего птичьей охотой. В этом же году, 21 августа, он был произведен в капитаны, с жалованьем по чину. В сентябре 1770 года "за ревностную службу и добропорядочные поступки" его произвели в майоры. (Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57). Около того же времени он был сделан Главностатейничим (Кам.-фур. журн. 1779 года, Дополн., стр. 20). В сентябре 1781 года, во внимание того, что различными поручениями, а в особенности покупкою лошадей, доставил казне выгоды, был произведен в подполковники. (Рукоп. сборн. им. укр., No 91). 26 августа 1783 года генерал-майор Александр Дмитриевич Ланской сообщил обер-егермейстеру Голицыну, что императрица, выслушав доклад его, Ланского, о том, что главностатейничий подполковник Рыкунов, по слабости своего здоровья, не может более обретаться при птичьей охоте, а по неимению средств не может выйти в отставку, соизволила приказать наградить Рыкунова чином и оставить его при Московской обер-егермейстерской конторе, как человека опытного, прослужившего при птичьей охоте 38 лет, о чем Голицыну надлежало войти со всеподданнейшим докладом. (Рукоп. сборн. им. укр., No 99). По докладу об этом обер-егермейстера приведение в исполнение изложенного было предписано высочайшим указом 5 сентября того же года (там же, No 101) и Рыкунов пожалован в чин VI класса, в котором оставался при Обер-егермейстерской конторе и в 1788 году. (Кам.-фур. журн. 1788 года, Дополн., стр. 22).

188 Сокольник Шахматов однажды, как жаловался Д. Рыкунов начальству, забыв "приличную его званию послушность и сохранение респекта к своим командирам", позволил себе, "всякую

благопристойность презря", обозвать его "чихирником". За эту и другие продерзости Обер-егермейстерская канцелярия предписала посадить сокольника "на хлеб и на воду в дневальную светлицу, дабы впредь никто не отваживался командиров своих поносить ругательными словами"^{A3}.

189 Яков Ларионов был назначен главностатейничим после Ивана Рыкунова, то есть в августе 1785 года. До того времени Ларионов был статейничим птичьей охоты. По должности главностатейничего Ларионов заведовал не только птичьей охотой, но и псовой и Измайловским зверинцем. Сенатским указом 18 декабря 1790 года он был уволен, "за болезнями, от всех дел, с награждением чина Коллежского Советника", при чем ближайшим егермейстерским начальством ему было разрешено остаться на жительстве в казенном доме в Сокольничей слободе, где он и прожил до конца 1792 года. По увольнении Ларионова заведование собственно птичьей охотой перешло, до конца описываемой эпохи, к статейничему Дмитрию Рыкунову. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 496, 164, 167 и 277).

Главностатейничий Яков Ларионов заведовал не только птичьей, но и псовой охотами и Измайловским зверинцем, то есть был ближайшим начальником всех московских придворных охот, будучи в то же самое время подчинен Московской обер-егермейстерской конторе, игравшей в то время роль органа лишь распорядительного. Обстоятельство это усматривается из ордера его, от 15 января 1786 года, статейничему Дмитрию Рыкунову, в котором Ларионов, отъезжая в разрешенный ему отпуск, писал между прочим следующее: "Рекомендую вашему благородию, при команде как над птичьей и над псовой охотой, так и

над Измайловским зверинцем иметь вам неослабное смотрение, чтоб как при оных охотах и при зверинце всякого звания служители были во всяком порядке и каждый бы исправлял положенную на него должность без всякого упущения, также наблюдать вам крайне о сбережении имеющихся при птичьей охоте птиц, и смотреть, чтоб довольствованы как оные птицы, а при псовой охоте собаки кормами, так и казенные лошади фуражем и были б во всякой чистоте и надлежащем порядке. Сверх же сего из зверинца ничего, как лесу, так и дров, окромя приказанных от меня, ничего не выпускали бы, и о том всем частным командирам подтвердить наистрожайше. А если ж усмотрено вами будет от кого-либо какие непорядки в своей должности исправления, о том имеете (в подлиннике "имеется") вы меня при приезде моем репортовать". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 496).

Любопытен указ Московской обер-егермейстерской конторы, данный статейничему Рыкунову 22 июня 1794 года. В нем между прочим читаем; "По требованию вашему сей майской трети на первые два месяца всем птичей охоты чинам и служителям денежного жалованья, за неимением в Конторе денежной казны, положенной по штату и особым докладам, в наличности, выдаче учинить нечего, о чем для ведома к вам послать сей указ". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1656, стр. 411).

9 ноября того же года Рыкунову был дан Обер-егермейстерскою конторою следующий указ: "В ордере от Его Сиятельства господина Обер-Егермейстера, Сенатора, Действительного Камергера, Лейб-Гвардии майора и разных орденов кавалера, князь Петра Алексеевича Голицына, от 26 минувшего октября, написано, чтоб Контора, яко

присутственное и команду над вами имеющее место, по слабости здоровья вашего, уже известного" (следует заметить, что незадолго до этого Рыкунова постиг паралич, но обстоятельство это статейничий старался по возможности скрывать от своего начальства; сначала он рапортовался больным лихорадкою, а затем подал прямо в Обер-егермейстерскую канцелярию рапорт о выздоровлении и вступил вместе с тем в исправление обязанностей по своей должности, несмотря на неоднократные и убедительные указания Московской обер-егермейстерской конторы, что ему следовало бы устраниваться от должности вовсе), - по которой вы управлять с совершенным успехом ничем не можете, имела не только над всеми, в Москве находящимися, командами, но даже и над вами неослабное смотрение, каковое она, по долгу своему, иметь должна и оное от нее никогда отъемлемо не было, ибо за всякое по Московским командам упущение ответствен Контора, почему и предоставить вам, обо всем, касающемся по птичей охоте, относиться Конторе, которой вы всегда подчинены. На запрос же о должных экономическому крестьянину деньгах немедленно ответствовать, ибо в случае неудовлетворения оного, означенные деньги взысканы будут из вашего жалованья, да не только о лошадях, но и прочих, по ведомству вашему, казенных имуществах относились бы вы Конторе, а она имеет, рассматривая представления ваши, требовать резолюций от Канцелярии, ибо хотя и долженствовало не токмо за потерянную вами лошадь, но и за палую от изнурения вашего взыскать с вас, но оное (не?) учинено единственно из снисхождения, о чем вам и объявить, а при том объяснить вам и то, чтоб вы в виду имели собственное с вами от начальства снисхождение, а

потому и с подкомандующими своими поступали равным образом. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия приказала: с прописанием вышеписанного, к вам послать сей указ, в которой написать, что, по силе упоминаемого Его Сиятельства Господина Обер-Егермейстера ордера, Контора, яко присутственное и команду над вами имеющее место, по слабости здоровья вашего, по коем уже и Его Сиятельству известно, что вы управлять совершенно с успехом не можете, приемлет не только за всеми, в Москве находящими командами, но даже и над вами смотрение на себя, почему и должны вы обо всем, касающемся по птичей охоте относиться Конторе в требованиях по команде письменно, а в распоряжениях каковых-либо, важности не имеющих, словесно, и ожидать от нее резолюции, которой вы всегда подчинены и отъемлемы никогда не были; сами ж собою сверх предписаний или словесных приказаний от Конторы, ничего отнюдь не предпринимали. Так как вы, ныне данным правящему статейщику должность кречетнику Алексею Ларионову приказам предписали многие неподлежащие и к обиде всей команде клонящиеся термины, в немалых пунктах, и велели объявить оной всей команде с подписками, чтоб вам, без позволения Конторы, чинить не следовало, да и собственное ваше название, если б вы знали совершенно делать, вам то запрещает, потому что вы при птичей охоте не более себя считать должны, как, по примеру полковому, ротным командиром, а в роте капитан ни к какому офицеру, а паче к помощнику своему письменных приказов насылат, а кольми паче повелевать с протчих офицеров и служителей подписки в их поведеньях и во исполнении должностей собирать ни как не может, а приказывает на случай, и то за

отсутствием своим, почтительным образом ордерами, потому что выше означенные предписания власть имеет делать одна только главная команда и по ней следующее присутственное место, у которого он состоит в команде, а не ротный командир, обязанный сам лично при должностях быть, чистоту, поведение и все происходящее в команде наблюдать и тем доказать, что не бумага, а он сам собою служит и исполняет. По сим обстоятельствам явно, и вы сами себя оказывали, что править вверенною вам командою не можете, почему и присвоенная вами власть, будто вы можете письменными повелениями и даже принадлежащими до Конторы просьбами, принимая на свое имя, управлять так, как вы с коллежским советником Нестеровым учинили (Нестеров подавал просьбу о взыскании с помытчика Андреева денег по векселю), ныне, по силе вышеписанного в ордере Его Сиятельства Конторе предписания, вам накрепчайше воспрещается, и впредь вам, без позволения Конторы, самим собою отнюдь того не делать, а управлять, по болезням вашим, до рассмотрения командою с должным порядком и наблюдением, следуя вышеписанной милости от Его Сиятельства, сими словами сказанной, чтобы вы в виду имели собственное с вами от начальства снисхождение, а по оному и с подкомандующими своими поступали равным образом. Когда без сомнения ожидаете вы от команды надлежащего себе послушания и почтения, то, согласно тому, и сами Контору, яко начальствующее над собою место, будучи ей подчиненным и чинами от нее далеко отстоящим, почитать непременно должны, так как Контора своей главной команде по законам повинует, через что и может следовать во всем ожидаемой порядок. Воображение ж свое

неправильное, которое вы во всяком случае толковали и внушали команде, что вы будто от Конторы не зависите, совсем бы оставили, да и в женитьбе птичьей охоты чинам дозволения без Конторы сами собой отнюдь не давали, потому что между ими, по дозволениям вашим, есть такие, которые женились на крепостных девках, да и прочие на каких женаты, Конторе не известно, а сие по всем командам объявление и требование дозволения бывает, ибо если по отпускным будут какие сомнения, то принуждена будет команда, а паче Контора очищать или ответствовать. Также Контора находит излишним, что вы птичьей охоты служителей, кроме казенной светлицы, употребляете при себе в доме, по очередно, ординарцами, под видом дневальных, коих и без того можете вы, в случае какой казенной надобности, посылать и употреблять, кого рассудите или по очереди, следуя примеру бывшего пред сим при той птичьей охоте главностатейничего, который ныне статский советник, господина Рыкунова, кой правил тою охотою не малое время, но таковых дневальных, каковы теперь у вас имеются, в доме своем не имел, следовательно, и вам иметь тех дневальных в доме своем не должно" (там же, стр. 429-432).

20 апреля 1795 года статейничему Рыкунову был дан Московскою обер-егермейстерскою конторою следующий указ: "По указу Ее Императорского Величества, Контора сия в сходствие Его Сиятельства господина Обер-Егермейстера, Сенатора, действительного камергера, Лейб-Гвардии майора и разных орденов кавалера, князя Петра Алексеевича Голицына, в письме, писанном к присутствующему сей Конторы господину статскому советнику и кавалеру Рыкунову, повеления, приказали: по слабости вашего

здоровия, Его Сиятельству Господину Обер-Егермейстеру известного, и Конторе видимого и неподвижного, за птичьей охотой, как вы за выдержкою и справою оной, по силе Его Сиятельства прописанного в письме предписания, чтоб надлежащее служителями старание прилагается было, иметь повеленное от Его Сиятельства смотрение комисару Николаю Рыкунову и кречетникам Алексею Ларионову и Николаю Юргеневу, как людям, в знании означенной должности Его Сиятельству известным, коим, по вступлении сего числа в должность, наистрожайше подтвердить (и подтверждено), а особо комисару Рыкунову, яко старшему перед ними офицеру, дабы они в смотре за служителями имели неослабную печность и старание, чтобы как кречета, так и соколы по надлежащему справлены были, а чтоб все птичьей охоты чины и служители им, Рыкунову, Ларионову и Юргеневу были во всем по должности послушны, в том обязать им и обязаны в Конторе подпискою. А при том и вам (ежели вы силы свои находите соразмерны) того присмотру не возбранять, и чтоб вы все четыре человека присоединились к еднomyсленному усердию, дабы от несогласия какого неурядка и упущения произойти не могло" (там же, стр. 451).

6 июня того же года статейничему Рыкунову дано конторою новое предписание: "Минувшего мая, от 24 числа, в ордере от Его Сиятельства Обер-Егермейстера (весь титул) написано: письмом де Комисар Николай Рыкунов доносил Его Сиятельству, что за взятие им для казенной надобности с конюшни лошади, вы того конюха, который ему лошадь давал, содержали в рогатке, и не веля впредь давать ему лошади, ни в чем слушаться, да и кречетник Алексей Ларионов объявил ему, чтоб служители его, Рыкунова,

не слушались, а при том представлял и то, что вы, домашними своими посылками, казенных лошадей повседневною ездою и посторонним людям многою дачею всех смучали, почему Конторе тем ордером и рекомендует означенное происшествие ваше надлежащим образом исследовать, по какому повелению вы Комисару Рыкунову, как ныне управляющему справою птиц офицеру, для казенной, по должности его, надобности лошади давать не велели, а еще вяще и служителям приказали его, Комисара, не слушаться, а сами вы не только домашними своими посылками, но и ссужая посторонним людям, казенных лошадей всех смучили, при чем напомнить вам, что оставлены вы при птичьей охоте пособственной вашей просьбе, однакож не для расстройки команды, через которую теряется порядок и наводится беспокойство, а единственно из одного снисхождения, ибо, по болезни своей, вы править оною не можете, а для того и предоставлена Его Сиятельством справа птиц означенному Комисару Рыкунову, обще с кречетниками Ларионовым и Юргеневым, которым наистрожайше подтвердить, чтоб они в справе птиц имели неослабое смотрение, да и с оною отправить их в Санкт-Петербург, ибо никто, кроме их, в случае неисправности, ответствовать не должен, почему и птичьей охоты чинам и служителям объявить, чтобы они находились у них по должности во всяком послушании, а сверх того вам объявить, что ежели впредь подобные сему нестройства от вас происходить будут, то Его Сиятельство принужденным найдетсЯ, оставя снисхождение, которого во множестве оказываемо вам Его Сиятельством было, приступить к настоящему отрешению вас от должности. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия

приказали: хотя об вышеписанном о всем показуемом и следовало спросить вас, но как Комисара Николая Рыкунова показание кречетник Алексей Ларионов и три конюха письменно утвердили, то, за неподвижную вашу болезнь, дабы не могло вам от изобличения приключиться дальнейшего вреда, оное Контора оставляет, а только за нужное почитает послать к вам сей указ и объявить, что вы, в вышеписанном деле, по обыкновению своему, не соблюли должного порядка, не представили для разобранья Конторе, а поступили сами весьма неблагопристойно, будучи сами неподвижны и не входя ни мало ни в какую казенную должность, показали могущество в своем начальстве и тем наделали утруждение Его Сиятельству и по команде беспорядок, что вам впредь чинить воспрещается, а предоставить, за совершенным вашим изнеможением, попечение о должности Комисару Рыкунову и кречетникам Ларионову и Юргеневу, коим, как находящимся по птичьей охоте определенным от Его Сиятельства при справе и одержке птиц, с прописанием вышеозначенного ордера для ведома и объявления всей команде с подписками, от Конторы указ послан, а с прописанием произведенного следствия и Его Сиятельству представлено рапортом" (там же, стр. 458).

12 июля того же 1795 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Рыкунову: "Поданным в Контору вы рапортом прописывали, уведомились де вы, что птичья охота, по справе птиц, отправляется в Санкт-Петербург, в числе двадцати человек, в том числе правящий при птичьей охоте письменные дела, по указу Обер-Егермейстерской Канцелярии, кречетник Петр Акутин; по отправе ж той охоты в Санкт-Петербург

останутся у вас касающиеся по птичьей охоте письменные дела, которых исправлять будет не кому; кречетник же Петр Акутин, нынешнее лето за неимением при птичьей охоте птиц, птицы не держал и исправлял по оной охоте письменные дела, да у него ж, Акутина, и мундира с нижним платьем не имеется, и тем рапортом, представляя, просили, дабы благоволено было, для вышеписанной надобности, означенного кречетника Акутина оставить в Москве, при оных же письменных делах, а вместо его отправить из кречетников Ивана Рыкунова, который у себя мундир, камзол и исподнее платье имеет или кого оная Контора заблагорассудит. А по справке в Конторе, поданным во оную, вы, прошлого 1794 года Генваря 2, числа, на указ сей Конторы, рапортом, между прочего, прописывали, к исправлению по птичьей охоте у Комисара Николая Рыкунова, при записки в книги прихода и расхода, писарской должности, с своей стороны назначили сокольника Федора Рыкунова, который пишет порядочно и означенную у Комисара писарскую должность исправлять может навсегда, то-есть записывать с записных самим комисаром на перед в черновую тетрадь статей на бело в книги, також и прочие дела переписывать с черна на бело. В указе ж из Обер-Егермейстерской Канцелярии, насланном в Контору сию минувшего июня от 2 числа, между прочего, в третьем пункте написано, что принадлежит до осмьнадцати человек, у коих мундиры оказались в годности, и что из них есть престарелых и негодных людей, хотя у них мундиры есть, но в Петербург не отправлять, а командировать со птицами вместо их тех восемь человек, о коих Контора аттестует, в числе коих и вышеписанный Петр Акутин в Петербург отправлен, при произведении коего из

сокольников в кречетники, в насланном из Канцелярии в Контору сию указе, чтоб ему править писарскую должность не написано, да и быть у офицера офицеру ж при письменных делах не прилично. Чтож касается до Ивана Рыкунова, то оный и без повеления от Конторы взят в Санкт-Петербург, вместо заболевшего Федора Большева. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора Сия приказали: с прописанием вышеписанного к вам послать сей указ, в коем написать, чтоб вы, в письменных по птичьей охоте делах исправлялися аттестованным от вас сокольником Федором Рыкуновым и представления в Контору присылали заблаговременно, а не так, как вышеозначенный рапорт: прислан вами 28 числа к вечеру, по отправе птичьей охоты в Канцелярию, с приобщением служителям именного реестра и рапорта, почему Конторе к рассмотрению учинить уже было не можно" (там же, стр. 460).

190 По вступлении на престол Елисаветы Петровны действовавший раньше яхт-штат приказано было оставить в силе. Сенатским указом 22 февраля 1742 года Дворцовой конторе сообщалось, что на основании высочайшего указа 18 дня того же месяца "яхт-штат, учиненный в прошлом 1741 году января 28 дня, за подписанием принцессы Мекленбургской.. ...Ее Императорское Величество повелевает содержать, до будущего Ее Императорского Величества рассмотрения, в той же силе". (Быт Росс. госуд. 1740-1741 гг., ч. I, стр. 311).

Однако это высочайшее повеление было мертвой буквой. С самого же начала 1742 года штат личного состава придворных охот был увеличен более чем вдвое. Прежде всего императрица отправила в Москву к обер-гофмейстеру графу Салтыкову своего ловчего

Лаврентия Строилова с повелением приказать последнему, "взяв из деревень графа Михаила Головкина охоты птичью и псовую и с охотниками, отдать в смотрение и содержать оные в Москве; и в прибавку к тем указали мы ему, Строилкову, набрать охотников добрых, сколько сыщет; и где он, Строилов, оных охотников сыщет, то оных велите взять и також ему отдать, и как оному ловчему, так и охотникам платье и пищу или жалованье, против того как нашим охотникам, велите давать из Дворцовой Канцелярии". (Общ. Арх. Мин. Двора, он. 305, д. No 1).

Охотников и других чинов псовой охоты, набранных Строиловым вместе, надо полагать, с чинами охоты бывшей великой княжны в Александровской слободе, состояло в начале же 1742 года следующее число и получали они из Дворцовой канцелярии следующее жалованье: а) ловчий - 200 р., муки 30 четвертей, круп 4 четверти и соли 5 пуда; б) комиссар - 100 р., муки 12 четвертей, круп 1 четверть; в) двое корытничих и один стремянной охотник - каждому 30 р., муки 15 четвертей, круп 2 четверти, соли 1 пуд; г) писарь - 20 р., муки 6 четвертей, круп 1 четверть; д) 14 охотников - каждому от 17 до 10 р., муки 10 четвертей, круп 1 четверть; е) 12 выжлятников - каждому 10 р., муки 10 четвертей, круп 1 четверть; ж) 7 наварщиков - жалованье не обозначено. (Там же).

Однако и этим количеством число чинов псовой охоты не ограничивалось. От того же 1742 года сохранился именной список чинов названной охоты в разных местах, по сличении которого с предыдущим списком оказывается, что в нижеприводимый список не вошло много лиц, поименованных в первом, то есть что и этот список, по которому служителей псовых охот уже насчитывается 101 человек, не полон. По списку

этому значится: В Москве: 1) "При дворе Ее Императорского Величества борзых собак": а) стремянной егерь; б) стремянной охотник; в) 4 охотника; г) 3 выжлятника. 2) "При стаях Русских гончих собак": а) 2 корытничих; б) 22 охотника; в) 17 выжлятников. 3) "При Аглицкой стае гончих собак": а) корытничий; б) 2 охотника; в) 7 выжлятников. 4) "При этих охотах": а) копиист - "для исправления письменных дел"; б) пикерских учеников 3 человека; в) 6 наварщиков; г) 6 конюхов. Всего 76 человек.

"В собственной Ее Величества Александровской слободе для выкормки и наески (наездки) гончих молодых собак": а) пикер; б) охотник; в) 4 выжлятника; г) 5 наварщиков. Всего 11 человек.

В С.-Петербурге: а) стремянной охотник; б) 2 охотника; в) 5 выжлятника; г) 2 наварщика; д) 2 конюха. Всего 10 человек.

"При дворе Ее Императорского Величества при борзых собаках в Ораниенбауме": а) стремянной охотник; б) 3 охотника. Всего 4 охотника. (Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 305, д. No 1).

В том же 1742 году при зверовых охотах в С.-Петербурге состояли: слоновщик, 17 зверовщиков из индейцев да 10 зверовщиков различных национальностей: персов, армян, греков, италианцев и русских. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 8 - 1552). Индейцы и те персияне, которые приняли православие, получали в треть до 20 р. (Госуд. арх., р. XIV, No 57); остальные по 10 р., муки по 2 и круп по 1/3 четверти в треть же. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 8 - 1552).

В то же время при С.-Петербургских охотах содержалось 12 птичьих охотников, имевших собственных легавых собак, по 12 р., муки по 10 и круп по 1 четверти в год. (Госуд. арх., разр. XIV, No 57).

В феврале того же 1742 года нашему полномочному министру в Англии князю Щербатову было приказано принаять кого-нибудь из хорошо знающих свое дело английских пикеров и заключить с ним контракт. Щербатов заключил таковой с неким Брауном, который по контракту должен был получать жалованья 180 р. в год да на путевые расходы 5 фунтов стерлингов, равных тогда 22 р. 50 к. Однако Брауну в России не понравилось, и он вскоре по приезде заявил желание вернуться на родину. Вместо него Щербатов выслал на тех же условиях Вильяма Вильсона, который и остался при Императорской охоте. (Госуд. арх., разр. XIV, No 57).

В 1742 же году императрице Елисавете Петровне было доложено, что оставшиеся за штатом, "сочиненном" Трескау, кречетники и сокольники Московской птичьей охоты все-таки пребывают при той охоте, не получая лишь никакого содержания. Государыня приказала впредь до выработки нового штата производить им жалованье наравне с их штатными товарищами. (Рукописи Имп. ох.).

В 1743 году ловчий ее величества Строилов с частью псовой охоты, взятой им из деревень графа Михаила Головкина, прибыл по указу императрицы в С.-Петербург, где переехавшим чинам была прекращена выдача содержания, так как Обер-егермейстерская канцелярия не считала возможным содержать прибылую охоту за счет своей штатной суммы. Это обстоятельство побудило обер-егермейстера Разумовского войти в Сенат с весьма подробным донесением о положении дел по Императорской охоте и о невозможности содержать последнюю на определенную по штату 28 января 1741 года сумму в 6965 р. 23 к. и послужило мотивом

высочайшего указа от 23 февраля того же года, коим повелевалось, чтобы царская охота содержалась, не стесняясь нормами штата, на средства: в Москве - Главной Дворцовой канцелярии, а в С.-Петербурге - ее Конторы, и чтобы эти учреждения впредь до утверждения нового штата выдавали необходимые деньги по требованиям Обер-егермейстерской канцелярии "без всякой отговорки и остановки". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сената 3 - 1429). Помянутое представление в Сенат обер-егермейстера графа Разумовского, весьма пространное, не представляет собою ничего нового, почему мы его и упускаем. В списке челобитен, поданном императрице Елисавете Петровне в 1744 году по случаю торжества бракосочетания наследника русского престола, между прочим находим челобитную форштмейстера Измайловского зверинца Мильхерта "об отпуске его в Немецкие края для свидания с родителями" и секретаря Обер-егермейстерской канцелярии Глаткова "о награждении рангом и об определении к штатским делам". ("XVIII век", т. II, стр. 251 и 235).

С 1745 года сохранился именной список чинов Московской птичьей охоты, в котором значатся: а) 1 статейничий; б) 13 кречетников; в) 13 сокольников; г) 2 помытчика; д) 3 конюха. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. N 13).

В документах того же года встречаются указания о расходовании остатков от штатных сумм, положенных на содержание придворных охот, по усмотрению обер-егермейстера (Рукописи Импер. ох.). Подобное обстоятельство в связи с вышеуказанным значительным увеличением личного состава охот императрицы Елисаветы Петровны против штата 1741 года заставляет предполагать, что в этот промежуток

времени был составлен новый яхт-штат. Последнего, однако, мы не нашли.

191 Лаврентий Никитич Стромилов носил звание ловчего ее величества в 1742-1743 гг. (там же, кн. Сен. 3 - 1429 и Рукоп. сборн. им. ук.) и последующих годах, а 24 апреля 1749 года, согласно прошению Стромилова, последовал высочайший указ Сенату: "двора Нашего псовой охоты Ловчего Лаврентия Стромилова, за его болезнью, от службы отставить вовсе и отпустить в дом, и дать ему пашпорт из Сената, а за долговременную его службу наградить рангом секунд-майорским".

(Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. N 1).

192 В 1750 году в московских птичьей и псовых охотах стал обнаруживаться недостаток в личном персонале. Поэтому и "понеже имеющиеся Можайском уезде закомплектные кречетники Тихон и Яков Гаврилов дети Петрова потребны ныне за умалением служителей, быть при птичьей охоте", приказано было таковых "выслать в Москву за караулом и на их кошт в немедленном времени".

Такой же закомплектный кречетник Аким Петров был выписан из села Горок Переяславль-Залесского уезда, однако, не за караулом, а лишь "со взятием у него реверса". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. N 1758).

Далее "за недовольным числом при оставшей здесь (в Москве) Ее Императорского Величества псовой охоте служителей" велено было сына охотника Шольмана Илью зачислить наварщики "и в верности службы Ее Императорского Величества привести к присяге".

(Там же).

В 1752 году в Московской птичьей охоте числилось, кроме ее командира, носившего капитанский чин, и статейничего, еще 15 кречетников, 15 сокольников и 3 ястребника.

(Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, N 1760).

К 1 февраля 1761 года при московских охотах состояло:

1) При птичьей охоте:

- а) комисар;
- б) статейщик;
- в) кречетников 13;
- г) сокольников 13;
- д) ястребников 4;
- е) помытчиков 2;
- ж) клобучечник;
- з) колокоleshник, и) конюхов 3. Всего 39 человек.

2) При Измайловском зверинце:

- а) форштмейстер;
- б) зверовщиков 8;
- в) для караулу и объезда зверинца - капрал 1, драгунов 5 человек. Всего 15 человек.

3) При псовой охоте:

- а) корытничих 2;
- б) охотников 8;
- в) выжлятников 4;
- г) наварщиков 5;
- д) конюхов 2. Всего 21 человек.

4) При псовой же охоте Александровской слободы:

- а) пикер;
- б) охотник;
- в) выжлятников 2;
- г) наварщников 4. Всего 8 человек.

От 1762 года сохранились документы, в которых указано наличное число чинов московских охот к различным срокам этого года.

Так как числа эти почти не различаются от вышеприведенных, соответствующих 1761 году, то мы их не приводим.

(Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. N 36).

193 10 января 1762 года император Петр III приказал выписать в Россию из-за границы "трюфельных егерей с собаками, достойных".

(Рукоп. Имп. ох.).

Исполнение этого поручения было возложено на сенатора графа Паула Антония Лябия, который и приискал в Италии потребного егеря с тремя собаками для отыскивания трюфелей и заключил с ним контракт на два года.

По контракту этому егерю положено было жалованья 450 р. и на мундир 40 р. в год, да за собак дано ему 100 р., ибо реченный граф Лябий пишет, что он достойного егеря и собак дешевле оной цены сыскать не мог".

(Сборн. Им. ук.).

Этот "трюфельный егерь" из италианцев был причислен к Московской птичьей охоте и в сентябре того же 1762 года был послан с кречетниками из Москвы в Казанскую губернию для отыскивания трюфелей.

(Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. N 25).

От того же 1762 года сохранились подробные сведения, касающиеся Ораниенбаумской охоты.

Прежде приведения этих сведений заметим, что Ораниенбаумская царская охота, по-видимому, была отдана императрицей Елисаветой Петровной наследнику престола Петру Феодоровичу около 1756 года, одновременно с подарком ему же Ораниенбаумского замка, с какого времени ее личный состав значительно изменился. Были приняты на

службу многие голштинцы, а некоторые охотники из русских были зачислены на голштинскую службу, т. е. в части голштинских войск, которые с разрешения императрицы были выписаны с родины их в Ораниенбаум и в среде которых цесаревич проводил большую часть своего времени.

(Болотов, т. II, стр. 167).

До воцарения Петра III чины Ораниенбаумской охоты, не находившейся в это время в составе охоты Императорской, получали частью голштинское жалованье, частью русское, а с воцарением Петра III - только русское, в следующем размере:

Обер-ферштер (лесничий высшего звания, знакомый с егерским делом) Андреас Дом получал жалованья 500 р. в год; на покупку ежегодно мундира 100 р.; на покупку двух лошадей в четыре года, на каждую лошадь по 35 р.; на седло с прибором.

Долженствовавшее служить ему 3 года, - 15 р.; на ковку лошадей, на каждую в год 3 р. 50 к.; "на топление покоев дров плашных трехаршинной меры" в год 12 саженей.

Биксеншпаниеры, один русский, другой голштинiec, обер-егерь, голштинiec, стремянной егерь, голштинiec, получали каждый: жалованья по 200 р.; на мундир по 80 р. в год; на 2 лошади, долженствовавшие служить каждому 5 лет, на каждую по 35 р.; на седло с прибором в три года 10 р.; на ковку каждой лошади по 3 р. 50 к. в год; дров по 9 саженей в год.

Стремянной егерь, русский, получал жалованья по 100 р., а остальное как и его сотоварищ голштинiec, только дров на 1 сажень меньше.

Егерь, русский, получал жалованья 80 р.; на мундир в год 68 р.; на одну лошадь в 4 года 25 р.; на седло с прибором в 5 лет 5 р.; на ружье в 5 лет 8 р.; на ковку

лошади в год 2 р.; дров в год 80 саженой.

Стремянной охотник, русский, получал в год 100 р.; муки 15 и круп 2 четверти; соли 1 пуд; в три года на седло с прибором 2 р. 45 к.; на ковку двух лошадей (об отпуске денег на лошадей в документе не упоминается: либо пропуск, либо лошади отпускались ему натурою; последнее вернее, так как вряд ли ошибка такая могла вкратиться во всеподданнейший доклад, с подлинника которого мы делаем выписки), на каждую в год по 2 р.; на хомут с прибором в 3 года - 2 р.; дров в год 3 сажени.

Егерские ученики, 6 человек, получали в год каждый по 10 четвертей муки и по 1 четверти круп; на мундир по 15 р.; на сермяжный кафтан по 3 р. 50 к.; в 4 года на лошадь по 20 р.; на седло с прибором в 5 лет по 3 р. 50 к.; на ружье в 5 лет по 8 р.; на ковку лошади в год по 2 р.; дров в год по 1 1/2 сажени.

Охотники, 6 человек, получали в год каждый муки по 10 и круп по 1 четверти; в два года на мундир по 15 р. и на полевой кафтан по 8 р.; в 3 года на шапку, кушак, штаны и шубу по 4 р., на ковку 2-х лошадей (лошади натурою?) в год по 4 р.; на седло с прибором в 3 года по 2 р. 45 к.; на хомут с прибором в 3 года по 2 р.; дров в год по 1 1/2 сажени.

Пикер, голштинiec, получал жалованья 220 р.; на мундир в год 89 р.; на покупку в 4 года двух лошадей на каждую по 35 р.; на седло с прибором в 3 года 12 руб.; на ковку лошадей в год на каждую по 3 р. 50 к.; дров в год 9 сажень. Пикерские ученики, 3 человека, им жалованья: одному 48, другому 38, третьему 36 р.; каждому по 10 четвертей муки и по 1 четверти круп; каждому на мундир в год по 50 р., на лошадь в 4 года по 30 р.; на седло с прибором в 3 года по 3 р. 50 к.; дров по 1 1/2 сажени.

Ружейный мастер, иностранец, получал жалования 200 р.; на мундир в год 68 р.; дров в год 6 сажень.

Ружейный подмастерье, иностранец, жалованья ему 150 р.; на мундир 20 р.; дров 3 сажени.

Ложенный ученик и два ружейных ученика; жалованья им по 40 р.; муки по 6 и круп по 1 четверти; на мундир по 15 р.; на сермяжный кафтан по 3 р. 50 к.; дров по 1 1/2 сажени в год.

Наварщиков 12 человек; им в год по 6 четвертей муки и по 1 четверти круп; по 10 руб. на мундир; по 2 р. на сермяжный кафтан; на шапку, кушак, штаны, шубу (вероятно, подобно охотникам на три года) по 4 р.; на седло с прибором в 5 лет по 2 р. 45 к.; дров по 1 сажени в год.

(Рукоп. Сборн. им. ук.).

О случившихся зачислениях чинов Ораниенбаумской охоты в голштинские войска, пребывавшие при Петре Феодоровиче в Ораниенбауме, знаем по нижеследующей, относящейся к тому же году, весьма интересной челобитной Афанасия Воронова с товарищами в числе пяти человек, поданной уже императрице Екатерине Алексеевне:

"Зная Вашего Императорского Величества отеческое к подданным высокомилосердие и

неизреченное, от Бога данное до сырых и находящихся в бедности великодушные и надеясь на Ваше Императорское Величество милосердие, смелость возымели мы, рабы Ваши, трудить Вашего Императорского Величества. В прошлом 1756 году, взяты мы были из собственной Вашего Императорского Величества Раниенбаумской псовой охоты в бывшую Его Императорского Величества в службу голштинскую неволею, где и находились. А сего с 1762 году июня 29 числа были взяты мы из Раниенбаума под арест и содержались в Московской Ямской слободе, но оттуда отосланы в крепость Петра и Павла, где и содержались; но по именному Вашего Императорского Величества указу отосланы были в Обер-Егермейстерскую Канцелярию и были в той команде под арестом без определения в нашу должность более месяца; а потом отосланы от Обер-Егермейстерской Канцелярии в Военную Коллегию, под арестом же, для определения в военную службу. А пропитания нам никакого, будучи под арестом, не производилось, но и ныне питаемся мирским подаением. Того ради Вашего Императорского Величества слезно просим, рабы Ваши, сделать с нами, бедными, высокомилосердную ризелюцию. А мы, именованные, желаем быть по-прежнему в Обер-Егермейстерскую команду в охотниках, или из матерней Вашего Императорского Величества милости приказать дать нам сепшедь (абшид - отставка). И о сем нашем прошении милосердное и матернее рассмотрение учинить как Ваше Императорское Величество указать соизволите". (Рукоп. сб. им. ук., No 17). По вступлении на престол императрицы Екатерины II некоторые голштинцы Ораниенбаумской охоты были уволены "за ненадобностью в отечество", и чуть ли не первым был

уволен заведовавший этою охотою обер-ферштер Дом. (Сб. имп. ук.). Самая же охота была передана в ведение обер-егермейстера Нарышкина, причем чинам ее было оставлено то содержание, которое они получали раньше. (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

Надо между прочим заметить, что Ораниенбаумская охота слилась принципиально с охотою Императорскою и поступила под начальство того же обер-егермейстера Нарышкина еще при Петре III, который успел даже утвердить доклад Нарышкина о порядке присоединения этой охоты к царской. Однако эта утвержденная императором мера не была еще приведена в исполнение до переворота 1762 года, почему вопрос о присоединении Ораниенбаумской охоты к царской был возбужден по воцарении Екатерины Алексеевны сызнова. (Рук. Сб. Им. Ук.).

194 От того же 1762 года сохранилось известие о назначении, кажется в первый раз, на должность форштмейстера русского охотника. На эту должность был назначен в Измайловский зверинец Саватий Ларионов, прослуживший до 42 года при птичьей охоте и занимавший в последнее время должность комиссара. (Рук. Имп. ох.).

4 мая 1763 года Екатерина Великая, как увидим ниже, охотилась с "егерною охотою" в окрестностях Воскресенского Нового Иерусалима монастыря под Москвою. (Кам.-фур. журн. 1765 г., стр. 78). Вероятно, именно на этой охоте императрица разговаривала с егерями, из которых некоторые, раньше состоявшие при Ораниенбаумской охоте, жаловались на неполучение ими следуемого содержания. Не присутствовавший при охоте обер-егермейстер Нарышкин, узнав об этом, писал вскоре секретарю императрицы:

"Государь мой, Иван Перфильевич. Я сего числа уведомился, что, во время всевысочайшего Ее Императорского Величества в Воскресенском монастыре присутствия, вступившие в 1762 году в команду мою, бывшие при Ораниенбаумской охоте служители просили, что они от долговременного неполучения ими жалованья и протчего претерпевают (?) крайнюю нужду, на которую просьбу, яко бы, всевысочайшее повеление вашему Превосходительству о рассмотрении о том воспоследовало. Чего ради я вашему Превосходительству чрез сие приношу, что в прошлом 1762 году, 20 числа в августе месяце поднесен был Ее Императорскому Величеству от меня всеподданнейший доклад и при нем расписание, кому именно тем Раниенбаумским служителям и по каким окладам денежное жалованье и на протчее производить следует, и тот доклад всевысочайше апробован и собственною Ее Императорского Величества рукою подписан, с которого доклада и расписания в том же августе месяце поданы от меня точные копии в Правительствующий Сенат, и от того Правительствующего Сената о произвождении некоторым написанным в том докладе чинам и нижним служителям жалованья, куда надлежит, указы посланы, а протчим написанным же в приложенном при том докладе расписании вышеупомянутым Раниенбаумским служителям никакого удовольствия еще не учинено; а для каких обстоятельств, о том и усмотрение вашему превосходительству прилагаю при сем точное известие (такого в делах не имеется), по которым бы обстоятельствам, если Правительствующий Сенат имеет какое в том сумнительство оным служителям производить жалование, то б следственно Ее Императорскому

Величеству представить от себя, а если мне представлять о том, в чем же сумнительство состоит, то Правительствующий Сенат может почесть оное в жалобу, а паче не в мою должность. Того ради ваше Превосходительство прошу при случае о сих обстоятельствах Ее Императорскому Величеству всеподданнейше представить. И остаюсь, с почтением, Вашим, Государя моего, послушнейшим слугою С. Нарышкин". (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

195 26 числа 1775 года июня месяца обер-егермейстер Нарышкин вошел одновременно с тремя всеподданнейшими докладами: во-первых, об утверждении нового яхт-штата, во-вторых, об отпуске сумм, потребных на сооружение зданий Обер-егермейстерского ведомства и в-третьих, об определении к Императорской охоте яхт-пажей.

По высочайшему повелению доклады эти были переданы на заключение генерала графа Чернышева и генерал-прокурора князя Вяземского, которые представили императрице длинную записку с изложением своих мнений. (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

Так как мнения означенных лиц касались главным образом не устройства учреждений охоты или ее личного персонала, а оценки предположенных мероприятий по сравнению их с общепринятыми в государстве в соответственных случаях порядками, так как Чернышев и Вяземский не считали даже себя компетентными в специально охотничьем деле, полагая, что испрашиваемое "определено соразмерно, конечно, надобности, без излишества", наконец, так как замечания этих лиц в общем были приняты к руководству, - мы не станем приводить здесь пространной записки Чернышева и Вяземского, а

ограничимся приведением сведений из окончательно составленных докладов, удостоившихся высочайшего утверждения, и то лишь тех сведений, которые непосредственно касаются ныне рассматриваемого вопроса об организации личного состава Императорской охоты того времени.

Касательно нового штата в докладе Нарышкина было оговорено, что "по довольном рассмотрении всех происходящих по Обер-Егермейстерскому корпусу обстоятельств, оказалось, как при жизни блаженной и вечной славы достойная памяти Государыни Императрицы Елисавет Петровны, так и в 762 году, по соединении Ораниенбаумской псовой охоты и егерской команды со здешними, состояли все охоты вообще, птичья, псовая и егерская команда, со служителями и лошадьми, весьма в превосходном числе против нынешнего, на содержание чего происходила великая получаемая в Обер-Егермейстерской Канцелярии из Кабинета Вашего Императорского Величества и из Штатс-Канторы, а особливо из Дворцовой Канцелярии провиантом, кормами и фуражем, весьма превосходная сумма. А ныне в представленном Вашему Императорскому Величеству сочиненном вновь штате все излишнее отставлено, а положено только то, без чего обойтись невозможно; почему и на содержание всего корпуса ныне сумма положена против прежде употребляемой с немалым уменьшением".

По самому утвержденному штату установлено было иметь следующее количество чинов:

1. Обер-егермейстер, ранга генерал-аншефа, с жалованьем 4188 р. 37 к.
2. Егермейстер, ранга генерал-поручика, с жалованьем 2531 р. 81 1/4 к.
3. Унтер-Егермейстер, ранга бригадирского, с

жалованьем 1271 р. 26 к.

4. Канцелярия:

а) секретарь - 450 р.;

б) протоколист - 300 р.,

в) регистратор - 225 р.;

г) трое канцеляристов - по 200 р. каждому;

д) шесть копиистов - по 120 р. каждому;

е) "при денежной казне у прихода и расхода" казначей, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего при денежной казне, с жалованьем в 300 р., и для записки прихода и расхода подканцелярист, с жалованьем в 150 р.;

ж) при счетной экспедиции: бухгалтер - 300 р., подканцелярист - 150 р. и копиист - 120 р.;

з) сторож - 18 р.; 1) из "отставных для содержания караула" капрал - 20 р. и десять солдат - по 18 р. каждому; к пожарным инструментам двое солдат - по 18 р. каждому.

5. При московской конторе:

а) секретарь - 575 р.;

б) канцелярист - 150 р.;

в) подканцелярист - 130 р.;

г) двое копиистов - по 100 р. каждому;

д) "при денежной казне": комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего при богатой ливрее, - 120 р. и подканцелярист - 130 р.;

е) сторож - 18 р.;

ж) из "отставных для содержания караула" капрал - 20 р. и 4 солдата - по 18 р. каждому.

6. Лекарь, с жалованьем 250 р.; на покупку двух лошадей в четыре года по 20 р. на лошадь, то есть в год 10 р.; на фураж обеим лошадям в год 86 р. 40 к.; на дрова в год 18 р.

7. Подлекарь, с жалованьем 100 р.; на покупку в

четыре года одной лошади 20 р.; то есть в год 5 р.; на покупку в три года одного седла 3 р. или в год 1 р.; на фураж 43 р. 20 к.; на дрова 6 р.

8. "Для бритья и убирания волос у служителей, фершелов и волосоподвивателей да в лазарет служитель", всего 7 человек, каждому жалованья по 20 р. и на дрова по 3 р. и всем вместе на мундиры 13 р.

9. Егерская команда:

а) Обер-егерь, ранга против придворного конюшенного ясельничего, ему: жалованья - 400 р.; на покупку в четыре года двух лошадей по 20 р. на лошадь или в год 10 р.; на фураж 36 р. 40 к.; на ковку лошадей 3 р. 20 к.; на дрова 18 р.; б) "При собственных Ее Императорского Величества и Его Императорского Высочества ружьях Биксеншпаниеров, ранга против форштмейстера" (т. е. поручика) двое, каждому: жалованья 200 р.; на покупку двух лошадей в четыре года по 35 р. на лошадь, или в год по 17 р. 50 к.; на покупку в три года седла с прибором 10 р., или в год 3 р. 33 1/3 к.; на подковку лошадей 7 р.; на фураж 86 р. 40 к.; на дрова 18 р.; на содержание двух легавых собак 15 р.;

в) егерей десять человек, каждому: жалованья 100 р.; на богатые и ординарные мундиры 68 р. 54 к.; на покупку в четыре года лошади 20 р., или в год 5 р.; на покупку в три года седла с прибором 3 р., или в год 1 р.; на покупку в 5 лет ружья 8 р., или в год и р. 60 к.; на подковку лошади 1 р. 60 к.; на дрова 6 р.; на фураж 43 р. 20 к.; на содержание двух легавых собак 15 р.;

г) егерских учеников 12 человек и птичников 8 человек, каждому: жалованья 18 р.; на покупку в два года парадного мундира 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на покупку ежегодно сермяжного мундира 3 р. 50 к.; на покупку в четыре года лошади 20 р., или в год 5 р.; на покупку в три года седла с прибором 3 р., или в год 1 р.; на покупку в 5 лет ружья 6 р., или в год и р. 20 к.; на подковку лошади 1 р. 60 к.; на дрова 3 р.; за хлебное

жалованье 28 р.; на фураж 43 р. 20 к., на содержание одной легавой собаки 7 р. 50 к.

10. "При ружейном и ложенном мастерстве, у дела вновь Ее Императорскому Величеству с оброчною и прочею работою ружей, штуцеров и пистолетов, також у починке и чистке ружей в Руст-Камере":

а) ружейный и рисовальный мастер - 200 р.;

б) ложенный мастер - 200 р.;

в) ружейных, егерских и прочих серебряных и медных приборов и гербов литейный мастер - 150 р.;

г) ружейный подмастерье и ствольный заварщик - 150 р.;

д) ложенный подмастерье - 120 р.;

е) обронщик - 50 р.; ж) ружейных, ложенных и отливальных учеников 7 человек, каждому 36 р.

11. "Для делания к охотам Ее Императорского Величества и к музыке рогов, волторн и прочих принадлежностей":

а) подмастерье - 25 р.;

б) учеников двое, каждому по 20 р.

Означенным в пунктах 10 и 11, кроме того: мастерам, 3 человекам, каждому на мундир 25 р. и на дрова 6 р.; ствольному заварщику, подмастерьям и обронщику, четырем человекам, каждому на мундир 10 р. и на дрова 3 р.; ученикам, девяти человекам, каждому на мундир 9 р. и на дрова 3 р.

12. Птичья охота:

а) Главностатейничий, ранга против придворного конюшенного обер-берейтора, с жалованьем в 462 р. 54 1/2 к.;

б) статейничий (старший), ранга против придворного конюшенного берейтора - 280 р. 36 1/4 к.;

в) статейничий (младший), ранга против форштмейстера - 178 р. 18 к.;

г) комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего при богатой ливрее, - 120 р.;

д) писарь - 60 р.;

е) кречетников, сокольников и ястребников тридцать человек, каждому: жалованья 40 р.; на шитье в два года одного мундира и одного сюртука 40 р., или в год 20 р.; на делание в три года седла с прибором 3 р., или в год 1 р.; за хлебное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 3 р.;

ж) двое кlobучечников и двое колоколечников, каждому 8 р.; на шитье в 2 года одного мундира и одного сюртука 22 р., или в год 11 р.; за хлебное жалованье 22 р.; на дрова 3 р.;

з) конюхов четыре человека, каждому 8 р.; на шитье в два года одного мундира и одного сермяжного кафтана 22 р., или в год 11 р.; на сделание в три года седла с прибором 3 р., или в год 1 р.; за хлебное жалованье 13 р. 25 к.; на дрова 3 р.;

и) кузнец, он же коновал - 75 р. и на дрова 6 р.;

к) кузнечный ученик 30 р.

Лошадей активным чинам птичьей охоты полагалось отпускать натурою.

13. С.-Петербургская псовая охота:

а) Ее императорского величества стремянной егерь, ему 400 р.; на богатый мундир 80 р.; на покупку двух лошадей в год 20 р.; на одно в три года седло с прибором 10 р., или в год 3 р. 33 $\frac{1}{3}$ к.; на подковку лошадей 7 р.; на дрова 18 р.; на фураж 86 р. 40 к.;

б) стремянной его императорского высочества - 240 р.; на мундир 60 р.; на одно в три года седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; на один в 3 года хомут с прибором 2 р., или в год 66 $\frac{2}{3}$ к.; за хлебное жалованье 45 р. 60 к.; на дрова 6 р.;

в) двое корытничих, каждому 45 р.; на один мундир и один сюртук в два года 35 р., или в год 17 р. 50 к.; на одно в три года седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; на один в три года хомут с прибором 2 р., или в год 66 $\frac{2}{3}$ к.; за хлебное жалованье 43 р. 90 к., на дрова 6 р.;

г) двадцать охотников, с жалованьем каждому 16 р.; шесть доезжачих, с жалованьем каждому 15 р., и тринадцать выжлятников, с жалованьем каждому 12 р.; им, кроме жалованья, каждому: на один мундир и один сюртук в два года 23 р., или в год 11 р. 50 к.; в три года на шапку, кушак, штаны и шубу 4 р., или в год 1 р. 33 $\frac{1}{3}$ к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; в три года на хомут с прибором 2 р., или в год 66 $\frac{2}{3}$ к.; за хлебное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.;

д) наварщиков семь человек, каждому 8 р.; на один мундир и на один сермяжный кафтан в два года 12 р., или в год 6 р.; в три года на шапку, кушак, штаны и шубу 4 р., или в год 1 р. 33 $\frac{1}{3}$ к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; за хлебное жалованье 18 р.; на дрова 2 р.;

е) конюхов семь человек, каждому 6 р.; на мундир в два года 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 3 р. 50 к.; за хлебное жалованье 16 р. 50 к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; на дрова 2 р.;

ж) комиссар, против ранга придворного конюшенного комиссара, состоящего у богатой ливреи, с жалованьем 120 р.;

з) писарь - 60 р.;

и) магазин-вахтер - 73 р.,

к) кузнец, он же коновал - 150 р. и на дрова 6 р.;

л) два кузнечных ученика, каждому по 12 р.; на сермяжные кафтаны и шубы по 6 р.; за хлебное жалованье 18 р. Всем чинам этой охоты, кроме

стремянного егеря ее императорского величества, лошади отпускались натурою.

14. Псовые охоты Александровской слободы и Измайловского зверинца:

а) пикер, ему 120 р.; на мундир 68 р.; в три года на седло с прибором 6 р., или в год 2 р.; на дрова 10 р.;

б) пикерский ученик 36 р.; в два года на мундир и сюртук 23 р., или в год 11 р. 50 К.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; за хлебное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 5 р.;

в) корытничий - 45 р.; в два года на мундир и сюртук 35 р., или в год 17 р. 50 к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; в три года на хомут с прибором 2 р., или в год 66 $\frac{2}{3}$ к.; за хлебное жалованье 35 р. 40 к.; на дрова 6 р.;

г) пять охотников, с жалованьем каждому по 16 р., и шесть выжлятников, с жалованьем каждому по 12 р.; им, кроме жалованья, каждому: в два года на мундир и сюртук 23 р., или в год 11 р. 50 к.; в три года на шапку, кушак, штаны и шубу 4 р., или в год 1 р. 33 $\frac{1}{3}$ к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; в три года на хомут с прибором 2 р., или в год 66 $\frac{2}{3}$ к.; за хлебное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 3 р.;

д) пять наварщиков, каждому 8 р.; в два года на мундир и сермяжный кафтан 12 р., или в год 6 р.; в три года на шапку, кушак, штаны и шубу 4 р., или в год и р. 33 $\frac{1}{3}$ к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; на дрова 2 р.; за хлебное жалованье 14 р. 50 к.;

е) два конюха, каждому 6 р.; на мундир в два года 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 5 р. 50 к.; за хлебное жалованье 13 р. 25 к.; в три года на седло с прибором 3 р., или в год 1 р.; на дрова 2 р.; ж) комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего у богатой ливреи, с жалованьем

120 р.;

з) писарь - 60 р. Лошади, кому полагается, - натурою.

15. Петергофский зверинец:

а) форштмейстер, в чине поручика, с жалованьем 300 р.; на мундир 68 р. 40 к.; на фураж для одной лошади 36 р. 60 к.; на дрова 6 р.;

б) комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего у богатой ливреи, с жалованьем 120 р.;

в) писарь - 60 р.;

г) семь зверовщиков, каждому 25 р.; на мундир в два года 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 3 р. 50 к.; за хлебное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

16. Царскосельский зверинец:

а) за форштмейстера быть из штатных егерю, с получением егерского оклада;

б) два зверовщика, каждому 25 р.; в два года на мундир 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 3 р. 50 к.; за хлебное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

17. Измайловский зверинец:

а) форштмейстер, ранга поручика, с жалованьем 300 р.; на мундир 68 р. 40 к.; на фураж для одной лошади 36 р. 60 к.; на дрова 6 р.;

б) семь зверовщиков, каждому 8 р.; в два года на мундир 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 3 р. 50 к.; за хлебное жалованье 14 р. 50 к.; на дрова 3 р.

18. С.-Петербургский зверовый двор:

а) комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего у богатой ливреи, с жалованьем 120 р.;

б) писарь - 60 р.;

в) четыре зверовщика, каждому 28 р.; в два года на мундир 15 р., или в год 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтан 3 р. 50 к.; за хлебное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

19. Егерская музыка:

а) подмастерье - 60 р.; в два года на мундир 38 р., или в год 19 р.; за хлебное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.,

б) четыре волторниста, с жалованьем каждому по 46 р.; три кларнетчика, два флаутреверзиста, два гобоиста, два басовщика, с жалованьем каждому по 31 р.; тридцать шесть рожечников, с жалованьем каждому по 26 р.; им, кроме жалованья, каждому: в два года на мундир 23 р., или в год 11 р. 50 к.; на шапку, кушак и шубу 1 р. 50 к.; за хлебное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.;

в) учитель музыки, с жалованьем 420 р.

20. С.-Петербургский птичий двор:

а) комиссар, ранга против придворного конюшенного комиссара, состоящего у богатой ливреи, с жалованьем 120 р.;

б) птичников двое, с жалованьем каждому по 42 р.;

в) учеников двое, с жалованьем каждому по 56 р.

21. Астраханский птичий двор: а) комиссар - 100 р.;

б) два птичника, каждому по 30 р.

Штат, из которого мы сделали вышеприведенную выборку, сопровождается различными примечаниями и объяснениями, из коих изложим следующие, заслуживающие внимания по предмету, разбираемому в настоящей главе.

1. На канцелярские и мелочные расходы Обер-егермейстерской канцелярии, как то на: бумагу, сургуч, чернила, свечи, дрова, прогоны

командируемым чинам ведомства охоты и т. п., было исчислено по штату 1000 р.

2. На дрова для лазарета Обер-егермейстерского ведомства было исчислено 18 р., а для лечения служителей было повелено отпускать медикаменты из Главной аптеки, по требованиям Обер-егермейстерской канцелярии и по рецептам той же канцелярии лекаря, за счет Статс-конторы. Кроме того, на покупку для лазарета предметов, которые Главною аптекою не отпускались, было назначено 50 р. в год.

3. На покупку для собственных ее величества и его высочества ружей, полированного пороха, дробы и проч.; на покупку для стрельяния егерям, ученикам егерским и птичникам к столу ее величества диких птиц пороха же, дробы и кремней; на приобретение свинца для литья пуль; на постройку вновь и на починку шалашей для стрельбы тетеревей; на изготовление к шалашам чучел; на сооружение для ловли живых диких птиц тайников и сетей; на различные егерские приборы, как то на гербы, пуговицы с гербами, на кортики с медными, позолоченными приборами, на лосиные портупеи, на рожки пороховые и на мешочки для дробы, на патронташи и ягдташи; на покупку для содержавшихся для потребностей Высочайшего стола живых разных родов птиц кормов, во весь год; для платежа прогонов егерской команды служителям, посылаемым на Ильмень и Ладожское озеро для ловли живых куликов, турухтанов и прочих птиц; на покупку судов, в которых те птицы привозятся в С.-Петербург водою; на покупку кормов для тех же птиц; на дрова, необходимые для топления амбаров, где те птицы содержатся; на свечи для хождения в амбары в ночное время, на солому и на прочие по егерской команде

надобности - было исчислено по штату 1500 руб.

4. На расходы по изготовлению новых ружей, рогов, волторн и прочего и на починку старых вещей того же сорта; на покупку стали, железа, проволоки и меди к обронной работе; на покупку для изготовления охотничих приборов меди, золота, серебра, буры, нашатыря, наждаку, олова, деревянного масла, березового угля; на покупку ореховых и березовых деревьев для изготовления ружейных лож; на шомполы; на разные ружейные и ложенные принадлежности и такие же инструменты и т. п. - было назначено 400 р.

5. На покупку различных музыкальных инструментов и на починку их было положено 150 р.

6. "Оставшихся за штатом престарелых и больных нижних служителей, також ежели и впредь из тех нижних служителей кто, за старостями или за болезнями, службы Ее Императорского Величества нести будет не в состоянии, а прожить собою нечем, таковых Обер-Егермейстерской Канцелярии оставлять и давать пашпорты; служащим без всякого порока давать на пропитание по смерти их пенсион по рассмотрению Обер-Егермейстерской Канцелярии, на который ежегодно получать 800 рублей".

7. Егерской команде иметь парадные мундиры "против сделанных при отправлении в Фокшаны четырех мундиров, то-есть кафтаны и обшлага зеленые, а камзолы и шляпы лосинного цвета, суконные ж, с выкладкою по борту и по швам в три позумента узких, с двух сторон золотой, а по середине серебряной".

8. По отношению кречетников и сокольников, кои, все без исключения, были из дворян, штатом было установлено, дабы таковые по выслуге семи лет получали чин прапорщика. До выслуги же означенного

срока кречетникам и сокольникам считаться в унтер-офицерских чинах. Сокольников и кречетников-прапорщиков, смотря по их личным способностям, долженствовало назначать биксеншпаниерами, обер-ферштерами, обер-егерями и комиссарами.

9. Лицам, занимавшим тогда должности стремянных ее величества и его высочества, иметь чины наравне с форштмейстерами "за их долговременную и беспорочную службу" и вследствие того обстоятельства, "что они также близки, как и биксеншпаниеры с ружьями, а они на поле при стреме".

10. Чинам птичьей охоты парадным мундиром иметь кафтаны и обшлага зеленые, камзолы и штаны желтые суконные с выкладкою по борту и по швам в три позумента узких, с двух сторон золотые, а в середине серебряный.

11. "Охотной команде парадные мундиры иметь против сделанных им при отправлении в Фокшаны и мундиров, которые хранятся при Канцелярии, кафтаны красного, обшлага, камзолы и штаны желтого цвета сукна, с выкладкою по борту и по швам в три позумента узких, с двух сторон золотой, а в середине серебряной".

12. "Вышеозначенные парадные мундиры деланы были как при отправлении в Фокшаны, так и при жизни блаженные и вечной славы достойная памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, мундиры, выложенные по швам, а по борту с выкладкою широким золотым позументом, а именно: егерям 8 да им же шляпы, перевязи, а охотникам картузы, седла и чепраки, псовой охоты стремяниным 3, корытничим 2, да рядовым охотникаи 50; птичей охоты начальному и служителям 30 человекам из особливо

пожалованной суммы, и ежели когда Высочайше повелено будет делать богатые мундиры, то Всемиловитейше повелено б было отпустить потребную на то сумму".

По разбираемому штату как на содержание личного персонала, так и на содержание охотничьих собак и других животных и на ремонт различных построек Обер-егермейстерского ведомства, то есть на надобности, о которых мы скажем ниже, было положено отпускать ежегодно общую сумму в размере 68.194 р. 55 1/4 коп. Сумму эту повелено было выдавать из Дворцовой канцелярии "вместо всех припасов", "разделяя ее на два срока".

Заметим кстати, что деньги, предназначенные по штату к выдаче чинам Императорской охоты вместо хлебного жалованья, выдавались на руки вперед, прочее же содержание, так сказать, заслуживалось раньше. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004; Рукоп. сборн. им. ук., No 57; Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 303, д. No 2; оп. 72, д. No 19; оп. 62, д. No 4).

196 Первое известие о должности члена канцелярии относится к 1754 г., когда на эту должность назначен был капитан князь Александр Черкасский Меньшой.

197 В 1756 году, октября 4 дня, последовало высочайшее повеление о выдаче советнику Обер-егермейстерской канцелярии и унтер-егермейстеру жалованья из Статс-конторы, применительно к положенному по Конюшенному штату 1735 года, как советнику и унтер-шталмейстеру. (Рук. сборн. им. ук.).

198 Из документов 1762 года между прочим усматривается, что в этом году в делах Обер-егермейстерской канцелярии произошел большой

непорядок: "состоявший у прихода и расхода денежной казны регистратор Протопопов" похитил "не малую казенную сумму". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 64).

199 В 1752 году впервые упоминается должность "биксеншпаниера", которую занимал некий Сиверс. (Рукоп. сборн. им. ук.).

200 Биксеншпаниеры впервые упоминаются в 1752 году.

201 К 1793 году относится известие, что при московских охотах состоял вольнонаемный коновал, получавший вознаграждение весьма скромное; ему долженствовало уплатить всего 1 р. 50 к. за лечение больных лошадей и то только при том условии, если все лошади будут вылечены действительно. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 311).

202 От 1766 года сохранилась именные списки чинов московских охот. По этим спискам состояло:

I. При птичьей охоте: а) статейничий, капитан Иван Рыкунов; б) у него помощник, в ранге прапорщика; в) комиссар; г) 57 птичьих охотников, разделенных на статьи, а не по званиям кречетника, сокольника и ястребника, в том числе 1-й статьи 13 человек, 2-й статьи 12 и 3-й статьи 12; д) колоколешник; е) колоколешный ученик; ж) клобучечник; з) клобучечный ученик; 1) "определенный в ученики для чищения ремней"; к) конюхов 4 человека.

II. При Измайловском зверинце: а) форштмейстер капитан Саватий Ларионов; б) комиссар; в) егерь; г) писарь; д) зверовщиков 8 человек.

III. При Московской псовой охоте: а) корытничий; б) 2 охотника; в) 4 выжлятника; г) 4 наварщика.

IV. При псовой охоте: Александровской слободы: а) корытничий; б) пикер; в) 2 доезжачих; г) 3 выжлятника; д) 3 наварщика; е) 4 престарелых охотника; ж) 2 престарелых выжлятника. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. No 31).

203 В 1772 году в первый раз упоминается в документах егерская музыка. (Там же, оп. 71, д. No 16).

Чтобы не возвращаться к музыкантской команде Императорской охоты, скажем тут же, что, по-видимому, организация хора егерей-музыкантов принадлежит инициативе обер-егермейстера Нарышкина, который сам был большой любитель музыки вообще, а роговой – его изобретения – в особенности.



Пропускная свидѣтельствованная грамота, данная Гаврилу Кобылкину и Петру Михайлову (Петру Великому) съ товарищи 22 человека въ 1697 году, при отпавкѣ ихъ за границу «для науки воинскихъ дѣлъ».

Выше, в представлении Нарышкина об учреждении школы для обучения детей царских охотников, мы уже видели, что Нарышкин стремился создать при охоте музыкантские хоры путем обучения охотничьих ребят игре на волторнах и рогах. Неспособных к музыке отстраняли от обучения, переводя на другие должности в царской охоте. Так, в мае 1772 года ученик Гаврило Павлов "за непонятием его играть на рогу, был определен конюхом ко псовой охоте". (Там же, оп. 71, д. No 16). Однако рогами и волторнами не ограничивались инструменты егерского хора. Из инструментов того времени мы знаем рога медные и деревянные, волторны медные с машинками, фаготы, скрипицы, велиончели (виолончель), контербасы, дудаки деревянные, флейтреверсы и кларнеты. Последние "с двойными коленами и серебряными клапанами", а также флейтреверсы или флаут-реверсы о пяти коленях с серебряными клапанами да фаготы с двойными коленами и с футлярчиками, при каждом футлярчике по 6 тростей, выписывались из Парижа через французского купца Мишеля. Заведовал в то время музыкою егерь Иоганн Шуберт, а дирижером в ней был камер-музыкант Иоганн Морейша. (Там же, оп. 72, дд. NoNo 25 и 32).

По-видимому, егерская музыка считалась в то время одной из лучших и часто играла при различных придворных празднествах. Так, 26 апреля 1774 года играла она в Эрмитаже при парадном обеде, на который были званы все иностранные министры и прочие высокие гости (Кам.-фур. журн. 1774 года, стр.187 21 июля 1775 года "роговая охотничья музыка" участвовала в торжестве и увеселениях, происходивших в Москве на Ходынке по случаю мира с Турциею (Кам.-фур. журн. 1775 года, стр. 480); 1

сентября того же года, во время посещения императрицею Екатериною Алексеевною обер-шенка Александра Александровича Нарышкина в его подмосковной вотчине Филях, играли за обедом музыканты егерской команды на кларнетах, а при послеобеденной прогулке в роще там, в скрытых местах, слышались звуки роговой егерской музыки. (Там же, стр. 560). Играла егерская музыка и 24 июля 1777 года в Царском Селе во время торжества тезоименитства великой княгини Марии Феодоровны, вечером, в саду у Эрмитажа (Кам.-фур. журн. 1777 года, стр. 602), а в сентябре 1793 года та же музыка неоднократно играла в С.-Петербурге, в Летнем саду. (Рукоп. сборн. им. ук., No 145). Но чаще всего музыканты Императорской охоты услаждали слух императрицы и высоких гостей на праздниках, носивших охотничий характер, устраиваемых обер-шталмейстером Львом Александровичем Нарышкиным.

204 Одновременно с докладом о новом яхт-штате обер-егермейстер Нарышкин представлял императрице нижеследующее:

"От порядочно учрежденной охоты не только увеселения, но и действительной пользы ожидать можно, и для того необходимо требуется, чтобы как начальствующие, так и их подчиненные состояли из таких людей, кои б совершенно были обучены охоте и форштмейстерским делам. В Вашего Императорского Величества Империи обретаются множество обширных лесов, высокой короне принадлежащих, кои ныне, за неимением искусных в форштмейстерских делах людей, крайне разоряются, а о разведении вновь лесов никакого попечения не прилагается". От выписываемых для этой цели иностранцев, по мнению

Нарышкина, много пользы не получается, так как люди эти успевают состариться раньше, чем обучатся русскому языку, а состарившись, отъезжают в свое отечество. "Мы надеемся в сем всеподданнейшем докладе Вашему Императорскому Величеству изъяснить полезнейшее средство, через которое впредь места чины имеющих в Обер-Егермейстерском корпусе заняты быть могут не только такими людьми, кои в состоянии будут свидетельствовать выписываемых егерских и форштмейстерских служителей, но как то и в других местах употребительно, в оном произведется еще учение охоте и форштмейстерским делам, где они, обучившись, вместо обыкновенных вальдмейстеров, не имеющих в форштмейстерских делах ни малейшего знания, определиться могут форштмейстерами к надзиранию над лесами, со вящим искусством над прежними, как то доныне бывало". Для этой цели Нарышкин предполагал иметь при Обер-егермейстерском ведомстве десять яхт-пажей, набранных из дворян, не моложе 16 лет, обучать их соответственным наукам и практически, а по истечении четырех лет производить им экзамен и успешно выдержавших испытание назначать на обер-офицерские места в Обер-егермейстерском корпусе. В случае неимения вакантными последних мест, прошедших полный курс яхт-пажей выпускать в армейские полки с правами, присвоенными пажам двора Ее Императорского Величества и рент-пажам Конюшенного ведомства. Однако в армейских полках бывшие яхт-пажи должны были служить только до открытия вакансии на вышеуказанные места в Обер-егермейстерском ведомстве или вакансий на должности обер-ферштеров или форштмейстеров в коронных лесах. На содержание и обучение десяти

яхт-пажей обер-егермейстер испрашивал ежегодного ассигнования в 2.000 рублей, на что и последовало высочайшее соизволение. (Рукоп. сборн. им. ук., No 58; 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14005).

9 апреля 1785 года гофмаршал Григорий Никитич Орлов писал князю П. А. Голицыну, что императрица приказала, "дабы яхт-пажи ходили для обучения в Пажеский Ее Величества корпус". (Рукоп. сборн. им. ук., No 119).

В 1786 году последовало распоряжение о том, чтобы яхт-пажи по окончании ими полного курса наук выпускались армейскими поручиками. (Там же, No 121).

205 К 1779 году относится нижеследующий указ Московской обер-егермейстерской конторы, данный 10 декабря главностатейничему Рыкунову, относительно служебных прав чинов птичьей охоты: "По указу Ее Императорского Величества, сия Контора во исполнение Его Сиятельства от армии Генерал-поручика, Егермейстера, Сенатора, Действительного Камергера, Лейб-Гвардии Измайловского полку майора и кавалера князь Петра Алексеевича Голицына ордера, коим от него, на представление Конторы здешней, между прочим, предписано, "чтобы всем ныне состоящим при птичьей охоте не из дворян и по них вперед определяемым ко оной же охоте не из дворян же служителям считаться ястребниками и быть без всяких чинов, потому что в подтвержденном всему Обер-Егермейстерскому корпусу штате именно указано о дворянах, чтоб выслужившим семь лет быть в чинах прапорщичьих, а кои служители меньше, тем быть в чинах унтер-офицерских, почему не из дворян служителям со оными равняться чинами невозможно". Приказали, с

прописанием вышеписанного от Его Сиятельства предписания вам дать сим указом знать, с тем чтоб вы всех ныне находящихся в команде вашей при птичьей охоте служителей, не имеющих дворянского достоинства, из сокольничьего названия исключили и навсегда в списках писали их ястребниками; а и определяющихся впредь ни под каким видом в должность, против штатного узаконения, сокольническую не вводили". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 57).

Весьма скоро после утверждения яхт-штата 1775 года последовали различные от него отступления. "По особливым именным Ее Императорского Величества указам" в Обер-егермейстерское ведомство были определяемы чины сверхштатные, коим приказывалось производить жалованье до тех пор, пока они будут в состоянии отправлять порученные им должности. Такими лицами явились присутствовавший в Московской обер-егермейстерской конторе бригадир Алексей Булгаков, с жалованьем в 1271 р. 26 к., заведовавший Собственною Ее Величества оружейною палатою коллежский ассессор Иоганн Бем, с жалованьем 554 р. 40 к., лекарь Вейбрехт, хотя и занимавший штатную должность, но получавший жалованья вдвое против положенного, и другие второстепенные чины, из числа которых отметим "пенсионеров, бывших при слонах, из азиатцев престарелых и увечных служителей". Не имея возможности содержать их на штатные суммы, Нарышкин просил, "дабы указом Ее Императорского Величества всевысочайше повелено было вышеписанным чинам жалованье и прочее по прописанным окладам производить до тех пор, как они выбудут" из подлежащих мест, то есть откуда они получали его раньше, до утверждения яхт-штата 1773

года. (Гос. арх., ч. II, разр. XIV, No 57).

Хотя изложенное ходатайство, по-видимому, и было уважено, однако в следующем 1774 году, февраля 7 дня, последовал именной высочайший указ Правительствующему Сенату, которым, между прочим, было повелено положенную по яхт-штату 1773 года сумму выдавать Обер-егермейстерскому ведомству из Дворцовой канцелярии, "а из других уже мест ни откуда никаких расчетов и отпусков не чинить". (Там же).

Подобное повеление, снова поставившее обер-егермейстера в затруднительное положение относительно сверхштатных чинов и сверхштатных расходов, побудило его возобновить ходатайство по тому же предмету. Нарышкин просил о ежегодной выдаче в начале года: 1) на содержание сверхштатных чинов по 2897 р. 76 к. из Статс-конторы и по 1193 р. 69 1/2 к. из Дворцовой канцелярии. 2) На строение и починки помещений по 7000 р. из Дворцовой канцелярии. 3) На яхт-пажей 2000 р. из Статс-конторы "или всю оную сумму из одного места, откуда Ваше Императорское Величество повелеть соизволите, а без отпуску оной суммы Обер-Егермейстерской Канцелярии пробывать не можно, без которой и ныне служители, за неполучением жалованья, претерпевают крайнюю нужду". (Гос. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

Высочайшим указом 28 августа 1774 года было повелено Дворцовой канцелярии выдавать Обер-егермейстерской канцелярии, сверх штатной суммы, на указанные выше надобности, согласно ходатайству Нарышкина 13.091 р. 45 1/4 к., а всего отпускать на Императорскую охоту ежегодно 81.286 р. 1/2 к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 19).

206 6 мая 1771 года воспоследовал высочайший указ "о

нештрафовании чинов Егермейстерского ведомства телесными наказаниями". В этом гуманном указе, относившемся до чинов царской охоты так же, как и до прочих дворцовых служителей, говорилось: "Хотя Мы с начала Нашего царствования уже воспретили, чтобы никто при дворе Нашем из ливрейных Наших служителей, какого бы звания ни был, никем и ничем бит не был, но ныне уведомились Мы, к немалому удивлению Нашему, что, не смотря на сие наше повеление, воля Наша не исполняется, и паки при дворе Нашем возобновилась злая привычка ливрейных служителей бить. Мы имели в омерзении все суровости, от невежества рожденные и выдуманые; через сие накрепко воспрещаем, под опасением Нашего гнева, всем, до кого надлежит, ливрейных Наших служителей, какого бы звания при дворе Нашем не находились, отнюдь никогда и ничем не бить. Если же кто из них впадет в большое преступление, как-то воровство и прочее, тех, сняв ливрею, отослать к Гражданскому Суду; пьяниц же, нерадивых или непослушных стараться должно исправить. Первое – кротостью; если то не помогает, второе – держанием под арестом; третье наказание будет двусуточное сажание на хлеб и воду. Потеряв же надежду к исправлению такого человека, должно, сняв с него ливрею при товарищах его и прочтя ему, за что оное чинится, и почему он не достоин ее носить, отпустить его от двора или отослать в военные команды, смотря по вине и состоянию его. Из точного исполнения сего Нашего указа последует, что, чувствуя милосердие и человеколюбие Наше, каждый стараться будет исполнять должность свою с наивящим усердием и радением. Господа же командиры с правосудным беспристрастием не оставят, когда место опорожнится,

производить и награждать по степеням обычным при дворе Нашем тех, кои добры и беспорочным поведением того достойнее окажутся, не смотря ни на какие посторонние ходатайствования и происки, через что порядок, Нами желаемый, в доме Нашем утвердится и сохранится к удовольствию Нашему. А дабы никто неведением о сем Нашем повелении не отговаривался, то повелеваем сие в помянутых командах всем служителям объявить". (Рукоп. сборн. им. ук., No 61).

207 В сороковых годах XVIII столетия чины Императорской охоты нередко получали весьма значительные награды. Так, в 1749 году именным указом императрицы Елисаветы Петровны велено егерю Осипу Магарецкому, "который служил Нам добропорядочно", выдать награду в 300 рублей (Сборн. им. ук.; Рукоп. Имп. ох.), а около того же времени погорелым чинам охоты велено было выдать: обер-егерю 500 р., егерям по 300 р., егерским ученикам по 200 р. (Госуд. арх., ч. I, р. XIV, No 57).

19 июля 1765 года сообщалось в "С.-Петербургских ведомостях": "Ее Императорское Величество, всемилостивейшая Государыня, между прочими, непрестанно изливаемыми, щедротами, будучи весьма довольна Обер-Егермейстерского Корпуса птичьей охотою, соизволила перед несколькими днями пожаловать на оную тысячу червонных". ("С.-Петерб. вед." 1765 года, No 57).

208 Во время "мирного торжества" 1775 года, то есть торжества по случаю заключения мира с Турциею, о котором мы уже говорили выше, Екатерина Великая пожаловала для раздачи чинам Императорской птичьей охоты тысячу голландских червонцев, составлявших

тогда сумму в 2500 рублей. Заслуживает внимания распределение этих денег как по своеобразности, так и вследствие того, что из такового можно увидеть наличное число чинов птичьей охоты в 1775 году.

Главностатейничему Ивану Рыкунову было предписано доставить сведения, кто из чинов "по той птичьей охоте должность свою рачительно исправляет и кто, по каким ни есть встречающимся обстоятельствам, оной же должности не может с таким успехом и тщательным поревнованием, как первые, отправлять, дабы Канцелярия из того могла познать каждого исправность по его должности, и, основываясь на оном, и всевысочайше пожалованную вышеупомянутую сумму раздать в награждение, смотря по трудам и заслугам каждого". Далее, рассмотрев представление по этому поводу Рыкунова, Канцелярия предназначила выдать: главностатейничему 88 червонцев; статейничему Моисею Рыкунову 80 червонцев; статейщику Якову Ларионову 72 червонца; кречетникам-прапорщикам, "радивым к их должности", 14 человекам, каждому по 28 червонцев; кречетникам-прапорщикам, "нерадивым", двум человекам, каждому по 18 червонцев, по 2 рубли, по 33 копейки; сокольникам унтер-офицерского чина, "исправным и рачительным к должности", 9 человекам, каждому по 16 червонцев, по 1 рублю; сокольникам того же чина, "нерадивым", четверем человекам, каждому по 11 червонцев, по 16 1/2 копейки; одному клобучечнику 6 червонцев и рубль; четверем конюхам, каждому по 3 червонца, по 72 копейки; музыкантам, "радивым", и человекам, каждому по 5 червонцев; музыкантам, "нерадивым", и малолетним по 2 червонца, по 1 рублю, по 66 1/2 копейки. Кроме того, главностатейничему было

предписано, что "как он о всех вышепрописанных служителях, кто какого состояния, по должности своей должен быть сведущ, то и объявленные, следуемые по вышеписанному распределению в награждение деньги, ему, главностатейничему, тем, кои доброго состояния, отдать все ныне по рукам с расписками, а невоздержанным, в рассуждении продолжающегося ныне мирного торжества, дабы оные, по слабости их, не употребили тщетно, оных не отдавать до окончания сего мирного торжества, разве кому для самых необходимых нужд, но и то не все, а по усмотрению надобности дать из означенного числа по некоторой части, а по окончании торжества раздать и оным, всякому по рукам, должное число; все сполна с расписками же, и те собранные расписки представить в Канцелярию при рапорте". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, № 30).

209 В 1769 году императрице Екатерине Алексеевне подал челобитную биксеншпаниер Сиверс. В челобитной этой он указывал, что служил в России с 1742 года, а на последней должности с 1752 года, и что в настоящее время, за старостью, он не имеет уже сил продолжать службы, почему и ходатайствует об увольнении его в отставку "рангом, каким Ваше Императорское Величество пожаловать соизволите", с выдачею ему некоторой пенсии на пропитание с женою и пятью детьми. Императрица приказала затребовать по челобитной заключения обер-егермейстера, который отозвался, что Сиверс усмотрен им "в должности своей против прошлых лет неисправным", почему и сам Нарышкин ходатайствует об отставке Сиверса. Разбавивший это дело секретарь императрицы Козьмин, между прочим, уведомился, что Сиверс не получал никакого содержания, начиная с 1767 года.

Козьмин запросил объяснений по этому поводу у Обер-егермейстерской канцелярии, которая ответила, что Сиверсу не выдавалось жалованья за последние два года на основании того обстоятельства, что в 1767 году он был отстранен за полную неисправность от должности по приказанию "Главного командира Обер-Егермейстерского Корпуса". В конце концов челобитная Сиверса, послужившая мотивом весьма объемистой переписки, увенчалась приказанием Обер-егермейстерской канцелярии дать Сиверсу абшид. (Рукоп. Имп. ох.).

210 В марте 1769 года в Обер-егермейстерскую канцелярию поступило весьма характерное прошение дворян-чинов Московской птичьей охоты, которое и приводим дословно.

"Находимся мы, именованные, в службе Ее Императорского Величества Обер-Егермейстерского корпуса при птичьей охоте, которую и продолжаем долговременно, со всяким рачением, без всякого куражу и награждения и ни в какие другие военные и гражданские службы не выпускаемся; а как ныне Российское дворянство находится в прочих Ее Императорского Величества службах со всяким куражем, и получают себе достойные чины, також и находящиеся при Обер-Егермейстерском корпусе егерской команды егари жительство имеют в казенных покаях и жалованья получают против вас со излишеством, а мы, именованные, при команде своей казенных покоев не имеем, а имеем собственные свои дома, и из малополучаемого нами жалованья содержать как дома, так и себя уже не в состоянии и от того приходим в крайнее убожество, да по долговременной нашей службе отставляемся мы вечно на свое пропитание, без всякого награждения и пропитания, а в

прочие службы по отставке из оной, за слабостию нашею також и от убиения от верховой езды лошадьми идти не можем, – того ради Обер-Егермейстерскую Контору (которая переслала это прошение в С.-Петербург, в Обер-егермейстерскую канцелярию) всепокорнейше просим, дабы соблаговолено было о вышеописанных наших изнеможенных, куда надлежить, милостиво представить, дабы мы против прочего Российского дворянства не могли как от малополучаемого нами жалованья лишиться домов своих и от того претерпевать во всем крайние нужды, также и при отставках наших от службы на свое пропитание награждаемы б были, за долговременную и ревностную нашу службу, пенсионом или заблаговременно из оной выпускать нас по дворянству, с награждением чинов, в прочие военные или гражданские службы, и о сем нашем прошении учинить милостивое рассмотрение". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 49).

Означенная челобитная принята была, вероятно, во внимание при проектировании нового яхт-штата 1773 года, о котором мы скажем ниже. Однако в том же 1770 году некоторым из уволенных за старостью со службы по Императорской охоте чинам приказывалось именными ее императорского величества указами "давать пропитание в дворцовых волостях". (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

[211](#) К 17 ноября 1795 года относится интересный указ Московской обер-егермейстерской конторы, данный статейничему Дмитрию Рыкунову, показывающий заботливость егермейстерского начальства о судьбе семейств служащих в ведомстве. В указе этом, между прочим, читаем: "Поданным в Контору бывшего птичьей охоты кречетника Ивана Микулина жена его,

вдова Пелагея Федорова, доношением прописывала: как де небезызвестно оной Конторе, что означенный муж ее, в минувшем октябре месяце, волею Божьею умре, после которого осталась она с малолетними двумя сыновьями и одною дочерью, и жительство имели со означенным мужем ее в Сокольничей слободе на казенной земле в собственном их доме, который дом и пришел в совершенную ветхость, и намерение имеет, для поправления своего состояния и прокормления означенных своих детей продать желающим людям, но без позволения оной Конторы того сама сделать не может и просит, дабы соблаговолено было вышеписанный собственный их дом желающим людям продать позволить. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия приказали: с прописанием вышеписанного к вам послать сей указ, коим и велеть вышеписанной умершего кречетника Ивана Микулина дом жене его, вдове Пелагее Федоровой, при родственниках умершего Микулина, за настоящую цену, в пользу малолетних детей их, продать дозволить и взятые за оный деньги удержать вам у себя впредь до резолюции и раздела между детей его, Микулина, с пасынком означенной вдовы по указным частям и при том отобрать вам обстоятельное известие, в чьих руках оный пасынок до возраста своего или до определения на службу состоять будет, и Контору рапортовать". (Там же, стр. 381).

В 1779 году егермейстер Петр Алексеевич Голицын сообщил письменно Обер-егермейстерской канцелярии: "Ее Императорское Величество, быв в Эрмитаже, и зачать соизволила со мною речь о стремянном Андрее Тоне, равномерно комисарах, а сверх того проговаривать соизволила, чтоб я старался по корпусу завести людей добрых и не корыстолюбивых;

неспособных же старался по другим местам уволить. На сие в ответ от меня Ее Величеству представлено было, что так как по штату содержание положено служителям во многом недостаточно, в рассуждение чего и желающих приохотить в корпус не без труда возможно будет, да и находящихся в корпусе служителей число тож имеется достойных, но службою себя содержать (не?) могут, а паче семьянистые, в рассуждение чего мною Ее Императорскому Величеству и представлено было, не благоугодно ль будет, чтоб по рассмотрению моему, как состоящим разного звания служителям в корпусе, равномерно и тем, которые определяться будут, делать прибавок как в денежном жаловании, так и в прочих окладах из остающих разных сумм по корпусу; и в ответ мне на сие от Ее Величества сказано было сими словами, что отдает на мою волю и благорассмотрение, но однако ж с тем приказанием, чтобы на тот прибавок никогда бы не отважился особенной ни под каким видом суммы требовать". (Рукоп. сборн. им. ук., No 75).

Кстати заметим, что при обер-егермейстере князе Голицыне на остатки от штатных сумм относились не только расходы, сопряженные с увеличением некоторым чином Императорской охоты содержания, но и расходы на выдачу пенсий увольняемым со службы и другие более крупные расходы вроде расходов на устройство в Петербурге каменных построек для всего Обер-егермейстерского ведомства, о которых скажем ниже. (Госуд. арх., ч. II, No 57 и Рукоп. сборн. им. ук., No 91 и др.).

15 февраля 1785 года князь Григорий Григорьевич Орлов препроводил князю Голицыну, по указу императрицы, записку, коей предписывалось объявить всем чином Императорской охоты, чтобы на будущее

время они, под опасением наказания по закону, отнюдь не осмеливались продавать кому бы то ни было положенного им от дворца вина. (Рукоп. сборн. им. ук., No 92).

19 июня того же года генерал-фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын писал обер-егермейстеру князю Голицыну, что императрица приказала уволить со службы в царской охоте обер-егеря Функа с полным окладом присвоенного ему по должности жалованья и определить к Собственным Ее Величества делам для надзору за ее величества ружьями и комнатными собаками, "выдавая на них положенные деньги, а в протчем никому к нему никакова дела не иметь". (Там же, No 96).

22 марта 1784 года "с дежурства" (кажется, от графа Мусина-Пушкина) был передан князю Петру Алексеевичу Голицыну указ ее величества представить императрице для неизвестной нам надобности, "не откладывая", ведомость о находящихся в С.-Петербурге под ведением Обер-егермейстерской канцелярии зданиях, чинах Императорской охоты, их женах, детях, крепостных и наемных служителях, лабазах, лавочках и домах, а также живущих в последних посторонних людях. (Там же, No 108). Таковую же ведомость велено было представить в Управу благочиния. (Рукоп. сборн. им. ук., No 110).

212 11 ноября 1765 года обер-егермейстер Нарышкин представил императрице следующий весьма интересный доклад:

"По именным указам определенный на слоновую команду отпуск суммы ныне пресекся за выбылою последнею слонихою, которая пала прошедшего сентября месяца из приведенных в 1741 году в Россию от Персидского шаха 13 слонов, а потому в

слоновщиках нужды нет, коих из азиатской нации за выбылыми ныне находится четырнадцать человек с одним главным слоновщиком; но ежели они совсем лишатся получаемого ныне ими Вашего Императорского Величества жалованья, яко-то из них некоторые по большей части люди престарелые, а иные по увечии от слонов болезненны, да еще и по бедности своей, не могут иметь никакого себе пропитания и толь паче ниже возвратиться в свое отечество за восприятием ими здесь православной веры. Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше представляю, не соизволите ль повелеть именным Вашего Императорского Величества указом, оных слоновщиков, во уважение вышеописанных обстоятельств, наградить всевысочайше в пенсион половинным против окладов их жалованьем или сколько Ваше Императорское Величество всемилостивейше соизволите. Что же касается до остающейся в Обер-Егермейстерской Канцелярии от выбылых слоновщиков суммы, то на оную определена школа для детей, как выбылых, так и наличных слоновщиков, зверовщиков и охотников, всего осмнадцать человек, для учения фершерству, егерству и на рогах и волторнах игранию, почему они и на места устарелых охотников и егарей употреблены быть могут. Еще ж на оной выбылой сумме содержится один слоновщик из русских, определенный по его искусству для хождения за оставшими на слоновом дворе зверями и при нем пять человек зверовщиков, коим всем производится денежное жалованье и на мундир от Статс-Канторы, а хлебное и дрова от Дворцовой Канцелярии. Всемилоостивейшая Государыня, всеподданнейше прошу, чтоб как вышеписанным пятнадцати человекам престарелым,

так и двадцати четверем (т. е. 18 человекам детей, обучающимся в школе, и 6 зверовщикам), находящимся при своих должностях, всевысочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было отпускать деньги и хлеб из прежних сумм Штатс-Канторы и Дворцовой Канцелярии, положенным на слоновую команду, по обыкновенным о них от Обер-Егермейстерской Канцелярии сообщениям".

На докладе этом Екатерина Великая начертала: "Сим престарелым как денежное жалованье, так и хлебное, и дрова, и мундиры производить по смерти по прежним окладам сполна". (Рукоп. сборн. им. ук., No 25).

Подобная резолюция не удовлетворила обер-егермейстера Нарышкина: в ней ни слова не говорилось касательно его любимого детища — школы для детей охотников, созданной по его личной инициативе. При письме от 8 декабря того же года он возвратил свой доклад, кажется, секретарю императрицы, прося вновь поднести таковой государыне и прибавляя к этому: "Я старался не о новом чем, но о том же, что было отпускаемо в бытность слонов, то-есть что прежде исходило на команду слоновую, то оное ж и ныне имеем в роздачу употребляться". (Гос. Арх., ч. II, разр. XIV, No 57).

Тщетно, вероятно, ожидая ответа на свое письмо до 16 января следующего 1766 года, Нарышкин в это число снова обратился к тому же лицу, указывая, что отсутствие резолюции касательно организованной им школы лишает Обер-егермейстерское ведомство возможности содержать школьников. "А сему учреждению необходимо быть при Обер-Егермейстерском корпусе, дабы тем малолетним

способнее было заступить места отцов своих, да и также чтоб оные не разбрелись по другим командам за тем, что отцам, по неимуществу, содержать оных до возрасту на иждевении своем невозможно, а за таким отбытием оных нечем комплектовать будет, ибо именным указом Ее Императорского Величества повелено наполнять выбывшие места детьми Обер-Егермейстерского корпуса служителей". К этому Нарышкин прибавлял, что на училище требуется в год по 754 рубля 94 коп., кроме хлеба и дров, да на оставшихся при слоновом дворе, согласно резолюции императрицы, 1139 р. 50 к., также кроме хлебного жалованья, и что за отпуском этих сумм в Статс-конторе все-таки останется еще 557 р. 6 к. от суммы, предназначавшейся раньше на содержание слоновщиков. (Там же).

Результат этого ходатайства нам неизвестен.

213 От 1773 года сохранилось известие об участии некоторых чинов царской охоты при торжественных процессиях. Так, при торжестве бракосочетания наследника престола Павла Петровича с великою княжною Наталиею Алексеевной (принцесса Гессен-Дармштадтская), при парадном шествии в Казанский собор, у карет обер-егермейстера Нарышкина и егермейстера Польшмана шли не только по одному придворному лакею, как у карет всех остальных высших придворных особ, но еще и егеря, у кареты обер-егермейстера двое у кареты егермейстера один. (Описание торжества. С.-Петербург., 1773 г.).

14 октября того же года граф А. А. Безбородко писал обер-егермейстеру, что императрица приказала безотлагательно прислать в Адмиралтейскую коллегия три егеря "для употребления их в некоторую секретную экспедицию", причем надлежало выдавать

им в течение этого времени все следуемое содержание из Императорского кабинета. (Рукоп. сборн. им. ук., No 119).

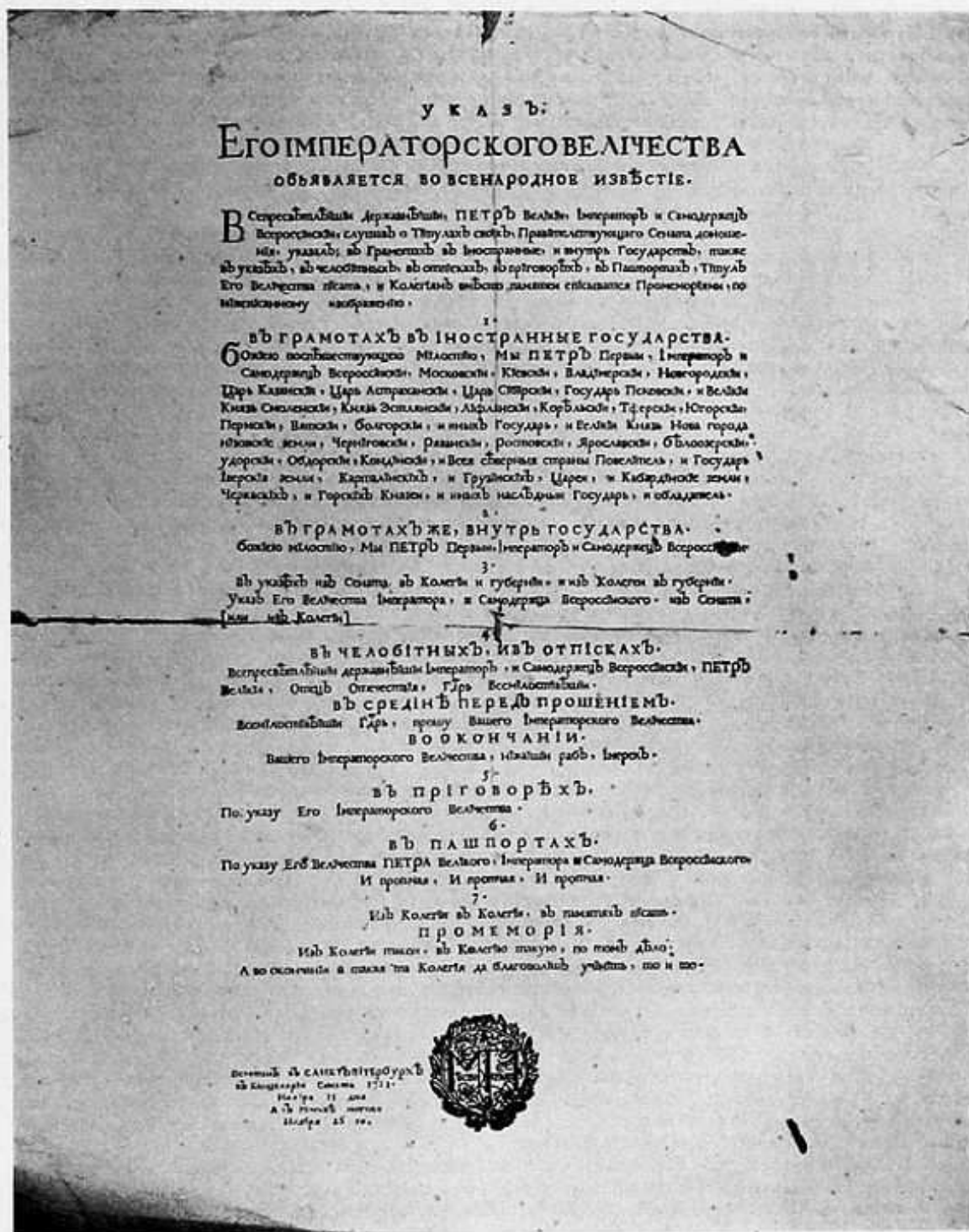
214 В записках секретаря Екатерины Великой Храповицкого под июлем месяцем 1788 года между прочим отмечено: "Хотят взять людей из Егермейстерского корпуса в Лейб-гусары и, составя довольное число, послать против Шведа". (Зап., стр. 75).

Об участии чинов Императорской охоты в военных действиях против шведов знаем следующее:

22 марта 1789 года Турчанинов по высочайшему повелению писал обер-егермейстеру Голицыну, чтобы егерей, отправляющихся на флотилии в Ладожское озеро, снабдить ружьями, взяв таковые из Руст-камеры, а порох и свинец для пуль и картечи вытребовать из артиллерийского ведомства; чтобы с командою был отправлен офицер, бывалый в походах и заслуженный, а если такового в Обер-егермейстерском ведомстве не имеется, то князю Голицыну надлежало для этого обратиться к помощи генерал-адъютанта Якова Александровича Брюса. Этому офицеру предполагалось подчинить не только егерей, но и всю флотилию экспедиции. (Рукоп. сборн. Имп. ук., No 135). Для занятия таковой должности князем Голицыным был приискан отставной секунд-майор Толмачев, "человек весьма достойный, который находился при егерской команде в походе в Турецкой армии и был в сражениях под Журжею и других местах". (Там же, No 136). Толмачев был определен на службу с жалованьем 300 р. в год. (Там же, No 137). В экспедицию было назначено 30 человек исправных егерей, "знающих в стрельбе", и им было выдано вперед третное жалованье да сделано на 1000 рублей

одежды и амуниции: епанчи, камзолы, нижняя одежда, картузы, патронташи, кортики "и прочая мелочь". Каждому егерю было выдано по ружью и по пистолету. (Там же, No 138).

9 мая 1790 года Турчанинов снова писал обер-егермейстеру князю Голицыну, что императрица сказала: "Нельзя ли в настоящем весьма важном случае месяца на два, по крайней мере, на три" назначить из числа чинов Обер-егермейстерского ведомства определенное количество людей всякого звания, чем больше, тем лучше, лишь бы не престарелых, на гребной флот, предназначавшийся для действия против шведа. (Там же, No 140).



Указъ Императора Петра I о присвоенномъ Ему титулѣ Его Императорскаго Величества Императора Всероссийскаго.

Князь Голицын, по-видимому, не замедлил выполнить волю императрицы, так как на другой же день, 10 мая, Турчанинов снова писал ему, что "Ее Императорское Величество, приняв с матерним благоволением подвиг вашего сиятельства в доставлении людей в столь нужное время", приказала на другой же день отправить их в Выборг, под командою майора Толмачева. К этому Турчанинов присовокупил, что количество отряженных обер-егермейстером людей "почитается сверх прошлогодних егерей, которых тоже следует отправить в Выборг". (Там же, No 141)

215 18 июня 1790 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала главностатейничему Ларионову: "Ордером из Обер-Егермейстерской Канцелярии, сего июня от 10 числа, Конторе сей дано знать, что Канцелярии желание ястребника Алексея Дмитриева к продолжению (не в смысле "продолжения", как понимаем мы это выражение теперь, а в смысле "перемены" рода службы) воинской службы похвалает, и ежели продолжится война со Швецией, то в будущем 1791 году не оставит удовлетворить его просьбу, отправлением с прочими Обер-Егермейстерского Корпуса служителями против Шведов, для произведения военных действий, ибо ежегодно к тому от той Канцелярии служители отправляемы бывают, в коих настоит нужда, где он свое желание и выполнить может, а в рассуждение сей надобности увольнять его из ведомства сего Корпуса Канцелярия не намерена..." (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 144).

216 В том же 1795 году служителям Придворной птичьей охоты выдавались казенные перчатки "из

лучшей лосиной кожи", заготовка которых обходилась по 35 коп. за штуку. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, д. No 1658, стр. 344).

В это время "егери и пикеры имели особенный, присвоенный им мундир из зеленого сукна, сверх которого надевался суконный такого же цвета кафтан. Мундиры были парадные и ординарные; к ним принадлежали приборы: медные гербы, перевязи, портупей, кортики и ружья". (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., ч. I, стр. 313).

В ноябре 1741 года несколько из придворных охотников, отправившись на лодке вверх по Неве для стрельбы дичи про обиход Двора, были занесены течением в пороги реки, где некоторые и потонули. (Там же, стр. 502). После этого случая во избежание потери вещей Трескау отдал приказание содержать у егермейстерских дел все ценные приборы обмундирования, отобрав их от охотников и оставив им лишь перевязи, портупей и кортики. (Там же, стр. 313).

От того же времени имеем сведения, хотя и скудные, об обмундировании охотников цесаревны Елисаветы Петровны. Им полагались шубы и кафтаны, при чем на каждый кафтан шло по 10 аршин сермяжного сукна, доставлявшегося из кексгольмских вотчин великой княжны, да приклад к нему, то есть крашенина, снурок, крючки и нитки, стоил 25 коп. (Царскосельск арх., д. No 9816, 1741 г.).

В 1745 году чинам птичьей охоты полагались мундиры: а) статейничему зеленый, ценою в 25 р., на один год и серый, сермяжного сукна, на год же; б) прочим чинам по зеленому, ценою в 15 р. 50 к., на два года и по сермяжному, ценою в 3 р. 50 к., на год. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, дд. NoNo 13 и 14).

В августе 1746 года служителям птичьей охоты было сделано 20 епанчей с медными пуговицами. На епанчи пошло 90 аршин английского зеленого сукна, на их отделку 40 золотников немецкого гаруса, 45 аршин зеленой байки, 120 аршин крашенины зеленой, 20 аршин клеенки и 10 пятинок зеленых ниток. Материалы эти обошлись в 80 р. 80 к. (Рукоп. Имп. ох., оп. 64, д. № 13).

В то же время седла, вальтрапы и другие принадлежности конского убора заготавливались для потребностей Императорской охоты Конюшенным ведомством. (Рук. Имп. ох.).

В документах 1751 года имеются сведения об изготовлении для стремянных охотников полевого платья – кафтанов алого и камзолов зеленого сукна на подкладке из зеленого атласа, "а к ним богатые золотые кисти охотничьи, а именно: долгих три пары, на бока девять пар шнурками золотыми". На кафтанах велено было положить позумент, спереди по петлям и по подолу, а на камзолы "выкладку положить богатую, кисти и шнуры". (Гос. арх., разр. XIV, № 133, 1751 г.).

Платье это, по-видимому, заготавливалось к блестящей осенней охоте этого года, происходившей под Красным Селом в присутствии всех представителей иностранных держав, о которой мы скажем в своем месте.

От 1762 года сохранились некоторые данные касательно обмундирования чинов Царской охоты. Наварщикам полагались серые сермяжные кафтаны, на что им отпускалось по 3 р. 50 к. медью в год (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 17); пикеры носили зимою волчьи шубы, крытые зеленою материею, да шапки теплые с опушками сурковыми и верхами красными (там же, оп. 66, д. № 36), трюфельному егерю

из итальянцев полагалось на зиму: волчья шуба с зеленою камлотовою покрышкою, ценою 14 р.; сапоги, ценою в 1 р. 20 к.; шапка зеленая теплая в 1 р. 20 к.; рукавицы замшевые, теплые в 50 к.; чулки валяные в 50 к. (Там же, оп. 66, д. N 25).

В 1766 году выжлятники Московской псовой охоты одевались в нарядные зеленые мундиры с позументами и в "дозжевые" зеленые сюртуки, а наварщики той же охоты также в нарядные зеленые мундиры с позументами и в сермяжные кафтаны. У охотников также был нарядный зеленый мундир с позументами. (Там же, оп. 70, д. N 37).

25 апреля 1773 года последовало высочайшее повеление "Обер-егермейстерского корпуса главнокомандующим носить мундиры цветом зеленые с шитьем, всякому по своему чину, против военного штата". (Рукоп. сборн. им. ук., N 62).

12 июня того же года Екатерина Великая отдала приказание купить для неизвестной нам цели каждому служителю птичьей и псовой охот по две лошади "в самой крайней скорости", на каковую надобность, а равно на починку седел и приборов повелела отпустить из Кабинета сумму в 9700 рублей. (Там же, N 56).

217 В 1772 году часть Императорской птичьей охоты была отправлена в Яссы к графу Григорию Григорьевичу Орлову. Служителям этой охоты было изготовлено богатое платье, а именно: "ливрея с золотым позументом и кистями, а именно кафтаны алые, камзолы и штаны палевые суконные, картузы зеленые бархатные, рубашки с манжетами и галстуки черные волосяные и одного ж калибру, а розни б никакой не было". На платье это пошло следующее количество материалов:

1) На шитье девяти комплектов мундирной одежды:

сукна алого на кафтаны 27 аршин, стоимостью 148 р. 50 к.; на камзолы и штаны сукна палевого 15 $\frac{3}{4}$ аршин, на 65 р.; стамеду палевого на подкладку 45 аршин, на 22 р. 50 к.; пуговиц кафтанных на 11 р. 50 к. и камзольных на 5 р. 75 к.; галуна широкого 234 аршина, на 543 р. 66 $\frac{2}{3}$ к., среднего 118 аршин, на 170 р. 16 $\frac{1}{2}$ К. и узкого 90 аршин, на 58 р. 66 $\frac{3}{4}$ к.; кистей 198, каждая весом в 10 золотников, на 83 р. 33 $\frac{1}{4}$ к.; за шитье и приклад 72 р.

2) На мундиры были изготовлены сорочки, на которые пошло 90 аршин полотна, на 3 р. 60 к., да за работу было уплачено, за все сорочки 90 к.

3) На девять картузов пошло бархату зеленого 9 аршин, на 38 р. 25 к.; позумента широкого 24 $\frac{3}{4}$ аршина, на 44 р. 33 $\frac{1}{4}$ к.; снурка и галунчика на 17 р. 33 $\frac{1}{4}$ к.; девять кистей на 13 р. 16 $\frac{1}{2}$ к.; 27 золотых пуговиц на 1 р. 12 к.; за шитье шапок 15 р. 75 к.

4) На девять вальтранов пошло: 14 аршин алого сукна, на 58 р. 50 к.; 54 аршина широкого галуна, на 118 р. 75 к.; 15 $\frac{1}{2}$ аршин вощанки, на 1 р. 75 $\frac{1}{3}$ к.; 18 аршин тесемки на завязки, на 9 коп.; за шитье 7 р. 20 к.

5) Девять кортиков с пряжками и портупьями лосиными обошлись 25 р. 65 к., да обшивка портупей широким галуном, в количестве 18 аршин, и узким, которого пошло 2 аршина, стоила с материалом и работой 56 р. 58 $\frac{1}{4}$ к.

6) Девять седел с приборами стоили 81 рубль.

7) Девять пар сапогов обошлись 18 рублей.

8) 13 $\frac{1}{2}$ аршина лент зеленых для привязывания гербов – 1 руб. 62 коп.

9) За позолоту 9 гербов было уплачено 13 руб. 50 коп.

10) Девять пар алых перчаток, на обшивку которых пошло 6 $\frac{3}{4}$ аршина широкого и 13 $\frac{1}{2}$ аршина узкого

галуна, обошлись с материалом и работой 32 р. 45 1/2 к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. N 2).

Заметим между прочим, что чинам птичьей охоты приказывалось в то время, чтобы "волосы б были всегда в бумажках, а во время б выездов были убраны и напудрены". (Там же).

Вероятно, в то же время была отправлена в Яссы и часть псовой Императорской охоты. По крайней мере, в некоторых документах 1775 года упоминаются псовой охоты "Ясские богатые мундиры", то есть "кафтаны с камзолами и штаны"; "шляпы с позументом золотым и зелеными бантами"; "картузы плисовые, вышитые золотом"; "перевязи и портупей позументные"; "кортики с золочеными эфесами"; "ординарческие мундиры с широким позументом и палевыми штанами"; "охотничьи кортики с медными эфесами". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 53).

218 К 6 мая 1793 году относится следующий указ Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову, касающийся порядков, практиковавшихся в придворных охотах по части обмундирования личного персонала: "В указе из Обер-Егермейстерской Канцелярии, минувшего февраля от 11 числа, по прочем, написано, чтоб сей Конторы господам Присутствующим, обще с вами, у всех служителей птичьей охоты мундиры, сертуки и нижнее платье осмотреть, и ежели та их одежда, к выезду им со птицами на поле для Всевысочайшего увеселения, окажется во всем годною, то им принадлежащее каждому из положенного на те мундиры и прочее двух годового оклада, только на один нынешний год, что следует, деньги выдать. Буде же у кого из них мундиры, камзолы и исподницы или сертуки окажутся во употребление к выезду им не

годны, то оные тем, что следует, построить под
смотрением вашим, на что и деньги вам от Конторы
выдать с тем, чтоб вы, за употреблением на ту
постройку, остаточные деньги каждому служителю, что
причтется, роздали по рукам. А сего мая 3 числа из тех
служителей с некоторых одни только мундиры были к
осмотру в Контору представлены, кои по осмотре
господами Присутствующими, обще с вами, и
оказались еще к выездам на поля годны, а о камзолах и
штанах, также и сертуках, вами объявлено, что все
изношены и к выездам не способны, почему и
надлежит оное все построить вновь. Того ради, по
указу Ее Императорского Величества, Контора сия
приказали: в сходствие вышеписанного
Обер-Егермейстерской Канцелярии, минувшего
февраля от 11 числа, в указе предписания и в
рассуждении, что сертуков и к мундирам камзолов и
исподниц построить, а с некоторых за сделанные от
Канцелярии шляпы с приборами из выданных на один
только нынешний 1793 год на мундиры денег, вычету
учинить не из чего, для постройки птичьей охоты на
всех служителей мундиров, камзолов, штанов и
сертуков следующие сего 793 года генваря с и
будущего 795 года генваря по 1 число, и того на два
года, положенные по штату на те мундиры и сертуки
деньги..." (следует длинный перечень поименно, кому
сколько полагается, и сколько с кого следует вычесть за
шляпы)... за удержанием долга Канцелярии и за
выдачею статейщику Ларионову мундирных денег на
руки, всего 1184 р. 87 1/4 коп. передать статейнику
Рыкунову для производства заказа "заблаговременно,
чтоб остановки ни в чем быть не могло. А при том, как
вам из посланных из Конторы указов известно,
которых кречетников и служителей в Санкт-Петербург

со птичею охотою брать не велено или некоторые и по вашему рассмотрению здесь останутся, то на таковых, по силе вышеписанного из Канцелярии в указе предписания, употребить деньги на постройку самого нужного, из следующих на один нынешний 1793 год, а достальные, принадлежащие на будущий 1794 год, все сполна представить обратно в Контору при рапорте". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 345 и 344).

24 того же мая статейничий Дмитрий Рыкунов получил указ Обер-егермейстерской конторы, в котором читаем: "По указу Ее Императорского Величества, в Конторе сей, по рапорту вашему, определено к вам послать сей указ, в коем написать, что постройка птичьей охоты служителям мундиров и сертуков препоручена под смотрение ваше указом, присланным из Канцелярии сего 793 года февраля от 11 числа, и деньги на оную постройку все сполна, по получении сего мая 17 числа из Канцелярии пересланной суммы, тогда ж, по данному комисару Николаю Рыкунову из Конторы указу, выдать в прием ваш велено. Следовательно, что вам исполнить команда препоручает, того подчиненный, кто б он ни был, оставить никак не может, во что б и Контора по рапорту вашему, за насланными к вам указами, входить и повторять Канцеляриею повеленное не обязана. Но находя в том вашем рапорте в постройке тех сертуков и прочего остановку и видя при том ваши приносимые на подчиненных такие жалобы, от которых Контора, наблюдая присяжную должность и порядок учрежденный, опасается, чтоб при нужнейшей ныне справе птичей охоты к доставлению оной в Санкт-Петербург не последовало расстройства и неисправности, за нужное находит всем птичей охоты чинам и служителям в присутствии Конторы объявить,

чтоб они всегда, а особливо ныне, в нужных случаях, узаконенную подчиненность к начальству своему соблюдали и должность, по содержанию присяги, исполняли в точности. Естли ж последует какая неисправность и упущение, то главная команда не оставит сего без взыскания, а вам предписывается, дабы вы, на полученную вами из Конторы сумму, птичей охоты служителей обмундировали, по силе насланного к вам пред сим указу, по краткости к отправке времени, немедленно. Если ж кречетник Юргенев или протчие постройку вашу почитают дорогою, тоб они сами, по опробованным вами образцам, сукно и протчее представили и портного наняли, под смотрением вашим, из чего и видна будет цена, та и другая, напоследок за напрасное нареkanie виновный обнаружится. Что касается до просимой вами на кречетника Юргенева сатисфакции, об оной на рассмотрение представлено быть имест Обер-егермейстерской канцелярии рапортом".

Из дальнейшей по этому поводу переписки усматривается, что кречетник Юргенев, обвинявший Рыкунова в дороговизне постройки мундиров, пользовавшийся благодаря этому поддержкой со стороны всей команды птичьей охоты, заинтересованной в дешевизне заготовки, так как остаточные деньги должны были выдаваться на руки, не ограничился одними жалобами. Юргенев разыскал портного значительно более дешевого, чем предложенный Рыкуновым, представил об этом на усмотрение Обер-егермейстерской канцелярии, которая и поручила самую заготовку ему, Юргеневу.

Жалоба Рыкунова на обиду, нанесенную ему Юргеневым и заключающуюся "в говорении при всех птичей охоты служителях неучтивых слов", также не

увенчалась "сатисфакцией", на которую рассчитывал статейничий. Обер-егермейстерская канцелярия нашла вполне соответственным ограничиться в этом деле уже последовавшим распоряжением ее московской конторы о призыве всех служителей птичьей охоты в последнюю и об указании им необходимости быть почтительными со своим ближайшим начальством.

Чтобы как-нибудь отомстить Юргеневу, Рыкунов, пользуясь правами начальника птичьей охоты, отстранил названного кречетника от командировки с охотою в Петербург "для всевысочайшего увеселения". Но и эта отместка не выгорела: Юргенев был вытребован в Петербург самим обер-егермейстером князем Голицыным. Проиграл один лишь Рыкунов, который происками своими заслужил нерасположение как со стороны своих подчиненных, так и со стороны своего начальства, прилагавшего вскоре за сим всевозможные старания выжить Рыкунова из охоты, как то мы и увидим из документов, приводимых ниже не столько для повествования о невзгодах, обрушившихся на статейничего, сколько благодаря общему их интересу в деле обрисовки порядков в московских охотах. (Там же, стр. 349, 353 и 358).

219 От 1775 года сохранился документ, свидетельствующий как о заботах тогдашнего обер-егермейстера Нарышкина об обмундировании вверенных его команде чинов, так и о том обстоятельстве, что суммы, назначенные по штату на шитье мундирной одежды, выдавались на руки только в том случае, когда одежда, заготовленная в предшествовавший срок, оказывалась вполне исправною. В противном случае одежда заготавливалась распоряжением Обер-егермейстерской канцелярии. Документ этот — следующее не лишнее интереса

письмо Нарышкина к присутствовавшему в то время в Московской обер-егермейстерской конторе бригадиру Булгакову:

"Высокородный господин бригадир Булгаков. Как небезызвестно, что пришел двухлетний срок выдаче деньгам на мундиры служителям птичьей охоты, а чаятельно, что у них кафтаны и с выкладкою хороши, но не без сумления ж, что камзолы, штаны и сюртуки у них худы, и для того писано от меня к господниун Унтер-Егермейстеру, чтоб он реченные мундиры с камзолами и штанами и сюртуки у всех служителей птичьей охоты осмотрел и в какой годности оные окажутся представил бы в Канцелярию, по которому представлению, ежели подлинно кафтаны с выкладкою еще хороши и впредь один срок выносиить могут, то оным служителям положенные в двухлетний термин деньги на постройку мундиров выдать из Канцелярии и оных кафтанов ныне им не делать, а камзолы так короткие, как носят офицеры и прочие военные люди; штаны и сюртуки, ежели, как чаятельно, худы, велеть сделать новые непременно; кафтаны ж подрезаны б были так, как всякий из них станет на колени, то б подол ровен был с полом, и не лежало б на полу оного ничего, а сюртуки были б длиннее кафтана только б на полтора вершка, а не больше; при том были б в рукавах не узки, дабы свободнее вздевать на кафтан было можно, и шитья, имеющегося на тех кафтанах, на воротнике и на обшлагах, не обшмыгивали; а не длиннее б были кафтаны и сюртуки для того, что будут чепраки хорошие, делающиеся здесь вновь для будущих на поля выездов, то дабы оные кафтанами и сюртуками закрываемы не были". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 18).

Чепрак, о выставлении напоказ которого хлопотал

Нарышкин, был в то время "холщевый и по нем написано светлозеленой краской, а по ней полосы: одна золоченная, а другая серебряная; на задних углах написаны два орла красками с позолотою"; подкладка сермяжное сукно, а бока обшиты кожей. (Там же, оп. 73, д. No 4).

Чинам птичьей охоты, удостоенным ранга прапорщика, приказывалось обшить камзолы узеньким позументом и, отобрав от них казенные пуговицы с гербами, нашить на кафтаны и на камзолы "ординарные пуговицы, как и прочие все обер-офицеры носят". (Там же, оп. 75, д. No 18). Тем же прапорщикам при парадных выездах на охоты предписывалось иметь "парадные кортики с зелеными костяными эфесами" (там же, оп. 73, д. No 26) и "вальтрапы зеленого сукна, обложенные золотым позументом". (Там же, оп. 75, д. No 27).

Некоторые принадлежности обмундирования чинов птичьей царской охоты работал в то время "придворный живописец Дювили". Перевязи и портупей его работы делались из кожи и сукна и украшались "орлами, вензелями и штучками" или, по другой редакции, на перевязи и портупей шли "вычеканенные штучки или звеньшки и именно состоящие в блесточках маленьких, в орлах и именах Ее Императорского Величества". На перевязи и портупее "сверх того два орла большие, из коих один будет на лопасти портупейной, а другой, где сойдутся два конца перевязи". Последние орлы позолочены и посеребрены "самым лучшим золотом и серебром", потому что "чеканить таких больших орлов невозможно". У портупей имелись "медные замки" и к ним привешивались кортики, для вкладывания коих пришивалась к портупее лосиная кожа или юфть.

Придворному живописцу за перевязи и портупеи эти платили по 50 рублей за прибор, несмотря на то, что "С.-Петербургский цеховой золотного и медного дела мастер Вальтер" брался изготовить совершенно точно такие же предметы за 28 р. (Там же, оп. 73, д. No 4).

Упоминаются шапки чинов птичьей охоты "черные плисовые с золочеными гербами и штучками". (Там же, оп. 73, д. No 53). На шапках разные плюмажи: "белые шелковые", "белые гарусные", "белые перяные с бантами зеленой ленты". "Для чищения тех шапок, когда оные в выездах употребляться будут, щеточки небольшие". (Там же, оп. 73, д. No 4).

220 Из указа Обер-егермейстерской конторы 13 марта 1791 года видно, что на постройку для потребностей придворной птичьей охоты клобучков шли: "кожи яловошные дубленные красные оленье и сыромятные", "сукно красное", "нитки красные и белые", "верви шестириковые". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 180).

5 мая 1793 года та же Контора дала статейничему Дмитрию Рыкунову следующий указ: "Поданным в Контору вы рапортом требовали, птичей охоты служителям, для вожения на поля голубей и воронок, полагая в трехлетний термин, то-есть прошлого 1792 генваря с и будущего 1795 году генваря по 1 число, каждому служителю по одному вабилу и четыре шалгача (?) сделать, а кому именно, о том приложили при том рапорте реестр. А по справке в Конторе: в ордере из Обер-егермейстерской канцелярии, прошлого 789 года мая от 10 числа, написано, рапортом де она Контора, от 16 апреля, той Канцелярии за известие доносила, что, по рапорту господина Надворного Советника Ларионова, выдано от сей Конторы птичей охоты служителям тридцати восьми человекам на

постройку в трехлетний термин шалгачей зеленых суконных и вабил деньги, каждому человеку по одному рублю, а всего тридцать восемь рублей; но как Канцелярия у тех служителей, в бытность их со птицами в Санкт-Петербурге, во употреблении оны шалгачи предвидит не у всех, почему и выдачу на оные денег почитает за излишнее, чего для, по воспоследовавшей в той Канцелярии резолюции, тем ордером Конторе предписано, что как уже на те шалгачи деньги тогда выданы, то и велеть тем служителям все оное сделать; впредь же на постройку тех суконных шалгачей денег уже не выдавать, а могут оные, при справе птиц, возить на поля голубей и воронок в обыкновенных мешках. В Петербурге ж, для таковой надобности, впредь построены будут два или три шалгача из казны. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия приказали: к вам послать указ, коим и велеть птичей охоты служителям требуемые вами тридцать девять вабил, приискав мастера, подрядить сделать, и за какую цену вами подряжен будет подать рапорт, при коем и того мастера представить в Контору; требуемые ж вами четыре шалгача Контора, за вышепрописанным в ордере из Канцелярии повелением, постройки учинить не может, а требовать вам при приезде птичей охоты в нынешнем году в Санкт-Петербург от Канцелярии". (Там же, стр. 342).

[221](#) Государственн. арх., оп. 72, д. No 53.

[222](#) Вообще высочайшие указы, запрещающие производство охоты партикулярным людям в границах пятидесятиверстного в круг Москвы района, соблюдались в то время весьма плохо. В 1748 г. сентябре месяце обнаружилось еще и следующее

обстоятельство:

Еще в 1746 году для охот императрицы Елисаветы Петровны было выпущено из Измайловского зверинца в подмосковные Тюхалевы и другие рощи несколько сот зайцев, "у которых пороты были уши". В сентябре 1748 года зайцы с поротыми ушами стали попадаться в продаже в Охотном ряду. Это обстоятельство вызвало строжайшее приказание, чтобы продавцов, у которых будут усмотрены подобные зайцы, ловили и приводили для следствия и соответственных распоряжений в Обер-егермейстерскую контору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51, д. No 2750).

223 1 декабря 1741 года "в возобновление прежде выданных от предков Наших указов" вновь велено было публиковать о запрещении охоты в окрестностях С.-Петербурга (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8477), а 19 тоже декабря воспрещено около Москвы "во все стороны", расстоянием на 100 верст, ездить со псовой охотою, стрелять или ловить птиц и зверей". (Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., ст. 8485).

224 11 декабря следующего 1742 года обер-егермейстер А. Г. Разумовский докладывал Правительствующему Сенату, что "хотя де по Высочайшему Ее Императорского Величества Именному указу (от 19 декабря 1741 года) около Москвы во все стороны, расстоянием на 100 верст, со псовой охотою ездить запрещено и как зверей, так и птиц ловить и бить не велено, но ныне Ее Императорское Величество всемилостивейшим Именным же изустным указом соизволила повелеть оный указ отменить с таким изъяснением, чтобы около Москвы во все стороны, расстоянием на пятьдесят верст, со псовой охотою и тенетами никому не ездить и как зверей, так и птиц не

травить и не ловить, и не стрелять, и никакими вымыслы не ловить же, а далее пятидесяти верст" охота могла производиться во всех ее видах всеми желающими. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., ст. 8678).

225 Кроме этих указов, в царствование Елисаветы Петровны издан был еще в 1749 г. указ о воспрещении охоты в окрестностях сел Красного и Царского, на 30 верст^{А4}. Запретный район в окрестностях Москвы был значительно уменьшен тотчас же по вступлении на престол Екатерины II – до 15-ти верст (указ 12 июля 1763 г.).

226 26 марта 1752 – года воспоследовал нижеследующий именной высочайший указ, объявленный Сенату:

"Ее Императорское Величество указала: Московской губернии в Переяславской, Юрьевско-Подольской и Суздальской провинциях и к тем провинциям приписных городах и в Шуйском уезде, как помещикам самим, так и их прикащикам и крестьянам, також дворцовых и монастырских волостей, сел и деревень управителям, как в своих, так и в посторонних дачах, и никому проезжающим, ктоб какого звания ни был, со псовою охотою ездить и зайцев тою охотою не токмо травить, но и тенетами ловить запретить. Того ради Правительствующий Сенат, по силе вышеобъявленного Ее Императорского Величества указу, благоволит о таком запрещении ловли зайцев во оные места отправить указы". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 9968).

227 В мае 1750 года Обер-егермейстерская контора усмотрела, что определенные для объезда окрестностей Москвы и для ловли браконьеров драгуны расквартированы весьма неудобно "за Преснею, не по

близости к команде и Семеновскому Потешному двору". Озабочиваясь главным образом достижением наилучших результатов в деле поимки нарушителей запретительных об охоте у Москвы указов, Обер-егермейстерская контора просила Московскую полицеймейстерскую канцелярию отвести драгунам новые квартиры в наиболее удобном для их службы месте, именно в селе Красном. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

В сентябре 1750 года снова были усмотрены случаи браконьерства. Так, драгунский разъезд, посланный от Москвы по С.-Петербургской дороге, "наехал в дачах барона господина Строгонова деревни Лепунихи крестьянина его, Ивана Семенова сына Кайдалова, да поручика Петра Михайлова сына Языкова, дворового человека Герасима Гелахтионова сына Пешехонова с ружьями", причем второй "близ той деревни Лепунихи на пруде стрелял по уткам и при нем явился застреленный рябец". Обоих "для следствия и учинения по указам" отправили в Московскую губернскую канцелярию.

228 В октябре 1743 года "при Дворе Ее Императорского Величества известно учинилось, что не токмо в запретительных местах, но и в самой близости Москвы, а именно в Перовских Строгановских рощах и около села Коломенского, и в прочих тому подобных местах, не страшась Ее Императорского Величества указов, некоторые презрители как со псовою охотою, так и птиц и зверей всячески ловят и стреляют".

Засим, 3 декабря того же года, "посланные от Обер-Егермейстерской Конторы Московского драгунского шквадрона, ефрейтор Бехматов с товарищи, во оную Контору объявили, при доношении,

усмотренных ими, в объезде, со псовою охотою, близ села Треборева князь Николая Александрова сына Голицына охотников трех человек, которые, оставя двух верховых лошадей да борзую суку, бежали, и как оных лошадей и суку повели с собой, то показанный князь Голицын прислал к ним казначея да одного конюха, чтобы они ехали к нему в дом; а они того не послушали, взяв конюха и вышеписанных лошадей и собаку, объявили в Обер-Егермейстерской Конторе, которые приняты".

В Конторе прежде всего допросили взятого конюха.

Этот показал, что "декабря 3 числа господин его, показанный князь Голицын, взяв его и псовой охоты борзых 6 собак, поехал из Московского дому своего в подмосковную свою вотчину село Богородское, а собаки с ним взяты были для травли ль зайцев или для отсылки куда, про то он не известен, понеже как доехал Донского монастыря деревни до Семеновской, которая стоит по Калужской дороге, господин его послал вперед в село Богородское, для взятъя саней, понеже у взятых с ними саней, на которых сидели охотники, полос переломился; а господин его со псовою охотою и охотники, которые с ним были, Степаном Овчуховым, Козьмой Петровым, Константином Лавровым, поехали другою дорогою, которая лежала к селу Трепареву; а без него зайцы и другие звери травлены ль ими были, о том он неизвестен, понеже тогда был он в селе Богородском, в доме господина своего. Точию, как уведомился господин его, что вышеозначенных охотников его объезжие драгуны со охотою его ловили и борзую суку и дву верховых лошадей взяли, послал с ним дому своего казначея, Михаила Афанасьева, драгун просить к себе, чтоб они борзую суку и дву лошадей отдали обратно, за что их хотел поить вином".

Обер-егермейстерская канцелярия, на благоусмотрение которой представлено было это дело, предписала своей московской конторе потребовать от Московской губернской канцелярии допроса означенных выше трех охотников князя Голицына для установления того обстоятельства, охотился ли сам князь Голицын, а если нет, то с чьего разрешения охотились его охотники.

При допросе в Московской губернской канцелярии охотник Степан Овчухов показал: "Дворовый де он человек помянутого князя Голицына, а жительство имеет в Переславской господина своего вотчине Резанского, в селе Ромоданове, и хождение имел в том селе за собаками. И тому назад будет дней с десять приехал он в Москву, по приказу господина своего, и жил в доме его за Арбатския ворота, в приходе церкви Симиона Столпника. И сего де декабря 3 числа господин его, князь Голицын, поехал в подмосковную свою вотчину, которая отстоит от Москвы верст с десять, в село Богородское, и взял с собою казначея своего Михайла Афанасьева сына Потоцкого да его, Степана, с помянутыми людьми..." "А поехал в помянутую вотчину для присмотру хлеба, а при поезде приказал взять ему, Степану с товарищи, борзых шесть собак для отсылки в Серпуховскую свою вотчину, в село Кулаково, чтоб оных собак кормить в том селе Кулакове. И по тому его приказанию те собаки и взяты в то село Богородское для отвозу в оное село Кулаково, ибо от того села Богородского в то село Кулаково ехать по близости, да по тракту обстоят те села одному ж..." "Собаки взяты не для травли зайцев... и везены были в санях, на которых ехал оный конюх и они, псари, а в других санях сидел господин их. И как доехали они Донского монастыря до деревни Семеновской,

господин его, оного конюха, на тех санях, на которых они сидели, на одной лошади послал в показанную господина его вотчину, в село Богородское, одного наперед, без собак, ибо на которых они санях сидели, и у тех саней переломился полоз и за тем на тех санях ехать нельзя..." "Господин его с оставшими людьми хотел дожждаться на дороге, ибо до оного села расстоянием" осталось версты с четыре... "Господин его, подождав немного и видя, что вскоре других саней дожждаться не можно, на оставших санях, на которых господин его сидел, с ними и собаками поехали, для легкости лошадям, дорогою зимнею, которая стоит в село его Богородское на село Трепарево, ибо та дорога проездом лутче..." "Как оный господин его, так и они, при нем ехавши, по той дороге зайцев и других никаких зверей не травили, ибо господин его в то село ехал хотя и с собаками, токмо не для охоты, но подлинно для присмотру в том селе хлеба, ибо господин его, за бытием в службе в этом селе долго не был. По приезду в то село того ж числа, отобедав, приказал ему и показанным его товарищам тех собак отвести для прокорму в показанное село Кулаково, а господин его, откушавши, лег спать, а он, Степан, с показанными людьми на трех лошадях верхами, взяв из оных четырех собак, в том числе одна сука желтая, по приказу его, поехали в то село..." "И как он, Степан, со оными своими товарищи и с показанными собаками будут от того села Богородского в полуверсте, и в то число наехали на них объезжие драгуны и хотели их взять под караул, объявляя яко бы они едут для ловли зверей, а они де, убоясь, из них де один, Константин, на верховой лошади от тех драгун уехал, а он, Степан, и Козьма, убоясь же, оставя верховых дву лошадей и собаку, ушли, а оные драгуны ту собаку и лошадей

взяли с собой". По прибытии в Богородское охотники нашли там своего господина, которому сказали о случившемся. Князь Голицын послал к драгунам казначея своего сказать, что "как он, так и люди его с охотою не ездили и ныне не ездят", а собак вели в деревню Кулаково для выкормки. Но драгуны не вняли этому и представили лошадей и собаку в Обер-егермейстерскую контору. К этому Степан добавил, что "в том допросе сказал сущую правду и ничего не утаил, а буде сказал ложно, и за то указала бы Ее Императорское Величество учинить им, что указом повелено будет".

Козьма Петров сын Щеглов и Константин Лавров сын Бушмаров – двое других охотников князя Голицына – почти слово в слово подтвердили показание своего товарища. Чем кончилось это дело – не знаем. (Моск. арх. Мин. юст., оп. 211, вязка 1678, д. No 32).

229 В октябре 1745 года корытничий Московской псовой охоты Ее Величества, Иван Извольский, доносил Обер-егермейстерской конторе, что 12 числа этого месяца ездил он со псовою ее императорского величества охотою, для обучения гончих молодых собак, от Москвы в 35 верстах, по Каширке, за Пахрою, около дворцовой деревни Сельвачево. "И в то время тут же ездили князь Николая Петровича Щербатова дети его со псовою охотою и охотниками. Я, именованный, поймал из их охоты охотников трех человек и при них девять собак борзых, пять гончих, три лошади с седлами; у оных же охотников два рога медные, три ножа охотничьи, которые охотники и прежде были пойманы драгунами, в июле месяце, и взявши с них оные драгуны пять рублей денег, и отпустили в дом свой. А ныне показанные охотники и с собаками

приведены мною, именованным, в Москву". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 211, д. № 127).

Обер-егермейстерская контора, выслушав это доношение, определила: "объявленных приводных людей и что при них имеется в Обер-Егермейстерскую Контору принять и оных людей порознь расспросить".

Один из задержанных охотников, Василий Васильев сын Ленок, показал следующее:

"Вотчина де господина его имеется в Коломенском уезде, в деревенском стану, село Салтыково, по Коломенке, от Москвы в пятидесяти верстах. И сего де октября 12 дня объявленного помещика его, князь Николая Щербатова, дети, князь Павел да Андрей Щербатовы, взяли его для езды со псовою охотою и ездили по ту сторону села Салтыкова, в дачах генерал-майора Льва Васильевича Измайлова села Спасского. И того ж числа приехали они со псовою охотою, генерал-фельдмаршала и кавалера князь Василья Владимировича Долгорукова к деревне Пестовой, которая отстоит от Москвы расстоянием в пятидесяти верстах и от той деревни в дву верстах, близ речки Гнилуши, пустили они псовую охоту для приему зайцев. И в тож де время посылали они гоньбу с собаками по зайцам от объявленной речки Гнилуши в пяти верстах, близ села Шубина и их собаки от оной речки Гнилуши на оную гоньбу сдались, и он де, Ленок, с прочими их охотниками, за оною их охотою для ловли собак скакали, чтоб догнать. И как на скакали они на вышереченную охоту, как их, так и псовую охоту Государевы охотники взяли. И в тех де местах, где набежали охоту Ее Императорского Величества, они со псовою охотою не ездили и собак не пушали, и зверей никаких не травили. А утекли оные собаки на вышеозначенную охоту на крик сами. А

наперед сего он, Ленок, обще с господами ево в тех вышеозначенного села Спасского дачах за охотою от Москвы в шестидесяти верстах езживали и драгунами никогда поимываны не бывали".

Второй и третий из задержанных охотников, Василий Фирсов и Иван Голов, показали почти буквально то же самое с тем добавлением, что ранее приведенного случая ездили они "обще с господами их, вниз по вышеозначенной же речке Гнилуши за охотою в дачах села Спасского, которое от Москвы расстоянием обстоит в шестидесяти верстах; езжали и в нынешнее де лето, а в котором месяце и числе, не упомнят, разъезжих драгун от Москвы за пятьдесят верст наехали, и видя де те драгуны, что они ездят с охотою в указных верстах, от Москвы за пятьдесят верст, запрещения им никакого не чинили и взятков с них никаких не брали. И как господа их, так и они для приему зайцев со псовой охотою в неуказных верстах не езживали".

В Обер-егермейстерской конторе не нашлось сведений, в каком именно расстоянии находятся означенные выше места от Москвы, но во всяком случае было решено, что охотиться там князя Щербатовы не имели права, почему и было решено трех отобранных лошадей отдать владельцам, "а собак, описав, содержать при псовой охоте, рога и ножи при Конторе. Только объявленные собаки в охоте Ее Императорского Величества все-ль быть годны, того не объявлено..." "Велено тех собак разобрать и которые из их в охоте Ее Императорского Величества действительно быть годны, оставить при той охоте до указу, а которые не годны, тех отдать в дом помянутого князя Щербатова по описи с роспискою, дабы на таких негодных не мог происходить казенный корм

напрасно".

По разборе собак при Императорской псовой охоте было оставлено борзых собак: два кобеля черно-пегих, две суки муруго-пегих, сука полово-пегая и сука чубарая английская, да четыре гончих собаки: выжлец черный, выжлец каурый, да два выжлеца багряных. (Там же, оп. 51, д. No 2613).

230 28 сентября 1748 года статейничий Императорской птичьей охоты Семеновского потешного двора Герасим Ларионов вошел в Московскую губернскую канцелярию со следующим донесением:

"Сего сентября 18-го числа команды моей кречетник Михайла Иевлев сын Ларионов и драгуны, будучи в объезде по Можайской дороге, расстоянием от Москвы в тридцати пяти верстах, поймали в лесных дачах графа Федора Алексеевича Апраксина, под деревнею Таганиково, ходящего пешком псаря его, Ивана Григорьева сына Вауштина, званного в рог, при котором псаре взято означенный шейный охотничий рог, собак борзых три, гончая одна, и вышеобъявленный рог, борзые три собаки и одна гончая оставлены при псовой Ее Императорского Величества охоте, а означенного псаря Вашутину "...для..." учинения с ним по указам в Московскую Губернскую Канцелярию и объявляю при сем доношение".

На допросе Вашутин показал, что он дворовый человек графа Апраксина, живет в вотчине последнего, в селе Успенском, отстоящем от Москвы в 30-ти верстах, где определен для присмотра и корма борзых и гончих собак, которых на его попечении 30 штук. "Тому назад с неделю, по утру, до обеденного благовесту, пришел он к сараю, где собаки, и увидел на дворе прогрызенную теми собаками дыру, и, войдя,

увидел, что не достает трех собак; взял рог, которым скликают тех собак, побежал в лес, который от села с версту, и стал трубить в рог. И по трубе те собаки к нему из лесу прибежали, с которыми он и пойман объезжими драгунами. И зверей он никаких с собаками не ловил, и он от господина своего, ни от прикащика, ни от кого приказаний не имел, чтоб ловить теми собаками зверей, а приказано было ему только смотреть за собаками и кормить".

Губернская канцелярия, найдя это объяснение недостаточным, главным образом вследствие того обстоятельства, что Вашутин не доказал явно и неопровержимо, будто ходил в лес только для отыскания вверенных его попечению собак, убежавших со псарни, решила "за ту его продерзость, на страх другим, учинить ему наказание: бить плетью; и по учинению наказания свободить с распискою", уведомив о таковом своем решении Обер-егермейстерскую контору. (Моск. арх. Мин. юст., оп. 211, свит. 1701, д. No 50).

231 20 сентября 1749 года посланные Обер-егермейстерскою конторою для наблюдения за соблюдением указов, запрещавших охоту в окрестностях Москвы, драгуны "промеж Серпуховки и Коширки поймали со псовою охотою людей сержанта Семеновского полка Ханенева", двух человек, и привели их в названную контору вместе с четырьмя борзыми собаками и двумя смычками гончих, рогом медным и охотничьим ножом.

Люди эти были отосланы в Московскую губернскую канцелярию, где им произведен был допрос.

Один из задержанных, Артемий Ильин, показал, что он дворовый человек Ханенева. "Тому назад будет

месяца с два, и более, господин его, оный Ханенев, послал его, Артемья, из Москвы, из дому своего, который обстоит в Кудрине, в приходе Покрова Богородицы, в подмосковную свою вотчину, по Серпуховской дороге, в Московский уезд, в сельцо Екимцево, которое отстоит от Москвы в сороке верстах, для присмотру в посеве орженого хлеба, у которого присмотру и был; и в ту его в том селе у того присмотру в посеве хлеба бытность, тому будет недели с полторы, из Москвы, из одного долу господина его, оный господин его с человеком, Иваном Афанасьевым, прислал к нему, Артемью, в оное сельцо Екимцево для прокормления не вестъ чьих восемь собак гончих и борзых, да рог медный, да ножик, да несколько шкварин свешных для корму им, при письме; а в письме к нему написано, чтоб их хранить и беречь, чтоб не пропали, ибо те собаки приятельские, а не господина его, а из того сельца с ними за охотою отнюдь ему, Артемью, не велено. И по тому письму он, Артемий, приняв тех собак на дворе господина своего с товарищем своим, дворовым же человеком, показанными шкваринами, мешав со всякою мукою и рубя оным присланным ножом, кормили. И тому будет ныне шестой день, в бытность его, Артемья, на гумне, при молотьбе хлеба, оные собаки с двора онаго господина его сорвались и побежали полем в рощу, которая от того сельца расстоянием сажень во сте. И как он, Артемий, увидел с гумна, что те собаки с того двора сорвались и ушли в рощу, то он, Артемий, побежал на двор онаго господина своего и, прибежав, увидел товарища своего онаго Осипа Егорова, что он спит, то, разбудя его и взяв они рог, чем скликают собак, побежали в показанную рощу. И как оный Артемий с оным товарищем прибежали к роще и стали тем рогом

тех собак к поимке созывать, и в то время наехали на них объезжие драгуны и с теми собаками, и с рогом, и с ножом, который был на поясу у одного товарища его, поймали и привели в Семеновское, где имеются Ее Императорского Величества в содержании соколы, и содержались они оба трои сутки, а ныне приведены в Московскую Губернскую Канцелярию. А он, Артемий, и товарищ его, оный Осип, с теми собаками из того сельца в то число, и никогда, за охотою, конечно, не ходили и зверей и птиц не ловили, а имелись те собаки в том сельце, как выше значит, только для одного корму, а не для того, чтоб с теми собаками ездить за охотою. А что они тех собак из одного, господина его, двора от неусмотрения упустили и с теми собаками он, Артемий, с товарищем пойманы, и в той их вине вольна Ее Императорское Величество; а что со псовою охотою в пятидесяти верстах ходить запрещено, указ он, Артемий, слышал; и в сем допросе сказал сущую правду и ничего не утаил".

Осип Егоров дал почти буквально такое же показание.

"Того ради указано объявленным пойманным объезжими драгунами сержанта Ханенева, людям, Артемью Ильину да Осипу Егорову, за несмотрение их, что собаки со двора помещика их, показанного Ханенева, сорвались и побежали полем в рощу, где они, и с теми собаками, объезжими пойманы", по силе высочайших указов, "на страх другим, учинить им наказанье: бить плетьюми нещадно и, по учинении наказанья, отдать их в дом одного Ханенева с распискою, понеже они по допросам своим, кроме того, что о спуске со двора помещичья собак и о поимки их, ни в чем не винулись и никакого на них, чтоб они со псовою охотою куда ездили, показательства не

явилось". (Моск. арх. Мин. юст., оп. 211, св. 1707, д. No 122).

232 В августе месяце того же 1752 года "объезжий около Москвы для поимки презрителей за капрала Симон Шишкин" представлял Обер-егермейстерской конторе, что 21 числа этого месяца "имелся он с драгуны в разъезде промеж Троицкой и Дмитровской дорог, и по той дороге наехали в неуказных верстах, в сороке пяти, отставного майора князя Сергея Яковлева сына Львова на охотников его, Алексея Полякова, Никиту Нежданова да на Павла Иванова, которые ездили промеж объявленных Троицкой и Дмитровской дорог со псовою охотою, которых охотников, трех человек, и при них борзых четырнадцать да гончих четыре, итого восемнадцать собак, да трех лошадей, и со всем к ним прибором", взяли.

Препровожденные в Обер-егермейстерскую контору охотники между прочим показали, что они ездили "Московского уезда под сельцом Пищалиным с тою псовою охотою, за зайцами, которое от Москвы состоит в 55 верстах, токмо они в то время зайцов не поймали и, ездя под тем сельцом Пищалиным, стали было собирать собак, и как тех собак собрали и хотели было ехать в дом господина своего в показанное сельцо Пищалино, тогда на них наехали объезжие драгуны "... и взяли под караул, и при них показанных собак и лошадей. А как оные драгуны его, Полякова, взяли со объявленными охотниками, тогда господ их, Львовых, при них не было. А опубликованный указ о запрещении, о неезде со псовою охотою, також о неловлении и нестрелянии как зверей, так и птиц расстоянием от Москвы в пятидесяти верстах, он, Поляков, и товарищи его слышали, а что они ездили за указными верстами, расстоянием от Москвы, как выше показано, в 55

верстах, шлются на тамошних окольных обывателей".

Обер-егермейстерская контора приказала отправить и этих охотников в Московскую губернскую канцелярию с тем, чтобы последняя сообщила Конторе, что "со оными учинено будет". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

В сентябре того же года драгунский капрал Михаил Соловьев доносил Обер-егермейстерской конторе, что, "будучи в разъезде с драгуны по Серпуховской дороге, наехали Гвардии капрала Ивана Еропкина и Артиллерии штык-юнкера Александра Чебышева в неуказанных от Москвы сороке пяти верстах со псовой охотою, которую и взял, а именно: собак гончих 17, борзых 13, рогов медных 4, в том числе 2 без муштуков, да охотников 7 человек, лошадей 8".

Вся эта охота 17 человек охотников были доставлены в Обер-егермейстерскую контору, однако, по-видимому, Еропкин и Чебышев личному задержанию подвергнуты не были. С них Московская губернская канцелярия взыскала "за неосторожную со псовой охотою от Москвы в сороке пяти верстах езду штрафные" деньги, по 10 рублей с каждого, каковые деньги и препроводила в Обер-егермейстерскую контору.

Между тем, 11 сентября, в Обер-егермейстерскую контору поступило прошение служителя действительного статского советника князя Сергея Александровича Голицына, Сергея Андреева, в котором последний "объявил, что со оною взятою псовой охотою одного капрала Еропкина, одна лошадь, мерин светло-серый, грива в правую сторону стрижена, с седлом, взятая им, Еропкиным, у господина его на время, и просил, чтобы оную отдать в дом господина его, а приводной со оною псовой охотою, одного

Еропкина, человек его, Иван Уланов, сказал что та лошадь подлинно взята господином его, Еропкиным, у одного статского действительного советника на время".

Выслушав это прошение, Обер-егермейстерская контора рассудила: "Оного капрала Еропкина и Штык-юнкера Чебышева показанных людей 7 человек отослать к следствию в Московскую Губернскую Канцелярию при промемории, и что учинено будет, соблаговолено бы было прислать известие, а из приведенных означенную одну лошадь отдать в дом статского действительного советника князь Сергея Алексеевича Голицына показанному человеку его, Сергею Андрееву, с распискою, а достальные 7 лошадей отослать к комисару Саватию Ларионову, которому велеть, описав в леты, в шерсть и в приметы, содержать при птичьей Ее Императорского Величества охоте с прочими казенными лошадьми, записав в приход, и содержать на казенном корму, а седла отдать показанному Капралу Соловьеву с драгуны для того, что она псовая охота поймана им и у казенных их лошадей имеющиеся седла, от многих их для поимки в ловлении оных зайцов и птиц презрителей езды, имеются в ветхости, а собак и роги медные велеть принять кречетнику Федору Рыкунову ко псовой Ее Императорского Величества охоте и собак содержать на корму с прочими казенными собаки, а роги записать в приход". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

233 7 марта 1750 года драгуны "шквадрона капрала Бобкина"... "наехали по дороге на Воробьевых горах" охотника дворцового села Воробьева, крестьянина Ивана Малдыкина, объявившего, что ловил он векшу. Однако у Малдыкина оказались заячьи тенета и тайник. Этого преступника высочайшего указа, будущего "колодника", отправили в Московскую

губернскую канцелярию для соответственного наказания. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

Московского шквадрона драгун Василий Вострухин, "определенный для разъезду у поимки около Москвы в ловлении зверей и в стрелянии птиц презрителей", наехал 2-го числа этого месяца по Каширской дороге охотника, дворового человека генерала и кавалера господина Наумова, назвавшегося Михаилом Громовым, который на реке Пахре, близ села Яму, убил двух уток. Громова вместе с его охотничими трофеями в виде двух застреленных уток доставили в Обер-егермейстерскую контору. В конторе этой Громова подвергнули допросу, причем "объявленный проводной показал, что он тех уток застрелил простотою своею, а о запретительном указе о неловлении зверей и нестрелянии птиц он слышал".

Само собою разумеется, что подобная наивная отговорка Обер-егермейстерскою конторою во внимание принята не была, и Громова отправили в губернскую канцелярию. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

В апреле 1752 года Московского драгунского шквадрона капрал Михаил Соловьев подал в Обер-егермейстерскую контору рапорт, которым доносил, что "по силе данной ему инструкции, велено ездящим, ежели кто будет в неуказных верстах ловить и стрелять зверей и птиц, лова, приводить во оную Контору". Между тем "сего де апреля 12 числа был он, именованный, с драгуны в объезде по Калужской дороге, и промеж Каменки, от Москвы в сороке верстах, наехали в лесных угодьях вотчины генерал-майора Александр Тимофеева сына Ржевского крестьян деревни Ярцева – Ивана Наумова, Мирона Захарова, Петра Никитина, Мирона Петрова, с

тенетами и с одним зайцем, у которых того зайца и тенеты взяли". Соловьев и драгуны "оных пойманных крестьян при том рапорте и объявили, которые в Обер-егермейстерской конторе в допросе объявили: Первый: зовут его Иван Наумов сын Чикунов, крестьянин он одного генерал-майора, Московского уезду, деревни Яраевой, о указе о запрещении в неловлении и нестрелянии расстоянием от Москвы в 50 верстах зверей и птиц и зайцев он слышал, и в Воскресный де день с крестьянскими детьми, имена которых приведены выше, "для ловли" зайцов с тенетами промеж Калужской и Каменки, в роще князя Голицына, которая отстоит от деревни означенного господина его – Ярцовой – с полверсты, а от Москвы в 45 верстах, в показанный Воскресный день ходили простотою и скудостью своею, а не по чьему приказу, и изловили только одного зайца, и в то время, наехав, их объезжие драгуны поймали; а напреж сего как оный господин их, так и он, и крестьяне, и никто другие как зайцев, так и птиц не ловили и не стреляли".

Остальные браконьеры показали то же, что и Чикунов.

Обер-егермейстерская контора рассудила: "Показанных генерал-майора господина Ржевского крестьян, Ивана Чикунова с товарищи, за наступающею нынешнею летнею крестьянскою работою, учиня им наказание, бив батожем, чтоб им впредь так дерзновенно чинить неповадно было, а другим в страх, отдать, с поставкою впредь (?), одного генерал-майора господина Ржевского служителю с распискою". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

В следующем мае месяце тот же драгунский капрал Михаил Соловьев снова объявил в

Обер-егермейстерской конторе, что "имелся де он, именованный, в разъезде с драгуны по Боровской дороге для поимки в ловле и в стрелянии зверей и птиц презрителей, по которой дороге сегож мая 23 числа, от Москвы в 40 верстах, близ села Подосинок и деревни Вьюшковой, усмотрели, что незнаемо какой человек стрелял на пруде птиц, которого они со птицами рыболовами и поимали, и при том он сказался, что он генерала господина Тараканова и зовут его Алексеем Ивановым".

Доставленный в Обер-егермейстерскую контору, этот Алексей Иванов сын Сироткин показал, что о запретительных указах он ничего не знал, а "ходя с ружьем и увидя на пруде, застрелил только одного рыболова простотою своею, а по другим ни по каким птицам как в то время, так и напреж сего, и ни с кем, и его де для стреляния птиц никто не посылал".

Сироткина "для исследования и для учинения с ним по указам" Обер-егермейстерская контора приказала отослать в Московскую губернскую канцелярию. (Там же).

Все тот же драгунский капрал Михаил Соловьев в июне месяце того же года донес Обер-егермейстерской конторе, что "июня и 3 дня был он, именованный, с драгуны в объезде, и близ Москвы, между Симонова монастыря и Тюхалей, на поле, наехали Измайловского полку капитана Федора Васильева сына Ржевского дворовых его людей, Савелья Иванова, Степана Гуцына, да Симонова монастыря крестьянина Федора Плотникова с сетями, и при них два перепела, и они, драгуны, тех перепелов и сети у них взяли".

На допросе Степан Гуцын показал, что "о запретительных де указах о неловле зверей, так птиц и зайцев, он слышал, и сего де июня 13 числа", с

товарищем Савелием, "с детьми и с самкою перепеловою близ Симонова монастыря, как они пошли для ловли перепелов, объезжие драгуны их изловили; токмо они тех перепелов не ловили и для оной де перепелов ловли ходили впервые, а напрежде сего как птиц, так и зверей не ловили и не стреляли, и кто бы птиц и зверей ловил и стрелял, он не знает".

Плотников же показал, что 13 июня "объезжие драгуны его, как он ходил для смотра в поле своих кормов, взяли, якобы в ловле перепелов, токмо он, Плотников, тех перепелов и птиц, и зверей как в то время, так и никогда не лавливал, и ктоб ловил и стрелял не знает, а взятая де при нем перепеловая самка и сети он, того время. как оные драгуны ловили в оржаном поле перепеловых охотников, нашел, а чьи те сети и перепелка не знает".

Всех троих Обер-егермейстерская канцелярия приказала препроводить для следствия в Московскую губернскую канцелярию. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

234 Вскоре после этого назначенные для окарауливания Тюхальского дворца солдаты Семен Соколов и Алексей Куликов доносили Обер-егермейстерской канцелярии, что "августа 27 дня взяли они близ одного Тюхальского дворца незнаемо какого человека в стрелянии птиц: как оный выстрелил близ Долгова озера, то они одного человека, и при нем две карманные пистолеты, порох, також и пули взяли".

Изловленный пистолетный стрелок по приводе его в Обер-егермейстерскую контору, между прочим показал, "что зовут его Пименом Петровым сыном Кустаровским, Польской нации вольной человек, и августа 27 числа пошел он из Москвы в Малый Ярославец, в вотчину Титулярного Советника Василья

Петрова сына Казаринова, к дочери своей, которая у одного Казаринова в вотчине его живет в служении, и, дошед в поле до Тюхальского дворца, из имевшихся у него двух карманных купленные новые пистолеты, выняв одну пистолету и зарядя оную для опробации, выстрелил, а потом, зарядя, и в другой раз стрелял же простотою своею, а не по птицам, а опубликованный указ о запрещении стрельбы и прочего на пятидесятиверстном от Москвы расстоянии, он, Кустаровский, не слышал, ибо он Польской нации, а к тому допросу, упрямством своим, руки не приложил".

Кустаровского отправили на расправу в Московскую губернскую канцелярию. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

235 В "Историческом вестнике" (май 1880 год, стр. 195) приводится любопытное известие, касающееся рассматриваемого вопроса, заимствованное из бумаг известного археографа М. д. Хмырова. Цитируем его дословно:

"В 1742 году, в Москве и по всему Московскому уезду, распубликовано было, по принятому обычаю, с барабанным боем Высочайшее повеление, чтоб никто не охотился в окружности 50 верст около Москвы.

"В апреле месяце, когда сошел снег, помещик Неронов в своей подмосковной деревне приказал дворовым объезжать лес в видах предупреждения самовольных порубок крестьянами. Один из дворовых, объезжая лес, нашел на дороге чучелу тетеревиную и поднял ее. На выезде из леса он встретился с драгунами, которые посланы были от Егермейстерской конторы для поимки нарушителей Высочайшего повеления.

— Попался, брат — закричали дворовому драгуны, — стрелял тетерева? — Какое стрелял, — отвечал дворовый,

– на дороге нашел чучелу.

– А зачем в лес попал? – Барин велел досматривать.

– Неверно говоришь, – отвечали драгуны и повели с собою в город и сдали в Егермейстерской канцелярии дворового вместе с чучелою.

"Из Егермейстерской канцелярии его отправили на исследование и суждение в Московскую губернскую канцелярию. Тут прежде всего посадили его вместе с чучелой под караул, а на другой день послали подканцеляриста с солдатами в деревню Неронова, с поручением исследовать и письменно донести: 1) точно ли ходил дворовый в лес именно для осмотра леса? 2) не стрелял ли он птиц? 3) не расставлял ли чучел тетеревиных? 4) в каком месяце и числе и из какого села ездил он для осмотра леса? 5) были ли при нем в то время чучелы? 6) не видел ли кто стреляния им птиц? 7) не видел ли кто его, когда он шел обратно из леса с чучелами? 8) не ходил ли он в другие лесные дачи, не принадлежащие помещику, для стреляния птиц? 9) если ходил, то в чьи дачи? 10) как далеки эти дачи от Москвы? "И вся эта канцелярская суматоха была поднята из-за тетеревиной чучелы, найденной на дороге в лесу. Немудрено, что народ питал отвращение и страх ко всем канцеляристам, наезжавшим в деревню с такими плодовитыми вопросами, а пока на вопросы не отберут ответов, подозреваемый должен был сидеть под караулом.

"Помещик Неронов накормил, напоил подканцеляриста, дал ему деньжонок, и сам же подканцелярист написал удовлетворительные в пользу дворового ответы, которого вслед за тем и выпустили".

236 От первых лет царствования императрицы Елисаветы Петровны сохранился следующий интересный, относящийся к разбираемому вопросу

документ, на котором года не значится:

"Петергофского зверинца форштмейстер Газ в той (обер-егермейстерской, оставленной в С.-Петербурге по отбытии в Москву Обер-егермейстерской канцелярии) Конторе объявил, что по отсутствию Ее Императорского Величества в Москву имеющиеся в Петергофе у надзирания работ обер-офицеры, Капитан Лидериц и поручик Нарман, как в саду, так и в зверинце стреляют птиц и за зайцами ходят, которым он, Газ, запрещал многократно, чтоб они, в силу запретительных Ее Императорского Величества указов, птиц не стреляли и зайцев не ловили, токмо они в том его не слушали, а сказали, что они командиры и стрелять птиц будут".

"А минувшего апреля 18 дня, будучи он, Газ, с одним зверовщиком в Стрелиной мызе, увидели, что показанные ж обер-офицеры и с ними той мызы подмастерье Гринберх, ходя с ружьями, у той мызы стреляют птиц, которых он паки запрещал же, а при том хотел их взять и привести, куда надлежит, по указу".

"И оные обер-офицеры и подмастерье его, Газа, и зверовщика били ружейным прикладом смертельно".

"А при том из них Капитан Лидериц, взводя у ружья курок, говорил ему, Газу, ежели от них не отойдет, то хотел его, Газа, застрелить и, опустя ружье, угроживал, ежели он, Газ, за ними ходить будет, впредь еще бить смертельно будет".

"А потом, взяв его насильно с собою к объявленному подмастерью, бранили его непотребною бранью и называли канальею и шельмою и недобрым человеком, от которых побоев лежал он, Газ, болен".

"И потому одного форштмейстера Газа объявлению от той Конторы об исследовании в стрелянии, в противность запретительных указов, и в бою его,

форштмейстера и зверовщика теми обер-офицерами Государственной Военной Коллегии в контору, а о садовом подмастерье в Канцелярию от строений сообщено". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. No 1).

Как взглянули на это дело оба сказанные учреждения, какой каре подвергнулись лица, бесцеремонно браконьерствовавшие прикрываясь своим служебным положением, к сожалению, мы не знаем.

В ноябре того же 1752 года драгунский капрал Михаил Соловьев доносил Обер-егермейстерской конторе, что "сего де ноября 7 числа имелся он с драгуны в разезде для ловли презрителей, которые около Москвы ловят зверей и стреляют птиц, и меж Воскресенского монастыря и Звенигорода идущего человека с ружьем поймал, который сказался, что он человек вдовы княгини Прасковьи Черкасской, и зовут его Григорьем Борисовым, и при нем взял ружье".

Браконьер был приведен в Обер-егермейстерскую канцелярию, которая, допросив его, приговорила "оному придворному человеку, Григорью Борисову, за самовольное его за охотою с ружьем для птиц стреляния, учинить в Обер-Егермейстерской Конторе наказание плетью нещадно, чтобы впредь как ему, так и прочим, ведая запретительные указы, чинить оного было не повадно". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

237 В ордере Обер-егермейстерской канцелярии московской ее конторе от 21 сентября 1784 года, между прочим, читаем:

"Его Сиятельства господина генерал-аншефа, генерал-адъютанта и разных орденов кавалера и в Москве главнокомандующего графа Якова Александровича Брюса, собственным егерям его

дозволяется стрелять около Москвы птиц во всякое время". (Общ. Арх. Мин. Двора, No 1658, стр. 82).

Летом 1743 года императрица Елисавета Петровна разрешила камергеру князю Андрею Федотовичу Вяземскому "со псовой охотою и со своими охотниками ездить от Москвы за 35 верст", но никак не ближе этого расстояния от города и притом без гостей. Наблюдавшим в то время за выполнением запретительных об охоте у Москвы указов драгунскому капралу и ефрейторам было вместе с тем предписано принять к руководству сказанное высочайшее разрешение и следить за тем, чтобы князь Вяземский точно соблюдал поставленные ему условия, при нарушении которых охотников приказывалось задерживать. (Рукоп. Имп. ох.).

11 октября 1781 года князь Григорий Александрович Потемкин писал обер-егермейстеру князю Голицыну, что императрица разрешила графу Петру Борисовичу Шереметеву выезжать на охоту с собаками в его деревнях под Москвою. (Рукоп. сборн. им. ук., No 86).

19 февраля 1795 года Валентин Платонович Мусин-Пушкин уведомил обер-егермейстера князя Голицына, что императрица разрешила ему, Мусин-Пушкину, "близ Москвы, в заповедных местах ездить с собаками и стрелять, прося вместе с тем сделать соответственные сему разрешению распоряжения". (Рукоп. сборн. им. ук., No 146).

238 16 декабря 1756 года капитан Герасим Ларионов вошел в Московскую обер-егермейстерскую контору с представлением, "чтобы в Дворцовую Контору сообщить промеморию и требовать, дабы от оной соблаговолено было в Хатунскую волость послать указ, в котором написать, чтобы около той Хатунской

волости, в дачах, запретить впускать посторонних охотников как со псовою охотою, так и с тенетами, дабы отнюдь никто живых зайцев не обивал, понеже оные зайцы впредь подлежат быть к увеселению Ее Императорского Величества тою псовою охотою, для сажания в Измайловской зверинец".

Обер-егермейстерская контора, призвав ходатайство капитана Ларионова соответственным обстоятельствам дела, постановила "во оную Дворцовую Контору сообщить промеморию и которую требовать, чтоб она Контора благоволила в означенную Хатунскую волость, к кому надлежит, подтвердить Ее Императорского Величества указом, дабы около той Хатунской волости, в дачах, со псовою охотою посторонние люди не ездили и зайцев отнюдь не ловили, кроме псовой Ее Императорского Величества охоты охотников, и в том накрепчайшее смотрение чинено и поступано б было, как о том Ее Императорского Величества указы повелевают, и Дворцовая Контора да благоволит учинить о том по Ее Императорского Величества указу". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. No 169).

239 15 сентября 1754 года Суздальская провинциальная канцелярия представляла в Правительствующий Сенат, что, несмотря на воспоследовавшее запрещение ловить и травить зайцев в названной провинции, в канцелярию постоянно поступают от помещичьих крестьян Суздальского уезда жалобы, "что многое число охотников со псовою охотою, за оным запретительным Ее Императорского Величества указом, ездят в посторонние разных господ дачи и хлеб поминают, и за запрещение многих крестьян бьют".

Суздальская канцелярия испрашивала указаний

Правительствующего Сената, как должно ей поступать в подобных случаях? Правительствующий Сенат, рассмотрев это представление, определил: "ежели кто и еще от того не удержится и пойманы и изобличены будут, с теми поступлено будет яко с преступниками указов, без упущения", о чем и уведомил Суздальскую провинциальную канцелярию для соответственного распубликования (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 10295).

Около того же времени "поданным в Обер-Егермейстерскую Контору корытничий Степан Панов доношением представил: в силу де посланного из Обер-Егермейстерской Конторы к нему указу велено ему стаю молодых гончих собак наезжать в Юрьевском и Суздальском уездах и в прочих местах. И ныне им в те места послан был охотник для осмотра заячьих набоев, токмо оный объявил, что в тех местах заячьих набоев не имеется, а наехано де им заячьих довольно набоев во Володимерском уезде в Базлачевской волости и около деревни Липни и в прочих местах. А марта 5 числа в те места отправлены от него кормы и фураж на наступающую весну для наездки в том уезде в тех и прочих местах гончих молодых собак, и требует, дабы повелено было об оном в Володимерскую Провинциальную Канцелярию определить указом, в котором написать, когда он в тот уезд прибудет с охотою, чтоб дать ему от оной провинции послушной указ для объявления во оном уезде обывателям, где иметь будет выезды, то в тех местах всякого чина людям ему в выездах запрещения б никакого ж не чинили и по требованию его как в господских и синодальных и экономических вотчинах квартиры б даваны были без всякого препятствия".

По наведении соответственных справок в Обер-егермейстерской конторе оказалось, что по

определению этой конторы, состоявшемуся в 1769 году, по ходатайству того же корытничего Панова "в бытность онго Панова при наездке гончих собак в Переяславле Залесском да в Юрьевском Польском и в Суздальском уездах", в провинциальные канцелярии названных мест "указы посланы, и требовано, чтобы от тех канцелярий означенному корытничему Панову даны были послушные указы в том, что когда он, Панов, для наездки гончих собак в означенных уездах, где иметь будет выезды, то б в тех местах всякого чина людем ему, Панову, запрещения никакого чинено не было и по требованию его квартиры даваны были".

Вследствие этого Обер-егермейстерская контора определила поступить так же и по настоящему ходатайству Панова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 46).

240 27 февраля 1762 года с.-петербургский генерал-полицеймейстер Корф объявил во всеобщее сведение, что "Всепресветлейший Державнейший Великий Государь, Император Петр Федорович, Самодержец Всероссийский, Именным Своего Величества изустным указом, указать соизволил: Дворцовым егерям ворон и прочих птиц в С.-Петербурге стрелять позволить и в том воспрещения не чинить, и под караул тех егерей за стреляние из ружья не брать". (Полн. Собр. Зак., ст. 11 – 11455).

241 16 мая 1782 года фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын писал обер-егермейстеру киязю Петру Алексеевичу Голицыну, что императрица, "сведав, что Егерской команды ученики, разъезжая по Неве-реке, стреляют птиц, Высочайше указать соизволила, чтоб Ваше Сиятельство им сие накрепко запретили, а ежели и впредь в такой стрельбе найдены

будут, то подвергнут себя положенному по законам штрафу". (Рукоп. сборн. им. ук., No 90).

5 ноября 1784 года императрица Екатерина Великая услышала ружейный выстрел на реке Малой Неве и приказала дежурному генерал-адъютанту тотчас же узнать, кто осмелился произвести подобный беспорядок. Отправившийся на место генерал-адъютант увидел, что выстрел этот последовал с лодки, на которой сидели с ружьями и в зеленых мундирах двое неизвестных людей, очевидно, удравших после того, как заметили, что на них было обращено внимание. Предполагая по обмундированию неизвестных людей, что таковые были из егерской команды, императрица приказала обер-егермейстеру князю Голицыну исследовать это дело, а виновных за их дерзость, с коей они нарушили объявленный по сему предмету высочайший указ, подвергнуть наказанию, подтвердив вместе с тем чинам егерской команды, "дабы отнюдь не осмеливались чинить таковых дерзновений внутри столицы, а тем паче в присутствии Ее Величества". (Там же, No 112).

[242](#) 8 мая 1769 года обер-егермейстер Нарышкин вошел к императрице со следующим всеподданнейшим докладом:

"В чужих Государствах, как известно, что около городов все поля и леса наполнены разных родов дичью, а здесь напротив того, что ближе к столице, то дичи меньше потому, что обывателями там она истреблена, что едва-ль можно ее приискать и для стола Вашего Императорского Величества, которые истребители чинят то похищение, не взирая на строгие запретительные Именные и Правительствующего Сената указы, опубликованные в прошедших годах; и для пресечения такого зла не соизволите ли Ваше

Императорское Величество повелеть, всех тех, кои будут изыманы в произвождении охоты борзыми собаками, фузеями и какими бы ни было орудиями, в запретительных местах, то-есть: около С.-Петербурга, Петергофа, Царского и Красного сел, тако ж де и Кипенской мызы в тридцати верстах во все стороны, а в Москве от оной в пятнадцати верстах, неимущих отсылать в Военную Коллегию в солдаты, а с зажиточных, с каждого, брать рекрута, в наказание за их такое самовольство; ибо в немецких странах и вяще сего наказываются таковые преступники; яко-то каторгою и прочим. А для преумножения дичи указать Всемилостивейше Обер-Егермейстерской Канцелярии за билеты брать деньги в казну ежегодно с саможелающих ездить за охотою в те запретительные места, за каждую фузею с одною легавою собакою, також за всякую свору борзых собак 40 рублей, с тем, чтобы тот, кто возмет на свое имя билет, никому другому оного отнюдь не давал, на которую сумму все потребные места будут наполнены зайцами и серыми куропатками, да также на те деньги и жилищи построятся в пристойных местах, для заставных объездателей, по подобию чужестранных гегрейторов к сохранению той дичи, и о том Высочайше повелеть Именным Вашего Императорского Величества указом в С.-Петербурге и Москве Полицеймейстерским и Губернским Канцеляриям, чтобы оные в своей команде объявили с подписками как городским жителям, так и прикащикам и сторожам по всем деревням и мызам, дабы никто не отважился истреблять никакого роду дичи какими бы то орудиями или средствами производимо оное губление ни было, под опасением вышеписанного штрафа – взятыя в солдаты".

На докладе этом императрица Екатерина II

положила собственноручную резолюцию: "Быть по сему". (Подл. докл. сборн. им. ук., No 41).

243 В "С.-Петербургских ведомостях" за 1772 и 1773 года нередко печатались от Обер-егермейстерской канцелярии публикации: "Желающие брать билеты для произведения в запретительных местах охот с фузеями и борзыми собаками, с платежом как для стрельбы с одною фузеею и легавою собакою, так и для езды на поля со псовою охотою с тремя борзыми собаками, за каждый билет по сорок рублей, приходили б в Обер-егермейстерскую канцелярию, где оные и получать имеют". ("С.-Петерб. вед." 1772 года, 56 и 1775 года, No 54 и друг.).

По яхт-штату 1773 года было положено "собираемую за даваемые для стреляния из ружей и езды со псовою охотою в запретительных местах желающим людям билеты сумму, сколько оной в каждом году будет в приходе, иметь Обер-Егермейстерской Канцелярии на покупку для выпуска около С.-Петербурга зайцев и куропаток; а ежели за тем что будет оставаться, то употреблять на касающиеся по обер-егермейстерскому корпусу надобности и чяслить оную сумму экономическою". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

244 No 18. 8 июля 1787 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала главностатейничему Якову Ларионову: "Обер-Егермейстерская Контора, рассуждая, что присланные из Обер-Егермейстерской Канцелярии, для раздачи в нынешнем лете желающим людям производить охоты в пятнадцати около Москвы верстах стрелянием диких птиц, стрелебные билеты имеют быть розданы, коих по 7 день сего июля и

роздано самое малое число и для того, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия приказала к вам послать сей указ, коим и велеть, чтобы от вас, для осмотра в запретительных около Москвы местах, командированы были в сем июле месяце, в объезде, ежедневно, от птичей охоты служители с тем, чтоб никто без билетов в тех местах птиц не стрелял и с охотами не ездил, и если от тех служителей ежедневно объезд и смотрение производимо будет, то уповательно, что и стрелебных билетов желающим людям роздано будет более". (Общ. Арх. М-ва Двора, д. No 1658, стр. 106).

К 13 июля следующего 1788 года относится следующий указ той же конторы статейщику птичьей охоты Коноплеву: "Ордером из Обер-Егермейстерской Канцелярии, сего июля от 3 числа, Конторе сей велено, для осмотра, дабы около Москвы в запретительных верстах без билетов никто не стрелял и других охот не производил, посылать из имеющихся ныне в Москве, оставших за отправкою в Санкт-Петербург, птичей охоты служителей, верхами на казенных той охоты лошадях, по сколько человек – по рассмотрению оной Конторы за нужно признано будет непременно. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия приказали: для вышеписанного около Москвы в запретительных местах объезду, взять из Измайловского зверинца с полевого корму из лошадей птичей охоты четырех, о выпуске ж тех лошадей из зверинцу Секунд-Майору Торбееву и о производстве с того числа оным овса из наличного, по положенному окладу, в прием ваш, с запискою в расход и с роспискою, к комисару Николаю Рыкунову послать (и посланы) указы, а когда те лошади с полевого корму взяты будут, то с того числа вам, по очереди, наряжать

для того объезду из служителей птичей охоты по четыре человека; лошадей же употреблять в тот объезд с переменою, а служителей присылать в Контору, которым дать от Конторы, для того, что они должны объезд иметь около Москвы в разных местах, письменные, за казенною печатью, два приказа, с подтверждением, чтобы они стреляющих без билетов и едущих в указных верстах со псовой охотою брали и приводили в Обер-Егермейстерскую Контору; данных же им для того объезда казенных лошадей велеть им крайне беречь и по объезде, на другой день, являться им в Контору и о исполнении репортовать, при чем, для осмотра, казенных лошадей представлять". (Там же, стр. 112).

В том же году обер-егермейстер князь Голицын всеподданнейше представлял императрице Екатерине Великой, что установленный в 1769 году сорокарублевый сбор за билеты, дающие право партикулярным людям охотиться в окрестностях обеих столиц, в запрещенных местах, с ружьем и со псовой охотою, представляется настолько значительным, что желающих воспользоваться подобным правом не оказывается. Поэтому князь Голицын ходатайствовал о понижении платы за сказанные билеты.

Императрица Екатерина II разрешила обер-егермейстеру понизить цену за билеты по его усмотрению, после чего князь Голицын и установил таковую в размере 10 рублей за билет. (Рукоп. сборн. им. ук., No 77).

245 В царствование Екатерины оберегермейстерское ведомство заботилось также об охране лосей; 9 марта 1773 г. объявлено было высочайшее повеление: "лосей нигде, ни в какое время и никому отнюдь не стрелять, ничем не убивать и не ловить"**A5**.

246 17 июля 1765 года "объявлялось во всенародное известие" следующее высочайшее повеление:

"Ее Императорское Величество, Всемилоостивейшая Государыня Высочайше повелеть соизволила: Марта с 1 числа до Петрова дни, никому и нигде во всем Государстве зверей и птиц (кроме хищных: из зверей – медведей, волков и лисиц, а из птиц – коршунов, ястребов, ворон, галок, воробьев и других тому подобных), как тенетами, цевками, петлями, кляпцами и никакими тому подобными инструментами и ямами не ловить, так и с собаками не ездить, и не стрелять, под штрафом по силе прежде опубликованных указов, а с Петрова дни хотя и на всякие позволить, однакож не ближе в расстоянии от Москвы 15 верст, а в 15 верстах никому и ни под каким видом, ни в какое время, с собаками для ловли зверей не ездить и тех зверей, також и птиц ничем не ловить и не стрелять без особого на то указа. Чего ради о неременном по оному исполнении сим и публикуется". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11876).

29 января 1764 года воспоследовал нижеследующий именной указ, данный сибирскому губернатору Чичерину:

"Донесено Нам от Нашего Генерал-Фельдмаршала графа Салтыкова, что по причине учиненного Нами запрещения, о нестрелянии зверей и птиц весною, многие Сибирские народы, приходя к вам, просят, что они не имеют иного пропитания, как только весенним временем налетевших в бесчисленном множестве всяких птиц и по заливным островам зверей бьют, а тем на целый год пропитание себе заготовляют. Чего ради через сие Мы дозволяем, для показанных резонов, в Сибири и в отдаленных тамошних местах, во всякое время птиц стрелять, а на заливных островах зверей

бить". (Там же, ст. 12025).

Подобные же исключения из общего правила делались и для других местностей. Так, 5 марта 1765 года, усмотрев из доклада архангельского губернатора, что пустозерские крестьяне, "то ж и Самоядцы, за неимением у них пашенной земли, на дневное себе пропитание всегда оленей диких и зайцев, а из птиц лебедей, гусей, утят, куропаток, тетеревей и прочих птиц стреляли и ловили в удобное вешнее время; при том же и обитающие близ города Архангельска, тож в Кевроле, в Мезени и в Коле, и при морских берегах жители, из коих большая часть и хлеба не сеют, а питаются промыслами, в том числе и вышеписанными зверями и птицами..." "птицы же, яко то гуси, утки только единовременно в году, в мае и в апреле месяцах, пролетом мимо показанных мест бывают, а в тех местах не плодятся; а сверх того Великоустюжской провинции Яренского уезда крестьяне для звериных промыслов от жилищ своих отходят в леса по пяти и по шести сот верст, с 7 генваря, и бывают до половины апреля; а ныне марта с 1-го возвращаются в дома свои, через что некоторые и в платеже подушных денег показывают изнеможение" — усмотрев все изложенное, императрица Екатерина II приказала ловлю и стреляние птиц производить тамошним жителям в удобное для них время, в течение круглого года. (Там же, ст. 12348). 23 апреля 1768 года генерал-прокурор объявил Правительствующему Сенату именной высочайший указ: "Ее Императорское Величество повелеть соизволила подтвердить, дабы в вешнее время около Петербурга лосей не убивали". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 13104).

17 марта 1775 года был обнародован всемилостивейший ее императорского величества

манифест о различных льготах, даруемых подданным. "Всяк видеть может, — писала в манифесте великая императрица, — колико есть матерняя Наша к верноподданным любовь, снисходящая даже до малых подробностей, служащих к народному облегчению; ибо Мы блаженство свое и увеселение поставляем единственно в доставлении подданным Нашим мирного и всяким удовольствием снабженного жительство".

Пункт 29-й этого манифеста гласил: "Отрешаем сбор или оброк с зверинных и птичьих промыслов и повелеваем оного впредь не собирать и не платить". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14275).

По поводу приведенного пункта манифеста 17 марта 1775 года возник вопрос о том, не следует ли устанавливаемое им правило применить и по отношению меры, проведенной Обер-егермейстерскою канцеляриею в 1769 году, то есть по отношению платных билетов, выдаваемых на право охоты в запретительных местах окрестностей С.-Петербурга и Москвы.

Обер-егермейстерская канцелярия высказалась, что подобное толкование высочайшего манифеста было бы совершенно неправильно. По мнению Канцелярии, выдачу сказанных билетов нельзя рассматривать как оплату известного промысла, во-первых, так как охота по билетам у С.-Петербурга и Москвы есть "самовольное каждого из партикулярных людей желание производить охоты в запретительных законами местах", а во-вторых, так как на сумму, получаемую за означенные билеты, было указано размножать дичь в окрестностях столиц, на каковую надобность "особливой суммы не положено, но еще и велено, ежели будет какой от оной остаток, писать в

Обер-Егермейстерском Корпусе те деньги экономической суммой". (Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, д. No 57).

247 Княжеский титул Орлов получил впоследствии, в октябре 1772 г., после удаления от двора. Он жил затем в Ревеле, женился на славившейся своей красотой Е. Н. Зиновьевой и умер вскоре после ее смерти, 15 апреля 1783 г.

248 Что касается князя Григория Григорьевича Орлова, то он постоянно, в бытность свою в Петербурге, охотился в окрестностях Царского Села, Красного Села, Кипенской мызы и Гатчины, основал в последней, как мы уже видели, первые охотничьи учреждения, и охота была для него настолько необходимым развлечением, что он испросил даже разрешения императрицы взять с собою в поход под Фокшаны часть птичьей и псовой царских охот, о чем мы уже говорили выше.

249 См. письмо Екатерины, глава III, стр. 98.

250 Считаем не лишним привести справку, насколько последнее лицо, то есть граф Завадовский, человек вполне серьезный, был предан охотничьей страсти.

25 февраля 1780 года граф Завадовский писал графу Александру Романовичу Воронцову из своего имения Лялич: "Вместо того, чтоб хозяйство разбивать, я с утра до вечера в лесу живу на охоте и забываю все выгоды, котррые держут вас в столице". (Арх. кн. Воронцова, т. XII, стр. 21).

12 мая того же года Александр Андреевич Безбородко писал графу Роману Ларионовичу Воронцову: "Мы ранее днем, а может быть и более, поспешим в Могилев (дело идет о путешествии в эти места императрицы), для того и пишу я к Петру

Васильевичу (графу Завадовскому, который в то время жил в своем поместье у Могилева), чтоб он не прозевал нашего приезда, гоняя зайцев". (Там же, т. XIII, стр. 16).

6 августа 1785 года граф Завадовский писал графу Семену Романовичу Воронцову из Екатеринодара: "Я живу между своею семьею и посреди псовой охоты". (Там же, т. XII, стр. 31). Завадовский нередко отлучался на охоты на десять и более дней, отъезжая от своего поместья на многие десятки верст (там же, стр. 132 и др.), а выезды на охоту называл: "прекрасной Диане последовать в лесах". (Там же, т. XXIV, стр. 165).

251 С половины мая, говорит он, надо *гаркать* следующими возгласами: "Ну, полез, полез, о, го, о, о, го, го, ай, ту, ту, ту, ай. Эх, стеки, кричуй"! "Осенью *порскать*, то есть, спустя гончих с смычков, кричать: Эх, стеки, у, ру, ру, ру, ру, ай, а, го, о, о, го, го, ай, а, ту, ту, ту, ту, ай, ну, довались, эх! милая, стеки! ту жировал, ту бежал, ну толкони! ух, ух, эх, вскочи, побеги!"

252 Автор описанной выше книги "Псовый охотник", к сожалению, неизвестен; он издал ее под инициалами Г. Б. Позволим себе высказать догадку, не был ли этот любитель Г. Б. – Гавриилом Барятинским?

253 26 октября 1720 года последовал именной высочайший указ, данный астраханскому губернатору Волынскому (Артемию Петровичу, впоследствии обер-егермейстеру), коим предписывалось ему посылать в горы и другие места "для бобров и для барсов, чтобы их покупать молодых и выбирать у них когти, также и зубы вытравлять спиртом витриольным (по-франц. значит купорос; витриольный спирт,

вероятно, купоросное масло, то есть серная кислота) или крепкою водкою, только беречь, чтоб не мазать десны, и которые вылечатся, высылать в С.-Петербург. Также присылать и прочих зверей, как олени, так и других, которые курьезны". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3668).

В 1722 году, во время похода императора Петра Великого на Дербент, сопровождавшие его лица нередко подносили императрице Екатерине Алексеевне различных живых и битых птиц и зверей, за что получали довольно ценные по тому времени подарки. Так, солдат Преображенского полка наградили под Дербентом 14 августа двумя рублями денег за зайчиков и перепелок; им же 20-го числа того же месяца дано 19 алтын 4 деньги за зайчиков, перепелов и турухтанов; 30 августа выдан подпрапорщику Копорского полка Илье Иконникову один рубль за живого фазана; 1 сентября того же полка каптенармусу Володимирову дано 8 алтын 2 деньги за фазана же живого и проч. Заметим кстати, что в этот Персидский поход живых фазанов подносилось императрице чрезвычайно много и что за эту птицу, за исключением первого по времени поднесения подпрапорщиком Иконниковым, всегда платилась одна и та же цена, то есть 8 алтын 2 деньги, или 25 копеек. (Сборн. арх. бум. о П. В., т. II, стр. 143 и многие друг.).

254 От 1721 года сохранилось описание Летнего сада и содержащихся в нем птиц и зверей. Из описания этого, находящегося в дневнике Берхгольца, заимствуем лишь относящиеся к разбираемому нами предмету сведения.

В то время Летний сад имел продолговатую форму; с восточной его стороны находился Летний дворец, с южной оранжерея, с западной большой луг и с

северной река Нева. С северной стороны, у воды, находились три крытые галереи, а против средней галереи, самой большой, простиралась широкая аллея с фонтанами. На аллее этой имелась площадка со статуей и большим фонтаном с одной стороны и с птичником с другой, "где, – как пишет Берхгольц, – многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы. Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, например, очень большой еж, имеющий множество черных и белых игл до одиннадцати дюймов длиною (дикобраз?). В день празднования Полтавского сражения царь, показывая этого ежа Его Высочеству (герцогу Голштинскому), приказал вынуть несколько таких игл, которые уже слабо держались. Из них одну я сберег для себя. Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и проч. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей". Около статуи была беседка, окруженная прудом и сообщающаяся с берегом при посредстве ботика. "На воде плавают здесь большое количество самых редких гусей и уток, которые до того ручны, что позволяют кормить себя из рук. По берегу, вокруг, расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь..." "Далее отсюда, вправо, стоит большая, сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца". (Дневн. Берхгольца, ч. I, стр. 92 и 93).

В другом месте читаем у Берхгольца: 27 июня 1721 года "царь показывал герцогу сад, птичник, в котором

было множество прекрасных редких птиц и красивый грот, не совсем еще отделанный". Не знаем, однако, был ли это тот же Летний сад. (Там же, стр. 70).

255 Первые по времени с.-петербургские охотничьи учреждения были зверовые дворы. Таковых в самом начале XVIII столетия было два: один зверовый двор стоял против Троицкой пристани, а другой против Хамовой улицы, в приходе церкви Симеона Богоприимца.

В первом содержался "первый слон с прочими зверьми", а во втором "только малые звери и птицы". (Вас. Рубан, стр. 136).

Первый слон, присланный из Персии вскоре после закладки С.-Петербурга, содержался собственно в одном из принадлежавших лично царю Петру I домиков с тесовыми крышами, которые были разбросаны по нынешнему Царицыну лугу, усаженному в то время деревьями в несколько аллей. В такой обстановке находился этот слон, когда 12 марта 1714 года осматривал его Петр Великий. (Юрнал 1714 года, стр. 93). Вероятно, к этому домику вскоре были сделаны пристройки, образовавшие вместе с домиком первый зверовый двор, о котором упоминает Рубан в своем описании С.-Петербурга.

256 В дневнике Берхгольца под 30 октябрём 1723 года, между прочим, читаем: "Привели сюда (в С.-Петербург) слона, присланного из Персии, и мы знали, что его повели к дому Императора, чтобы показать Императорской фамилии... Слона привезли из Шлиссельбурга водою. Ему седьмой год и он далеко не так велик, как тот, которого я видел здесь в 1715 году; у него даже не было еще обоих больших зубов". 31 октября "по утру некоторые из нас ходили взглянуть на

слона, которого мы прежде не успели рассмотреть хорошенько. Он помещен в доме, устроенном для прежнего слона, и там прикован цепью за одну ногу, но очень смирен и ручен. Хоботом своим он брал у нас из рук белый хлеб и тут же съедал его. Также охотно играл с приставленными к нему людьми, из которых одного несколько раз поднимал хоботом высоко от земли. Животное это самец". (Берхгольц, т. III, стр. 247 и 248).

257 Журнал 1725 года, стр. 10.

Под 9 февралем 1725 года читаем в дневнике Берхгольца:

"Его Королевское Высочество (герцог Голштинский) получил от Императрицы в подарок огромного кабана, двух прекрасных козулей самцов и молодого оленя, которые присланы сюда из Киева. Говорят, что и иностранным министрам сделаны отчасти подобные же подарки, потому что сюда вдруг прислано было довольно много вышеупомянутых животных, которых здесь нет". (Дневн. Берхгольца, т. IV, стр. 122).

258 Камер-фур. журн. 1726 года, стр. 27.

259 В 1733 году в ведении С.-Петербургской дворцовой конторы "строения домов и дворцов" имелись различные птицы и животные, как то: кулики; голуби: простые, грибастые, зобастые, трубастые; гуси сибирские; казарки; утки голландские; крякуши. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 455).

260 В 1739 году при царских охотах предположено было устроить в С.-Петербурге особый парк под названием "Яхт-гартен". Из промемории Канцелярии от строений в С.-Петербургскую дворцовую контору от 8 апреля 1741 года видно, что по именному указу

императрицы Анны Иоанновны, последовавшему 12 декабря 1739 года, повелено было по апробованному плану в Петербурге, "позади Третьего сада, на порожнем месте, сделать Яхтгартен для гоньбы и стрельания оленей, кабанов и зайцев". Но это повеление не было приведено в исполнение по самый 1741 год (ст. 302).

261 На плане города С.-Петербурга 1737 года, хранящемся в Московском архиве Министерства юстиции, с.-петербургские охоты показаны размещенными в трех особых дворах:

1) зверовый двор и псовая охота были расположены в том месте, где теперь Михайловский манеж, дом военного министра и Инженерный замок; 2) слоновый двор был расположен, где стоят теперь здания Главного военно-медицинского и Главного казачьего управлений и противлежащие дома до реки Фонтанки, и 3) птичий двор находился на теперешнем месте Екатерининского института благородных девиц и простирался от этого места вплоть до Литейной улицы.

В то же время личному персоналу с.-петербургских охот квартиры отводились распоряжением полиции.

18 марта 1737 года обер-егермейстер Волынский доносил Императорскому кабинету: "Потребно в С.-Петербурге обретающемуся при Дворе Яхт-Юнкеру, Обер-Егерю, егерям и прочии при охотах служителям дать квартиры, и хотя от него в Полицию промемории посланы, но по тем отведена квартира только одному обер-егерю, а Яхт-Юнкеру, егерям и прочим служителям квартир не дано, и за чем — на промеморию его письменно не ответствовано; только Генерал-Полицеймейстер словесно объявил, что оным служителям квартир ассигновать без указа из Кабинету не смеют. Того ради просит, чтоб повелено было

означенным служителям от Полиции квартиры дать".

Императорский кабинет постановил ходатайство обер-егермейстера уважить. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7206).

Заметим, что вышеприведенный доклад Волинского, между прочим, указывает на то обстоятельство, что в период царствования императрицы Анны Иоанновны в С.-Петербурге была организована егерская охота, то есть охота ружейная, облавная и с легавыми собаками, но что отдельного егерского двора в то время еще не существовало.

262 В 1740 году на зверовом дворе содержалось: 21 американский олень, 2 индианских козы, 6 маралов, 2 львицы, при одной львице молодая собака, 2 бобра (барса), рысь, куница, лисица чернобурая, 4 медведя белых, 6 медведей черных, волк, 3 лисицы молодых и 4 ястреба. (Там же).

263 В 1738 году на зверовом дворе содержалось львица, барсы и 5 белых медведей, при которых находилось трое зверовщиков. (Рукоп. сборн. изустн. ук.).

264 "Зверовый двор" находился на Хамовой улице, в приходе Симеона и Анны, и занимал значительное пространство, обнесенное вокруг деревянным забором вышиною до 4-х футов. Стороною, где были ворота, он примыкал к каналу, через который был мост. Двор этот составляли следующие отделы:

1) "Покой" – ряд помещений для разных зверей. В апреле 1741 года покои эти были переделаны: под стены вокруг подведен "для лучшей зверям теплоты" каменный плитный фундамент; печи переложены, а в них вделаны "на сводах чутунные небольшие трубы"; для всхода на кровли на случай пожара, а также и для

чистки труб устроены лестницы, две большие и десять малых. В покоях помещались следующие звери: в одном, в особых светлицах, две львицы, из которых одна перевезена была в Петербург еще до 1737 года (откуда неизвестно), а другая, с маленькою собачкой, доставлена в 1739 году из Англии. Для последней львицы в 1741 г. сделан новый "ящик"-клетка в 6 футов высоты и 2 1/2 сажени длины; под ящик подделаны валы, "чтобы можно было для содержания оной львицы летним временем на двор оный ящик из покоя вывозить". На корм львицам отпускалась баранина: старой львице по 22 фунта, а другой, вместе с собачкою, по 24 фунта на день. В другом покое содержались два бобра: "старый", привезенный ко двору до 1740 года (откуда и когда именно — из документов не видно), и годовая самка, доставленная в Петербург прибывшим в 1740 году из Хивы посольством. Об этом последнем звере в документах находим следующие не лишённые интереса подробности: прибывшие в Петербург для ухода за ним двое хивинцев потребовали немедленно отпустить: свечей, "железную с трубками доску", в окна железную решетку и для поила медный таз, а на корм молока, по ведру в день. Это последнее требование показалось Дворцовой конторе преувеличенным, вследствие чего она отнеслась в Канцелярию егермейстерских дел с запросом: почему на этого бобра требуется такое количество молока, когда старому отпускается менее? На этот запрос Канцелярия отвечала, что "присланный из Хивы с оным бобром хивинец, Шафий Гадаев, объявил: на объявленного де бобра в корм молоко требовал он на каждый день по ведру для того, что оный молод, и ныне ему минул только один год и месяц, и завсегда еще пьет молоко и к воде не

привычен; а старому бобру молока меньше дается потому, что оный временем пьет каждый день и воду". До 1741 года оба бобра содержались порознь, отделенные друг от друга стеною; в конце же того года отделявшая их стена была снята "для того, что надлежит держать самца с самкою". Старому бобру отпускалось в корм баранины по 22 фунта в день; с конца же 1741 года стали отпускать и молодой самке говядину, по 22 фунта ежедневно. Кроме мяса, оба бобра получали в корм молока, по 8 кружек на обоих в день "...". "В следующем покое, в особых "ящиках", с дверцами на петлях, помещались: в одном рысь, поступившая на зверовый двор в 1740 году, в другом чернобурая лисица. На корм им отпускалось говядины в день: первой по 3, второй по 2 фунта. Наконец, в последнем покое содержались три мартышки. В начале 1741 года мартышки эти находились на птичьем дворе; в марте предполагалось перевезти их на слоновый или ауроксов двор, но предположение не состоялось, а в конце того же года они помещены на зверовом дворе. В бытность мартышек на птичьем дворе на корм им отпускалось Канцеляриею от строений (так как птичий двор находился в одном из дворцовых садов, состоявших в ведении этой Канцелярии) по 30 яблок, по 5 кружек свежего молока в день. С переводом их на зверовый двор в отпуске кормовых припасов произошла остановка. Дворцовая контора, руководствуясь тем, что яхт-штатом на содержание мартышек кормов не положено, отказалась отпускать их из своих запасов. Об этом обстоятельстве от Егермейстерских дел представлено было Придворной конторе. Между тем как происходила переписка по этому предмету, мартышки кормились на счет зверовщиков. Наконец, Дворцовая контора, получив

разъяснение Придворной конторы, определила: впредь до указа производить корм мартышкам из своих запасов на том основании, что мартышки из ведомства Канцелярии от строений уже выбыли и по месту нового пребывания состоят в ведомстве Дворцовой конторы; вместе с тем Контора положила уплатить зверовщикам издержанные ими на корм собственные деньги. На мартышек от Дворцовой конторы отпускались те же кормовые припасы и в том же количестве, какие назначались прежде, с прибавкою только хлебов папушников или валенцов из куличной муки, двухкопеечных, по два в день. Для ухода за мартышками состоял работник".

....2) "Острог" – помещение для белых медведей. Это было пространство, огороженное тыном, с пятью дверями и двумя окнами с железными решетками. В остроге находился пруд, обложенный по берегам досками и имевший четыре спуска. Медведи содержались в амбарах, по одному в каждом. В 1740 году медведей состояло всего 4, из них один в том же году застрелен. В корм им отпускалось говяжье мясо и хлебы-басманы. По яхт-штату 28 января 1741 года положено на медведей отпускать мясо от Канцелярии от строений, а хлебы от Дворцовой конторы. Сначала на каждого из них отпускалось мяса по 10 фунтов в сутки, но как такого количества оказалось "недовольно", то Канцеляриею от строений 19 января 1741 года определено было отпускать наличным трем медведям в добавок к их корму и те 10 фунтов мяса, которые полагались на четвертого медведя (застреленного). О количестве же хлебов, отпускавшихся Дворцовой конторою на каждого медведя в сутки, из документов не видно; сохранилось лишь сведение, что, по исчислению обер-егеря Бема,

требовалось на корм трем медведям в 1742 г. хлеб-басманов 378 пуд. 4 ф."

"Кроме вышеозначенных животных на зверовом дворе содержался орел. В мае 1740 года он переведен был во дворец, а на его место помещена была чернобурая лисица. На корм орлу, в бытность его на зверовом дворе, отпускалось от Дворцовой канторы говядины по 2 фунта в день".

"К описанию животных зверового двора остается дополнить, что на всех выходило в год соломы для подстилки 480 пудов".

6 человек зверовщиков помещались на том же дворе в шести отдельных покаях (стр. 324–326).

265 В том же году содержавшиеся на зверовом дворе в особых чуланах белые медведи проломали в марте месяце крышу своего помещения. Починку этого повреждения, по-видимому не повлекшего за собою никаких приключений, производила Канцелярия от строений. (Рукоп. Имп. ох.).

266 "Ауросов двор находился недалеко от зверового двора и в нем содержались ауросы (дикие быки). Именным указом, данным Канцелярии от строений 31 июля 1739 года повелено ауросов двор, для помещения присланных в этом году Императрице от короля Прусского восьми ауросов, переделать следующим образом: скотобойню сломать и освободившееся место вычистить и засыпать песком; болото перед скотобойнею заложить фашиником и засыпать песком; стойла внутри двора, где прежние "ауросы стаивали, починить".

"В половине 1741 года на этом дворе ауросов уже не было. По справке Канцелярии от строений, в сентябре того года оказалось, что "оны померли, а

ныне на том дворе жительство никто не имеет". В этом же месяце на ауроксовом дворе отведена была квартира обер-егерю Бему, а в октябре того года помещены голландские коровы". (Быт Росс. госуд. 1740 – 1741 г., стр. 326).

267 В 1759 году на зверовом дворе содержались львица и при ней маленькая собачка, присланная в июле месяце из Англии, а также восемь ауроков, присланных императрице Анне Иоанновне в августе месяце в подарок от прусского короля. Кроме того, тут же содержалось девять штук неизвестных "малых американских дичик", две малые иностранные дикие козы, персидские бык и корова, сибирский бык "с лошадиным хвостом" и орел. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36, 1629, д. 46).

268 В "Быте Российского государства в 1740–1741 годах" отведено весьма значительное место описанию тогдашних с.-петербургских охот, а в особенности Слонового двора. Некоторые из приводимых в этом сочинении сведений нами уже были приведены выше по первоисточникам, некоторые из сведений, по их мелочности и, так сказать, исключительно хозяйственно-экономическому характеру, не представляют особого интереса для истории охоты, почему мы и заимствуем из этого сочинения только сведения, отличающиеся некоторой новизною или оригинальностью.

"В декабре 1740 года Командующий охотами Полковник Трескау, определив Бема (обер-егеря) смотрителем зверового двора, отдал служащим при том дворе приказ следующего содержания:

"Приказано от меня на Зверовом дворе, над зверями и над вами смотрение иметь Обер-егерю Бему. Того

ради вам ему, обер-егерю, быть во всем послушными и всегда его рапортовать; а ежели-ж вы в чем ему не будете послушными или явитесь в каких продерзостях, и в том будете жестоко штрафованы без всяких ваших отговорок". (Быт Российского государства, ч. I, стр. 312).

269 В октябре 1758 года на Слоновый двор были доставлены для содержания там восемь присланных к Императорскому двору индейских оленей, наблюдение за которыми было поручено егерю Качману. Этим невиданным еще в С.-Петербурге оленям приказано было выдавать следующий корм, каждому: в месяц: 15 пудов сена, 5 куля гороху, 10 фунтов соли; в неделю: 16 кочней красной и столько же белой капусты; в день: 8 фунтов печеного ситного французского хлеба. На подстилку им шло 50 пудов соломы ежемесячно, а для осматривания зверей зимою по ночам покупалась ежедневно копеечная сальная свеча. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 – 1629, д. No 46).

В 1759 году для помянутых выше индейских оленей был устроен в пределах города С.-Петербурга особый зверинец, где приказано было произвести посевы гороха, ячменя и овса. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 – 1629, д. No 46).

270 "Малый зверинец предназначен был для американских оленей. Находился он на лугу, против Летнего дворца и занимал весьма большое пространство, обнесенное деревянною оградой с несколькими воротами, запиравшимися железными замками. О величине площади зверинца можно судить из того, что в 1740 году на ней высеяно было четверть ячменя, 2 четверти овса и 4 четверти ржи. В апреле 1740 г. зверинец предполагалось перенести на другое

место; но было ли это приведено в исполнение, из документов не видно". Число содержащихся в Малом зверинце американских оленей ("вестиндских оленей" – "малой американской дичины", как они иногда называются в документах) возрастало постепенно. В октябре 1758 года сюда поступили "Ее Императорского Величества индийские олени", числом восемь (из которых один вскоре пал). Затем в 1740 году к ним присоединены (из Петергофа) привезенные в том же году из Англии 10 "малых индийских оленей". В 1741 году по распоряжению обер-гофмаршала фон Левенвольда сюда же помещены еще три оленя. Кроме того, число этих животных увеличивалось от приплода. Яхт-штатом 28 января 1741 г. положено содержать при охотах 20 американских оленей; но, несмотря на это, во весь 1741 год наличность их превышала штатное положение: в начале года состояло 30 оленей, в июле 22–25, в августе 22".

"Припасы, требовавшиеся к содержанию оленей, отпускались от Дворцовой Конторы. До Яхт-штата 28 января 1741 года отпуск их производился в следующем количестве на каждого оленя: сена по 6 пудов, белого гороха^{A6} по три четверти, соли^{A7} по 1 1/4 фунта в месяц; капусты белой и синей, по два кочня каждой, в неделю; ситного хлеба по одному фунту в сутки; свечь^{A8} на одну копейку в день; кроме того, на подстилку соломы по 50 пудов на всех в месяц". (Внутр. быт Росс. госуд., стр. 345).

"В малом зверинце, кроме американских оленей, в 1759–1740 годах содержались две "иностранные малые дикие козы". По представлению обер-егермейстера Волынского, Императорский Кабинет 7 сентября 1739 года предписал Дворцовой Конторе на этих коз отпускать: "самого лучшего листовенного сена" 4 пуда,

белого гороха 2 четверти, русских бобов четверик, гречневой крупы пол-четверика в месяц; капусты белой 8 кочней, красной 8 кочерыжек в день; дров (длинных) 6 сажен на всю зиму. В начале 1741 года в зверинце содержалась только одна коза "дикая", "иностранная", "индианская"..." (стр. 344).

271 На Слоновом дворе в 1740 году содержалось, кроме слона, также 38 белых оленей, присланных из Астрахани для исторического маскарада, которые были почему-то признаны бывшим обер-егермейстером Волынским негодными для охоты и для зверинцев, вследствие чего Дворцовой конторе и было предложено принять этих оленей для употребления куда следует, в пищу. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. No 1).

272 20 июня 1737 года гвардии капитан-поручик Рахманов доносил Императорскому кабинету, что 28 мая того же года императрица приказала "приведенному в С.-Петербург слону быть под ведением Обер-Егермейстера и Ее Императорского Величества Генерал-Адъютанта господина Волынского, а в небытность его надлежащее надзирание над тем слоном иметь Лейб-Гвардии Капитану поручику Гавриле Рахманову. А понеже в прошедшем 1736 году ноября 6 дня в сообщенной из Кабинета Ее Императорского Величества, за подписанием сиятельных господ Кабинетных Министров, к нему, господину обер-егермейстеру, писана, чтоб для содержания того слона (пока оный из Москвы сюда приведен будет) заготовить здесь заблаговременно на корм принадлежащие припасы, а что для него покупано в бытность в Астрахани и на дорогу до Москвы, о том приобщен реестр. А какие припасы употребляемы были на корм прежде бывшим здесь

слонам, чтоб о том справиться и взять из тех мест, откуда на них те припасы покупаны или что из оных в натуре давано, известие". По этим известиям оказалось, что прежде бывшим в С.-Петербурге слонам припасы и лекарство частью покупались в С.-Петербурге Акцизною камерою, частью доставлялись натурою из Астрахани. Начальник конвоя, сопровождавшего слона, Коломенского полка капитан Свечин, при сдаче слона представил "остаточных от расходов денег" 460 рублей да некоторое количество припасов, сарачинского пшена, сахару и проч., "а сколько каких припасов на корм одного слона в даче от него, капитана, каждый день произведено было, о том оставлен от него реестр, по которому и ныне ему тот же корм производится, и чего из припасов от Капитана Свечина в приеме нет, а по реестру на корм или по требованиям зверовщиков на лекарство одному слону выдать надлежит, те припасы покупаются" на счет принятой от Свечина остаточной суммы. "А что прежнему слону на корм и на лекарство припасов производилось, оные с припасами для нынешнего слона во многом несходственны, понеже какие прежнему слону припасы на корм даваны, нынешнему того не производится. А зверовщики Алексей Назарьев, Павел Петров, которые были при прежнем слоне, показали, что де теми припасами, которые даваны были прежнему слону нынешнего кормить, также и лекарства те употреблять, которыми он не пользован, небезопасно, дабы не сделалось ему от того какой болезни, а надлежит неотменно как корм, так и лекарства давать ему все теж, что ныне ему производится и к чему он обык. И впредь де они, зверовщики, содержать того слона и довольствоваться кормом и куда надлежит ездить хотя и могут, токмо еще ко всем его слоновым обычаям

привыкнуть не могли и ежели случится у него какая болезнь, то они в пользование обстоятельно знать не могут и для того, чтобы оставить на несколько время обретающихся у того слона зверовщиков Персиан Агасадыга и Горгильбе, а буде оные оставлены не будут, то хотя оставить Индейцов Гулэ и Дидара, которые ныне в С.-Петербурге при Персидском после, понеже де оные с тем слоном из Индии пришли и совершенно его слоновые обычаи знают". Руководствуясь показаниями названных зверовщиков, Рахманов просил о назначении на содержание слона ежегодно по 2369 р. 51 к., об отпуске, по мере надобности, из Главной аптеки потребных лекарств, с тем чтобы "в который год сколько забрано будет тех лекарств, платить деньги по прошествии года, откуда Кабинет Ее Императорского Величества выдавать приказать соизволит", о приказании те припасы, которые в С.-Петербурге доставать нельзя, приобретать через посредство Астраханской губернской канцелярии, "а сколько потребно будет для варенья слону корму и для топления зимнем временем на слоновом дворе печей дров и одному зверовщику хлебное жалованье", отпускать безденежно из Дворцовой конторы. Также ходатайствовал Рахманов и об оставлении при слоне зверовщиков-персиан.

Императорский кабинет, удовлетворив ходатайство Рахманова, предписал ему "расход держать с осмотрением, чтоб лишнего ничего требовано и на стороне, куда не надлежит, употреблено не было, чего смотреть ему самому".

Весьма интересен состав корма, полагавшегося слону. Ему ежедневно отпускалось: 30 фунтов сарачинского пшена, в том числе 10 фунтов вместо маиса, которого в продаже не имелось; 2 пуда

пшеничной муки; 5 фунтов сахару; 8 фунтов масла коровьего; 20 золотников перцу; 20 золотников имбирю; 20 золотников "зардачу" (?); 4 золотника корицы; 4 золотника гвоздики; 4 золотника кардамону; 4 золотника мускатных орехов; 1 золотник шафрану; 5 фунтов соли; в летнее время по четверти белого виноградного вина; в зимнее время по четверти водки; в летнее время воз травы; в зимнее время по 5 пудов сена и тростнику. Кроме того, к расходам по содержанию слона относилось: приобретение ежедневно по 10 сальных свечей для караульщиков; покупка для изготовления лекарств молока, сала козьего и бараньего и яиц; приобретение красок для окрашивания слона, вероятно на случай парадных выходов; наем двух служителей для возки слону воды и для рубки дров. На лекарство слону шли медикаменты: татуля, баладар, рал, неян, каладан, ангузе, слант, бекенфил, раван, зинион, банк, седав, беденжил, ревень, цылибуха, бура. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 – 1629, д. No 41).

По доношению того же Рахманова, в октябре 1757 года последовало высочайшее повеление о выдаче от Дворцовой конторы по требованию Рахманова кормов, мяса и прочего обретающимся на зверовом дворе зверям, в числе коих находились львица и бобер (барс).

В августе 1738 года было приказано заколотить пенькою стены слонового амбара, "чтоб от наступающей стужи и холодных ветров не учинилось слону повреждения", чего сильно опасался надзиравший за слоном слоновщик персиянин. (Рукоп. сборн. изустн. указ.).

273 В 1741 году Шах-Надир или Кули-Хан Персидский прислал в С.-Петербург посольство с целью приобрести дружбу русской короны, намереваясь после

совершенного или покорения Индии подчинить своей власти и Турцию. Посольство это вместе со многими богатыми дарами, похищенными в сокровищницах индийской столицы Дели, привело в С.-Петербург 14 слонов и 30 верблюдов. (Миних-сын, стр. 198, и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. No 12).

274 Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., стр. 327, 332, 333. 335, 336, 338, 340, 341 и 342.

275 От 1743 года сохранилось известие о том, что при Обер-егермейстерской канцелярии хранились получавшиеся со Слонового двора слоновые клыки и расходовались оттуда по мере надобности. Эти хранившиеся клыки именовались "отпилками", что наводит на мысль, что содержимым во дворе слонам отпиливали часть бивней, вероятно во избежание несчастных случаев. (Рукоп., принадл. Имп. ох.).

До мая месяца 1745 года на Слоновом дворе по концам слоновых амбаров были расположены служительские покои. В мае императрица Елисавета Петровна, озабочиваясь принятием на Слоновом дворе противопожарных мер, приказала названные покои разобрать и выстроить их вновь, на расстоянии покой от покоя не менее трех сажен, не сообщая одно здание с другим и загородив простенки между зданиями (вероятно по наружной, фасадной стороне) забором. (То же).

В сентябре 1796 года в С.-Петербургскую охоту был доставлен от бухарского хана слон, на содержание которого было выдано "из остаточных сумм казначейства" денег 3489 руб. 31 коп. (Рукоп. сборн. им. ук., No 150).

9 ноября 1761 года последовал нижеследующий высочайший указ о вознаграждении графа Шереметева

за взятую у него под Слоновый двор землю.

"Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, соизволила указать, по поданному в Главную Полицию от Генерала Аншефа, Генерала Адъютанта, Действительного Камергера и Кавалера Графа Шереметева прошению, имеющееся в Литейной части порожнее его место принять в Полицейское ведомство и за то, також и оставленные ко двору его порозжие места и за занятую под Рождественскую слободку и слоновый двор землю доимочных квадратных денег не взыскивать и из доимки выключить для того, что взятая под слоновый двор и Рождественскую слободку земля употреблена для казенной пользы. А за прошлые годы квадратные деньги взыскать только за имеющуюся под состоящим его, Генерал Аншефа, Генерал-Адъютанта и Кавалера Графа Шереметева, по берегу реки Невы, двором землю". (Арх. Прав. Сен., кн. LIII, л. 30).

276 "Из числа зверей Петербургской Придворной охоты некоторые и преимущественно присылавшиеся из губерний (по курioзности) содержались в дворцовых садах, в помещениях ведомства Канцелярии от строений. В мае 1741 года в этих помещениях находились: 3 белых медведя (которых не должно смешивать с помещавшимися на зверовом дворе), 4 росомахи, 3 барсука, 4 лисицы, 5 соболей, 3 песца, дикая кошка и самур. В сентябре этого года сюда же поступили присланные из Астрахани ко двору: 3 дикобраза, 2 кабана, барсук и олень. В начале октября 1741 года здесь содержались, кроме того, 2 сурка. Звери, по месту нахождения, состояли в ведении смотрителя дворцовых садов и получали содержание от Канцелярии от строений. Об устройстве самых

помещений для животных указаний не находится; о кормовом же содержании зверей встречается сведение, касающееся только тех из них, которые содержались в мае 1741 года. Корм состоял из говядины, отпускавшейся ежедневно: медведям по 10 фунтов, россомахам по 2 фунта, барсукам по 2 фунта, лисицам, соболям, песцам, дикой кошке и самуру по 1 фунту. Кормовые припасы для зверей (и вместе с тем для птиц, содержавшихся в дворцовых садах) Канцеляриею от строений заготовлялись подрядом. Во весь 1740 год поставлено было для этой цели 661 пуд 4 фунта говядины и 22 пуда 38 фунтов говяжьего сердца, всего на 544 руб. 32 коп.". (Внутр. быт Росс. госуд. 1740–1741 г., стр. 346).

21 марта 1788 года на егерский двор была доставлена белая лисица, пойманная в январе этого года в 20 верстах от Суздаля в мелочах Лопатинской волости. (Сборн. им. ук., рукоп., No 130).

277 В 1736 году был построен на "Фонтанке-реке", близ Летнего дворца, новый Слоновый двор для новоприсланного из Персии слона. (Рубан, стр. 136).

В 1759 году в С.-Петербурге на Слоновом дворе содержались слоны и белые медведи, которых нередко показывали знатным иностранцам, прибывавшим в нашу столицу. (Зап. о пребыв. герц. Курляндск., стр. 266).

278 К 1720 году относится известие о содержании при с.-петербургских дворцах белых медведей. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4 – 654).

Выше мы приводили сведения о содержании состоявших при С.-Петербургских охотах черных медведей при мясных рядах. В дополнение к этому из цитируемого сочинения заимствуем следующее:

"30 июля 1741 года торговцы этих (мясных) рядов, в числе четырех человек, подали в Придворную Контору прошение о возврате им 2334 рублей 78 коп., издержанных ими на содержание, с апреля 1737 года по июль 1741 года, "казенных" медведей (на корм их, наем для них двух работников, покупку канатов и ошейников) и об увольнении их на будущее время от содержания этих медведей. Прошение передано было к Егермейстерским делам на заключение. Командующий охотами фон Трескау, рассмотрев это прошение", нашел, что "просителям удовольствия никакого учинить невозможно". "Чем кончилось дело, неизвестно..."

279 6 мая 1758 г. обер-егермейстер Волынский вошел со всеподданнейшим докладом о том, что "из имеющихся в мясных рядах черных медведей, которые отданы в те ряды на корм от охоты Ее Императорского Величества, один медведь, сорвавшись с каната, заел до смерти малолетнюю девку", и притом всеподданнейше представлял, что "небезопасно от тех медведей, дабы и впредь людям какого повреждения не было". Императрица Анна Иоанновна приказала: "Черных медведей всех из мясных рядов вывести и содержать оных за Невскою рекою, близь слободы Охты, и как для оных, так и для белых медведей, огородить дворы палисадником, а кормом черных медведей довольствоваться по-прежнему от мясных рядов". (Рукоп. сборн. Им. изустн. указ.).

280 В начале пятидесятих годов XVIII столетия императрица Елисавета Петровна, посетив однажды архиепископа Феодосия в Александро-Невской лавре, увидела у преосвященного молодого медведя, обученного разным штукам приказным келейником

того монастыря, Феодором Карповым. Медвежонок столь позабавил государыню, что она пожелала иметь такого же у себя и приказала выписать из Москвы двух медвежат, а по присылке таковых отдать их Карпову "для содержания и обучения ходить на задних лапах и прочее". На покупку корма медвежатам велено было выдавать, по мере надобности, деньги из Монетной канцелярии. Однако размером отпускавшихся на эту надобность денег Карпов, человек, по-видимому, бедовый, остался недоволен, вследствие чего произошла целая история, весьма интересная в исторически-бытовом отношении.

В мае 1753 года главный судья Монетной канцелярии статский советник Шлаттер доносил кабинет-министру барону Черкасову, что "к комисару Карпову в Невский монастырь послан на корм медведенкам один рубль, токмо какою учтивостью он оного принял, о том из приложенной при сем сказе усмотреть изволите".

В сказке этой было написано следующее: 19 мая гвардии отставной солдат Шестаков был послан Шлаттером к Карпову с требованием, чтобы последний прибыл в Монетную канцелярию для получения, по указу, денег на корм медвежатам. Карпов сказался больным и исполнить требование Шлаттера отказался, почему 21 мая к нему был послан с тем же отставным солдатом Шестаковым "рублевик с портретом Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елизавет Петровны". "Карпов тот рублевик у него, Шестакова, вырвав из рук, бросил на пол, который и закатился за сундук, и при том же он, Карпов, сказал: вели де оным рублевику кто тебя послал подтереть (ж...у), и вышеписанного статского советника он же, Карпов, при том бранил скверною бранью, и приказал

же он, Карпов, ему, господину статскому советнику, сказать, чтоб к нему, Карпову, прислать, и либо и сам он, статский советник, привез 500 рублей". После этого, не отдав Шестакову ни рублевика, ни расписки в получении такового, Карпов выслал посланного из своей квартиры вон "с великим осерчением, браня скверною бранью и угроживая, ежели де хочешь цел быть, то поди вон, а скажи де, чтоб прислано было... 500 рублей немедленно".

Барон Черкасов приказал объявить с.-петербургскому архиепископу, чтобы он Карпова "унял, ежели не желает видеть, чтоб отослан был в Тайную Канцелярию, ибо оный Карпов небитый в покое быть не может".

Карпова уняли. Более пререканий относительно размера денег, выдававшихся на корм медвежатам, он не заводил и начал со старанием обучать медвежат в особенном, сшитом для них платье, ибо "без платья их совершенно обучить никак, по их обычности, невозможно". (Госуд. арх., р. XIV, No 155 – 1755 года).

Заметим здесь кстати, что медведей в прошлом столетии обучали всевозможным довольно замысловатым штукам. Так, в No 52 "С.-Петербургских ведомостей" за 1771 год сообщалось "для известия" следующее: "Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешний город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, по их приказанию исполняют, а именно: 1) Вставши на дыбы, присутствующим в землю кланяются и до тех пор не встают, пока им приказа не будет. 2) Показывают, как хмель вьется. 3) На задних ногах танцуют. 4)

Подражают судьям, как они сидят за судейским столом. 5) Натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука. 6) Борются. 7) Вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые ребята. 8) Берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам. 9) Задними ногами перебрасываются через цепь. 10) Ходят как карлы и престарелые и как хромые ногу таскают. 11) Как леженка без рук и без ног лежит и одну голову показывает. 12) Как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов. 13) Как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленях, выкравши же валяются. 14) Показывают, как мать детей родных холит и как мачиха пасынков убирает. 15) Как жена милого мужа приголубливает. 16) Порох из глаза вычищают с удивительною бережливостью. 17) С меньшей осторожностью и табак у хозяина из за губы вынимают. 18) Как теща зятя подчивала, блины пекла и угоревши повалилась. 19) Допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего сопротивления. 20) Кто похочет подают тотчас лапу. 21) Подают шляпу хозяину и барабан, когда козой играет. 22) Кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая кланяются. Хозяин при каждом из вышепомянутых действий сказывает замысловатые и смешные поговорки, которые тем приятнее, чем больше сельской простоты в себе заключают. Не столько бы вещь сия была смотра достойна, ежели б сии дикие и в протчем необуздаемые звери были лишены тех природных своих орудий, какими они людям страх и вред наносят; напротиву того, не обрублены у них лапы, также и зубы не выбиты, как то обыкновенно

при таких случаях бывает. Все вышепомянутое показано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте, противу церкви Николая Чудотворца, по полудни в шестом часу. Первые места по 25 коп., вторые по 15 коп., а последние по 5 коп. с человека. Смотрители впускаемы будут за заплату наличных денег".

9 июня 1781 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала своей московской конторе: "Как де состоящие на птичном дворе разных родов голуби, кои в летнее время всегда содержались в Летнем Ее Императорского Величества саду в клетках, ныне совсем перевелись, а иметь их в том саду всегда надлежит, почему и велено, для реченной надобности и приплода, купить в Москве помянутых голубей, а именно: трубастых, грибастых, дутышей и красных всех родов десять пар, ибо оных, как уповательно, в Москве есть довольное число, в Санкт-Петербурге ж совсем их не находится; по покупке ж их прислать в Санкт-Петербург со птичьей охотою". (Там же, стр. 49).

В с.-петербургских же садах содержались и живые чайки, которые ловились тут же. 5 августа 1740 года "для приманки птиц чаек" было куплено в один из садов 50 штук живых плотиц. (Госуд. арх., ч. I, разр. XIV, No 57).

281 Дворцовые сады находились в это время под управлением итальянца Михеля Анжело Массе. Их названия были Первый, Второй, Третий (которые были расположены где-то близ берега реки Фонтанки, в недалеком друг от друга расстоянии), Италианский, Новый огород, Летний сад. В Первом саду "содержались разного рода птицы, для чего здесь находилась большая птичья клетка"; в ней помещались

различные мелкие птицы. Эта клетка с птицами, вызывавшая особенное внимание и заботы Канцелярии от строений, состояла также под особым надзором смотрителя, или "за инспектора", дворцовых садов и огородов Христиана Стерлиха, у которого под рукою было несколько птичников. Таков, например, был птичник Семен Алексеев Башмаков. По требованию Канцелярии от строений Стерлих в ноябре 1741 года донес ей об этом птичнике: "онный птичник Башмаков обретается у кормления и содержания в чистоте разных родов заморских и российских птиц при дворе Его Императорского Величества".

Заметим кстати, что "птичники", состоявшие при "Менажерии", бывшей в дворцовом саду, состояли в ведомстве Канцелярии от строений, "птичники", бывшие при птичьей охоте, находились в ведомстве Егермейстерских дел, и, наконец, "птичники", наблюдавшие за птицами в императорских комнатах, зависели от Дворцовой канторы.

"До 1741года при птицах и малых зверях, здесь также находившихся, было 11 птичников, но в январе 1741 года, по требованию "за инспектора" Христиана Стерлиха, Канцелярия от строений определила 19 января того же года, по причине недостаточности их, "к кормлению и содержанию в чистоте тех птиц и малых зверей", "в прибавок к имевшимся в наличности 11 птичникам, еще 14 человек".

Жили птицы и звери в особых "покоях". Тут же состояли две мартышки ведомства Егермейстерских дел. В смотре особаго егеря Ягана Якова Коломбуса имелись в том же Первом саду тетерева, куропатки, а также страусы, но последние в 1741 году померли. "Для денного и ночного караула имелись при магазинах, у птиц, у мелких зверей и при материалах несколько

солдат до половины 1741 года, посменно, из расположенных в С.-Петербурге полевых полков; а с того времени из батальона Канцелярии от строений 4 солдата. Эти караульные, пока стояли на карауле у означенных мест, состояли в ведении "за инспектора" Стерлиха, который, сверх того, употреблял их для присмотра за птичниками при раздаче пищи птицам и мелким зверям, чтоб оную не расхищали, а также солдаты имели обязанность охранять на том дворе строения от огня". (Внутр. быт Росс. госуд., стр. 147–149).

В мелких птицах в Первом саду имелись: соловьи, жаравлики, зяблики, подорожники, снегири, овсянки, реполовы, дубоноски, иры, чижи, чечетки. Птицы эти доставлялись в клетках во дворцы и уже оттуда выпускались в сады и огороды на волю. В документах, между прочим, значится, что "в комнаты Ее Императорского Величества непрестанно требуются разного звания птицы". Канцелярия от строений сама посылала охотников для ловли птиц, выдавая им на это особые билеты, причем охотникам настрого запрещалось пойманных птиц продавать на сторону "под опасением штрафа с великим наказанием". (Там же, стр. 150 и 151). Большие птичьи клетки, находившиеся в саду, покрывались на зиму "от дождей и снегов" особыми чехлами. (Там же, стр. 152). В места, где содержались птицы, публика не пускалась. (Там же, стр. 154).

Во Втором саду имелись особые приспособления для стрельбы – "места, где для стрельбы ставятся шатры, полы и для стрельбы круги и цели". (Там же, стр. 159).

В остальных садах не имелось ничего носившего охотничий характер. В Третьем саду имелось много

цветов, плодовых растений и овощей. Итальянский сад на Литейной улице служил для прогулок в экипаже, при чем в нем было много ягодных растений, цветов и особые "дынные фрукты". (Там же, стр. 162).

Для имевшихся в то время в с.-петербургских садах разных родов птиц было куплено с 1 марта по 1 августа 1741 года 556 пудов 9 1/2 фунтов свежей рыбы, по 77 коп. за пуд; для соловьев каждый день, кроме муравьиных яиц, покупалось по 2 фунта "сердца говяжьего"; а для имевшихся при дворце 4-х орлов покупали в день 172 фунта мяса говяжьего. (Там же, стр. 152).

282 Кроме Летнего и Первого дворцового сада, в Петербурге в то время было еще несколько дворцовых садов: Второй, Третий и Итальянский. Во Втором дворцовом саду были устроены особые приспособления для стрельбы: шатры, полы, круги и цели. В Третьем саду было разбито множество цветочных клумб и разведено много плодовых растений. Итальянский же сад, расположенный на Литейной улице, служил главным образом для прогулок в экипаже; в нем было много ягодных растений, цветов и "дынные фрукты". В 1739 году возникал вопрос об устройстве в Петербурге при царских охотах особого парка – "яхт-гартена". Состоялся даже по этому поводу Именной указ императрицы Анны Иоанновны, но он почему-то не был приведен в исполнение.

283 В том же 1740 году в одном из с.-петербургских садов, но в каком именно, не знаем, "под смотрением гегерейтора Колюмбаса" состояло, между прочим, 14 пар живых тетеревей и 110 пар серых куропаток. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 – 1629, д. No 46).

284 К 1727 году, к началу царствования императора

Петра II, относится и начало формирования С.-Петербургской Императорской псовой охоты. В мае этого года светлейший князь Александр Данилович Меншиков писал в Москву к генерал-губернатору князю Ивану Федоровичу Ромодановскому, что "по указу Его Императорского Величества велено Ивана Петрова сына Толстова псовую охоту всю, да Юрья Ржевского собаку половопегую с охотниками отправить в С.-Петербург в самой скорости на подводах, чтоб дорогою не измучились, а которого числа отправлены будут, о том уведомить". По этому приказанию было выслано 25 июня того же года 21 борзая собака и 32 выжлеца при ловчем и десяти человеках псарей. (Там же, оп. 75, No 137).

Образованная в С.-Петербурге псовая охота вместе с двором императора Петра II переехала в Москву, однако в документах 1733 года снова встречаемся с С.-Петербургской Императорской псовой охотой. (Там же, оп. 6, д. No 597).

Имеется известие, что в том же 1737 году при С.-Петербургской псовой охоте содержались медведи и медеянские собаки. (Моск. арх. Мин. юст., д. No 7 – 1071).

285 В том же 1740 году июля 3 числа было предписано "отписной Артемия Волынского загородный дом по Фонтанке реке у Обухова моста определить для содержания Императорской придворной псовой охоты и отдать в ведомство Полковника фон-Трескау". (Тот же арх., кн. Сен. 8 – 1072).

В это время в доме Волынского имелось 15 жилых барских покоев и 10 людских покоев, да велено было еще пристроить 12 покоев, да перенести сюда 10 срубов под псарный двор. (Тот же арх., кн. Сен. 9 – 1086).

"До половины 1740 года псовая охота помещалась в старом Псарном дворе (где находился этот двор в Петербурге, из документов не видно); отсюда в этом году предполагалось перевести псовую охоту на новое место, к двору князя Борятинского, близ речки Фонтанки, для чего и куплено было 10 трехаршинных срубов. Но предположение это не было приведено в исполнение вследствие высочайшего повеления, последовавшего в том же году, об отдаче под псовую охоту загородного двора А. П. Волынского, на той же речке Фонтанке у Обухова моста". (Быт Росс. госуд., ч. I, стр. 314).

"Вслед за принятием двора Волынского под псовую охоту, в нем начались работы по приспособлению его для нового назначения. Прежде всего приступлено было к устройству особых огороженных досками дворов для выпуска собак, на что потребовалось 300 бревен и 3000 досок. Затем начата постройка кузницы "для дела ко Двору Ее Императорского Величества ружей", на очаг которой требовалось 7000 штук кирпича, железные своды и, на прибавку на крыше тесниц, 10000 гвоздей. В то же время приступлено было к постройке больших двух светлиц "в десять срубов". Но уже в самом начале, когда устройство помещений для собак и служителей при них лишь начиналось, Командующий охотами 25 августа дал Комисару Егермейстерских дел Коноплеву следующий приказ: "Понеже Старый Псарный двор, где содержится ныне псовая Ее Императорского Величества охота, будет ломаться сегодня, того ради тебе с оною Псарного двора всех охотников и псовую Ее Императорского Величества охоту и припасы, что есть, все перевести на отданный под псовую охоту Артемия Волынского двор сего же числа немедленно,

чтоб конечно все переведено было пополудни до второго часу, также и служители все выбрались сего числа, хотя б, до постройки покоев, в одну или в две избы на оном же Волынского дворе". Из дел не видно, успел ли Коноплев в один день всю охоту и служителей перевести в новый двор и каким образом; но уже 3 сентября Командующий охотами представил всеподданнейший рапорт Императрице, которым доносил, что вся псовая охота, в составе 195 собак и 63 служащих и служителей (не считая женщин и детей) переведена уже на отданный под эту охоту двор Волынского. Между тем строение упомянутых светлиц замедлилось, что крайне затрудняло людей, перебравшихся на новое место и помещенных весьма тесно. Трескау несколько раз относился в Канцелярию от строений с просьбою ускорить работы. Канцелярия от строений, 1 сентября, известила Егермейстерские дела, что, по ее распоряжению, перевезены на двор Волынского с прежнего назначенного под псовую охоту места, что подле двора князя Борятинского близ речки Фонтанки "десять срубов, в том числе семь срубов во всех стенах по 8 1/2 аршин, три сруба во всех же стенах по три сажени", при чем спрашивала, как строить те светлицы: с сенями или без них? На это Командующий охотами уведомил Канцелярию, что "те срубы подлежат на том дворе построены быть жилыми покаями попарно; а между каждых двух изб чтоб были сени мшенные с верхними потолками и полами, и на верхний потолок былаб лестница; также и в тех десяти избах надлежат же быть сделаны печи, и к дверям как избным, так и сенным крючья с петлями и с цепями, и в окна окончины, и покрыть те покои гонтом". Несмотря на это работы подвигались весьма медленно. 13 сентября Командующий охотами снова обратился в

Канцелярию от строений с требованием поспешить отстройкою как кузницы, так и светлиц, прибавляя, что в противном случае, он вынужден будет обратиться со всеподданнейшим прошением к Императрице. Затем, 2 октября он писал в Канцелярию о том, чтобы поспешить постройкою печей в светлицах, избах и собачьих амбарах "для нагревания оных, дабы за неделанием тех печей не учинилось собакам какого вреда". При всех настояниях Командующего охотами, окончательная работа по исправлению дверей, окон, стойл в конюшнях, мостов на дворе и прочего тянулась до мая 1741 года. В начале этого года отделаны были одни лишь покои для егерей, пикеров и прочих служителей, состоящих при псовой охоте; в марте отстроены сараи для собак, а в мае сделаны были к окнам новые рамы (по 16 стекол в каждой) и исправились старые". (Там же, стр. 317).

286 "Придворную псовую охоту составляли охота собственно Его Величества и особые охоты Правительницы Анны Леопольдовны и ее супруга, герцога Антона Ульриха. За неимением в документах сведений нельзя в точности определить, сколько было собак Императорской псовой охоты до яхт-штатов 1740–1741 годов; нет сомнения, что число их было весьма значительно. Чтобы дать приблизительное понятие о числе собак, бывших в 1740 году, достаточно привести, что в это время к наличным присоединены были собаки, конфискованные у Волынского и бывшего регента Бирона и купленные во Франции и Англии, всего 319 собак. Яхт-штатом 22 сентября 1740 года и 28 января 1741 года число собак псовой охоты было значительно сокращено: положено содержать только 138 собак, а именно 60 для травли оленей, 60 для травли зайцев, 12 борзых, 4 больших меделянских

и 2 "для труфли" (вероятно, для искания трюфелей); оставшиеся же за излишеством собаки, по Высочайшему повелению, розданы были разным лицам. Об этих излишних собаках Командующий Придворными охотами Трескау, вслед за изданием штата 28 января 1741 года, докладывал Императорскому Кабинету, что "при охотах Его Императорского Величества имеется бывшего регента собак гончих и борзых 68, которые при оной охоте быть не потребны и оных куда повелено будет раздать". На это 2 февраля 1741 года последовала резолюция Правительницы Анны Леопольдовны, именем Его Величества: "раздать желающим". О числе охотничьих собак Правительницы и ее супруга в документах указаний нет; упоминается только, что в январе 1741 года у герцога Антона Ульриха были две собаки. Впрочем, число собак той и другой охоты было равное, так как кормовые припасы отпускались на эти охоты поровну. При псовой охоте Правительницы состоял придворный егерь Пфицман, а при охоте ее супруга – особый, собственный Его Высочества егерь Мулий, на которых лежала обязанность продовольствовать вверенных им собак припасами, отпускавшимися по их требованиям, от Петербургской Дворцовой Конторы. (Не имев в руках подлинных документов, послуживших составителям цитируемого сочинения основанием для утверждения, что, помимо собственно Императорской псовой охоты, во времена правительницы Анны Леопольдовны существовали особые псовые охоты самой правительницы и ее супруга, трудно безусловно опровергать подобное мнение; однако считаем необходимым привести наше личное мнение, что подобных отдельных псовых охот никогда не существовало и что составители помянутого

труда ошибочно приняли собственные ее и его высочеств своры за отдельные охоты). Составлявшие придворную псовую охоту собаки были различных пород: борзые, гончие, медеянские, датские, легавые, таксы или "таксели", бассеты, хорты и русские. Особенно замечательны были собаки, выписанные из-за границы в 1740 году Императрицею Анною Иоанновною, а именно: малые гончие, называвшиеся "биклеса", весьма редкие в Англии; борзые самые большие, употребляемые для травли зверей; "хорты" или "тарсиерсы" – "для нор лисичьих". Об этих собаках русский посланник при Английском дворе князь Иван Щербатов уведомил 2 мая 1740 года Императорский Кабинет, что отыскивал и выбирал их в Англии славный там охотник сэра Роберта Вальполя – Смит, который "более за одну честь, по рекомендации Шевалье Роберта Вальполя, служил и имел не малое затруднение в прииске, паче же малых биклесов (Заметим, что по-французски *bigle* прилагательное – косоглазый, а *bigle* существительное – гончая собака; вероятно, "биклес" – старая французская порода гончих собак. Затем "таксели" и "бассеты" или разновидности одной и той же породы или синонимы: *basset* – значит такса или барсучья собака. Что такое "тарсиерсы" – не знаем; *tarse* – значит пятка, *tarsierr* – животное долгопят), которых весьма редко сыскать ныне в Англии". Говоря о породах собак псовой охоты, должно заметить, что здесь не было казенных легавых собак; придворные же стрелки имели собственных легавых, на корм которых до яхт-штата 1741 года отпускалась казенная овсяная мука из оставшейся от корма псовой охоты; с изданием означенного штата отпуск этот был прекращен, и стрелки обязаны были кормить собак на свой счет. Из мастей придворных охотничьих собак в

документах упоминаются: половопегая и муругопегая. Есть указания на следующие клички собак: Отлан, Сkozyрь, Трубей, Галфест. Назначение собак было разнообразно: травля (гоньба) медведей, волков, кабанов, оленей, лисиц, зайцев; ружейная охота за дичью; приискание трюфлей. В рапорте Командующего над охотами Императорскому Кабинету, от 3 сентября 1740 г., сделано следующее перечисление собак (с показанием отчасти их назначения), переведенных в новое помещение псовой охоты – бывший дом Волынского: "к травле оленей 60, травле зайцев 60, борзых 23, русских разных пород 21, меделянских 3, больших меделянских 18, датских 2, такселей 6, для труфли 2". (Там же, стр. 320).

В конце 1743 и в начале 1744 годов в С.-Петербургскую придворную охоту поступили собаки и лошади, конфискованные у Лопухина и князя Путятина.

26 сентября 1743 года Комиссии о Степане Лопухине и сообщниках его повелевалось: "Повелеваем Степана Лопухина лошадей и завод конский, також псовую охоту со обретающимися при ней охотниками, всю, где б она не была, в домах его и в деревнях, отдать все, а именно: цуковых и стоялых лошадей и конский завод в Нашу Собственную конюшню, Нашему Действительному Камергеру и лейб Кампании подпоручику Александру Шувалову, лошадей же разъезжих и псовую охоту с охотниками в Нашу обер-егермейстерскую Канцелярию, и хотя б что в раздаче куда было лошадей или собак, то все собрать и отдать, как вышеписано, и из оных охотников, которые, по рассмотрению той Егермейстерской Канцелярии потребны будут, тех оставить при Нашей охоте, а кои затем излишние останутся, о тех из оной

Егермейстерской Канцелярии сообщить в вышеозначенную Коммисию, а о приеме оных как лошадей и заводов конских, так и псовой охоты с охотниками, в те места указы Наши объявлены, и что чего куда отдано будет, о том подать Нам ведомость. Елисавет".

19 февраля 1744 года той же Комиссии сообщалось:

"Указали Мы, по докладу Нашего обер-егермейстера, из отписных Князя Путятина разъезжих лошадей 23 отдать к охоте Нашей да из отписных же Степана Лопухина и прочих сообщников его ружья и штуцеры годные отдать ко двору Нашему в ведомство помянутого Нашего обер-егермейстера и повелеваем оной Коммисии учинить по сему Нашему указу. Елисавет". (Арх. Прав. Сената, кн. 88 – 1743–4 гг., лл. 9 и 35).

287 В начале 1740 года в С.-Петербургской псовой охоте состояло собак: 1) для травли оленей – 60; 2) для травли зайцев – 60; 3) борзых – 19; 4) русских разных родов – 15; 5) больших медеянских – 21; такселей – 6; 6) трюфельных собак – 2; всего 185 собак и 52 охотничьи лошади (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086); но по яхт-штату 22 сентября того же года состав С.-Петербургской псовой охоты был несколько сокращен, а именно положено было иметь собак: 1) для травли оленей – 60; 2) для травли зайцев – 60; 3) борзых – 12; 4) больших медеянских – 4; 5) "для труфли" – 2; всего 138, на корм которых полагалось ежегодно по 322 четверти овса. Лошадей же при псовой охоте было положено иметь временно, до увольнения французских и английских пикеров, 20, а после их увольнения, всего лишь 12. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8251).

Рукоп. Имп. ох.

288 Любопытно, что в 1788 году последовало высочайшее повеление от 13 августа о передаче из с.-петербургской псовой охоты 45 лошадей во вновь вербовавшийся лейб-гусарский полк; лошади выбирались ротмистром Томичем, и за них обер-егермейстерской казначейрии приказано было выдать по 30 руб. за лошадь.

289 "Корм придворных собак состоял, смотря по породам, из овсяной муки, ситных хлебов, молока, шквар, говядины. По штату 28 января 1741 года овсяной муки положено было на каждую собаку по 4 четверти в год, а на всех 552 четверти; в каком же размере производился отпуск остальных кормов — из документов не видно, есть только сведение об отпуске припасов на собак вообще. Так, на корм Императорских собак с 1 мая 1741 года по 1 января 1742 года отпущено было по 8 фунтов говядины на каждый день; на собак Правительницы Анны Леопольдовны с 1 февраля по 1 июля 1741 года выдавалось ежедневно по 11 фунтов говядины и по 3 ситных хлеба; для кормления же собак Антона-Ульриха, кроме ежедневного отпуска 11 фунтов говядины, выдавалось еще по 4 кружки молока. Отпуск собакам овсяной муки, служившей им преимущественным кормом, положен был яхт-штатом в размере, превышавшем даже действительную потребность. Так, во весь 1741 год израсходовано на псовую охоту овсяной муки всего 500 четвертей, на 52 четверти менее штатного положения. Все кормовые припасы собакам отпускаемы были Петербургскою Дворцовою Конторою. В расходной книге этой конторы за 1741 год означалось, по чьим именно требованиям производился отпуск означенных припасов, именно: Императорским собакам — по

требованиям обер-егеря Бема, на собак Правительницы – егеря Фицмана и на собак ее супруга – егеря Мулия".

"Помещения собак приспособлены были для зимнего и летнего жилья. Зимой они помещались в "собачьих амбарах" с печами... ..в летнее время собаки помещались в "собачьих сараях"... ..На подстилку в помещениях для собак отпускалась Дворцовою Конторою солома, по 12 пудов на каждую неделю. Кроме вышеозначенных помещений, устроены были "для выпуска" каждой породы собак особые дворы. Небезынтересно упомянуть, что в описываемое время на псарном же дворе содержались два орла; в документах не находится объяснений, почему эти орлы были помещены здесь, а не на птичьем дворе. Больные собаки пользовались необходимым уходом и лечением; последнее производилось или простыми средствами – молоком и солью, или аптечными лекарствами. В документах находятся сведения о медикаментах, употреблявшихся для лечения собак, выписанных в 1740 году из за границы (о которых упомянуто выше). Так, 12 июня 1741 года Командующий охотами сообщил в Медицинскую Контору о присылке из Главной Аптеки медикаментов для составления лекарств вышеозначенным собакам, по записке пикера, англичанина Вильяма Вильсона, а именно: ревеню фунт, шафрана 1/2 фунта, квасцов 1/2 фунта, цвета серы горючей 10 фунтов, этиот минералис 1/2 фунта, салфеи и розмарина по горсти, купороса беленс унц, купороса римского 2 унца, яри 1 1/2 унца, корня ялаппы 1 1/2 унца, веницейского терпентина 1 1/2 фунта, французской водки 8 фунтов, крепкой водки 2 унца, помаду 10 унц, халканту фунт, сироп десцилацерфина 20 фунтов. В июле того же года в разные числа потребовано было таким же образом из

Аптеки: камфарного спирта 2 фунта, масла мятного бутылка, масла деревянного 40 фунтов, ялапного корня 2 фунта, смолы из того же корня 2 фунта". "Не менее прилагалось забот и попечений о щенятах от собак псовой охоты. Самки с своими детьми помещались отдельно от прочих собак; для кормления щенят, отнятых от матерей, употреблялось коровье молоко, для чего содержались на псаренном дворе три коровы".

В 1770 году при С.-Петербургской псовой охоте содержалось шесть трюфельных собак, находившихся под заведованием егеря Гейзлера. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 25). Кроме того, имелись от этих собак и щенки, на выкормку которых полагалось по 1 1/2 копейки в день на щенка для покупки им хлеба и молока, с тем, что, когда щенки подрастут, этот корм должен был быть заменен овсяною мукою в количестве 1 1/2 четверти на щенка в треть и "свешными шкварами", по 1 четверику на щенка в треть же. (Тот же арх., оп. 74, д. No 38).

По штату 1773 года в С.-Петербургской псовой охоте положено было иметь: борзых собак 50, гончих две стаи, всего 100 гончих собак, мордашек 12 штук, духовых собак 4 и легавых 2. (Кроме того, легавые собаки имелись в егерской охоте, в которой биксеншпаниеры и егеря обязаны были содержать каждый по 2 легавых собаки, а егерские ученики и птичники по одной легавой же собаке. Всего при егерской охоте состояло в 1773 году легавых собак 44 штуки). При этой псовой охоте содержалось "для выезда с собаками в поля" 53 лошади да "для возки в походы с борзыми и гончими собаками, и с богатою ливреею фур, с кормами и другими надобностями роспусков и для служащих всяких разъездов" 14

лошадей.

290 В январе 1742 года Трескау вошел со следующим всеподданнейшим докладом: "При здешней (С.-Петербургской) охоте имеется гончих аглицких собак только сто, а в Москве никаких не имеется, которые здешних морозов не терпят, и, может, что от великих морозов могут помереть и охраметь; а в Курляндии гончие лучше английских и французских собак. И для того не соизволите-ли, Ваше Императорское Величество, из Курляндии тех собак гончих, также и борзых, и легавых Курляндских, взять сюда". (Гос. арх., ч. I, раз. XIV, No 57).

291 "В 1740 году псовая охота пополнялась собаками, отписанными от Волынского, в числе 57, от Бирона – 68 и купленными во Франции и Англии – 194. О собаках, купленных за границу, имеются следующие довольно подробные сведения. В апреле 1740 года для императрицы куплены во Франции русским послом при тамошнем дворе, князем Кантемиром, 34 пары собак бассетов (коротконогих), в том числе несколько "ищущих трюфли", за 1100 рублей; доставка их в Петербург (содержание и перевозка) обошлась в 281 рубль 37 копеек. Деньги за этих собак уплачены были, по векселю, выданному князем Кантемиром во Франции на имя Кабинет Министра графа Андрея Ивановича Остермана, из сумм Императорского Кабинета. 1 августа 1740 года Кабинет, препровождая к Егермейстерским делам экстракт из письма князя Кантемира к графу Остерману с приложением счета издержкам, употребленным на доставку тех собак в Петербург, требовал возвращения в Кабинет означенных денег из сумм Канцелярии Егермейстерских дел. Но как в этой Канцелярии

свободных на то денег не оказалось, то и последовало Высочайшее повеление о возвращении их в Кабинет из сумм Статс-Конторы. Вместе с собаками прибыли в Петербург, для ухода за ними, французские пикеры Жан Дюбуа и Люис Жое. В том же году в Англии куплено русским посланником князем Иваном Щербатовым, при посредстве английского охотника Смита, бывшего на службе при охоте у первого в то время министра в Англии Роберта Вальполя, 63 пары разных пород собак: гончих биклесов, борзых и хортов. Приобретение этих собак обошлось в 481 фунт стерлингов, 17 шилингов и 5 1/2 пенсов (по существовавшему тогда курсу 2234 р. 77 к.) Из этой суммы употреблено собственно на покупку собак 170 фунтов 18 шилингов, в том числе за труды охотнику Смиуту 26 фунтов; остальные за тем деньги издержаны на доставку собак в Петербург, содержание их в Англии и в пути, на жалованье состоявшим при них охотникам и другие мелочные расходы. С собаками прибыли из Англии два охотника: пикеры Вильям Вильсон с женою и Вильям Броун".

292 "Придворные охотничьи собаки, по старости и хворости, как не способные к делу, отчислялись от псовой охоты. Так, в 1740 году Командующий охотами дал комисару ордер, чтобы "сбитых со двора имеющихся в псовой охоте борзых, гончих и меделянских 17 собак, за старостью и хворостью, при псовой охоте не числить". В 1740–1741 годах бывали довольно часто пропажи придворных охотничьих собак. О розыске их от Егермейстерских дел сообщалось в Главную Полицеймейстерскую Канцелярию и в Лейб-Гвардейские полки. Это последнее сообщение делалось вследствие обнаруженной кражи собак гвардейскими солдатами

при следующих обстоятельствах. В ноябре 1741 года, во время проезда пикера Вильсона с гончими собаками мимо слобод Семеновского полка, солдаты этого полка поймали и увели одну из гончих. По поводу этого случая Командующий охотами отнесся в Канцелярию Семеновского полка промеморией, в которой, между прочим, писал: "а понеже из тех собак многие и прежде сего пропадали, того ради сего промемориею требуется, дабы повелено было о сыске оной собаки и прочих пропавших и объявлении к Егерским делам немедленно объявить в полку приказом и запретить, чтобы никто впредь из тех собак, также и из борзых не ловили, а ежели у кого явятся, то с оными поступлено будет по указам". (Быть Росс. Госуд., стр. 319 – 322).

"В рапорте стремянного конюха Данилы Прянишникова, поданном в Придворную Контору марта 9 дня 1741 года, написано, что по принятии им в 1739 году от бывшего седельного надзирателя Дмитрия Козловского седельной казны, оказалось, что порох, который выдан был "для обстреливания лошадей", весь израсходован в том 1739 году конюхом иноземцем Василием Ванишенкером; вследствие того Прянишников просил разрешения купить 20 фунтов пороху, "ибо в оном порохе имеется весьма немалая нужда" (стр. 224).

293 "В октябре 1739 года, по приказу обер-егермейстера Волынского, несколько придворных охотников отправлены были в Копорье для ловли волков и "для вспоможения и кричания" при этой ловле велено было нарядить крестьян дворцовых Копорских мыз, по 20 человек в каждый "осок". (Внутр. быт Росс. госуд., стр. 345).

294 На с.-петербургском зверовом дворе положено

было содержать зверей, "которые ныне состоят", а именно 2-х барсов, 1-го каракуля, 4-х соболей, 4-х черных лисиц, 3-х рысей, 1-го волка и 1-го песца, на покупку которым кормов, баранины, говядины, молока, меду, сырцу, кедровых орехов, полагалось в год 800 рублей. Кроме того, "к содержанию оных зверей на покупку дров для топления звериных покоев, свечь сальных, цепей железных и медных колец с приборами, замков, ошейников, на поение зверей разной посуды, соломы для подстилки под зверей и на прочие при тех зверях необходимые расходы" отпускалось 70 рублей в год.

3 марта 1783 года князь Александр Алексеевич Вяземский (генерал-прокурор) препроводил обер-егермейстеру князю Голицыну для содержания на охотном дворе молодого барса, привезенного в С.-Петербург ташкентским караванным начальником и пойманного в Киргизской степи, у гор Алатау. (Сборн. им. ук., рукоп., No 93).

295 Под 1784 годом упоминается особый с.-петербургский птичий двор, куда по указу ее величества 18 января этого года была прислана живая черная лисица (там же, No 105), а 1 марта белый песец, соболь, 2 куницы, рысь и дикая кошка. (Там же, No 107).

296 По 1773 года штату повелено было "принять по приличности в ведомство Обер-Егермейстерское состоящие в ведомстве Конторы строения Ее Императорского Величества домов и садов разных родов птиц и зверей, которые в летнее (осеннее?), зимнее и вешнее времена содержатся на птичьем дворе, состоящем позади Италианского сада, близ Лиговского канала и с служителями, в 19 покаях, а в

летнее время те птицы в сараях на птичьем дворе и клетках при Летнем Ее Императорского Величества дворце; також и в Астрахани на птичьем дворе птиц и служителей", причем на корм тем птицам и зверькам отпускалось ежегодно 2267 рублей 80 1/2 коп. На починку же птичьих сараев, служительских покоев и на покупку судов для привоза из Астрахани птиц, и на прокорм их во время пути полагалось по 1000 рублей в год. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

297 Опис. Петерб., Рубан, стр. 136.

298 См. выше, стр. 146.

299 В продолжение 5 лет, с 1756 по 1761 год, строения бывшего двора Волынского у Обухова моста, где помещалась псовая охота, и здания Слонового двора перестраивались и ремонтировались распоряжением обер-егермейстерского ведомства. Работы эти обошлись Обер-егермейстерской канцелярии в 10.316 рублей 84 копейки, и так как они относились собственно к обязанности Канцелярии от строений, то означенная сумма и числилась долгое время в долгу на последней канцелярии. Однако долг этот с Канцелярии от строений был сложен императрицею Екатериною II, по докладу Бецкого, в 1771 году. (Рукоп. сборн. им. ук., No 52).

К 1761 году относится известие о том, что "в Летнем Старом Дворце, в первом огороде, всегда содержались и содержатся курьезные птицы нежных пород" и что на Обер-егерском дворе содержатся птицы более грубые. (Арх. кн. Воронцова, т. II, ст. 576).

24 марта 1768 года последовал нижеследующий указ императрицы Екатерины II: "По поднесенному Нам от Коммисии о С.-Петербургском строении плану подтверждали Мы слоновый двор уничтожить, а

строение надобное перенести в предместье, на егерский двор, состоящий по Фонтанной реке у Обухова моста, который и для всего Егерского корпуса весьма доволен быть может. Вследствие чего она (обер-егермейстерская) Канцелярия имеет сделать всему планы и сметы немедленно. Нам представить, чтоб еще будущим летом оную переноску начать можно было". (Рукоп. сборн. им. указ., No 33).

20 июля того же года обер-егермейстер Нарышкин вошел по этому со следующим всеподданнейшим докладом:

"По именному Вашего Императорского Величества указу, повелено слоновый двор уничтожить, а строение надобное перенести в предместье на Охотный двор, состоящий на Фонтанной реке у Обухова моста. Также Вашего Императорского Величества объявлен имяной указ от Главной Полицеймейстерской Канцелярии, чтоб Егерской и Мастерской дворы (где они помещались раньше – не знаем) перенести-ж также на оный Охотный двор. Вследствие чего обер-егермейстерская Канцелярия к помещению тех слонового, егерского и мастерского дворов на оном Охотном дворе у Обухова мосту сочинен план с фасадою и сметою по примерным ценам, и на всевысочайшее Вашего Императорского Величества рассмотрение всеподданнейше прилагаю. Но как все строение, имеющееся на оных четырех дворах, пришло совсем в такую крайнюю ветхость, что нельзя перевозить и более починивать, и для сего в той смете изображено о вновь строении, а именно: по берегу Фонтанки реки и в заворот несколько по Царскосельской прешпективной – все каменное, а прочее деревянное на каменных жилых погребах. А оное каменное строение назначено потому, что от

Главной Полицеймейстерской Канцелярии объявлено Высочайшее Вашего Императорского Величества, по докладу Коммисии о С.-Петербургском строении, повеление, чтоб в предместье дома строить, в набережной по Фонтанной реке, каменные, а в протчих улицах и деревянное, но на каменных жилых погребах таких, чтоб впредь можно на них достроить каменные же покои. Хотя в реченной смете и предъявляется важное число денег, но в рассуждении прочности такого каменного строения и великолепия, столь украшающего город, мниться, что оная сумма не излишняя. Но со всем тем, ежели Ваше Императорское Величество всевысочайше не повелите такую сумму на оное здание отпустить, то я всепокорнейше и другой план при сем прилагаю-ж; но как сие строение совсем будет деревянное и простое, следовательно, непристойно оному быть в городе, и для того изыскано место за Семинариею Невского монастыря по берегу реки Невы, меж жительства монастырских служек и конюшен кирасирских полков, на пустом болотном месте, а пока то строение совсем отстроено не будет, то всевысочайше повелеть как охоты Вашего Императорского Величества, так и служителей содержать на тех четырех дворах, где ныне живут. Когда же Ваше Императорское Величество всемилостивейше соизволите апробовать первый план, то при начатии того каменного строения необходимо потребно будет вывести Канцелярию с большею частью служителей, на что повелеть высочайше определить для найму дому потребную сумму".

К докладу этому приложен экстракт из сметы на каменную постройку, исчисленную в сумме 95.114 рублей 72 1/2 коп., и крайне для нас интересная пояснительная записка к проекту деревянных зданий,

которую и приводим полностью.

I Двор. 1) Строение для Канцелярии с принадлежностями и для содержания богатой ливреи 8 покоев, церковь с алтарем и трапезою. Для житья командира 6 покоев, для людей его 2 покоя и кухня да конюшня и сарай.

2) Сарай для пожарных инструментов.

3) Сарай для смотрения собак.

4) Пруд.

II Двор. 5) Связь для священника с причетниками: священнику 2 покоя и кухня, диакону 2 покоя, дьячкам и школьникам два покоя.

Нижеписанные покои для приказных служителей: Ассесора Секретаря и протчих полагаются для того, что как Канцелярия состоять будет за городом, то им квартир в городе за отдалением, иметь не должно, а в близости обывательских дворов нет и нанимать им негде, почему и делаются казенные.

6) Связь для Ассесора: 4 покоя и кухня.

7) Связь для Секретаря: 3 покоя и кухня.

8) Связь протоколисту и регистратору: 4 покоя и кухня.

9) Связь приказным служителям: 4 покоя и кухня.

10) Связь для комисара: 2 покоя и кухня, да писаря и покой.

11) Связь для лекаря: 3 покоя и кухня.

12) Связь для подлекаря с учениками: подлекарю 2, а ученикам и покой и при них кухня.

13) Связь для лазарета, а в оном одна большая сала, а другой покой малинькой и однн покой для аптеки, и при них баня.

14) Для оных служителей погреб, конюшня на 15 лошадей с сараями.

15) Пруд.

16) Два двора дровянных.

III Двор. Для зверей и той охоты служителей.

17) Связь для льва и протчих зверей 5 покоев.

18) С одной стороны тын железный для выпуска на воздух зверей.

19) Связь для жилья Главному слоновщику и зверовщикам (кои находятся на милостивом пансионе) и музыкантам; в них 24 покоя, в том числе: для главного слоновщика 2 покоя и кухня; слоновщикам и зверовщикам, 18 человекам, по две семьи в покой, 9 покоев; музыкантам, 48 человекам, по 6 человек в покой, 8 покоев; для содержания музыкальных инструментов и для учения музыки 1 большой покой; для мастеров, кои делают вновь и чинят рога, 1 покой да другой мастерской; при оных покоях и кухня.

20) Для оных конюшня на 6 лошадей и сарай.

21) Погреб.

22) Пруд.

Для птичьей охоты, кречетов и челигов, — и служителей.

(Кои привозятся из Москвы и ныне приискывается здесь им от Обер-егермейстерской канцелярии способное для выдержки оных место).

23) Связь для птичьей охоты: 3 покоя.

24) Связь для капитана или поручика и прапорщика 5 покоев с кухней.

25) Две связи для сокольников и кречетников; коих, бывает человек по 30, по 6 человек в покой, 5 покоев и кухня.

26) Конюшня на 30 лошадей и при ней сарай.

27) Погреб.

28) Пруд.

29) Связь рисовальному мастеру с подмастерьем: 3 покоя и кухня.

30) Связь – ружейная мастерская и для клажи инструментов: 2 покоя.

31) Связь – ложенная мастерская и для клажи инструментов: 2 покоя.

32) Связь ствольному заварщику, ружейным и ложенным ученикам: 4 покоя.

33) Связь ложенному мастеру с подмастерьем: 3 покоя и кухня.

34) Литейному мастеру с учениками 3 покоя.

35) Две кузницы.

36) Две связи: одна для коновала и кузнеца, в ней 2 покоя и одна кухня, да для учеников, 4 человек, 1 покой. Под тем же Но еще две связи для клажи железа и угля и кузнечных инструментов.

37) Пруд.

38) Погреб.

V Двор. Для егерской команды.

39) Две связи: одна находящемуся при Оружейной Палате Коллежскому Ассесору, а другая обер-егеру, а в каждой по 3 покоя и по 1 кухне.

40) Конюшня на 8 (стойл) для ассесорских и обер-егерских лошадей с сараями.

41) Шесть связей: егерям, 8-ми, по 1 покою и 2-м по 1 кухне, унтер-егерам, 3-м по 1 покою, а всем одна кухня; ученикам и птичникам, 19 человекам, по две семьи в покой, 10 покоев; всего 21 покой и 5 кухней.

42) Конюшня оным егерям, унтер-егерам, ученикам и птичникам для казенных 30 лошадей.

43) Пруд.

44) Пруд и посреди одного полатка для пороха.

45) Связь биксеншпаниераль: 4 покоя и кухня.

46) Погреб, конюшня на 4 стойла и сарай.

47). Двор для содержания уток и прочего.

48) При них два пруда.

49) Двор для трухтанов и куликов.

50) Сарай.

51) Для оных птиц в зимнее время два покоя.

52) Один погреб для клажи пристреленных диких птиц.

VI Двор. Для псовой охоты.

53) Связь для стремянных, одного егеря, а другого охотника, каждому по 2 покоя и по 1 кухне.

54) Связь для двух же стремянных охотников, каждому по 1 покою и 1 кухня.

55) Шесть связей: для корытничих, охотников, доезжачих, выжлятников, наварщиков и конюхов, полагая корытничим, каждому, по одному покою, а охотникам и протчим, 51-му, по 3 семьи в каждый покой и того 26 покоев.

56) Конюшня для стремянных на 10 лошадей и при ней сарай.

57) Для разных собак 6 дворов.

58) На оных дворах 6 денников.

59) Навесы.

60) Для дневальных охотников 2 покоя.

61) Наварня.

62) Бойня.

63) Навес для медведей.

64) Магазины для поклажи сена и овса и псовой охоты кормов и для охранения разного звания телят и охотничих приборов, також фур, роспусков, саней и протчих принадлежностей

65) Конюшня для казенных 100 лошадей.

66) Караульня.

67) Конюшня теплая для заповітливших лошадей, кои будут в лечении, на 10 стойл, и при ней сарай. (Госуд. арх., р. XIV, No 57).

По-видимому, ни один из представленных

обер-егермейстером планов не удостоился высочайшего утверждения, что побудило обер-егермейстера вновь обратиться в июне 1769 года к императрице с ходатайством, дабы до утверждения какого-либо проекта построек для всех с.-петербургских охот была отпущена потребная сумма денег для производства необходимых починок существующих в С.-Петербурге зданий Обер-егермейстерского ведомства и для замены части последних новыми, "так как иначе осенью и зимою невозможно будет жить нижним служителям".

Императрица приказала отпустить на сказанную потребность 3000 рублей. (Рукоп. сборн. им. ук., No 45).

300 В феврале 1773 года обер-егермейстер Нарышкин, указывая на то обстоятельство, что в штат внесена самая необходимая сумма; что по штату ничего не положено на ремонт зданий Обер-егермейстерского ведомства; что сумма, употребленная на последнюю надобность в предшествовавшие года и числившаяся в долгу на Канцелярии от строений, в 1771 году прощена ей; что в то время ощущалась настоятельная необходимость починить здания на трех с.-петербургских охотничьих дворах, чего Канцелярия от строений делать не хочет; что в Измайловском зверинце и дворе и в Семеновском на потешном дворе "одне ветхости", на приведение которых в сносное состояние исчислено было по смете 21.742 рубля 14 копеек, – всеподданнейше просил об указе на предмет назначения на ремонт сказанных сооружений: в С.-Петербурге по 2000 рублей, в Петергофе по 1000 рублей и в Москве по 4000 рублей в год. Ходатайство это императрицею уважено было, и деньги приказано было выдавать из Дворцовой канцелярии. (Рукоп. Имп. ох.).

5 ноября 1774 года обер-егермейстер Нарышкин снова представлял императрице о необходимости усилить отпуск денег на ремонт зданий и сооружений Обер-егермейстерского ведомства, как в С.-Петербурге, так и в других местах. "Ежели бы, – докладывал, между прочим, обер-егермейстер, – возвратила Контора от строений долговую сумму, состоящую в шестнадцати тысячах трехстах шестнадцати рублях восьмидесяти четырех копейках, то б мы не осмелились трудить Ваше Императорское Величество о сем. Но как из оной долговой суммы 10.316 рублей 84 коп. не повелено с нее взыскивать, а оставших 6000 рублей на поданной доклад от 9 февраля прошлого года совсем умолчено, то мы покорнейше и ожидаем всемилостивейшего указа, откуда оный весь долг повелено будет возвратить в Обер-Егермейстерскую Канцелярию. А правосудие Вашего Императорского Величества взыскивает, чтоб и партикулярные долги не пропадали, кольми паче о казенных подлежит нам пещися, чтоб целостность капитала, вверенного нам была всегда сохранна. Не представится странно, что такая сумма могла скопиться в Обер-Егермейстерской Канцелярии, когда извещено будет, что через тогдашний кредит бывшего Обер-Егермейстера графа Разумовского получались прямо из комнаты некоторые суммы. Сей анегдот или не всем известное происшествие весьма памятно нынешнему Обер-Егермейстеру, по неотлучному при Дворе его пребыванию". (Госуд. арх. ч. II, р. XIV, No 57).

301 5 апреля 1780 года обер-егермейстер князь Петр Алексеевич Голицын вновь возбудил вопрос о постройке общего помещения для всех с.-петербургских охот. "Как команда, принадлежащая к Егермейстерской Канцелярии, имеет, – докладывал

князь Голицын императрице, – свои построения на четырех разных местах: Первое – подле Обухова мосту, Второе – на Невской перспективе, Третье – близ Преображенского полку, Четвертое – русткамера в называемом Италианском доме; за исключением же руст-камеры прочее строение все деревянное и большею частью в крайней ветхости, на содержание которого и вновь, по згнилости, на построение употребляется ежегодно знатная сумма, то как ко отвращению столь ежегодного напрасного убытка, так и к соблюдению лучшего порядка соединением всей команды в одном месте, я и осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству представить последующее:

"Для егерской всей команды построить каменное здание на том месте, где Вашему Императорскому Величеству будет благоугодно; но удобнее бы было, чтоб не в дальнем расстоянии от воды, на которое строение нет надобности ассигновать ни откудова суммы, ибо хозяйственным моим попечением, со времени меня определения, в год и десять месяцев, имею уже за всеми расходами экономической суммы всей на вся до 35.000 рублей. Да наперед таковою же моею всеусерднейшею тщательностью уверить осмеливаюсь Ваше Императорское Величество, что до 10.000 рублей ежегодно экономических денег всегда на построение каменное употребить могу. К составлению же сей доносимой мною суммы не уменьшил я ничего положенного по штатам, как в числе людей, так и протчим положенном содержать; но, насупротив, прибавил заведением лазарета для больных, здесь и в Москве словесных школ и собрал по оным детей Егермейстерского корпуса, чего до моего вступления никогда не бывало; для соколиной и псовой охот

лошади мною куплены по большей части внове, равно как и прочие разные принадлежности, касающиеся до Егермейстерского корпуса, исправлены тож. Все ж вверенные мне люди получают свое жалованье, платье, аммуницию без всякого уменьшения, а тем меньше продолжения по времени, в чем есть-ли соизволите Ваше Императорское Величество соблагovolить через постороннего каждого моего подкомандующего допросить, равно как и ружья в ее чистоте и ружье исправности освидетельствовать

"Хозяйство же мое к собранию показанной суммы состояло главнейше в том, что отрезал я ненужное число комисаров, которые брали для разных зверей, собак, так и лошадей число почти беспредельное прокормления, определяя к расходам людей достойных. Травы в зверинцах пропадали без кошения, равно как во оных без собирания весь и буреломный лес. Подряжаемый провиант и фураж ценою был многим мною заключен уменьшительнее против прежних годов. Равно ж и перестройка квартир и зверинцов, что показать могут мои книги. Отменил я отпуск фуража многим служителям, на собственных их лошадей получаемый. Отпустил 12 гребцов и квартирмейстера, ежелетно нанимающихся для шлюпки, как и других излишних чужестранных людей, заняв их места выбором достойнейших из команды, нужных, но несравненно с уменьшительным жалованием. Да и прочие мелкие расходы от похищения предохранил, что вообще и составило примечательную сумму.

"При приеме мною в командование обер-егермейстерского корпуса от бывшего господина Егермейстера Польшмана, получил я наличными деньгами 18.000 рублей, о чем тогда Вашему

Императорскому Величеству общими от нас рапортами донесено и было. Но через самое короткое время вступления моего оказалось, что многие в команде чины не были за прошедшее время удовлетворены жалованьем, мундирами и аммуниционными деньгами, а подрядчики не заплачены за доставленный провиант и фураж, которое всей суммы и составило до 10.000 рублей, что Ваше Императорское Величество если соблаговолите к удостоверению повелеть освидетельствовать в Канцелярии в книгах и именных списках, каковая кому за прошедшее время в командование господина Польшмана выдача в бытность мою сделана была, то за сим исключением и с теми, которые господин Польшман при вступлении своем нашел экономических в Канцелярии, получил я всех от него в наличности только с 8.000 р.

"Буде же Вашему Императорскому Величеству благоугодно есть мое всеподданнейшее представление принять и повелеть строить каменное Егерскому всему корпусу здание, то в таком случае предлагаю, чтобы оканчивать его частями, ибо, тем самым посредством, в оконченное можно будет вводить команды и опрастывать то построение деревянное, в котором теперь они есть; следственно уменьшаться будет расход на содержание теперешних их квартир и строение, почти ежегодное, новых деревянных связей. А тем самым прибавляться будет и сумма на построение каменное. Но, всемилостивейшая Государыня, как я не имею никакого архитектора, который бы таковому строению мог сделать план и фасад, то приемлю токмо на себя, когда воля Вашего Величества будет, представить описание, что покоев есть нужно, как для команды, так и помещения птиц и зверей разных. На что и буду ожидать Вашего Императорского

Величества повеления". (Рукоп. сборн. им. ук., No 81).

14 апреля того же года последовало высочайшее повеление приступить к сказанной постройке, расположив таковую на Песках и отнеся потребный на эту надобность расход на остаточные деньги от штатной суммы. (Там же, No 81).

Об этом повелении уведомлял обер-егермейстера князя Голицына генерал-майор Александр Андреевич Безбородко, письмом от 18 апреля, сообщая, между прочим, что императрица собственно выразила мнение, что постройка должна быть возведена или на Песках, или в другом каком-либо месте вне города, а не внутри его, "ибо содержание там собак и других зверей могло бы быть для жителей беспокойно, а иногда и небезвредно". Для составления планов и фасадов Екатерина Великая приказала назначить выписанного из Италии архитектора Тромбара. (Там же, No 82).

14 мая 1781 года Безбородко писал обер-егермейстеру князю. Голицыну, что императрица приказала место для новых построек Егермейстерского корпуса найти ему, обер-егермейстеру, совместно с с.-петербургским губернатором и обер-полицеймейстером, там ли, где слоновые дворы были, или по Царскосельской дороге, где бы и вода была. Избранное место предписывалось в подробности осмотреть с архитектором и приступить к составлению плана. Относительно фасадов к зданиям, которые, по-видимому, были представлены императрице ранее, Безбородко писал, что ее величеству хотя последние и показались хорошими, но государыне не нравится, что здание проектировано одноэтажным, так как экономичнее было бы построить здание в два этажа, расположив его четырехугольником и оставляя внутри дворы. (Рукоп. Имп. ох.).

По письму этому князь Голицын докладывал 12 июня того же года императрице, что, по осмотре, удобнейшее место оказалось по Царскосельской дороге за вновь строящимся городским земляным валом, "на котором есть пески и по близости вода, и бывший при том архитектор Тромбар сие место к помещению на нем, по данным от меня программам, двухэтажного каменного здания признал способным". К этому князь Голицын присовокуплял, что ежели императрица пожелает, чтобы постройка производилась под его, обер-егермейстера, наблюдением, то он всеподданнейше просит приказать:

1) "Приискать некоторое число людей для присмотру за материалами и строениями, ибо состоящие в Обер-Егермейстерском корпусе чины и служители обязаны все должностями по их званиям, и о таковых приисканных мною людях, сколько их необходимо будет потребно, в рассуждение как они состоять имеют сверх штата, поднести Вашему Императорскому Величеству для всевысочайшей апробации всеподданнейший доклад".

2) "Нынешнего текущего года зимою начать заготовление потребных материалов, а будущего 1782 года весною вступить в производство строения".

3) "На то строение деньги употреблять имеющиеся в Обер-Егермейстерской Канцелярии, остаточные за всеми годовыми расходы и через трехгодичную мою в Егермейстерах бытность экономиею приобретенные, которых будущего 1782 года генваря к 1-му числу, ежели Главная Дворцовая Канцелярия считающиеся на ней в недоимке безостановочно отпустит, имеет быть более шестидесят или и до семидесят тысяч рублей". (Госуд. арх., ч. II, раз. XIV, No 57).

В августе того же года обер-егермейстер князь

Голицын представлял, между прочим, императрице, что 11 числа того месяца, "в полученном мною от Его Превосходительства господина Генерал-майора Александра Андреевича Безбородка письме объявлено, что Ваше Императорское Величество, всевысочайше апробовав план егерского дома, архитектором Тромбарою сочиненный, указали оный доставить ко мне для исполнения, располагая строение сие по срокам и по мере надежды на экономическую и остаточную в департаменте моем сумму, в чем неусыпное и всевозможное старание прилагать буду и с крайним моим рачением монаршую Вашего Императорского Величества волю исполнять должен. Строение же сие, угодно Вашему Императорскому Величеству, чтобы было производимо под смотрением архитектора Тромбары, а в протчем смотрителя за оным и всею экономией с потребными людьми из команды моей выбрать и определить мне предоставлено". Докладывая о том, что им уже сделаны распоряжения о назначении на работы торго, что в его команде не имеется свободных от должностей лиц, что архитектор Тромбар "за незнанием им Российского языка и с здешними мастеровыми людьми обращения, просит о назначении к нему архитекторского помощника", князь Голицын ходатайствовал об определении к работам из четырех гвардейских полков по 3 человека от полка по его, князя Голицына, выбору, с сохранением ими содержания от своих частей и о назначении в помощь Тромбару одного архитекторского помощника из Полицеймейстерского ведомства, "коих там состоит немалое число".

Кроме того, князь Голицын просил о сержанте Лейб-гвардии Измайловского полка Михаиле Аксакове, "дабы он был выпущен от армии Капитаном

("выпущен" — современный термин перевода из гвардии в армию) и определен к строению, в рассуждение так как он без малого уже шесть лет в сержантском чине, человек состояния и поведения весьма хорошего и к сей должности весьма нахожу способным и несколько лет мною знаем, надеясь от него вспомоществования себе немалого, за которого отвечаю равно как за себя". Жалованье Аксакову Голицын полагал выдавать из Обер-егермейстерской канцелярии, не требуя ниоткуда. (Госуд. арх., ч. II, раз. XIV, No 57).

30 мая 1782 года обер-егермейстер вошел по тому же делу со следующим всеподданнейшим докладом:

"С получением мною августа от 11 числа прошлого 1781 года от Вашего Императорского Величества апробованного плана о построении для всего Обер-Егермейстерского корпуса вновь каменного здания и церкви, с вызванными через публикацию подрядчиками производились в Канцелярии многие торги и медлительность состояла в рассуждение, что с начала цена объявлена ими была 500.000 рублей, да для такого необычайного здания число явившихся подрядчиков с начала состояло невеликое, а и явившиеся рассматривали немалое время план и кондиции и ныне кончили тем, что за то строение из всех их материалов с работными людьми и инструментами последнюю цену возьмут 30.000 рублей. Но я, по всеподданнейшему долгу моему, стараясь о приращении интереса Вашего Императорского Величества, по окончании сих торгов увещевал подрядчиков неоднократно об уступке цены, и на последок явившиеся вновь объявили последнее свое требование 360.000 рублей, а менее оной цены никто не берет и от торгов отказались. Определенный

же от Вашего Императорского Величества к тому строению архитектор Тромбар, по объявлению ему от меня оной цены, уверяет, что он ту требуемую подрядчиками цену поставляет весьма за умеренную, в рассуждение великости здания, которого одна только длина простирается на сто на семьдесят сажен. Но ежели-б на все означенное построение полная сумма была в Канцелярии в наличности, то-б я мог надеяться еще о знатной уступке, о чем и подрядчики при торгах объявили, что могли-б снести не малую сбавку, ибо они, воображая себе видимые кондиции, что остаточною ежегодно в Канцелярии небольшою суммою едва в 15 лет то строение окончать они могут-ли и такой дальний термин устрашает подрядчика потому: что год от году как материалы, так и каменщики становятся дороже, то и никакое нынешнее его исчисление верно быть не может, и через то показывают они опасность, дабы не прийти им в разорение.

"Вашему Императорскому Величеству в прошлом 1781 году, в июне месяце, всеподданнейшим от меня докладом представлено было о сумме остаточной в Обер-Егермейстерской Канцелярии за годовыми расходы, и моею экономией приобретенной, ежели оную Главная Дворцовая Канцелярия бездоимочно отпустит, то простираться может до 70.000 рублей, которую Ваше Императорское Величество всевысочайше повелели употребить на новое строение и впредь остающуюся на тож употреблять; но Дворцовая Канцелярия, уведав о таком великом у меня остатке, не зная с какого умысла, начала довольствоваться отпусками прочие места, а ко мне в Канцелярию с того самого времени и по ныне ничего не отпускают, и чрез сие удержание считается на ней в

недоимке 93.873 руб. 10 1/2 коп. Да с 1 числа июля сего года следует с нее получить полугодовой суммы 40.643 руб. 1/4 коп., а всей составит 134.514 руб. 10 1/2 коп. Наперед же сего та Дворцовая Канцелярия таких великих удержаний не делала, а хотя и оставляла за собою в недоимке сумму, но не более как 10.000 рублей. Ежели ж Дворцовая Канцелярия воображает о великости остатка у меня суммы от выбылых чинов и, может статься, размышляет, чтоб сию сумму удержать у себя, то, напротив сего, видит она в штате Егермейстерского корпуса нискость провианту и фуражам цен, и знает нынешнюю против того во всем дороговизну, на что в добавок к тому штатному положению, по исчислению моему, с 1774 по 1782 год, не требуя ниоткуда особливых денег, прибавлено из остаточной суммы до 50.000 рублей. В штате ж точно сказано: что есть-ли противу штатного положения провианту и фуражам цены будут превосходнее, о том повелено докладывать. Я ж о скорейшем отпуске недоимочной суммы в ту Канцелярию многократными писал промемориями, токмо в ответ письменно получал разные отговорки и обнадеживании; а напоследок и то, чтоб я согласился получить деньги из разных наместничеств и из Московской Дворцовой Конторы, на что я по самой необходимости и крайнему в деньгах недостатку и согласился, посылая в Тверское и Новгородское наместничества справки, есть-ли там дворцовая сумма. Но из первого отвечаемо: что хотя дворцовые доходы там и были, токмо Дворцовою Канцеляриею разассигнованы в другие места. Равным образом на посланный в Московскую Контору указ ответствовано, что там денег ничего нет. И через такие поступки Главная Дворцовая Канцелярия до того довела, что Егермейстерского корпуса служители, не

получая за прошедшую треть жалованья, претерпевают крайнюю нужду и с начала нынешнего года состоят без мундиров, ружей и лошадей, да и подрядчики, поставляющие для людей провиант, а лошадям, зверям, собакам и птицам кормы, за неполучением за прошедшую треть за таковые припасы платежа, впредь ставить отказываются, и оттого служители, по бедности их, терпят нужду. При том же и деревянное строение на разных дворах, в коем служители жительство имеют, весьма обветшало, которое, также и Петергофские зверинцы, требуют немало в нынешнее удобное время поправления; но остается все сие, за неотпуском денег, без исправления, а повеленное от Вашего Императорского Величества новое каменное строение, не получа от Дворцовой Канцелярии всей вышеписанной долговой суммы, и начинать невозможно. Когда же вся та сумма сполна отпущена будет, то за удовольствием служителей жалованьем и прочими окладами и за всеми видимыми и необходимыми расходами, в будущий 1783 год останется на первый случай до 90.000 руб. А впредь ежегодно тысяч до пятнадцати оставаться может.

"Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше представляю на всевысочайшую апробацию вышеписанную состоявшуюся с торгов за новое каменное строение последнюю цену 360.000 руб. И ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет указать мне оное за сию сумму строить, то дабы неупустить нынешнего удобного времени, також и подрядчиков, которые при торгах просили о скорейшем заключении с ними контракта, дабы они, зная верное положение, и материалы заготовлять стали, а по продолжении времени их к той

цене принудить будет невозможно, через что последует вновь переторжка к дальнейшему продолжению, да и новая цена, в рассуждение дороговизны, с превосходством противу нынешней может последовать, то и повелите, Всемиловитейшая Государыня, Дворцовой Канцелярии всю долговую на ней сумму и с следующею с июля месяца 134.516 руб. 10 1/2 к. в Обер-Егермейстерскую Канцелярию в непродолжительном времени отпустить и впредь наблюдать ей в отпусках тех сумм положенные термины, не чиня удержаний, и не доводить Егермейстерский корпус до такого крайнего состояния, в каком оный, за неимением в наличности ничего денег, ныне находится и великие нужды претерпевает. Я ж не излишней какой суммы из Дворцовой Канцелярии требую, а собственно положенной по штату. Другого ж средства, Всемиловитейшая Государыня, выручением означенной недоимочной суммы не нахожу и по крайней моей необходимости принужден уже себя нашел просить от Вашего Императорского Величества помощи, опасаясь при том, чтоб за сие в таком случае и себе не навлечь от Вас гнева.

"А как от Вашего Императорского Величества на сие всеподданнейшее мое прошение воспоследует всемиловитейшая резолюция, то и утруждать Ваше Императорское Величество не премину и о людях, к помянутому строению надобных, которые мною уже и приисканы, и необходимо при том быть нужны для надсматривания за производством в прочности строения и доброте употребляемых материалов". (Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57).

Как видно из доклада обер-егермейстера князя Голицына от 30 мая 1783 года, резолюции по

приведенному представлению не последовало, и ко времени составления последнего доклада за Дворцовою канцеляриею по уплате ею части долга все же числилось в недоимке 107.980 руб. 3 коп. "К скорейшему ж получению из Дворцовой Канцелярии сих денег нет никакой надежды, потому что она, имея у себя в наличности вышесказанную большую сумму 450.000 руб., уделила из них малое число, не заплатя всего числящегося на ней долгу. А впредь у нее вдруг такой большой суммы в сборе в скорости быть не может, через что повеленное строение весьма продолжается". Князь Голицын докладывал, что если бы императрица повелела причитающуюся Обер-егермейстерскому ведомству сумму уплатить из какого-либо другого присутственного места, то у него к 1784 году получилось бы остаточной суммы до 100.000 рублей, на которую можно было бы с успехом начать постройку, присовокупляя: "Не премину я сам, чтобы успех и прочность соответствовали желанию, а к смотрению за прочностью материалов и строения определяется из команды моей находящийся в Канцелярии, назначенный и при других должностях, надворный советник Петр Ершов, человек весьма отменно и прилежно рачительный и способный. Но по великости строения невозможно будет мне с одним надворным советником во всем производстве справиться, а других чинов свободных и способных в команде моей нет". Поэтому князь Голицын снова просил о назначении к постройке Михаила Аксакова, бывшего сержанта Лейб-гвардии Измайловского полка, а в то время капитана лейб-гренадерского полка, который состоял при нем ординарцем, известен ему за отменного служаку и с успехом исполнял многие поручения его, обер-егермейстера, по

обер-егермейстерской части. Назначение Аксакова к присмотру за постройкою Голицын проектировал совместить с поручением ему заведования Руст-камерой, в которой "хранятся собственные Вашего Императорского Величества драгоценные ружья и прочие вещи во множественном числе", на место умершего ассессора Иоганна Бема, с выдачею Аксакову жалованья, которое раньше получал Бем. (Госуд. арх., ч. II, разр. XIV, No 57).

На следующий же день, 31 мая, императрица Екатерина II подписала указ на имя обер-егермейстера князя Голицына, следующего содержания: "Позволяя Вам приступить к строению дома за городом, для помещения всей Команды Вашей потребного, по апробованному от Нас плану, повелеваем надлежащую на оное строение сумму 360.000 руб. употреблять из остатков от расходов по ведомству Вашему. Впрочем, Главная Дворцовая Канцелярия, при настоящем умножении доходов, будет в состоянии как должные ею Обер-Егермейстерской Канцелярии по сие время, так и впредь надлежащие деньги доставлять исправно, о чем от Нас ей подтверждено". (Рукоп. сборн. им. ук., No 94).

2 июня того же года генерал-фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын писал обер-егермейстеру князю Петру Алексеевичу Голицыну, что императрица разрешила: 1) уволить от военной службы Лейб-гренадерского полка капитана Аксакова для определения его к присмотру за производством сказанной работы; 2) выбрать для той же цели из егерской команды надежных людей; 3) приискать вольного каменного мастера; 4) всем этим лицам выдавать содержание из суммы, определенной на постройку. (Там же, No 95).

Вскоре же после этого Аксаков был назначен и на должность заведующего Руст-камерой, с переименованием в чин коллежского советника. (Камер-фурьерский журнал 1785 и 1786 гг.; Дополн., стр. 22 и 23).

В течение 1783 года, по-видимому, постройка нового здания для Обер-егермейстерского корпуса не производилась. По крайней мере мы знаем, что в апреле 1784 года императрица Екатерина II отменила ранее состоявшееся повеление о постройке сказанного здания двухэтажным и приказала вновь проектировать таковое трехэтажным, дабы самое здание уменьшилось по длине и расходы на его возведение сократились. Новый проект предписано было составить прежнему архитектору Тромбару. (Там же, No 109).

6 февраля 1785 года граф Александр Андреевич Безбородко писал обер-егермейстеру князю Голицыну, что ее величество утвердила вновь поднесенный ей проект здания для С.-Петербургских охот и соизволила приказать привести таковой в исполнение, начиная с более необходимых зданий и отложив постройку церкви напоследок. По высочайшему же повелению в это время был назначен одним из смотрителей за работами отставной секунд-майор Николай Ермолаев, с чином коллежского асессора и с производством ему жалованья по чину на счет остатков от штатных сумм Обер-егермейстерской канцелярии. (Там же, No 114).

Не производилась еще постройка помянутого здания и в 1785 году; 9 марта 1786 года граф Безбородко в ответ на понятного содержания письмо князя Голицына писал, что императрица не нашла необходимым издать новый указ о приступе к работам, так как подобный указ воспоследовал уже, и приказала поставить обер-егермейстера в известность, что в деле

построения помянутого здания он волен поступать по своему усмотрению, придерживаясь существующего порядка построения зданий подрядным способом. Вместе с сим, не желая стеснять инициативы обер-егермейстера, Екатерина Великая разрешила, в случае признания более выгодным, не прибегать к посредничеству подрядчиков, покупать потребные материалы и нанимать необходимых рабочих распоряжением Обер-егермейстерской канцелярии, то есть производить постройку хозяйственным способом при условии непревышения назначенной на постройку суммы и последующего затем представления всех оправдательных документов на ревизию в Императорский кабинет. (Там же, No 125).

После этого было приступлено к работам, к сожалению, неизвестно каким способом, и работы пошли весьма успешно, ибо в сентябре 1787 года князь Голицын доносил уже о возможности приступить в недалеком будущем к раздаче служащим в Обер-егермейстерском ведомстве квартир в новых зданиях. (Там же, No 129).

20 сентября этого года "состоящий при собственных Ее Величества делах" Храповицкий уведомлял обер-егермейстера, что императрица приказала прежде всего дать в новых зданиях дом с садом обер-егерю Функу, заведовавшему тогда собственными ее величества собачками. (Там же, No 129).

Производившаяся по частям постройка новых зданий для С.-Петербургских охот не была закончена еще и к 1790 году. В мае этого года императрица поручила Турчанинову навести справку, сколько осталось еще строить, сколько издержано на работы денег и какая сумма потребна на полное закончение работ. (Там же, No 139).

302 Петр Великий чрезвычайно любил это загородное место, и до 1723 года никто не смел приезжать в Петергоф без особого каждый раз на то разрешения императора. (Пушкарев, т. IV, стр. 167).

"У Монплезира большой выложенный камнем пруд, по которому плавают лебеди и другие птицы и особенный домик для маленьких птиц". (Бергхольц, ч. I, стр. 135 и 136).

303 Имеющиеся у нас первые документальные сведения о Петергофском зверинце относятся к 1736 году. В начале сентября этого года обер-егермейстер Волинский просил Императорский кабинет повелеть Дворцовой канцелярии по-прежнему отпускать корм зверям, содержащимся в названном зверинце. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7053).

304 15 декабря 1736 года "Ее Императорское Величество соизволила повелеть нынешнею зимою из Москвы, из Измайловского зверинца, взять в С.-Петербург, в Петергофский зверинец, немецких оленей и маралов по 50 зверей, кабанов рослых до 15 и таких, которые там для заводу быть не годны". (Письмо Забелина).

В июле 1757 года императрица Анна Иоанновна приказала отправить из С.-Петербурга в Петергофский зверинец приведенного 12 числа этого месяца из Персии слона, которого доставили в С.-Петербург под конвоем солдат, при капитане Свечине. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

Около этого времени в Петергофе был устроен Новый Заячий зверинец. В 1739 году форштмейстер Петергофского зверинца Газ требовал на зиму для 100 зайцев Нового Заячьего зверинца овса по 4 четверти и капусты по 2000 кочней в месяц, да для 5 диких коз

охоты герцога Бирона гороху и овса по 5 четвертей на тот же срок. Подобное чрезмерное требование Газа удовлетворено не было. Было решено, что зайцам капусты выдавать не надлежит вовсе и что молоченный овес для них "неспособен", а следует разметывать по зверинцу сноповый немолоченный овес, каждый день по 10 снопов. На коз же корм был отпущен, как испрашивалось (Там же).

305 В 1759 году в Петергофском зверинце содержались в числе других зверей также зубры (хотя это название и приводится прямо из документа, однако мы не уверены, что там в действительности были зубры; как уже говорено было выше, скорее допустить, что это искаженное название изюбр-олень). (Там же).

15 июня 1783 года в Петергофском зверинце "из комнаты Ее Императорского Величества" было получено 20 старых олонекских оленей. (Рукоп. сборн. им. ук., No 104).

Из птиц в это время в Петергофском зверинце содержались индейские куры и серые куропатки, причем последних было прислано в 1759 году из Царицына от полковника Кольцова 75 штук. (Там же). Кроме того, там же, в Малом зверинце, содержались до 1740 года фазаны под присмотром особого фазан-егеря (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086); но опыты акклиматизации этих нежных птиц в Петергофе желанным успехом тогда не увенчались, почему фазанов начали мало-помалу переводить в другие места. (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 576).

"В 1736 году при охотах в Петергофе содержались аурокусы, "зубри", олени, кабаны, дикие козы. В описываемое время аурокусов и зубров уже не было. Яхт-штатом 28 января 1741 года положено содержать в Петергофских зверинцах 110 животных, а именно: 72

оленя, в том числе 28 немецких и 44 сибирских (маралов), 35 кабанов, лося и 2 диких коз. На всех зверей в Петергофе в 1739 году было израсходовано: пшеницы 4 четверти, ржи 10 четвертей 2 четверика 6 гарнцев, ячменя 9 четвертей, овса 913 четвертей 5 четвериков 4 гарнца, овсяных снопов 4322, гречи 2 четверти, круп гречневых 2 четверика, гороха 40 четвертей 2 четверика 6 гарнцев, чечевицы 4 четверика, русских бобов 2 четверика, капусты белой и синей 1832 кочня, конопляного семени 2 четверти, отрубей 62 четверти 3 четверика 2 гарнца, ситного хлеба 64 пуда 2 фунта, хлебов басманов 1071, соли 14 пудов 21 фунтов, сена 8790 пудов, соломы на подстилку 152 воза, моха 20 возов. Все означенные припасы отпускались Петербургскою Дворцовою Конторою из дворцовых селений".

306 8 февраля 1738 года в Петергофский зверинец было доставлено из имения вдовы фельдмаршала княгини Натальи Борисовны Голицыной 21 живой заяц. (Рукоп. сборн. изустн. ук.).

Марта 24 того же года императрица повелела в Петергофском зверинце, "около городьбы всего зверинца, вокруг, нынешнею весною побить в землю колья, сколько возможно часто, один подле другого кола, глубины на полтора аршния, а вверх земли на пол аршина, дабы пущенные русаки зайцы подрываться под городьбу и подлазить из зверинца не могли". (Там же).

В течение этого года в Петергофском зверинце на прокорм кабанов выходило в год 100 четвертей желудей, которые собирались и привозились в зверинец окрестными дворцовыми крестьянами. Факт этот интересен, между прочим, в том отношении, что указывает на присутствие во времена императрицы

Анны Иоанновны близ Петергофа довольно обширных дубовых рощ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 – 1629, д. No 46).

307 В "Быте Российского государства 1740–1741 годах", кроме приведенных, находим следующие сведения о петергофских охотах:

11 апреля 1741 года последовал указ Петергофской конторы: "Понеже к увеселению Его Императорского Величества надлежит для ловли разных родов мелких птиц определить знающего человека, а на перед сего к той ловле был определен подпрапорщик Степан Елфимов, того ради, по указу Его Императорского Величества, Петергофская Контора приказали: для ловли птиц мелких: щеглят, чижей, зяблиц, снигирей, чечеток и других родов определить ныне вышеписанного подпрапорщика Елфимова, и для вспоможения ему, Елфимову, требовать баталиона от строений от полевых дел знающего к той ловле из солдат, который напред сего при той же ловли вообще с ним, Елфимовым, имелся, а ему, подпрапорщику Елфимову, ловлю показанных птиц иметь в неослабности, не упущая нынешнего удобного времени, и коли на прокорм оных потребно семя и прочего, репортовать немедленно; а об отпуске вышеписанного солдата к полковым делам сообщить письменно". (Часть I, стр. 151).

308 Командующий придворными охотами полковник фон Трескау в докладе своем, написанном 31 января 1741 года в Кабинет, "о состоянии порученных управлению его охот и о своих предположениях к их улучшению", между прочим, писал: "в Московском зверинце есть кабанов, оленей, коз диких довольно, которые всегда умножаются, и корму исходит

довольно, а застарелые звери и помирают, а в Петергофе оных зверей не довольно; а по всенижайшему моему мнению, надлежит из Москвы из тех зверей несколько перевезть для стола Его Императорского Величества в Петергоф". На это 3 февраля 1741 года последовал следующий высочайший указ обер-гофмейстеру графу Салтыкову в Москву:

"Нашему генералу и Обер-Гофмейстеру Салтыкову. В Петергофском Нашем зверинце оленей, кабанов, коз диких и зайцев, за перестрелянием в прошедшее лето, умалилось, а в Москве при Измайловском зверинце оных довольно; того ради помянутого звания зверей имеете отправить сюда с добрым смотрением, дабы в пути помереть не могли, для стола Нашего, сколько вам рассудится, без излишества, дабы и на Москве зверинец пуст не был".

Из частных распоряжений по придворному ведомству видно, что некоторые из помянутых зверей отданы были на царские кухни. Так, в 1741 году из присланных обер-гофмаршалом Левенвольдом в зверинец трех оленей один был по приказу его "отдан во Дворец на кухню". В декабре того же года гофмаршал Шепелев дал ордер к Егермейстерским делам о присылке из Петергофского зверинца во дворец, на кухню, двух оленей и одного кабана. Что названные звери употреблены были для стола, подтверждение тому находим в перечнях тех блюд, которые приготавливались в описываемое время для парадных столов при дворе. В числе блюд одним из главных была кабанья голова, варенная в рейнвейне, а между приправами к кушанью употребляется тертый олений рог. (Сколько нам известно, под приправою "тертый олений рог" слыло вещество, ничего общего с действительным рогом живого оленя не имевшее; но

что это за специа – объяснить не умеем). (Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., стр. 302).

309 По яхт-штату 22 сентября 1740 года в Петергофском зверинце велено было содержать американских оленей и других зверей, "сколько есть и впредь будет". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8250). В этом году в зверинце имелось: оленей немецких старых 21, оленей немецких молодых, приплодных 4, маралов сибирских старых 23, их же приплодных 7, кабанов 24, лось одна. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086). Кроме того, кажется, в этом же году были переведены сюда 21 американский олень, состоявшие раньше на С.-Петербургском зверовом дворе. Помянутая же вышеле лось была доставлена в Петергофский зверинец из Ревеля 8 сентября 1740 года, и на ее корм отпускалось в месяц овса четверть, в неделю сена доброго 30 пудов да осинного хвороста два воза и каждый день по одному хлебу ржаному, весом в 20 фунтов. (Общ. арх. Мин. двора, оп. 36 – 1629, д. No 46).

310 "Животные помещались в зверинцах: Старом, Малом и в Новых Кабаньем и Заячьем".

"Старый зверинец. В половине 1741 года зверинец предполагалось исправить и расширить. В июне этого года форштмейстер Газ просил Канцелярию Егермейстерских дел отнести в Канцелярию от строений о присылке 30 плотников для починки Старого зверинца, "понеже (писал Газ) зверинец весьма ветх и опасно, чтоб от погоды городьба ветром не обвалилась и звери не ушли..." (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., стр. 348).

"27 июня Командующий охотами фон Трескау представил Придворной Конторе, что Старый зверинец весьма мал и против его обширности зверей ныне

много, и опасность от того есть, когда маралы станут ходиться, чтобы от того не могли друг друга повредить; того ради надлежит всеконечно оный зверинец прибавить, которое место прошлого года уже и означено, при том же и зверям больше прибавится корму, и ненадобно будет из рук им давать". Вместе с тем Трескау требовал исправления городьбы зверинца. Придворная Контора об этом сообщила к исполнению Канцелярии от строений, от которой 23 сентября 1741 года и последовал указ Петергофской Конторе о составлении плана "каким образом зверинца надлежит прибавить" и сметы о количестве требовавшихся на это материалов и рабочих".

"По распоряжению Петергофской Конторы план и смета были составлены "архитектуры учеником" Дмитриевым. Из сметы видно, что "пригородка вокруг (зверинца) имеет быть на 1484 саженьях"... Было ли произведено предположенное увеличение зверинца, из документов не видно".

"К тому же времени относится постройка в Старом зверинце сарая для хранения кормовых припасов зверям. 16 февраля 1741 года форштмейстер Газ представлял Командующему охотами о необходимости для зверинца такого сарая, "дабы присылаемому всякому хлебу не было напрасной траты..." В конце сентября 1741 года работы по постройке кормового амбара (из казенных материалов) отданы с торгов... за 168 рублей.

Стройка амбара шла медленно и была окончена только в октябре 1742 года". (Там же, стр. 349).

"На земле зверинца ежегодно производился посев кормовых растений (на корм животным). Для этой цели Дворцовою Конторою было отпущено: в 1738 году – ячменя и овса по 8 четвертей, гороха 2 четверти,

репного семени 6 фунтов; в 1739 году – пшеницы 2 четверти, ячменя и ржи по 4 четверти, овса 8 четвертей, гороха 3 четверти; в 1740 году – ячменя 2 четверти, ржи и овса по 6 четвертей; в 1741 году – ячменя 6 четвертей, ржи 4 четверти, овса 8 четвертей. В Старом зверинце помещались следующие звери: олени: а) "белые", в числе 12, из которых 9 поступили сюда из Екатерингофского зверинца в конце марта 1741 года; б) "малые", в числе 10, присланные в 1740 году из Англии (в сентябре этого же года они переведены были в Петербургский Малый зверинец); в) американские, числом 30 (содержались в Старом зверинце до марта 1741 года, а затем переведены, вероятно, в Петербургский Малый зверинец), и г) олени, включенные в Яхт-штат 28 января 1741 года под названием немецких и сибирских. В апреле 1741 года наличное число оленей превышало штатное: всех вообще было 87 особей. Корм оленей состоял из овса, сена, хлебов басманов и моха (мох доставлялся из Копорских и Ямбургских мыз и Красного Села). О размере кормового содержания оленей находятся сведения только относительно оленей белых и включенных в яхт-штат, а именно: на каждого белого оленя отпускалось: овса по лопатке и по хлебу басману в день, сена по 2 пуда 8 фунтов в месяц и моха "неуровнительно"; для немецких и сибирских оленей вообще заготавливался в 1741 году на весь следующий год корм в следующем размере: на 75 старых – овса 438 четвертей, сена 7592 пуда, для 14 молодых (2 лет) – овса 46 четвертей, сена 896 пудов. В числе припасов, отпускавшихся оленям, упоминается соль как лекарственное снадобье. 15 января 1741 года форштмейстер Газ требовал от Егермейстерских дел доставки в Петергофский зверинец, в лекарство

оленям, 12 пудов соли, "понеже (замечал он) нынешнее внешнее время звери переменяют шерсть, и в том им имеется немалая тягость". Соль употреблялась рассыпанная по глине в ящиках, расставленных в зверинце".



Императрица Анна Иоанновна (современный портрет; галерея Гатчинского Дворца).

"Лось, привезенный в Петербург из Ревеля в сентябре 1740 года. Когда лось помещен был в Петергофском зверинце, и от Петербургской Дворцовой Конторы потребовали отпуска на него кормовых припасов, то эта Контора, сделав распоряжение об отпуске, обратилась в Императорский Кабинет за разъяснением: следует-ли ей и впредь отпускать на лося продовольствие? На это 3 декабря 1740 года последовала резолюция Кабинета: "Понеже Дворцовая Контора объявляет, что еще в 1736 году, по резолюции Кабинета Его Императорского Величества, велено на имеющихся в Петергофском зверинце зверей корм отпускать от той Конторы, то уже вновь о том представлении чинить и указу требовать не надлежало, а должно по той прежней резолюции поступать и как упоминаемого лося, так и впредь какие в тот зверинец другие звери придут, кормом содержать против прочих таковых же зверей, о чем она Контора по прежним отпускам подлинное известие у себя имеет..." (стр. 550).

"Индийская коза. В феврале 1741 года форштмейстер Газ требовал на содержание ее, с июня этого года по январь 1742 года, следующих припасов в месяц: ситного хлеба по 60 фунтов, гороха по 2 четверика, русских бобов по четверику, круп по 2 четверика, капусты белой и синей по 240 кочней, сена (самого лучшего) по 8 пудов, соломы по 10 пудов, свеч на 15 к."

"Дикие козы в 1741 году. Их содержалось 26 штук. В феврале этого года форштмейстер Газ требовал для диких коз на весь следующий 1742 год: гороха, ржи и овса по 26 четвертей, сена "доброго листовенного" (на 8 зимних месяцев) 100 пудов".

"Новопостроенные зверинцы: а) Кабаний зверинец.

Зимой 1741–1742 года в этом зверинце построено было для кабанов зимнее помещение. Оно состояло из сарая 12 сажень длины, 5 сажень ширины и одной сажени вышины (в жилье) с четырьмя хлевами и лавками вокруг стен, потолком, деревянным полом, тремя дверьми и тесовой крышей. Постройка сарая произведена от Петергофской Конторы из казенных материалов; работа была отдана с торгов подрядчику за 69 руб. В зверинце в 1741 году содержалось 52 кабана. На весь следующий 1742 год для кабанов требовалось (в 1741 году) 312 четвертей овса и 390 четвертей отрубей. б) Заячий зверинец. В 1740 г. в зверинце содержались зайцы, кабаны и дикие козы, но в каком числе неизвестно. К осени этого года зайцев в зверинце, "за перестрелянием, ничего не осталось..." В апреле 1741 года из Измайловского зверинца доставлено: "олений (самцов) немецких 20, сибирских 4; кабанов (самцов и самок) 40; диких коз 11; зайцев белых и русаков 20. Кроме того, павших в пути: диких коз 5 и зайцев 4. Для этих зверей (кроме зайцев) в Заячьем зверинце, с марта 1740 года, строились особые помещения... 4 сарая... 2 для оленей, и для кабанов и для диких коз... В то же время вокруг Заячьего зверинца делалась городьба, "чтобы круг зверинца было крепко" (стр. 351).

"Малый зверинец. До яхт-штата 28 января 1741 года надзор за зверинцем имел особый егерь, с званием фазан-егеря, по штату же должность эта возложена была на одного из охотников Петербургской псовой охоты. Какие именно животные содержались в Малом зверинце, прямых указаний нет..." "В марте 1739 года Обер-Егермейстер Волынский требовал от Петербургской Дворцовой Конторы присылки в Петергофский зверинец (какой не сказано) семян

конопли для посева на корм фазанам. В августе 1740 года требовали в Петергофский зверинец овес на корм 3 диким гусям и 50 голубям. В октябре того же года Дворцовою Конторою положено отпустить в тот же зверинец 2 четверти пшеницы на корм куропаткам" (стр. 352).

В январе 1742 года полковник фон Трескау испрашивал высочайшего повеления на доставку в Петергофский зверинец из Новгородской губернии до 500 зайцев, так как этот зверь почти перевелся здесь, "понеже многие в прошедших летах блаженные и вечнодостойныя памяти Ее Императорским Величеством Анною Иоанновною перестрелены". Указывая также на то обстоятельство, что столь же малое количество осталось в зверинце и куропаток, Трескау просил о предписании лифляндскому губернатору приказать наловить и прислать в Петергоф этих птиц до ста пар, "или сколько Ваше Императорское Величество соизволите". Кроме того, Трескау доносил, что при Петергофском зверинце "олений белых, которые привозятся из Олонца для парфорш-яхт Вашего Императорского Величества, ничего не имеется". (Госуд. арх., ч. I, разр. XIV, No 57).

В 1739 году в Петергофском зверинце в числе других зверей содержались и американские олени, на корм которых отпускался горох, единовременно до 100 и более четвертей. (Общ. Арх. Мин. Двора; оп. 75, д. No 4).

311 В начале июля 1757 года императрица Елисавета Петровна приказала "возобновить в Петергофе места, где ставятся цели". "Места" эти были возобновлены в Монплезире, а по их возобновлении приказано было выбрать 4 штуцера и 12 пистолетов лучших мастеров, испробовать их порохом и привести в совершенно

исправный вид, "чтобы было возможно Ее Императорскому Величеству из оных стрелять без малейшего затруднения". (Рукопись Имп. ох.).

28 ноября 1759 года Обер-егермейстерская канцелярия писала Главной дворцовой канцелярии, что ее величество "пристреленного американского оленя" из Петергофского зверинца "при Высочайшем Ее Императорского Величества столе усмотреть с гневом соизволила, что оный весьма худ и имянно соизволила Всевысочайше указать, чтоб впредь отпускать оным без задержания положенные кормы". Вследствие этого Обер-егермейстерская канцелярия просила Главную дворцовую канцелярию не задерживать отпуском положенного на зверей Петергофского зверинца корма, "дабы впредь можно б было избегнуть от такого Всевысочайшего Ее Императорского Величества гнева". (Рукоп. сборн. им. ук.).

[312](#) Сборн. Русск. истор. общ., т. X, стр. 295.

[313](#) Перевод. Сборн. Русск. истор. общ., т. XIII, стр. 259.

[314](#) "С.-Петербур. вед." 1772 года, No 73.

[315](#) Камер-фурьерск. журн. 1780 года, стр. 514 и др.

[316](#) Именным указом государя Петра I, воспоследовавшим 31 мая 1708 года, мыза Сарская была приписана "к Комнате Ее Царского Величества" (Яковкин, Краткая летопись о селе Царском. "Отечеств. записки" 1827 года, ч. XXX, стр. 33), вместе с приписанными к ней деревнями и мызами, в том числе с мызой Пурколовской, также переименованной впоследствии в Пулковскую деревню. (Яковкин, История Царского Села, ч. I, стр. 40).

317 Яковкин, Летоп., стр. 45.

318 18 октября 1772 года по докладу егермейстера Вилима Романовича фон Польмана, управлявшего в то время Царскосельскою вотчинною частью, последовало высочайшее повеление выдавать по три рубля в награждение из Комнатной Ее Величества суммы за убиение каждого медведя из многих, тогда появившихся в окрестностях Села Царского. (Яковкин, Истор., т. III, стр. 199).

319 Яковкин, Истор., т. I, стр. 41.

320 В июле 1739 года производились работы по устройству новой деревянной изгороди вокруг Царскосельского зверинца. Для этого, "для лесной и плотничной работы", в Царское Село наряжали крестьян из ближайших дворцовых волостей, принадлежавших цесаревне Елизавете Петровне, кроме, однако, тех волостей, которые были расположены в самых ближайших окрестностях Села Царского. (Яковкин, Летоп., стр. 285).

321 В 1718 году положено было начало постройки Царскосельского зверинца, нынешнего парка, причем площадь зверинца была определена в одну квадратную версту. (Яковкин, Летоп., стр. 40).

В двадцатых годах текущего столетия, руководствуясь почти исключительно документами тогдашнего дворцового Царскосельского архива, составитель истории Села Царского Яковкин писал об этом зверинце: "Мрачность леса, присоединенного ныне к Новому саду, и отличная от садовой, болотистая, в некоторых местах доныне зыбучая и водянистая почва земли показывает и теперь его (зверинца) положение, а оставшаяся при оранжереях

кирпичная стена — его ограждение вместо первоначального деревянного палисадника со рвом, шириною с откосами в две сажени, глубиною в 2 1/3 аршина. Его начали огорожать полисадником в 1718 году и по огорожении содержали лосей, оленей, маралов и кабанов; пускали в оный также и живых зайцев для стрельня, по приказанию, на употребление при столе. На самой середине зверинца построен был каменный большой погреб, на который, навоженная тележками из выкопанного на речке Киоке или Кузьминском ручье пруда, для сделания плотины и на ней мельничного и житного амбаров земля, окрепшись, составила гору. На ней поставлена была решетчатая на столбах деревянная большая галерея, где впоследствии времени сооружен Монбеж. От оной галереи ко дворцу сперва сделан был широкий сквозь лес просек, превращенный потом в прямую от дворца перспективную дорогу, по обеим сторонам усаженную липами и обрытую дощатыми каналами. На самой середине дороги сей, по обеим ее сторонам, вырыты крестьянами два больших пруда, в окружности каждый в 94 сажени, а бока обделаны откосно топорными досками. Хотя и не было для них проточной воды, но проникавшая с поверхности болота и из внутренности земли содержалась в них от двух, а в весеннее и дождливое время и на три с лишком аршина глубины. В пруды сии садимы были окуни, лещи, язи, стерляди и караси, а в мельничном зверином пруде одни только щуки. Кроме сделанной ко дворцу прямой дороги от оной галереи, прорублены еще были семь просеков на все стороны, на средины и углы зверинца (названные тогда блезиры, *plaisirs*), коих остатки и доныне видны, хотя сначала и были засажены новыми деревьями. На конце просеков к палисаднику

поставлено было шесть амбаров для загоняния зверей на ночь, а пред дворцовой перспективой изба с сенми для зверовщиков и звериных сторожей. Кроме ворот, на перспективе против дворца были на всех трех сторонах, посредине, решетчатые столярной работы ворота с прикалитками; но отворялись всегда одни только противдворцовые для приездов в зверинец и ввозов с кормом для зверей. Где поставлена была находившаяся в Царском Селе малая артиллерия и производилась пушечная пальба, тому места по архиву (то есть по данным документов архива) не показано до вступления государыни императрицы Елисавет Петровны на престол".

19 сентября 1741 года управителю Села Царского Удалову сообщалось о последовавшем определении Вотчинной канцелярии построить в Царском Селе, в зверинце, четыре амбара для кабанов, в том числе амбар с избою для караульщиков зверинца. Сказанные амбары должны были быть выстроены по плану архитектора Земцова, который, кажется, состоял при Петергофской конторе. Работа по постройке сараев предоставлена была с торгов крестьянину Рыканову на довольно оригинальных условиях. Этому подрядчику надлежало выдать за каждый амбар по 15 рублей денег, по 5 четвертей муки ржаной, по 2 четверти круп, по 3 пуда ветчины, по пуду масла постного, по пуду масла коровьего, по ведру вина и по пуду соли. Амбары приказывалось строить из имевшегося в Царском Селе казенного, оставшегося от строения сада и зверинца леса, врыв предварительно под амбары столбы, долженствовавшие быть обожженными в нижней их части. В амбарах полагалось наместить мосты (полы), а в избе дощатый пол; устроить потребное количество окон, лавок и прочих

принадлежностей и все строения "покрыть тесом самую доброю работою". Причитающиеся подрядчику деньги, а также и припасы Удалову предписывалось выдавать "по усмотрению работы его без излишества, и за оным подрядчиком и за работными людьми в том строении иметь прилежное смотрение", "чтоб строено было во всякой исправности". (Царскосельск арх., д. No 986 – 1741 г.).

322 В начале царствования императрицы Елисаветы Петровны в Царскосельском зверинце на месте прежнего каменного погреба, находившегося как раз посередине зверинца, было выстроено четырехбашенное здание, зубчатое, названное Монбеж. В здании этом, в зале и верхних павилионах, на шпалерах и плафонах предписано было в 1747 году "писать всякого звания и всяких родов птиц и зверей" живописцу Гроту. (Яковкин, История, т. II, стр. 9 и 93).

323 15 декабря 1748 года последовал высочайший указ, данный на имя заведующего царскосельскими постройками полковника Григорьева, гласивший, между прочим, следующее: "Для убору в Нашем Царском Селе Ягдкамеры (Монбеж) живописною работою, новыми картинами и для других таких исправлений, что Нам потребно будет, принят в службу Нашу живописец Иоган Фридрих Грот, с жалованьем и квартирными деньгами из Соляной Конторы по 1.660 рублей. Того ради для пробы на первый год повелеваем учинить: 1) Пристойным образом за ним присматривать в приложении его и работе, также и в обучении живописи данных ему двух учеников.

2) Материалам, Гроту отпускаемым, иметь исправную записку.

3) Написанные им картины принимать вам, в свое

ведение, для Монбежа.

4) Отрапортовать Нам, сколько картин изготовлено будет в год и во что каждая обойдется и с жалованием Грота".

Живописец Грот обязался службою сказанного характера сперва только на три года, по контракту. Картины должен был он писать, "более до охоты касающиеся". Однако оставался Грот на той же службе еще и в 1762 году. Он же расписывал купол в Монбеже "соковыми красками", "изобразив различных зверей и птиц по лесам, перелескам, болотам и при озерах".

Сравнивая между собою три приводимые Яковкиным в его "Истории Царского Села" описи Гротовских картин, писанных для помещения в Монбеже, оказывается, что этим художником были для того избраны следующие темы:

1) "Белый заяц, на рогоже лежащий вместе с рябчиками и тетеревами, также фузея с охотничьей сумкой".

2) "Урочище поля и два глухие тетерева, голуби и другие мелкие птицы, на столе лежащие".

3) "Вечерняя заря с большим дубом; подле него две застреленные утки и другие мелкие птицы, которых стережет охотничья собака".

4) "В урочище две лисицы, из коих одна тербит курицу, а другая лежит вблизи".

5) "Вечерняя заря; у дерева лежат убитые тетерева, дикие голуби и утки; на дереве висят: дикий гусь, ружье и охотничья сумка".

6) "Ровное поле с большим орлом, тербящим тетерева".

7) "В темном лесу кабан, гонимый тремя собаками, из коих у одной брюхо клыками распорото".

8) "Темный лес с дубовыми и другими деревьями,

болотным местом и тростником, в коем лисица гоняется за диким гусем и его схватывает".

9) "Свод каменный со столом и тремя старыми досками, на коих лежат кулики, цапля и сокол, у которого на голове шишка (клобучок?)".

10) "Открытый воздух, в коем сокол убивает цаплю".

11) "Пруд с тростником и осокою, где плавают разные утки; позади кустарника стоящая собака за ними присматривает; утки, услышав дух ее, одна утят своих защищает, другие же отчасти в воду ныряют, отчасти улетают".

12) "Две драхвы на птичьем дворе, из коих одна пьет из корыта".

13) "Такой же птичий двор с черным и белым аистом и с Персидскою синею куропаткою".

14) "Каменный свод со старым столом, на котором лежат: белый заяц, дикие утки, куропатки, рябчик и разные мелкие птицы, с охотничьей сумкой и фузеей".

15) "Река с птицею бабой, проглатывающей большую щуку, которой часть к хвосту еще видна".

16) "Густой лес с рябчиками и белою охотничьей собакою, дающей охотнику знать правой лапой".

17) "Часть поля с рощею, лесом и белою лисицей, поймавшей петуха, и представлено, как он издыхает".

18) "Поле с большим орлом, схватившим зайца, издыхающего в его когтях".

19) "Урочище с рощею, где волк терзает овцу".

20) "Урочище с павлином, распутившим хвост свой, а пава клюет из корыта".

21) "Лебедь, при воде стоящий и обороняющийся от собаки".

22) "Урочище с болотом и тростником, где большой лебедь от двух собак защищается".

23) "Дикое поле и густой лес, с разными сухими старыми деревьями и кустарниками, с двумя рысями, из коих одна нападает на зверя ("зверь", "лютый зверь" – на старом русском языке всегда означал волка), а другая, сидя на старом дубу, вниз смотрит".

24) "Каменная стена при луговом поле, где барс терзает овцу".

25) "Отворенное окно, сквозь которое видны на рогоже серый кот, держащий в роту снегиря; тут же голубь и другая птичка, на коих собака быстро смотрит".

26) "Белый, с большими рогами, убитый олень, из роту коего кровь течет".

27) "Сухой дуб, на коем лев раздирает медведя лапами, и из него кровь течет".

28) "Высокий холм с белым медведем, на коего нападают две собаки".

29) "Большие дубы и болото с осокою и сухими плахами наподобие моста; на дубу глухой тетерев, а внизу пестрая тетерка".

30) "Дубы с холмом, болотным местом и осокою, где рысь достает из западни лапою что-то такое".

31) "Два дерева и небольшой холм с частым лесом, где на одном дереве сидит белая сова, из дупла большего дерева смотрит на нее быстро птичка, а над нею дрозд".

32) "Большой дуб и болото с осокой, где старый марал, с большими рогами, на которого пять собак нападает".

33) "Окно с разбитым стеклом, сквозь которое видно на столе, как пестрая кошка тербит голубя, а собака злится".

34) "Два дерева, небольшой холм с болотом и лесом, и из сухих кряжей мост, на коем ястреб тербит

голубя".

35) "Гора с лесом, где лежит убитый черный кабан, и при нем копые и рог охотничий".

36) "Большие дубы и холм с небольшим лесом, в коем две пестрые тетерки к сизый тетерев".

37) "Воздух и два сухие дерева с лесом, где собака заедает зайца".

38) "Два большие деревья и болото с осокой, где два бобра: один грызет кору, а другой злится на осоку, будто в ней что видит".

39) "За строением воздух и лес, с двумя пестрыми птицами, у коих носы красные, а на шеях ожерелья перяные сизые; одна стоит над кадкою, другая на земле".

40) "При строении два журавля, один серый, другой сизый с красною головою, меж ними кадка с водой".

41) "Сухой лес, холм, болото и из сухих кряжей мост, на коем черный волк теребит дикого гуся".

42) "Лес и болото с осокою, где пестрый большой кот теребит китайскую утку".

43) "Большие деревья с мелким лесом и болотом с осокою, где белая цапля глотает лягушку, а другая смотрит на сидящую на дереве белку".

44) "Олень, обороняющийся от охотничьих собак неподалеку от леса".

45) "Огород с большими индейскими петухами".

В Монбеже нарисовано им же, Гротом, на куполе:

46) "В среднем плафоне воздух с большим орлом, схватывающим тетерева, а прочие тетеревы улетают".

47) "Большой сокол, убивающий цаплю".

48) "Травля птиц соколом".

49) "Сокол, схватывающий голубя".

50) "Большой журавль".

51) "Большая сова, держащая в когтях белого сыча".

52) "Павлин с разными птицами".

53) "Большой голубой журавль".

54) "Тетерев с другими разными птицами".
(Яковкин, История, т. II, стр. 111 и 230).

324 Один из посетивших Царское Село иностранцев, некий Дуглас, оставил следующее описание Монбежа: "По середине парка (зверинца) расположено маленькое здание, окруженное рвом, полным водою, через который перекинут разводный мост, на конце которого имеется полукруглая лестница, ведущая в маленькую комнату, сообщающуюся с большой восьмиугольной залой, украшенной картинами, изображающими различных зверей и написанными г. Гротом"^{A9}

325 К 1772 году относится известие о том, что при Царскосельском зверинце имелись на службе особые птичник и его помощник, на обязанности которых лежало ловить и содержать разных родов диких мелких птиц. Им полагалось жалованье с провиантом: первому – 40 руб. 20 коп., а второму – 22 руб. 50 коп. (Там же, т. III, стр. 198).

326 18 мая 1750 года последовало повеление сделать вокруг Царскосельского зверинца вместо деревянного палисадника каменную стену (Яковкин, История, т. II, стр. 145).

22 июня 1751 года было приказано вокруг зверинца Села Царского, "где ныне делается, вместо деревянного забора, каменная стена, на трех углах делать бастионы", а в четвертом углу, к Пулковской деревне, построить каменную церковь (приказание о постройке церкви в исполнение приведено не было). (Там же, стр. 156).

В 1753 году подвозилась земля для устройства по трем углам Царскосельского зверинца бастионов.

(Яковкин, Летоп., стр. 298).

Летом 1754 года строились два восточных бастиона по углам того же зверинца, а в следующем году на них были устроены два павильона, или люстгауза. (Там же, стр. 298).

327 Арх. кн. Воронцова, т. III, стр. 655; Кам.-фур. журн. 1758 года, стр. 120; Записки о пребыв., стр. 263.

328 В исходе ноября 1774 года на северо-восточный бастион Царскосельского зверинца была поставлена вся царскосельская артиллерия, причем самый бастион был специально приспособлен для этой цели. С того же времени в продолжение всего царствования императрицы Екатерины Великой артиллерия стояла на сказанном бастионе, и с него производилась пушечная пальба при высочайших в Царское Село прибытиях или оттуда отбытиях, а также в высокоторжественные дни. (Яковкин, Истор. уст., т. III, стр. 136).

1 мая 1781 года по высочайшему повелению было запрещено пугать в Царскосельском саду находящихся там птиц, за нарушение какового правила устанавливался штраф в размере одного рубля. (Яковкин, Летоп., стр. 427).

329 8 сентября 1763 года императрица Екатерина II в присутствие свое в Царском Селе рассматривала план и описание всем дачам царскосельским, лесным угодьям, моховым и болотным местам, "соизволила указать в оных дачах, для выездов к увеселению со псовою и птичными охотами, острова и просеки делать, шириною, как на плане назначено, по 250 сажень, в длину по версте, а моховые и болотные места обсушить, учиня водостоки каналами и приводя воды в одно место, где бы могли быть пруды и в них имели бы

пристанище дикие птицы; всему оному учиня особый план, представить на Высочайшее утверждение и благоусмотрение". (Яковкин, История, т. III, стр. 45).

По этому же поводу последовало следующее повеление от 15 сентября 1764 года:

"По апробованному Нами в прошлом 763, году плану указали Мы в Селе Царском лесные места, разделя в квадраты, длиною и шириною по 250 сажен, оставлять из тех квадратов один с лесом, а другой, по вырубке лесу, назначить под сенные покосы", обсушив болота, сделать сообразными для сенокоса. Но как в натуре оказалось, что за множеством площадистых мест, лесных квадратов без посадки или посева, лесу иметь не можно, и что в лесных местах квадратами на 250 сажен весь лес вырубать убыточно и бесполезно, то повелеваем учинить следующее:

1) План сделать, для лучшей верности исчисления десятин, квадратными верстами, и, где дровосекам или покосам быть, квадраты один от другого отделить просеками по 15 сажен шириною; а в которых местах оставлены будут острова для строевого лесу, в тех, только в самых больших островах, которые будут не менее 3 или 4 верст, просеки рубить, а кои менее 2 верст, те оставлять, для соблюдения лесу, без просеков, и через то можно будет видеть состояние и способность тех квадратов.

2) Лесные места в Царскосельских дачах, в рассуждении недалекого расстояния от Петербурга, почитаем Мы за нужные; не меньше же в том и крестьянская общая польза, чтоб иметь лесов довольно. А как они о том не жалеют и по надлежащему не пользуются, но тратят лес безрассудно, рубят, жгут и продают, и тем сами себя разоряют, не предвидя, что через короткое время могут терпеть великий недостаток

и кранную бедность, то для отвращения сего", последующими шестью весьма пространными пунктами указа предписывалось принять к руководству и исполнению ряд мероприятий по отношению лесоохранения и различных связанных с этим порядков, которые, как не имеющие прямого отношения к разбираемому нами вопросу, мы и не цитируем. (Яковкин, История, т. III, стр. 50).

В том же 1764 году в Царскосельском зверинце проложена была дорога через весь зверинец, мимо Пулковской горы, на старую перспективную С.-Петербургскую дорогу. (Яковкин, Летоп., стр. 416). По этой дороге в большинстве случаев выезжала императрица Екатерина Великая "к увеселению со птичьей охотой".

330 8 января 1743 года было пригнано вдруг в Царскосельский зверинец от двоих олонецких крестьян 100 да от обер-егермейстера графа Разумовского 16 оленей. (Яковкин, Летоп., стр. 287).

27 марта 1752 года в Царскосельский зверинец было принято от Мезенского уезда 100 оленей. Для присмотра за этими оленями и для кормления их были приставлены нарочно для этой цели выписанные с родины в Царское Село пять семейств самоедов, которым и было положено выдавать из казны жалованье, одежду и потребные съестные припасы. В обязанность этим самоедам было также постановлено готовить в течение лета на болотных местах и с берез мох и веники для корму зверям "по ночам", на каждого зверя по 25 фунтов, что до того времени поставлялось с подряду красносельскими крестьянами. Сверх того, олени и другие звери, находившиеся в зверинце, получали ежедневно в корм определенное количество меса, а в зимнее время отпускалось для

них казенное сено. (Яковкин, Летоп., стр. 297 и его же Истор., т. II, стр. 80).

В течение лета того же 1741 года в Царскосельский зверинец было пущено: зайцев 30 штук; лосей: быков 1 и коров 2; сибирских, вывезенных из Петергофа, оленей: самец один и самок 3; немецких оленей: 1 самец и одна самка (которая очень скоро околела в Новом зверинце); 2 диких козы (обе также весьма скоро околели); диких кабанов 2; диких свиней 2; поросят этих же животных 7 штук. (Там же).

331 По штату 1773 года в Царскосельском зверинце положено было содержать 40 маралов, на прокорм которых шло ежегодно 9 четвертей овса, 104 пуда сена и одна четверть с 4 четвериками муки ржаной на каждого зверя помянутой породы. "Для развозки по зверинцу кормов и прочих надобностей" содержалась при зверинце одна лошадь. "На починку во зверинце служительских покоев и на покупку касающихся по тому зверинцу разных принадлежностей, то есть саней, роспусков, хомутов, узд, веревок, соломы, дров", да на наем подвод "для свозки во оный зверинец из С.-Петербурга кормов зимним и летним временем" отпускалось ежегодно 50 рублей. По тому же штату положено было всех зверей, которые окажутся в Царскосельском зверинце сверх числа, предусмотренного этим штатом, продать. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

332 3 сентября 1723 года указом Ее Величества Императрицы Екатерины Алексеевны предписывалось гвардии капитан-лейтенанту Кошелеву ведать, между прочим, птицами и зверями Сарского Села и Пулковской мызы. (Яковкин, стр. 87).

В июле месяце того же года в Сарскосельском

зверинце числилось 74 оленя и 2 лося. (Там же, стр. 158).

333 В 1747 году последовало повеление императрицы Елисаветы Петровны, чтобы в Царском Селе, на новом птичьем дворе, что на берегу большого пруда, содержать только павлинов, лебедей и других редких птиц, переводя всех остальных, ранее здесь находившихся, птиц в особый двор, расположения которого мы не знаем. (Яковкин, История, т. II, стр. 94).

334 29 января 1773 года приказано было построить в Царском Селе, по сторонам шлюпочного сарая, два каменные птичные корпуса. (Яковкин, Летопись, стр. 421).

Корпуса эти были окончены постройкою в следующем 1774 году; они были одноэтажные, одинаковой архитектуры со шлюпочным сараем, отстояли от последнего на 10 саженей и имели каждый в длину 7 и в ширину 6 саженей. В них жили птичники и птичницы, а зимою содержались все птицы, выпускавшиеся на лето в сад, где на двориках были для них устроены особые деревянные чуланы.

Из птиц в это время содержались: различных пород и цветов павлины, журавли, цесарки, лебеди, гуси: арзамасские, американские, канадские, гренландские, и казарки, утки и куры различных стран и пород. (Яковкин, Истор., т. III, ст. 155).

335 В 1761 году обер-егермейстер Нарышкин возбудил ходатайство об отправлении в Царское Село доставленных из Англии фазанов нижеследующим чрезвычайно интересным письмом, от 6 сентября, на имя вице-канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова:

"Насилу дождался я, – писал Нарышкин, – отправленного корабля из Лондона, который еще, за противной погодой, из Кронштадта не пришел, а фазаны и лошади из Раненбоума сухим путем прибыли ко мне на двор. Не изволите ли Ваше Сиятельство доложить Ее Императорскому Величеству, чтоб я оных фазанов отправил в Царское Село, для того, что оным быть там гораздо способнее Петергофского, ибо от заморского сырого воздуха в Петергофе отнюдь оным вестись нельзя, как и Обер-егерь Бем уверяет, что и прежде сего со всевозможным старанием в Петергофе не могли фазанов никак содержать; а эти новопривезенные гораздо нежнее и перьем отменнее потому, что они породы Китайской. Ежели ж, паче чаяния, не будет соизволено, чтоб оных принести в Царское Село, то по крайней мере было бы указано отдать оных господину бригадиру Данберху, у которого сады Ее Императорского Величества в ведомстве; и в Летнем старом дворце, в Первом огороде всегда содержались и содержатся курioзные птицы, а зимою есть для сохранения оных теплые места, такожде и учинены птичники; следовательно, эти нежные фазаны могут лучше там сбережены быть, чем на обер-егарьском дворе, где есть места только для содержания диких уток и гусей и тому подобных грубых птиц". (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 576).

336 Яковкин, Истор. Ц. С, т. III, стр. 213.

337 В начале 1741 года в Царском Селе содержалась псовая охота великой княжны Елисаветы Петровны, находившаяся в то время под ведением управителя Селом Царским, мундшенка ее высочества Андрея Удалова. В охоте этой числилось: 1) борзых собак: 3 половые кобеля, 4 полово-пегие кобеля, 2 суки белые, 1

сука половая, 1 кобель белый брудастый, 1 кобель белый, 1 кобель серый, 1 кобель черный, 1 кобель серый брудастый и 11 борзых щенков; всего 26 борзых собак; 2) гончих собак: французских и английских 23, в том числе 3 английских щенка; 7 "приводных" и 16 домашних гончих собак; всего 46 гончих; 3) "ищейных" (вероятно, легавых) собак 6 штук. На корм этим собакам шло в месяц 15 четвертей овсяной муки и одна четверть шкварин. В ту же охоту великой княжны отпускалось на мытье собак "мыло крепкое" да на лекарство больных собак "деготь самый добрый, чистый". При этой же охоте содержалось и известное количество охотничьих лошадей, но какое именно – в документах не обозначено, причем на каждую лошадь полагалось в месяц фуража: сена 15 пудов и овса и четверть.

Заметим, между прочим, что псовая охота великой княжны Елисаветы Петровны содержалась в Царском Селе и ранее вышеуказанного времени, но в оговоренном 1741 году состав этой охоты был значительно увеличен. По крайней мере управитель Царского Села Андрей Удалов доносил 29 апреля этого года в Собственную Ее Высочества вотчинную канцелярию, что "имеющиеся при псовой охоте охотники объявляют, что для навары, за умножением собак, имеющийся железный котел мал, а надобно другой котел, железный, большой, мерою ушатов в шесть, купить". (Царскосельск. арх., д. No 986 – 1741 г.).

От того же 1741 года сохранились следующие известия, касающиеся Царскосельского зверинца.

1 февраля этого года последовал указ великой княжны Елисаветы Петровны, данный на имя управителя Селом Царским Андрея Удалова, которым

предписывалось принять "на счет", то есть, так сказать, внести в живой инвентарь присланных из Кексгольмских Ее Высочества вотчин "уловных во оных вотчинах тенетами живых здоровых зайцев", всего 18 штук, посадить их в Царскосельский зверинец и довольствовать кормом: "ежели имеется в том селе Царском расхожая капуста, давать в корм, и за твоим (Удалова) бы присмотром имелись, чтоб были в корму довольны, и во всяком твоём присмотре, а потрачены б не были". (Тот же арх., д. No 983 – 1741 г.).

24 марта 1741 года в Царскосельский зверинец были доставлены из тех же Кексгольмских Ее Высочества вотчин еще семь живых зайцев. (Тот же арх., д. No 984 – 1741 г.).

4 апреля 1741 года гоф-интендант Никита Возжинский писал управляющему Царским Селом Андрею Удалову:

"Ее Высочество благоверная Государыня Цесаревна Елисавет Петровна, имяным своего Высочества повелением, указала, чтоб отправить тебе, егерю Федору Степанову, крестьянских подвод, сколько он, Степанов, потребует, для привозу из Петергофа зверей; да сделать в зверинце ящики, какие он, Степанов, покажет; да для держания кабанов изготовить пустой амбар; и тех привозных зверей довольствовать кормом, чем пристойно со удовольствием". (Тот же арх., д. No 983 – 1741 г.). Рукоп. Имп. ох.

338 "Кроме одного зверинца был еще особый зверинец для забежных оленей. Он расположен был верстах в пяти к востоку от нынешних селений Ижорских колонистов и при поселении их отдан им под луга, коими они и ныне владеют, удерживая воспоминание, что тут был зверинец. По нынешним временам покажется весьма удивительно, что в самых

окрестностях нынешнего села Царского ловили живых и били лосей, оленей, и также, что поблизости его производилась забавная тетеревиная на чучелах охота из нарочно сделанных деревянных будок, снаружи убранных ельником, а внутри с печкою, и обшитых по стенам, потолку и полу войлоком и выбеленною холстиною. Они сделаны были на двух брусках, как на полозьях, и перевозились с места на место, где более находилось тетеревов.

Екатерина I, Петр II и Царевна Елисавет, в осеннее время, с придворными дамами и кавалерами, иногда, при хорошей погоде и множестве присмотренных тетеревов, забавлялись сею охотою; а по расходам архивским видно, что последняя, при счастливой охоте, всегда награждала или деньгами или винными порциями охотников, которые тетеревов к будке ее подгоняли, — не обижая других охотников и охотниц и в их будках подгоном дичи. Но минутное оным удивление исчезнет, когда узнаем, что в окрестностях села Сарского строжайше запрещено было бить и беспокоить дичь, и стрелять во всякое время, кроме приставленных к сему промыслу четверых крестьян Кузминских и одного маймиста, которые, освобождены будучи от всяких работ и податей казенных и получая от казны ружья, порох и дробь или свинец, ежедневно снабдевали и в Сарском и в Петербурге дворцовый стол дичью. Другою, естественною причиною такого изобилия дичи и зверей неоспоримо служит множество окружавших мызу Сарскую дремучих, непроходимых, болотистых лесов и растущих в них ягод для корму птицам; а находимый всегда на болотистых берегах мох, как лакомство, приманивал лосей и оленей. С постепенным истреблением лесов и осушением болот начали уменьшаться дичь и оные звери, так что ныне

мало слышно о них в окрестностях Села Царского. К зверинцу для забежных оленей приставляемы были на осень, зиму и весну особые сторожи, которые, узнав о приходе диких оленей, с помощью соседственных крестьян обходили их кругом, оставляя только свободным место для пробега им в зверинец, и мало по малу сокращая круг свой, напирали и старались, чтобы они сами забежали в зверинец сквозь нарочно раскиданные прясла, кои потом забирали, а переловя их там, переводили в Саркосельский зверинец. Также, поелику в оном зверинце находились нарочно оставленные заповедные березовые рощи, на деревьях коих растущий мох составляет лакомую и существенную пищу с находимым ими в оставленных лугах сеном, то сторожи, заметив приходы оленей в зверинец за лакомою своею пищею и нарочно оставленными в разных местах сенными стогами, прятались в неприметных местах и, увидев вход оленей в зверинец, немедленно появлялись и забирали по-прежнему раскиданные прясла; но гораздо надежнее сей ловли был пригон домашних оленей из северных стран Олонецкой провинции... Для кормления оленей и лосей Красносельские крестьяне подражались ставить березового моху потребное количество по двадцати копеек за пуд, да с Конюшенного двора доставлялось лучшего сена по полу пуду на сутки. По приказаниям, для дворцового стола, охотники, застрелив одного или двух оленей, пересылали через приказчика в Петербургский дворец. Однако, многие, по неизвестным причинам, и сами собою издыхали и, как кажется, от худого качества пищи, о чем приказчику, а через него и в Вотчинную Канцелярию (которая ведала всеми именными и учреждениями, принадлежавшими Елизавет Петровне – великой княжне) неоднократно от

зверовщиков приносимы были жалобы". (Яковкин, История, т. I, стр. 144–150).

Заметим кстати, что об оленях, приводившихся в то время в зверинцы из северных губерний Российской державы, служивший на русской службе в начале XVIII столетия англичанин капитан Джон Перри говорит при описании нашего дальнего Севера: "Страна изобилует эта оленями, питающимися особого рода мхом, который растет на земле и на деревьях в лесах; от этой пищи они очень жиреют зимою. Эта особая порода оленей, которую Бог и природа приспособила к этой холодной стране, жителям которой они оказывают такие разносторонние услуги. Ростом своим эти олени немногим превышают наших оленей, но более чем вдвое толще их; с соразмерной толщиной они соединяют силу ног, заканчивающихся толстым широким плоским копытом; это последнее до того широко, что ничем не задерживает быстроты их бега и дает им возможность бежать по поверхности рыхлого снега, не проваливаясь в него..." (Дж. Перри, стр. 43) Во времена Елисаветы Петровны, цесаревны, зверовщики для Саркосельского зверинца избирались из крестьян села Сарского и приписных к этому селу деревень и обязывались кормить вверенных им зверей зверинца, точно руководствуясь в этом деле данными им наставлениями. (Яковкин, История, т. I, стр. 75).

[339](#) Яковкин, Летоп., ст. 436.

[340](#) Рубан, стр. 62.

[341](#) В дневнике Бергхольца, под 1721 годом, встречаем следующие сведения об этом зверинце:

"Есть там... очень хорошенький зверинец, наполненный многими зверьми, которые необыкновенно ручны: двенадцатирогие олени

(конечно, речь идет об отростках на рогах у оленей) подходили к нам на зов и позволяли себя гладить. Кроме большого числа обыкновенных оленей, мы насчитали там с дюжину ланей; потом смотрели на особом дворе двух старых и двух молодых лосей, довольно больших и ручных. У старых лосей шерсть черно-серая, а у молодых земляного цвета. С виду они похожи на среднего роста лошадей, но хвост имеют, как простые олени, едва заметный. Ноги у них высоки, и копыта сильно раздвоены; брюхо, сравнительно с ростом, весьма невелико; уши очень длинные, как у лошаков. Самец отличается от самки тем, что у него рога выше и крепче, но зато менее разветвлены, чем у самки". (Вряд ли переводчик дневника Бергхольца правильно перевел название описываемого животного; нет никакого сомнения, что это не лось). (Бергхольц, ч. I, стр. 99).

342 31 января 1729 года было повелено "ловить лосей в дачах князя Меншикова и около Села Царского, в Копорском и Ямбургском уездах, а весною стараться ловить и лосенников, и отправлять их в Екатерингофский зверинец". (Яковкин, Летоп., стр. 46).

В описи зданием, находившимся в 1741 году при Екатерингофском дворце, о зверинце сказано: "Огорожен кольем, которая городьба развалилась и погнила; в нем один амбар да изба с сеньми ветхая". В этом зверинце с января по конец марта 1741 года содержались 90 оленей, поднесенных императору от выгорецких и устюжских жителей. В том же году положено было построить в Екатерингофе на лугу новый зверинец. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг., стр. 345 и 346).

22 мая 1737 года обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский, в представлении своем в

Кабинет Ее Императорского Величества относительно необходимости переустройства Екатерингофского и Петергофского зверинцев, указывал между прочим на необходимость переделки городьбы вокруг Петергофского зверинца для расширения последнего и для изоляции кабанов от прочих зверей. Самое представление Волынского мы приводим в главе о Екатерингофском зверинце, так как оно касается больше этого учреждения, чем Петергофа. (Арх. Прав. Сената, кн. 48, 1737 г., л. 124).

От 1737 года, а также и последующего сохранились нижеследующие крайне интересные документы, касающиеся Екатерингофского зверинца.

22 мая 1737 года обер-егермейстер Волынский вошел со следующим представлением в Кабинет Ее Императорского Величества:

"Понеже ныне в плане Екатерингофского вновь строящегося зверинца, против прежде сочиненного плана, в расположении преспектив и пляц, для лучшей удобности, учинены некоторые перемены, для того что прежний план снят геодезистами неправильно который потом морской академии учитель капитан Салтанов исправил, и для того этому месту сочинен им, Салтановым, аккуратный вновь план, таже и Петергофскому зверинцу сочинен план, по которому надлежит перенести городьбу прежнюю, которая делана плохо и ведена не по тому месту, где надлежало, а при том надлежит оный Петергофский зверинец еще прибавить в гору для умножения зверей, которые туда, по Именному Ее Императорского Величества указу, из Москвы приведены, а для кабанов надлежит отгородить особливо, понеже их вместе с оленями содержать невозможно, таже от моря надлежит городьбу перенести, дабы был около зверинца проезд в

Петергоф, а не через зверинец. Токмо я, при отъезде моем, Ее Императорскому Величеству для Высочайшей апробации поднести и обстоятельно всеподданнейше о том доносить, которому строению где быть потребно, довольно времени не имел. Того ради все оные планы, как генеральные оным обоим зверинцам, так и сочиненные для внутренних в тех зверинцах строений, которые рисовал определенный за архитектора Иван Бланк, оные все планы и с фасадами, також и реестр с нумерами и литерами о строениях, какому где быть надлежит и какой где быть вокруг городьбе, при сем в Кабинет Ее Императорского Величества посылаю.

"Того ради не соизволено-ль будет, до возвращения моего, в тех зверинцах внутренние все строения (кроме самых нужных для зверей покоев) отложить, а прорубать, где надлежит, только одне перспективы и расчистить пляцы, и вкруг зверинцев городить городьбу, а при том чтоб повелено было указом Ее Императорского Величества запретить обывателям, по силе прежних Их Императорских Величеств указов, дабы в тех местах никто самовольно лесов не рубили, понеже оный капитан Салтанов объявлял мне, что в тех местах дворцовые крестьяне и прочие не токмо рубят потребные леса, но и самые прорубленные перспективы и пляцы портят, а ныне я и сам осмотрел, что в том месте, где делается Екатерингофский зверинец, зело много вновь лесов порублено уже нынешнею весною, и ежели не запрещено будет, то уже впредь Екатерингофского зверинца уже строить будет невозможно.

"Того ради не повелено-ль будет определить для смотрения и караулу к оным местам гварнизонных солдат от десяти до пятнадцати человек, в том числе несколько человек для объезду, чтоб были с лошадьми.

"И какая по сему моему доношению в Кабинет Ее Императорского Величества воспоследует резолюция, о том чтоб в Канцелярию от строений, також и лейб-гвардии капитану поручику Рахманову, которому в небытность мою здесь охоты Ее Императорского Величества в надзирание поручены, також и помянутому капитану Салтанову повелено было определить указом, дабы оные потому могли исполнять, а генеральные тем зверинцам сочиненные планы не повелено-ль будет в Канцелярию от строений сообщить, кроме тех чертежей, которые о внутренних тех зверинцев строениях сочинены, дабы по тем генеральным планам в прорубании перспектив и в расчистке пляц, и вокруг зверинцев в работе городьбы нынешнее лето не упущено было".

На представлении этом положена резолюция кабинет-министров Остермана и князя Черкасского:

"Около зверинца ныне перспективою прорубать, городьбу городить, а чтоб в том зверинце лесов никто рубить не дерзали, того смотреть здешнему вальдмейстеру".

К представлению Волынского приложен нижеследующий любопытный реестр, "какому где строению быть в Екатерингофском зверинце, ежели Ее Императорское Величество соизволит".

"Но 1. Планы и фасады караульным избам и воротам в Екатерингофском зверинце. Оные строить брусчатые; кровли крыть гонтом; на каменном фундаменте под литерами А и В.

"Но 2. Планы и фасады покоям для пришествия Ее Императорского Величества в Екатерингофском зверинце.

"Исподний апартамент весь имеет быть каменный; в нем ледник под литерою А; по другую сторону погреб

для напитков под литерою В; между оными сени проходные под литерою С; в правой стороне четыре покоя и одни сени, и лестница в верхний апартамент; столярная под литерою Б; по левую сторону два покоя и одна кухня с очашком; между оными сени и лестница в верхний апартамент: столярная под литерою Е; оный апартамент весь сводами.

"Над тем каменным апартаментом покои деревянные числом двенадцать и двои внутренния сени, а посреди покоев зал и два крыльца с площадками каменными под литерою Р; оное строение имеет быть брусчатое. Кровлю крыть гонтом, а с лица убрать столярною, токарною и резною работами со всех четырех сторон, как фасад показывает под литерою І; краскою красить кровлю красною, стены светлою желтою, орнаменты белою.

"Но 3. Планы и фасады кухни и придворным кавалерам покои.

"Строить на каменном фундаменте брусчатою работою; кровлю крыть гонтом, а с лица убрать столярным украшением, как значит на фасаде.

"Но 4. План и фасад беседки в саду в Екатерингофском зверинце.

"Оное имеет быть деревянное под литерою І.

"Но 10. План и фасад Конюшенному двору в Екатерингофском зверинце для содержания во время пришествия Ее Императорского Величества в зверинце и для приводных в Санктпетербург молодых лошадей приплодных из конюшенных Ее Императорского Величества заводов.

"А в том дворе строение: четыре конюшни мшенные, рубленные брусчатые со внешних и внутренних сторон под литерою А; в них стойла досчатые, лестницы и чуланы — как значит на

чертежах.

"По бокам с двух сторон два магазейна для поклажи сена и овса и прочих конюшенных припасов и для постановления карет под литерою В; в них полы, потолки, так же как в конюшнях и при том в одном магазейне два анбара с сусеками; оные сараи не мшенные.

"На других двух боках две связи, по четыре светлицы, с сенми и поварнями, брусчатые, для надзирателей у зверей и лошадей и для конюхов, под литерою С.

"Четыре водогрейни со чанами, забранные досками в столбы, под литерою D, и при тех водогрейнях нужники.

"Четыре колодезя со срубом; вокруг оных столбы и на них кровли куполами, под литерою E.

"Посреди двора беседка восьмиугольная, досчатая, крытая куполою, с окнами и окончиками, под литерою Р.

"Все оное строение крыть гонтом.

"А вокруг одного двора, между конюшен и сараев, и хором, огородить в столбы тесом и сделать восемь расстворчатых ворот.

"Но 11. План и фасад двора для оленей в Екатерингофском зверинце.

"А в нем четыре сарая под литерою А, забранные бревнами в столбы, мшенные в стенах между бревен мохом; в них подволока досчатая; подле внешних стен ясли и над ними решетки для закладывания оленям сена. А посреди сараев по двою ясли для дачи овса. Прочие четыре сарая, под литерою В, не мшенные и без подволоков, для клажи запасного сена; один из них для клажи овса и прочих припасов, под литерою С.

"Все оные сараи крыть тесом или горбылями.

"Посредине двора две избы; сделать трои сени и четыре чулана; в средних сенях лестница вверх; а над ними восьмиугольная лакерна (фонарь?) для караульных часовых ночным временем для опасности от волков; оные в середине двора покои делать как с лица, так и изнутри брусяные и покрыть гонтом, под литерою Д.

"Но 12. План и фасад двору для донелей (даниэлей) или данчершей, в Екатерингофском зверинце.

"А в нем строение: по углам четыре сарая мшенные, рубленные, для данчершей, с потолками с яслями и с решетками над яслями, под литерой А.

"По бокам два сарая, забранные в столбы, для клажи сена; в них пол; оные сараи под литерою В.

"На других боках: на одном четыре светлицы для зверовщиков с поварнею и с сенми; а против того, на другой стороне, магазейн для овса и прочего, с полом и с подволокою; оные две связи под литерою С.

"В середине двора колодезь, огороженный столбами, с рундуком, покрытый гонтом куполою, под литерою Д.

"Оное строение, светлицы и против оных магазейн покрыть гонтом, а сараи для данчершей и два анбара крыть горбылями; между оных двор забрать пластинами крепкою работою и сделать восемь ворот.

"Но 13. План и фасад светлой галереи в Екатерингофском зверинце.

"Оное имеет быть деревянное на каменном фундаменте, под литерою А.

"Но 14. План и фасад Дианину-Темпелю или театру в Екатерингофском зверинце.

"Оный весь имеет быть каменный и лестницы ступенями каменные ж; а купол крыть железными листами; фасад под литерою А, а план под литерою В; с

лица покрыть желтою и белою, а купол красною красками.

"Но 15. План и фасад беседкам в Екатерингофском зверинце, которые имеют быть деревянные на каменном фундаменте, под литерою В.

"Но 19. План и фасад Егермейстерской Канцелярии и покоев для егеров и охотников, при том же сараи для собак и для лошадей конюшня.

"Егермейстерскую Канцелярию сделать на каменных погребках со сводами, а наверху четыре светлицы брусчатые, между которыми зал и сени, под литерою А.

"Две связи по углам в передней линии, брусчатые ж, на каменном фундаменте, под литерою В.

"По бокам четыре бревенчатые покоя, со внутри брусчатые, под литерою С, а между ними два колодезя, под литерою Е.

"По середине линии: на одной стороне конюшня для охотничьих лошадей, а на другой стороне два магазейна для охотничьих припасов и фуража, под литерою Д.

"Позади оной конюшни и сарая два двора, на двои разгорожены, в них по четыре сарая для собак, под литерою Р.

"Позади линии, вдоль двора, на одной стороне поварня для собак и подле оной, с обеих сторон, две избы для наварщиков, а на другой стороне анбар для клажи собачьих кормов, под литерою І.

"Означенное строение крыть гонтом, а городить переднюю линию брусчатыми, а внутри тесанными пластинами".

Подписал Артемий Волынский.

"Роспись, каким образом быть городьбе около и внутри Екатерингофского зверинца.

"Под литерою А, на две тысячи сто тридцать сажень, городить жердями; длиною быть оные жердям по три сажени с четвертью, в отрубе до двух вершков; концы обжигая, и врыть в землю рогатками на перекладных брусках и на подставных столбах.

"Под литерою В, от А до А ж, на четырех тысячах ста пятидесяти саженьях, огородить досками, забирая в столбы, вышиною в две сажени; столбы ставить, обожгав, в землю, расстоянием столб от столба по полторы сажени, а между столбами сверху досок класть по одному, а снизу по три бревна; а подле исподних бревен бить часто в землю колья, чтоб волки не могли подрываться, глубиною по полтора аршина.

Под литерою С, в трех тысячах двустах восьмидесяти саженьях, около яхт-гартенов и заячьего плаца, перегораживать таким же манером и вышиною досками, как под литерою В описано.

"Под литерою Д, в семи тысячах семи стах саженьях, между плацами, где водиться оленям, кабанам, донелям и птицам, огородить решеткою в полторы сажени; для одной решетки употреблять жерди, ставя на бруска, которых брусков класть внизу по три, а вверху по одному или по два венца между столбами; а оные столбы, обожгав, ставить по три сажени в расстоянии столб от столба.

"Вкруг сада огородить брусчатою решеткою, пильными брусками и таким же образом класть бруска внизу и сверху.

"Во всем зверинце, как в наружной городьбе, так и в перегородках, быть девяти воротам.

Подписал Артемий Волынский.

"26 мая следующего 1738 года Александр Нарышкин, заведовавший в то время Канцеляриею от строений, вошел в Кабинет Ее Императорского

Величества со следующим докладом:

"В нынешнем 1738 году, генваря 12 дня, поданным в Кабинет Ее Императорского Величества из Канцелярии от строений доношением, о строении при Екатерингофе зверинца представлено, что по ведомости архитектора Земцова и за архитекторов Бланка и Давыдова показана вокруг и внутри того зверинца городьба и каменное и деревянное здание по присланным, при указе, из Правительствующего Сената планам, по примерным ценам с материалами и с работою имеет быть во сто тысяч в семьсот восемьдесят один рубль пятьдесят копеек, в том числе за одну городьбу вокруг того зверинца и за прорубку прешпективных дорог восемь тысяч четыреста сорок девять рублей тридцать пять копеек с четвертью, а сверх того некоторые прешпекты, по показанию геодезии прапорщиков, в прошлом 1737 году и прорублены, и требовано об отпуске на то строение доимочных от Статс-Канторы денег или о определении особой суммы, понеже в Канцелярии от строений, за неотпуском от Статс-Канторы, денег не имеется, а на той Канторе тех доимочных денег по нынешний 1738 год девяносто пять тысяч двести пятьдесят пять рублей сорок восемь копеек с половиною. А того ж генваря 19 дня то доношение из Кабинета Ее Императорского Величества отдано обратно и при том приобщен письменный приказ Их Сиятельств Господ Кабинет-Министров, в котором приказе объявлено, Канцелярия де от строений требует на зверинец сто тысяч семьсот восемьдесят один рубль пятьдесят копеек, а за одну городьбу и за прорубку преспективных дорог, за работу и за материалы, по примерным ценам, восемь тысяч четыреста сорок девять рублей тридцать пять копеек с четвертью, а

подлинно де, как из того доношения видно, о настоящей цене не освидетельствовано, к тому ж весь вырубленный лес или продан, или в городьбу употреблен быть может, которую цену из истины надлежит вычесть; того б ради все то прилежно пересмотреть и потом доложить.

"И по силе оного приказания, на посланные от Канцелярии от строений указы, марта 24 дня сего 1738 года, архитектор Земцов да за архитекторы Бланк и Давыдов, рапортом, показали, что в том зверинце для осмотра они ездили и осматривали, сколько возможность допустила, понеже де всего видеть аккуратно невозможно, как за частым лесом, так и за довольными снегами, а наипаче де к тому их осмотру объявил им Морской академии учитель, капитан Салтанов, что в тех во всех местах, как, по его усмотрению, в летнее время, находится разных сортов лес, а именно: 1) годный к строению сосновый и еловый, 2) заборный, 3) на жерди и колья, 4) фашинный, 5) дровяной разных мер, о которых де пяти сортах, рассуждая токмо по плану, понеже де как вышеупомянуто, за частыми лесами и различно смешанными, к тому ж инде весьма часто, инде весьма редко, и множество из тех проспектов не назначено, которые могут на редких или густых местах проходить, или на крупный, или на мелкий лес, или на пустошу, что де никаким образом аккуратно положить невозможно, токмо де цена полагается, например, как нижеследует вырубленного леса в пляце и в аллеях, оставших от прошлого году, годного к строению и негодного, например, на двести рублей, а подлежит де еще вырубить в двадцати четырех пляцах разных мер и во всех аллеях, в которых, по мнению их, найтись может, например: 1) годного к строению соснового и

елового на тысячу на сто рублей, 2) на городьбу годного на две тысячи на двести рублей, 3) жердей и колья на тысячу рублей, 4) фашин на тысячу на двести рублей, 5) дровяного всякого, крупного и мелкого, на две тысячи рублей, и того на семь тысяч на семьсот рублей.

"И о вышеписанном Кабинету Ее Императорского Величества Канцелярия от строений, сим донося, всепокорно просит, Ее Императорского Величества Высочайшим указом, что повелено будет".

17 ноября того же года последовала резолюция кабинет-министров Андрея Остермана и Артемия Волынского:

"По сему доношению, что до строения покоев и прочего внутреннего в зверинце строения надлежит, то отставить до будущего определения, а ныне токмо делать городьбу кругом яхт-гартена и малого при том для содержания русаков и зайцев места, которое на плане показано, и прорубать преспективы и расчистить дороги и вырубленный лес употреблять в городьбу, а что к тому в добавок потребно лесов на городьбу, о том только положить исчисление, а годный на хормное строение класть, отбирая, в особое место, а на городьбу не употреблять, и оный яхт-гартен и для зайцев и русаков место делать без всякого отлагательства, а тою прорубку перспектив надзирать обретающемуся при Сенате геодезии подмастерью Рудакову, а городьбу и прочее определенным к тому от Канцелярии от строений, обще с ним же Рудаковым". (Арх. Прав. Сената, кн. 48 – 1737 г., лл. 124–129 и кн. 51 – 1738 г., лл. 465–467).

[343](#) Кобеко, стр. 268.

[344](#) Пушкарев, т. IV, стр. 149.

345 Кобеко, стр. 268.

В 1719 году по письму князя Александра Даниловича Меншикова в С.-Петербургскую губернскую канцелярию мыза Гатчинская с деревнями и мельницами, которые были расположены на реке Ижоре, была отдана во владение архитектору Ивану Блюментросу "того ради, что оный, по чину своему архитекторскому, тогда должность действительно исправлял". Но так как к 1732 году Блюментрос оказался уже отстраненным от должности и уволенным от службы, то указом 8 июля этого года гатчинское имение было у него отобрано и вновь приписано к владениям Дворцовой канцелярии.

Однако отобрание имения, дарованного Блюментросу Петром Великим, произведенное в царствование императрицы Анны Иоанновны, было, по-видимому, признано правительницею Анною Леопольдовною неправильным. Указом 30 ноября 1740 года Блюментросу хотя и не возвратили Гатчины, но вознаградили его предоставлением ему и жене его в пожизненное владение в Ямбургском уезде Хотынской мызы с приписанными к ней четырьмя деревнями и "со всеми к ним принадлежностями". (Арх. Прав. Сената, кн. СХХХIV, л. 50, кн. No 36 – 1732 г., л. 24 и кн. No 41 – 1734 г., л. 56).

346 Екатерина II вскоре по восшествии своем на престол подарила Гатчину графу Григорию Григорьевичу Орлову, а в 1766 году было приступлено в Гатчине к постройке каменного дворца. Постройка эта производилась архитектором Ринальди под руководством егермейстера фон Польшмана и была вполне закончена только в 1777 году. (Там же, стр. 270).

347 Гатчинские охотничьи учреждения, хотя и не принадлежавшие в то время к Императорской охоте, но послужившие основанием учреждений царских, почему мы считаем необходимым привести о них все имеющиеся сведения, впервые упоминаются в 1768 году. В течение лета этого года в Гатчинской мызе началась постройка зверинца, и тогда же в Гатчине начали разводить фазанов. (Кам.-фур. журн. 1768 г., стр. 143).

15 марта 1771 года последовало высочайшее повеление обретающихся в Ораниенбаумском зверинце американских оленей отдать "Его Сиятельству Генерал-Фельдцейхмейстеру, над фортификациями генерал-директору, Ее Императорского Величества генерал-адъютанту, Кавалергардского корпусу шефу, действительному камергеру, Лейб-Гвардии Конного полку подполковнику, Канцелярии опекунства иностранных президенту, обоих Российских орденов и Святыя Анны Кавалеру, графу Григорию Григорьевичу Орлову для содержания в мызе, называемой Гатчине". (Рукоп. сборн. им. ук., No 51).

После смерти князя Григория Григорьевича Орлова, последовавшей 13 апреля 1783 года (Кам.-фур. журн. 1783 г., Дополн., стр. 71), Екатерина Великая купила Гатчинскую мызу от братьев и наследников покойного, а указом от 6 августа того же года мызу эту с домом, оружейною и проч., с 20-ю приписными к ней деревнями, с мызами Старые и Новые Скворицы и со всеми пустошами подарила наследнику Павлу Петровичу. (Кобеко, стр. 267 и 270).

348 В конце царствования Екатерины Великой Кампенгауз писал о Гатчинском зверинце следующее:

"Зверинец очень обширен, хотя он и не занимает всего того пространства, которое ему предназначалось

прежним владельцем, князем Орловым. Несколько романтических домиков для лесничих, много приятных мест для прогулок, звездообразные аллеи и цветочные клумбы составляют его прелесть. Одна из этих аллей направляется к самой высокой из Дудергофских гор, на вершине которой виднеется кирка. В зверинце содержится много красного зверя". (Кобеко, стр. 278).

349 Пушкарев, т. IV, стр. 108.

350 Хотя мы и не имеем описания ни одной охоты императора Петра III, но считаем необходимым заметить, что Петр Федорович, имевший, будучи еще наследником престола, собственную свою охоту в Ораниенбауме, участвовавший, как мы видели выше, во многих охотах императрицы Елисаветы Петровны, был далеко не чужд охотничьей страсти. Подтверждением этому может служить хотя бы то обстоятельство, что во время государственного переворота 1762 года в Петербурге был пущен деятелями революции слух, "что Государь, будучи на охоте, упал с лошади и убился до смерти". (Болотов, т. II, стр. 275).

351 В 1765 году в зверинце этом содержались в числе других зверей дикие свиньи, которых нередко рассылали в подарок различным вельможам. Так, 13 июня этого года было приказано отправить оттуда пару свиней диких графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, а другую пару тех же животных Николаю Ивановичу Зиновьеву, а 27 сентября следующего 1766 года пара американских диких свиней была отправлена Якову Александровичу Брюсу. (Рукоп. сборн. им. ук., NoNo 28 и 29).

В Ораниенбауме имелись Оружейная камера и Арсенал. В 1768 году, сентября 5 числа,

Ораниенбаумская оружейная была передана Обер-егермейстерскому ведомству и переведена в С.-Петербург в Италианский дом. (Там же, No 36).

В 1771 году в Ораниенбаумском зверинце в числе других зверей содержались американские олени. (Там же, No 51).

Ораниенбаумский зверинец упоминается в последний раз в 1773 году. ("С.-Петерб. ведом." 1775 года, No 69).

352 15 мая 1770 года императрица Екатерина Великая приказала построить при Дудергофской горе "фазанарию". (Яковкин, Летоп. о Селе Царском, стр. 418).

В 1772 году "фазанария" эта была под заведованием особого фазан-егеря, получавшего в год: жалованья 80 рублей и на мундир 68 рублей 54 коп. (Там же, Истор., т. III, стр. 198).

В 1778 году в Дудергофской "фазанарии" содержалось 159 фазанов (там же, стр. 209); 25 февраля 1781 года это заведение было причислено к Царскосельскому дворцовому ведомству (там же, Летоп., стр. 427), а в 1796 году перешло в ведомство "Красного Ее Величества Села", где состояло ранее 1778 года.

353 В ноябре 1763 года императрица "соизволила указать построить соколей двор в Красном Селе от Канцелярии от строений к будущей весне, к непременному содержанию в нем птичьей охоты, для всегдашнего Ее Императорского Величества увеселения, с следственными в реченном дворе надобностями, яко-то: покои для птиц и житья кречетникам и сокольникам да лошадям конюшни и прочее, тому подобное". (Рукоп. сборн. им. ук., No 19.

Рукоп. Имп. ох.).

354 Общ. Арх. Мин. Двора, столбцы 707-й и 785-й – 7195 г.

355 От того же 1726 года сохранилось известие, что на Семеновском потешном дворе имелись постоянно "дневальные сокольники", на обязанности которых лежало, между прочим, принимать к птичьей охоте привозимых птиц и смотреть, чтобы таковые привозились в целости, без пороков и притом хорошей породы. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52 – 752, д. No 536).

356 В мае месяце 1750 года в числе доставленных в Семеновское на потешный двор ростовскими сокольими помытчиками птиц встречается "орел, называемой беркут"; однако этого беркута было приказано "ко птичьей охоте не принимать и казенного корма на него не тратить". (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

357 Насколько около описываемого времени менялось количество ловчих птиц, состоявших на Семеновском потешном дворе, усматривается хотя бы из сопоставления следующих данных за 1726 год. В январе там было 2 кречета, 2 челига кречетых и 15 соколов, то есть 19 птиц, не считая ястребов, находившихся на дворах у ястребников; в следующем же феврале месяце: 22 кречета, 22 челига кречетых и 15 соколов, то есть 59 птиц, также не считая ястребов. (Тот же арх., оп. 75, д. No 78).

В мае 1728 года на Семеновском потешном дворе содержалось 86 ловчих птиц в том числе 33 кречета, 15 челигов кречетых, 18 соколов, 17 ястребов и 3 ястребца малых, на корм которых вышло в месяц 12

руб. 21 алт. 1/2 деньги. (Тот же арх., оп. 75, д. No 151). Для выноски этих птиц доставлялись в это время коршаки, осорьи и воронки из дворцовых и других подмосковных волостей. (Тот же арх., оп. 75, д. No 190).

В то же время и на том же дворе содержались, между прочим, два черных медведя под присмотром зверовщика. Медведей этих кормили молоком с хлебом. (Там же).

(Общ. Арх. Мин. Двора, Приход.-расходн. книги Сем. пот. дв.). В 1701 году в Семеновском содержалось 6 сокольничих лошадей, коим полагалось на зиму 42 четверти овса и 10 1/2 копен сена. (Сборн. арх. бум. о Петре Вел., т. II, стр. 181). В феврале 1707 года на потешном дворе перебивало 41 кречет, 42 челига кречетых, 11 ястребов, 7 челигов ястребых и 1 сокол, и на прокорм их вышло 12 руб. 29 алтын 4 деньги, не считая тех птиц, которые находились у ближнего стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского и на дворах некоторых ястребников. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 18). В ноябре 1710 года там же было всего 5 кречетов, 1 челиг кречетий и 21 сокол. (Там же).

358 Другой пример: в январе 1726 года на Семеновском потешном дворе числилось 19 птиц, в том числе два кречета, два челига кречетых и 15 соколов; в феврале того же года число птиц сразу возрастает до 59, причем вся прибыль приходится на долю кречетов и их челигов, общее число которых достигло тогда 44^{A10}.

359 По штату 1773 года на Семеновском потешном дворе в птичьей охоте положено было "для увеселения Ее Императорского Величества птиц кречетов и

соколов содержать, сколько оных в котором году помкнута и принесено будет к охоте без недостатка". Кроме того, повелевалось "при оной же охоте содержать лошадей, для выезда с птицами в поля, офицерам по две, а служителям поручных (т. е. находящихся на руках, на попечении самих охотников) каждому по одной", всего 36 лошадей. "Для фур и в запряжку под летние и зимние ходы, которые отправляются с парадною ливреею, палатками и прочими приборами в разные походы", еще 20 лошадей. На приобретение этих лошадей полагалось ежегодно по 280 рублей, считая срок службы лошади в 4 года, а ее стоимость в 20 рублей, а на фураж и подковывание лошадей исчислялось в год 1550 рублей. На прочие расходы по птичьей охоте, как то: "на колокольцы зеленой меди, на пайку оных серебра, на сукно, на шелк для шитья оных (?), на долгики ремней, на кожи яловичные дуплёные, — для делания кlobучков, на верви для вапки птиц, на делание тайников для помыкания птиц, на шалгачи (?) льняного холста, на покупку в корм птицам говяжьего мяса и живых голубей, на фуры с прибором для возки в походы на оных богатой ливреи и прочих птичьих приборов, на роспуски, на хомуты, на сани, на веревки, на дрова для топления в зимнее время в покоях печей, где содержатся птицы, на прогоны за привозных из разных губерний и городов помкнутых птиц в Москву и в С.-Петербург и на прочие необходимые по той охоте потребности" полагалось ежегодно по 2000 рублей. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

360 18 июля 1793 года обер-егермейстер князь Голицын предписывал, "когда к птичьей охоте будут помыкаться дербники, то, по помкнутии их, подавать в Обер-Егермейстерскую Канцелярию репорты" для

соответственных распоряжений по назначению для них кормовых денег. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 359).

361 5 февраля 1793 года Московская обер-егермейстерская контора направила статейничему Дмитрию Рыкунову указ: "В ордере из Обер-Егермейстерской Канцелярии, минувшего генваря от 26 числа, написано: присланным де в ту Канцелярию оная Контора рапортом, о числе привезенных кречетником Николаем Юргеневым уловных в разных городах помытчиками птиц, доносила и требовала резолюции, что из числа оных повелено ль будет одну птицу, за случившемся ей в дороге в глазу трудом, дабы на корму не состояла, выпустить на волю, на что, по воспоследовавшей в той Канцелярии резолюции, тем ордером Конторе предписано, чтоб ту птицу, в сходственность оной Конторы представления, выпустить на волю". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 315).

20 октября 1795 года Обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Дмитрию Рыкунову: "Как по решенному в сей Конторе, бытности Комисара Петра Рыкунова 1793 года генварской, майской и сентябрьской третей, о состоящих при птичей охоте птицах и лошадях, щету, оказавшаяся в птицах неверность, коя последовала по неисправности подаваемых от вас о сваливших птицах особых и месячных рапортов, в коих показан, вместо свалившегося сокола, кречет, то вам подтвердить сим указом, дабы впредь вы как о вступивших, так и выбылых птицах подавали в Контору обстоятельные и верные рапорты и со вниманием бы рассматривали и различали кречета с соколом". (Там же, стр. 464)

362 В августе 1775 года обер-егермейстер Нарышкин отдал приказание по соколиной охоте, "чтоб из имеющихся при птичьей охоте зарушных птиц кречетов и челигов кречетых, также и соколов, в коих при той охоте надобности никакой не состоит и к держанию неспособны, отдать Его Сиятельству графу Ивану Григорьевичу Орлову, сколько ему потребно; за тою отдачею достальных побить, дабы те негодные птицы понапрасну на корму не состояли". Орлову было отдано: кречет дикомыть, 6 кречетов молодых, 7 челигов кречетых молодых, 9 соколов дикомытей, 5 челигов дикомытей соколов, 1 ястреб дикомыть, всего 29 птиц. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 44).

В видах тех же соображений и по приказанию того же Нарышкина 10 октября 1775 года было выпущено на волю четыре сокола. (Тот же арх., оп. 73, д. No 68).

21 января 1782 года главностатейничий Иван Рыкунов предписывал статейщику Дмитрию Рыкунову: "Рекомендую вашему благородию о состоящих при птичьей охоте наличных птицах, если когда из оных случится какая упаль, о том вам, того ж самого числа, подавать ко мне репорты, в коих имянно прописывать, что такого-то роду свалилось птиц столько-то, почему и от меня в Контору репортовано быть имеет". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 492).

6 июля того же года та же Контора предписывала тому же лицу:

"Оставших за отправкою в Санкт-Петербург птиц: кречетов размыть одну, молодика одного, челига кречетого размыть одну, соколов дикомытей двух, вешняка одного, и того шесть, продать вам, если болезнь ваша дозволит, самим или птичьей охоты служителями, кому вы в том поверите, под смотрением вашим, настоящими ценами, по присяжной должности,

когда дороже повеленной Канцеляриею пяти рублевой цены за каждую никто давать не будет, то хотя и по оной, и взятые за них деньги представить в Контору при рапорте, с показанием, сколько тех птиц и кому именно, и за какую цену продано будет; когда ж вышеписанные птицы не все проданы будут, то достальных, по негодности их, за непокупкою и чтоб оные понапрасну более на корму не состояли, выпустить на волю". (Там же, стр. 415).

363 30 июня 1774 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала: "Имеющихся на Семеновском потешном дворе, за отправкою в Санкт-Петербург, излишних птиц кречетов и челигов да соколов и их челигов же, по неимении в них в нынешнем году уже надобности и дабы на них напрасно корму не происходило, продать желающим людям под смотрением Конторы, да и в предбудущие годы, по выборе для sprawy, остальных негодных, ни мало не мешкая, продавать же. Ежели ж, за продажею птиц, имеет что остаться или и все проданы не будут, а останутся на лицо, то всех выпустить на волю".

Следует заметить, что на этот раз в Москве не нашлось ни одного человека, который пожелал бы приобрести из придворной охоты ловчих птиц. (Общ. арх., д. 1658, стр. 29).

В июле того же года Обер-егермейстерская канцелярия, получив донесение своей московской конторы "о проданных из состоящих при птичьей охоте кречетах с челигами да соколах, всего девяти птиц, на четыре рубля десять копеек", предписала: "на будущее время, равно ежели и ныне оставшие при охоте птицы есть, то их не продавать, а которые не годны, то таковых выпускать на волю". (Там же, стр. 65).

29 мая 1788 года обер-егермейстер князь Голицын

дал главностатейничему Ларионову ордер, в котором, между прочим, читаем: "Имеющихся при птичьей охоте кречетов и соколов с их челигами стараться вам выдержать и справить, как наивозможно, ранее; и потом об отправе оной охоты в Петербург представить Конторе немедленно, дабы возможно было прибыть оной в Санкт-Петербург по крайней мере июня к 23 числу. Оставших же, за отправлением в Санкт-Петербург, соколов продать, каждого не менее. . (пробел). . . рублей, ежели уже более сей цены никто давать не будет, и взятые за них деньги представлять в Контору при рапортах. Как же Канцелярия статейщику Коноплеву быть в Санкт-Петербург надобности не предвидит, то и остаться ему в Москве при команде, а ежели, по вашему усмотрению, должно ему быть при той птичьей охоте в Санкт-Петербурге, то можете вы об отправе и его с прочими представить Конторе, а оной ордером предписано, что как скоро от вас об отправе той охоты рапорт в оную Контору подан будет, то, ни мало не медля, учинить оной отправу. А для справки птиц велено Конторе взять от лекаря Тона имеющуюся у него казенную лошадь и отдать ко птичьей охоте, и когда справа птиц кончится, то и отдать оную ему, Тону, обратно". (Там же, стр. 110).

364 В июле 1727 года Преображенский приказ сообщил Приказу Большого дворца, что в прошлых годах по указу его величества "построен в Тюхальских лугах потешный двор (Тюхали, то есть Тухелева роща, находится за Московским Симоновым монастырем, близ деревни Кожуховки), на котором в летнее время живут повсягодно кречетники и сокольники, и ястребники для справки птиц соколов, кречетов, челигов, ястребов, и для того их приезду сделаны были плетеные сараи из хворосту и покрыты соломой, а

деланы были те сараи дворцового села Коломенского волостными крестьянами". К указанному сроку сараи эти весьма обветшали, погнили и повалились, почему сокольникам с птицами от дождей и жаров укрыться было негде. Преображенский приказ просил о восстановлении сараев в их прежнем виде, подкрепляя свою просьбу уведомлением, что таковая основывается на указе его величества. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 20).

5 июня 1794 года Обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Дмитрию Рыкунову: "Как из поданного вами, мая 31 дня, рапорта видимо, что во оном вы показываете, состоящем де при птичей охоте птицам уже ныне начато даваться пушное, а потому с 1 числа выезда на поля быть и не может, а разве, по примеру прошлогоднему, с 9 числа сего июня, и для того из состоящих при псовой охоте и при зверинце казенных лошадей, от псовой десять и от зверинца два, когда действительная справа птицам начнется и на поля выезды будут, давать без записки в расход..." (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 408).

365 В указе Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову от 9 ноября 1790 года, между прочим, читаем: "На случай надобности, как для возки к воронкам из Измайлова мяса и для езды к ловлению оных, до получения на представление от Конторы из Канцелярии резолюции, исправляться в езде имеющуюся при птичьей охоте одною лошадию".

Вскоре было получено и предписание по сему предмету из Канцелярии, коим приказывалось употреблять для вышеговоренной надобности лошадь, содержащуюся при Конторе для различных разъездов, отнюдь не занимая этим делом лошадь, состоящую при птичьей охоте. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр.

158 и 160).

2 января 1791 года Обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Рыкунову: "Поставку для довольствия живых воронок и воронов конских сырейных мясищ купцам Петру Прохорову, Петру Петрову и ямщику Петру Шемилову, по взятому с них в Конторе обязательству отдать, коим и велеть те мясища ставить по самую птиц справу, сколько когда потребно будет, без всякой остановки, и возить оные им, також и оставшие от оных кости убирать на своих лошадях и своими работными людьми; сколько ж всех мясищ забрано будет, о том подать вам в Контору рапорт, по которому и деньги, что следовать будет, по постановленной ими в контракте цене за каждое мясище, по семидесят копеек, выдать от расхода Конторы в прием тех поставщиков с роспискою". (Там же, стр. 163).

366 Из документов 1724 года, между прочим, усматривается, что для обучения и корма вынашиваемых на Семеновском потешном дворе ловчих птиц служили: "воронки" — для кречетов и челигов кречетых, а галки и голуби — для соколов и челигов соколых. Необходимые для этого птицы ловились в дворцовых, патриарших, архиерейских и монастырских волостях, в ближайших к Москве уездах: в Коломенском, Серпуховском, Боровском, Дмитровском, Переяславль-Залесском, Юрьевец-Польском, Суздальском и Владимирском, для каковой цели посылались сокольники и ястребники "на три дороги, по два человека в дорогу". Посланным приказывалось отводить крестьянские постоянные дворы, "а как станут тех птиц ловить и воронники вновь ставить, и старые починивать, и в том... крестьянам чинить им... вспоможение, давать работных

людей, сколько человек пристойно, и их, сокольников и ястребников, поить и кормить, и государевым лошадям, которые с ними будут, давать корм, сено и овес, чем им быть сытым, и на прикормку воронкам давать мясища". Голубей приказывалось сокольникам ловить, где только "обыщут", а по мере поимки как голубей, так и галок и воронок отправлять их в Семеновское на потешный двор на крестьянских подводах. О точном соблюдении приведенных правил своевременно посылались к "посольским старцам", приказчикам, старостам и выборным из крестьян послушные указы из оставшейся в Москве Сенатской конторы, а сокольникам предписывалось, с их стороны, не обижать крестьян и не требовать от них ничего лишнего. (Сборн. арх. бум. о Петре Вел., т. II, стр. 332).

Ловчие птицы по-прежнему кормились говядиною и живыми голубями, на поставку которых в 1775 году были назначены торги. На торгах низшие цены были заявлены: за говядину без жира, жил и костей – 2 рубля 40 коп. за пуд и за пару голубей – 14 копеек. Обер-егермейстерская канцелярия нашла подобные цены непомерно высокими, почему и предписала покупать означенные продукты для птичьей охоты "по приторгованной цене в ряду". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 24).

367 От 1745 года сохранилось известие, что в этом году кречетнику Саватию Ларионову было выдано "на покупку мяса говяжьего и голубей" для прокорма ловчих птиц потешного двора в мае месяце 50 р., в июле 50 р. и ноябре 100 р. Кроме того, в то же время на подстилку для ловчих птиц приобреталась ржаная солома. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9 – 1086). При птичьей охоте состояло весь год 41 соколичья лошадь, кроме сентября месяца, когда были отправлены в

С.-Петербург 16 лошадей, которые, однако, вернулись обратно в следующем октябре месяце. На прокорм этих лошадей, кроме сена, полагалось по 1 четверти в месяц овса. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 14).

11 июня 1745 года и 4 марта 1746 года статейничему Герасиму Ларионову было выдано в каждое число по 100 рублей "на отправление в С.-Петербург со птичьей охотою". (Тот же арх., оп. 65, д. No 14).

368 18 января 1789 года та же Контора предписывала тому же лицу: "В поданном от вас, сего генваря 17 числа, репорте ваписано, данным де вам из сей Конторы, сего генваря от 2 числа, указом велено из Измайловского зверинца в Семеновский потешный двор, в корм казенным лошадям возить сено, а как оное в том зверинце от дорог стало в дальнем расстоянии, то, за глубокостию снега, возить никак невозможно, о чем тем репортом в Контору и репортовали. Того ради, по указу Ее Императорского Величества и по учиненной в Конторе резолюции, велено к вам послать указ, в котором написать, как Конторе небезызвестно, что то сено секунд-майором господином Тарбеевым отпускается из укосного в Измайловском зверинце по выбору вашему, почему до нападения глубоких снегов следовало, выбрав оное в дальних местах, на казенных лошадях и возить, а ныне, если по близости во зверинце в скирдах и стогах стоящего нет, а хотя и есть, да вами удостоено не будет, то тому всему, а наипаче за изнурение и когда, паче чаяния, при том и казенных лошадей, не иной кто притчиною, как частный смотритель отвечать должен, почему ныне, проминая во первых к стогам порозжими дровнях лошадьми дорогу, то сено и возить непременно следует, ибо Контора, за силою насланного из Канцелярии о

употреблении в корм лошадям из укосного во зверинце сена предписания, ни к какой перемене приступить не может, о чем сим указом вам и предписывается". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 135).

369 Из документов 1775 года усматривается, что ловчие птицы содержались на потешном дворе в особых амбарах и что птиц этих в летнее время "прыскали" водою. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 60).

К 17 декабря 1792 года относится нижеследующий обрисовывающий хозяйственную часть московских охот указ Обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову: "Закупку на продовольствие в будущем 1795 году состоящих в Москве под ведомством оной Конторы служителей, охот и лошадей разных припасов препоручить атестованным от вас кречетникам Ивану Рыкунову и Григорию Ларионову, кои вам более нежели Конторе известны, и сколько когда потребно на ту покупку вышеписанных припасов будет денег, оные по подаваемым от вас и помянутых кречетников репортам выдавать от расходу Конторы из наличной на счет положенной по штату суммы, записывая в расход в прием тех кречетников с роспискою. На записку ж тех выдаваемых им на покупку означенных припасов денег в приход и в расход, им, Ларионову и Рыкунову, дать от Конторы шнурованную, за скрепою и конторскою печатью, тетрадь при указе, приобща при нем и тем припасам, сколько их на весь 793 год, по примеру сего года сентябрьской трети, потребно, за подписанием присутствующих, реестр, и предписать, чтоб они наблюдали, сколько которого месяца и числа тех денег из Конторы принято ими будет, то б оные записывали в шнуровую тетрадь в приход тех же чисел непременно и

из оных в Москве у продавцов все припасы, а собакам свешные шквары и кабанам отруби, а зверям и сено, по назначенным в реестре временам покупали со опробации в ценах о доброте вашей, по настоящим ценам, без передачи, по присяжной должности. Но при том смотреть им, чтоб все те припасы были не гнилые, без всякого худого запаха и в пищу годные, при которой покупке непременно должно быть по часту и самим вам, а покупные без вас все те припасы, наперед, для опробации доброты, представлять им вам, а потом из оных следующие отдавать комисарам..., коим оные принимать от продавцов без всякой остановки и класть в удобные места, в магазейны, и давать тем кречетникам, Ларионову и Рыкунову, росписки, а те припасы записывать в приход и о числе их и о годности тех припасов Контору еженедельно рапортовать. Что ж следовать будет по представленным от продавцов роспискам и деньги им платить с запискою в шнуровую тетрадь в расход с росписками. Для ж вспоможения им при той покупке и письменного производства употреблять вам из служителей птичьей охоты, кого вы к тому за способных признать можете, коих вам и отпускать безостановочно. По покупке ж тех припасов, сколько когда, каких именно и по каким ценам куплено будет, о том им за известие, по прошествии каждых семи дней Конторе и Канцелярии рапортовать. А по окончании всех тех припасов, на весь будущий 793 год покупки, о принятых и издержанных ими деньгах подать в Контору рапорт, при котором и записную оным тетрадь, с засвидетельствованием вашим так, как путевые расходные тетради (которые выдавались при переездах птичьей охоты из Москвы в С.-Петербург и обратно) представляются, представить к щету. На птиц же

говядину, по положенному окладу, на каждую в сутки по полуфунту, и голубей, с будущего 1793 года, покупать вам, и по покупке, у кого именно и сколько, и по какой цене куплены будут, о том подавать вам рапорты, по кой и деньги на писанное число выдаваны быть имеют от расхода Конторы в прием продавцов с росписками". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 299 и 300). Представляет известный интерес указ Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову от 14 января 1793 года, в коем читаем: "Поданным в Контору вы рапортом прописывали: так де как ныне, на сей 793 год, на Московския здешнего корпуса команды припасы покупаться уже начаты и на покупку оных принимаются покупателями деньги от сей Конторы ассигнациями, для размену которых и посылаются в банк птичей охоты служители, которые, за великою теснотою бываемых в том банке людей, променивают весьма мало, а нередко приходят обратно и не разменявши, почему и в расплате с продавцами за те покупные припасы денег бывает великая нужда и остановка, а на большие ассигнации продажи продавцы не делают, для чего и благоволено б было в Банковую Контору о свободном пропуске тех служителей сообщить. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Обер-Егермейстерская Контора приказали: с прописанием вышеписанного в Московское Отделение Государственного Ассигнационного банка послать записку с таковым прошением, дабы от одного соблаговолено было, кому надлежит, приказать, чтоб ведомства Обер-Егермейстерского корпуса птичей Ее Императорского Величества охоты ливрейных служителей в тот банк для промену ассигнаций на

медные деньги впускать невозбранно, дабы от невпуску оных и за неразменом ассигнаций не последовало в покупных припасах остановки, а оттого и казенной Ее Императорского Величества охоте ущерба, почему ту записку для подачи в тот банк через посылаемых служителей и отослать к вам при указе, которая при сем и посылается". (Там же, стр. 308).

15 февраля 1793 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала тому статейничему Дмитрию Рыкунову: "В ордере из Обер-Егермейстерской Канцелярии, минувшего генваря от 31 числа, написано, что де Канцелярия, из присланных во оную Конторы сей рапортов, усмотрела, что выдается из оной кречетникам Григорью Ларионову и Ивану Рыкунову, на покупку на нынешний 1793 год к охотам разных припасов денег по две тысячи рублей, чего для, по воспоследовавшей в той Канцелярии резолюции, тем ордером Конторе велено, что если на упоминаемую покупку припасов объявленным кречетникам Ларионову и Рыкунову из сей Конторы выдается вдруг сумма по вышеписанному числу, по две тысячи рублей, то оная выдача происходит неосторожно, ибо те деньги, под собственным их хранением, при случае пожарного, от чего Боже сохрани, бедствия, сгорит или от воров похищены будут, то от сего и может последовать казне безвозвратный убыток; ибо, по некапитальному состоянию тех кречетников, платить они толикого числа не состоянии, и, в предосторожность таковых могущих быть несчастных приключений, тем ордером сей Конторе и предписано, чтоб впредь, по примеру тому так, как там в Канцелярии от казначейства выдача чиниться, выдавать тем закупщикам для задатку продавцам тех припасов по сту или по двести рублей, а

потом по ценам следующие к задаткам достальные за покупные припасы (по приеме их от продавцов) деньги велеть находящемуся у содержания приходу и расходу денежной казны комисару выдавать оным продавцам самим по рукам, и сколько выдано им будет, то все те деньги, во избежание излишних, в записке в книгу всех продавцовых имян, затруднений, записывать в расход в прием реченных покупателей, Ларионова и Рыкунова, одною валовою статьею, в выдачу им деньгами, и в приеме оных брать с них в книге расписки, ибо сие будет все равно, они ли закупщики заплатят продавцам по сторгованной ими цене деньги или состоящий у приходу и расходу денежной казны комисар. Они ж, Ларионов и Рыкунов, в своих книгах должны ту сумму денег, в чем распишутся, записывать в приход, и в расход писать на имена тех самых продавцов, у кого они те припасы сторговали.." (Там же, стр. 322).

5 апреля того же года Московская обер-егермейстерская контора писала, между прочим, статейничему Дмитрию Рыкунову: "По требованию вашему для чищения у состоящих при птичьей охоте казенных лошадей во ртах, к скалыванию насосов и метанию крови, по силе Обер-Егермейстерской Канцелярии 776 года марта 20 дня указа, приискать комисару Петру Рыкунову вольного коновала, коему и велеть тех лошадей перечистить и, кому следует, кинуть кровь, которое все и исправить под присмотром вашим, а по исправлении оногo, сколько за то чищение и метание крови подлежать будет денег, оные, по подаче о том от оногo комисара Рыкунова рапорта, выданы быть имеют от расходу Конторы в прием объявленного коновала, записав в расход с роспискою". (Там же, стр. 333). К тому же апрелю месяцу относится

известие о следующем наличном числе чинов птичьей придворной охоты: кречетников 19 человек, сокольников 17 и ястребников 2. (Там же, стр. 335–337).

К 1766 году относится переписка, касающаяся порядка снабжения птичьей охоты фуражом. Заимствуем из последней нижеследующие не лишённые интереса обстоятельства, изложенные в указе Московской обер-егермейстерской конторы статейничему птичьей охоты Рыкунову, помеченном 15 февраля этого года.

Главная дворцовая канцелярия, на обязанности которой лежало в то время снабжение Московской придворной охоты потребным сеном, обратилась в местную Обер-егермейстерскую контору с отзывом, в коем указывала, что при доставлении сказанного продукта в охоту постоянно происходят недоразумения вследствие придинок приемщиков Обер-егермейстерского ведомства и что мер к устранению подобных случаев названным ведомством не принимается, несмотря на то, что пробы забракованного сена, доставленные в Канцелярию, неоднократно признавались вполне доброкачественными. Между тем подобное отношение к делу приемщиков отбивает охоту у подрядчиков брать на себя поставки сена по выгодным для казны ценам. Для устранения такого непорядка Главная дворцовая канцелярия просила, "дабы Обер-Егермейстерская Канцелярия благоволила ведомства своего приемщиков от таковых непорядочных приемов удержать и накрепко им подтвердить, чтобы вперед привозимое сено... принимаемо было безостановочно и годное обратно с двора ссылаемо не было, дабы за таковым неприемом в

покупке передачи и через то б казне Ее Императорского Величества напрасного ущерба быть не могло".

Ближайшее егермейстерское начальство возражало на это, что при браковке сена приемщики поступали "по присяжной своей должности", ибо браковалось сено действительно негодное для "соблюдения Ее Императорского Величества интереса, яко то, во-первых, дабы таким употребляемым в корм негодным сеном казенных лошадей, которые как от осенней езды, так и в нынешнее зимнее время, будучи при загонянии к теплым шалашам тетеревей и частых разъездов на осока, пришли в самую либовость (?), не привести тем в упадок, а понеже оные лошади покупаются лучшие и годные к полевой езде недешевою ценою, на которую покупку из казны происходит немалая сумма, они же, как покупаются в калмыцких улусах, и если их кормить худым сеном, то, по их тамошней Калмыцкой породе, здесь из оных лошадей совершенно может последовать знатной упадок и оттого казенному интересу напрасный и немалый ущерб, паче же к будущей весне для полевых с охотою выездов во оных лошадях и крайний недостаток последовать может и для того к будущим полевым выездам надлежит оных приводить в лучшее состояние, а не в либовость (?), но таким негодным сеном оправить будет никак невозможно. Что же касается до жалоб от подрядчиков, во оных истинность не состоит потому, когда они сено ставить подряжаются, то обыкновенно представляют сену достойные пробы, да и цену заключают не только настоящую, но еще и с излишеством, а в определенные места привозят совсем и на пробу не похожее, ища и наблюдая в том свои интересы, как и натурально

состоит оной более тем к их пользе; следуя сему, и жалобы представляют, привозя в корм негодное, одобряют свое сами, а на приемщиков чинят нарекания и тем поставку оного продолжают вымысленно с тем, когда де кормов в наличности не будет, тогда де принуждены будут, по самой в том необходимости, принимать и негодное, что и случается, а через то, они своими вымыслами пользуются, как о том и от Обер-Егермейстерской Канцелярии Дворцовой Канцелярии негодному их привоза сему пробы и на них истинные жалобы в прошлых годах неоднократно, письменные и словесные, чрез посланных, сообщаемы бывали; но токмо их одне, неистинные жалобы истинствуют, а Обер-Егермейстерской Канцелярии и ее подчиненных, яко то есть полковника и Унтер-Егермейстера, також стремянного Егора Тона и прочих, коим поручены точные приемы и присяжные люди, а при том и в званиях своих беспорочны, оных жалобы отлагаются, кои во всем том поступают, наблюдая присяжную должность и Высочайшего Ее Императорского Величества интереса целость".

Кроме изложенного, указывалось также на то обстоятельство, что в 1762 году один из подрядчиков, "поступая по своим обыкновенным вымыслам, непоставку сена продолжал сентября с 1-го даже по половину ноября месяца, отчего казенные лошади полтретья месяца были без сена, из которых три и пало, а достальные и к объездам были в крайнем несостоянии, и если б не заемным сеном питаемы были, то б по крайней мере и все не устояли; хотя ж и начал ставить с половины ноября месяца, но самое негодное и то по самому малому числу, которым на заем платить, ниже заморенных поправить было невозможно, через кои вымысленные продолжения и

по негодности сена и задержали работника его (на что в особенности жаловалась Дворцовая Канцелярия) до поставки на треть сполна годного сена".

Озабочиваясь устранением на будущее время подобных недоразумений и желая избежать значительной и бесполезной по сему предмету переписки, Обер-егермейстерская канцелярия просила Главную дворцовую канцелярию принять на будущее время за правило, чтобы для разрешения споров, касающихся приемки сена, Дворцовая канцелярия требовала бы запечатанные пробы не только по выбору из массы доставленного самих подрядчиков, как то обыкновенно практиковалось ранее, но также и по выбору чинов егермейстерского ведомства, поставленных своим начальством к приемке потребных для придворной охоты продуктов. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 16–19).

370 В "Быте Российского государства в 1740–1741 годах" находятся следующие сведения, касающиеся разбираемого нами вопроса: "Число птиц на Потешном дворе в 1740 году было незначительно. Так, к 1 июня этого года состояло их всего 70, в том числе 25 кречетов, 12 челигов кречетых, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребых и балобан. Приблизительно то же число птиц содержалось и во весь этот год. Это не совсем верно: в сентябре 1740 года было на Семеновском потешном дворе всего 31 ловчая птица, в том числе 7 кречетов, 2 челига кречетых, балобан, 15 соколов, 3 ястреба и 3 ястребца малых. Кроме того, тут же имелись журавль и 4 полевых гуся. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9 – 1086). Яхт-штатом 22 сентября 1740 года положено содержать на потешном дворе птиц, "сколько их есть и впредь будет"; штатом же 28 января 1741 года число их было уже определено, а

именно: 3 кречета, 2 челига кречетых, 17 соколов, ястреб розмыт, балобан, журавль и 3 полевых гуся. (Неверное толкование штата: означенное количество птиц не было положено по штату, а в штат было внесено наличное количество птиц, иначе одновременно с утверждением штата следовало бы сократить помытчиков по крайней мере на 9/10 и уничтожить обычай отсылки ловчих птиц в иностранные государства. Ни того, ни другого не было сделано)..." "Птицы на потешном дворе помещались в "птичьих покаях", в числе которых было 5 "светлиц" – зимних птичников. На корм птиц в 1740 году поставлялось от Главной дворцовой канцелярии, через подрядчиков, мясо говяжье. Ставил его купец Рогов, по контракту, заключенному с означенною Канцеляриею в феврале 1740 года. В контракте Рогов обязывался в течение 1740 года на корм "имеющихся в Семеновском на потешном дворе казенных птиц из живья говяжье осешное мясо без костей ставить безостановочно по объявленной от него последней цене, 80 коп. пуд..." "Яхт-штатом 28 января 1741 года на содержание птичьей охоты положено: говяжья мяса 221 пуд 2 1/2 ф., ржаной муки 2 четверти, овса 127 четвертей, сена 2268 пудов, соломы на подстилку 83 воза. Все припасы, за исключением мясных, отпускались Главною Дворцовою Канцеляриею..." "Сверх того, на мелочные расходы по содержанию птиц отпускалось от Главной Дворцовой Канцелярии, в распоряжение статейничего, некоторая сумма денег, в каком размере – не видно. Из этой суммы заготавливались для птиц клобучки, долгики и обножи. В апреле 1741 г. на изготовление этих предметов куплено: на клобучки – кожа яловичная (на 1 р. 30 к.), на долгики – кожа сыромятная (на и р. 30 к.), на обножи – "оленина" (на 3

р. 50 к.), на подшивку обножей сукна 1/4 аршина (на 35 к.). Из той же суммы покупались на корм птиц голуби". (Ч. 1, стр. 360 и 361).

В том же 1740 г. на Семеновском потешном дворе производились некоторые ремонтные работы, как то: переделка печей и перестилка кровлей, причем работы эти отдавались с торгов. (Быт Росс. госуд. 1740–1741 г., ч. I, стр. 41).

371 В сентябрьских документах 1792 года упоминается о существовании на Семеновском потешном дворе "птичного теплого амбара". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 278).

К тому же времени относится известие, что на Семеновском потешном дворе, в амбарах, где содержались ловчие птицы, устанавливались особые шесты, которые обвивались ровным холстом. К сожалению, не имеется сведений о том, для какой надобности служили эти столбы. (Там же, стр. 341).

372 В сентябре того же 1775 года Обер-егермейстерская канцелярия писала в свою московскую контору: "Как неизвестно, что для лучшего сбережения соколов наперед сего содержаны были всю зиму в нарочно сделанных выходах, где они проживали без каблуков (sic), потому что им, будучи в тесном месте, пужаться было нечего и сидеть спокойнее, отчего они были долговечнее и проживали в команде года по два и по три и добывали всегда хорошо, вместо того, что ныне в светлицах более одного года пробывать не могут". Руководствуясь этим, Обер-егермейстерская канцелярия предписывала сделать подобные "выходы" с осени, на что и отпустила в распоряжение своей Конторы 25 рублей денег. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 52).

В феврале 1795 года обер-егермейстер князь Голицын приказал, между прочим, начальству придворной птичьей охоты "привезенных из Оренбурга семь кречетов крайне беречь". (Там же, д. 1658, стр. 444).

373 4 февраля того же 1791 года состоялось следующее постановление Обер-егермейстерской конторы по рапорту статейничего Рыкунова: "приказали: по требованию вашему, на сделание ко птичей охоте, для сажания птиц, стульев, из имеющихся во зверинце буреломного и валежного лесу, одно дерево, по выбору того, кто от вас прислан будет, отпустить комисару Федору Панову, записав в расход в прием, кому от вас повелено будет, с роспискою, а какое оное дерево длиною и толщиною отпущено будет, подать в Контору рапорт, о чем комисару Федору Панову и вам дать указы, с таковым вам предписанием, чтоб вы для сделания стульев приискали вольного плотника и, под присмотром своим, приказали оному сделать, с платою за оные не свыше преждеплатимой с каждого стула пяти копеешной цены". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 176).

374 Мы имеем любопытные сведения от 1786 года о приобретении верховых лошадей яловой и серой масти от 20 до 25 рублей за лошадь [A11](#).

375 В феврале 1773 года обер-егермейстер Нарышкин докладывал императрице Екатерине II, что в Семеновском на потешном дворе служительские покои птичьей охоты, починкою которых до того времени ведала Дворцовая контора, находится в весьма печальном состоянии, ибо "все строение доведено до такой крайней ветхости, как в присланной из Главной Дворцовой Канцелярии сего 773 года в генваре месяце

промемории показано, что на Семеновском потешном дворе одне ветхости, и по сметам оказалось", что на починку этих зданий, а также на починку зданий при Измайловском зверинце, требуется 21.742 рубля 14 коп.

376 Здания эти возобновлялись постепенно, на какую надобность имелось по штату 1773 года ежегодное специальное ассигнование в размере 2000 рублей. Следует, однако, заметить, что на эти 2000 рублей должны были возобновляться помещения всех московских охот, кроме Измайловского зверинца. (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

В указе Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову от 10 ноября 1788 года, между прочим, читаем: "К исправлению на Семеновском потешном дворе, по поданной от вас в Контору, при репорте, описи, в жилом и нежилом деревянном строении разных починок, чрез посланных команды вашей слугителей, желающим людям повестили, чтоб они к торгам в сию Контору явились немедленно". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 152).

30 января 1789 года Обер-егермейстерская контора предписывала Рыкунову: "Имеющиеся на Семеновском потешном дворе ветхости, по представлению вашему, починою исправить, по взятому в Конторе письменному обязательству, экономическому крестьянину Потапу Бухонину, то-есть светлицу, где содержатся птицы, всю изнутри паклею выконопатить и пол в оной починить; в новой конюшне двери створчатые, у которых одно полотно, по ветхости, сделать из новых досок и навесить на старых петлях и крючьях, и в двадцати трех стойлах некоторые доски переколоны, то оные, с прибавкою новых досок,

переделать; решетки, в которые задается сено, бруски переломались, вместо оных следует с прибавкою новых вставить; також стойлы и полы во многих местах, по гнилости, сделать из собственных своих материалов, под смотрением вашим, и как оные ветхости по надлежащему им исправлены будут, тогда подать вам в Контору репорт, по коему и договоренные за то исправление деньги выданы быть имеют от расходу Конторы в прием его, Бухонина, с роспискою". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 16,8, стр. 136).

377 В январе 1727 года заведовавший в то время Семеновским потешным двором Лейб-гвардии Преображенского полка сержант Роман Мельгунов доносил князю Ивану Федоровичу Ромодановскому: "Приказом Вашего Сиятельства повелено помытчику помыкать воронок для справки птиц челигов кречетых, а на потешном дворе анбары, в которых прежде сего воронки сидели, и у тех воронников трои двери худы, – надобно вновь сделать; также уловных воронок, как будут в улове, чем кормить; и чтоб Ее Императорского Величества указом повелено было оное поставить и уловным воронкам, которые будут в улове, чем кормить, – определить указом". По справке в Преображенском приказе усмотрено, что в 1726 году, по указу Ее Величества, в Семеновском на потешном дворе "всякое деревянное хоромное строение строено и починивано из доходов Преображенского Приказа. А как в прошедших годах бывали на том потешном дворе воронки и сидели в воронниках, и тех воронок, по посланным указам из Преображенского Приказу, из сырейного ряду сырейщики и живодееры из разных слобод кормили и на тот корм возили на потешный двор мясища. А в прошлых же годах, по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Его

Императорского Величества, каков состоялся в Московском магистрате, оным живодерам, по присланным указам из Преображенского Приказу, без указу Московского Магистрата, делать не повелено, и потому указу те мясищи и отрешены. А по осмотру на Семеновском потешном дворе Преображенского Приказу целовальника Андрея Петрова у вороньих амбаров трои двери на пестах (на петлях?) все изломаны и в починку быть годны, да еще ж двери сделать вновь четвертые". Резолюция неизвестна. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75. д. No 154).

В указе Московской обер-егермейстерской конторы, от 24 июля 1780 года, между прочим, находим: "Состоящий на Семеновском потешном дворе, за голубятнею, бревенчатый сарай, в котором находились разные казенные припасы и материалы, самую доброю и прочною работою исправить". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 43)

378 В декабре 1757 года статейничий Александр Ларионов доносил Московской обер-егермейстерской конторе, что "при птичьей Ее Императорского Величества охоте в Семеновском Потешном Дворе содержатся в теплых светлицах кречеты, челиги, соколы и другие птицы и на отопление тех казенных покоев в нынешний 1757 год по данному от него в Обер-Егермейстерскую Контору доношению требуется дров березовых, которых и по ныне не отпущено; а ныне топить тех казенных светлиц нечем. Також для птиц готовится в теплом покое корм и кормятся птицы говядиною и голубями на руках; а ныне оных птиц от нетопления оных покоев кормить на руках невозможно, да и корм мерзнет, и ныне оные птицы пришли в великое несостояние, и от нетопления светлиц сего числа свалились две птицы".

Обер-егермейстерская контора, рассмотрев это дело и принимая во внимание, с одной стороны, что Обер-егермейстерская канцелярия запретила трогать без ее указа имеющийся в Измайловском зверинце "буреломный и валежный лес, кои в дрова перерублен и в стопы поставлен", а с другой стороны, что "во оном Семеновском Потешном Дворе, где имеются реченные кречета, челиги, соколы и другие птицы, без отопления пробыть никак не можно, а паче предопасно, чтобы за нетоплением тех покоев птицы не могли ж прийти в наивящее несостояние и упадок" – определила: "Измайловского зверинца к комисару Михайле Юрьеву послать указ, по которому велеть, чтоб он, за совершенным в том Семеновском Потешном Дворе в тех дровах недостатках, из оставших от раздачи служителям негодных дров, из коих по указу Обер-Егермейстерской Канцелярии велено отпускать для варения навары, отпустил и отдал в прием комисару Саватею Ларионову только две сажени, записав в расход с распискою, которые ему, приняв, записать в приход и в расход употреблять подлежаще, без излишества". О сделанном распоряжении Контора постановила донести Обер-егермейстерской канцелярии. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. No 26).

379 К 14 марта 1780 года относится указ Московской обер-егермейстерской конторы о починке голландской печки "в светлице, где птичьей охоты служители птиц держут". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 38).

К февралю 1788 года относится известие, что на Семеновском потешном дворе птичьи светлицы отапливались дровами "из состоящих в Измайловском зверинце нарубленных фруктовых деревьев". (Там же, стр. 109).

380 31 июля 1785 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала своей московской конторе передать Московской управе благочиния для отдачи главнокомандующему в Москве Брюсу под выстройку "состоящую в Москве, внутри камер-коллежского валу, близ Сокольничей слободы, впусте лежащую землю, под пашнею и под сенокосом не бывалую, в коей по ведомству Обер-Егермейстерского корпусу никакой нужды не состоит, длиннику сто две, поперешнику по обоим концам по тридцать по семи сажен". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 92).

381 14 июля 1791 г. Московская обер-егермейстерская контора дала комисару птичьей охоты следующий указ: "Поданным в Контору, сего июля 7 числа, сокольник Филип Заправдин доношением прописывал, имеет де он в Сокольничей слободе с прочими сокольниками собственный двор, а сего года в мае месяце кречетник Семен Шахмотов, имел ли от кого позволение или нет, ему неизвестно, начал вновь перестраивать свой двор, а также и другую усадьбу, пустую, по соседству его застроил, не оставляя между двором разрыву, для опасения, от чего Боже сохрани, пожарного случая, хотя ему и от господина статейничего Дмитрия Рыкунова об оном приказано было, о чем и просит приказать освидетельствовать и его удовлетворить. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия Приказали: с прописанием вышеписанного к вам послать сей указ, коим и велеть вышеозначенную, учиненную кречетником Семеном Шахмотовым имеющегося подле двора его другого порожнего двора усадьбы застройку освидетельствовать и что окажется, о том, також по чьему дозволению и каких ради обстоятельств он, Шахмотов, ту застройку сделал, подать в Контору

обстоятельный рапорт, и далее ему, Шахмотову, строение свое распространять и тем сокольнику Заправдину утеснение чинить накрепчайше запретить".

Вскоре после этого указа кречетник Шахмотов донес Обер-егермейстерской конторе, что в свое время ему было дано земли меньше, чем другим его сослуживцам, что новую постройку он произвел взамен старой, место из-под которой осталось свободным, что у новой постройки оставлен переулок и что все это сделано им с разрешения статейничего птичьей охоты Рыкунова.

По рассмотрении этого донесения Контора приказала: "Рассмотреть на месте по справедливости и обмеря землю под строением и двором кречетника Шахмотова и его соседей, и если следует оному Шахмотову, то против прочих сделать ему, отводом земли следующего числа, удовольствие, дабы никто излишеством земли пользоваться, а другой от недостатка обиженным быть не могли, и что учинено будет, Контору со обстоятельством рапортовать". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 206 и 264).

К тому же 1791 году относится любопытное нижеприводимое свидетельство о произведенных в то время работах по Семеновскому потешному двору, дающее возможность составить себе некоторое представление о том, из каких построек состояло тогда это учреждение.

"На Семеновском потешном дворе, у господ присутствующих сей (Обер-егермейстерской) Конторы конюшню, мерою: длиною девяти сажен двух аршин, шириною двух сажен двух аршин, все разобрать, а снизу подвести под все два венца из новых бревен; в стены, вместо гнилых бревен, положить новые и

внутри оной пол бревенчатый, стойла, решетки и ящики, по ветхости, все из нового материала сделать, а потом наслать старый, с прибавкою нового материала, верх досками; по-прежнему перегородить; крышку покрыть против состоящей подле оной овсяной магазейны, под одну крышку в два теса новым, с прокладыванием новой же драни. У Присутствующего господина Ершова кухню, длиною девяти с половиною аршин, шириною тож, всю вновь, со всеми к житью потребными принадлежностями, построить, и печь с очегом, если оные от разборки избы повреждены и надобны будут, перекласть вновь с прибавкою материалу. В связи, где протоколист Прохор Бахбородин жительство имеет, в первом покое, длиною двенадцати аршин, шириною тож, пол, с прибавкою новых досок, перебрать, да в оном же покое под перегородку снизу положить перевод, за гниlostью старого, новый; во втором, через сени, длиною двенадцати аршин, шириною тож, пол, да в сенях и чуланах весь пол же перебрать, с прибавкою досок и бревен на переводы и с одной стороны в том же покое потолок, где была труба, починить; в четырех окнах переплеты, за гниlostью, с прибавкою стекол, сделать; нужник перебрать и от печи всю крышку перекрыть, с прибавкою лубу и драни, и перед оною связью маленькие рундучки, с прибавкою, починить. Против оной связи состоящий сарай, что была кузница, длиною осьми аршин, шириною тож, снизу подрубить, дверь сделать и пол наслать, крышку, с прибавкою драни и лубу, перекрыть. У задних к роще ворот, полотна все и пяльцы вновь; сделать запор со скобами. Первый покой, где канцелярист Мухин живет, длиною двенадцати аршин, шириною тож, перебрать, с прибавкою в покое двадцати, а в сенях десяти бревен;

потолок сделать, с прибавкою материалу; пол весь вновь; матицу одну новую; в окнах и дверях косяки и одну дверь и окончины сделать вновь; в сенях пол вновь; подволоку да в сенях старый чулан перебрать, а другой и нужник выпускной сделать; крышку покрыть по лубу дранью вновь. Второй покой, в коем жительство имеет канцелярист Сомов и для помещения определенных для караулу двух охотников, длиною двенадцати аршин, шириною тож, к окнам ставней четыре и в покое дверь и одну оконницу сделать вновь, да у двух ставней петли и крючья сделать новые; матицы погнулись, под оные подставить подставки с перегородками досчатыми; пол, с прибавкою новых досок, перебрать и оный покой выконопатить и в сенях сделать другой чулан, печь, если она по разборке полу повредится, и нужно будет, то перекласть, с прибавкою материалу. Солдатскую связь, состоящую в двух покоях, мерою: длиною одиннадцати сажень одного аршина, шириною двенадцати аршин, из всего нового материалу сделать, кроме сеней, а сени и чуланы старые перебрать; на оной крышу покрыть по лубу дранью или по лубу ж в одну тесницу в желобья. На конюховском покое крышку покрыть, с прибавкою лубу и драни. У господина присутствующего Рыкунова крылешной рундук из нового материалу сделать вновь. В Сокольничьей слободе, у бывшего Главностатейничего господина Ларионова, людскую избу, мерою: длиною осьми аршин, шириною семи аршин, сделать вновь и в оной печь, если по разборке старой избы повреждена и нужно будет, перекласть, с прибавкою материалу. С улицы решетчатый забор, с прибавкою новых столбов, брусьев и решетник сделать". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 220 и 221).

382 К 1728 году относится нижеследующий весьма интересный документ, могущий служить наглядным указанием тогдашней обстановки жилья сокольников в Сокольничьей слободе в Семеновском на потешном дворе:

"1728 года, Мая в 14-й день, по указу Его Императорского Величества и по инструкции, велено мне, Преображенского Приказа копиисту Михаилу Гридякину, взяв из Преображенского Приказу солдат, что надлежит, и с теми солдаты идти в Семеновскую Сокольничью слободу и в той слободе, при понятых Семеновского потешного двора, умершего зверовщика Ильи Петрова сына Джулфинского дворовое его хоромное строение, которое у него имеется в той слободе, описать все имянно и что под тем двором земли длиннику и поперечнику измерять; также той слободы жителей допросить по заповеди святой Евангелии, после смерти вышеозначенного зверовщика Ильи Джулфинского дети или кто ближних его роду остались-ли и кто именно, и ныне в каких чинах служат, и тем дворовым местом не владеет-ли кто, и, буде владеет, тех владельцев допросить, почему они владеют, и те их допросные речи, и тому дворовому хоромному строению и земле опись подать в Преображенский Приказ немедленно... А по осмотру на том дворе хоромного строения, вшед на двор по правой стороне у ворот горница на жилом подклете ветхая; в той горнице печь израсчатая ветхая; в подклете печь израсчатая зеленая ветхая ж; перед тою горницею и подклетом сени; на сенях чердак ветхий. Вшед на двор по левой стороне, напогребница ветхая; погреба нет; ворота большие створчатые с калиткою, крашенные; мерою под тем двором земли поперег, по воротам, семь сажень, в заднем конце поперег семь сажень с

полусаженью, в заднем конце и посреди огорода тожь число, длиннику в огороде 33 сажени. В огороде беседка крашенная; в ней лавки вокруг обшиты тесом; в том огороде саду яблоней старых 45, вишень 8". Спрошенные сокольники, "по Евангельской заповеди Господней, еже ей ей вправду и под страхом смертныя казни" показали, что Джулфинский умер 15 лет тому назад, что после него ни жены, ни детей не осталось, и что двором его никто не владеет. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 177).

383 К июню месяцу 1775 года относится приказание, дабы в селе Семеновском на потешном дворе содержались ночные караулы и чтобы в то же время все ворота этого двора были заперты изнутри. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 25).

6 июня 1793 Обер-егермейстерская контора предписывала Рыкунову: "Поданным в Контору вы рапортом прописывали: по присланному де к вам из сей Конторы, с приложением реестра, запросу, всем птичей охоты чинам и служителям по тому реестру от вас неоднократно объявлено было, чтобы они, за небытие в 789 году у исповеди, штрафные деньги к вам представили, которых и по ныне еще никем не представлено, с которых и благоволено б было учинить тот вычет из получаемого ими жалованья. И по указу Ее Императорского Величества, по учиненной в той Конторе резолюции, приказали: к вам послать указ, которым и предписать, что Контора не мало удивляется ослушанию подкомандующих ваших, так как от вас в поданном рапорте прописано, чтоб вычет за небытие у исповеди с тех команды вашей чинов и служителей деньгам учинить Конторе из получаемого ими жалованья но то жалованье еще ими не заслужено, следовательно и вычету учинить не из чего, а вы, имев

у себя о том взыскании повеление, не малое время могли б служителей принудить к исполнению. Почему, по получению сего, тотчас вам исполнение сделать и те деньги с каждого, с кого следует, взыскав по реестру, или вычестъ из мундирных, принадлежащих в выдачу тем служителям денег, представить в Контору при рапорте немедленно". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 351).

Инструкция была направлена начальству птичьей охоты 8 октября 1774 года и гласила:

"По малоимению положенных здесь (в Москве) при Конторе военнослужащих, содержать оными один только караул при построенной на Семеновском потешном дворе каменной кладовой полатке, а при Канцелярии оной караул по ночам содержать состоящими при птичьей охоте нижними служителями, яко конюхами, коблучешниками и колокоleshником, коих ныне имеется: конюхов четыре, коблучешников два да колокоleshник один, да к ним же присовокупляется определенный от псовой охоты, для хождения за больными лошадьми, конюх или охотник, и того оных восемь человек, коим во оной Канцелярии и быть каждую ночь по два человека, которые, сменяючи один другого, могут стоять на часах, а прочих употреблять в караул же на потешном дворе, для наблюдения магазинов и всего одного двора в порядке, по одному со сменой. А во дни, как оным служителям надобность зависит быть каждому при своей должности, то в Канцелярии могут быть одни солдаты на часах, тож со сменой и для рассылок.. И для того сим подтверждается, чтобы тот караул, а особливо по ночам, был во всяком порядке и твердости, часы били бы все трое, не пропуская ни одного, и при том, чтоб оные при потешном дворе на караульные

часы свои стояли в наилучшем порядке и твердости, для того велеть с тех пор, как полевая охота птичья кончится и по те поры, как птиц вынашивать птичей охоты служителям, состоящим в унтер-офицерских чинах по очереди надсматривать за ними и обходить незапным случаем дозором, брав с собою прочих остающихся не в карауле нижних служителей и подавать оным, дозорным, каждого утра в Канцелярию репорты, что на оном потешном дворе как караульные стояли исправно, так и никаких худых следствий не примечено". (Там же, стр. 51).

22 октября того же года Обер-егермейстерская канцелярия уважила просьбы крестьянина Алексеева построить на пустопорожном месте Сокольничьей слободы, на казенной земле, "харчевную лавочку", обязав его платить арендные деньги, в размере 25 копеек в год за одну квадратную сажень, ибо "Сокольничья слобода от рынков состоит в далеком расстоянии, почему и имеют птичьей охоты служители, по неимуществу своему, для покупки харчу великия нужды". (Там же, стр. 293).

384 Из документов того же года, между прочим, усматривается, что в то время нередко бывали случаи продажи чинами придворной птичьей охоты их домов в Сокольничьей слободе частным лицам. По поводу одного подобного случая Обер-егермейстерская контора затребовала от статейничего Рыкунова объяснений и донесения, с чьего позволения частное лицо приобрело дом сокольника, указывая, между прочим, на то обстоятельство, что, при отсутствии такого разрешения, это частное лицо "не только покупщиком дома, но и жильем почитать не можно". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 547).

385 В ордере 14 декабря 1781 года главностатейничего Ивана Рыкунова, данном статейщику Дмитрию Рыкунову, встречаем любопытные сведения о порядках внутренней жизни личного персонала птичьей охоты: "По учиненному в Обер-Егермейстерской Конторе, минувшего ноября 30, определению и по данному мне от оной Конторы сего декабря 3 числа указу, между прочим велено, о состоянии птичей охоты служителях подавать мне за своею рукою еженедельные репорты; но как вы с теми служителями имеете жительство в одной слободе, где можете их все поведение знать и видеть ежедневно, то, в таком рассуждении, иметь вам за ними накрепчайший присмотр, чтоб те служители всегда находились при своих квартирах, а особливо в ночное время, и без спроса вашего и господ статейничьих никто никогда не отлучались; а особливо ж вам накрепко того смотреть, чтоб от них в кабаках пьянств, драк и непристойных поступков отнюдь чинено не было, словом сказать, чтоб все дурные и непристойные поступки, от них происходящие, истребить и ни под каким видом не допускать. Буде же (в подлиннике – "будеше") кто в таковых непорядках, а паче в кабаках пьянствах и драках, тожь и в карточной в зернь (?) игре окажется и вами усмотрен, или кого вам сказано будет, то тотчас такового брать под караул, кроме офицеров, а если и офицеры в таковых же в непристойных поступках найдутся, то и о таковых и в тот же час меня репортовать, почему и от меня главной команде, для поступления с таковыми по всей строгости законов, репортовано ж быть имеет того ж числа. О состоянии ж всей команды, все ль оные при квартирах своих находились благополучно, о том вам подавать ко мне еженедельные репорты и во оных действительно прописывать и тех если, кто, за сим

подтверждением, находился в каких либо непристойных поступках; по подаче ж и я не примину, в силу Его Сиятельства от армии генерал-поручика, Ее Императорского Величества Егермейстера, Сенатора, действительного Камергера, Лейб Гвардии майора и Кавалера, князь Петра Алексеевича Голицына повеления, и данного мне от Обер-Егермейстерской Конторы указа, репортовать же имею. А к тому пришло беспашпортных и не имеющих у себя никаких видов отнюдь не держать, под опасением за оное неупустительного по законам штрафа, и чтоб неведением никто отговариваться не мот, то сей ордер при собрании всей команды и объявить им с подписками, и взятые с них подписки представить ко мне при репорте". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658 – стр. 499).

Дополнением к этому документу может служить и следующий, относящийся к 5 марта 1782 года: "Благородный Господин статейщик Рыкунов. Как не безызвестно мне, что в Сокольничей слободе птичей охоты у некоторых служителей имеются работницы и разного звания в жильцах люди, на что и пашпорты имеют и в указанных местах записаны, а у некоторых хотя и есть, токмо не записаны были, того ради вашему благородию через сие рекомандую, чтоб пришло и не имеющих у себя никаких письменных видов, отнюдь никому не держать, а если кто пожелает в работницы или в жильцы к себе пустить, то б принимали к себе с надлежащими пашпортами и в надлежащих местах с запискою, о чем вам в еженедельных, подаваемых птичьей охоты о служителях рапортах прописывать, а именно, что пришло и беспашпортных людей в Сокольничьей слободе у служителей никого не имеется. Главностатейничий Иван Рыкунов". (Там же, стр. 490).

29 сентября 1783 года главностатейничий Рыкунов предписывал своему однофамильцу-статейщику: "Рекомендую вашему благородию всем живущим в сокольнической слободе птичьей охоты чинам и служителям извольте наистрожайше подтвердить, чтоб оные ни под каким видом не имели у себя каждый по два двора, а всякий имели бы по одному, в которых и жили б сами, а жильцов посторонних отнюдь не держали, для чего вам над ними и наблюдать". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 489).

16 августа 1794 года Обер-егермейстерская контора дала статейничему Дмитрию Рыкунову указ: "По указу Ее Императорского Величества, Контора сия, по поданному от вас рапорту приказали: вам, смотрителю над птичьей охотою, о выпускаемых в Сокольничью слободу жильцах виды представлять в Контору и за теми жильцами, дабы между ими беспорядков не происходил, неослабое смотрение иметь, по силе насланных к вам о том из Конторы указов, непременно. А как в представленном от вас в Контору, при рапорте, описании открылось, что в Сокольничьей слободе живут посторонние люди, конюшенного ведомства отставные служители, собственными домами, без дозволения от Конторы, також и о жильце в собственном вашем доме по ныне в Контору объявления было не подано, то, в пресечение таковых же впредь неисполнений, кроме вас, как о выпускаемых в Сокольничью слободу чинами и служителями в дома их жильцах, чтоб оные выпускаемы каждым были с указными видами, явленными в надлежащих местах, а пришлых и беспашпортных отнюдь ни у кого б в жительстве ни одного человека не было, так и у всех-ли нынешних жильцов виды явлены в Конторе, в том во всем надлежащее свидетельство, наблюдение и

смотрение за всюю слободою с Конторской стороны иметь караульному капралу Игнатью Шишкину, который и должен обо всем в слободе случившимся Контору рапортовать, о чем ему дать (и дано) от Конторы надлежащее письменное, за подписанием, наставление, а рапортам оного капрала не приминут присутствующие (в Конторе) сами делать во всем поверку, а вышеупоминаемых же живущих до сего времени, под укрывательством частных командиров, сторонних в Сокольничьей слободе двух человек на казенной земле своими домами, без платежа поземельных в казну денет, в Обер-Егермейстерскую Канцелярию представить..." (Там же, стр. 418).

29 ноября того же 1783 года главностатейничий Яков Ларионов предписывал статейничему Дмитрию Рыкунову: "По силе данного из Обер-Егермейстерской Конторы, прошлого 1781 года апреля от 16 числа, указа, велено всем птичьей охоты служителям наистрожайшее подтверждение и запрещение, со взятием с них подписок, учинить (которое им и учинено), дабы ими в заповедных казенных рощах, островах и просеках не только ни малейшей порубки чинимо, но ниже и какого либо валежнику из них брано отнюдь не было, под неупустительством с преступниками того, по силе указов, истязания. А ныне усмотрено мною, что те служители, не взирая на то наистрожайшее подтверждение и на данные свои подписки, из вышеписанных рощей и просеков весьма много разного леса и сучков вывозят. Того ради вашему благородию сим рекомендую, во первых объявить как птичьей охоты разных чинов служителям, так и всем посторонним, живущим в Сокольничьей слободе, с наистрожайшим об оном подтверждением, а потом за оными всеми и иметь вам надлежащее

неослабное смотрение, чтоб никто никакого лесу и сучков из вышеписанных рощей брать не отважился. Ежели ж они и за сим подтверждением упрямством своим чинить будут, то таковых брать вам под караул и представлять ко мне при рапорте, почему и от меня того ж часу представлены быть имеют главной команде (под "главной командой" подразумевается обыкновенно местная, то есть московская Обер-егермейстерская контора). В случае ж слабого от вас смотра над оными служителями и в том от кого либо на них, кроме вас, доказано будет, то никто иной как вы за сие имеете ответствовать". (Там же, стр. 495).

В указе Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову от 19 марта 1791 года, между прочим, читаем: "Сего марта 19 числа, в рапорте от 20-й (городской) части написано: по силе де насланного из Московской управы благочиния указа в ту часть о учинении следствия о порубке ноября 9 сокольнической егермейстерской команды, неизвестно какого чина, Николаем Дмитриевым, капралом Игнатием Григорьевым в числе четырех человек, в Лосином Погонном острове двух сосновых деревьев, длиною не менее 30 аршин, и о увезении в Москву, и потом остальное дерево, наложив на подвод, также увезли, и себя под стражу взять не дали, бив ружьями солдат и сторожей, а наконец и еще в Преображенских и Семеновских рощах, близ Сокольнической заставы, лесовщики поймали сокольников Ивана Иванова сына Рыкунова, с двумя его людьми, с рубленными в казенном лесу двумя соснами, Василья Иванова сына Ларионова с двумя соснами, Николая Яковлева Юргенева с братом и человеком с двумя ж соснами, Алексея Антропова и людей Терентья и Михайлу с одною сосною, коими увезены; а взять их не могли за

многолюдством, ибо оные учинили с ними драку и бой, и тою ж ночью в 10 часу о срубке находящимся при Егермейстерской Конторе капрале Игнатье Григорьеве сосны, который уехал в дом свой, почему для того следствия из оной части командирруется 20 части прапорщик Саварской, то и благоволено б было потребных к сему следствию и состоящих под ведением сей Конторы людей отослать на то место, где та учинена порубка леса, по требованию прапорщика Саварского, и сего ж марта 19 числа, по указу Ее Императорского Величества, по учиненной в Конторе резолюции, велено с прописанием вышеписанного, для надлежащего по жительству вышеозначенных всех чинов и людей в Сокольничей слободе исполнения, к вам послать указ, о чем сей и посылается с таковым предписанием, что по тому следствию окажется, о том в Контору со обстоятельством вам того ж числа рапортовать".

Первою мерою полиции были требование допустить ее чинов к производству обыска в Сокольничьей слободе. Однако заведующий последней статейничий Рыкунов в слободу полицейских не пустил, отговариваясь неимением на то разрешения со стороны егермейстерского начальства, коему только и подчиняются чины придворных охот. Полиция обратилась тогда в Московскую обер-егермейстерскую контору, которая и разрешила произвести обыск. Чем это дело кончилось, мы не знаем. (Там же, стр. 181, 182 и 183).

10 апреля того же года Обер-егермейстерская канцелярия дала нижеследующий подписанный обер-егермейстером Голицыным указ статейничему Дмитрию Рыкунову: "Как сей Канцелярии не безызвестно, что при птичей охоте кречетов (и) их

челигов состоит довольное число да уповательно, что и соколы в приносе от помытчиков быть имеют, при птичьей же охоте служителей к выдержки всех тех птиц недостаточно, того ради, по воспоследовавшей в сей Канцелярии резолюции, и велено вам сим предписать, чтоб для выдержки тех птиц употребить вам и пенсионеров, которые при птичьей охоте наперед сего в службе находились и ныне в Москве налицо состоят; дабы в таком случае, когда при справе птиц, которая отбудет или свалится, можно было другою готовою заменить, а для ведома вам сей ордер и в Обер-Егермейстерской Конторе объявить".

Когда производились соответственные этому приказу распоряжения, кречетники Иван Шахмотов Меньшой и Ефим Микулин объявили, что они, по своей старости и по имеющейся ныне болезни, птиц держать не в силах и просили, чтоб их "через кого надлежит освидетельствовать". 5 мая лекарь Фридрих Тон нашел, что они больны действительно, лихорадкою, вследствие чего их и освободили от указанной обязанности. (Там же, стр. 191 и 194).

9 марта 1792 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала, между прочим, статейничему Рыкунову: "В ордере из Обер-Егермейстерской Канцелярии, сего марта от 1 числа, написано: в присланном де в ту Канцелярию сия Контора рапорте, прописывая таковой же поданный во оную от вас, касательно до отлучки, без позволения вашего птичей охоты сокольников Алексея и Степана Коноплевых и о дошедшей вам от посторонних людей в обиде ими просьбе и что оные Коноплевы, по призыве, во оправдание свое, против вас неучтиво говорили и азартно кричали, чем вам сделали обиду, а при том выговорили, что имеется в Сокольничей слободе на

казенной земле построенный трактир, почему и приказано было за таковое их самовольство и неучтивство дежурному офицеру, кречетнику Ивану Коноплеву, взять в дневальную светлицу и содержать до утра под караулом, но оные, ослушась вашего приказания и того дежурного офицера, под караул упрямством своим не пошли, почему и представляла, что оные Коноплевы за таковое их самовольство, а паче в страх другим, дабы подобных сему против командира поступков чинить не отважились, и заслуживают штрафования; по выправке ж в той Канцелярии с законами, коими повелено воинских в сухопутном уставе 716, марта 30, в 49 главе, в морском 720, Генваря 13 в книге I, главе I, кто из подчиненных против своего вышнего каким-нибудь образом поступит таковой, по обстоятельству дел, наказан или смертию казнен будет, сухопутным 27, морским 9 артикуле, буде офицеру или солдату в Его Величества службе от начальника своего что управить повелено будет, а он того из лености или упрямства не учинит, о том нарочно из умыслу противиться будет или другому о непослушании советовать под каким-нибудь претекстом будет, оной имеет, хотя вышый или нижний, всемерно, живота лишен быть. А как из прописанного сокольников Коноплевых ответа Канцелярия усматривает, что хотя они во всех на них донесениях учинили заpiresательство, но, однако ж, их ослушание против своего командира весьма очевидно тем, что они, по приказанию вашему, в дневальную светлицу под стражу не пошли, а сим и обнаружили свое неповиновение, ибо ежели б и в самом деле ни в чем они были не виноваты, но послушание в повеленном сделать они б должны, а после, со объяснением своей невинности, могли б они приносить

жалобу главной своей команде, но все сие ими не исполнено, того ради, по воспоследовавшей в той Канцелярии резолюции, тем ордером конторе сей велено, чтоб означенных сокольников Алексея и Степана Коноплевых за вышеписанное их против своего командира и дежурного офицера ослушание содержать в Конторе на хлебе и воде неделю под стражею, дабы, смотря на то, прочие таковых и сему подобных против командиров своих поступок чинить никак не отваживались; ежели ж они, Коноплевы, и впредь подобные вышепрописанному проступки повторять будут, то, смотря по вине преступления, написаны будут в нижние по сему корпусу чины непременно". (Там же, стр. 272 и 273).

386 В 1725 году часть птичьей охоты была отправлена из Семеновского в С.-Петербург к князю Ивану Федоровичу Ромодановскому. Послано было: кречет, 6 челигов кречетых, 2 сокола и 2 ястреба, а с ними 4 кречетника, 5 сокольников, 2 ястребника, сторож и помытчик, при 8 сокольничьих лошадях. Всем названным чинам были выданы годовые оклады жалованья да кормовые деньги на 4 недели, по алтыну в день. Кормовые же деньги и на 4 же недели были выданы на ловчих птиц, по 2 деньги в день на птицу, и на лошадей, по полтине на лошадь и на неделю. Под посылаемых было назначено 6 подвод и на прогоны выдано 16 руб. 9 алтын 4 деньги. Кроме того, "в запас" на корм птиц было куплено 10 пар голубей, по деньге за голубя, для перевозки которых приобретен короб лубяной. Для охранения ловчих птиц от дождя и солнечного зноя была запасена палатка полотняная без пол. Начальство над посылаемой партией было поручено некоему капитану Кудрявцеву, которому было дано "в приказ", другими словами – в пособие, 5

рублей. На все расходы по этой посылке было издержано 49 руб. 16 алт. 4 деньги. (Тот же арх., оп. 75. д. No 51).

В октябре 1723 года Преображенский приказ послал промеморию в Приказ Большого дворца, сообщая о приказании императора "Семеновского потешного двора сокольничьих сорок лошадей, в том числе троих жеребят, содержать на корму с осени до весны, в дворцовом селе Коломенском, в теплых покрытых сараях, и довольствоваться фуражем, сеном и овсом, каждую по указаному числу, и давать на подстилку солому, и определить сторожей, а для надсмотру тех лошадей и приему указанного фуража и сена, и овса определен был сокольник Андрей Чекин". Однако лошади были поставлены, по определению Приказа Большого дворца, в село Измайловское, и велено было выдавать им лишь сено и солому, отчего, по донесению Чекина, "захудали, а оправить нечем, а содержатся в непокрытых сараях, от которого беспокойства и корму недовольства пало две лошади". Несмотря на подтверждение в середине декабря месяца Преображенским приказом прежнего распоряжения, несмотря на то, что к концу этого месяца от дурного содержания пало еще 2 лошади, оставшиеся в живых продолжали кормиться одним сеном, причем Приказ Большого дворца уведомил приказ Преображенский, что не имеет в своем распоряжении излишнего овса. Однако 28 февраля 1724 года князь Иван Федорович Ромодановский приказал выдать этим лошадям на март и апрель из Приказа Большого дворца овес, во что бы то ни стало, для того, "чтоб тех лошадей к весне отправить, дабы кречетникам, сокольникам и ястребникам со птицами для обучения в ловле на тех лошадях можно было ездить без остановки, понеже те

лошади без овса ныне весьма захудали". Приказание это, по-видимому, было исполнено. (Тот же арх., оп. 75, д. No 78).

В 1758 году часть птичьей охоты была вытребована с Семеновского Потешного двора в С.-Петербург ко двору ее величества. (Тот же арх., оп. 64, д. No 4–2).

12 июня 1750 года, "по ордеру Его Высочайшего Сиятельства обер-егермейстера", было приказано "для увеселения Ее Императорского Величества" прислать из Москвы в С.-Петербург 2 пары кречетов, 4 пары челигов кречетых и соколов, "учредя в гай четырех, а по крайней мере трех", ястребов и челигов ястребых, "сколько можно". Птицы должны были быть доставлены статейничим, "чтоб могли туда прибыть, конечно, к удобному времени", а со статейничим должны были отправиться необходимые служители и помытчик "для помыкания дербников", а также потребное число охотничьих лошадей. На расходы, долженствовавшие производиться по нормам прошлых годов, велено было истребовать надлежащую сумму от Дворцовой конторы, "буде же, паче чаяния, за какими-либо препятствиями, от Дворцовой Конторы в деньгах последует удержание, то, не чиня за оными остановки, велеть деньги на то употребить Обер-Егермейстерской Конторе на счет той Дворцовой Конторы из наличной суммы и отправить тех птиц и служителей без упущения, не упущая нынешнего удобного времени. Ежели ж ко оному отправлению под принадлежности в прибавок к казенным лошадям будут потребны ямские подводы, то и оными удовольствоваться без излишества, истребовав от Ямской Конторы". Приведенный нами в кратких выдержках документ – первый по времени, свидетельствующий о

передвижении птичьей охоты из Москвы в С.-Петербург собственными средствами: для этого послужили трое казенных роспусков со всеми приборами, в том числе двое роспусков с крышками, для перевезения птиц и принадлежностей, и 24 казенные птичьей охоты лошади, употребленные, надо полагать, частью для запряжки, частью под верх сокольникам. В числе принадлежностей, подлежавших отвозу в С.-Петербург, отметим: "на вабку и на помыкание птиц вервой сто сажень". Однако отправляемым была предоставлена еще одна ямская подвода с положенным количеством прогонных денег, да на путевые расходы дали им 100 руб. (Тот же арх., оп. 52, д. № 1758).

В 1723 году в С.-Петербург была доставлена часть птичьей охоты с Семеновского потешного двора, вероятно, только на время охотничьего с ловчими птицами сезона. Где эта охота помещалась да и вообще где помещались ловчие птицы и сокольники во время своего пребывания в С.-Петербурге в первую половину XVIII столетия, мы не знаем. Надо полагать, что они размещались даже не в самом С.-Петербурге, а где-нибудь в его окрестностях, например, в Царском и Красном Селах, где имелись сокольничьи дворы, о чем мы скажем ниже. Вместе с сим, так как, говоря о Семеновском потешном дворе, мы уже говорили о времени отправки птичьей охоты из Москвы в С.-Петербург, то в настоящей главе о птичьей охоте мы упоминать не будем вовсе, еще раз повторив, что собственно С.-Петербургской птичьей охоты никогда не было.

387 В мае месяце 1727 года, по указу его императорского величества, князь Александр Данилович Меншиков писал московскому

генерал-губернатору князю Ивану Федоровичу Ромодановскому, чтобы "из обретающейся у Его Сиятельства охоты 4 соколов, 4 челигов кречетых, да ястребов-дербишков 6 гнезд, да малых ястребов 6, которые 6 сидели года по три и по четыре", отправить с охотниками в С.-Петербург "в самой скорости на подводах, чтоб дорогою не измучились". По распоряжению князя Ромодановского птицы эти, кроме дербников, не оказавшихся в наличии, и притом птицы самого лучшего качества, были отправлены с Семеновского потешного двора при 14 сокольниках. (Тот же арх., оп. 75, д. No 135).

388 4 июня 1763 года Екатерина Великая, в бытность свою в Москве, повелела указом Обер-егермейстерской канцелярии отправить часть птичьей охоты с Семеновского потешного двора в С.-Петербург "за Ее Императорским Величеством в скорости и впредь повсегодно отправлять". ("Арханг. губ. вед.", 1775 г., No 80).

15 июня того же года та же Контора предписывала, между прочим, статейщику Дмитрию Рыкунову: "За отправлением Главностатейничего господина Рыкунова со птичьей охотой и служителями в Санкт-Петербург, оставшим здесь в Москве той птичьей охоты служителям со птицами и письменными по оной охоте делами находиться, так как она в бытность Главностатейничего имела под смотрением вашим". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1653, стр. 39).

В указе Московской обер-егермейстерской конторы от 19 числа того же месяца главностатейничему Рыкунову, между прочим, читаем: "Как уже ко отправлению в Санкт-Петербург для полевых тамо выездов из выдержанных птиц требуется не более двадцати восьми, а по репорту к Июню месяцу

состояло налицо девяносто одна, для чего и определено вам предписать и предписывается сим, чтоб вы, за отправкою в Санкт-Петербург, оставшихся при птичей охоте разных родов птиц разобрали и по разобрании подали в Контору репорт, показав в нем именно, сколько и каких именно птиц следует для иногда случающихся надобностей в запасе иметь". (Там же, стр. 40).

15 апреля 1792 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала статейничему Дмитрию Рыкунову: "По резолюции сей Канцелярии, посланным в Обер-Егермейстерскую Контору ордером предписано, что как скоро состоящие при птичей охоте птицы выдержаны и справлены будут, то ей оных, с вами и за статейщика с кречетником Алексеем Ларионовым да с пристойным числом служителей, отправить в Санкт-Петербург. А вам сим предписывается, чтоб оных птиц постараться, как наивозможно лучше, выдержать и справить да и в Санкт-Петербург против прошлогоднего ранее доставить". (Там же, стр. 262).

389 25 апреля 1725 года, по указу императрицы Екатерины I, из Семеновского был послан в С.-Петербург Лейб-гвардии Преображенского полка сержант Роман Мельгунов, заведовавший в то время потешным двором, а с ним два кречета, 4 челига кречетых и сокол да "для управления тех птиц" 9 человек кречетников и сокольников. Посланным было велено дать, распоряжением Ямского приказа, 4 подводы и велено было сержанту "ехать наскоро, днем и ночью", и, приехав в С.-Петербург, явиться к князю Ивану Федоровичу Ромодановскому. На корм птицам и соколичьим лошадям были даны кормовые деньги, "а ежели в дороге которая птица прислабеет, и той птице в городех у земских бургомистров, а в селех и деревнях

у прикащиков 17старост, и у крестьян имать голубей, где случатся, а платить за них из кормовых денег по Московской цене, по 2 деньги за гнездо (за пару)". Подводы с проводниками приказано было давать "безо всякого оттягательства и мешкоты, имая за ямские подводы деньги по указу, и чинить им всякое вспоможение, и отпускать их без мешкоты, опасая себя за неисправление в оном штрафа, какой указом Ее Величества Государыни Императрицы определен будет". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 51).

390 От 1770 года сохранилось известие, что роспуски, на которых ловчие птицы перевозились из Семеновского в С.-Петербург, делались крытыми, покрывались парусиною и обшивались кожею. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 51).

К 1780 году относится известие, что при отправлении из Москвы в С.-Петербург и при возвращении обратно придворной птичьей охоты птиц перевозили на крытых парусиною и простых роспусках. В этом году первых потребовалось семеро, а вторых трое. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 45).

391 К 28 июня 1791 года относится нижеследующий интересный документ:

"По указу Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Обер-Егермейстерской Конторы птичей Ее Императорского Величества охоты статейничему Дмитрию Рыкунову".

ИНСТРУКЦИЯ

Во исполнение учиненного в Обер-Егермейстерской Конторе сего июня 28 дня определения, отправлены вы в Санкт-Петербург, для Всевысочайшего Ее

Императорского Величества и Их Императорских Высочеств увеселения, со птичею охотою, в числе двадцати восьми птиц и под командою вашею все написанные в рапорте чины, служители и птицы. А при том отпущено из налично состоящих при той охоте роспусков, крытых парусиною и обитых кожею, под птиц и служителей, семеро; простых роспусков же с кибитками двои да без кибиток одне; да покупных от расходу Конторы топоров два, лагунов дехтярных шесть, долото одно, напарье одно, цыновок двойных большой руки двенадцать, веревок воровенных (?) пеньковых на тяжи сорок, да на увязку роспусков и на прочие в пути надобности средней руки шестьдесят, и того сто сажень, кое все и отдано в прием правящего статейщикову должность кречетника Алексея Ларионова, с роспискою. Для ж съезду вашею с командою от Московского Губернского Правления истребовано ямских лошадей в семеро крытые роспуски, в каждые по две, четырнадцать; в казенные ж простые роспуски для вас две, за статейщика кречетнику одну, под мундиры с камзолами, штанами и голубей да клобучешника одну; да с ямскими роспусками для поклажи служительского экипажа три, и того двадцать одну. А на платеж за оные указных прогонов, только в один Санкт-Петербург путь, на семьсот двадцать восемь верст, полагая на каждую ямскую подводу, против употребления статейщиком Федором Коноплевым в 790 году, при таковом же проезде от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно оттуда, по пятнадцать рублей по пятьдесят по шести копеек, том числе на первую от Москвы и по Санкт-Петербургской губернии станции по четыре копейки, а на прочие по две копейки на версту на каждую лошадь, да на покупку в пути, для

употребления в корм птицам, живых голубей и говядины и на прочие неминуемые путевые расходы и на производство служителям порций, полагая на восемь дней или сколько в дороге от Москвы до Санкт-Петербурга пробить можете, каждому в день: кречетникам, сокольникам и ястребникам, против прошлогодней отправки, також и клобучешнику, по десять копеек, всего четыреста пятьдесят рублей, выданы от расхода Конторы в прием предписанного ж за статейщика Ларионова с роспискою, которому в данном указе предписано, дабы он те деньги во-первых записал в приход в данную от Конторы, при указе шнуровую тетрадь и, будучи в пути, из тех денег на платеж указных прогонов, на покупку птицам кормов и на прочие неминуемо принадлежащие издержки в расход употреблял, что необходимо следует и нужно, и без чего обойтись будет невозможно, без всякого излишества и напрасной траты, по присяжной должности, записывая в ту шнуровую тетрадь с росписками, а прогонные деньги, как они указного положения, показать в расходе не по станциям, а, по силе насланного из Канцелярии, сентября от 24 числа 783 года, в Контору указа, одною валовою статьею, с показанием при том, сколько именно дорогою и будучи в Санкт-Петербурге из птиц свалится и к тому числу в Санкт-Петербурге помкнутых вступит, каких родов и которого точно числа, дабы, сходствуя с предписанием данного из Счетной Экспедиции в прошлом 778 году генваря 25 известия, при счете в произведенных тем упалым и вступившим птицам кормам по его расходной тетради удобнее расчет учинить было можно. А как означенный за статейщика Ларионов состоит у вас в точной команде, следовательно, и помянутый в пути расход должен быть держан и записыван под вашим

присмотром, и, по силе насланного из Канцелярии указа, под всеми в расходной тетради статьями вам делать поверку и подписывать, а ежели где поверки и подписания вашего не будет, то оных и на счет ему не поставится. Также на мазание колес, чтоб покупки в пути дехтю излишне отнюдь употреблено не было, для чего иногда, паче чаяния, в случае того дехтю излишне употребленного, от главной команды смотрителю за стыд поставлено будет, а с содержателя путевого расхода то излишество и взыскано быть имеет. А каковым порядком вам, будучи в пути, поступать, о том вам дана сия инструкция, по которой и чинить следующее:

1) С вышеписанною птичьей охотой и служителями отправиться Вам из Москвы в назначенное вами в рапорте время, то-есть сего июня 29 числа непременно.

2) Будучи в пути, за птицами и служителями, по должности вашей, иметь вам надлежащее смотрение, а в бережении и кормлении птиц и во всем, что до лучшего порядка принадлежит, прилагать вам всевозможное старание, так как все оное состоит в команде вашей и на вашем отчете, а в том проезде во взятые ямских подвод поступать по силе данного бывшему Главностатейничему от Конторы маяя 19 и прописанного во оном Правительствующего Сената того ж маяя от 8 числа указов во всем непременно.

3) По прибытии ж в Санкт-Петербург явиться вам в Обер-егермейстерской канцелярии и о приезде вашем, служителей и охоты, о денежной казне и о привезенных казенных принадлежностях подать в ту Канцелярию рапорт". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 501, 502 и 503).

Аналогичная и даже почти дословная инструкция

была выдана Дмитрию Рыкунову обер-егермейстером князем Голицыным и 3 сентября того же года, при отправке птичьей охоты из С.-Петербурга обратно в Москву. (Там же, стр. 509 и 510).

392 14 апреля 1743 года было приказано часть птичьей охоты Семеновского потешного двора отправить со статейничим Ларионовым в С.-Петербург "без всякого продолжения". Велено было выбрать лучших кречетов и других птиц, назначить потребное количество кречетников и прочих охотников, дав им ямские подводы и все необходимое по примеру прежних лет. Для отправления охотников московским купцом Федотом Ерофеевым были изготовлены 14 новых седел со всем прибором, по 4 р. 10 к. за седло, а тамошним же купцом Федором Ивановым были починены и снабжены веревками 6 имевшихся при птичьей охоте палаток, причем за починку было уплачено по 1 р. от палатки. Кроме того, велено было купить "по настоящей цене без передачи" "для ловления в дороге разных птиц тайник" и "для возки в дороге голубей, птицам на корм, о двужилых одну крошню". На это путешествие было отпущено из принятых от Главной дворцовой канцелярии денег 150 рублей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 4—2).

К 22 июля 1771 года относится указ Обер-егермейстерской канцелярии, коим повелевалось: "Из содержащихся на Семеновском потешном дворе, за отправлением в Санкт-Петербург, птиц выбрать самых лучших соколов и челигов соколых шесть да ястребов двух, балобанов двух же, которых, также кречетов и челигов кречетых, всех и содержать при птичей охоте; а прочих соколов и ястребов, також и их челигов, дабы на оных корму напрасно не употреблялось, пустить всех на волю, да и впредь приносимых от помытчиков

соколов и ястребов и их челигов пускать на волю ж и боле показанного числа соколов и ястребов при птичей охоте ныне не содержать, и при том накрепчайше подтверждается, дабы за оными, оставшими птицами как вы (поручик Рыкунов), так и команды вашей служители имели накрепчайшее смотрение, чтобы из них никакого упадка последовать не могло". (Тот же арх., д. No 1658, стр. 26).

393 В июне того же года, при отправлении птичьей охоты из Москвы в С.-Петербург, в Обер-егермейстерскую канцелярию было переслано 60 выделанных кож оленей из числа состоявших зверей в Измайловском зверинце. (Там же, стр. 356).

Заметим, между прочим, что последовавшее приказание доставить в кратчайший срок часть птичьей охоты из Москвы в С.-Петербург на ямских подводах в то время не трудно было исполнить. Современник описываемой эпохи, адъютант фельдмаршала Миниха – Манштейн, заверяет, что "в свете нет страны, где бы почта была устроена лучше и дешевле, чем между этими двумя столицами. Обыкновенно везде дают на водку ямщикам, чтобы заставить их скорее ехать, а между Петербургом и Москвою, напротив, надобно давать на водку, чтобы тише ехали". (Манштейн, стр. 37).

394 11 апреля 1772 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала своей московской конторе сделать распоряжение, чтобы "из привезенных ко птичьей охоте из Оренбурга и из других мест птиц, выбрав из оных самых лучших, выдержать и справить по прежним обрядам к надлежащему времени", приложив к тому "крайнее старание", и ожидать затем приказа об отправлении таких птиц в С.-Петербург. По

этому распоряжению "было поднято и держать начато": цветной кречет, кречета дикомыта, 6 кречетов молодых, 1 челиг кречетий дикомыть, 4 челига кречетых молодика, 3 сокола вешняка, 1 сокол дикомыть. Между тем в мае того же года приехавший из С.-Петербурга в Москву граф Григорий Григорьевич Орлов потребовал, чтобы находящаяся в Москве птичья Ее Величества охота была ему представлена, а по осмотре охоты граф приказал, "чтобы из той птичьей охоты, кречетов, челигов и соколов, выбрав лучших 8 птиц, в том числе и цветного кречета дикомыть, с служителями той охоты 9 человеками, отправить за Его Сиятельством к первой армии в город Яссы, на двух крытых роспусках", назначив одного из служителей за старшего и сшив служителям богатые мундиры, на каковой предмет деньги будут выданы сенатором Дмитрием Васильевичем Волковым. Во исполнение этого приказания Обер-егермейстерская контора прежде всего озаботилась постройкою на отправляемых чинов богатого платья, дав для этого подробнейшие инструкции, упускаемые нами по их мелочности и малому значению в разбираемом предмете. Равным образом не будем приводить здесь сведений и о том, что именно было заготовлено для сокольников, так как сведения о парадных ясских мундирах уже были приведены нами в своем месте. Скажем только, что шитье мундиров производилось под высшим руководством самого графа Григория Григорьевича Орлова, который приказал представлять себе на одобрение образчики материй, фасонов и проч.

Заведование отправляемою командою было поручено кречетнику Сергею Ларионову, которому было подтверждено, "чтоб он тех служителей, по приему в команду, содержал строго, и чтоб они в

должности своей были исправны и своевольства и непристойных поступков никаких отнюдь не чинили и содержали себя одеждою и обувью чисто; чтоб у всех были рубашки с манжетами и галстуки черные волосяные и одного б калибру, а розни б никакой не было и волосы б были всегда в бумажках, а во время выездов были убраны и напудрены; и с собою б из Москвы взяли они одни седла и узды, а лошади им даны будут там от Его Сиятельства. А если кто из тех служителей явится в каких продерзостях, оных ему штрафовать по рассмотрению своему, и кто чем и за что штрафован будет, о таковых ему по возвращении репортовать в Контору, да и тем служителям с подпискою объявить, чтобы они у него, Ларионова, были во всяком послушании и по приказаниям его исполняли б со всяким прилежанием безотговорочно. А для того их отправления, чтоб они могли обувью и бельем излишнее запастись, истребовать им на сию майскую треть денежное жалование в прием их самих. Для свозу показанных птиц из имеющихся при птичьей охоте казенных роспусков двои, да из принятых от Дворцовой Конторы для отправления птичьей охоты в С.-Петербург роспусков под седла и под служительский экипаж один под богатые построенные мундиры одни оному Ларионову и под денежную казну один; на увязку одного цыновок десять, веревок толстых на тяжи и на пристяжи тридцать, тонких семьдесят сажень, оное все велеть отпустить комисару Петру Ларионову, записав в расход с распискою. А как она птичья охота отправиться с ним, Ларионовым, еще не совсем справлена, и только птицы не ваблены, кою необходимо ему по приезду в город Яссы несколько поправить, для чего ему, Ларионову, к помыканию воронок или каких диких птиц дать из имеющихся при

птичьей охоте один со всеми принадлежностями". Посланным было приказано отпустить потребное количество ямских подвод; им были выданы кормовые деньги, старшему по 15, остальным 10 копеек в день; на непредвиденные расходы Ларионову была выдана особая сумма сенатором Волковым, в размере 500 рублей. По приезде в Яссы Ларионов должен был явиться к графу Орлову, а затем отдать отчет в израсходовании вверенных ему сумм состоящему при его сиятельстве Лейб-гвардии Семеновского полка Капитану фон Нолькену, "у которого и быть в послушании". Кроме того, Ларионову была дана подробнейшая и длиннейшая инструкция, так сказать, хозяйственного порядка, из которой мы заимствуем лишь общие черты.

Деньги велено записать в данную от Конторы шнуровую за казенною печатью книгу. Отправиться велено 22 мая и ехать с крайним поспешением. Деньги расходовать "по присяжной должности" без излишества и "для крайней необходимой надобности", тотчас записывая расход в книгу, приобщая к записям расписки получателей и доводя о расходах до сведения местных властей, от которых брать особые удостоверительные аттестаты. Предупреждалось, что без последних расходы будут признаны Обер-егермейстерскою конторою неправильными. Богатую ливрею и птичьи уборы приказывалось хранить дорогою в сундуках и представить в Яссах его сиятельству. Птиц велено было "от всяких предопасных случаях крайне беречь, чтоб оным не только упадка, ниже какого повреждения или заломки в крыльях и хвостах перьев последовать не могло". Передвигаться в дороге рекомендовалось в те часы, в которые не будет жаров или ветра большого, кормя птиц свежим

говяжьим мясом или живыми голубями "с довольствием". Во время пути птиц "перевабливать", чтоб не отвыкли, "а буде усмотришь способное время, то и пушное давать, а для покрывания диких птиц дан тебе тайник". Приказано было стараться дорогою найти и купить "добыточного", то есть ученого и хорошего ястреба. При птицах днем и ночью иметь всегда "твердый караул" и смотреть, чтобы при остановках им отводились соответственные помещения. "Будучи в пути и на ночлегах, також и в бытность вашу в городе Яссах поступать тебе по сей инструкции порядочно, как доброму человеку и верному Ее Императорского Величества рабу должно. Следить за тем, чтобы никому не было причинено никаких обид и чтобы безденежно ни от кого ничего не брать".

12 августа 1772 года помянутый выше капитан Христофор фон Нолькен писал в Москву некоему Алексею Ивановичу, вероятно, Булгакову, состоявшему в то время при Московской обер-егермейстерской конторе, из местечка Голешти в лагерь при Фокшанах следующее:

"Милостивый государь мой Алексей Иванович. Должность, которою я здесь обязан, не допускала меня полученные мною от Вас дружеские два письма ответить. Теперь его сиятельство граф Григорий Григорьевич приказал отправить присланных от Вас сокольников в Москву, которым при отправлении, по приказу его сиятельства, за всю майскую треть денежное жалованье выдано, також к оставшим за расходом у кречетника Ларионова сту тридцати одному рублю тридцати шести копейкам денег еще семьдесят рублей от меня выдано и велено записать в приход и употреблять, как из оставших у него, Ларионова, за

расходом, так и из данных от меня на прогоны, на порцию ему и служителям, равно и на путевые расходы с запискою в силу инструкции. Что же принадлежит до кречетника Ларионова и прочих охотников, то его сиятельство поведением их и птичьей охотой быть изволил доволен. В протчем прошу содержать меня в прежней Вашей дружбе, а я с моим почтением пребыть честь имею навсегда".

Прибывший в Москву кречетник Ларионов 16 сентября того же года представил в Обер-егермейстерскую контору требовавшиеся от него по инструкции отчеты, в общем малоинтересные. Отметим только то обстоятельство, что сделанная на сокольников богатая ливрея была задержана графом Григорьем Григорьевичем Орловым у себя, а также что Ларионов, между прочим, доносил: "В силу данной мне от оной Конторы инструкции велено брать о расходе от начальствующих письменные аттестаты; точно я, за скорою ездою и за неотысканием таковых, чтоб мог от кого получить аттестаты, а в прочих местах, как в Польше, так и в Молдавии, с нуждою находил и в книгу распищиков, — за таковыми предписанными резоны я ни от кого аттестатов не имею". (Общ. Арх. Мин. Двора. оп. 71, д. No 2).

395 Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 588.

Тот же арх., оп. 75, д. No 15.

396 В период пребывания императора Петра II в Москве большая часть птичьей охоты состояла при Измайловском зверинце вместе с остальной охотой молодого царя, почему сведения о ней мы и приведем в своем месте. От времен же первых лет царствования императрицы Анны Иоанновны до нас не дошло никаких заслуживающих какого бы то ни было

внимания документов, касающихся Семеновского потешного двора или Императорской птичьей охоты. Знаем только, что в 1732 году птичья охота Семеновского потешного двора была увеличена присоединением к ней таких же охот, взятых из "отписных" деревень князей Долгоруковых в Московском уезде Горенки, Волынское и Хатунь. (Тот же арх., оп. 6, д. No 325).

В том же январе месяце 1752 года определенные для дозора за Тюхальским дворцом солдаты Куликов и Соколов донесли Обер-егермейстерской конторе, что они "определены де для смотрения одного дворца и чтобы в тех Тюхелях, в угодьях, птиц и зверей никто не били и не стреляли..." "Токмо им во оных угодьях, одним, накрепчайшего в том смотрения чинить невозможно, ибо в прошлом 1751 году, в ноябре месяце, около родительской субботы, по первому зимнему пути, в ночное время, пришед незнаемо какие воровские люди к караульной избе, вылома бревном у сеней двери и у окна окончину со ставнем, вбежав, связали как их, так и жен их руки, и завязав у них глаза и бив их, скарб их солдатский весь без остатку, побрав с собою, увезли".

Куликов и Соколов просили, чтобы им в помощь было назначено еще двое солдат.

Обер-егермейстерская контора определила просить об удовлетворении ходатайства тюхальских караульщиков Главную дворцовую контору. (Тот же арх., оп. 52, д. No 1760).

397 В "Воспоминании о подмосковном селе Измайлове, старинной вотчине Романовых" Снегирев, между прочим, говорит, что село это, расположенное между Остромынкою и Владимиркою, удалено на две версты от Преображенской и Семеновской застав, кои

замыкают древние Преображенское и Семеновское села (стр. 3). "В большом зверинце разведены были Колышинский и Просянский сады с Просянским прудом, который известен также под названием Лебедевской плотины, где водилась царская птица – лебеди" (стр. 11). "На птичьем дворе водились лебеди, павлины, китайские гуси, английские куры, утки" (стр. 12). Старый зверинец был у западной стороны дворца; там водились олени сибирские, американские, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки, китайские коровы, кои переведены в новый зверинец, основанный в 1730 году императрицею Анною Иоанновною. Петр II ездил туда (sic) со псовой охотою, какою занимали его окружающие, и проводил в Измайлове Масленицу. Любя ружейную стрельбу, по свидетельству Миниха, Анна Иоанновна туда выезжала с Бироном на охоту, била из ружей зайцев, оленей, тетеревей. (Отметим неудобную редакцию приведенной фразы: можно подумать, что Миних свидетельствует об охотах Анны Иоанновны в зверинце; на самом деле упоминаемые охоты лишь догадка автора, хотя догадка и весьма вероятная; Миних-сын свидетельствует лишь о любви Анны Иоанновны к стрельбе из ружей, но не упоминает об ее охотах в Измайлове; Миних-отец не упоминает ни о том, ни о другом). Императрица Елисавета Петровна с племянником своим Петром Федоровичем и племянницею Екатериною Алексеевною охотилась в Колышкинском саду и ночевала там в беседке.

"Чужестранные посланники езжали в Измайловский зверинец с русскими вельможами тешиться охотою, для коей там была охотничья команда" (стр. 13). "В Измайловском зверинце до 1812 года водились разные звери; островской лес, тогда непроходимый, рощи и

пруды его при Екатерине II слыли заповедными" (стр. 33).

В дневнике Иоганна Георга Корба, посетившего Москву в 1698 году при посольстве императора Леопольда I, в описании Измайловского дворца, между прочим, читаем: "Замок окружает роща, замечательная тем, что в ней растут, хотя и редко, но весьма высокие деревья". ("Чтения при Моск. унив.", No 1 – 1867 года, стр. 183).

398 К 11 декабря 1732 года в Измайловском зверинце состояло: 3 лося, 69 старых оленей, 19 "нынешних" молодых, 11 коз старых, 5 коз молодых, 24 кабана старых, 9 кабанов молодых, 3 дикобраза, 3 бобра (барса) и один сурок, всего 147 зверей. В это время или, вернее сказать, в течение весны того года, во время пребывания императрицы Анны Иоанновны в Москве (см. "С.-Петербургские ведомости" 1732 года, No 4), звери из зверинца выпускались, по-видимому, для высочайших охот, в окрестные поля и леса. По крайней мере, в конце года форштмейстер Измайловского зверинца Финк доносил обер-гофмейстеру Салтыкову, что "в нынешнем 732 году, мая 1 дня, выпущено с двора лосей 4, а сего декабря 6 дня нашли одного застреленного; коз выпущено 27 в разные числа". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 311).

399 Прежде приведения сведений об Измайловском зверинце, считаем необходимым сказать, что начиная со времен царствования императора Петра II и до конца описываемой эпохи при зверинце этом все время состояла Московская псовая охота. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 325; Моск. арх. Мин. юст., оп. 211, свит. 1692 и друг.). Руководствуясь этим, а также

принимая во внимание, что со смерти царя Алексея Михайловича и до восшествия на престол императора Петра II царская псовая охота, по-видимому, находилась в полном упадке, ниже мы приводим параллельно как сведения, касающиеся Измайловского зверинца, так и сведения о Московской псовой охоте, не выделяя последнюю в особый отдел.

В 1729 году все кречетники Императорской птичьей охоты были переведены с Семеновского потешного двора в Измайлово (Госуд. арх., р. XIV, No 25), а при Измайловском дворце содержалась и часть птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, л. No 204).

Во время дальних охотничьих поездок на лошадей и верблюдов, взятых в поход, предписывалось требовать от Главной дворцовой канцелярии, вместо фуража, натурою, соответственные деньги.

Для охотничьих "походов" имелось 8 "фурманов с колеса окованными и с кровлями, да к ним по 4 шоры с вожжами четверными, по четыре кантарей (?), ко всякому фурману до исходу (т. е. срок службы им не определялся)"; птицам и собакам борзым и гончим "два намета больших простых до исходу"; 50 саней "обшивни с оглоблями", с дугами, с вожжами; 50 ременных простых хомутов "большой и средней рук до исходу"; 3 телеги простых с колесами, "до исходу же".

"К охоте на делание рогов медных и на пайку серебро, и на починку волчьих, и лисьих, и заячьих тенет веревок и ниток; на подковку охотничьих и фурманных лошадей и на окованье фурманов и колес железа и угля; птицам на клобучки, на обножи оленьи, на долгики сыромятные, на рукавицы лосиные кожи; на ушки к клобучкам, на колокольцы птицам же меди и на пайку серебра; вервей вспоровых (вероятно,

своровых) и на обхожи; тулумбасы; на ловлю птиц сети и на починку оных сетей ниток; для починки шор кож яловичных и сыромятных; для всяких починок топоров и плотничной всякой инструмент и на делание рогатин медвежьих железа и стали; на делание гончим собакам железных смычков и ремней сыромятных кож; на покупку собакам котлов медных и железных; для мазани фурманов дегтю и на лекарство больных собак: на делание верблюжих двенадцати седел войлоков, холста, веревок; охотничьим лошадям на лекарство; на починку палаток" – на все это полагалось в год 500 рублей. (Роспись ох. П. П. Русск. арх. 1869 г., No 10, стр. 1675–1684).

400 В 1742 году часть большого Измайловского зверинца носила название "Лосино́го зверинца". 30 июня этого года императрица Елисавета Петровна приказала "в Измайловском большом зверинце Лосиный зверинец огородить таким образом, чтобы не могли саженные зайцы из оного выходить вон". (Сборн. изустн. указ.; Рукоп. Имп. ох.).

Из частей большого Измайловского зверинца упоминаются в 1750 году отдельные зверинцы: "Старый заячий", "Новый заячий", "Кабаний" и "Лосиный". В Кабаньем зверинце имелись крытые дранью "амшанники". Зверинцы эти были огорожены, каждый отдельно, особою изгородью из кольев. В этом году изгороди оказались попорченными, почему было приказано исправить их. Для последней цели, так как главная порча изгороди выражалась загниванием той части кольев, которою последние были врыты в землю, рекомендовалось вынув колья, обрубать их снизу и, заострив здоровую часть, вновь всаживать в землю. Подобный прием не должен был особенно ухудшать изгороди по отношению ее первоначального состояния,

так как последняя состояла из кольев "трехаршинной меры, в отрубе 3 вершка". Однако на починку потребовались и новые колья, и таковых было поставлено в феврале месяце 50.000 штук, каковое число наглядно указывает на обширность зверинца. Колья заготавливались высланными из дворцовых волостей и сел крестьянами в "Демянских и Ревякинских" лесах. Самая починка производилась, по-видимому, осенью. Наблюдающим за этою работою был назначен подключник Измайловского дворца, некий Годеев. Форштмейстер зверинца Гофман ввиду наступления зимнего времени распустил рабочих. Между обоими этими лицами вышли вследствие этого крупные препирательства, потребовавшие вмешательства Обер-егермейстерской конторы. Последняя предписала Гофману "не чинить впредь таких непристойных поступков", "опасая себя штрафа". (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

401 В июле 1744 года обер-егермейстер граф Разумовский докладывал императрице: "Усмотрено мною, всеподданнейшим Вашего Императорского Величества рабом, по размножению в Измайловском зверинце зверей, а паче оленей, а оный обширностью не весьма доволен, близ которого имеются места праздные, которые для пригорожения к тому способны, а паче для увеселения Вашему Императорскому Величеству". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. No 1). Елисавета Петровна приказала : "Для лучшего удовольствия зверям пригородить удобные места, сколько надлежит". (Рукоп. Имп. ох.).

402 В феврале 1782 года Московская обер-егермейстерская контора, озабочиваясь приведением в исправность Измайловского зверинца,

предписывала форштмейстеру последнего фон Зандену: "Сколь же скоро внешнее время наступит и снег сойдет, то в самой скорости по силе данного вам 19 генваря указу, около того Измайловского зверинцу всю в городьбе ветхость осмотреть и, учиня опись, со обстоятельством в Контору при репорте немедленно подать". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 56).

К тому же 1791 году относится сведение о различных работах, долженствовавших быть произведенными по Измайловскому зверинцу, перечень коим и приводим для обрисовки современного состояния этого учреждения:

"В Измайловском дворце, во втором псаренном дворе три денника под одною крышею, тесом крытою, с полавошниками, мерою: длиною шесть сажень, шириною и с напуском трех сажень, во оных денниках местами полы и полавошники, также и двери починкою исправить, а в крышке, за гниlostью обшивных горбылей, по старому тесу новыми обшить еще горбылями. Особо состоящий один большой денник с полавошниками, длиною пяти сажень дву аршин, шириною двух сажень двух аршин, на оном деннике, вместо тесничной ветхой крышки, тесом ли или по лубу дранью вновь накрыть, что из одного способнее будет, по показанию смотрителей, внутри ж одного в полах и полавошниках косяки и двери починкою исправить. На дворе навес, под которым кормится охота, длиною осьми сажень одного аршина, шириною шести аршин четырех вершков, под оным навесом местами в полу новыми досками починить. Во дворе створчатые небольшие ворота и калитка, оные ворота старые починить и щеколду вновь прибить, а калитку вновь сделать и навесить на петлях и крючьях и со щеколдой железных. На пятом псаренном бывшем

дворе изба с сенми, длиною и шириною по осьми аршин по два вершка, сени длиною семи аршин, вышиною в жиле трех аршин с четвертью, оную избу с сенями перенести на третий псаренный двор, снизу подрубить, а сверху, вместо сгнивших череповых, также и в стенах, старых бревен, новые положить, полы и потолки, с прибавкою новых досок, исправить, в окнах косяки, оконницы вновь вставить, затворы на петлях и крючьях железных с болтами навесить, лавки новые положить, печь кирпичную из старого кирпича, с прибавкою, вновь скласть, заслон железный новый, двери в избе, одну в сенях, две новые сделать, на петлях и крючьях со скобами навесить, у сенной же одной щеколду прибить, крышку по лубу дранью, во всем вновь, накрыть. При Измайловском зверинце связь деревянная, в коей жительство имеет форштмейстер фон Занден, чрез сени два покоя с приделком, длиною девяти сажень одного аршина четырех вершков, шириною трех сажень, во иных двух покоях в окнах рамы новые сделать, стекла старые, с прибавкою новых, вставить, ставень новый на петлях и крючьях с болтом навесить, а к другому один болт прибить, крышку старую, где течь, переправить, прибойником прибить. За оною связью погреб, сарай и конюшня под одною крышею, длиною десяти сажень одного аршина, шириною осьми аршин, под погребицей и конюшней, вместо сгнивших старых бревен, новыми подрубить; в сарае столбов старых, сгнивших семь, вместо оных, новые поставить, также связи и стропила переломившиеся переменить; в конюшне пол, ясли, решетки, двери и косяки, с прибавкою нового к тому материалу, ворота старые переправить; крышку под погребом, сараем и конюшнею, к старому лесу с прибавкою нового, а

дранью всюю новою, покрыть. Двор огорожен в столбы забором решетчатым, в коем ворота решетчатые ж, створчатые на петлях и крючьях железных, також двор, длиною двадцати сажень одного аршина осьми вершков, в другом конце семи сажень одного аршина, за совершенною его ветхостью и гниlostью, весь вновь из нового материала забрать и для въезду во двор ворота створчатые новые сделать и навесить на петлях и крючьях железных с запором. Для содержания казенных лошадей конюшня, длиною трех сажень одного аршина осьми вершков, шириною девяти аршин, во оной конюшне пол бревенчатый, за гниlostью перебрать; стойлы, ясли и решетки, с прибавкою, исправить; дверь старую переправить и вколотить одну подставку с петлею, перед конюшнею примосток переправить; крышу над оной, к старому лубу с прибавкою нового и новою дранью, с принадлежащим к тому материалом, покрыть. По правую сторону выездных ворот связь деревянная, через сени два покоя, длиною девяти сажень, шириною осьми аршин, оные два покоя и сени с низу, вместо гнилых бревен, четыре ряда подрубить; полы перебрать, с прибавкою новых досок; переводы новые положить; оконницы, за гниlostью старых, новые рамы, с прибавкою к старым стеклам, вставить; к окнам ставни исправить и навесить на петлях и крючьях железных; из оных в одном покое потолок, с прибавкою вместо гнилых досок, новыми перебрать; матицу переломившуюся переменить; печи в обоих покоях перебрать; двери в покоях и сенях старые переправить и навесить на петлях и крючьях железных; рундуки вновь сделать; крышку всю вновь, к старому лубу с прибавкою частию нового, а дранью новою, с принадлежащим к тому еще новым материалом,

покрыть. Внутри зверинца, на большом оленьем дворе, два на столбах с решетками навеса, с подволоками досчатыми, под которыми кормятся олени, а на верхах полагается сено, из оных первый навес, длиною осьмнадцать сажен, шириною четырех сажен одного аршина осьми вершков, второй навес, длиною осьмнадцать сажен, шириною пяти сажен, оные два навеса разобрав, покачнувшиеся столбы, связи и стропила по надлежащему поправить; вместо сгнивших столбов, новые поставить; крышки, по старому лубу и к старой драни с прибавкою нового, покрыть; крючья сгнившие переменить; желоб и прибоины все новые положить; стены ж, по старому, в столбы жердми, забрать; решетки починить; подволоки старыми досками по прежнему наслать. На Американском оленьем зимовом дворе, один на столбах навес, под которым задаются оленям кормы, длиною двадцати сажен, шириною десяти аршин, с подволокою, насланною горбылями и бревешками, а в стенах, обитыми тесницами, оный сарай разобрав, связи и стропила поправить, а оказавшееся в ветхости переменить; вместо сгнивших столбов, новые поставить, а старые покачнувшиеся поправить; подволоку, вместо переломившихся горбылей с прибавкою, по старому наслать; в стенах же тес подбить с небольшою прибавкою; крышку, по старому лубу, а дранью, по старой сверху новой, покрыть; желобья сгнившие переменить, пробойником новым прибить; в сарае решетки починить. На кабаньем зимовом дворе решетчатые ворота ветхие починкою исправить". (Там же, стр. 218 и 219).

403 В конце 1774 года обер-егермейстер Нарышкин всеподданнейше испрашивал высочайшего повеления о назначении к выдаче суммы, необходимой как на

переезд в Москву, на время пребывания там Императорского двора, Обер-егермейстерской канцелярии и частей с.-петербургских охот, так и на исправление различных московских охотничьих учреждений. В докладе этом, между прочим, читаем: "Необходима починка Семеновского и Измайловского дворов с зверинцем и шалашами. А дабы при приезде туда не поморить собак и лошадей в тамошних строениях, кои походят более на развалины, нежели на обиталища, быв столь времени без починки, паче же людям вреда от того не нанести, то уже и подрядчики наняты, из тех ветхостей несколько поправить, а на прочие материалы приуготовить нынешним зимним временем, на что оные подрядчики неотступно требуют денег". Доклад этот заканчивался фразой: "Есть-ли сего милостивого повеления не последует, то обер-егермейстерской команде как нечем в Москву отправиться, так и некуда будет туда приехать". (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

5 октября 1783 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала: "Состоящие при Измайловском зверинце зверовщиковые три избы осмотреть, не могут ли они с починкою быть годны для жительства служителям, и по осмотру, в какой оные избы состоят ветхости, подать со обстоятельством репорт". (Там же, стр. 72).

404 Из указа Обер-егермейстерской канцелярии статейнику Дмитрию Рыкунову, от 17 ноября 1791 г., между прочим, усматривается, что Егермейстерское ведомство отдавало в то время "на откуп" покосы, имевшиеся в Измайловском зверинце, при условии, что туда, со стороны названного ведомства, могли быть пускаемы "на полевой корм" как казенные, так и принадлежащие частным лицам лошади и чтобы

лошади и скот, выпускаемый на те же покосы самим арендатором, были здоровы, под ответственностью арендатора. (Там же, стр. 235 и 249).

405 "Звери с. Измайлова содержались в нескольких зверинцах, расположенных на весьма обширном, обнесенном высоким тыном (местами до шести аршин) пространстве, носившем общее название Измайловского зверинца. О размере этого зверинца в документах не упоминается; находится только сведение, что в 1740 году к нему прибавлено было еще 45 десятин луговой земли, принадлежавшей дворцовым крестьянам села Измайлова, в урочище Грачевнике и Лебедевском лугу; впрочем в следующем году крестьянам снова разрешено косить взятые у них луга, так как отведенные им взамен покосы (в селе Коломенском) оказались неудобными".

"В зверинце находился пруд, называвшийся Красным, через который был "проезжий" мост. В описываемое время в зверинце прорублены были проспекты, и звери размещены в более удобном порядке, по плану, вновь составленному.

В Измайловском зверинце помещались: зверовый двор и зверинцы: заячий, лосиный и кабаный. На зверовом дворе, как выше сказано, помещались служащие при охоте. На этом дворе в 1740 году выстроены были два сарая. В заячьем зверинце содержались зайцы и дикие козы. Зверинец этот был "весьма крепостию загорожен и крепок". В 1740 году в нем построен для диких коз сарай длиною 10 сажений, а в вышину 2 1/2 аршина, с крышей из драни. Лосиный зверинец был довольно обширен: в декабре 1740 г. на городьбу вокруг него велено было заготовить 13,000 кольев, длиною в шесть аршин, а в отрубе 1 1/2 вершка. В кабаньем зверинце в том же году построены

"для размножения кабанов" четыре омшанника".

406 Госуд. арх., ч. II, р. XIV, оп. 72, д. No 58.

Госуд. арх., оп. 72, д. No 36.

407 В 1728 году при Измайловском зверинце, несомненно, состояла не только Императорская псовая охота, прибывшая из С.-Петербурга, но там же содержалась и часть птичьей охоты, взятой с Семеновского потешного двора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 204).

Вообще около этого времени псовая охота быстро возрождается частью путем конфискации охот частных лиц, частью покупкою и даже выпискою собак, к чему прилагали громадное старание князя Долгорукие, Алексей и сын его Иван, последний находившийся тогда в особенном фаворе у молодого императора.

"Бирон, будучи в Москве, обещал, – говорит Соловьев, – князю Ивану Долгорукову сыскать для него собаку; по возвращении в Митаву ничего больше не думал, как об исполнении своего обещания, и нашел собаку самой лучшей породы". (Соловьев, т. XIII, стр. 161).

Летом 1740 года в Кабинет Ее Императорского Величества поступили нижеследующие два донесения Канцелярии егермейстерских дел о приобретении для С.-Петербургской придворной охоты собак во Франции и в Англии.

11 июля Канцелярия доносила: "Сего июня 16 дня в указе Ее Императорского Величества из Высочайшего Кабинета, за руками Сиятельных Господ Кабинетных Министров, в Канцелярию Егермейстерских дел написано, что по полученным из Англии от Действительного Камергера и Полномочного Министра Князя Щербатова, при реляции, счетам показано на

покупку тамо для охоты Ее Императорского Величества гончих собак и на корм и прочее издержано тамошнею монетою четыреста восемьдесят один фунт стерлигов семнадцать шиллингов и пять с половиною пенингов, которые занял он у банкира и для расплаты со оным о присылке себе просит, о чем из реляции его экстракт, а счет оригинальный, присланный при том указе, и чтоб такие деньги к нему, Князю Щербатову, перевести через вексель из Канцелярии Егермейстерских дел, дабы тамо на оные у банкира, у которого заняты, за неплатеж процентов более не умножить. А понеже означенные издержанные на покупку собак и на прочее деньги учинять Российскою монетою около дву тысяч рублей, а ныне при Егермейстерских делах наличной денежной казны девяносто два рубля семьдесят три копейки, да на содержание слона семьсот тридцать рублей восемьдесят пять копеек, которые отпускаются от Дворцовой Конторы и хотя, по резолюции Кабинета Ее Императорского Величества, на принадлежащие в Канцелярию Егермейстерских дел исчисленные точные расходы на нынешний 740 год денежной суммы, на счет ассигнованных денег в Конюшенную Канцелярию, восемь тысяч триста тридцать девять рублей, в том числе на произведение обретающимся при охоте служителям жалованья чстыре тысячи девятьсот двадцать рублей, на ординарный и сермяжный мундир девятьсот девятнадцать рублей, канцелярской и к охотам на мелочные расходы две тысячи пятьсот рублей, повелено отпустить из Статс-Конторы, токмо, за неимением здесь на монетном дворе денег, тою сумму еще не отпущено, а ассигновано переслать через вексель из Москвы из оставшей в Москве Статс-Конторы, но хотя о том сего июня 5 дня ассигнация в Москву во оную контору и послана, токмо

и поныне еще оной суммы не отпущено и известия о том никакого не прислано, к тому ж хотя здесь при конюшенных делах конюшенной суммы тысяча четыреста тридцать пять рублей и есть, токмо оных, по Именному Ее Императорского Величества указу, состоявшемуся октября 26 дня 1739 года, ни на какие расходы, кроме конских заводов, держать не повелено".

На донесение это 15 июля последовала резолюция кабинет-министров Андрея Остермана и князя Алексея Черкасского:

"Вышепоказанное требуемое число денег для переводу на платсж за покупные в Англии собаки в Канцелярию Егермейстерских дел отпустить из Статс-Канторы на счет отпускаемых денег в Конюшенную Канцелярию и о переводе тех денег означенной Егермейстерской Канцелярии согласиться с надежными иностранными купцами".

2) 5 августа Канцелярия егермейстерских дел доносила: "Сего августа 2 дня, указом из Кабинета Ее Императорского Величества за подписанием Сиятельных Господ Кабинетных Министров повелено Егерской Канцелярии за купленные во Франции Господином Послом Князем Кантемиром и отправленные в С.-Петербург, по Именному Ее Императорского Величества указу, французские собаки, которые к охоте Ее Императорского Величества Егерскою Канцеляриею уже приняты, по присланным от одного Господина Посла Князя Кантемира счетам деньги тысячу сто рублей, когда от тамошнего купца данный ему вексель в Егерской Канцелярии объявлен будет, заплатить немедленно, також за провоз оных собак из Руана сюда, вместо данных из Кабинета Ее Императорского Величества голландскому шкипору договоренных денег двести восемьдесят один рубль

тридцать семь копеек, для надлежащего в счетах порядку возвратить в Кабинет Ее Императорского Величества, а понеже ныне в Канцелярии Егермейстерских дел денежной казны на лицо, принятой от Дворцовой Конторы на содержание слона токмо с семьсот рублей, а окромя оных ничего нет, что же по резолюции Кабинета Ее Императорского Величества повелено на принадлежащие в Канцелярию Егермейстерских дел и к охотам исчисленные расходы на нынешний 1740 год денежную сумму восемь тысяч триста тридцать девять рублей отпустить из Статс-Конторы, оные приняты в Москве в Конюшенную Канцелярию, а сюда еще не присланы, и затем на необходимые при охотах Ее Императорского Величества расходы забраны здесь более шти сот рублей под образом займа от Конюшенных дел и оные все издержаны, которые из помянутой суммы надлежит к Конюшенным делам возвратить по прежнему, и тот ежели за вышеписанных собак тысячу сто рублей заплатить да выданные из Кабинета Ее Императорского Величества за провоз тех собак голландскому шкипору двести восемьдесят один рубль тридцать семь копеек возвратить в Кабинет от Канцелярии Егермейстерских дел, то уже на всякие мелочные при охотах расходы в нынешнем 740 году будет недостаток и о том в Высочайший Кабинет Ее Императорского Величества сим всенижайше доношу".

Подписал фон Трескау.

За исполучением резолюции Кабинета Трескау 8 сентября снова вошел с представлением в то же учреждение, излагая, что просил де он о том-то, "но не токмо по тому данному всенижайшему доношению от Высочайшего Кабинета Ее Императорского Величества резолюции и по ныне не последовало, а Аглицкий

купец Вульф непрестанно тех денег по присланному к нему векселю от Канцелярии Егермейстерских дел просит, того ради вышеписанные деньги тысячу сто рублей, за недостатком в Канцелярии Егермейстерских дел, откуда повелено будет заплатить, также и выданные из Кабинета Ее Императорского Величества за провоз оных же собак шкипору двести восемьдесят один рубль тридцать семь копеек возвратить, о том от Высочайшего Кабинета Ее Императорского Величества требуется милостивой резолюции".

Резолюция кабинет-министров Андрея Остермана, князя Алексея Черкасского и Алексея Бестужева-Рюмина последовала 12 сентября: "По вышеобъявленным доношениям за означенных французских собак, по присланному в Егермейстерскую Канцелярию векселю, тысячу сто рублей, за неимением в той Канцелярии денег, заплатить и выданные за провоз оных собак до С.-Петербурга голландскому шкипору из Кабинета Ее Императорского Величества двести восемьдесят один рубль тридцать семь копеек возвратить в Кабинет из Штатс-Конторы и сие той Конторе учинить по сношению со оною Егермейстерскою Канцеляриею". (Арх. Правит. Сената, книга LXXXVII, л. 66 и кн. No 60 – 1740 года, л. 520).

408 В 1729 году при Измайловском зверинце, по-видимому, состояла вся, так сказать, активная часть соколиной охоты; в Семеновском же на потешном дворе оставались лишь ловчие птицы, еще не выношенные, и сокольники, занимавшиеся их выноскою.

В начале 1750 года при Измайловском зверинце имелось: 1) ловчих птиц: 44 кречета, 18 челигов кречетых, 13 соколов, 1 челиг соколий, 8 ястребов (в

том числе 3 белых), 2 балобана и 5 орлов, всего 9 птица; 2) собак: борзых 50, гончих французских 50, гончих русских 128, кровавых (bloodhound, или гончая святого Губерта) 4, такселей 9, всего 243 собаки; 3) в зверинце зверей: лосей 5, оленей серых 44, оленей белых олонецких 19, зубров 7, коз 25, кабанов 9, дикобразов 4, всего 111 зверей (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 6); 4) лошадей 224; 5) верблюдов 12.

На содержание этих охот выходило следующее количество различных продуктов: Мяса птицам на день по пуду, а собакам по два 17да, причем во время "походов", то есть дальних охотничьих поездок, вместо мяса выдавались деньги на приобретение последнего "по московской цене".

Овсяной муки борзым и гончим собакам, на 9 месяцев, всего 2.000 четвертей.

Шкварины (негодные остатки по вытопке сала) для собак на 9 месяцев, всего 72 четверти.

Соли для кормления борзых и гончих собак 40 пудов в год, да верблюдам 72 пуда в год же.

Овса на фураж всем лошадям 1.568 четвертей на срок в 7 месяцев, и верблюдам 21 четверть на то же время.

Сена на фураж лошадям 35 – 80 пудов на 7 месяцев, да верблюдам 1.890 пудов на то же время.

Оленям, сайгакам, зубрам и кабанам полагалась мука ржаная, ячмень и овес "по требованию, понеже оному хлебу числа положить не можно, потому что сколько зверей прибудет, ведения о том не имеется".

В то же время в зверинце устраивались для оленей искусственные солончаки, для чего в известных местах рассыпалась глина, смешанная с солью. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 311).

409 Императорская охота содержалась при

Измайловском зверинце в таком размере недолго и тотчас после смерти царя Петра II значительно сократилась.

Дюк де Лирия, испанский посол, гранд первого класса и фельдмаршал, прибывший в Россию 7 ноября 1727 года, проживший в С.-Петербурге и Москве несколько лет и оставивший чрезвычайно для нас интересные записки и другие документы, о которых нам придется еще много говорить впоследствии, свидетельствует, между прочим, рассказывая о различных безобразиях и бесчинствах князей Долгоруких, что они забрали себе по смерти императора Петра Алексеевича всех лучших собак царской охоты. (Записки, стр. 94).

Действительно, один князь Алексей Долгорукий забрал себе 6 борзых собак, 8 французских и 50 русских гончих, а все князья Долгорукие присвоили 18 борзых собак, 8 французских и 80 русских гончих.

Кроме того, князь Алексей Долгорукий взял себе 19 лучших птиц из Императорской птичьей охоты.

Не забыли о себе в этом же отношении и другие приближенные к молодому, безвременно погибшему императору лица, и стараниями их к марту месяцу того же 1750 года в псовой охоте при Измайловском зверинце состояло лишь 3 борзых собаки, 42 французских и из русских гончих, 4 кровавых и 9 такселей, всего 70 собак да 174 лошади, вместо 245 собак и 224 лошадей.

Однако и эта охота была вначале несколько уменьшена императрицею Анною Иоанновною: 23 марта 1730 года "подлежало в отдачу" 80 лошадей, 16 верблюдов, 4 кровавых собаки и 6 такселей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 6).

В 1746 году для всех охот вообще, а в особенности

для псовых, явилась потребность в приобретении лошадей "исправных", так как хотя до того времени в Императорскую охоту и поставлялись лошади от Дворцовой канцелярии и из прочих мест, однако, по донесению в Правительствующий Сенат обер-егермейстера графа Разумовского, "весьма срослые, из которых ныне многие вовсе в езду негодные". Руководствуясь тем обстоятельством, что в Обер-егермейстерской канцелярии имелась в то время в наличности "оставшая за годовыми расходами некоторая сумма" и что по именному ее величества указу употребление таковой "на приключающиеся сверх штата расходы" было предоставлено усмотрению обер-егермейстера, граф Разумовский решил купить некоторое число лошадей в низовых городах: в Пензе, Саратове, Царицыне и в Донских городках. Для этой цели он полагал отправить комиссара Конюшенной дворцовой канцелярии Алексея Попова, причем просил Правительствующий Сенат, "дабы Высочайшим Ее Императорского Величества указом повелено было объявленному комиссару Попову для оной покупки, по требованиям его сумму, до 4,000 рублей, в тех местах, где она способна будет, выдать на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии и для оных конвой и содержания изгону до Москвы тех покупных лошадей из тамошних Донских казаков или откуда заблагорассудит Правительствующий Сенат изволит, сколько оный будет требовать, и чтоб он был в том удовлетворен без всяких задержаний и продолжительств, о том из Правительствующего Сената в те места, кому надлежит, подтверждено было Ее Императорского Величества указами, а коликое число на ту покупку оный посланный в тех местах примет денег, оные по сообщенным оттуда счетам

отданы будут от Обер-Егермейстерской Канцелярии без задержания, куда Правительствующий Сенат повелит. Что же касается, в пути будучи, тем лошадям беспрепятственный и свободный прогон и для того, какого где тому вспоможения требоваться будет, или ко удовольствию тех лошадей полевых кормов в городах или от обывателей по тому тракту, повелено б было дать ему от Правительствующего Сената Ее Императорского Величества указ".

Правительствующий Сенат просьбу обер-егермейстера уважил с тою однако оговоркою, чтобы деньги на покупку лошадей выдавались Попову из сумм Статс-конторы в указанных лишь выше низовых городах, "ибо в Донских городках казенных сборов нет". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 35 – 638).

Весною 1750 года в псовую охоту при Измайловском зверинце, находившуюся тогда почему-то под заведованием сокольника Василия Петрова, были вытребованы "две удойные добрые коровы" для выкормки щенят. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

21 октября 1792 года Обер-егермейстерская канцелярия разрешила предоставить подковывание лошадей, состоящих при Измайловском зверинце, частному кузнецу, по цене, на собственном его железе и угле: новая подкова 15 копеек, а старая 5 копеек, с тем, "чтобы за конюхами накрепко смотреть, дабы та подковка лошадей производима была по самой настоящей в том надобности и без приписки излишних подков, а ковать только тех лошадей, кои в езду употребляются, ибо как в нынешнее, так и в зимнее времена на поля со птицами и собаками не ездят, следовательно, лошади, на конюшне будучи, и без перековки стоять могут, чем и соблюдена будет казна

от излишних издержек". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 292).

Заслуживает интереса относящееся к февралю месяцу того же года ходатайство Московской обер-егермейстерской конторы перед Канцеляриею о разрешении покупать для корма собак псовой охоты овсяную муку, ибо де в городе Москве и окрестностях совершенно не имеется мельниц, на которых было бы возможно перемолоть овес. Обер-егермейстерская канцелярия ходатайство это уважила, "ежели подлинно для молонья овса мельниц по близости Москвы не состоит". (Там же, стр. 316).

К тому же году относится известие, что собакам псовой охоты выдавалось в корм мясо лишь с начала зимы по 1 марта "или как простоит холодное время". (Там же, стр. 290).

410 В числе документов, относящихся к началу 1740 года, имеется весьма интересное и обширное дело, касающееся вопроса о содержании при псовой Ее Императорского Величества охоте в селе Измайлове собственных собак бывшего обер-егермейстера Артемия Петровича Волынского. (А. М. д. К., д. No 11, св. 616, реестр No 60, шкаф No 3).

Приводим лишь сущность этого вопроса и некоторые особо интересные документы.

7 мая 1740 года заведовавший в то время псовой охотою при Измайловском зверинце подпоручик Петр Вердеревский вошел в Московскую дворцовую конюшенную канцелярию с представлением, в коем излагал в общих чертах нижеследующее:

Представленный ко псаренному двору в Измайлове кречетник Дмитрий Патрекеев донес накануне, 6 мая, ему, Вердеревскому, что при псовой Ее Императорского Величества охоте имеются

собственные бывшего обер-егермейстера Волынского собаки, которые были присланы к охоте "для заводу" еще в 1738 году, в бытность заведующим Московскими придворными охотами капитана Бутурлина. Всего означенных собак налицо 56, в том числе борзых 19, гончих 15 и "дацких" 22. Кроме того, при той же охоте имеется медеянский кобель, присланный "для заводу же", по приказу Волынского, лично отданному им Бутурлину в бытность обер-егермейстера в Москве. Собаки эти со дня их поступления в охоту и до подачи излагаемого рапорта находились на казенном корму, наравне с собаками охоты Ее Императорского Величества, а надзор за ними имели и имеют два собственных Волынского человека, получавшие содержание от своих господ. О причислении сказанных собак к охоте Ее Императорского Величества от бывших начальников псовой охоты, Бутурлина и Ларионова, никаких указов и ордеров к Патрекееву не поступало, а получали ли названные какие-либо по этому поводу распоряжения – Патрекееву неизвестно, почему собаки Волынского и не записаны на приход в Придворную охоту и не показывались в срочных донесениях в Конюшенную канцелярию о состоянии охот Ее Императорского Величества. Признавая же такой порядок ненормальным, Патрикеев просил подпоручика Вердеревского указать ему, следует ли собак этих причислить к казенной охоте и выдавать им казенный корм.

С своей стороны, подпоручик Вердеревский не решился "на то его, Патрекеева, доношение собою резолюцию чинить" и просил о "скорорешительной" резолюции Дворцовую конюшенную канцелярию.

Прежде нежели приводить дальнейшие по этому делу сведения, считаем необходимым напомнить, что

Артеми́й Петро́вич Во́лынский был отстранен от всех должностей, в том числе и от должности обер-егермейстера, в апреле 1740 года. Весть об этом отрешении дошла до Москвы, по всей вероятности, в начале мая, и тотчас же все лица, находившиеся раньше под началом Во́лынского, забили тревогу, стремясь поскорее обелить себя в области "непорядков", произведенных по указу Во́лынского или из желания услужить сильному прежде человеку.

Обстоятельство это было причиною и тому, что рапорт подпоручика Вердеревского произвел и в Московской дворцовой конюшенной канцелярии некоторый переполох, конечно, не потому, чтобы о содержании при казенной охоте собак Во́лынского Канцелярии, отпускавшей в охоту все припасы и близко знакомой с ее порядками, не было известно, а просто из боязни ответственности.

Тотчас же стали перебирать архив учреждения и наводить всевозможные справки с целью: 1) разыскать, не имеется ли письменного приказа о содержании собак Во́лынского при Измайловской охоте и на казенном корму и 2) буде не имеется, нельзя ли устранить Конюшенную канцелярию от какой-либо ответственности, отговорившись тем, что Канцелярии никто и никогда о собаках Во́лынского не доносил, а самый факт их содержания при казенной охоте был посему ей неизвестен. Словом, дело повелось и Канцеляриею и остальными причастными к нему лицами к тому, чтобы сложить с себя ответственность за непорядки.

Прежде всего надлежало установить, когда и сколько собственных Во́лынского собак поступило в Измайловскую охоту.

В делах самой Конюшенной канцелярии

соответственных сведений не нашли. Не отыскиали и вообще никаких письменных указаний на содержание собак Волынского при охоте Ее Императорского Величества. Лишь в числе бумаг, отобранных от капитана Бутурлина по отрешении его от должности заведующего Московскими придворными охотами, отыскиали документ – ордер Волынского к Бутурлину, в котором, между прочим, упоминалось о необходимости пересмотра всех собак Измайловской псовой охоты и составления им реестров, отдельно собакам Ее Величества и отдельно собственным собакам обер-егермейстера.

Тогда затребовали необходимые сведения от капитана Бутурлина и статейничего Ларионова.

Бутурлин отозвался неведением, ссылаясь на то, что ближайший надзор за казенною псовой охотою лежал при вступлении его в заведование всеми московскими охотами сначала на стремянном конюхе Крюкове, а затем на кречетнике Дмитрие Патрекееве. Не больше сведений получила Канцелярия и от статейничего Ларионова, который указал, что о поступлении собак Волынского в Измайлово должен знать Патрекеев.

Вызвали в Конюшенную канцелярию Патрекеева, привели его к присяге и стали допрашивать.

Патрекеев показал, что собаки Волынского поступили в Измайлово в 1758 году, а в каком месяце, он не упомнит.

Тогда задались вопросом о том, какие учреждения и лица ведали Измайловскою псовой охотою в течение промежутка времени с 1738 по 1740 год.

По различным справкам и допросам оказалось следующее:

До назначения Волынского все придворные охоты, зверовые, птичьи и псовые, находились с

обретающимися при тех охотах служителями под различными правлениями, и суммы на их содержание и на жалованье личному составу выдавались из различных мест. С назначением Волынского на должность обер-егермейстера заведование охотами объединилось в его лице. В 1738 году Волынский учредил должность заведующего всеми московскими придворными охотами, назначил на эту должность капитана Бутурлина, коему вместе с тем было вверено и управление всем Измайловским зверинцем и Хорошевским казенным конским заводом; содержание же охот в смысле отпуска потребных денежных сумм и припасов Волынский возложил на подведомственную ему Московскую дворцовую конюшенную канцелярию.

Бутурлин прибыл в Москву к 15 января 1738 года и тогда же вступил в должность, до какового дня собственно псовая Ее Величества охота была в единоличном ведении стремянного конюха Крюкова, уволенного по приезде Бутурлина в годичный отпуск по болезни. Ближайшим же помощником Бутурлина по заведованию Измайловскою псовою охотою был назначен 13 же января кречетник Патрекеев.

4 июля 1739 года капитан Бутурлин был отрешен от должности заведующего московскими придворными охотами, Измайловским зверинцем и Хорошевским конским заводом, и все эти учреждения были поручены в заведование советнику Московской дворцовой конюшенной канцелярии Наумову.

6 сентября того же года Наумов по приказу Волынского был отправлен на ревизию конских Ее Императорского Величества заводов в конюшенные города и волости, а уезжая в командировку, донес Московской дворцовой конюшенной канцелярии, дабы на время его отсутствия из Москвы названная

Канцелярия благоволила иметь "точное смотрение и надлежащее исправление" за порученными ему зверями и птицами.

С ревизии Наумов вернулся только в апреле 1740 года.

Но Московская дворцовая конюшенная канцелярия в лице ее ассессоров Петра Богданова и Василия Десятова ведала псовой Ее Величества охотою не во весь период отлучки Наумова: 4 февраля 1740 года начальником Измайловской псовой охоты был назначен Волынским подпоручик Вердеревский с предоставлением ему известной самостоятельности.

Кроме указанных лиц, в течение всего рассматриваемого промежутка времени, был причастен к Измайловской псовой охоте и статейничий Герасим Ларионов, но в документах не имеется сведений о том, чтобы он занимал при этой охоте какую-либо определенную должность: вернее, он получал по псовой охоте, так сказать, приватные поручения от обер-егермейстера, который лично знал статейничего и относился к нему с доверием.

Из изложенного явствует, что ответственными лицами и учреждениями в области порядков в Московской придворной псовой охоте можно было бы считать: 1) Московскую дворцовую конюшенную канцелярию, как орган, на обязанности которого лежало выдавать на содержание охот денежные суммы и припасы в мере действительной в том необходимости.

2) С начала 1738 года до 15 января того же года – стремянной конюх Крюков, как единственный начальник этой охоты.

3) С 13 января 1758 года по 4 июля 1759 года – капитан Бутурлин, как начальник московских

придворных охот.

4) С 4 июня 1759 года по 6 сентября того же года – советник Московской дворцовой конюшенной канцелярии Наумов, как начальник московских придворных охот.

5) С 6 сентября 1739 года по 4 февраля 1740 года – ассессоры той же Канцелярии Богданов и Десятов, на попечение коих были возложены обязанности Наумова на время его отсутствия.

6) С 4 февраля 1740 года – подпоручик Вердеревский как начальник Измайловской псовой охоты; и 7) Кроме указанных лиц, известная доля ответственности лежала и на ближайшем, хотя и не самостоятельном управителе Московскою псвою Её Величества охотою – на кречетнике Патрекееве, а отчасти и на статейничем Герасиме Ларионове.

Дворцовая конюшенная канцелярия была далека от мысли о том, чтобы на нее можно было возложить какую-либо ответственность за "непорядки" по псовой охоте. Констатировав по своим делам, что никто из начальства псовой охоты никогда не упоминал в своих донесениях, касавшихся потребностей этой охоты, о наличии в ней собак Волынского и что вся ее роль исчерпывалась обязанностью удовлетворения требований ближайших начальников и надзирателей охоты, Конюшенная канцелярия успокоилась и постановлением и 3 мая 1740 года определила:

"К капитану Бутурлину и к статейничему Ларионову послать указы и велеть им прислать немедленно обстоятельные ответы, те собственные обер-егермейстера Волынского собаки по каким указам или ордерам при охоте Её Императорского Величества содержались и кормами довольствованы, и для чего о том в Конюшенную Канцелярию не рапортовано и в

приход не были записаны, а буде иметь о том какие указы, оные сообщить в Конюшенную Канцелярию, оставя при себе точные копии".

16 мая Бутурлин представил в Конюшенную канцелярию весьма пространное, но вместе с тем крайне сбивчивое по редакции объяснение, сущность которого в общих чертах заключалась в следующем:

О времени, когда и при ком собаки Волынского поступили в Измайловскую охоту, ему, Бутурлину, неизвестно, ибо, с одной стороны, с определением его к московским охотам ему были поручены "в смотрение" птичья, звериная и псовая охоты Ее Императорского Величества, но никак не частные чьи-либо охоты; с другой стороны, на него не было возложено ближайшее заведование псовой охотою Измайловского зверинца. Одновременно с назначением его, Бутурлина, было предписано ордером Волынского принять псовую охоту от стремянного конюха Дмитрия Крюкова "по описям с роспискою" кречетнику Дмитрию Патрекееву, которому и вменялось в обязанность "репортовать о всем Бутурлина ежемесячно". Обязанность эту Патрекеев исполнял аккуратно, но в рапортах своих о собственных Волынского собаках не упоминал никогда, каковое обстоятельство, по мнению его, Бутурлина, совершенно исключало его причастность к непорядкам по охоте. Недоумевая о причинах, побудивших Конюшенную канцелярию требовать именно от него, Бутурлина, объяснений, почему о присутствии в Измайловской охоте собственных бывшего обер-егермейстера собак Конюшенная канцелярия не была поставлена в известность, и указывая на то обстоятельство, что он, как заведовавший московскими придворными охотами, никогда Конюшенной канцелярии подчинен не был,

что он был обязан рапортовать о состоянии охот, как то Канцелярии неизвестно, лишь одному Волынскому и что "о тех собственных собаках не только тою Канцелярию, но и Волынского не репортовал за неимением указа", Бутурлин не без язвительности замечал: "что те собаки при Измайлове содержались и с которого времени кормом довольствованы, о том более известны Конюшенной Канцелярии члены, ибо в бытность мою охота Ее Императорского Величества псовая довольствовалась отпускаемым от Конюшенной Канцелярии кормом, который и держал в расход упомянутый Патрекеев, а в репортах об издержании на Егермейстерских собак кормов мне не объявлял, и чем те собаки довольствованы, о том я неизвестен, и хотя действительно казенным кормом довольствовались — то было во власти оных членов, ибо корм от собак отпускался от Конюшенной Канцелярии, да сверх того для езды с теми собаками в поле охотникам одного Волынского и для отъезду с детьми его, Волынского, в деревню Вороново с теми ж собаками даваны были от членов Конюшенной Канцелярии и лошади неоднократно, при чем ездил и он, Патрекеев, а с чьего позволения — не знаю; а из Воронова тех собак прислали в Измайлово показанные члены, которых (т. е. собак), и при том охотников одного Волынского, ведали оные члены мимо меня, а я в ту собственную охоту не вступал".

Правда, было к нему, Бутурлину, приказание от Волынского, изложенное в ордере 27 декабря 1758 года, борзых и гончих собак пересмотреть как Ее Императорского Величества охоты, так и охоты его, Волынского, учиня им роспись, каждой категории собак отдельно, и привезя эти росписи к нему, обер-егермейстеру, в Петербург, но в бытность его,

Бутурлина, в Петербурге о зачислении тех собак в охоту Ее Императорского Величества не только письменного определения, но и словесного приказа не было. По возвращении же из Петербурга он, Бутурлин, в заведование Московскими придворными охотами более не вмешивался, а вступил в эту должность советник Конюшенной канцелярии Наумов, который неоднократно ездил в Измайлово, о содержании там собак Волынского на прокорме их казенными припасами знал прекрасно и никаких об этом деле справок от него, Бутурлина, своевременно не требовал.

В заключение Бутурлин требовал, чтобы ему была возвращена его собственная собака, меделянский кобель, взятая от него Волынским к Измайловской охоте "для заводу" и до того времени, т. е. до времени подачи Бутурлиным излагаемого рапорта, находившаяся в Измайлове.

Статейничий Герасим Ларионов донес Конюшенной канцелярии, что вся его роль в рассматриваемом деле исчерпывалась исполнением приказания Волынского пересмотреть всех собак Измайловской охоты, в том числе и собак самого обер-егермейстера, о записи которых в Придворную охоту ордера не было, о чем "подлинно сведом" и ближайший надсмотрщик за охотою, кречетник Дмитрий Патрекеев.

Донесение свое Ларионов подкрепил нижеследующими подлинными документами, приводимыми нами дословно.

1) Письмо Волынского от 23 декабря 1758 года из Петербурга.

"Господин Статейничей. По посланному ныне от меня ордеру к господину Капитану Бутурлину, велено имеющейся в Москве псовой Ее Императорского

Величества охоте привезть ко мне для рассмотрения обстоятельный реестр. А понеже перед тем временем, по ордеру ж моему, велено ему, Бутурлину, ехать в Петербург немедленно, и для того ежели он, Бутурлин, по тому ордеру из Москвы сюда отправился, то, по получении сего, осмотреть вам как Ее Императорского Величества охоты, так при том и особую роспись и моим собакам, ибо я тех моих собак отдал к охоте Ее Императорского Величества, однакожь обоим порознь учинить реестры, сколько борзых и гончих, старых и молодых, и какие оные шерстью и в наклоне ростом, и которая скольких осеней, и при том молодых, приплоду прошлого 1737 и нынешнего 1738 годов, порознь росписать: от каких сук которые пометаны и в которых месяцах и числах, и те суки с какими кобелями и выжлецами блюдены. И оный реестр прислать сюда с нарочным кречетником (выбрав знающего по псовой охоте) на почтовых подводах и для того велеть ему всех тех собак, о которых сюда реестр послан будет, пересмотреть самому, дабы он, будучи здесь, мог и словесно о той псовой охоте обстоятельно сказать, а о даче оному кречетнику двух почтовых подвод и на них прогонов в Конюшенную Канцелярию ордер от меня послан. Артемий Волынский".

2) Письмо Волынского от 29 января 1759 года из Петербурга

"Господин Статейничей. Послан ныне в Москву человек мой, Василий Завидовский, которому от меня приказано имеющуюся в Измайлове псовую Ее Императорского Величества охоту и моих собственных борзых и гончих собак, которые от меня в охоту Ее Императорского Величества отдаются, разобрать и из них лучших собак выбрать для отправления сюда ко псовой Ее Императорского Величества охоте в

С.-Петербурге, а некоторых оставить в Москве для заводу, а именно: охоты Ее Императорского Величества борзых шестнадцать и с молодыми щенятами, гончих старых и молодых щенят двадцать, лошых (лосиных) и меделянских оставить на заводе всех, что есть, да из моих собак борзых оставить на заводе семнадцать, а которых, то именно на реестре отмечено, да гончих, выбрав лучших три выжлеца и лучших трех сук. А за тем выбором, как охоты Ее Императорского Величества, так и моих собак, которые негодны для заводу, осенистых и не только самых плохих, но и посредственных, сбыть со двора, дабы были оставлены для заводу такие, чтоб надежно было от них развести хороших и таких, которые достойны б были в охоте содержать, а не напрасно корм тратить. Того ради, как оный мой человек туда приедет, то самим вам и определенному в Измайлове при псовой охоте кречетнику Патрекееву как борзых, так и гончих собак, сколько их есть, ему, Завидовскому, показать всех, и что из оных собак, також из моих собственных вы, вообще со охотниками и с ним, Завидовским, борзых и гончих выберете для заводу, тех оставить и содержать в добром присмотре и от них щенят разводить и выкармливать. А которые отобраны будут для отправления сюда к охоте Ее Императорского Величества, оных отправить в С.-Петербург немедленно и с ними прислать охотников, выбрав лучших молодых ребят шесть человек, в том числе Василья Мухина, и для той посылки выдать им на нынешнюю Генварскую треть денежное и хлебное жалованье. А что на отправление отобранных сюда собак потребно будет ямских подвод и на них прогонов, також на покупку собакам в пути корму денег, оные требовать от Конюшенной Канцелярии. А

негодных собак, как борзых, так и гончих, которые останутся за выбором на завод и за тем, что отобрано будет в Петербург, как выше показано, не токмо плохих, но и посредственных, тех всех сбыть со двора, дабы напрасно корму не ели, а что для отправления сюда собак отобрано и для заводу в Москве оставлено, и негодных с двора сбыть будет, и каких шерстями, и за какою негодностью, о том ко мне прислать реестры с явственным описанием. А сколько ныне в Москве при псовой Ее Императорского Величества охоте и моих собственных собак налицо, из которых, по рассмотрению моему, размечено, оставить впредь в охоте и взять в Петербург и сбыть со двора, о том посылаются при сем реестры и хотя между тем назначены и сумнительными, но если из добрых, резвые, то из оных лучших сюда выбрать. Артемий Волынский".

Приводим и любопытные, приложенные к этому письму реестры, оставляя их орфографию.

Реестр, сколько ныне в Москве, при псовой Ее Императорского Величества охоте, собственных Его Превосходительства Кабинетного Министра и обер-егермейстера Артемья Петровича Волынского, собак на лицо и что из которых, по рассмотрению Его Превосходительства, размечено оставить впредь в охоте и взять в Петербург и сбыть с двора.

Охоты Ея Императорского Величества

3) Письмо Волынского 29 января 1739 года.

"Герасим Иванович. Хотя в посланном ныне от меня к Вам ордере и написано, что из собственной моей псовой охоты несколько борзых и гончих собак, которые отмечены в реестре, отданы точно в охоту Ее Императорского Величества на завод, однакож

прикажи за ними ходить собственным моим охотникам и прошу за ними надсматривать, чтобы оные собственные мои собаки были в добром призрении и надлежащей чистоте и чтоб от них размножены были щенята и выкармливаны были, и которые суки когда помечут щенят и которого числа, и какими шерстями, о том изволь присылать ко мне ежемесячно, как о Государевых, так и о моих, реестры и сам прилежно потрудись посмотреть, чтоб все содержащиеся при охоте Ее Императорского Величества собаки в добром содержании и присмотре были, о чем объяви и Патрекееву, чтоб и он о том ведал и пребываю слуга Вам Артемий Волынский".

Вытребованный в Конюшенную канцелярию кречетник Патрекеев показал под присягою, что собаки Волынского поступили в Измайлово при капитане Сергее Ивановиче Бутурлине в 1738 году и были приняты к охоте Ее Императорского Величества им, Патрекеевым, по словесному приказанию обер-егермейстера, о чем однако прямой его, Патрекеева, начальник, капитан Бутурлин, не знал. Тогда же в охоту была взята и собственная Бутурлина меделянская собака, также по приказу Волынского. Всех этих собак продовольствовали кормами казенными, по приказу Волынского же; но о причислении их к придворной охоте всецело – указа не было, почему об их наличности при охоте Патрекеев и не доносил в своих рапортах ни Бутурлину, ни другим лицам.

9 июня 1740 года Московская дворцовая конюшенная канцелярия, вновь рассмотрев все дело и прописав в своем постановлении все его подробности, определила: находившихся в Измайлове собственных собак бывшего обер-егермейстера Волынского

приписать к Измайловской охоте Ее Императорского Величества и кормить на будущее время, как казенных, донеся о сем в Петербург, в Канцелярию конюшенных и егермейстерских дел. В придворную же охоту была записана и собственная медезянская собака капитана Бутурлина.

Всего в Измайловскую охоту поступило 19 борзых собак, 15 гончих, 22 дацких и 1 медезянская.

26 июня 1740 года московский губернатор, тайный советник и действительный камергер князь Борис Григорьевич Юсупов по силе "Ее Императорского Величества высокоповелительного из Кабинета указа" затребовал от заведовавшего московскими придворными охотами советника Конюшенной канцелярии Наумова сведения, какая сумма была издержана на прокорм собак Волынского за все время негласного содержания этих собак при Московской псовой Ее Величества охоте.

Наумов, с своей стороны, затребовал соответственные сведения от Вердеревского, а Конюшенная канцелярия в то же время запросила "Московскую Померную Таможню" о справочных ценах на овес и овсяную муку за 1758, 1759 и 1740 гг.

Присланные таможеню подробные сведения показали, что цены на указанные припасы колебались в широких пределах: так, четверть овсяной муки продавалась от 45 до 70 к., а четверть овса от 20 до 48 копеек.

Вердеревского в Москве не оказалось: он отправился на ревизию и осмотр конских заводов "Дворцовой Конюшенной Канцелярии в дворцовые города в Богородицк и в Скопин". Вместо него подробную ведомость расходов доставил кречетник Патрекеев.

Из ведомости этой усматривается, что в феврале 1738 года в Измайлово поступило 64 собственных собак Волынского, а именно: борзых курляндских, брудастых 12, хортых польских 17, псовых старых 8, арлекинов 2, всего борзых 39. Дацких собак 6. Гончих 19.

В 1758 году получилось приплодных собак: борзых 2, дацких 18 и гончих 8, итого 28.

При собаках этих находилось двое охотников Волынского, которые содержались раньше и продолжали содержаться к отчетному времени "на своем коште".

Из помянутых собак в 1739 году были выписаны в расход: по приказу Волынского, адресованному к статейничему Герасиму Ларионову и по выбору последнего совместно с человеком Волынского, с Василием Завидовским, было отправлено 15 февраля в Петербург, в охоту Ее Императорского Величества борзых 2 и гончих 12, всего 14 собак, и было сбыто со двора борзых 16; по ордеру Волынского же 25 августа был отправлен в Петербург еще один борзой кобель. К 1740 году оставалось налицо 61 собака, в том числе 22 борзых, 15 гончих и 24 дацких. В 1740 году выписаны в расход 3 борзых собаки и 2 дацких, отправленные в Петербург по ордеру Волынского, адресованному к статейничему Герасиму Ларионову 12 января того года. Засим налицо осталось 56 собак, в том числе 19 борзых, 15 гончих и 22 дацких.

Корму на этих собак было истрачено: овсяной муки: в 1738 году – 234 четверти, в 1739 году – 203 четверти и в 1740 году, по 27 июня – 56 четвертей, всего 494 четверти; "мясищ": в 1738 году – 205, в 1739 году – 195 и в 1740 году – 87, всего – 487 "мясищ"; шквар: в 1738 году – 20 четвертей, в 1739 году – 14 четвертей и в

1740 году – 15 четвертей, всего 47 четвертей.

Кормились собаки из одного корыта с казенными.

Указать цены на овсяную муку невозможно, ибо мука эта отпускалась натурою Конюшенною канцеляриею, в свою очередь, получавшею муку из Московской главной дворцовой канцелярии. Мясища и шквары доставлялись в охоту от "записных живодеров" безденежно, но живодеры показали, что эти кормы в покупке у них бывают: мясище по 15 коп. каждое, а шквары по 80 коп. четверть, "ибо покупают де они живых лошадей по 80 коп. каждую лошадь, а окромя кожи мясище обойдется по показанной цене, и то мясище и шквары отвозят оные живодеры в Измайлово на своих лошадях".

Для пополнения указанных данных в соответствии с приказанием московского губернатора Конюшенная канцелярия запросила Московскую главную дворцовую канцелярию: в указанные сроки на довольствие содержащихся в Измайловском охотном дворе разных родов собак и волчат овсяная мука отпускалась ли из дворцового провиантского магазина или покупалась, и в какую цену надлежит ее считать в том и другом случае.

Главная дворцовая канцелярия ответила, что в Измайлово, "намоля, в муку овес отпускался от дворцовых провиантских дел с житного двора природный от дворцовой десятинной пашни", почему о цене его точных известий не имеется. Во всяком случае, помимо стоимости овса, при расчете стоимости муки следует принять во внимание, что перемол овса производился на дворцовых оброчных мельницах, за что с оброчников следует учесть известную сумму из оброка, каковой учет еще не сделан по нетребованию тех оброчников, но о его размере может дать сведение

кречетник Патрекеев, производивший ранее соответственные расчеты.

Собрав все необходимые данные, Конюшенная канцелярия сделала подсчет расходам на содержание при охоте Ее Величества собак Волынского, кои за все время выразились цифрами: за овсяную муку – 270 р. 30 1/2 к.; за мяса – 73 р. 5 к.; за шквары – 37 р. 60 к. и расходы по отправке собак Волынского в Петербург 35 р. 75 2/3 к., а всего 416 р. 71 1/6 к. Сведения эти и были представлены московскому губернатору.

23 сентября 1740 года последовал указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской в Дворцовую конюшенную канцелярию о завершении настоящего дела соответственно нижеследующему мнению московского губернатора князя Юсупова.

Собственные собаки Артемия Волынского содержались в Москве при Измайловской Ее Императорского Величества охоте наравне с царскими и отправлялись в Петербург на казенный же счет, "которые непорядки надлежало причесть ему, Волынскому, к вине" и взыскать с Волынского "по силе указов, все произведенные на них расходы вдвое". "Но токмо он, Волынский, за его злодейственные государственные тяжкие вины казнен, и движимое и недвижимое его имение отписаны на Ее Императорское Величество", почему, по мнению князя Юсупова, ныне расходы по содержанию собак Волынского надлежит взыскать "с тех персон, под чьим смотрением охоты Ее Императорского Величества были", а прогоны и другие расходы по пересылке собак Волынского в Петербург с членом Московской дворцовой конюшенной канцелярии, которые определение о пересылке собак крепили, "понеже они хотя и в команде его,

Волынского, были, надлежало ж, видя такие непорядки, ему, Волынскому, представлять, а буде б не послушал, тогда должно было бы донести, где надлежит, а они, те непорядки видя, не токмо где надлежит не доносили, но и сами по ордерам и приказам его, Волынского, те непорядки чинили, да сверх того с них же надлежит взять с каждого штраф, по сту рублей с человека, чтоб, на то смотря, и другим таких непорядков чинить впредь было неповадно". Далее следуют указания на кого и за что следует наложить взыскания, а именно:

1) На капитана Бутурлина как на лицо, у которого Московская придворная псовая охота была в осмотрении и которое допустило непорядки в самой охоте.

2) На асессора Московской конюшенной канцелярии Богданова, который ездил с охотою Волынского в деревню обер-егермейстера вместе с детьми Артемия Петровича на казенных лошадях и довольствовал в пути собственных собак Волынского казенным кормом.

5) На асессора той же Канцелярии Десятова, который, обще с Богдановым, крепил определение об отправке собак Волынского в Петербург и о прокорме их пути на казенный счет.

4) На советника той же Канцелярии Чорнова, который слышал от стремянного конюха Крюкова, что собаки Волынского состоят в Измайлове на казенном корму, и сам переписывался по этому делу с обер-егермейстером.

5) На советника той же Канцелярии Наумова, который хотя и показал, будто за отлучкою не знал о довольствии собак Волынского казенными кормами, но дважды был в Измайлове и осматривал там двух собак

Волынского, присланных им "для заводу", и затем сам же отдал приказ о зачислении собак бывшего обер-егермейстера в охоту Ее Императорского Величества, чего сделать не мог бы, если бы ему о присутствии этих собак не было бы известно.

б) На подпоручика Вердеревского, который, вступив в должность заведующего Московской псовой Охоты Ее Величества охотою 3 февраля 1740 года, молчал о собаках Волынского до 8 мая; и 7) На бывших под командою у названных лиц стремянного конюха Крюкова, статейничего Ларионова и кречетника Патрекеева, которые, видя непорядки, молчали.

Однако с последних трех лиц полагалось взыскать не полные штрафы, а половину получаемого ими годового содержания, причем с Крюкова, находившегося в отставке и содержания не получавшего, – половину прежнего его жалованья по должности заведовавшего Измайловскою псовой охотою.

Не лишены интереса расчеты Дворцовой конюшенной канцелярии о суммах, причитавшихся ко взысканию с поименованных выше лиц.

1) За прокорм собак Волынского было удержано:

С советника Чорнова за корм 2-х дацких собак с 15 августа 1737 года по 13 января 1738 года – 4 р. 82 1/2 к.

С капитана Бутурлина за прокорм собак за 1738 год и с 13 января 1739 года по 4 июля того же года – 500 р. 34 1/2 к.

С советника Наумова, со дня поручения ему команды, с 4 июля 1739 года по 6 сентября того же года – 61 р. 15 5/8 к.

С асессора Петра Богданова с 6 сентября 1739 года по 4 февраля 1740 года – 60 р. 12 1/8 к.

С ассессора Василия Десятова за тот же срок и ту же сумму.

С подпоручика Вердеревского с 4 февраля по 27 июня 1740 года – 67 р. 92 1/2 к.

Со стремянного конюха Крюкова по 15 января 1738 года – 5 р. 88 к.

2) За кормовые и прогонные деньги на отправку собак Волынского в Петербург.

С Наумова за одно отправление 5 р. 61 1/3 к.

С Богданова и Десятова за три отправления по 15 р. 7 1/6 к. с каждого.

5) Штрафных денег по 100 р. с Чорнова, Бутурлина, Наумова, Богданова и Десятова.

4) С Крюкова – 30 р. с денежного и 35 р. 54 к. с хлебного жалованья.

С Ларионова – 20 р. с денежного и 31 р. 2 к. с хлебного жалованья.

С Патрекеева – 8 р. 33 1/3 к. денежного и 16 р. 67 к. с хлебного жалованья.

Всего же со всех 1489 р. 16 1/6 к.

Чорнов и Крюков следуемые с них деньги заплатили, Богданова же, Бутурлина и Десятова в Москве не нашли и штрафов с них, по крайней мере, своевременно не взыскали.

В 1740 году в псовой охоте, состоявшей при Измайловском зверинце, имелось 8 легавых собак, одна лошья сука, 68 борзых собак, 44 гончих, 18 меделянских, 17 дацких собак и 19 лошадей. Продовольствие этих собак, так же как и зверей Измайловского зверинца и птиц Семеновского потешного двора, лежало на обязанности живодеров. По указу императрицы Анны Иоанновны "для корма птиц и зверей и собак в мертводеры, что называют живодеры, определено 30 человек, и за ту их службу,

указом Правительствующего Сената, учинено в награждение от повинностей и от других полицейских служб, по оному указу, уволить; и оные живодееры кормят охоту безденежно". Живодееры эти назывались записными управлялись старостою, избиравшимся из их же среды на известный срок с ручательством, что нововыборный "человек добрый, и можно ему верить". "Выбор" за подписью избирателей представлялся начальству московских охот. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086 и "Быт Росс. госуд. 1740–1741 гг.", ч. I, стр. 353). По штату 22 сентября 1740 года псовая охота, состоявшая при Измайловском зверинце, была упразднена, хотя и не надолго. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

В сентябре 1740 года в Измайловском зверинце содержалось: изюбрей 9, оленей немецких 107, маралов 69, лосей 3, диких коз 60. кабанов 102, бобер 1, бурая лиса 1, тур самец 1, русских коз 3. от тура и козы приплодных козлят 4, русаков 203, зайцев (беляков) 519, медведей 2, волков сибирских 7 шт. (Там же).

В "Быте Российского государства в 1740–1741 годах" содержатся следующие относящиеся к разбираемому предмету сведения:

"Псовая охота помещалась в селе Измайлове на псаренном дворе (или охотном). О личном составе охоты из документов видно, что заведовал ею подпоручик Вердеревский, при котором состояли канцелярские служители, и что при ней находились охотники, жившие на "Псаренном дворе", в особых "покоях". Псовую охоту в 1740 году составляли собаки: борзые, гончие, медеянские и дацкие. О числе собак не упоминается; но что оно было значительно – можно заключить из количества отпускавшихся им припасов. Так, в феврале 1740 года на содержание собак

требовалось от Дворцовой канцелярии "до исхода" овса (на муку) 200 четвертей и соломы для подстилки 50 возов. В августе того же года вновь потребовалось, до исхода же, овса 150 четвертей и дров "под навару" собакам 10 сажень. Кроме собственно казенных собак, при псовой охоте находились: 1) собаки, отписанные от князя Алексея Голицына. Резолюцией Императорского Кабинета 7 марта 1737 года повелено было отписную от князя А. Голицына псовую охоту принять обер-егермейстеру Артемию Волынскому с тем, чтобы довольствоваться ее по-прежнему из деревень Голицына. Вследствие этого псовая охота князя (собаки и охотники) помещена была в селе Измайлове и довольствовалась жалованьем и припасами из отписного у князя Голицына села Рождествена Московского уезда. В описываемом документе находится, между прочим, заметка: а каким образом они, охотники князя Голицына, с охотою вступили в Измайлово, о том в Москве, за бывшим в 1737 году пожаром, известия нет. 2) Собаки (псовая охота), отписанные от генерала Карла Бирона. 3) Собаки Артемия Волынского. В документах есть указание, что члены Дворцовой конюшенной канцелярии в 1741 году подвергнуты были денежному взысканию за содержание собак Волынского в Измайлове. В книге входящих бумаг Канцелярии егермейстерских дел 1741 года записана 3 марта промемория из Конюшенной канцелярии для сведения "о взысканных с членов оной Канцелярии и прочих чинов, за содержание в Измайлове собственных Артемия Волынского собак, штрафных денег 153 рубля 12 1/2 коп."

"Яхт-штатом 28 января 1741 года размер отпуска припасов на содержание животных Измайловского зверинца в точности определен не был на том

основании, "что звери могут прибавляться и убавляться"; в продовольствии же последних положено руководствоваться расходом на них припасов в 1739–1740 годах. Для примера в штате приведен этот расход за год с мая 1739 года, именно: мяса 27 пудов 1 фунтов, сала говяжьего 36 пудов, пшеницы, истолченного проса и ржаной муки по 10 четвертей, овса 1063 четверти, овса снопового 12.800 снопов, сена 16.134 пуда, капусты серой 12.100 кочней, соли 10 пудов, соломы 111 1/2 возов. Все припасы доставлялись для звериной охоты от Дворцовой канцелярии, за исключением мяса, которое в 1741 году обязался поставлять в зверинец подрядчик Жилкин, по 70 копеек за пуд. О продовольствии зверей в частности указаний не много. Так, на корм зайцам отпускался сноповой овес, бурому лисенку мясо, по три фунта в день. Медведи и волки отдавались на прокормление живодерам". (Часть I, стр. 352–560).

411 "Яхт-штатом 22 сентября 1740 года псовая охота в Москве была упразднена. В штате об этом сказано: "Псовую охоту, всю что есть в Москве, раздать и людей всех распустить". Вследствие этого командующий охотами, фон Трескау, в конце этого же месяца предписал подпоручику Вердеревскому всех содержавшихся в Измайлове собак раздать и по раздаче охотников распустить; оставшиеся припасы, а также производства по псовой охоте сдать по описи смотрителю звериной охоты форштмейстеру Мильхерту, канцелярских же служителей отослать в Герольдмейстерскую контору для определения к другим делам. Самому Вердеревскому "по исполнению всего того, жить до указа в доме своем". Вместе с тем фон Трескау приказал, чтобы собак раздать генерал-аншефу Ушакову и "прочим господам", в том

числе князю Куракину (двух борзых). В то же время он предлагал (письмом) камергеру графу Александру Григорьевичу Строгонову взять "из имеющихся в Москве собак, сколько ему угодно, или всех".

"Входивших в состав псовой охоты собак Карла Бирона предположено было передать в ведомство Дворцовой конюшенной канцелярии. В конце декабря 1740 года обер-шталмейстер князь Куракин дал Конюшенной канцелярии следующий ордер: "Ежели Его Императорского Величества от Кабинета повелено будет Конюшенной Канцелярии принять отписных после бывшего генерала Карла Бирона собак, то извольте приказать оных по обстоятельному реестру в Конюшенное ведомство принять и содержать до указа на подлежащем корму, а сколько каких принято будет, о том ко мне отрапортовать". На это Конюшенная канцелярия 29 декабря представила обер-шталмейстеру, что ей "вышеписанных собак содержать негде и не кем и довольствоваться будет не чем", почему она и требует резолюции: "где и кем содержать (собак) и корм из какой суммы и на чей счет покупать". Какое на это последовало распоряжение – из документов не видно".

412 В 1742 году при Измайловском зверинце вновь появляется псовая охота, набранная путем конфискации некоторых частных псовых охот, в том числе и главным образом охоты графа Михаила Головкина. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1). Часть этой охоты в том же году была переведена в С.-Петербург, одновременно с переводом туда же Обер-егермейстерской канцелярии. По этому поводу в журнале Правительствующего Сената от 3 декабря 1742 года, между прочим, читаем: "По доношению обер-егермейстера и Лейб-Компании Поручика и Ее

Императорского Величества Камергера и кавалера господина Разумовского, которым требует о посылки указов о выдаче на отправление Егермейстеру с канцелярией и канцелярскими и при псовой Ее Императорского Величества охоте служителями и прочего исправления и на ямские подводы прогонных денег по требованию, что надлежит, от Обер-егермейстерской канцелярии в Главную Дворцовую Канцелярию, а о даче подвод в Ямскую Канцелярию определить из Сената указами. Приказали: за неимением в той Обер-егермейстерской канцелярии денег" – немедленно отправить просимые указы. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1075). Другая же часть псовой охоты осталась в Москве, при Измайловском зверинце. (Тот же арх., кн. Сен. 3 – 1429).

413 В 1745 году егермейстер Петр Никитич Хитрово по желанию обер-егермейстера графа Алексея Григорьевича Разумовского увеличил Московскую псовую охоту, состоявшую при Измайловском зверинце, гончими собаками, взятыми из охоты его брата, советника Конюшенной дворцовой канцелярии, Александра Никитича, находившейся в имении последнего в Алексинском уезде. В Императорскую охоту поступили: выжлецы каурый, два черно-пегих, два черных и выжловки каурая, три черных и багряная. (Тот же арх., оп. 51, д. No 2612).

От того же времени сохранилось известие о том, что на лечение собак охоты Измайловского зверинца шли, между прочим, чистый деготь, коломазь и сера горючая. В марте и сентябре этого года в названную охоту было отпущено по два ведра чистого дегтю, по ведру коломази, по 5 фунтов серы горючей. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

414 Касательно псовой охоты, состоявшей при Измайловском зверинце, от 1746 года сохранилось известие, что собак в то время кормили из больших деревянных чанов, вместимостью в 5 ушатов. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. No 14).

415 В марте 1745 года часть Московской псовой охоты была отправлена по распоряжению обер-егермейстера в С.-Петербург, причем собак перевозили в санях. (Тот же арх., оп. 65, д. No 14).

В том же году последовало приказание отобрать из числа собак Московской псовой охоты негодных и продать таковых; если же не сыщется охотников совершить такую покупку, то "употребить в роздачу, или куда возможно, а на казенном корму не держать". Негодных собак оказалось: борзых своры обер-егермейстера графа А. Г. Разумовского – 3 кобеля половых, кобель полово-пегий и кобель серо-пегий, сука белая, сука чубарая, сука полово-пегая: охотничьих свор – кобель чубарый, кобель красный, кобель бурматно-пегий и сука половая; все признаны негодными "по плохой скачке"; гончих: 3 черных белоподпалых выжлеца, выжлец черно-пегий горбатый и выжлец пегий, признанные негодными, ибо "гоняли плохо"; два выжлеца багряных и "молодью от суки Немтырки", оказавшиеся "ногами худы и гоняют плохо"; две суки черные – "оные кривоноги"; "из приведенных из вотчины полковника и Егермейстера Петра Никитича Хитрова гончих восьми щенков, которые были взяты от псовой охоты на корм" – четыре выжлеца черных и выжлец черно-пегий – "оные кривоноги и гоняют плохо". (Тот же арх., оп. 51, д. No 2612).

В том же 1745 году при Московской псовой охоте состояло лошадей: в январе 82 и летом 24, каковая

разница объясняется отсылкой части этой охоты в С.-Петербург. (Тот же арх., оп. 65, д. No 14).

416 В начале 1761 года в псовой охоте при Измайловском зверинце содержалось: борзых собак – 7, гончих старых – 76, гончих молодых, доставленных из вотчины обер-егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина, – 69, всего 152 собаки; 31 охотничья лошадь, корова, баран, козель и свинья. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. No 36).

417 В июле 1750 года обер-егермейстер граф А. Г. Разумовский отдал приказание, "для лучшего умножения в С.-Петербурге псовой Ее Императорского Величества охоты, к осенней езде прибавить собак из Москвы, усмотря, сколько можно, годных гончих, в том числе приводу от Его Превосходительства Генерал-майора и Егермейстера семь, також и борзых, которые имеют быть от кого в охоту Ее Императорского Величества приведены, и отправить оных на ямских или на наемных подводах с принадлежащим числом людей, взяв оных из отставших в Москве охотников от псовой охоты". Заведование отправляемою частью псовой охоты было поручено сокольнику Александру Ларионову, которому были выданы все необходимые принадлежности и указы да 50 рублей денег на путевые расходы. (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758). Кроме того, Ларионову была вручена инструкция, приводимая нами лишь в общих чертах:

С Ларионовым отправлялись: борзые собаки: сука "белая, черноглубая", кобель и сука полово-пегие, две суки серо-пегие; гончие собаки: бывшие Хитрово, три выжлеца темно-багряных, выжлец черно-красный, выжлец багряный, выжловка багряная белоподпалая,

два выжлеца и две выжловки черно-пегие, два выжлеца черных белоподпалых, два выжлеца багряно-пегих, выжлец багрянозагривый, один сокольник, один охотник, выжлятник, наварщик и 4 охотничьих лошади. Все расходы по переезду и прокорму охоты приказывалось записывать в особую книгу, приобщая к ней соответственные расписки. Книгу эту надлежало представить в Обер-егермейстерскую канцелярию. Выступить в путь предписывалось "конечно, неотменно" 2 августа. В дороге никому никаких обид не чинить, под опасением штрафа. "Если же в государственных делах подлежать будет опасности, оного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций. А ежели какое препятствие от кого во оном или оном будет вашему делу, то записать вольно, куда заблагорассудить, токмо упоминая о врученном вам деле генерально: от чего оному повреждение есть и какое, ежели случатся дела посторонние... (пробел в документе)... подлежащее; а в реляциях к тому, от кого отправлен, писать будет за каким подозрением невозможно, то велено писать, кому в том поверите, а о врученном своем никак... (снова пробел)... только как ваше. Писано под жестоким наказанием по вине преступления". (Тот же арх., оп. 43, д. No 4).

Несмотря на сказанное отправление части собак, несмотря на незначительное число высланных туда же чинов псовой охоты, состоявшей при Измайловском зверинце, в последней все же таки обнаружился избыток собак и недостаток в охотниках. Московский охотник Иван Шольман доносил Обер-егермейстерской конторе, что "по усмотрению его имеются лишние собаки, приведенные от разных помещиков, а на поля

со оными собаками ездить некому, за малоимением в Москве охотников; а ежели такие собаки будут лежать и напрасно корм станут есть – и впредь оные к охоте будут негодные". Обер-егермейстерская контора, обсудив это дело, приказала "впредь негодных собак, ежели подлинно, по усмотрению присутствующего оной Конторы капитана Г. Ларионова, явятся негодные, при псовой охоте не держать, дабы оттого напрасный казенный корм не тратился, а излишних борзых отдать тем, от кого оные собаки приведены были". (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

418 В ноябре 1757 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала своей московской конторе, выбрав из псовой охоты, состоявшей при Измайловском зверинце, до 50 гончих сук, "таковых в способное зимнее время зблюсть" и, как щенята пометаны будут, то, отбирая выжлецов, "в выкормке оных крайне стараться". Выкормка эта поручалась пикерам, "а понеже оных щенят надлежит тем пикерам содержать от прочих собак особо, чтобы были вне Измайловского дворца", то Обер-егермейстерская канцелярия предписывала "вне Измайловского дворца, однако от него в недалеком расстоянии, выбрав из порозжих земель удобное место", предложить Дворцовой конторе сделать два жилых покоя с сенями и принадлежностями для жилья пикеров да для содержания щенят устроить бревенчатый рубленый со мхом амбар, огородив все это строение общим забором. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. No 8).

3 июля 1746 года Обер-егермейстерская канцелярия предписывала своей московской конторе:

"Понеже в Москве оставшая Ее Императорского Величества псовая охота содержится в Измайлове, в которой между прочими находятся молодые как

борзые, так и гончие собаки, и надлежит оных к рысканью и к гоньбе приучать около Москвы в пристойных местах, (то дабы) скотским стадам повреждения чиниться не могло, а притом как молодые собаки такой привычки не имели, для того должно стада заранее отгонять от тех мест далее, о чем в бытность Обер-Егермейстерской Канцелярии в Москве, по посланному в Московскую Губернскую Канцелярию указу, велено обывателям объявить, чтоб, когда с тою охотою будут охотники ездить, тогда бы в тех местах обыватели, как услышат въезд и по известиям, скотские стада из тех поль и рощей, и островов отгоняли к деревням и прочим жилам (жильям?), дабы от той охоты скоту какого вреда причиняемо не было; но понеже как ныне корытничие представляют, что того не исполняется, и не только чтобы во время выездов с собаками скота отгоняли, но обыватели объявляют, якобы никакого об оном от той Губернской Канцелярии объявления не бывало; того ради, по указу Ее Императорского Величества и по определению Обер-Егермейстерской Канцелярии, велено во оную Губернскую Канцелярию послать указ, в котором написать, чтоб от оной Канцелярии во всей Московской губернии, в запретительных местах, обывателям о вышеписанном непременно было объявлено, с подпискою и с наикрепчайшим подтверждением, дабы, когда от псовой Ее Императорского Величества охоты охотники посланы будут для объявления, или как и сами могут услышать с тою охотою выезды, чтобы без всякого замедления неотменно скотские стада отгоняли к деревням и к жилью и в том имели твердую осторожность, дабы, за неведением, какого нерадения (нарекания?) на оную охоту происходить не могло, а притом и собаки такой

привычки не имели, и что учинено будет, о том в Обер-Егермейстерскую Канцелярию репортовать. И Московской Губернской Канцелярии учинить о том по сему Ее Императорского Величества указу". (Моск. арх. Мин. юст., оп. 211, свит. 1692, д. No 85).

419 От 1758 года сохранилось известие о порядке зачисления в сырейщики для поставки кормов ко псовой охоте Измайловского зверинца. Порядок этот был следующий: Московская обер-егермейстерская контора сносила по этому поводу с московским магистратом, который посылал указ "в гильдию к старшинам с товарищи" с требованием выбрать сырейщика из московского купечества, "который бы тем кормам поставку мог исправлять безостановочно, и по выборе представить в Московский Магистрат, и как представлен будет, то, приведчи к присяге, и объявить ему Именной о лихоимстве 714 году указ с подпискою". Выбираемый должен быть "человек добрый" и по выборе поступал в ведение Обер-егермейстерской конторы. (Тот же арх., оп. 68, д. No 26).

К апрелю того же года относится распоряжение Обер-егермейстерской канцелярии по Московской псовой охоте, которым предписывалось "для наилучшего при псовой охоте гончих собак содержания, чтобы конечно к скотине как на дворах, так и в гоньбе и разъездах и нигде отнюдь были невалки, чего ради, — их сырым мясищем не кормить; для наилучшего ж в том удержания между оными на псарном дворе содержать всегда рогатого скота до двух коров, двух баранов, двух свиней, також и козлов. (Тот же арх., оп. 14, д. No 177).

Около 1767 года возбудился вопрос о том, возлагать ли на будущее время на московское купечество обязанность поставлять мясные корма на Московскую

псовую и другие охоты. Правительствующий Сенат, рассмотрев это дело, нашел, что зачисленные в сырейщики и птичники (поставлявшие птиц на корм птичьей охоты) купцы, помимо такого занятия, имеют "порядочные торги в разных рядах и числятся купцами первой и второй гильдии, которых из ведомства Магистратского отлучать регламент Главного Магистрата вовсе запрещает". Руководствуясь тем обстоятельством, что Сенату надлежит стараться, "чтобы купцы от непристойных им служб и однообразных отягощений освобождены были", – Сенат признал необходимым сырейщиков и птичников от их обязанностей навсегда уволить и причислить к московскому купечеству на общих для всех купцов основаниях, "ибо сколь несправедливо, чтобы они, сверх обыкновенной по купечеству службы, ставили кормы для псовой и птичьей охот без всякой за то платы, столь меньше согласно с законами увольнять их за такую поставку от всяких гражданских служб, полицейских должностей и постоя". Правительствующий Сенат полагал более целесообразным отпускать на покупку мясных кормов для названных охот особую денежную сумму, каковое свое мнение и повергал на благоусмотрение Верховной Власти. (Госуд. арх., ч. II, р. XIV, No 57).

По-видимому должности сырейщиков и птичников действительно были уничтожены вслед за представлением императрице доклада Правительствующего Сената, но мера эта не была связана с отпуском Обер-егермейстерской канцелярии потребной на прокорм охот суммы. Это подтверждается письмом обер-егермейстера С. К. Нарышкина к неизвестному лицу от 23 августа 1767 года. В письме этом Нарышкин указывал, что "ныне

обретается такая скудость в кормах при охотах, а особливо по птичьей, что никогда такой не было, ибо все берется в долг. Сие неудобство учинилось от лишения привилегий сырейщикам и птичникам, которые заменяли немалую сумму. Когда Правительствующему Сенату заблагорассудилось тех сырейщиков и птичников поверстать в купцы, то б предваритсльно надлежало ассигновать сумму в Обер-Егермейстерскую Канцелярию, да уже потом оных и лишать привилегий. Не может быть полезна та система, которая бы в одном месте учинила созидание, а в другом разорение". Нарышкин просил похлопотать об установлении ежегодного на вышеуказанную надобность отпуска денежных средств в размере 2000 р. в распоряжение Обер-егермейстерской канцелярии. (Там же).

Очевидно, письмо обер-егермейстера было доложено императрице, и результатом этого доклада явился высочайший указ, от 29 сентября 1767 года, данный Дворцовой канцелярии и предписывающий "отпускать до сочинения стата в Обер-Егермейстерскую Команду денег всягодно по две тысячи рублей в замену тех кормов, кои получаемы были от сырейщиков и птичников, определенных из купечества от Московского Магистрата. А впредь того сбора с купцов не собирать". (Рукоп. сборн. им. ук., No 24).

В 1770 году по Московской псовой охоте последовало приказание мазать собак в весеннее и осеннее время; шло на это масло льняное да сера горючая. Кроме того, в мокрое время собакам приказывалось смазывать ноги дегтем. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 47).

В то же время различные медикаменты требовались в Измайловский зверинец для лечения больших зверей.

На лето 1770 года было затребовано: "корня аланта" 8 фунтов, "корня сыщян" 8 ф., "корня талфилц опис" 8 ф., антимониума черного 3 ф., камфары 3 ф., "салистеру" 25 ф., "ангину" 10 ф., "калмуса" 6 ф., "еипта антимони" 10 ф., "корня картшиакса" 6 ф.; кроме того, "для мешания с глиной соли пермянки", т. е. для устройства искусственных солончаков, 10 пудов. Всего медикаментов на сумму 54 руб. 48 коп. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. No 45).

По яхт-штату 1773 года псовая охота при Измайловском зверинце, так же как и такая же охота при Александровской слободе, о которой скажем ниже, получила значение охоты, существующей "для комплектования Ее Императорского Величества С.-Петербургской охоты". В обеих этих охотах положено было иметь "заводных собак": борзых кобелей 2, сук 6, от них щенят 12, гончих старых выжлецов 6, сук 20, от них щенят 100. Каждой собаке полагалось отпускать в год 4 четверти 4 четверика овсяной муки и 1 четверть 4 четверика шкварин, на каковую надобность отпускались соответственные деньги. При этих охотах полагалось содержать 21 охотничью лошадь, причем на покупку каждой лошади отпускалось 20 рублей, а срок службы лошади устанавливался в 4 года.

420 Имевшиеся в зверинце дикобразы и бобры содержались в ноябре месяце этого года в особых "покоях", стены которых "убивались" железными листами. (Там же, оп. 6, д. No 311).

421 Документальных сведений собственно об Измайловском зверинце или состоявших при оном охотах в течение описываемой эпохи мы не имеем до 1728 года, если не причислить к таковым относящиеся

к 1720 году известие о том, что в этом году при московских дворцах, а в том числе и при Измайловском, содержались белые медведи. (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 4 – 654).

В течение всего 1745 года при Измайловском зверинце содержалась обезьяна, на прокорм которой исправлявшему в то время должность форштмейстера Гофману выдавалось ежемесячно 2 р. 25 к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. No 14). Обезьяна эта, доставленная к охоте Ее Величества еще в 1742 году, пала 27 февраля 1746 года. 1 марта того же года "Дворцового села Измайлова пахатный крестьянин, живодер Архип Дмитриев у форштмейстерских дел сказал: дана де была мне обезьяна мертвая для снятия с нее кожи, с которой и снял; а по сказке одного живодера она обезьяна пала от называемой болезни пострела, которую пострелила в голову и вышло, и был знак от крови дурной; а оной обезьяны мясище брошено было им в поле и не объявлено егарю Ягану Гофману для того, чтобы притчины не было и другим зверям, и прочему скоту; и в том оный Архип Дмитриев сказал сущую правду". (Тот же арх., оп. 51, д. No 2675).

В апреле 1749 года "от двора Ее Императорского Величества" были присланы в Измайловский зверинец "соболь да две куницы, которых содержать велено с прочими зверями, которые и содержались в Лисятнике, в перегородке, с лисицами вместе на цепях". На зверей этих форштмейстер Гофман требовал учинить отпуск мяса, по фунту в день на каждого. "А понеже Его Превосходительство Ее Императорского Величества генерал-майор и Егермейстер объявил, что вышепоказанные куницы могут довольствоваться мясищем, а Кабинета Ее Императорского Величества Действительный Статский Советник господин Демидов

объявил, что соболю довольствован был печенным хлебом" — Обер-егермейстерская канцелярия определила: "на довольствие показанных куниц, отбирая мясище из приуготовляемого на корм щенятам, отпускать в прием помянутого форштмейстера Гофмана потребное число без излишества, а по коликому числу соболю в сутки печенного хлеба потребно, о том ему, Гофману, учиня пробу требовать об отпуске оного от Обер-Егермейстерской Канцелярии". Интересно, что в июле месяце того же года "одна куница, сорвавшись с цепи, прогрызла дверь к лисицам и ночью ушла в окошки, которые по всему зверинцу, и искана была, токмо нигде не нашлась". (Тот же арх., оп. 65, д. No 12).

422 "Число животных в Измайловском зверинце было весьма значительно; но до декабря 1740 года оно в точности не было известно даже самому смотрителю охоты форштмейстеру Мильхерту. В яхт-штате 22 сентября 1740 года о числе зверей в Измайловском зверинце сказано неопределенно: содержать их "сколько есть и впредь будет". На запрос Главной Дворцовой Канцелярии 23 октября 1740 года: "чего ради он (форштмейстер) на довольство содержащихся в оном зверинце разных родов зверей фуража против прошлогоднего требует излишество", Мильхерт отвечал, что "в прошлых годах и в нынешнем 1740 году приплодных разных родов зверей имеется не малое число, а сколько числом, того познать невозможно", причем "для подлинного исчисления" просил прислать от этой Канцелярии доверенного. Наконец исчисление зверей было сделано, и 8 января 1741 года Мильхерт представил Командующему охотами, фон-Трескау, ведомость о числе животных в Измайловском зверинце к 1 января этого года. В ведомости показано зверей

1,099 особей, в том числе: 1 бобр, 145 кабанов, 2 медведя, 7 сибирских волков, "лисенок" бурый, 8 зубров, ("изубров"), (вероятно, поставленное в скобках взято из документа и затем "исправлено" на зубр; само собою разумеется, это совершенно неправильно: изюбр – особый восточно-сибирский тип оленя – ничего общего с зубром не имеет), 257 оленей (немецких и маралов), 3 лося, 53 козы (44 диких и 9 русских серых) и 622 зайца. Яхт-штатом 28 января 1741 года положено содержать в Измайловском зверинце: кабанов 102, зубров (?) 9, оленей, немецких и маралов, 214, коз 56 (диких 49, русских серых 7), остальных, показанных к и января 1741 года животных, в том же числе (вышеизложенном), всего 1017 особей".

423 В Измайловском зверинце содержалось в начале же того 1761 года: 171 старых немецких оленя, 5 таких же оленей, родившихся в 1759 году, 14 родившихся в 1760 году; 331 старых сибирских оленя, 2 таких же оленя, родившихся в 1759 году, и 21, родившихся в 1760 году, 156 кабанов старых, 7 помета 1759 года и 5 помета 1760 года; 1 верблюд; 2 черных волка; всего 715 зверей. Из числа кабанов, неизвестно по каким соображениям, но во всяком случае по приказанию Обер-егермейстерской канцелярии, 14 штук было отправлено и продано на кожи. Факт продажи этих кабанов "на кожи", другими словами, признание мясных туш этих зверей негодными к употреблению в пищу, заставляет предполагать, что между кабанами зверинца была обнаружена какая-либо заразная болезнь, что и заставило уничтожить часть оных.

В следующем 1762 году состав Московской псовой охоты несколько изменился. В ней состояло: борзых собак 15 старых, 5 молодых; гончих собак 73 старых, 9 молодых; всего 98 собак; охотничьих лошадей 17 и те

же животные, что и в 1761 году.

В зверинце в то же время имелось: оленей немецких старых 156, роду 1760 года 4, роду 1761 года 17; оленей сибирских старых 299, роду 1760 года 5 и роду 1761 года 26; оленей американских старых 28, роду 1761 года 6; кабанов старых 120, роду 1761 года 4; верблюдов 1; черных волков 2; всего 668 зверей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. No 36).

Сравнивая числовые данные количества зверей Измайловского зверинца за 1761 и 1762 года, оказывается, что в 1761 году в этот зверинец были доставлены американские олени. Кроме того, весьма любопытно то обстоятельство, что из числа оленей, рождавшихся в зверинце, весьма немногие доживали до двухлетнего возраста. Так, из помета 1760 года к 1762-му осталось в живых немецких оленей лишь 2/7, а сибирских меньше 1/4. Обстоятельство это, по нашему разумению, скорее всего объясняется тем, что молодые олени весьма часто шли на царскую кухню для высочайшего стола.

Сохранилось известие, что в Измайловском зверинце дикие кабаны нередко воевали между собою и что кабаньи драки часто оканчивались смертью одного из драчунов, брюхо которого распарывалось клыками сотоварища. Таких кабанов с распоротыми брюхами форштмейстер Гофман продавал в 1762 году желающим, получая за каждого кабана около 1 р. 43 коп. медью. (Тот же арх., оп. 66, д. No 17). К этому же времени относится известие об отправлении из Измайловского зверинца в С.-Петербург зайцев. Отправлялись обыкновенно зайцы, уже пробывшие в зверинце определенный промежуток времени, и отправлялись на ямских подводах партиями, каждая численностью от 50 до 100 штук. (Там же).

В Измайловском зверинце по 1773 год яхт-штату положено было иметь 120 американских оленей, 200 оленей немецких и сибирских, 100 кабанов. Каждому американскому оленю полагалось в год по 3 четверти овса, по 48 пудов сена, по 1 четверти ржаной муки, а каждому немецкому или сибирскому оленю по 4 четверти овса и по 72 пуда сена; свиньям и кабанам полагалось в год на каждую особь по 4 четверти овса и по 4 четверти ржаных отрубей. "Для развозки по зверинцу кормов и для всяких случающихся посылок и разъездов" при Измайловском зверинце должно было содержать 3 лошади. На покупку же для зверей лекарств, на приобретение роспусков, саней, сбруи и прочего отпускалось ежегодно 300 руб. Всех зверей, которые окажутся, от приплоду ли, от привоза ли, сверх положенных по яхт-штату, надлежало продавать, а полученную от этого сумму числить при Обер-егермейстерской канцелярии экономической (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

424 В этом году для доставления в зверинец живых зайцев было наряжено 60 человек дворцовых крестьян "в кричане и в тенетки, со обыкновенными к тому принадлежностями"; заведение этою ловлею было поручено кречетнику Федоту Рыкунову.

"Для имеющихся посаженных зайцев ко удовольствию" запахивалось в том году уже не три, а четыре десятины под овес.

Сбрасываемые содержавшимися в Измайловском зверинце оленями рога до 1750 года представлялись обыкновенно в Придворную контору. Таких рогов оказалось в зверинце к октябрю месяцу 99 штук. Получив о последнем уведомление от форштмейстера и приняв во внимание, что "ныне Придворной Ее Императорского Величества Конторы в Москве не

имеется, а находится она в С.-Петербурге", Московская обер-егермейстерская контора определила "в Обер-Егермейстерскую Канцелярию представить доношением, истребовать объявленные свалившиеся Измайловского зверинца с серых здоровых оленей рога не повелено-ль будет и ныне с публичного торга продавать и куды для пересылки в С.-Петербург в Придворную Ее Императорского Величества Контору отослать". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

425 "При перечете" 21 января 1793 года в Измайловском зверинце оказалось налицо "приплодных сорок четыре оленя". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 312).

426 "В марте 1741 года число животных в Измайловском зверинце значительно убавилось вследствие высылки по резолюции Правительницы, на докладе Кабинету Командующим охотами 31 января, большой партии их в Петербург для Петергофских охот ("для стола Его Императорского Величества"). Об этой высылке в документах сохранились следующие весьма подробные сведения. Орденом от и 3 февраля Командующий охотами, во исполнение вышеприведенной резолюции, приказал: форштмейстеру Мильхерту, не медля, "конечно марта 1 числа" выслать в Петербург следующих животных: оленей немецких 20, сибирских 4, черных свиней 12, диких коз 26, белых зайцев 300 и серых куропаток от 50 до 60 пар. Орденом предписывался и самый способ перевозки зверей, а именно: оленей поместить в ящиках, длиною "в два зверя", с перегородкою, чтоб на одной подводе везти двух оленей, шириною вверху 2 фута, внизу 1 1/2 фута, "дабы те звери в ящиках не могли поворачиваться" и вышиною "по препорции тех

зверей". При этом замечено, чтобы оленей на веревках не везти, "понеже и прежде сего отправлены были на веревках и многие из них померли". Свиней же везти также в двойных, но "ровных" ящиках, то есть одинаковой меры вверху и внизу. Диких коз отправить в ящиках с особой осмотрительностью, под надзором самого форштмейстера. О способе перевозки зайцев сказано только, чтобы отправить их в ящиках, так же как прошедшею осенью. Ящики приказывалось сделать "добрые и крепкие" и если понадобится, то внутри обить войлоком. При животных отправить двух "добрых и надежных" зверовщиков и двух конюхов (последних с семействами, на службу при Петербургских придворных охотах). Для изготовления ящиков и других вещей для дороги велено форштмейстеру явиться к Обер-Гофмейстеру, графу С. А. Салтыкову. Последний, с своей стороны, 25 того же февраля поручил Мильхерту сверх вышепоименованных животных переслать вместе с ними "для стола Его Императорского Величества" еще следующих: оленей 24, кабаних молодых 12, диких коз 8 и куропаток, сколько наловится. Вследствие этих приказаний форштмейстер Мильхерт 7 марта отправил в Петербург: сибирских оленей (старых самцов) 4, немецких оленей (самцов) 20, диких коз (самцов и самок) 16, кабанов 40 (самцов 28, самок 12), русаков 9, белых зайцев 17, серых куропаток 12. Животные отправлены в устроенных по предписанному "манеру" ларях, олени в 30, дикие козы в 4, кабаны в 25, зайцы в 2; куропатки же в коробе, обшитом внутри холстом. (Здесь чувствуется какая-то фальшь: трудно, например, разместить 24 оленя в 30 ящиках). С зверями отпущено 2 зверовщика и 2 конюха. Весь поезд состоял из 63 ямских подвод, под конвоем 10 солдат Московского

гарнизона, при капрале и офицере. Об отправке животных Мильхерт донес 9 марта Командующему охотами. В донесении этом, между прочим, сделана оговорка, что зайцев и куропаток выслано так мало потому, что "боле их не имеется". Независимо от донесения форштмейстера, Обер-Гофмейстер граф С. А. Салтыков 10 марта донес и Императорскому Кабинету об отправленных в Петербург зверях и птицах с объяснением, что "для довольствования оных зверей в пути и прочих случающихся нужд" выдано сопровождающему их обер-офицеру из Дворцовой Канцелярии 300 рублей и на ямские подводы прогонные деньги, и приказано этому офицеру при приезде в Петербург явиться к Полковнику фон Трескау для сдачи привезенных зверей и птиц. 1 апреля животные были уже в Петербурге. Из числа отправленных зверей и птиц пали в пути: 5 коз, 6 зайцев и 3 куропатки; остальные переданы в Петергофский заячий зверинец". "Вслед за этим Командующий охотами потребовал от форштмейстера Мильхерта объяснения: вследствие чего куропаток прислано небольшое число и почему в Измайловском зверинце оказалось мало зайцев, тогда как по прежней ведомости числилось их (зайцев) более 600 штук, "и знатно те зайцы либо как из зверинца выпущены или утрачены, а куропаток мало переловлено несмотрением твоим". На это Мильхерт дал такое объяснение: "В зверинце значительное число зайцов убыло от "раубтиров" и многие оказались хворыми и "ломанными, а хворого и ломанного (зайца) в Петербург ко двору Его Императорского Величества посылать (он, Мильхерт) опасен и не следует". Что же касается до общего числа зайцев, показанного (622) в прежней ведомости, то его и ежемесячных ведомостях

определенно показать нельзя, ибо невозможно каждый месяц зайцев "перелавливать и перечислять имевшимся при охоте небольшим числом служителей; а сколько от филинов, ястребов, подорликов, коршунов, воронов и от прочих побито было в месяц, того познать невозможно, и сколько затем в остатке, понеже оные зайцы не скотина; а оные раубтиры многие избиты"; и потому, продолжает форштмейстер, когда для отсылки в Петербург стали ловить зайцев, то хотя и прислано было для этого от Дворцовой Канцелярии 50 крестьян "токмо из той пустокличеть вышеписанным числом крестьянами, за вышеписанными убытки, более не явилось". Из зверинца же зайцам уйти нельзя и выпустить их некому, "понеже заячий зверинец весьма крепостью загорожен, крепок, и всегда было подсматриваемо, чтоб не учинилось какой зверинцу худобы; а тратить зайцев не знаю кому, понеже заячий зверинец загорожен внутри большого (Измайловского) зверинца". Куропаток наловлено мало за неимением людей для этой ловли, ибо егерские ученики оставлены за штатом (яхт-штатом) и отпущены".

"Надо полагать, что объяснение Мильхерта удовлетворило его начальство, потому что со стороны последнего никаких возражений не последовало".

"За описанною отсылкою в Измайловском зверинце осталось животных: 1 бобр, 105 кабанов, 2 медведя, бурый лисенок, 8 зубров (?), 244 оленя (немецких и маралов, в том числе несколько вновь приплодившихся), 3 лося, 34 козы (25 диких и 9 русских серых); всего 398 особей. (В документе итог – 405. Разница произошла вследствие сгнившего в документе места, где перечислены звери)".

427 В 1749 году из Измайловского зверинца нередко поставлялась к царскому столу для парадных банкетов

битая дичь. Так, в декабре было приказано "к наступающему новому году, генваря к 1 числу, для будущего при дворе Ее Императорского Величества банкету, оленя одногодочного среднего одного, кабана одного ж, из имеющихся в Измайловском зверинце, пристреля, отвести ко двору Ее Императорского Величества и отдать метрдотелю Иоганну Фуксу". Пристрелили сибирского оленя "да из кабанов старых одну кабаниху". Однако последняя за "нечистотою мяса" ко двору принята не была, почему пришлось пристрелить другого кабана. Что же касается пристреленной кабанихи, то форштмейстер Гофман, не зная, что с нею делать, запросил соответственных указаний Обер-егермейстерской канцелярии. Последняя по указу ее императорского величества предложила Гофману "застреленный кабанихе негодное мясо употребить, куда надлежит, а впредь смотреть и пристреливать годных, под опасением за то штрафа". (Тот же арх., оп. 65, д. No 1). В том же году и тот же Гофман доносил в марте месяце Обер-егермейстерской канцелярии, что "при Измайловском зверинце имеются стрелянных и палых разных родов зверей кожи и лежат праздно, которые де надлежит отдать ко птичьей Ее Императорского Величества охоте". Гофман просил о разрешении передавать такие кожи в птичью охоту ежемесячно "в переделку" на различные охотничьи принадлежности, между прочим, на долгики. (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

428 8 марта 1758 года обер-егермейстер Волынский докладывал императрице Анне Иоанновне, что "в Москве в Измайловском зверинце есть белый кабан, перед прочими рослой, у которого рыло черное и на спине щетины черные ж". (Рукоп. Имп. ох.). Анна Иоанновна приказала кабана этого привезти в

С.-Петербург. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

429 В 1791 году на сентябрьскую треть было выдано корму "состоящим при Измайловском зверинце лошадям, зверям и китайскому скоту": сена – 5428 пудов 10 фунтов; "в корм кабанам ржанных отрубей" – 81 четверть 1 четверик 1 гарнец и 115; "в подстилку ржаной соломы" – 100 пудов. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 215).

В июле месяце 1775 года в Измайловский зверинец поступили присланные из Иркутска китайские буйволы, ишаки (ослы) и козы. Для них велено было сделать "в удобном месте конюшню мшеную и низкую, чтоб была тепла, для каждой скотины с особыми перегородками". При этом тогдашнему форштмейстеру зверинца Зандену подтверждалось накрепко, "чтобы он китайскую скотину весьма берег и добивался от них приплоду; а для припуску к буйволам приискать ему, форштмейстеру, к покупке одной или двух коров, комолых и смирных, которые б от одного буйвола могли иметь приплод... ибо она скотина столь редка, что никогда из Китая в Москву не была приваживана". (Тот же арх., оп. 73, д. No 4).

430 "В мае 1741 года в Измайловский зверинец вновь прибыло несколько животных. 2 мая Сибирский приказ уведомил Главную Дворцовую Канцелярию, что присланы в этот приказ из Тобольской Губернской Канцелярии "ловленные дикие звери": два барана, марал, пара оленей и две лошади. Главная Дворцовая Канцелярия предписала форштмейстеру Мильхерту вновь привезенных зверей принять в Измайловский зверинец и "содержать с прочими зверьми в добром смотреии".

В 1759 году воспоследовало приказание доставить в Измайловский зверинец из Казанской губернии лосей, а из Царицына кабанов, диких коз, сайгаков и несколько сот живых куропаток". (Арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

431 В начале того же 1743 года заведовавший до графа Разумовского Императорскими охотами полковник фон Трескау просил императрицу повелеть, чтобы в Измайловский зверинец было доставлено: 1) 500 зайцев из Украйны и столько же из Новгородской губернии, так как в названном зверинце зайцев в то время не было вовсе; 2) до ста пар, "или сколько Ваше Императорское Величество соизволите", куропаток из ближайших зверинцу мест и 3) некоторое количество "аленей белых, которые привозятца изолонца", так как в зверинце последних "для парфорш яхт Вашего Императорского Величества ничего не имеется". (Госуд. арх., ч. I, р. XIV, No 57).

В феврале 1746 года в Измайловский зверинец было доставлено из Енисейска четыре лисицы, для которых егерю Иоганну Гофману поручено было купить "по настоящей цене, без передачи", четыре цепи железные с ошейниками сыромятной кожи и с пряжками железными. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51. д. No 2641). В том же году в зверинце содержались две дикие коровы "с лошадиными хвостами", из которых одна пала 30 июня (тот же арх., оп. 51, д. No 2677). Зайцы в этом году доставлялись в Измайловский зверинец из Всегодачской волости, а русаки из городов Скопина и Богородицка. Из первого места в январе было доставлено 49 зайцев, из Скопина в январе же 36 русаков, а из Богородицка в феврале 37 русаков. С места ловли зайцы и русаки присылались в зверинец в особых ящиках, сколоченных гвоздями, из досок,

снабженных кожаными петлями, причем в каждый ящик, очевидно, сажалось по несколько зайцев или русаков, так как в самых ящиках устраивались "разгородки". (Тот же арх., оп. 51, д. No 2641). – "На довольство зайцев" засеивалось в зверинце 3 десятины овсом и такое же пространство рожью. Кроме того, "на корм зверям" отпускались овес и сено в значительном количестве. Так, в марте выдано 3528 пудов сена, в апреле еще 1000 пудов; 1 октября отпущено 100 четвертей овса, 23 декабря еще 400 четвертей. (Тот же арх., оп. 65, д. No 14).

432 В конце 1745 года императрица Елисавета Петровна приказала "для преумножения насадить зайцев и русаков" в Измайловский зверинец. Для этой цели были отправлены двое охотников псовой охоты, состоявшей при Измайловском зверинце, Иван Шольман и Гаврило Иванов. С 17 января по 8 декабря по их требованию названная волость наряжала ежедневно из крестьян "кричан" и "тенетчиков": пеших от 84 до 150 человек и "для возки телят с лошадьми" по 33 человека. Всего было поймано 182 зайца, которых и отправили тотчас в Измайловский зверинец на 52 подводах. Подобные же заячьи ловли были устроены одновременно и в Гуслицкой и других волостях.

Привезенным в зверинец зайцам приказывалось возить на корм осинник, а впредь сеять в зверинце озимый и яровой хлеб, "при чем смотреть того, пашня дабы вспахана и сооружена была с добрым смотрением, чтоб не было глыб, дабы в травле не мешало". По отношению к этим посевам предписывалось "при уборке жать только, сколько нужно на семена", а остальной хлеб оставлять частью на корню, частью сложенным в копны. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. No 106).

В начале того же 1775 года, вероятно, опять-таки вследствие ожидавшегося приезда в Москву Высочайшего двора, обер-егермейстер Нарышкин писал состоявшему при Московской обер-егермейстерской конторе бригадиру Булгакову:

"Высокородный господин бригадир Булгаков. Прикажете купить в Москве для всякого случая зайцов двести, да русаков двести ж, всего четыреста, коих и посадить в Измайловском зверинце в таком месте, откуда бы они разбежаться не могли. А для корму оных купить снопового овса потребное число. Деньги на то употребить от Конторы из наличной суммы на счет впредь собираемой за билеты".

В исполнении этого приказа случилось препятствие: оказалось, что "состоящие в Измайлове заячьи зверинцы состоят в ветхости, и тех зайцов и русаков во оные сажать никак не можно".

В присланном 3 ноября 1774 года в Московскую контору указе Обер-егермейстерской канцелярии было написано, что "за неимением в остатке положенной для починки зверинцев суммы", заячий зверинец исправлять не нужно, "ибо во оный зайцы и русаки пущены нынешнею зимою быть уже не имеют". Для исправления же заячьего зверинца хотя Конторою и приискивались охочие люди, но таковые просили весьма дорогую цену "и менее не берут, как огородить в один только кол, за каждую сажень 2 р., каковой дорогой цены Контора дать не может, тем больше, что в той городьбе прочности никакой быть не может. Что же касается до поставки зайцев, то желающего принять на себя таковую нашли только одного человека, крестьянина Гуслицкой волости Прокофьева, объявившего цену по рублю 20 коп. за пару зайцев и русаков.

Руководствуясь неудобством содержания зайцев и принимая во внимание дороговизну последних, Обер-егермейстерская контора решила приобрести от Прокофьева только 120 зайцев. Зайцев этих Прокофьев должен был привезти в Измайловский зверинец и отдать обер-ферштеру Андреасу Тону, коему велено было подтвердить, "чтобы он тех зайцев и русаков от упоминаемого крестьянина принимал здоровых и не свихнутых, а хворых и свихнутых отнюдь не принимал, и в числе бы тех ста двадцати зайцев непременно б было двадцать русаков, и по приеме впредь до указу содержать их в Измайловском большом зверинце, в особо огороженном поле-дворе, где немецким и сибирским оленям задается корм; а в корм им овес употреблять, получая от форштмейстера фон-Зандена имеющийся у него покупной для прикормки тетеревей сноповый овес, который овес и отпускать ему, форштмейстеру, с расписками, а по недостатку того овса и по требованию его, Тона, велеть в корм им, зайцам и русакам, овес отпускать Комисару Сергею Ларионову из состоящего у него наличного овса". "Для хождения за теми зайцами и русаками и к задаче им корму и воды определить ему, Тону, из состоящих под командою его псовой охоты служителей, а самому за ними иметь неослабный присмотр". (Тот же арх., оп. 72, д. No 43).

В июле 1779 года императрица Екатерина Великая приказала, выбрав из имеющихся при Московской псовой охоте хороших щенков и, "наехав их", выдать из таковых флигель-адъютанту Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову 4-х борзых и 24 гончих. (Рукоп. сб. им. ук., No 78).

За последние года царствования Екатерины Великой интересных сведений, касающихся

Измайловского зверинца или состоявшей при нем псовой охоты, мы не нашли.

433 В 1749 году в Измайловский зверинец было доставлено из города Скопина станичником Якимом Рудневым 42 зайца и русака, которых велено было пустить в Заячий зверинец. (Общ. арх. Мин. Имп. двора, оп. 65, д. No 10). В это время на корм зайцам доставлялось ежедневно в зверинец 4 воза сырого осиннику, да кроме того, так как собираемого с собственной запашки в 3 десятины овса зайцам не хватало, то на время, когда запасы этого овса выходили, в зверинец требовалось для зайцев по восьми снопов "снопового" овса на день. Подобное требование было, между прочим, предъявлено к Главной дворцовой канцелярии в феврале 1749 года; однако ж названная Канцелярия ответила, что в подмосковных дворцовых селах и волостях "снопового овса за перемолотом в наличности не имеется и отпустить нечего". (Тот же арх., оп. 65, д. No 5). На зимние же месяцы для всех вообще травоядных зверей Измайловского зверинца в 1749 году было отпущено 26.000 пудов сена. (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

Кроме надлежащего кормления зайцев, в это время обращалось внимание и прилагались старания к обеспечению этих животных от поползновений различных хищников. "Для стреляния в Измайловском зверинце филинов, ястребов, воронов и прочих рауптиров, которые быют содержащихся в том зверинце зайцов", однажды велено было форштмейстеру Гофману купить 2 фунта пороху и 14 фунтов дробы. (Тот же арх., оп. 65, д. No 8).

434 Около того же времени Главная дворцовая канцелярия обратилась в Канцелярию

обер-егермейстерскую со следующим отзывом:

"В прошлом 1740 году, по присланному в Главную Дворцовую Канцелярию из Дворцового села Измайлова от управителя, майора, что ныне подполковник, Сергея Лаврова доношению, показано было в укосе в Измайловском зверинце, на загороженных казенных сенных покосах, сена 100 пуд, и то де сено свезено на конюшенный двор в корм казенным лошадям и скоту; а по свидетельству в дворцовой счетной конторе о укосном в том 1740 году сене с приходными и расходными книгами, того сена в приходе и в расходе в записке не явилось, а бывший у записки того сена села Измайлова писарь Петр Брыкин допросом показал: то де сено разбито и растащено имеющимися в том зверинце зверьми, а уберечь его от того никак было невозможно, потому что оные звери имеются вольные и число их немалое, и у них же имеются дети, и с теми детьми во оном сене часто они ночевали, а что де в посланном в Главную Дворцовую Канцелярию доношении показано, будто оное сено свезено из того зверинца на конюшенный двор, в дачу на корм лошадям, и то де в оном доношении написано было для того, что оное сено хотели перевезть подлинно на оный конюшенный двор, токмо тогда, за многими у крестьян казенными работами, перевезть скоро не успели, а потом наступила глубокая осень и в то осеннее время означенные звери стали по ночам прибегать к тому сену и в том сене ночевали, и весьма оное разбили и растащили, за чем то сено в оном зверинце и осталось, которого де и ныне есть остатки, о чем де надлежит взять известие того зверинца от форштмейстера Мильхерта, понеже и он о том сене, что ему трата учинилась от оных зверей, сведом; да и после де того оные звери також то сено всегда разбивали и

ныне разбивают, и кабаны в нем с детьми ложатся и делают гнезды, от чего до тому сену бывает трата. А форштмейстер де Мильхерт объявил укусное де в Измайловском зверинце сено, 100 пуд, коего ныне имеется в наличности четыре стога, зверями подлинно разбито, и каждого года чинится не малая трата. Того ради в Главной Дворцовой Канцелярии определено: в Егермейстерскую Канцелярию послать промеморию и требовать известие, что тому сену от зверей трата учиниться может-ли и подлинно-ль та трата от зверей была, и буде оная трата от них была, тоб благоволила оная Обер-Егермейстерская Канцелярия кого надлежит, в том, чего ради те звери до оной траты допущены были, допросить, и впредь допускать такой траты чинить накрепко запретить, дабы от того тому сену казенному такой траты не было".

Обер-егермейстерская канцелярия определнла: "От форштмейстера Мильхерта взять ответ". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 14).

Вскоре после этого и, кажется, в ответ на приведенное приказание Обер-егермейстерской канцелярии форштмейстер Мильхерт подал императрице челобитную, в которой, должно быть, не чувствуя себя вполне правым в деле растраты казенного сена, видимо старался запутать данные поднятого вопроса и ходатайствовал об увольнении его в отпуск на родину. Эту типичную челобитную приводим полностью:

"Всепресветлейшая Державнейшая Великая
Государыня Императрица Елизавет Петровна,
Самодержица Всероссийская, Государыня
Всемиловейшая

Бьет челом Измайловского Вашего Императорского Величества зверинца форштмейстер Мильхерт, а о чем

мое челобитье, тому следуют пункты:

1) В прошлом 1753 году, по указу Блаженныя и Вечнодостойныя Памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, определен я, именованный от Егермейстерских Дел к звериной Вашего Императорского Величества охоте, для содержания старых и воспитания молодых зверей, егарем, и не малое имел по присяжной своей должности старание в довольствии кормами показанных зверей, что за неотпуском в прошлом 1759 году как от Дворцовой Конюшенной, так и от Главной Дворцовой Канцелярии и от прочих мест кормов рубил в зверинце Вашего Императорского Величества сырой с кореньями осинник, но тем было недовольно: взято было мною от бывшего генерала фон-Фирина заимообразно на свой счет, чтоб зверей не поморить, сена 1000 пуд, и задержал; також и имеющих при звериной Вашего Императорского Величества охоте служителей, за непроизвождением в прошлом 1740 году денежного и хлебного жалованья, довольствовал своим коштом, которое сено, как прислан был из Высочайшего Кабинета указ, за подписанием Кабинет-Министров, о довольствии, до опробации яхт-штата, охот и при них служителей кормами и потребными припасы мне, по силе присланного к Конюшенной Канцелярии указу, оное сено возвращено; також и что на служителей моим коштом было употреблено возвращено ж.

2) И в том же 1739 году, по резолюции бывшего Обер-Егермейстера Артемия Волынского определен я был, низайший, при звериной Вашего Императорского Величества охоте форштмейстером, и после присланного в том же 1739 году декабря 9-го дня ко мне от одного Волынского ордеру, в котором упомянутый Ее Императорского Величества указ, чтоб

по новополученному вновь плану мне крайнее в горожении зверинцов, большего и малого, для зайцов и русаков, так (и) в смотреии над работнииками старание и попечение приложить, что же мною и учинено, и построены все зверинцы во всякой исправности, и зверей имеется довольное число, что же и Ваше Императорское Величество сами соизволили видеть.

3) А ныне я, низайший, по силе Вашего Императорского Величества указу, требую, чтоб меня, низайшего, по Вашего Императорского Величества указу, для свидания моего с родителями моими уволить в Немецкие края в ... (неразборчиво) ... також в Берлин и Дрежден на год, понеже уже через двадцать лет и более, имеючись в службах как в друтих краях, тако ж и в здешнем Российском Вашего Императорского Величества Государстве, при звериной Вашего Императорского Величества охоте, я с родителями моими и по сие число свидания никакого не имел; а я, низайший, через письмо от своих родителей уведомился, что они еще находятся в живых и весьма уже пришли в глубокую старость и древность и желают, чтобы мне с ними хотя бы токмо при конце старости их повидаться.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было меня, низайшего, по силе вышепсанного Вашего Императорского Величества указу, для свидания моего с родителями моими в немецкие края, вышеупоминаемые места, уволить на год и дать мне и человеку моему Вашего Императорского Величества для проезду моего пашпорт из Москвы, ежели повелено будет – прогоны, також и для пропитания моего в пути выдать мне заслуженное денежное Вашего Императорского

Величества жалованье сего 1744 года за майскую треть, по расчету, чтоб мне было бы через такой дальний путь пропитание иметь.

Всемилоостивейшая Государыня, всенижайше пав на колена к стопам Вашего Императорского Величества, всепокорнейше прошу по сему моему челобитью милостивое и щедрое решение учинить". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 2).

Мильхерта, вероятно, отпустили, так как в следующем 1745 г. должность форштмейстера Измайловского зверинца исправлял егерь Иоганн Гофман. (Тот же арх., оп. 75, д. No 190).

В мае того же 1746 года исправлявший в то время должность форштмейстера Измайловского зверинца егерь Иоганн Гофман доносил Московской обер-егермейстерской конторе:

"Понеже Измайловского Ее Императорского Величества старого Заячьего зверинца имеется со внешней и со внутренней сторон городьба через пруд, також и в Кабаньем зверинце через конец того ж пруда городьба ж, которую городьбу тех зверинцев через воду от нынешней большой воды проломало, а она вода для большого накопу для мелева имеющейся при том пруде серебряной мельницы в том пруде была заперта и поныне не спущена, и имею себе опасение, чтоб кабаны не разошлись и в имеющемся в том зверинце саду плодам не учинили б повреждения, токож и более бы; от той запертой (запруды) в том пруде вода разлилась велика, а о спуске из того пруда воды дворцового села Измайлова управителя Ассесора Федора Изволова просил, чтоб повелел спустить из того пруда воду, ибо оный пруд и мельница состоит под ведомством того села управителя, который управитель объявил, что де к нему имеются

присланные указы из Главной Дворцовой Канцелярии о нечинении серебряной мельнице никакого препятствия и помешательства, понеже она серебряная мельница на казенном откупу; и того ради оный управитель из того пруда спускать воды без указа опасен, а надлежит конечно воду из того пруда спустить и поломанную городьбу починить, и для починки надлежит работных людей, с топорами и заступами, 20 человек, для прибавания жердей в Заячьем зверинце через пруд гвоздей костылевых сто; в Кабаньем зверинце, через конец того ж пруда, для прибавания жердей же гвоздей тростесных двести". Гофман просил соответственных распоряжений. (Тот же арх., оп. 51, д. No 2676).

435 В 1732 году псовую охоту при Измайловском зверинце заведовал обер-егерь, а самим зверинцем форштмейстер. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. No 325). По ходатайству тогдашнего обер-егеря Мервиля в том году была произведена починка строений псовой охоты и возобновлена ограда псарни, разрушившаяся и растасканная с трех сторон, а в апреле того же года Мервиль возбудил и следующее ходатайство:

"Ныне пришло время собак, которые в охоте Ее Императорского Величества, французских, курляндских и ручных (вероятно, русских), старых – в поля выводить, а молодых – обучать. Того ради прошу, дабы повелено было для одного собак в поля обучения ездить в большом зверинце... пока оные обыкнут; також и для обучения в гонку молодых французских и курляндских собак из зверинца зверей, а именно оленей, кабанов, лосей и диких коз, от всякого роду по одному зверю, годных, предоставить для псовой охоты". Мервилю было разрешено получить из зверинца одного кабана и одного оленя и то "только

для гоньбы, а как оные гонять перестанут, то оных кабана и оленя возвратить".

"Звериная охота помещалась, как и псовая, в селе Измайлове. Охотою заведовал смотритель, в звании форштмейстера. В 1740–1741 годах должность эту занимал иноземец Мильхерт... Форштмейстер Мильхерт помещался в палатах Измайловского дворца. На каком основании Мильхерт жил во дворце, из документов не видно. Нижеприводимое сведение дает повод думать, что он поместился здесь произвольно. 21 апреля 1741 года Главная дворцовая канцелярия писала Мильхерту: "сего апреля 13 дня 1741 года в доношении села Измайлова управителя, майора Сергея Лаврова, показано: в том селе Измайлове в дворце жительство имеешь ты и с командою своею, и от топления тех квартир имеется не без опасности, дабы, паче чаяния, не учинилось бы от огненного случая какого повреждения; да в оном же дворце содержишь ты медведей, которых наперед сего не бывало, а имелись оные медведи для кормли по домам у живодеров, от которых медведей имеется не без опасности ж, понеже в оном дворце имеются казенные павы и павлины, и лебеди, и приспевает время оных птиц к выпуску, и дабы от оных медведей оным птицам не учинилось же бы какого повреждения. Того ради, по резолюции Главной Дворцовой Канцелярии, велено тебе в оную Канцелярию ответствовать, чего ради и по какому указу ты в упомянутом Измайловском Его Императорского Величества дворце жительство, мимо псаренного двора, имеешь и содержишь медведей, чего наперед сего не бывало, и буде о том от кого имеешь указ и с оного сообщить при том ответе в Главную Дворцовую Канцелярию (копию)". "Что отвечал на это Мильхерт – неизвестно".

"...Зверовщики в 1740 году жили на Зверовом дворе в двух избах, а в следующем году в Измайловском дворце, вместе с форштмейстером Мильхертом. В помощь зверовщикам наряжались крестьяне села Измайлова и приписных к нему селений. Так, 8 декабря 1740 года Главная дворцовая канцелярия определила нарядить для этой цели семь крестьян с двумя лошадьми. Для охранения зверинцев, караула и объездов состояло пять солдат ведомства Дворцовой канцелярии. В 1741 году форштмейстер Мильхерт просил Главную дворцовую канцелярию о прибавке еще шести караульных, но в этом было отказано, "понеже в прибавок определить некого, да и по штату тех солдат не положено". Работы по звериной охоте, постройка и исправление зданий, доставка корма зверям, косьба и уборка сена, вязание осиновых веников для зверей и другие производились крестьянами дворцовых сел, по наряду Главной дворцовой канцелярии. Крестьяне высылались, смотря по надобности, пешие или конные, иногда значительными партиями в 50–90 человек".

"По поводу побега высланных на работы из Измайлово крестьян отдаленного села Подмоклова Главная дворцовая канцелярия в ноябре 1740 года постановила не высылать для этих работ крестьян отдаленных дворцовых селений".

436 21 июня 1750 года в Московскую обер-егермейстерскую контору явился сырейщик Лука Петров и объявил, что минувшего апреля 24 дня подано было в Контору от него да от сырейщика же Ивана Елизарова челобитье "о приезде в ночное время в дома их незнаемо какими людьми и о битии их". В Конторе "бои и раны осматриваны, о чем у него и в Полицеймейстерской Канцелярии явочное челобитье

записано". Между тем 19 июня "незнаемо ж какие люди, в небытность его в доме, приехав в дом его многолюдством, падчерицу его Устинью Иванову дочь били по щекам и увечили, и, вынимав палаши, сии говорили, что де мы тебе отрубим голову: сказывай, где отец твой пожитки в доме имеет. Постав изломали и посуду всю истребили и, быв в доме его, уехали". Опасаясь повторения подобного наезда, Петров просил заступничества. Обер-егермейстерская контора, приняв во внимание, что "оной сырейщик определен по силе указа Правительствующего Сената для поставки копсовой Ее Императорского Величества охоте шквар и мясищ", отдала следующее приказание: "имеющимся в ведомстве Обер-Егермейстерской Конторы драгунам, которые имеются в разъезде около Москвы для поимки в запретительных местах презрителей в ловлении зверей и в стрелянии птиц, приказать, как оные будут в разъезде ж около Москвы показанных презрителей, то бы оные, как в путь из Москвы, так и возвратно ехать будут, в дом оных сырейщиков заезжали, дабы бы внезапно в доме их не наехали каких к ним приезжих подозрительных людей, и ежели какие явятся, то бы оных, поймав, привели в Обер-Егермейстерскую Контору". Результаты этого распоряжения сказались весьма скоро. В сентябре того же года "отправленные для разъезду у поимки около Москвы в ловлении зверей и в стрелянии птиц презрителей" драгуны "Московского шквадрона", возвращаясь после разъезда по Серпуховской дороге в Москву, "не доезжая Серпуховских ворот, поверстались против двора сырейщика Луки Петрова сына Новикова, который жительство имеет за оными Серпуховскими вороты, вне Москвы, услышали во дворе его, Новикова, великий крик и шум и на тот крик въехали во двор

помянутого Новикова; и бывшие в том дворе его, которые чинили тот крик и шум, неизвестные люди от них разбежались, из которых двух человек поймав", нашли у них ворованную лошадь, которую и объявили, вместе с пойманными в Обер-егермейстерской конторе. Последняя передала грабителей Московской губернской канцелярии для производства следствия и учинения по указам. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

На драгунах Московского "шквадрона" лежала также обязанность объезжать и караулить Измайловский зверинец. В один из таких объездов, 23 апреля 1750 года, в зверинце они "наехали лошадь без узды и седла, мерина бурого, грива налево, половина гривы выстрижена, правое ухо порото, обе задние ноги по щетку белые, на холке подпарина, левою переднею ногою хромает, а чья она — не знают". Лошадь эта была препровождена в московскую полицию. (Там же, оп. 52, д. No 1758).

437 В 1752 году в Измайловском зверинце произошло две кражи. 29 июня этого года капрал Московского драгунского шквадрона Владимир Алексеев, состоявший с командою своею в распоряжении форштмейстера Измайловского зверинца, объезжая ночью зверинец, обнаружил на Владимирской дороге, против Перовской рощи, пролом в Новом заячьем зверинце. Воры, учинившие этот пролом путем удаления из ограды четырех жердей, как видно было по следу, направились к Старому заячьему зверинцу, где содержались тогда лисицы, и, дойдя до ограды последнего, вытащили семь кольев, подошли к лисятникам, разломали у оных замки и двери и украли одну черно-седую лисицу, куницу да железное коромысло от весов весом в 3 пуда 16 1/2 фунтов.

Вернулись воры тем же путем, не будучи замечены дневальным зверовщиком Шерацовым, а поиски за ними, предпринятые драгунами, успехом не увенчались.

18 августа того же года дневальный зверовщик Измайловского зверинца Иван Никитин, объезжая на лошади внутри Заячьего зверинца "для осмотру скважин и пролomu" и проехавши Головинские ворота, наткнулся на трех неизвестных людей, которые тотчас же и погнались за ним с ножами, однако его не настигли. Люди эти оказались ворами, обобравшими шалаш у Перовских ворот; украдены были все железные петли, холстина с дверей и лавок и стеклянные окончины. Никитин тотчас же отправился с докладом к форштмейстеру Гофману, а последний, взяв команду, бросился преследовать похитителей. Воров в зверинце уже не оказалось: подставив к ограде зверинца колья, они перескочили через забор и скрылись. Гофман кинулся по их следам, и ему удалось-таки задержать с поличным двух человек. Люди эти, ограбившие перед тем встретившегося им крестьянина Николо-Угрешского монастыря, оказались: один — дворовым человеком вдовой княгини Алены Алексеевны Долгорукой, неким Бобровым, а другой — беглым фабричным посольского двора фабриканта Ивана Матвеевича Евреинова, неким Кузнеченком. Грабителей доставили в Обер-егермейстерскую контору, которая, подозревая, что те же люди совершили покражу 29 июня, препроводила их в Московский сыскной приказ с просьбою, "чтобы соблаговолено было оными розыскать и о показанной краже лисицы и куницы, и железного коромысла, притом накрепко спрашивать, что оное не ими-ль похищено и, буде ими, то оное где

ныне, или кому продано". (Там же, оп. 52, д. No 1760).

438 (Яковкин. Кратк. летоп. о Царск. Селе. "Отечеств. зап." 1827 г., ч. 30, стр. 14 и 45).

(Стромилов. Чтения при Моск. унив. 1874 г., кн. I, стр. 17).

439 В 1761 году во главе псовой охоты Александровской слободы стоял пикер, то есть доезжачий (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 62, д. No 2 – 1) и в ней числилось 22 английских и 75 русских гончих собак, почти исключительно молодых или щенят (тот же арх., оп. 66, д. No 4), что заставляет предполагать, что в это время охота Александровской слободы содержалась единственно для выкормки гончих щенят и для наганивания молодых собак той же породы.

То же обстоятельство подтверждают и данные следующего 1762 года, когда собак, однако же, было в Александровской слободе значительно больше, а именно 161 русских и 46 английских щенят и молодых собак гончей породы. В то же время и при той же охоте числилось 11 охотничьих лошадей. (Тот же арх., оп. 66, д. No 36).

В 1766 году, кроме английских и русских собак, в Александровской слободе содержались еще и французские собаки. На лечение иностранных собак в феврале этого года требовалось к отпуску: 6 фунтов скипидару, 5 фунтов (?) водки простой, 10 фунтов "шпиковального ветчинного старого сала", 1/4 фунта лаврового масла, 1/4 фунта квасцов, 1/4 фунта купоросу, 5 фунтов "мыла маслинного", "уксусу четыре галянок" и 10 золотников ртути. (Тот же арх., оп. 70, д. No 42).

В 1770 году в Александровской слободе собак содержалось, по-видимому, меньше. По крайней мере в

это время для выкормки гончих щенят предназначались только две удойные коровы. (Тот же арх., оп. 74, д. No 13).

В Александровской слободе и в позднейшие года царствования императрицы Екатерины II содержались гончие собаки, но интересных касающихся этого вопроса сведений мы не нашли.

440 Сборн. арх. бум. о П. В., ч. II, стр. 183. (Дневник Берхгольца ч. II, стр 45). (Соловьев, т. XVII, стр. 187). Преображенский потешный двор со всеми его учреждениями охотничьего характера был упразднен, вероятно, вскоре по смерти императора Петра Великого. 29 апреля 1732 года форштмейстер Измайловского зверинца Финк доносил обер-гофмейстеру графу С. А. Салтыкову следующее: "Имелся в Преображенском близ двора Ее Императорского Величества прежде бывший зверинец, в котором имеется сосновый и березовый лес, а по указу Ее Императорского Величества велено мне, нижайшему, смотреть в близости Москвы заповедные рощи, чтоб никто в тех рощах никакого лесу не рубил, о чем и указами Ее Императорского Величества опубликовано, в котором ныне по осмотру явилось порублено лесу немалое число. Того ради Вашему Превосходительству доношу, дабы повелено было послать в означенном прежде бывшем зверинце порубленный лес осмотреть и описать, чтоб мне, нижайшему, не причлось". (Тот же арх., оп. 6, д. No 311).

441 (Сборн. арх. бум. о П. В., ч. II, стр. 184).

442 Расположенное в 12 верстах от Москвы село Царицыно — одна из любимых резиденций императрицы Екатерины II во время ее пребываний в

Москве — называлось раньше селом Черная Грязь и под этим именем сначала было конфисковано Петром Великим у князя Голицына, замешанного в деле правительницы Софьи Алексеевны, а затем подарено тем же императором валахскому князю Кантемиру. (Дневник Берхгольца, ч. II, стр. 255).

Впоследствии оно перешло в Дворцовое ведомство и переименовано в царствование Екатерины Великой. По приказанию этой императрицы здесь был построен дворец, разбит обширный сад, где имелся пруд, на островках которого разводили в 1775 году фазанов для увеселения ее величества. (Камер-фур. журнал 1775 года, стр. 526). В это же время в Царицыне имели постоянное местожительство царский егерь Шицлер, егерский ученик и птичник. (Рукоп. сборн. именн. указ., No 66).

443 18 марта 1718 г. Петр Великий послал астраханскому губернатору следующий указ:

"По приложенной при сем росписи птиц разных родов около Астрахани и за Астраханью, а наипаче более гусей, которые ловятся на Эмбе реке и горских журавликов велите ловить повсегодно и привозить в Астрахань; а как их сперва в Астрахани кормить и в какое время и как из Астрахани в Петербург отправлять, то усмотрите из приложенных при сем пунктов, каковы даны уряднику. И для того велите в Астрахани им построить в удобном месте двор против того, как в тех пунктах написано". В помянутой выше росписи были указаны: гуси красные, которые ловятся на Эмбе реке, чапуры (цапли) красные и белые, колпи, каравайки, неклейки, кваки, стерхи, утки красные и пегие, петушки дикие (фазаны?), казарки, журавлики персидские или горские. Птиц баб, лебедей и мартышек ловить и присылать не приказывалось, но

рекомендовалось отыскивать и присылать "и сверх сей росписи иных родов, зайчиков и прочих зверков, каких около Москвы и на Украине нет".

С этим указом был послан в Астрахань гвардии солдат Татаринов, коему была вручена следующая весьма интересная инструкция:

"1) Ехать тебе в Астрахань и, приехав, сделать в Астрахани в удобном месте двор для птиц, которые там, по указу Нашему, по вся годы повелено ловить, и сделать на том дворе для зимы один мшенный большой анбар с печью в нем, для гусей, которые ловятся на Эмбе реке, и других нежных птиц; выкапать по середине прудок, в котором бы они могли плавать, и сделать в том прудке со всех сторон сходни, по которым бы им мочно в воду сходить и выходить, и чтоб в том прудке была через сутки вода спускана и паки свежую наполнена, и в том прудке и около еще усыпано было песком".

"2) А для лета и весны сделать другой пруд, больше того на дворе, дабы они свободно могли на том дворе гулять и в пруде плавать; так и для других птиц сделать покой ж зимние и летние, как которые любят".

"3) А которых птиц ныне там, в Астрахани, застанешь, и из тех отправить нынешнею весною в апреле месяце, нежных по трети, а кои не нежны всех, на легких стругах, чтоб могли поспеть будущею осенью в Петербург; а в будущем году сделай на тех стругах (на которых посылать гусей, кои на Эмбе ловятся), на середине чтоб была вода, как у рыбных стругов, а в корме и к носу, и по сторонам было б намощено, куда бы можно было им из воды выходить для отдыху, и також насыпать песком; также для ненастья в корме и в носу сделать покои; а которые не нежные птицы, тех посылать и впредь на обыкновенных легких стружках".

"4) После отпуска сей весны, которые птицы по указу будут ловиться и в Астрахань привозить(ся), то их исподоволь через осень и зиму приучать кормить их рыбою и мясом, искроша и смешав с крупами гречневыми или овсяными (для того, что от одной рыбы может быть великая вонь), а потом, по малу, от времени до времени, и к однем крупам или иному хлебному их приучать, и потом из оных приученных, которые обживутся и привыкнут к хлебному или, по нужде, хотя и смешанному, через зиму на весну посылать всех, кой час лед вскроется, в Петербург; а из новых, которых привезут в Астрахань, на их места оставлять и таким же образом, через осень и зиму, их от рыбы отучать; и так, год за годом, повсягодно, отпускать годовалых, а новых на их места ловить, и для того приставить к ним из Астраханцев знающих, которые умеют за ними ходить".

"5) А зайчиков и прочих зверьков, какие там сыщутся, держать особо и кормить, чтоб они наперед привыкли там, а потом також через год их присылать в Петербург; а нынешние, которые там есть, прислать половину вместе с птицами".

"6) А что к тому делу надобно лесу, также и для работы плотников и работников, также и для отправления их сюда, и кормщики с гребцами, и кому птиц кормить и за ними ходить, то все требовать от Астраханского Губернатора или Комендантов". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3185).

В том же 1718 году встречаются и другие распоряжения государя Петра Великого касательно привоза ко двору различных птиц и зверей. Так, Петр Великий предписывал "бригадиру Измайлову о ежегодном собирании и присылке в Петербург разных родов птиц и зверков"; "Резиденту Голландскому

господину Бранту о высылке разных для ботанического саду трав и произрастений и для зверинца разных же птиц"; "к Персидскому Консулу Аврамову о подобной же вышеписанной присылке птиц; а вследствие чего отправил при собственноручном указе в Астрахань каптенармуса полка своего Саву Гавердовского, в коем повелевает ему, приняв тех птиц, сделать для них там двор и пр." (очевидно, речь идет о том же выше нами приведенном именном указе гвардии солдату Алексею Татаринову; кто действительно был отправлен в Астрахань: Татаринов ли, или Гавердовский – решить трудно); "Гетману Скоропадскому о присылке же из Украины для того же зверинца (какого?) диких коз и других зверков и птиц, приложа оным реестр своей же руки". (Голиков, Деяния П. В., т. VII, стр. 342 и 343).

В 1719 году было приказано доставить в С.-Петербург зверей и птиц из села Павловского (не бывшей ли вотчины боярина Морозова в Московской губернии, где так часто бывал царь Алексей Михайлович во время своих охотничьих походов). (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен., No 1883). Для этого был послан курьером некий Мельгунов, которому сообщалось о последовавшем высочайшем повелении "во Твери, на Вышнем Волочку и в Новгороде птицам и зверям, где оные зимовать будут, надлежащий корм давать и зимовые теплые избы или анбары, что надлежит, отвести, не мешкая ни мало, и о том в оные провинции к воеводам послать Его, Великого Государя, указ с прочетом". (Там же, кн. Сен., No 1884).

444 Во исполнение указа 18 марта 1718 года астраханским губернатором было отправлено в С.-Петербург 12 апреля 1721 года с прапорщиком Дмитрием Полозовым 471 штука разных птиц, для отправки которых было изготовлено 5 стругов. (Общ.

Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

В начале 1753 года из Астраханской губернской канцелярии было представлено в Правительствующий Сенат, "что на строение и содержание в Астрахани птичьего двора и на приуготовление для лову птиц судов и прочего надлежит (по ранее состоявшимся сенатским постановлениям) из оставших Астраханской губернии за штатом доходов". Между тем "ныне, в доношении из Новой Камер-Коллегии, написано: во оную де Коллегию из Астраханской Губернской Канцелярии доношением объявляют, чтобы определить на показанное строение и содержание птичьего двора сумму". По этому Камер-коллегия доносила Правительствующему Сенату, "что она Коллегия по регламенту II-го пункта на вышеписанные расходы определения чинить не повинна, а должна ж Штатс-Контора. А по мнению Камер-Коллегии на те расходы деньги надлежит употреблять из дворцовых доходов, понеже оные доходы имеются в ведомстве Дворцовой Канцелярии особою суммою".

Однако Правительствующий Сенат не пожелал разбираться в этом вопросе и постановил "о строении и о содержании в Астрахани птичьего двора деньгах из оставших Астраханской губернии за штатом доходов сообщить в С.-Петербург в Правительствующий Сенат вторичное ведение и требовать о том общего согласия". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен., 4 – 1068).

445) В декабре же 1736 года Канцелярия от строения дворцов и садов представила Правительствующему Сенату, что по именному Ее Императорского Величества указу, объявленному генерал-адъютантом Андреем Ивановичем Ушаковым, велено послать сенатский указ в Астрахань, "чтобы привозили птиц, также и всяких родов зверей по-прежнему, так как и

при жизни" императора Петра Великого "приваживаны были" и так как хотя и в 1734, 1735 и 1736 годах "имелся привоз", – "токмо ныне при дворе Ее Императорского Величества тех видов птиц имеется малое число". Канцелярия просила указать Астраханской губернии прислать разных птиц от 550 до 650 экземпляров; "також ежели в той губернии и сверх тех птиц, которых напред сего в присылках не бывало, могут найтись друтих родов птицы, коих здесь при С.-Петербурге не имеется, то потому ж бы сыскивать до ста птиц ловлею..." "А ежели ж толикого числа наловить и купить будет за скоростию невозможно, то сколько возможность допустит, и по самом вскрытии воды с надлежащими покои, кормами и присмотром отправлены б были и в пути бы шли со всяким поспешением и легкостью, не имея на тех судах, кроме птиц и корму их, под видом того отправления, ни малого числа протчей ни своей, ни сторонней клади, дабы те птицы в С.-Петербург привезены были в июле или, конечно, августа в первых числах, чтоб оным птицам, от позднего привозу, как имеющимся в пути, так и по привозе в С.-Петербург траты не было, как на напредь сего объявлялось против отправлений из Астрахани в привозах сюда самое малое число, а за тем отправлением в вышеписанное число, чего рано к весне не сыскано и сюда не отправлено будет, заготовлено бы было настоящим летом заблаговременно, хотя и со излишеством, к раннему ж отправлению в будущем 1758 году, которые птицы, по заготовлении могут в Астрахани, через предбудущую осень и зиму, до отправления сюда, к корму, к птичникам и к покоям приобыкнуть и придти в состояние и крепость, и до того отправления содержанны б были под присмотром и кормом в той губернии. Також бы в Казанскую,

Нижегородскую, в Новгородскую губернии повелено ж было послать указы, дабы для наискорейшего отправления в пути, отправленным из Астраханской губернии с теми птицами чинено было надлежащее впоможение, а для наилучшего содержания тех птиц во время ловления, в бытность в Астрахани и по отправлении будущим вешним временем в пути, також и кормами, – из Канцелярии от строений посылаются баталиона от строений подпрапорщик Язвцов да птичник Черников". (Там же).

По получении, соответственно изложенному, сенатского указа Астраханская губернская канцелярия доносила, между прочим, весною 1737 года Правительствующему Сенату, что "как из городов, так и из Кизляра по тем указам означенных птиц еще ничего не прислано, понеже оные ловлением заготавливаются середь лета и ежели из городов присылки ожидать, то в нынешнем лете отпуску до С.-Петербурга время упущено будет. И тако, что в Астрахани прошлогоднего лову было приготовлено, оное с присланным сержантом Родионом Язвцовым и птичником Черниковым на одном судне, которое обделано для их покою для его, Черникова, требованию и показанию, по вскрытии здесь воды, чтоб могли в С.-Петербург прибыть по силе означенного указа заблаговременно, отправлены сего апреля 8 дня до Нижнего Новгорода, а из Нижнего Новгорода велено оные птицы, по силе имеющихся в той Нижегородской губернии указов, отправить до С.-Петербурга, о чем с ними во оную Нижегородскую губернскую Канцелярию послана промемория. Також, по прежним примерам, по городам господам губернаторам, воеводам и комендантам, дан им с прочетом указ, чтобы по силе прежних и нынешнего указов, город до

города и место до места, ежели от штурма судно повредится и вести будет птиц невозможно, дать судно и лоцмана знающего и, где есть опасность, конвой и на наличных птиц корм, и во всем довольствовать требованиям их. А ежели где, до прибытия их, приготовлены птицы, оных, как прибудут к которому городу, потому ж отдать им, сержанту и птичнику, с расписками. Сколько каких родов птиц с ними отсюда отправлено, при сем приложен реестр. А чтоже показанный сержант Язвецов и птичник Черников, по прибытии в Астрахань февраля 26 числа, требовали доношением наловить в Персии, в Дербенте, кекликов и турачей до ста, а понеже, по известию от обретающегося при Персидском дворе Российского резидента Ивана Колушкина, во оных местах якобы явилась опасная болезнь, и за тем в Дербент и другие места для привозу, по показанию их, птиц отсюда было неотправлено. Однакож в Кизляр к коменданту предложено, чтоб он, когда благополучно будет, в том старание имел". (Там же).

446 В мае 1741 года из Тамбовской губернской канцелярии были присланы в С.-Петербург к Высочайшему двору "ловленные в Сибири дикие звери: два барана, один марал, два оленя, две лошади", а в сентябре из Астрахани прислали двух сурков. (Быт Росс. госуд. 1740–174 гг., ч. I, стр. 322).

447 18 ноября 1736 года обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский доносил Императорскому Кабинету, что государыня "соизволила повелеть окола Екатерин-Гофа и Питер-Гофа завести и куропаток и для того, чтоб нынешнею зимою привести сюда живых куропаток из Малороссии и из других мест несколько сот пар и впредь оных по вся годы привозить пар по

двести; а зайцов чтоб привезть нынешнею ж зимою до 500 и впредь по вся годы привозить ста по два". Волинский просил Императорский Кабинет послать в надлежащие места соответственные указы. (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 9 – 1086).

В 1786 году генерал Ермолов прспроводил по высочайшему повелению обер-егермейстеру князю Голицыну в январе месяце 20 пар куропаток для того, чтобы таковые были выпущены на волю в Царском Селе. (Рукоп. сборн. им. ук., No 122).

448 Куропаток повелевалось отправлять в С.-Петербург "с знающими людьми, чтоб доведены были все живые, и тем охотникам за те куропатки платить из казны, за каждую по рассмотрению, и на ту дачу и на отправление их деньги держать из доходов тех губерний и провинций, принадлежащих до Штатс-Конторы".

От того же 1762 года сохранились документы, свидетельствующие, что в это время в Симбирск и Пензу командировались кречетники Императорской птичьей охоты для закупки для Высочайшего стола куропаток. Птицы эти доставлялись в С.-Петербург живыми. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. No 17). Для высочайших же охот в то время выписывались русаки из городов Юрьева, Шуи, Верси и Бобровска, при чем для ловли этого зверя в тамошних местах из Москвы посылались тенета с кречетниками, охотниками и выжлятниками Царской охоты. (Тот же арх., оп. 66, д. No 36).

К тому же времени относятся первые указания на разведение в местах, где производились охоты особ Императорского дома, тетеревов. Птицы эти доставлялись в Москву из Переяславля Залесского и Ростова. (Там же).

Говоря о разведении дичи в окрестностях столиц, о привозе таковой к Высочайшему двору, считаем не лишним привести выписку из известного сочинения императрицы Екатерины Великой "Антидот", касающуюся вопроса о распространенности в России дичи.

"Лучшие куропатки, — пишет императрица, — находятся в окрестностях Симбирска, областного города Казанского царства; они питаются исключительно дикими вишнями, коими изобилует этот округ. Архангельские рябчики самые крупные и самые нежные. Весьма ценятся перепела Воронежской губернии; они очень жирны. Ярославские и Костромские голуби доставляют любителям особое удовольствие способом, которым они кружатся в воздухе, — удовольствие, не всем понятное; у нас есть люди, издерживающие большие деньги на эту забаву и дорожащие своими голубями столько же, как охотники своими собаками, соколами и тому подобное". ("XVIII век", т. IV, стр. 419).

449 21 мая того же 1737 года обер-егермейстер Волынский доносил Императорскому Кабинету, что императрица приказала публиковать в С.-Петербурге: "Кто из обывателей ловить будет птиц соловьев, оных, по поимке, партикулярным людям отнюдь не продавали бы; и о том накрепчайше запретить птичным ловцам и охотных рядов лавочникам". Соловьев предписывалось приносить к Императорскому двору, где за этих птиц должны были выдаваться деньги. Кроме того, было сделано распоряжение о привозе из Москвы до 50, из Новгородской и Псковской губернии до 50 же соловьев "за добрым призрением, и впредь из тех мест по тому ж числу вповсягодно привозить и объявлять при дворе же

Ее Императорского Величества". Об этом были посланы в надлежащие места указы, на которые прежде всего откликнулся московский Охотный ряд, прислав со своим выборным, "купеческим III гильдии человеком" Семеновым, партию соловьев, закупленных по 5 копеек за штуку (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 9 – 1086).

450 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7561.

18 июня 1740 года последовал сенатский указ о неприсылке на будущее время к Высочайшему двору соловьев и о нечинении партикулярным людям препятствий ни в ловле этих птиц, ни в вольной их продаже. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8138).

451 "С.-Петербур. вед." 1737 года, No 40.

452 В 1758 году последовало, так сказать, принципиальное решение императрицы Елисаветы Петровны – в придворных охотах "некоторых иностранных зверей умножить". (Рукоп. сборн. им. указ.).

15) 26 июля 1760 года граф Головкин писал из Гаги вице-канцлеру графу Михаилу Ларионовичу Воронцову:

"В последнем моем письме имел я честь вашему сиятельству донести, что о приискании серого попугая и параклиток дал я комиссию купцу Говию, с прошением, чтоб он прилежно старание свое о том прилагал. И он потому одну параклитку купил и ко мне ныне прислал с тем человеком, которого я туда такожде для приискания нарочно присылал, понеже он к птицам охотник. А при том пишет он, Говий, что хотя много серых попугаев в Амстердаме находится, только же оные ему не весьма хороши показались. Того ради он предложил мне, чтоб в газеты ввести о желании тех

птиц, не именуя для кого, но только бы адресовались с оными к одному в Амстердаме купцу. На что я к нему отвечал, что может то учинить. Сверх же того писал я о том и в Зеландию, понеже попугаев и иных иностранных птиц много в привозе тамо бывает; такожде и в здешние знатные города, как в Лейден и Роттердам, посылал я того ж человека, который пред несколькими годами счастье имел отвезти для Ее Императорского Величества параклиток и канареек, понеже он к птицам охотник и знает за ними ходить.

"Того ради намерен я его и в Санктпетербург со птицами отправить, в рассуждение, что шиперы (sic) и матросы не весьма к тому способны; сверх же того надобно оным такожде особливо платить за корм и за наблюдение; и тако немного лишнего на то его отправление изойдет. Оный человек сказывал мне, что Ее Императорское Величество жалует как иностранных птиц, так и маленьких мартышек; и для того я писал к нему, Говию, чтобы он постарался и о маленьких мартышках, такожде и о Китайских фазанах, которые весьма хороши, одни как позолоченные, а другие как посеребренные. И он, Говий, на то пишет ко мне, что он ездил к одному знатному человеку и старался оных получить; только же оный никак на то не склонился, ниже за 1.000 гульденов, как он о том обстоятельно в письме своем описует, которое для лучшего известия при сем прилагаю (письма этого нет). Не ведаю, есть-ли у нас такие Китайские фазаны. Ежели угодно такие фазаны иметь, то надеюсь оные в Англии получить, понеже сказывают, что у многих персон такие фазаны тамо находятся. И на сие буду впредь всемилостивейшего повеления ожидать. А впрочем как скоро хорошего серого попугая и параклиток достану, то немедленно с оным человеком отправлю. Он привез

ко мне из Амстердама одну небольшую мартышку, которая весьма ручна, и ежели лучше не найду, то и ту мартышку такожде с ним отправлю. Пред некоторым временем отправил я не малое число раковин для гроты в Царском селе; надеюсь, что оные сохранно довезены".

В ответ на другое письмо граф Воронцов писал графу Головкину из Петергофа 18 июля – 29 августа того же года:

"Сиятельнейший граф, милостивой государь мой, Александр Гаврилович.

"Письмо Вашего Сиятельства от 29 июля (9 августа) получил я чрез отправленного от Вас нарочного из Голландии Иоганна Геца с птицами, которые Ее Императорскому Величеству того же числа поднесены. Ее Величеству серые попугаи и мартышка весьма понравилась, токмо параклитки не гораздо показались; что же касается до обратного в Голландию отправления онного Геца, то я с моей стороны старание приложу, чтобы он здесь долго не замешкался и ему награждение учинено было. Пребываю с особливым почтением". (Арх. кн. Воронцова, т. III, стр. 671 и 672).

453 В указе Правительствующего Сената от 28 июля 1732 года значится: "По доношениям из Воронежской губернии, в которых объявлено: в 730 году, августа 29 дня, в письме Генерала и Кавалера и Обер-Гофмейстера Семена Андреевича Салтыкова написано, что Ее Императорское Величество указала, в Воронежской губернии, ловить диких зверей, лосей, оленей, кабанов и коз диких и других тому подобных, и что поймано будет, усмотря по времени, присылать в Москву ко двору Ее Императорского Величества; и по тому предложению, для ловли оных диких зверей, определены в команду Павловского полка Капитану Тяпкину прежние звериные охотники, Битюцкого и

Павловского уезду жителей 77 человек; написано: что со определения де их к той ловле имеются они и поныне беспеременно, от которой ловли многие лошади у них померли и многие обезлошадели, а с них де требуют подушный оклад и содержатся жены их под караулом, а им оною за тем весьма платить нечем и за то их бытие какую заплату им производить, и впредь им у той ловли быть-ли, и с какою заплатою, о том Воронежская Губернская Канцелярия требует указу. А по мнению оной Воронежской Губернской Канцелярии без тех охотников у ловли зверей быть невозможно; и для того не повелено-ль будет оных охотников из подушных окладов выключить, а на их места включить из оставших за расположением полков".

"А понеже по состоявшимся указам и по Плакату положенных в подушный оклад, кроме положенных подушных денег, никаких податей, подвод и протчего собирать не велено, разве что за деньги, о чем в Плакате 7, а в Полковничьей инструкции во 2 пунктах объявлено, именно, а в прошлых 727 ноября 10, 729 октября 24, 731 июня 25 и ноября 17 чисел, по приговорам Сената велено Двинских кречетых помытчиков, за улов кречетов и челигов, и на строение и починку судов, и на покупку всяких снастей и провианта, и для отвозу в Москву на покупку ж саней и кормов, и на прочие расходы, давать им за кречетов цветных по 6 рублей, за простых по 5 рублей, за челигов за цветных по 4 рубля, за простых 3 рубля, за птицу, из Архангелогородской губернии из неположенных в штат той губернии доходов; того ради, по указу Ее Императорского Величества, Правительствующий Сенат приказали: вышеозначенным звериным ловцам, вместо платежа по силе состоявшихся указов и Плаката, и Полковничьей

инструкции заработных денег, давать за уловных диких зверей деньги, а именно: за олени и за лоси старые по 2 рубля, а за молодые по рублю, за кабанов и за диких коз, за старые по одному ж, а за молодые по 50 копеек, за каждого зверя, а за прочие, приименяясь к оным дачам, из Воронежской губернии из неположенных в штат доходов, а подушные и четырехгривенные деньги платить им по-прежнему". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4 – 1068).

В сентябре того же 1752 года сибирские воеводы Плещеев и Бутурлин доносили императрице Анне Иоанновне, что вследствие полученного ими высочайшего указа, по силе которого должно им "сыскать из зверей маралов, сколько возможно, и прислать в С.-Петербург без замедления" впредь оных от время до времени по тому ж присылать, сколько когда сыщется и изловлено будет", ими посланы в сибирские города посыльщики с указами, чтобы "для лову оных маралов послать в удобные места, где оные звери есть, нарочитых промышленников, которые ходят на промыслы, чтоб оных маралов и прочих зверей, наловя, выслать в Тобольск в самой скорости". К этому воеводы прибавляли, что по присылке сказанных зверей в Тобольск таковые будут пересланы в С.-Петербург без всякого замедления. (Тот же арх., кн. Сен. 9 – 1086).

454 Маралы или большие олени; боболи или дикие быки и коровы с большими хвостами, подобными лошадиным хвостам; лошади дикие большие "и добротою, как сказывают, подобные Кубанским или Черкесским лошадям". Все эти звери водились в степях, где кочевал тогда Контайша. Зверей, по мнению Волынского, можно было получать еще молодых через калмыков Контайши и отправлять в столицы от

заводов Акинфия Демидова, в судах, рекою Иртышем до Тобольска, а затем обыкновенным порядком. (Из донесения А. П. Волынского).

В степях между рек Волги и Дона ниже Царицынской линии и по другую сторону реки Волги, между рек Яика и Эмбы и в башкирских, а также близ реки Днепра, около тех мест, где имеют хутора и занимаются звериною ловлею запорожские казаки, водились в то время дикие лошади, которых били, а малых жеребят ловили донские и запорожские казаки, яицкие казаки, калмыки и башкиры. "Надлежит приказать ловить малых жеребят и выкармливать под кобылами, а годовиков и двугодовиков приучать к сену вместе с дворовыми лошадьми и когда привыкнут, таковых бережно отправлять ко Двору и водить в поводах подле других лошадей". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, No 18).

В июле 1740 года командующий Императорскими охотами полковник фон Трескау приказывал заведующему в то время Московскою охотою поручику Вердеревскому "о ловле около Москвы живых лисиц и о присылке их в С.-Петербург скорее". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 322).

Около того же времени охтенскому плотнику Артемьеву приказано было выдать два рубля за доставленную им ко двору Ее Величества живую куницу. (Там же, стр. 32,).

В ноябре 1750 года сокольник Василий Петров доносил Обер-егермейстерской конторе, что "наступило де ныне время по осокам для принятия волков; того ради потребно: для принятия оных из Измайловской волости кричан шестидесят человек".

По этому представлению Обер-егермейстерская контора потребовала от Главной дворцовой

канцелярии, чтобы она "благоволила для принятия объявленных волков, когда будут охотники в езде и в Измайловской волости, кричан до шестидесяти человек нарядить без продолжения". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

455 В начале 20-х годов XVIII столетия император Петр Великий отправил в Сибирь доктора Мессершмидта "для изыскания всяких раритетов, вещей, зверей, трав, руд и проч.". Этот ученый немец вывез в С.-Петербург, между прочим, "удивительного зверя": мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги. (Костомаров, т. II, стр. 743).

Указами от 5 января и 6 марта того же 1757 года Правительствующий Сенат предписывал "в Сибирской губернии и Иркутской провинции, и в городе Якуцку, в зверинцы Ее Величества, как в С.-Петербургские, так и в Москву и на зверовые дворы ловить зверей, которые в тамошних местах ловятся, а именно: маралов, оленей, боболей или диких быков, бобров, ирбизей, барсов, рассомах, волков белых и черных, и желтых, лисиц черных". (Письмо Забелина).

В январе 1752 года ко Двору ее императорского величества был прислан верблюд "от соседственного Сибири Зенгорского Калмыцкого владельца". Верблюда этого приказано было кормить маслом, мукою и сеном. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1760).

456 В 1758 году, в ноябре Сибирская губернская канцелярия вошла в Правительствующий Сенат с пространном донесением относительно организации хозяйственной части или, лучше сказать, части денежной дела привода из Сибири в Москву различных зверей, докладывая, между прочим, что

"имеющиеся ныне в Тобольску, под охранением, присланные из Березова два зверя оленя посланы из Тобольска с казаками, тремя человеками" и что "оных зверей оленей велено тем посланным казакам от Тобольска до Москвы вести пеших в руках, а как оным казакам в пути оных зверей беречь и поступать, о том дана из Сибирской Губернской Канцелярии пристойная инструкция". (Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 7 – 1071).

457 16 декабря 1736 года тот же обер-егермейстер Волынский доносил Правительствующему Сенату, "что потребно в зверинцы Ее Императорского Величества, как в С.-Петербургские, так и в Московские, звери, а именно: лоси, маралы, зубры, олени, штейнбоки, боболи или дикие быки, козы дикие, сайгаки, селтени, кабаны, которых зверей надлежит ловить молодых и, вскормя, когда оные перегадуют, тогда присылать. А на зверовые дворы потребны: бобры, ирбиси, барсы; расомахи, кошки дикие, волки белые и черные, и желтые, лисицы черные. А где какие звери в России есть, о том при том доношении приложил известие и требует, чтобы повелено было о ловлении оных и об отправлении ко двору Ее Императорского Величества, где какие звери есть, послать из Правительствующего Сената указы".

По рассмотрении этого доношения Правительствующий Сенат приказал: "В губернии, провинции и прочие места о ловлении в зверинцы Ее Императорского Величества как С.-Петербургские, так и в Москву, по приложенному при том известию в те места послать Ее Императорского Величества указы, и сколько где таких зверей наловлено будет, тех из тех мест отправлять с нарочными и знающими людьми, чтоб дорогою не помирали, а на то отправление и на

кормы деньги держать из неположенных в штат доходов, а сколько в которой губернии и провинции издержано будет, о том присылать ведомости в Штатс-Контору". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7124).

По приложенному к докладу "известию" полагалось ловить:

1) В Сибирской губернии, в Иркутской и Якутской провинциях – маралов, оленей, бобров, ирбисов, барсов, росомых, волков белых, черных и желтых, лисиц черных, боболей или диких быков. 2) В Астраханской губернии и близ Гребенских казачьих городков – оленей, диких коз, "сентеней", кабанов (особливо около Царицына довольно), штейнбоков, кошек диких, сайгаков.

3) В Воронежской губернии и около Донских казачьих городков – зубров, оленей, коз диких, кабанов и сайгаков.

4) В Казанской и С.-Петербургской губерниях – лосей.

5) В Симбирской и Пензенской провинциях – лосей, коз диких, кабанов.

6) В Малороссии – коз диких, сайгаков, кабанов. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 18).

458 15 мая того 1738 года обер-егермейстер Волынский докладывал императрице:

"В Государстве Вашего Императорского Величества обретаются звери и птицы разных родов, а некоторые есть в Персии, потребные в зверинцы и менажерии Вашего Императорского Величества; а в России, в которых губерниях и провинциях оные звери и птицы водятся, и каким образом оных удобнее ловить, и как содержать, и в зверинцы и в менажерии присылать, о том всеподданнейше прилагаю реестр. Того ради не соизволите ли Ваше Императорское Величество

всемилоостивейше о ловлении тех зверей и птиц и о присылке в зверинцы и менажерии определить Вашего Императорского Величества указом".

На докладе этом императрица Анна Иоанновна положила резолюцию: "Учинить по сему".

Считаем необходимым привести содержание помянутого выше приложенного к докладу реестра полностью:

По донесению Волынского в Сибирской губернии водились следующие звери:

1) Бобры, или леопарды, барсы, или "тигеры", "еще звери, подобные барсам, только больше оных, именуемые ирбиси". Эти звери жили в Якутской и Иркутской провинциях, а также близ Селенгинска и Китайской границы. Их били в то время иноверцы, подданные русской короны, которым, по мнению обер-егермейстера, надлежало приказать примечать гнезда, где водятся бобры, барсы и ирбиси, старых животных убивать в то время, когда у них будут детеныши, а "щенят" ловить и привозить в ближайшие города. За эту службу Волынский проектировал либо выдавать иноверцам особую денежную плату, либо пойманных ими зверей засчитывать в ясак. По привозе зверей в города их надлежало выкармливать там сырым мясом и приучать, чтоб они смирны были. По приручении зверей их следовало отправлять до Тобольска в особых ларях, а из Тобольска присылать таким же порядком ко двору Ее Величества.

2) "Козычки маленькие, пестрые о пяти копытах на каждой ноге". Козочек, по мнению Волынского, можно было ловить не только молодых, но и старых, приучать их к дворовому корму и, когда привыкнут, присылать в столицы, как и других зверей.

3) Волки белые и черные, лисицы черные,

росомах, соболи белые. Все они водились в Сибирской губернии во многих местах, и их предполагалось ловить также молодых и, продержав в ближайших городах некоторое время, достаточное для того, чтобы они привыкли к корму, присылать в Тобольск, а затем в столицы.

В Астраханской губернии водились олени, подобные немецким, штейнбоки, селтени, сайгаки, кошки дикие, козы дикие, кабаны. Все эти звери водились в Астраханской губернии начиная от Царицынской линии до Астрахани и около Донских казачьих городков, в окрестностях реки Терека, близ Гребенских казачьих городков. Исключение составляли лишь штейнбоки, водившиеся только в Кабарде; но и их можно было доставлять в Кизлярскую крепость через гребенских казаков за определенную цену. Прочих зверей, а в особенности сайгаков и диких кабанов, следовало ловить "малышами" и привозить в Астрахань и Царицын, где они должны были, предварительно отправке ко двору Ее Величества, перегодовать. Самая отправка должна была производиться водою, в судах.

В Воронежской губернии водились:

1) Зубры, или дикие быки, подобные ауроксам, которых надлежало ловить молодыми, специально для того сделанными тенетами.

2) Олени, подобные немецким, козы дикие, сайгаки, кабаны дикие, кошки дикие – породы другой чем астраханские. Всех этих зверей предполагалось ловить, выкармливать на месте и отправлять в столицы в зимнее время в особо устроенных ларях.

В Пензенской и в Симбирской провинциях и в Малороссийских Слободских и прочих полках водились козы дикие, сайгаки и кабаны, которых

предписывалось ловить молодыми и, приучив ко дворовому корму в ближайших городах или слободах, через год отправлять к Высочайшему двору.

В С.-Петербургской, в Новгородской и в Смоленской губерниях, в Псковской провинции и около Гдова предполагалось добывать лосей: "Оных надлежит молодыми телятами ловить тенетями и выкармливать в домах, подпуская под коров или под коз выше, дабы удобнее оных сосать было, и перекормя год или полтора, а потом приуча к дворовому корму, чтобы смирны были, отправлять в зимнее время к ларях ко Двору".

Из птиц, потребных ко двору ее величества, предполагалось приобретать:

В Астраханской губернии фазанов, "тамошним наречением именуемых косными петушками". "Близ Каспийского моря, в камышах, около устья реки Волги и подле реки Терека, около Гребенских казачьих городков приказать ловить живых и приучать к хлебному корму и чтоб смирны были. А потом, когда у рук перезимуют, отправлять в Москву, в Измайловский зверинец и там содержать и разводить".

В Астраханской же губернии, около Астрахани, Черного Яру и Царицына и в Воронежской губернии и около Битюцких дворцовых волостей, на Дону, в Севской и Рязанской провинциях, в Малороссии, в Слободских и прочих полках предполагалось ловить серых куропаток. "Надлежит оных живых ловить по несколько сот пар и, наловя, приучать к хлебному корму и чтоб смирны были; а потом отправлять по вся годы из Астраханской губернии в легких судах водою до С.-Петербурга, а из прочих мест в зимние времена на санях в крошнях или в коробах, рассаживая в крошни или в короб пар по пяти, дабы от тесноты в

провозе не поморены были. А при отправлении надлежит выбирать, чтоб две или три доли было б курочек, а третья или четвертая часть петушков".

В Астраханской же губернии, около Кизлярской крепости и Гребенских казачьих городков следовало приобретать "журавликов малых, именуемых Терскими, с белыми двумя по сторонам головы хохлами, спереди половина шеи и зобы сизые". "Оные у многих бывают в домах в Астрахани, которые содержатся там, как и прочие журавли. Оных присылать из Астрахани по вся годы водою с прочими птицами, гнезд по пяти или по шести".

В Киевской губернии около Переволочни и запорожских казаков приобретать также журавликов, подобных терским и различающихся от них только тем, что у них передняя половина шеи и зобы красноватые. Их ловят у Днепра, "и бывали в Киеве у Губернаторов и у знатных министров".

В Персии полагалось приобретать персидских пестрых, разноцветных, красноносых и красноногих куропаток. "Около городов Дербента и Тарков, где оные покупаются живые за малые цены, копеек по двадцати или по тридцати, покупать в тех местах и вывозить по несколько десятков пар, по вся годы, на купеческих судах, которые отправляются в те места из Астрахани с товарами и назад возвращаются".

В Персии же, в Гиляни приобретать птиц, называемых курочками гилянскими, оперением темно-васильковых, на высоких ногах, с носами и ногами рудо-желтыми, с длинными у ног пальцами. "Оные покупаются живые в Гиляни за такую ж цену, как куропатки, или малым чем больше. Таким же образом покупать по несколько десятков, по вся годы, и на купеческих судах вывозить в Астрахань. А из

Астрахани как оных, так и вышепомянутых куропаток, отправлять водою в клетках или в крошнях в С.-Петербург ко Двору Ее Императорского Величества, рассаживая по одной птице". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 18).

Вследствие приведенного выше доклада обер-егермейстера во все места, где Волынский находил возможным ловить различных зверей, для привоза таковых в зверинцы и зверовые дворы и для размножения дичи в местах Императорских охот были посланы соответственные указы. Указы эти, составленные весьма подробно и, в большей их части, повторяющие доклад обер-егермейстера, полностью приводить мы не будем и заимствуем из них лишь самые интересные места, развивающие меру, преподанную обер-егермейстером.

Олонецкой канцелярии предписывалось сделать распоряжение, чтобы было настреляно лосей, оленей и рябчиков, последних пар до 100, и поймано известное количество рябчиков живыми; чтобы стрелянная дичь, вместе с живыми рябчиками, заключенными в клетки или в коробки, присылалась ко двору в течение всей зимы, недели через две присылка за присылкой; чтобы молодых лосей, числом до 10 или до 15 в год, ловили живых, за что охотникам надлежало выдавать "хотя вдвое против того, по чему они с битых лосей кожи продают, и те деньги действительно им из казны Нашей платить неотменно, дабы тем наипаче к поимке оных зверей придана была охота"; чтобы пойманных лосей прикармливать к хлебу, "а потом, как они к хлебному корму привыкнут и не весьма дики будут, присылать их ко двору Нашему в каждый год и чтоб между ними как самцы, так и самки были, дабы могли плодиться в зверинце Нашем". (1-е Полн. Собр. Зак., ст.

7989).

Из Сибирской губернии предписывалось высылать ежегодно до 20 молодых живых лосей, при условиях и порядках, как и для Олонецкой провинции, а остальных зверей, сколько возможно, платя за живых баранов с кручеными рогами по 10 рублей и больше, за диких лошадей и быков и коров с лошадиными хвостами хотя и до 20 рублей за каждый экземпляр. При этом приказывалось, "каковы ныне в Сибирской Губернской Канцелярии имеются вышеписанного рода бараньи большие рога, оные прислать сюда с нарочным курьером немедленно". (Там же, ст. 7990).

Из Украины предписывалось ежегодно привозить битых кабанов и диких коз и до 100 пар живых серых куропаток, "накрепко подтвердив, чтобы оные везены были в добром призрении, дабы помереть не могли". (Там же, ст. 7991). Из Казанской губернии следовало привозить битых лосей партиями, недели через две одна после другой, а также лосей живых, отправляя последних в летнее время в судах водою. Живых лосей "ловить молодых и, выкармливая тамо, через лето и зиму, выбрав удобное при текучей воде место, где б луг был с довольною травою, и загородить забором или кольем, и при том построить избу или две для зверовщиков и караулу, и к тому в зверовщики определить отставных солдат, человек трех, добрых и прилежных людей, и жалованье им производить против служащих вполы, и что потребно на тех лосей кормов, то отправлять и довольствовать Нашей Казанской Губернской Канцелярии; и когда те молодые лоси перезимуют и привыкнут к корму, весною отправлять до Москвы". (Там же, ст. 7993).

Для зверей, долженствовавших быть присланными из Астраханской губернии, предписывалось сделать на

месте небольшой зверинец на травянистом лугу при текущей воде, "где б не все то место водою понимано, а внутри сделать каждого рода зверям особливые перегородки", с организацией охраны зверей, подобной казанской, но выдавая зверовщикам – отставным солдатам полные денежные и хлебные оклады, как служащим. Когда звери перезимуют, их приказывалось отправлять водою в Измайловский зверинец, причем стараться, чтобы ежегодно присылалось оленей десять, селтеней, сайгаков, диких коз и кабанов по 15 и по 20, штейнбоков и диких кошек по 5 или по 6. Куропаток ловить по несколько сот и отправлять в коробах на легких судах в С.-Петербург "в разные отпуска", да стараться доставать из Персии "тамошних пестрых куропаток красноносых, пар по 50". В указе астраханскому обер-коменданту, между прочим, писалось: "Еще ж известно Нам, что в Кабарде есть дикие быки и идосы, которые по тамошнему называются домбаи, – того ради имеете вы всячески стараться, не жалея на то употребить несколько из казны Нашей денег, чтоб тамошние князья одного рода быков и телок молодых по пять или по десять велели ловить и присылали в Кизлярскую крепость, а там оных несколько времени прикармливать к хлебу, и когда привыкнут, то присылать в Астрахань водою; а из Астрахани отправлять их с прочими зверьми в Москву; и о том же имеете вы от себя писать и к Шахмал Горскому, також и к Эльмурзе Черкасскому, чтоб в ловле и присылке оных бычков и телок старание приложили". (Там же, ст. 7994).

Из Царицына предписывалось привозить битых коз и кабанов, также живых коз, сайгаков, кабанов и по несколько сот куропаток, "которых зверей ловить молодых и там в Царицыне выкармливать через лето и

зиму, выбрав удобное место и загородив забором или кольем, перегорода надвое, кабаньим пороссятам особливо; а к тому признается удобное место выше Царицына при речке Мечетной, при текучей воде, и чтоб при том луг был с довольною травою в горожке в том зверинце; а ежели надобно будет лесу, то и нарочно рощицу насадить; и при том построить избу или две для зверовщиков", определив на эти должности трех человек благонадежных отставных солдат, назначив им жалованье в размере, полагающемся казакам. Перезимовавших зверей отправлять в Москву водою, стараясь ежегодно высылать живых кабанов по 10, диких коз по 20, сайгаков по 10, а для ловли их сделать на казенные деньги потребное количество тенет. Куропаток, не менее 100 пар, отправлять в С.-Петербург осенью. (Там же, ст. 7995).

В Новгород было послано требование наловить у Пскова и Новгорода русаков, штук 100 и более, да зайцев сколько возможно, сделав для этого тенета, крюков по сту, доставить пойманных зайцев и русаков теперь же и доставлять таковых в С.-Петербург и в будущем, для лучшего сбережения, водою, в первых числах сентября, "рассаживая оные в ящики, сбитые из досок, перегорода каждого русака и зайца особливо, а по привозе оных в С.-Петербург объявлять в Канцелярии Егермейстерских дел". (Там же, ст. 7886).

Из Саратова надлежало привозить живых диких коз не менее 20 штук ежегодно и куропаток, а также битых диких коз в порядке, аналогичном с вышеприведенными (Там же, ст. 7996).

В ноябре 1738 года из Иркутской провинции, между прочим, доносилось Правительствующему Сенату, что во исполнение вышеприведенного указа "велено как Русским, так и Брацким и Тунгусским

Зайсанам и Шуленгам приказать накрепко, дабы, изловя, присылали в Иркутск живых (зверей), за добрым присмотром и на довольном корму, и иноземцев велено за то изловление обнадеживать Ее Императорского Величества некоторым жалованьем, дабы они вящую охоту и старание имели; но токмо по тем посланным указам помянутых зверей живых ни откуда в Иркутск в присылке нет. А нерчинский воевода Гаврила Деревнин писал: "Нерчинского де ведомства разных родов ясашные Шуленги объявили доношение, что де они с улусными своими людьми для сыску и ловли показанных зверей живых ездили многократно, только де таких зверей сыскать и изловить живых не могли. А в Нерчинском ведомстве есть лошади степные, называемые чигитаи (джигитаи), которые, по требованию обретающихся в Иркутской провинции профессоров Академии Наук, иманы были живые две, и, за неимением в Иркутской провинции искусных зверовщиков, в пути померли и привезены были в Иркутск мертвыми, которых они живописцами описывали, и Иркутская Канцелярия надеется, что о том от них, куда надлежит, писано и тем лошадям посланы рисунки. Да по требованию их же, профессоров, в Иркутском уезде пойманы были маленькие кабарги, которые, за неимением зверовщиков, померли ж. А в Иркутском ведомстве олени маралы, что здесь называются изюбрами, козочки дикие, которых называют кабаргами о дву, а не о пяти копытах, також и о птиц, о которых хотя в вышеобъявленном Ее Императорского Величества печатном указе и не упомянуто, однакож, оне от прочих отменны, токмо таких людей, ктоб мог зверей пропитать, а птиц помыкать и чтоб не поморить, в Иркутской провинции не имеется, и хотя будут

помянутые звери, также и птицы, пойманы, то, за неимением здесь искусных зверовщиков и помытчиков, ловить и пропитать некому", вследствие чего Иркутская провинциальная канцелярия ходатайствовала о высылке в город Иркутск искусных зверовщика и помытчика, "ибо могут они и из здешних кого тому обучить и ко двору Ее Императорского Величества отправить их они, хотя и с трудностью, за великим от Иркутска до Москвы расстоянием, только надежно, что могут. К тому ж надлежит для препровождения тех зверей и птиц готовить пристойные ящики и прочие покои, смотря по препорции, чтоб они могли быть довезены до Москвы в целости, но хотя и упадок будет, однакож иные могут быть довезены живы, а без того их отправлять не можно". (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 7 – 1071).

20 июля 1739 года кабинет-министры Андрей Остерман и князь Алексей Черкасский сообщили Правительствующему Сенату:

"По резолюции, подписанной Собственною Ее Императорского Величества рукою на докладе Кабинет-Министра и обер-егермейстера Господина Волынского Мая 15-го дня прошлого 1738 года, велено, по приложенному при том докладе реестру, потребных для зверинцев и менажерей разных родов зверей и птиц в губерниях и провинциях, в которых оные обретаются, ловить, також в Персии птиц покупать и в Москву и сюда ко двору Ее Императорского Величества отправлять, как о том в помянутом реестре именно объявлено, о чем уповаемо есть, что из Правительствующего Сената надлежащие указы тогда ж отправлены. Но понеже и по сие время никакого известия нет, сколько где в поимке зверей и птиц есть или нигде по тем указам и поныне никакого

исполнения не учинено, того ради Ее Императорское Величество указало о ловле" присылки помянутых зверей и птиц во все места послать из Правительствующего Сената вновь накрепчайшие подтвердительные указы с нарочными курьерами, дабы по вышеозначенному Ее Императорского Величества Именному указу неотменное исполнение с надлежащим радением чинено было, а для чего по сие время о том не репортовано и в присылке ниоткуда ничего нет, в том взять у Губернаторов, и Воевод и прочих управителей ответы и впредь из всех мест велеть репортовать, сколько где в поимки и в купле будет и о том из Кабинета Ее Императорского Величества Правительствующему Сенату через сие объявляется". (Арх. Правит. Сената, кн. 53 – 1739 г., л. 263).

459 Около того же времени Казанская губернская канцелярия доносила Императорскому Кабинету, "что Казанского уезда по Арской и Зюрейским дорогам и в Синбирском уезде и в городех Синбирской Провинции лосей не имеется", а также что посланные в Казанский уезд "по Нагайской да Алацкой и Галецкой дорогам в Губернской Канцелярии объявили обывательские подписки, в которых показано, что оных лосей в их угодьях не имеется, а из прочих провинций еще не ответствовано". (Арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086).

460 6 сентября 1739 года Псковская провинциальная канцелярия доносила Императорскому Кабинету, что во исполнение полученного ею указа о наловлении у Пскова 100 и более русаков и сколь возможно более зайцев и об отправлении их осенью водою в С.-Петербург, о том "от той Провинциальной Канцелярии чинены при барабанном бое публикации" и посланы указы в разные места провинции. Однако

"по тем публикациям к ловле тех русаков и зайцев во Пскове охотников никого не явилось; точию прежние имеющиеся охотники Псковского уезда, Новоуситовской губы, дворцовых Ее Императорского Величества и других разных вотчин крестьяне, двенадцать человек во Псковской Провинциальной Канцелярии сказкою показали, что де у них для ловли зайцев тенетами сажени по десяти и пятнадцати и по восемнадцати имеются без крюков, которыми они де ловят зайцев в зимнее время около лесов, близ деревень своих, по снеговым порошам, сыскивая тех зайцев по следам; а в летнее де и в осеннее время зайцев они не ловят; а русаков де в тех местах, где они, крестьяне, зайцев ловят, никогда не бывает, и где можно таких русаков сыскать и наловить и тенет, крюков по сту, каким образом надлежит их сделать и теми тенетами зайцов ловить, того де они не знают и таких тенет никогда не видали. А имеющимися у них тенетами ловят зайцев, связывая те тенета, одне с другими, по пяти и больше и загоняют тех зайцев из лесу в тенета людьми, а окромя де того, другим способом ловить тех зайцев не знают". Поэтому Псковская провинциальная канцелярия испрашивала приказания о присылке во Псков потребных тенет и знающего дело человека. (Тот же арх., кн. Сен. 9 – 1086).

461 7 марта 1740 года доносил из Саратова Василий Беклемишев, что во исполнение указа о присылке зверей и битой дичи послан был саратовский дворянин Алексей Попов "с звериными юртовщиками на низ реки Волги, в немалое от Саратова расстояние, даже до реки Чебаевки, и велено осматривать как в лесах, так и в степях весьма прилежно, имеются ли где показанные дикие козы, тамож и куропатки, и можно ль тех коз и куропаток ловить живых, также и из тех диких коз

стрелять. Чего ради к ловле и к усмотрению оных иметь верное и прилежное, и ревностное попечение и старание, обнадеживая тех юртовщиков награждением Ее Императорского Величества милостию". По прошествии определенного времени помянутый Алексей Попов донес, что "обще с звериными юртовщиками в вышепоказанные урочища ездили и не токмо к ловле оных коз и куропаток, но и к усмотрению никакого способа не сыскали, понеже снега весьма глубокие и рыхлые и не токмо на лошадях за оными ездить, но и пешком и на лыжах ходить никак не возможно". При этом доносилось с одной стороны, что с наступлением благоприятного времени для ловли коз и куропаток Саратовская губернская канцелярия не преминет принять все зависящие от нее меры к точному выполнению полученного указа, а с другой стороны, что назначать для ловли и стрельбы дичи чинов имеющейся в городе Саратове солдатской роты или команды казаков, которых в Саратове всего-навсего 65 человек, нет никакой возможности "за скудостью показанного Саратовского гарнизона", почему и испрашивалось указание, каких людей употреблять впредь для сказанной цели. (Там же).

462 Олонецкая воеводская канцелярия 12 февраля 1740 года доносила, что "оных зверей и птиц Олонецкого уезда в погостех и в волостях, кроме Выгорецких раскольнических жилищ, в промысле налично приуготовленных не изыскано, а в Выгорецком раскольническом жилище приискано и к Олонецкой Канцелярии для отправления в С.-Петербург настрелянных рябчиков объявлено один воз, которые сего февраля 5 дня 1740 года в С.-Петербург для объявления ко Двору Ее Императорского Величества из Олонца и отправлены, а впредь о произвождении оным

птицам и зверям, по силе вышеобъявленного Ее Императорского Величества указа, наиприлежнейшего промыслу в погостех и волостех старостам указом Ее Императорского Величества объявлено с подписками". (Там же).

463 Военная коллегия 10 июня 1740 года доносила Правительствующему Сенату, что Терское казачье войско вошло в названную коллегия со следующим представлением:

"В прошлом 1739 году, генваря с 1 июля по 1 число, по силе полученного Ее Императорского Величества указа, изловлено птиц: фазанов самцов 14, самок 11. Да июля с 1 генваря по 1 число сего 1740 года, таких же птиц самцов 45 , самок тож число, итого 115. А прочих зверей и птиц в имеющихся по Тереку местах не имеется, а покупкою достать, за неимением оных, невозможно. А прежде о ловле означенных птиц и зверей от Терского войска не рапортовано за тем, что по поимке оных подаваны рапорты в Кизлярскую Гражданскую Канцелярию и о посылке тех рапортов надежду имели на оную Канцелярию, а впредь оное войско в указанные сроки репортовать будет". (Там же).

464 26 числа того же месяца были разосланы, куда надлежит, указы, дабы ко Двору Ее Императорского Величества были присланы ныне же все закупленные и пойманные звери и птицы и чтобы впредь таковых не ловить и не закупать и ко Двору не присылать. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8150).

По поводу этого указа в Астрахани были возвращены в полки все люди местного гарнизона, которые занимались до того ловлею птиц и зверей, а люди, находившиеся у того же дела, но не числившиеся

в Астраханском гарнизоне, были определены к другим занятиям, причем престарелые были уволены в отставку. С течением времени изготовленные специально для ловли птиц морские суда, оставшиеся без необходимого ремонта и присмотра, совершенно погнили и пришли в окончательную негодность, а строения, в которых содержались пойманные звери и птицы, "за непоправлением в неудобность пришли". Подобное положение дела привело, между прочим, Астраханскую губернскую канцелярию в невозможность привести в исполнение вновь последовавший при императрице Елисавете Петровне, через пять лет, указ о доставке из Астрахани разных птиц. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. No 1).

465 24 мая 1744 года Обер-егермейстерская канцелярия отправила указы в Архангельскую, Киевскую, Воронежскую, Белгородскую, Казанскую, Астраханскую и Сибирскую местные канцелярии, в которых, ссылаясь на необходимость в доставке ко двору Ее Императорского Величества различных зверей согласно воспоследовавшим ранее на этот предмет указам, во-первых, требовала, дабы сказанные указы впредь исполнялись со всею точностью, а во-вторых, приказала немедленно доставить объяснения, на каком основании присылка дичи и зверей прекращена помянутыми Канцеляриями, ибо об отмене тех указов в Обер-егермейстерской канцелярии ничего не известно.

На последнее, несколько странное, требование местные органы отвечали, что доставка ко двору дичи и зверей прекращена ими по силе высочайшего повеления, воспоследовавшего 26 июня 1740 года. (Там же, оп. 64, д. No 17).

466 7 числа того же месяца 1752 года были посланы в Новгородскую и Псковскую губернии указы "о ловлении нынешнею зимою живых зайцев тенетами и об отправлении оных в Царское село, а знающих ту ловлю зайцев охотников велено требовать от Егермейстерской команды".

По этому поводу Обер-егермейстерская канцелярия доносила Императорскому Кабинету, что, во исполнение приведенного указа, "в Собственную Вотчинную Канцелярию надлежит в шесть мест разных управительств командировать 12 человек, ибо де волость от волости в дальнем расстоянии состоит, почему рассудила Обер-Егермейстерская Канцелярия сим представить, не соблаговолит ли Кабинет Ее Императорского Величества Канцелярии определить, дабы б повелено было из оных Канцелярий (то есть из Обер-егермейстерской и Собственной Ее Императорского Величества Вотчинной) за лучшее и за способнее расположить, в оных волостях на каждую волость; по рассмотрению душ да сколько надлежит с каждой волости следственных к тому лову зайцев живых положить, и оных, ловя, и привозить в Царское Село, так, как Ее Императорского Величества тот указ гласит, для того хотя отправленным охотникам и крепчайшие инструкции даны будут, чтоб они смотрели и всячески старались к поимке оных зайцев живых и о прочем, точию сумнительно, как обыкновенно, не могли б оные охотники сообщиться с тамошними управителями и крестьяны из лакомства своего и из взятков со крестьян, и из тех волостей потому будут представлять о не имении зайцев и прочее, чтоб оным не трудиться. А между того, но хотя б оные охотники и желали б к тому старание свое исполнить, да не без помешания оным будет, а на

остаток не без затруднения и командам произойти может, да и крестьянам, которые будут в кричанах и в тенетчиках определены; труд и не порядок крайний и излишний будет. А егда ж Кабинет Ее Императорского Величества соблаговолит рассмотреть оным Канцеляриям, всякому в своем правлении, управителям определить по сколько числом принять зайцев живых и отправить в Царское Село, то признается за лучшую способность, ибо оные крестьяне ловить их могут между собою по расположению и привозку зайцам лучше и бережнее, да и не столько воспоследует оным излишнего труда и убытка".

Из переписки по этому делу приводим, между прочим, следующее курioзное обстоятельство:

В предписаниях, посланных по тому же делу в Главную дворцовую и в Собственную Ее Императорского Величества Вотчинную канцелярии, Императорский Кабинет, между прочим, указывал, что охотников, знающих ловлю зайцев тенетами, названным канцеляриям следует требовать от Егермейстерской команды. Узнав об этом выражении, равносильном ее обходу, Обер-егермейстерская канцелярия, к которой должно было бы обратиться за последним распоряжением, обиделась, но не желая допускать даже мысли в прочих учреждениях, что ее могли бы обойти в деле, непосредственно касающемся ее компетенции, вошла с представлением о крайней для себя обиды, что ее, канцелярию, называют командою. На это Императорский Кабинет сейчас же отнесся в Обер-егермейстерскую канцелярию, что распоряжение о наряде знающих тенетный промысел охотников "благоволит сделать Обер-Егермейстерская Канцелярия", и присовокупил к этому:

"Что же в вышеупомянутых, посланных из

Кабинета в Дворцовую и Собственную Ее Императорского Величества Вотчинную Канцелярии сообщениях написано Егермейстерская команда, и то учинено ошибкою, которая ошибка сим исправляется, в надежде получить прощение в той неумышленной проступке". (Там же, оп. 305, д. No 1).

467 31 января 1762 года "в Собрании Правительствующего Сената Генерал Аншеф, Сенатор и Кавалер, граф Роман Ларионович Воронцов объявил: Его Императорское Величество (Петр III) словесно указать соизволил: из Сибири, Астрахани и Кизляра, какие там есть куриозные птицы, из оных ныне пар по пять каждого рода прислать сюда живых, а ежели толикого числа отыскать не можно, то сколько сыщется, да и впредь по тому ж присылать" ко двору Его Императорского Величества. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11428).

468 В марте 1719 года Петр Великий предписывал московскому губернатору Кириллу Алексеевичу Нарышкину послать в Переяславль Рязанский лейб-гвардии Преображенского полка солдата "для своего Государева нужного дела". Дело это состояло в том, что посланный должен был явиться к переяславльскому ландрату Кривцову и потребовать от него "птицу белую ворону, которая ныне у него в поимке есть". Птица эта, в клетке, послана была на ямской подводе в Преображенский приказ к ближнему стольнику князю Ивану Федоровичу Ромодановскому и помещена в селе Семеновском на потешном дворе. (Сборн. арх. бум. о П. В., т. II, стр. 330).

469 В начале 1725 года сокольник Семеновского потешного двора Кузьма Ширков да сторож того же двора Степан Окутин донесли князю Ивану

Федоровичу Ромодановскому, "о чем, тому следуют пункты":

"1) Сего 725 году, генваря 25-го дня, будучи мы в Новодевичье монастыре, усмотрели: летает птица белая ворона с другими природными вороны и галками".

"2) И о поимке той птицы требуем у Вашего Сиятельства позволения, дабы тое ворону в оном монастыре поимать было невозбранно".

Диковинная птица эта была поймана 29 января и отправлена в село Семеновское на потешный двор, где после подробного осмотра "явилась о дву перьев: глинистых и белых, а именно: голова и под зобом светлоглинчата, спина и хлуп белые, на папорках перья глинятые, по крыльям перья белые с проглинностью, на носу перья самые малые, а у других ворон, и на носу таких перьев нет, нос и ноги темновишневые". (Сборн. арх. бум. о П. В., т. II, стр. 335).

470 9 марта 1738 года императрица Анна Иоанновна по докладу обер-егермейстера Волынского о том, что он видел в Глухове у князя Борятинского белую галку, высочайше повелела: "Бывшую в доме покойного князь Ивана Борятинского белую галку взять ко Двору Ее Императорского Величества и о том чтоб писать детям его, князь Александру и князь Сергею Борятинским". Для привоза белой галки из Глухова в С.-Петербург был послан особый егерь. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 9 – 1086 и Сборн. им. изустн. ук., рукон. Имп. ох.).

Около того же времени обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский писал в Москву графу Семену Андреевичу Салтыкову:

"Видят здесь, в Твери, белую галку, которая так бела, как голубь, о чем мне сказывал здешний воевода".

"Я прилежно прошу приказать Сергею Бутурлину и

Гарасиму Ларионову, чтоб отправили помытчиков с тайниками и с силками для поимки оной. И пожаловать дать им ямские подводы, а о вспоможении к воеводе указ послать".

Тверской воевода Иван Киреевской на присланный ему указ от Салтыкова 17 марта 1738 года отвечал:

"По указу Ее Императорского Величества, присланному сего марта 14 дня ко мне, велено: по представлению Его Превосходительства господина обер-егермейстера Волынского, в поимке, в Твери, белой галки присланным из Москвы помытчикам учинить всякое вспоможение. И по тому Ее Императорского Величества указу для поимки той галки с показанными присланными помытчиками отправлено было солдат: сотских, пятидесятских и десятских немалое число. Токмо той галки в Твери и уезде нигде не сыскали; а для объявления, кто ее увидит, или подлинно об ней сведом будет во Твери и в уезде, в пристойных местах, опубликовано неоднократно, а Тверской провинции в города указы посланы, и что по тому явится до Вашего Высокопревосходительства писано будет впредь неукоснительно". ("Русская старина" 1874 года, No 12, стр. 771).

471 Около того же времени нашему чрезвычайному и полномочному послу графу Александру Гавриловичу Головкину был послан следующий указ:

"Божией поспешествующей милостью, Мы, Елисавет Первая, Императрица и Самодержавица Всероссийская и проч. и проч. и проч. Высоко благоурожденный Нам любезноверный. Здесь уведомленось чрез одного шкипера Голландского, Клас Кемптес именуемого, что есть в Амстердаме у некоего купца в доме (которого имени не знаем) мартышка,

сиречь обезьяна, цветом зеленая и толь малая, что она совсем входит в Инденский орех; и тако желательно есть, чтоб оную, для куриозности ее, бы ко Двору Нашему достать; тако имеете вы, по получении сего, без замедления в Амстердам к Секретарю Ольдекопу отписать и ему комиссию поручить: сию мартышку, осведомлясь там у кого находится, и с тем орехом Индейским, в котором (sic) она входит, купить и сюда отправить, каким образом удобнее будет, чтоб она сбережена и в целости сюда привезена была: Помянутый шкипер, Клас Кемптес, и ныне отсюда морем в Амстердам отъезжает, и может быть, что он для показания дома того купца, у которого сия мартышка находится, к Секретарю Ольдекопу сам явится, то он, Ольдекоп, через того шкипера оную б сторговал и деньги от себя на здешний счет заплатил и об отправлении оной сюда старание приложил; а иного, ежели тот шкипер к нему, Ольдекопу, не явится, и без того может он сам в Амстердам до той мартышки доискаться и, дабы продавец не задорожал в цене, для того чрез третьи руки, якобы для своей партикулярной забавы, а отнюдь не для посылки сюда ко Двору Нашему, сторговал и купил. Пребываем Вам в протчем Императорскою милостью Нашею благосклонны".

"По именному Ее Императорского Величества указу, подписали: граф Алексей Бестужев-Рюмин и граф Михаила Воронцов". Мартышка была куплена и отправлена к Высочайшему двору (не упомянуто, с индейским орехом или нет) с нарочным курьером, гвардии сержантом Валуевым. ("Русская старина" 1871 года, No 11, стр. 587).

[472](#) 14-го января 1724 года был доставлен в Москву ко двору Его Императорского Величества битый лось из Воронежа. Лося этого привезли в село Преображенское,

а там было приказано дичину эту, "разняв на части, устроить добрым строением в уксусе, и смотреть того накрепко, а голову, губы и ноги хранить на льду, чтоб не испортились, при чем быть в смотреии непрестанно". О факте присылки в село Преображенское битого лося приказано было немедленно донести в С.-Петербург по месту нахождения Высочайшего двора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 39, д. No 573).

В ноябре месяце 1730 года были посланы егеря Царской охоты в Малороссию для стреляния в этих местах различных диких зверей и птиц и для привозу набитой ими дичи к Высочайшему двору. Так, по совместному решению нашего глуховского воеводы князя Шаховского и малороссийского гетмана Апостола направлены были царские егеря в полки Гадяцкий, Прилуцкий, Полтавский, Переяславский, Лубенский и Миргородский, причем полковникам этих полков было вменено в обязанность делать посланным "всяческое вспоможение". Однако князь Шаховской писал обер-гофмейстеру, что "хотя оные егари в помянутые полки ныне и отправлены, токмо вне надежды, чтобы могли сыскать диких зверей, лосей, коз и протчего, понеже, как я слышу от здешних обывателей, что прежде сего, когда в помянутых полках не было многого поселения, то такие звери хотя немного и важивались, а ныне оные полки поселением умножились, и оттого и зверя стало мало; и для ловли оных зверей из Малороссии посылаются, компаниями человек по 80 и больше, в Польскую и Турецкую области, как и ныне посланы".

"Того ради не соизволите ль, Ваше Превосходительство, оным егерям быть в Москву, а по весне их паки прислать сюда, которые отправятся в

помянутые области с протчими охотниками". (Тот же арх., оп. 6, д. № 89).

В конце того же 1731 года от неизвестного лица было прислано в Малороссию, кажется к князю Шаховскому, письмо с изложением в нем высочайшего повеления прислать ко двору Ее Императорского Величества "диких зверей, битых лосей, оленей, кабанов и диких коз и протчих зверей".

Получивший письмо уведомлял на это:

"Оное бы со всежелаемостью моею и всеподданнейше Ее Императорскому Величеству мог служить, точию у меня к тому ловлению людей, ко охоте, не имеется. Однакож, до получения сего, минувшего ноября 16 числа, от Полтавского полковника Кочубея, по приказу господина Гетмана и кавалера Апостола, отправлены для звериной ловли, о которых мне объявлено, яко оные звери надлежат в отсылку ко двору Ее Императорского Величества, полку его Переволочайский сотник с шестьюдесят козаками за Днепр, Царичанский и Сокольской сотники за Орел, которым от нас о пропуске и пашпорты даны. Ныне же, по получении Вашего Превосходительства письма, писал я до господина Гетмана и просил, дабы он, сверх оных отправленных, послал бы, кого пристойно, для уловления показанных зверей, и кто имели от него отправлены быть, меня уведомил, почему б мог я приказать их через форпост пропустить, и что по тому моему письму он, господин Гетман, учинит и колико, по посылке, тех зверей поймано и ко двору Ее Императорского Величества отослано будет, о том требовал от него, господина Гетмана, известия, и чтоб те уловные звери отсылкою не умедленны были, о том ему, господину Гетману, напоминал, а по получению того известия и Вашему

Превосходительству во известие псать буду".

"Токмо в здешних местах лосей и оленей, кроме кабанов и диких коз, (не) имеется, и чтоб вышеозначенному господину Гетману для ловли оных лосей и оленей послать в другие способные места, о том ему напоминал же, а для лутшего, о той звериной ловле и к здешнему Полтавскому полковнику Кочубею, чтоб он для скорости надлежащее число казаков еще отправил, от меня писано". (Тот же арх., оп. 6, д. No 245).

2 марта 1741 года из Малороссии, из Глухова, был отправлен к Высочайшему двору Шлиссельбургского пехотного полка поручик Даумбиров с большим транспортом разной битой дичи. (Маркович, II, стр. 131).

12 февраля 1775 года Придворная контора сообщила Обер-егермейстерской канцелярии, что "для Высочайшего Ее Императорского Величества стола потребны один кабан и один олень". Поэтому требовалось, "чтобы соблаговолено было оных кабана и оленя, пристреля, ко Двору Ее Императорского Величества прислать в непродолжительном времени и отдать на первую верхнюю кухню в должности метрдотельской мундкоху Ягану Борману". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 26).

473 Моск. арх. Мин. юстиц., кн. Сен. 4 – 1068.

474 В 1729 году по требованию действительного тайного советника и ордена Святого Апостола Андрея кавалера и гофмейстера Алексея Григорьевича Долгорукого были собраны сведения о наличном в то время количестве помытчиков. В поданной в мае месяце Долгорукому ведомости значились следующие помытчики:

1) переяславль-залесские сокольи помытчики, которых на посаде было 22 двора, да 3 человека проживали своими дворами в Москве, то есть то же количество, что и в предшествовавшие годы и с тем же окладом обязанностью поставлять на Семеновский потешный двор ежегодно 12 соколов дикомытей; 2) сокольи помытчики Суздальского уезда Гавриловской слободы приселка Володятина, один двор, с окладом в 4 сокола дикомытей в год; 3) сокольи помытчики ростовские, дворов 13, с окладом 12 соколов дикомытей в год; 4) вологодские сокольи помытчики Комельской волости, дворов 24, с окладом 12 соколов дикомытей в год; 5) вологодские сокольи помытчики Сямженской волости, дворов 16, с окладом 12 соколов дикомытей в год; 6) белозерские сокольи помытчики волости Волока Славинского, дворов 18, с окладом 12 соколов дикомытей в год; 7) сокольи помытчики на Чаронде, дворов 11, с окладом 12 соколов дикомытей в год; и 8) кречетьи помытчики двинские, дворов 19, "что привозят кречетов, челигов кречетьих, что у них в улове бывает".

(Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 218).

В ноябре 1701 года кречетьи помытчики Вологодского уезда указывали, что на доставку пойманных ловчих птиц в Москву "в прошлых годах, по указу Великого Государя, а по их челобитью, даваны им, помытчикам, прогонные, а птицам кормовые деньги, по 3 алтына 2 деньги, да под птичий корм и помытчиков запас тележные подводы, по подводе на 6 птиц, да по верховой лошади на птицу, с уздами и седлами, и те прогонные и кормовые птичьи деньги даваны с Вологды до Москвы из Земских изб из неокладных доходов". (Рукопись, принадл. Импер. охоте).

475 От 1676 года сохранилось известие, что в Переяславле-Залесском имелось тогда 22 двора соколых помытчиков. В писцовых книгах этого года было, между прочим, оговорено, что переяславль-залесские соколы помытчики обязаны были доставлять на Семеновский потешный двор ежегодно "по соколу дикомыту да по ястребу гнездному, а во 175 году, вместо гнездного, велено иметь по ястребу старому дикомыту, а будет в котором году старого не будет и на них иметь по три ястреба молодых добрых". (Госуд. арх., р. XIV, No 25).

Трудно сказать, относилось ли обязательство поставки указанного количества птиц ко всем переяславль-залесским помытчикам вместе или к каждому отдельному двору. Первое предположение, наиболее отвечающее редакции писцовых книг, несколько не вяжется со справкою, данною в начале XVIII века Преображенским приказом, по которой на названных помытчиков возложена была обязанность приноса на Семеновский потешный двор ежегодно 6 вешних соколов дикомытей и 6 осенних "дикомытей суровых", всего 12 птиц, причем челигов соколых приносить не полагалось, а тем более засчитывать их за окладных недоставленных соколов. За последних с помытчиков взыскивалось деньгами по 3 рубля за птицу. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 8).

Сохранились интересные статистические сведения о количестве птиц, доставлявшихся в начале XVIII века на Семеновский потешный двор переяславль-залесскими помытчиками. Они представили вешних птиц: в 1700 году 7 соколов (вместо 6 окладных) и 2 челига соколых (неокладных), в 1701 году 5 соколов и 2 челига; в 1702 году 4 сокола и 4 челига; в 1703 году 3 сокола (за недоставленных 3

птиц взыскано 9 рублей); в 1704 году 7 соколов; в 1705 году 7 соколов и 2 челига; в 1706 году 6 соколов и 3 челига; в 1707 году 7 соколов и 2 челига; в 1708 году 7 соколов и 1 челиг; в 1709 году 8 соколов; в 1710 году 6 соколов и 1 челиг; в 1711 году 7 соколов и 2 челига; в 1712 году 6 соколов и 3 челига; в 1715 году 6 соколов и 1 челиг; в 1714 году 10 соколов и 5 челигов; в 1715 году 9 соколов и 1 челиг; в 1716 году 2 сокола и 1 челиг; в 1717 году 10 соколов и 6 челигов; в 1718 году 9 соколов и 3 челига; в 1719 году 5 сокола и 2 челига.

Малый принос 1716 года послужил основанием того, что было "учинено помытчикам наказание: биты плетьюми в Преображенском приказе". (Там же).

В 1700 году переяславль-залесским помытчикам была пожалована царем Петром I грамота, по силе которой им, "вместо жалованья, пашенной и огородной земли, для прокормления домов своих, когда бывают от ловли птиц свободны, кормиться рукоделием своим и торговать в Москве и городах, и сидеть в лавках с посадскими людьми в равенстве без всякого запрещения и, кроме птиц, никаких податей брать с них и судом и расправою, кроме Преображенского приказу в других приказах и городех ведать их не велено, також и на дворы их постою не ставить". (Тот же арх., оп. 67, д. No 15).

От 1711 года сохранилось известие, что переяславль-залесских помытчиков было в городе и на посаде по-прежнему 22 двора, в которых проживало помытчиков 26 человек, сыновей их 27, братьев 2, племянников 5, внучат 5, всего 6, человек мужеского пола, да в Москве прожилп своими дворами трое. Оклад на них, как было сказано, положен в размере 6 весенних и 6 осенних соколов, всего 12 птиц в год. (Тот же арх., оп. 52, д. No 521).

476 В писцовых книгах 1681 года, между прочим, значится, что в Ярославском уезде, в Юхотской волости, в приписных к селу Новому деревнях: Павлове и Рашкове числилось соколых помытчиков: в первой – 9 дворов с 24 душами мужеского пола, а во второй – 2 двора с 4 душами. Помытчики эти обязаны были доставлять то же количество птиц, как и переяславль-залесские. (Тот же арх., оп. 178, д. № 19).

477 Приказ выразил мнение, что "оним кречетьим помытчикам окладу исправлять не мочно, для того что они бывают в отлучках в Дацкой земле и в Швеции для ловли птиц, а без оных птиц быть не мочно, что посылаются в иностранные государства в дарех". Преображенский приказ указывал, что помытчики эти ходят для кречетья промысла четырьмя ватагами, в числе 34 человек, от Архангельска на 1500 верст и больше на морских судах ежегодно, начиная с Петровского поста, и бывают на том промысле до Зимнего Никола. Морские суда с припасами обходятся помытчикам по пятьдесят рублей и больше каждой ватаге, а хлебных запасов берут они с собою по 15 пудов на человека, покупая хлеб в Архангельске. На эти надобности издревле получали они из Архангельской земской избы по 7 рублей на человека. При отправлении из Архангельска с птицами в Москву помытчикам давались прежде ямские подводы, на двух человек подвода, и прогоны; для птиц же изготавливаются сани с окутами на счет двинских помытчиков и посадских людей.

В 1723 году в Преображенском приказе обсуждался вопрос о том, нельзя ли установить определенный оклад повинностей для кречетьих помытчиков Двинского уезда.

478 От 1751 года сохранилось весьма много документов, касающихся вопросов о доставлении ловчих птиц к Императорской птичьей охоте и к порядку их зачисления на довольствие. Так как документы эти особого значения в истории охоты не имеют и интересны лишь для статистики, то мы и отметим только число доставленных различными помытчиками ловчих птиц в названном году.

Комплектные помытчики (надо полагать, что комплектными помытчиками назывались помытчики, состоявшие в штате Императорской птичьей охоты, проживавшие в селе Семеновском на потешном дворе и отправлявшиеся на ловлю в различные места, по распоряжению начальства этой охоты, то есть должностные лица, обязанности которых соответствовали обязанностям ловчих сокольников времен царя Алексея Михайловича) доставили ястреба дикомыть 1, челигов ястребьих молодиков 3.

Помытчики юхотские доставили кречетов молодиков 2, челигов кречетьих молодиков 1, сокола дикомыть 1, ястреба дикомыть 1, ястребов молодиков 4, челигов ястребьих молодиков 2.

Помытчики Вологодского уезда, Комельской трети, Семяжинской волости доставили 12 птиц, в том числе 5 соколов дикомытей и 2 челигов кречетьих молодиков.

Ростовские помытчики доставили сокола дикомыта да челига ястребья молодика.

Переяславль-залесские помытчики доставили соколов дикомытей 8 и соколов вешняков 3.

Помытчики Белозерского уезда, Надпорожского стану, волоку Словинского, деревни Закошь Меншее доставили соколов дикомытей 6.

Помытчики Чаранской округи, Кольнобольской волости доставили соколов дикомытей 3 и челига

соколя осенчака.

Двинские кречетьи помытчики доставили кречетов 24 и челигов кречетых 14. Чебоксарские помытчики доставили кречетов 2 и челигов кречетых 3.

Таким образом по имеющимся сведениям к птичьей охоте императрицы Елисаветы Петровны было доставлено в 1751 году 93 ловчих птицы различных пород. (Разн. дела Общ. Арх. Мин. Двора).

В 1752 году воспоследовало высочайшее подтверждение грамоты, данной переяславль-залесским помытчикам в 1606 году о невыбирании их ни в какие городские должности. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 60).

479 От 1775 года сохранились списки о числе доставленных апреля месяца по ноябрь на Семеновский потешный двор ловчих птиц ярославскими сокольими помытчиками. По сложении итогов этих списков оказывается, что названные помытчики принесли к Императорской птичьей охоте: кречета молодика, челигов кречетых 3, соколов дикомытей 59, челигов соколых дикомытей 28, челигов соколых 4, соколов вешняков 6, челигов соколых вешняков 2, ястреба молодика, ястреба гнездного, челигов ястребых дикомытей 3, челигов ястребых 5, да ими же принесен присланный ее величеству от князя Дундукова цветной белый балобан. (Там же, оп. 7 3, д. No 2).

480 13 сентября 1787 года Московская обер-егермейстерская контора направила главностатейничему Ларионову указ, в коем читаем: "По силе полученного из Канцелярии ордера, Ростовские помытчики, с будущего 1788 года, по-прежнему платить имеют возможные (?) деньги, а соколов помыкать им не велено; Переяславских же и

Юхотских сокольных помытчиков, к старостам с товарищи, посланы указы, коими подтверждено накрепко, дабы они в будущем 1788 году, при наступлении весны, помкнув соколов, к охоте доставили: Юхотские – положенное на них число, двенадцать, да недонесенного в 787 году одного, и того тринадцать, а Переславские, за приносом в нынешнем году сверх окладного положения со излишеством, достальных четырех или хотя и более поймано было тех соколов, кои зачтены быть имеют им в число, положенное в пред". (Там же, д. No 1658, стр. 107).

481 В апреле 1733 года заведовавший в то время делами охоты обер-гофмейстер граф Семен Андреевич Салтыков, по докладу егермейстера Михаила Селиванова, вошел в Сенат с представлением, в котором указывал, что до сего времени, руководствуясь бывшими указами, переяславль-залесские и ростовские помытчики помыкали соколов в помещичьих и монастырских угодиях при озерах, но что приказчики и старосты тех мест стали ныне делать помытчикам всевозможные препятствия, "соколов помыкать не дают и с мест ссылают, и птиц всяких стреляют, и в помычке соколов чинят великое помешательство".

Рассмотрев это дело, Сенат приказал послать в Московскую губернию указ с крепким подтверждением, чтобы помытчикам в оговоренном отношении никто и никакого помешательства не чинил. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен. 4 – 1068).

3 апреля 1745 года Обер-егермейстерская контора повелела высочайшим указом Белозерской воеводской канцелярии, "чтобы в Белозерском уезде сокольим помытчикам в улове в помещичьих и в монастырских дачах потребных ко птичьей Ее Императорского Величества охоте птиц приказчики и крестьяне

никакого помешательства не чинили и около тех лугов птиц не вабливали б, а буде будут птиц ловить и означенным помытчикам в улове птиц чинить будут помешательства, то тех ловить и, исследовав, писать в Обер-Егермейстерскую Контору". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. No 7).

482 От января 1775 года сохранился весьма любопытный документ – донесение Чебоксарского кречетьего помытчика, Ивана Кликунова, в Обер-егермейстерскую канцелярию о разграблении его башкирцами и об обидах, нанесенных ему приверженцами Пугачева. "В прошлом 1772 году, – доносит Кликунов, – находился я, поименованный, для помыкания к охоте Ее Императорского Величества птиц, то-есть кречетов и их челигов, в Исецкой провинции, около Уской крепости, в команде старосты Ивана Смирного, по наловлении которых в декабре месяце и отправлены мы от Исецкой Провинциальной Канцелярии в Казанскую Губернскую Канцелярию. Будучи ж в пути, за болезнию моею, оставлен я означенным старостою Смирновым провинции в Кундровинском селе с данным мне от одного старосты Смирнова письменным наставлением с тем, чтоб я, по выздоровлении моем, явился в Казанскую Губернскую Канцелярию, за которою болезнью и находился в той Кундровинской слободе 1773 года по сентябрь месяц, а в сентябре месяце для помыкания таковых же птиц в Исецкой провинции отправлен был из Казанской Губернской Канцелярии староста Василий Лавров с товарищи (не забудем, что в это время чебоксарские помытчики были освобождены от ловли и вместо них послали других), у которого и явился, и находился со оным старостою Лавровны при помыкании тех птиц в Исецкой провинции, у заимка капитана Ларионова

Черемисинова. При наловлении ж оных птиц в ноябре месяце и отправлены они от Исецкой Провинциальной Канцелярии в Казанскую Губернскую Канцелярию. Будучи ж в пути в Уфимской провинции, в Башкирской деревне Килдияр, старшины, туманчи и сотника Килдияр (?), означенным старостою Лавровым, за усталью имеющих у него подвод, оставлены, где и требовал от той деревни от означенного сотника Килдиара за наем подвод. А между тем, ехав одного же сотника Килдиара команды Башкирцев большое собрание, кои взяли меня в свои тиранские руки и били немилостиво, и разграбили у меня денег и прочего экипажу немалое число, и содержали меня связанного три дня, а потом, по приказанию того ж сотника Килдиара, развязан был и ходил дни с два за караулом, из-под которого бежал и вышел в Станкинской завод, являсь того завода приказчику Степану Моисееву и оттуда отправился в село Кундровинское и тут явился находящемуся с рекрутскою командою Верхояицкого баталиона прапорщику Алексею Пахомову, от которого и отправлен к господину, к Статскому Советнику и бывшему в тогдашнее время в Исецкой провинции воеводе Алексею Петровичу Веревкину, и обо всем вышеписанном случившемся надо мною несчастью объявил. А потом от него, господина Статского Советника и Исецкой провинции воеводы, отправлен был в показанное ж село Кундровинское, с тем, чтобы находящийся во оном с рекрутскою командою прапорщик Пахомов следовал в Челябину, а я, по приказу одного воеводы Веревкина, остался в селе Кундровинском, где и находился.

"А прошлого 1774 года, декабря 10 дня, приехал нечаянно, в ночное время, во оное ж село

Кундровинское государственного злодея Пугачова полковник Грязнов с толпою своею, коим я и взят был в полон и едва от виселицы избавлен, и жил во оном селе за караулом марта по 30 число; а того марта 30 числа взят был от одного села и из одной злодейской толпы сотником Алексеем Зверевым в Челябину, где и был до самого прибытия Володимерского полку господина секунд-майора Гагрин, под скрытием у казака Епифана Ефимова. По разбитии ж одной злодейской толпы, явился я к господину майору Гагрина, у коего находился в команде с прочими находящимися в команде его, Гагрин, служащими, где исправлял должность такую ж, как и состоящие у него, Гагрин, служащие. И как оный майор Гагрин выступил из Челябины в поход, то я Исецкой Провинциальной Канцелярии воеводою и отправлен в Казанскую Губернскую Канцелярию и во все вышеписанное мое странствование, за вышеписанным разграблением моего экипажа и денег, как в одежде, так и в пище претерпеваю крайнюю нужду.

"Того ради Обер-Егермейстерскую Контору всепокорно прошу и исследования в вышеписанном причиненном мне в деревне Килдиар Башкирцами грабеже моего экипажа и денег и о возвращении одного мне, именованному, в Уфимскую Провинциальную Канцелярию послать указ, дабы я от того их грабежа не пришел в самую нищету и разорение. А что именно теми Башкирцами разграблено у меня, именованного, тому при сем приобщаю реестр.

"Денег, герб под золотом, тулуп овчинной, камзол с штанами суконные, два плата: шелковой и бумажной, шапка кунья с рукавицами, кушак травчатой, сапоги с чулками, шесть пар рубаш с портками, две кунцы, три мерлушки Бухарские, перстень серебряной под

золотом, две подушки пуховые да кошма, ружье, сабля, крест серебряной, инструмент для помыкания птиц". (Там же, оп. 72, д. № 8).

483 В начале XVIII столетия размер субсидии помытчикам на ловлю и перевозку кречетов несколько изменился; на постройку судов и на заготовку припасов стали выдавать на человека, вместо семи рублей – только пять, а подводы наряжались не на двух человек, а на шесть. Новая мера привела к тому, что многие из двинских помытчиков стали уклоняться от исполнения своих обязанностей, вследствие чего и улов кречетов становился из года в год все меньшим и меньшим. Тогда государь Петр Алексеевич приказал в 1719 году выдавать двинским помытчикам все то, что они получали издревле, без убавки, так как в птицах ощущался на Семеновском потешниом дворе недостаток.

Последний указ не только не соблюдался в точности, но даже архангельский вице-губернатор Ладыженский, судя по поданной на него в 1725 году челобитной двинских кречетых помытчиков, велел брать с них всякие подати и солдатские наборы наравне с черносозными пашенными крестьянами, бил их на правеже, держал за караулами и разорял дома их, отчего они от кречетного промысла отстали.

В следующем 1724 году, в марте месяце, Ладыженскому было предписано немедленно донести Преображенскому приказу, на каком царском указе основывает он свои вышеуказанные распоряжения и какие поборы и подати были им "доправлены" на двинских помытчиках. Ладыженский на предписание это не ответил вовсе, а в мае того же года в Преображенский приказ было доставлено почтою новое прошение двинских кречетых помытчиков, в

котором они указывали, что в том году на строение морских судов с припасами и на хлебные запасы им не дали положенных денег совершенно, почему отправиться на кречетий промысел им не с чем, между тем как время к отправке приспевает.

К этому помытчики добавили, что за время с 1718 по 1724 г. с них было доправлено всяких податей в равенстве с черносошными крестьянами, что на 1724 г. они уплатили по 40 алтын с человека и что по мартовскому указу никаких распоряжений не последовало.

Вскоре отозвался и Ладыженский, объяснивший отказ в выдаче денег помытчикам указом Статс-конторы, коим предписывалось не выдавать никаких денег и никому без специального ассигнования этой конторы, а отказ в выдаче подвод для привоза уловных птиц в Москву – указом Правительствующего Сената не брать с двинских жителей никаких поборов, кроме восьмигривенного подушного оклада.

30 июня Преображенский приказ отправил премерию Статс-конторе с требованием сделать распоряжение об удовлетворении законных, по силе прежде данных указов государя, претензий двинских кречетых помытчиков, а Ладыженскому был выслан высочайший указ о немедленном снаряжении в путь помытчиков на кречетий промысел.

За сим вопрос о правах и обязанностях двинских кречетых помытчиков был оставлен в прежнем положении впредь до особого о том высочайшего повеления. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52 – 752, д. No 521).

484 25 июня 1731 г. были установлены вполне определенно права и обязанности двинских кречетых

помытчиков. Сенатский указ от этого числа гласит, между прочим, следующее:

"Правительствующий Сенат приказали: по доношению Архангелогородской губернии, Двинским кречетным помытчикам птиц ловить и в Москву привозить означенное в доношении Генерал-Лейтенанта графа фон Левенвольда число, а именно по 20 кречетов да по 30 челигов кречетых повсегодно бездоимочно. А за улов тех птиц и на строение и починку судов и на покупку всяких снастей и провианта и для отвоза в Москву на покупку ж саней и на корм и на прочие расходы и, вместо преждеопределенного жалованья и других бывших расходов, давать им за кречетов цветных по 6 рублей, простых по 5 рублей, за челигов цветных по 4 рубля, а за простых по 3 рубля за птицу; и тех денег, при отправлении их для лову тех птиц, выдавать половину, а другую по привозе тех птиц к Москве; и ловить им тех птиц в угодьях всяких чинов людей безвозбранно, а подушные деньги и рекрут платить им по-прежнему". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 5791).

Указ этот оказался несколько неудобным для помытчиков, которые в том же году заявили, что вследствие постановления выдавать им на месте лишь половину следуемых денег им кормить пойманных птиц, делать путевые сани и отвозить кречетов в Москву на свой кошт "за скудостью их ни при которой мере невозможно".

Тогда Сенат указом от 29 ноября того же года приказал необходимые на сказанные потребности деньги выдать им в Архангельске со строгим расчетом, сколько им денег нужно в действительности, из второй половины положенной для того суммы, но не полностью вторую половину. Остальные

причитающиеся деньги они все-таки должны были получать в Москве, причем в случае если помытчики не привезут положенного количества кречетов, то за недоставленных должны быть удерживаемы соответственные деньги (в половинном, как увидим ниже, размере количества, положенного за живых птиц).

Деньги в Архангельске выдавались из наличных казенных сумм за счет Статс-конторы, а в Москве из Статс-конторы. (Арх. Мин. юст. в Москве; дела Сената 1731 г., No 131 и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 2833).

485 В феврале 1726 года императрице Екатерине I подана была следующая интересная челобитная:

"Всепресветлейшая, державнейшая, великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская. Бьет челом города Чебоксар птичей помытчик Михайло Лукьянов сын Алаторцев. О чем мое челобитье, тому следуют пункты:

1) Тому лет сорок и больше служу я Вашему Императорскому Величеству в птичьих помытчиках с детьми своими.

2) И в прошлых годах те птицы привозил к Москве и отдавал в Казанский дворец.

3) А как состоялися губернии, и те птицы принимали у меня в Казани и в то время я Вашего Императорского Величества жалованье получал.

4) А как по Вашего Императорского Величества указу состоялась Свияжская провинция, и те птицы принимают у меня с детьми моими в том городе Свияжске.

5) А за теми птицами хожу я с детьми своими с великою нуждою в полугоду и больше, и тех птиц помыкаем на Волге, на луговой стороне и на нагорной,

и пойманных птиц кормим, а корм им покупаем на свои деньги.

6) И за теми птицами, по Вашего Императорского Величества указу, посылают нас в Астрахань и к хану Юке Ловчиков.

7) А пашенной земли и сенных покосов и никаких угодий, от чего бы нам пропитание иметь, нигде нам не дано ни единые четверти.

8) Да с меня ж и с детей моих города Чебоксар земские комиссары берут подушный оклад и всякие разные поборы и с торгу спрашивают десятой деньги, а я и отец мой и дети в посаде никогда не бывали и не написаны.

9) А я и дети мои никакого торгу не имеем, кроме самого малого съестного харчу, и то бывает временем, а не всегда, только протееж птичьа промыслу; а когда я со птичьа промыслу со птицами в дом свой приеду, и оные бурмистры сажают детей моих в земскую избу и держат в чепи и в железах, и тем они, бурмистры, в тех птицах чинят мне великую утрату и помешательство.

10) Чтоб Вашего Императорского Величества указом повелено было те птицы возить, кречеты и соколы, к Москве в Преображенской приказ, а за службишки мои чтоб Вашего Императорского Величества указом того подушного окладу и никаких разных поборов и в даточные в рекруты с меня и с детей моих не спрашивать, а сыщики б и переписчики, и земские бурмистры судом и расправою мимо Преображенского приказу, меня с детьми ни в чем не ведали, чтоб мне и детям моим в конец не разориться и от того птичьа лову не отбыть, и о том из Преображенского приказу дать мне Ваш Императорского Величества указ с прочетом". (Там же, оп. 52 – 752, д. No 549).

Резолюция по этой челобитной нам неизвестна.

486 В начале сороковых годов XVIII столетия привозимых помытчиками птиц предписывалось сдавать в Москве в Правительствующий Сенат. Правило это было уничтожено в январе месяце 1745 года вследствие челобитной двинских кречетых помытчиков Ивана Юрьева с товарищами, поданной в Обер-егермейстерскую канцелярию, в которой челобитчики излагали, что, отправленные в 1744 году из Архангельска с двадцатью девятью пойманными кречетами и двадцатью пятью челигами кречетыми, привезли они в Москву живых 24 кречета и 12 челигов кречетых и намеревались, согласно указу, отдать этих птиц в Сенат, но за отбытием последнего до их приезда в С.-Петербург были принуждены держать этих птиц на своих квартирах, где "к содержанию оных удобных мест не имеется", довольствуя кречетов на свой счет и неся поэтому "напрасный убыток". Опасаясь к тому же, чтобы неудобство помещения привезенных птиц не было причиной их гибели, помытчики просили о приеме от них кречетов и о выдаче за птиц установленной платы, причитавшейся им по действовавшим в то время указам за вычетом сумм, отпущенных им из Архангельской Губернской Канцелярии при отправке сначала на промысел, а затем в Москву.

Удовлетворив ходатайство просителей, обер-егермейстерская Канцелярия вместе с тем вошла с представлением в Московскую Контору Сената, "дабы во оную Архангелогородскую и в прочие губернские и провинциальные канцелярии Правительствующего Сената от Конторы повелено было подтвердить указами, чтобы впредь такие уловные птицы и звери, принадлежащие к охоте Ее Императорского

Величества, присылались бы прямо в обер-егермейстерскую Канцелярию, дабы оттого напрасного затруднения не происходило. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 10).

Означенное ходатайство Обер-егермейстерской канцелярии Сенатскою конторою было уважено. (Тот же арх., оп. 64, д. No 11).

487 В апреле того же года вологодские помытчики Комельской трети, деревни Климовой, Блазны тож, Алексей Иванов с товарищами, привезли в Семеновское на Потешный двор 7 ловчих птиц, в том числе сокола дикомыта с ножною болезнью и ястреба молодика с заломинами в крыльях и в хвосте, причем последние птицы, по заключению статейничего птичьей охоты Редрикова, оказались негодными. Обер-егермейстерская контора, приказав здоровых птиц зачислить на довольствие, предписала птиц больных не принимать и казенного корму на них напрасно не тратить, а помытчикам Иванову с товарищами "за слабое их смотрение и нерадение учинить наказание, бить батажьем нещадно, дабы впредь они и прочие той волости помытчики, которые со птицами в Москву отправлены будут, оных птиц в пути во всяком бережении и к Москве ко птичьей Ее Императорского Величества охоте отдавали в целости". Вместе с сим помытчикам велено было объявить, что в случае повторения привоза в Семеновское на потешный двор больных птиц с ними будет за то поступлено без всякого упущения, а для исследования причин неисправности вологодских помытчиков было приказано Вологодской провинциальной канцелярии выслать в Обер-егермейстерскую контору старосту и лучших помытчиков немедленно. (Тот же арх., оп. 52, д. No 1758).

488 В ноябре того же 1775 года помытчики Кокшайского уезда, староста Емельян Михайлов с товарищами, доносили Обер-егермейстерской конторе, что было велено им "в удобное время ловить кречетов и челигов кречетых", что они с 1 сентября по 1 ноября "к поимке помянутых птиц всеусердно старание имели" и что, несмотря на все это, все же таки ничего не поймали, "понеже в самое то время, когда бывает лов птицам, от воли Божьей был мрак". Кроме того, ловля их отличалась такою неудачею "за упадком в скором времени снегу", а также благодаря тому обстоятельству, что из шести человек их, помытчиков, выходивших на промысел в прежние годы, двое умерли, а двое за старостью стали к помыканию птиц неспособны и в этом году на ловлю не выходили вовсе. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 71).

489 К периоду времени около 1726 года относится весьма много документов, гласящих об улове птиц и о привозе их в Москву, в Семеновское на потешный двор, двинскими кречетьими помытчиками. Сведения эти весьма объемисты, но не представляют собою особого интереса, так как являются повторением того, о чем мы уже говорили выше, с весьма незначительными и несущественными изменениями. Не передавая поэтому содержания сказанных документов, отметим только один любопытный факт:

В 1726 году двинскими кречетьими помытчиками, отправленными из Архангельска с 52 ловчими птицами, а именно с 23 кречетами и 29 челигами кречетьими, размешенными на 17 санях с окутками, было доставлено в Семеновское на потешный двор живых птиц только 40, а саней 13. Помытчиков этих, ватащиков Ивана Юрьева, Семена Макарьина, Семена Ногова и Ивана Кустова, велено было допросить в

Преображенском приказе под страхом смерти, отчего умерло у них в дороге 12 птиц и куда они дели четверо саней. Ватащики отвечали, что, "едуци от города Архангельска до Вологды, померло у них в декабре 1725 года в разных числах, а подлинно они сказать не упомнят, два кречета молодых да пять челигов кречетых, да на Вологде умер кречет дикомыт серый, да челиг кречетий молодой серый, а с Вологды едуци, умерло три челига кречетых серых молодых, всего двенадцать птиц, а померли оные птицы от больших морозов, а не от бескормицы их, помытчиков, а по тем умершим птицам, что которая птица в котором месяце и числе умерла, тому при помытчиках письменной записки не имелось и ныне нет, для того в прошедших годах деда и отцы их от города в Москву с такими же птицами присыланы в Москву, и у них в дороге многие птицы помирали ж и в которых месяцах и числах и отчего, так и у них помытчиков.. допросов не бывало: что каких живых и мертвых у них в привозе будет, то число и примут, и в том приеме давались им из Преображенского приказу за судейскими руками отписки; также что и саней с ними в присылке бывало, того всего у них, помытчиков, не требовали". Относительно утеранных четверых саней помытчики отвечали, что, "едуци от города до Вологды по земле, а снегу не было, и у тех саней полозья и вязья изломались, и те ломанные сани и с окутки по дорогам разбросали и покидали". (Там же, оп. 52 – 752, д. No 567).

490 В том же году в июле месяце помытчики Белозерского уезда, деревни Большого Закося, Павел Иванов с товарищами, да Чаранской округи, Кольнобольской волости, деревни Садилова, Макар Трофимов с товарищами, привезли в Семеновское на

потешный двор 13 ловчих птиц, из которых один сокол дикомыть оказался мертвым. Опасаясь привода к ответу за упалую птицу, помытчики самовольно уехали из Москвы в свои деревни, каковое обстоятельство в связи с установлением факта привоза этими помытчиками значительно меньшего противу прежних годов количества ловчих птиц побудило Обер-егермейстерскую контору сделать распоряжение о высылке Иванова и Трофимова, а с ними по одному лучшему помытчику, обратно в Москву для допроса в названной Конторе. Любопытным в данном случае нужно признать то обстоятельство, что Белозерской провинциальной канцелярии предписывалось по объявлении помытчикам приведенного приказаania взять с них реверс в обеспечение исполнения ими решения Конторы. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

Летом того же 1750 года вологодские помытчики Матвей Емельянов с товарищами представили в Семеновское на потешный двор 4 соколов дикомытей. Помытчикам этим приказано было "за малый ими в нынешнем 750 году тех птиц принос учинить наказанье, бить батажьем и при том подтвердить, чтобы они впредь оных птиц ловили с крайним радением. Ежели ж они впредь к ловле показанных птиц стараться не будут, то за то с ними поступлено будет (по) силе Ее Императорского Величества указов, без всякого упущения.

В том же году Суздальского уезда, Гавриловской слободы, села Володятина сокольи помытчики Парамон Игнатьев и Алексей Степанов донесли Обер-егермейстерской конторе о недопуске их, несмотря на последовавший ранее по этому же предмету указ, к ловле кречетов, соколов и ястребов в

угодья помещика Яминкова. Обер-егермейстерская контора рассудила послать в местную провинциальную канцелярию вторичный указ, приказав, кроме того, по делу "сыскать и о вышеписанном исследовать и при том ему, Яминкову, подтвердить наикрепчайше под штрафом". (Там же).

В январе 1751 года двинские кречетьи помытчики Петр Юрьев, Андрей Антипин и Егор Амосов с товарищами доставили в Москву 43 ловчих птицы, в том числе показали 27 кречетов и 16 челигов кречетых. По осмотре птиц в Семеновском на потешном дворе оказалось, что дорогою померло два кречета и три челига кречетых да один из объявленных кречетов оказался челигом. За последних птиц Обер-егермейстерская контора приказала удержать с помытчиков 10 руб. 50 коп., сообщив об этом Статс-конторе и Архангельской губернской канцелярии, первой для уплаты остальных следуемых помытчикам денег, а второй для сведения. (Тот же арх., он. 52, д. No 2855).

Из приведенного расчета удержания с помытчиков денег за умерших в дороге птиц явствует, что таковое удержание производилось в половинном размере, то есть что за умерших в дороге птиц платили половину платы, положенной за живых птиц. Действительно: как было сказано выше, за простых кречетов двинские помытчики получали по 5 р. и за челигов кречетых по 3 руб. Мертвых птиц оказалось: кречетов 2, челигов 3, да один кречет оказался челигом. Если бы эти птицы были живыми и не произошло бы ошибки, помытчикам причиталось бы $2 \times 5 \text{ р.} + 3 \times 3 \text{ р.} + 5 \text{ р.} - 2 \text{ р.} = 22 \text{ р.}$ Удержано же с них 10 р. 50 к.

В конце февраля 1751 года, несмотря на приведенный выше указ, посланный

Обер-егермейстерскою канцеляриею в Казанскую губернскую канцелярию в начале 1750 года и несмотря на то обстоятельство, что тогда "к приносу птиц удобное время уже наступало", птиц из Казанской губернии еще не выслали, отчего, по заключению Обер-егермейстерской конторы, "в будущее летнее время во птичьей Ее Императорского Величества охоте, конечно, последовать может немалый недостаток". Контора рассудила послать в Казанскую губернскую канцелярию Ее Императорского Величества указ, "по которому велеть всех той губернии помытчиков, сколько у кого птиц в улове имеется, выдав за улов тех птиц, кому что надлежит, по указанной цене деньги выслать с первостатейными людьми, не приемля от них никаких отговорок в Москву ко птичьей Ее Императорского Величества охоте без всякого продолжения, дабы она Канцелярия за нескорую объявленных помытчиков в Москву с птицами высылку не могла понести штрафа", донеся при этом по команде и о причине, почему пойманные птицы до сего времени не были высланы. "А ежели ж, паче чаяния, у которых помытчиков птиц в улове ничего не имеется, то потому ж первостатейных людей для исследования о том выслать в Москву, в Обер-Егермейстерскую Контору без замедления". (Там же).

Вскоре после этого из Казанской губернии было доставлено 5 ловчих птиц: 2 кречета и 3 челига кречетых, но так как по справке оказалось, что в прежние годы "принос бывал хотя и не довольный, а не такой, как ныне, в приносе только 5 птиц", то Обер-егермейстерская контора послала в Казанскую губернскую канцелярию новый указ, в котором, в общем подтверждая уже приведенное нами выше, обращала внимание канцелярии на "слабое оной

губернии тех помытчиков понуждение", а также накрепчайше подтверждала, дабы помытчикам "впредь птиц помыкать с прилежанием неленно и ко птичьей Ее Императорского Величества охоте приносить в удобное время, не так как в нынешнем 751 году". (Там же).

491 В мае 1736 года обер-егермейстер Волынский доносил Правительствующему Сенату, что в том году принято было ко птичьей Ее Величества охоте в Семеновском на потешном дворе от двинских кречетых помытчиков 72 ловчих птицы, в том числе 44 кречетов и 28 челига кречетых, и что при сдаче птиц помытчики подали следующее прошение:

В 1735 году поймано у них было 82 птицы, из которых в пути умерло 10. За птицы эти им причиталось получить 346 рублей, но получили они в Архангельске всего 185 р. 50 к. Кроме того, в 1754 году им было недодано за привоз птиц 20 рублей на основании того, что некоторые птицы умерли дорогою и что число привезенных птиц не соответствовало положенному. От подобной недодачи 181 рубля "пришли они в самое убожество, за которым случаем идти им в нынешнем году ловить птиц невозможно", тем более что их, помытчиков, записано в подушный оклад 85 душ, из которого числа померло, на море при птичьих промыслах потонуло и взято в рекруты 28 душ.

Обер-егермейстер требовал, чтобы помытчикам были выданы сполна все следуемые им деньги и чтобы они были исключены из подушного оклада, "а впредь, когда оные помытчики для ловли птиц будут отправляться, водяные суда и прочее, что кому будет потребно строить, также когда возвратятся с пойманными птицами к городу Архангельску, и с теми

птицами в Москву (поедут), путевые сани и корм птиц и на ямские подводы прогонные деньги выдавать из Архангелогородской губернской канцелярии, как прежде по указам было повелено, а вместо жалованья, что оным давано было в год по 5 рублей каждому человеку, за пойманных птиц, сколько впредь от них в Москву привезено и на Семеновский потешный двор принято будет, давать против нынешней дачи вполы, а именно: за кречетов цветных по 3, за простых по 2 рубля 50 копеек, за челигов кречетых за цветных по 2 рубля, за простых по 1 рублю 50 копеек за птицу".

Однако, несмотря на это требование Волынского, Правительствующий Сенат постановил сохранить и на будущее время в силе вышеприведенный сенатский указ от 25 июня 1731 г., присовокупив только при этом, что, "буде у них в улове птиц сверх обыкновенного числа будет и оные, по отдаче в Москве указанного числа, останутся, продавать их кому похотят, только при приеме смотреть, чтоб лучшие птицы у них не оставались; а из подушного оклада их, помытчиков, не выключать, понеже оные в тот подушный оклад положены по указу блаженные и вечнодостоинныя памяти Его Императорского Величества 1723 года генваря 9 дня".

Что же касается суммы, недоданной помытчикам за ранее пойманных птиц, то таковую Правительствующий Сенат приказал выдать полностью. (Моск. арх. Мин. юстиции, дело 1737 года, No 7 – 1071 и 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 6986).

492 В начале 1750 года птичьи помытчики Казанской губернии, староста Василий Иванов с товарищами, подали в Обер-егермейстерскую контору весьма интересное прошение, в общих чертах приводимое нами ниже:

На основании грамоты, данной этим помытчикам в 1700 году и по сенатскому указу 1734 года, велено было выдавать им из Казанской губернской канцелярии за уловных птиц, за кречетов цветных по 6 руб., за кречетов простых по 5 руб., за челигов кречетых цветных по 4 руб., за челигов кречетых простых по 3 руб., за белых ястребов по 60 коп. да кормовые при перевозке птиц в Москву деньги по деньге на каждый день каждой птице. (Помянутых грамоты и указа мы не нашли). Между тем, начиная с 1754 года, стали выдавать им лишь половину причитающихся за птиц денег, "да и за тою половинною выдачею имеют они в той Губернской Канцелярии хождение месяца по два и больше". Кроме того, губернская канцелярия без особых указов не отправляет их в Москву с уловными птицами, принуждая тем кормить последних месяца по три и по полугоду на их, помытчиков, счет. Подобное обстоятельство, а также необходимость для помытчиков "иметь сидку в подлежащих местах, когда оным птицам лов бывает", то есть в течение сентября, октября и ноября месяцев, приводит помытчиков "в самое убожество и скудость", а некоторые из их братьи едва пропитание имеют. Результатом такого положения вещей явился весьма малый принос птиц в Семеновское на потешный двор в том 1750 году, так как из Казани, Свияжска, Сандыри и Чебоксар было доставлено лишь 15 птиц "против прошлых лет со уменьшением", а из Козьмодемьянска птиц не было доставлено вовсе, "от чего при птичьей Ее Императорского Величества охоте впредь последует конечно недостаток, ибо по употреблению в охоте Ее Императорского Величества лучшим и надежным птицам улов бывает из помянутой Казанской губернии;

от чего она Её Императорского Величества охота впредь к лучшему Её Императорского Величества увеселению в надлежащем состоянии и порядке быть не может".

Помытчики просили восстановить их права и предписать Казанской губернской канцелярии оставить на будущее время ее "невозможности".

По справке, данной по означенному прошению статейничим Василием Редриковым, оказалось, что хотя в 1750 г. из Казанской губернии и было доставлено 15 ловчих птиц, но между ними находились соколы осенчаки, которые "при птичьей охоте быть негодны", почему Редриков, с своей стороны, ходатайствовал о запрещении на будущее время казанским сокольим помытчикам ловить сказанных соколов, без особого указа Обер-егермейстерской конторы.

Рассмотрев вышеизложенное, Обер-егермейстерская контора "рассудила" подтвердить накрепчайшим Её Императорского Величества указом Казанской губернской канцелярии: 1) "Дабы помытчики впредь к лучшему Её Императорского Величества увеселению показанных птиц улов, кроме показанных соколов, имели в надлежащее время, по силе прежних указов, безленносно, и уловных птиц из той губернии, по силе прежних о том указов, присылать в Москву, как от помытчиков объявлены будут, в немедленном времени, опасая себя, оную Казанскую Губернскую Канцелярию, за нескорое тех птиц в Москву отправление штрафа...

2) Козьмодемьянских помытчиков, ежели у оных помытчиков уловные в прошлом 1749 году птицы имеются, велеть в Москву ко птичьей Её Императорского Величества охоте выслать в

немедленном времени; буде же, паче чаяния, у оных помытчиков в том 1749 году птиц в улове не имелось, за то им в той губернии учинить наказание, бить ботажем нещадно и накрепко подтвердить, чтобы птиц помыкали и к Москве ко птичьей Ее Императорского Величества охоте приносили по вся годы в надлежащее удобное время бездоимочно, и для того объявленных помытчиков к улову птиц понуждать с каждого двора или от семьи по человеку; а ежели оною Казанскою губерниею усмотрено будет, что помытчики в улове тех птиц, конечно, слабо и нерадительно поступают, и с которого двора или от которой семьи кого на улове птиц в удобное время не будет, за то их штрафовать по указам без упущения, и о том Обер-Егермейстерскую Контору репортовать".

3) За уловных деньги выдавать, по силе указов Ее Императорского Величества, сполна. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

493 9 января 1723 года воспоследовал сенатский указ "помытчиков и детей их, которые имеют землю, числить против одноворцов и в расположение полков в подушный оклад с прочими класть на ряду". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 78, д. No 158).

494 В июне 1724 года подали императору Петру Великому челобитную и переяславль-залесские сокольи помытчики. В челобитной этой, в общем, они указывали, что издревле, по именным предков Его Величества указам, прадеды их были пожалованы из беспашенных дворцовых крестьян и иных чинов в сокольи помытчики для ловли кречетов, соколов и челигов и для приносу их в Москву, что, кроме птиц, никаких поборов и податей с них брать не велено, что бывают они "в полевом сиденьи", на ловле птиц, с

Благовещанья по Петров день да с Ильина дня до Покрова и больше, что для прокормления домов своих в промежутки времени между "полевыми сиденьями" занимаются они рукоделиями и торгуют в рядах вместе с переяславльскими посадскими людьми без всякого запрещения, так как посадские люди сами знают, что им, не наделенным ни землею, ни другими какими-либо угодьями и не получающим никакого жалованья, без торгу не прокормиться с женами их и с детьми. Порядок такой их жизни был утверждаем неоднократно и в тогдашнее царствование, несмотря на какое-либо обстоятельство ныне их внесли в перечневые книги для обложения восьмигривенными деньгами, наравне с прочими местными тягловыми жителями, да к тому же еще требуют от них рекрут, взяв их под караул, причем "в день бьют на правеже, а к ночи сажают в тюрьму и от того де караульного задержания и правежу сокольи ловле учинилась остановка и в полевом сиденье и для сокольи ловли сидеть стало некому". Кроме того, переяславльский ратушный бургомистр не позволяет им ничем торговать в рядах.

Помытчики просили об уничтожении всех этих новых для них порядков и об оставлении их на прежнем положении. (Сборн. арх. бумаг о Петре Вел., т. II, стр. 335–340).

495 В том же 1724 году в Преображенском приказе слушалась челобитная и вологодских помытчиков, Григория Блазнова с товарищами, которые указывали на следующее:

Еще при Иоанне Васильевиче IV была дана предкам их жалованная грамота, по силе которой с них не велено было брать никаких поборов, кроме ловчих птиц. Грамоту эту подтвердили все последующие государи, в том числе и Петр I. В 1698 и 1709 годах им

было подтверждено высочайшими указами, "чтобы у них, помытчиков, в улове птиц множилось для нужных посылок в Цесарию и к Шаху Персидскому и к Салтану Турецкому и в иные государства". Между тем архангелогородский губернатор Петр Алексеевич Голицын посылает к ним переписчиков, которые в их деревнях переписали всех от мала до велика и нищих, и нужных (т. е. больных), и, приравнивая их к дворцовым пашенным крестьянам, кладет на них тягло и всякие подати, отчего многие из их братья, помытчиков, разбрелись врознь и многие дворы стали пусты. Кроме того, тогдашний вице-губернатор Алексей Курбатов требует от них денежных поборов за прежние годы, держит за караулом, бьет на правеже и мучает ежедневно без пощады "и с помцов их, помытейщиков, во время ловли в город берут и соколов им, помытчикам, ловить в удобное время не дают, и от того де у них, помытчиков, чинится соколам многих недолов, а им, помытчикам, в оных новонакладных сборах, чего они, помытчики, исстари никогда не ведали, чинится всеконечное разорение, а в иных городех их братья, сокольи помытчики, есть же, а такого разорения им нет и никаких новоокладных податей и поборов с них не берут, а имянно сокольи помытчики исстари устроены для ловли соколов и живут безоброчно в Московской губернии, в Переяславле-Залесском, в Ростове, в Суздали, в С.-Петербургской губернии, на Белоозере, в Архангельской же губернии есть сокольи и кречетьи помытчики на Колмогорах и на Чаронде, и с тех помытчиков также никаких новонакладных податей не берут".

Кроме того, эти помытчики жаловались, что, несмотря на существующие правила, им не выдают

полных, следуемых по указам для провоза птиц в Москву прогонных денег, а для птиц кормовых денег, отчего они часто не могут выезжать вовремя и должны дожидаться зимнего пути, во время которого у птиц от стужи крылья и хвосты заламываются или птицы вовсе умирают, что и случилось в 1709 году с девятью птицами.

Одновременно с этой челобитной слушалась в Преображенском приказе и челобитная помытчиков Вологодского же уезда, Комельской волости, деревни Семеновой, Кузьмы Алексеева с товарищами, содержание которой, в общем, сходится с содержанием предыдущей челобитной.

Отметим только указание Алексеева на тот факт, что по прежней и по тому же вопросу челобитной государь Петр Алексеевич именным указом Правительствующему Сенату, данным в 1714 году, повелел архангельскому губернскому начальству с вологодских помытчиков никаких новоокладных поборов не брать и из табельного окладу их выключить, "который указ Вологодские управители вменяют ни во что".

Преображенский приказ, предварительно какого бы то ни было решения по этому предмету, постановил затребовать надлежащие объяснения от местного губернского начальства. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52 – 752, д. № 521).

От 1781 года сохранилось известие о покупке для вологодских помытчиков двух новых судов с парусами, якорями и со всем такелажем. Суда эти назывались "Сойма", ценностью в 122 руб., и "С. Петр", стоимостью в 150 руб. Для какой цели куплены эти суда – в документе не указано. (Рукоп. Имп. ох.).

496 В декабре того же 1726 года на Семеновский

потешный двор прибыл помытчик из Чарандской округи Михаил Федоров и представил отписку управителя Чаранды о посылке двух соколов дикомытей суровых (осенней ловли), а также двух других птиц.

Бывший в то время дневальным на потешном дворе сокольник Козьма Ширков, осмотрев принесенных птиц, увидел, что один сокол не суровая дикомыть, а осенчак молодой и что вообще оба сокола бестельны и едва живы, о чем и донес по начальству во избежание личной ответственности.

Допрошенный в Преображенском приказе помытчик Федоров сказал, что всего у него было поймано два сокола дикомытя суровых и один осенчак молодой, но что из первых один сокол помер еще в Чаранде, в деревне Пялнобовой, о чем управителю их, Алексею Голосееву, известно было, и почему Голосеев отписал, что высылает двух дикомытей, он, Федоров, не знает, тем более что отписка была ему отдана "без прочета", а сам он человек безграмотный. О том, что ловить соколов молодых и приносить таковых в Москву Чаранским сокольим помытчикам не велено, Федоров отозвался незнанием и пояснил, что принес теперь такового "за умалением в ловле соколов дикомытей", причиною чему, главным образом, то обстоятельство, что "братья сокольи помытчики все от правезу подушных денег и от хлебного недороду разбрелись в мире и кормятся и до днесь все в мире, а положенных на них соколов ловить было некому. А что де оные соколы бестельны – не знает, а у него де в дороге ели все, а отчего обестелили не знает". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52 – 752, д. No 536).

497 В 1744 году вологодские сокольи помытчики Блазнов с товарищами подали в Правительствующий

Сенат челобитную, в которой указывали, что "в прошлом 7056 году, генваря 5 дня, прадедам и дедам их дана жалованная грамота, по которой пожалованы они в Вологодском уезде недвижимым имением, починками, мхами и болотами для помыкания кречетов и соколов и окроме помыкания птиц и отвозу их к Москве никаких поборов брать с них не велено". В 1724 году произведена в их местах перепись, по которой они, помытчики, в числе 197 душ, положены были в подушный оклад, "из которого числа ныне померло и отдано в рекруты, а другие пришли в совершенную старость и оскудение, и нищету, и многие, покиня дома свои, разбрелись врознь и в службу их негодные, отчего имеется немалый птицам недолов, а они, оставшие и маломочные", в числе 73 душ, должны платить подушные деньги и поставлять рекрут как за себя, так и за умерших, бежавших, престарелых. Подобное печальное положение привело их в самую нищету и оскудение, между тем как соколов с них требуют по-прежнему в прежнем количестве.

Рассмотрев обстоятельства дела, Правительствующий Сенат "Приказали: со оных просителей Вологодского уезда Комельской трети сокольных помытчиков, Михаила Блазнова с товарищи, по силе жалованной им грамоты и против прочих их братьи рекрут натурою не брать, а брать, как и с малопоместных по указам велено, в складчину деньгами, дабы оттого за оскудением и нищетою оные не умалились и в улове ко двору Ее Императорского Величества птиц остановки не было". (Подл. ук. Сен. 1744 г., No 13168; Рукоп. Имп. ох.).

Что же касается претензий этих помытчиков о том, что они, в числе 75 душ, несут повинности за 197 душ, то Правительствующий Сенат постановил запросить

Обер-егермейстерскую канцелярию, сколько человек вологодских помытчиков занимаются ловлей соколов, и каково мнение этой Канцелярии по настоящему вопросу. (Там же).

498 В 1727 году в ноябре месяце последовал из Сената высочайший указ относительно дачи двинским кречетым помытчикам денег на расходы по ловле птиц и по их доставке в Москву "из остаточных в Архангелогородской губернии за положением на Адмиралтейство против прежних дач без излишества по рассмотрению той губернии губернатора", причем тем же указом были затребованы сведения, кто из помытчиков и какие имеет земли, для исключения неимущих из подушного оклада. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 158).

499 24 марта 1732 года Правительствующий Сенат по челобитной переяславль-залесских сокольных помытчиков приказал положенных на них указом Ижорской канцелярии полтинных денег не взыскивать и из доимки выключить, оставив их, в числе 78 человек, в подушном окладе в Ярославском пехотном полку, следуя Плакату 1724 года, по которому, сверх подушных и положенных по тому Плакату денег, никаких податей брать не велено. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 6006).

500 12 июля 1739 года Правительствующий Сенат постановил с сокольных помытчиков города Ростова, Дмитрия Кекина с товарищами, рекрут натурою не брать, "а брать как и с малопоместных по указам велено, в складку деньгами, дабы от того оных не умалялось, а в ловле птиц остановки не было". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7851).

В ноябре того же 1744 года Обер-егермейстерской

канцелярии было подано следующее, не лишенное интереса, доношение:

"Доносит птичьей охоты соколий помытчик Петр Емельянов сын Жилкин, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1) Отец мой был города Переяславля-Залесского рыбной слободы Емельян Дорофеев, который в 186 году из оной рыбной слободы по присланной грамоте блаженныя и вечнодостойныя памяти царя Алексея Михайловича из Приказу Большого Дворца взят был на место помытчика сокольной сотни Андрея Константинова в сокольи помытчики охотою по поручной записи и по оному определению оный отец мой помыкал в Семеновское на потешный двор соколов и ястребов с своею братиею вместе, и волею Божиею умре. А я, именованный, остался после отца своего в малых летех и стал быть в возрасте, и женился, и прижил с женою своею дву сыновей, Леонтия да Григория Петровых, и в 701 году мая 27 дня я, именованный, взяв показанную данную отцу моему грамоту, объявил покойному князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, и потому я отослан был к охоте в Семеновское на потешный двор помытчиком, а как состоялась первая перепись генерала Григория Петровича Чернышева и давали сказки, потом имена наши отосланы были в Преображенский приказ и смотрели нас на съезжем дворе и записали нас Семеновского потешного двора, и сказки с нас взяты за нашими руками, а в подушный оклад как отец мой Емельян Дорофеев, так и я, именованный, и с детьми моими нигде не положены.

2) А в 1738 году, в генваре месяце, подавал я, именованный, бывшему Волынскому доношение об определении своих ко птичьей охоте, и по тому моему

прошению определен токмо один сын мой Григорий Петров помытчиком, который и ныне Вашему Императорскому Величеству при птичьей охоте служит без всякого пороку, а я, именованный, и сын мой Леонтий без всякого определения и без пашпартов обретаемся праздно.

3) И дабы Вашего Императорского Величества указом повелено было мне, именованному, и с сыном моим Леонтием от Обер-Егермейстерской Канцелярии дать для нашего пропитания пашпорты до указу.

Всемилоостивейшая Государыня, прошу Ваше Императорское Величество о сем моем прошении милостивое решение учинить.

К поданию надлежит в Егермейстерскую Канцелярию".

Вероятно, челобитная эта осталась без последствий, так как по справке оказалось, что об Жилкине в царской птичьей охоте никаких сведений не имеется, а также что "при оной охоте нужды во оных не имеется". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. No 3).

В ноябре 1748 года Обер-егермейстерская канцелярия вошла в Правительствующий Сенат с представлением, в котором указывала, что во время рекрутского набора 1747 года с помытчиков брались рекруты с немалым для них изнурением, отчего некоторые пришли в крайнее разорение и нищету и возбудили ходатайство, чтобы с них взимались вместо рекрутов положенные в таких случаях деньги, в местах их постоянного жительства, во избежание в улове птиц "замешательства и остановки".

Сенат указом от 17 ноября того же года "Приказали: хотя вышеобъявленные соколы помытчики, по силе указа 1723 года генваря 9 дня, в подушном окладе против однопорцев состоят и имеют (состоять?), а по

указам Ее Императорского Величества рекрутские наборы чинятся со всех положенных в подушный оклад, но понеже оные помытчики, сверх того подушного оклада, ко двору Ее Императорского Величества, по прежним их грамотам, ловя птиц, ставить и в Москву привозить должны, к тому ж находятся они в разных местах и число душ не великое: и того ради... со всех тех сокольных помытчиков, в предбудущие наборы рекрут натурою не брать, а когда рекрутские наборы будут, тогда их, приписывая к прочим Государственным, Дворцовым, Монастырским или помещиковым крестьянам, в складку брать деньгами, по чему с души при тех рекрутских наборах указами определено будет". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 9551).

501 В 1747 году возникло недоразумение по поводу того обстоятельства, кому должны быть подчинены кречетьи и сокольи помытчики. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 47).

Правительствующий Сенат, находя, что "Ее Императорского Величества птичья охота ныне состоит безотменно, при том же и от двора Ее Императорского Величества от оной птичьей охоты птицы бывают отправляемы при посольствах в подарки, почему состоящие в ведомстве Обер-егермейстерской канцелярии помытчики и впредь для ловли и приносу в Москву птиц по-прежнему быть потребны" и, усмотрев из представленной Обер-егермейстерскою канцеляриею, во исполнение вышеприведенного сенатского указа от 1744 года за No 13168, ведомости числа помытчиков, что таковых по сделанной названною Канцеляриею ревизии оказалось за убылью по различным причинам налицо в Архангельской, Казанской и других губерниях 868 душ, "Приказали:

вышеписанных сокольных помытчиков, сколько где их по нынешней ревизии на лицо имеется, быть всем по-прежнему при оной птичьей охоте в ведомстве Обер-Егермейстерской Канцелярии". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 9413).

Заметим кстати, что при помянутой выше ведомости всего помытчиков по ревизии оказалось: в Архангельской губернии, в Архангельской провинции, в Киренской волости, в деревнях Гавриловской, Ананьинской, Смольниковской, Афанасьевской – 28 душ; в Богоявленском Усть-островке, в деревнях Севериновской, Шкулевской, Афонасьевской – 19 душ; в Куростровской волости, в деревнях Луховской, Денисовской, Колотовской, Пушкинской, Родионовской, Васильевской – 19 душ; итого 66 человек. В Вологодской провинции, Комельской трети и волости – 207 душ; в Синжевской трети – 126 душ; итого 333 человека. В Казанской губернии, в Казани и в селе Машадышах – 15 душ; в Свияжске – 9 душ; в Козьмодемьянске – 10 душ; в Чебоксарах – 41 душа; в Мокшанске – 25 души; итого 98 человек. В Ярославской провинции, в Юхотской волости, в деревне Павлове с деревнями – 65 человека. В Белозерской провинции, волоку Славинского, в деревнях Закоеве Большом и Данильцове – 84 человека; той же провинции, Чаранской округи, Кольнобольской волости, в деревнях Горепотно, Босеадихове – 64 человека; в Суздальской провинции – 29 человек; в Ростове – 64 человека; в Переяславле-Залесском – 63 человека; в Коломне – 4 человека; всего – 868 душ. (Там же, ст. 9551).

502 9 июня 1752 года воспоследовал следующий указ из Правительствующего Сената:

"Ростовским сокольим помытчикам соколов и

кречетов ловить по прежним указам без упущения и относить их в Семеновское на потешный двор, и в той ловле на удобных местах, где они прежде сего тех птиц лавливали, помешательства им никому никакого не чинить и ни в какие их службы, по силе данных из Преображенского Приказу грамот, не выбирать. А судом и расправою ведомым им быть в Воеводской канцелярии; а подушные деньги и рекрут платить по-прежнему; а торгов никаких им, по силе Магистратского Регламента и Именного блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорского Величества Петра Великого указу 1722 года, не иметь". (Там же, ст. 6089).

503 От того же 1775 года сохранилось объемистое дело по поводу жалобы общества вологодских помытчиков, Комельской трети, деревни Климовой, на одного из своих сотоварищей из деревни Займище-Измайлово, приписанной к деревне Климовой, на соколя помытчика Сидора Савина, который не захотел явиться на мирской сход, несмотря на требование старосты помытчиков и мира. Дело это интересно только в том отношении, что указывает на заботы обер-егермейстерской Конторы, прилагавшиеся к поддержанию порядка внутренней жизни подчиненных ей помытчиков, почему, не вдаваясь в подробности, отметим только, что Савин упрекался своими двоюродными братьями в неправильном разделе общепосеянной ими репы и двукратно ослушался постановления мира – явиться для разбора дела на мирской сход. Когда об этом было донесено Обер-егермейстерской конторе, последняя выписала в Москву как Савина, так и всех лиц, причастных к делу, потерпевших и свидетелей, и, разобрав дело до мельчайших подробностей путем опроса каждого из

выписанных помытчиков и очных ставок, присудила бить Савина батогами, после чего отпустить всех выписанных помытчиков по домам с соответственным наставлением. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. No 1).

504 16 марта 1792 года Московскою обер-егермейстерскою конторою был дан указ статейничему Дмитрию Рыкунову, из коего, между прочим, усматривается, что помытчики по всем их делам, ведались в то время всецело в обер-егермейстерском ведомстве: "Насланным из Обер-Егермейстерской Канцелярии, минувшего февраля от 23 числа, указом велено, для разобранья и решения продолжающихся Углицкой Округи, Юхотской волости сокольных помытчиков не малое время дел, выбрать сей Конторе из числа птичей охоты офицеров человека исправного, коего в оную Юхотскую волость и отправить; почему сею Конторою выбран и во оную отправу назначен кречетник Николай Юргенев". (Тот же арх., д. 1658, стр. 274).

505 В марте 1775 года, вследствие того обстоятельства, что "ныне Всевысочайшее Ее Императорского Величества присутствие имеет быть в Москве", почему "и в птицах ныне состоит против прошлых лет большая надобность". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 7). Обер-егермейстерская контора послала указы подведомственным ей помытчикам, а именно переяславль-залесским, ростовским, ярославским, вологодским, белозерским, суздальским и коломенским с накрепчайшим подтверждением, "чтобы они, по получении оных указов, ни мало не мешкав, все поголовно вышли на помцы и старались оных птиц помкнуть, как возможно с наибольшим удовольствием, и как скоро где тех птиц помкнуто будет, то оных

тотчас, в силу прежде посланных к ним, помытчикам, указов, и приносить в Москву к охоте во всякой исправности, не дожидаясь многого числа". (Тот же арх., оп. 72, д. No 51).

Для исправления этого указа белозерские помытчики, староста Алексей Алексеев с товарищами, собрались 4 марта в Кириллов Белозерский монастырь, откуда "съехали на казенный Черный лес, за неимением годных в собственных их дачах лесов для порубки на помцы сухого лесу на истопки, а строевого под уловные птицы на амбар, и на столбы, и к помцам, которого лесу на том казенном Черном лесу потребное число нарубили и везли до казенного ж лесу, называемого Белого мху". Здесь, по донесению названных помытчиков, "незнаемо каким образом, вышед из стороны на лыжах и ползком на коленках, с топорами и дубинами, вотчины помещиков господ Головиных, деревни Дитятева крестьяне... тот везенный ими на помцы как сухой, так и на амбары под уловные птицы и на столбы лес, называя якобы порублен на их помещичьих дачах, – отбили и шесть лошадей их со всем конским прибором отняли, а с некоторых помытчиков начали сдирать шубы и упоки (?) и помянутых лошадей держали немалое время и сморили голодом едва живых, так что, по отдаче от Белозерской Провинциальной Канцелярии, насилу согнали они их в дома свои. А из того Белого мху, как отбили, зная свою неправость, гнали целиком верст до пяти, из которых одна (лошадь) оказалась без ног".

Подобный грабеж помытчиков крестьянами помещиков Головиных "учинил во всем остановку", лишив помытчиков возможности исполнить вовремя вышеприведенный указ. Дело свое направили они в Провинциальную канцелярию через местного сотского,

опросившего окольных людей и убедившегося в их правоте, причем просили донести о происшествии Обер-егермейстерской конторе, дабы с них не было взыскано за неисправность, происшедшую не по их вине.

Одновременно с этим в Белозерскую провинциальную канцелярию поступила исковая челобитная сына помещика Головина, капитана Данилы Ульянова, в которой было указано, что белозерские помытчики вырубили в его дачах немалое количество лесу, почему он, Головин, требует предания помытчиков формальному суду.

Уведомленные о том, с приказом явиться к суду, помытчики отозвались, что в суд идти "они опасны и не смеют" без разрешения Обер-егермейстерской канцелярии, в ведомстве коей находятся.

В конце концов дело это перешло в Обер-егермейстерскую канцелярию, которая, взвесив обстоятельства и нижеприводимые показания сотского и окольных людей "по сотенной записке" и приняв во внимание, что по силе вышеприведенных нами указов прежних годов было строго воспрещено не только требовать помытчиков в местные суды, но даже чинить им в ловле птиц какие бы то ни было помешательства, следить за чем лежало на обязанности Белозерской провинциальной канцелярии, нашла, что действия в данном случае последней Канцелярии совершенно неправильны.

Руководствуясь этим, Обер-егермейстерская канцелярия, по указу ее императорского величества, приказала: "Как упоминаемые Белозерские помытчики в поданном своем прошении представляют, что ими тот лес рублен на вышеизъясненную для помыкания к охоте Ее Императорского Величества птиц надобность и точно в

экономическом лесу, а не в помещичьих Головина дачах, а в помещичьих дачах, как по сотенной записке значится, хотя и рублен и то самый тонкий и сухой, и единственно только на одни истопки и притом по дозволению вышеобъявленных помещика Головина Дитятевских крестьян, как о том точно в той сотенной записке значится, и для того во оную Белозерскую Провинциальную Канцелярию послать указ, коим дать знать, что она Канцелярия, во первых, не войдя в обстоятельства дела, хотя и довольное сведение имела о вышеписанных тем помытчикам грамотах, коими повелено их, помытчиков, во всяких исцовых делах судом и расправою, кроме Семеновского потешного двора, нигде не ведать, также и в улове птиц помешательства никому не чинить, о чем от них, помытчиков, и в вышепрописанной сотенной записке точно изъяснено, и притом зная обстоятельно, что те помытчики состоят в точном ведомстве Обер-Егермейстерской Канцелярии, но все она Провинциальная Канцелярия, оставя по просьбе помещика Головина, принуждает их, помытчиков, к формальному суду, чего той Провинциальной Канцелярии, за силою объявленных жалованных оным помытчикам грамот, без требования от команды, то-есть от Обер-Егермейстерской Канцелярии, чинить совсем не следовало-б, тем паче, что как ныне наступило время помыкания птиц, а по случаю Высочайшего Ее Императорского Величества в Москве присутствия, то тем помытчикам накрепчайше подтверждено и ныне еще им подтверждается, чтоб они тех птиц помкнули и к охоте принесли, как наивозможно с большим удовольствием, ибо как ныне Всевысочайшее Ее Императорского Величества присутствие в Москве, то и в приносе большего числа

сюда птиц великая надобность состоит. Белозерской же Провинциальной Канцелярии не следовало самой не только в такое время, в котором должны они, помытчики, помыкать к охоте птиц, отвлекать их от того принуждением к суду, но если б и другой кто им, помытчикам, такое препятствие производить стал, то оной канцелярии долг обязывал чинить им, помытчикам, в таком случае всякое вспоможение, и для того оной Провинциальной Канцелярии впредь при таковых случаях поступать осмотнительнее и без сношения и дозволения Обер-Егермейстерской Канцелярии оных помытчиков никогда к таковым по исцовым делам ответам не принуждать, но во всем, что до них имеет касаться, поступать по состоящим издревле узаконениям и состоявшимся о том указам непременно, о чем с прописанием вышеписанного для ведома оных Белозерских помытчиков старосте послать указ, которым между прочим накрепчайше подтвердить, чтобы оные помытчики сею весною все мерное прилагали старание в наловлении и в приносе птиц к охоте Ее Императорского Величества с большим против прежних приносов довольствием, так как о том уже им преждепосланными указами предписано, ибо в случае их неисправности, сия Обер-Егермейстерская Канцелярия имеет с ними поступить, не приемля никаких отговорок, яко с ослушниками и нерадивыми, по всей строгости законов". (Тот же арх., оп. 73, д. No 7).

506 Помытчикам воспрещалось заниматься какими бы то ни было делами, кроме их специальности, без особого на то разрешения. За соблюдением этого правила следили кречетники и другие чины царской птичьей охоты, нередко командировавшиеся из Москвы в районы пребывания помытчиков. Так, в

июле 1719 года кречетник Яков Ярцев доносил Преображенскому приказу, что он, будучи в Переяславле-Залесском, зашел 6 мая в канцелярию ландрата и увидел, что в той канцелярии сидит в подъячих соколий помытчик Иван Петров сын Чистяков. Ярцев стал говорить Чистякову: "Не свое дело отправляешь: указано вам Переяславским сокольим помытчикам в нынешнее вешнее время с великим радением сидеть на помцах и ловить соколов, и есть ли у тебя Великого Государя указ из Преображенского приказа, что тебе быть в подъячих". Чистяков вместо ответа начал браниться. "За тем их, Переяславских сокольных помытчиков, нерадением и непромыслом птиц, — заканчивал Ярцев свое доношение, — ныне Соколов в Семеновское на потешный двор против прежнего в приносе малое число". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. No 8).

507 В 1760 году Главным магистратом был возбужден вопрос о праве сокольных помытчиков заниматься торговлею. Магистрат доносил Обер-егермейстерской канцелярии, что, с одной стороны, по регламенту, данному еще Петром Великим этому магистрату, производство торговли лицами, не записанными в купечество, запрещено безусловно; с другой же стороны, грамотами прежних правителей земли русской, дарованными сокольим помытчикам, последним разрешалось торговать наряду с купцами и без записи в купечество. Подобное несогласие закона общего с законом частным требовало, по мнению Главного магистрата, разъяснения Правительствующего Сената.

Одновременно с этим в Обер-егермейстерскую канцелярию поступила челобитная поверенного переяславль-залесских сокольных помытчиков Андрея

Боженова, в которой говорилось, что Переяславльский магистрат и купечество, невзирая на жалованные им, помытчикам, грамоты, не допускают их к торгу уже с 1745 года, "чиня при том обиды и разорения, и постоя к ним ставят многолюдственно, а кто из них силою грамот станет отговариваться, таковых бьют немилосердно; а ныне в покупке под строение дворов земли учинили запрещение, чем наиболее приводят их в изнеможение". Несмотря на то обстоятельство, что помытчики не раз жаловались на такое с ними обращение в Обер-егермейстерскую канцелярию, что Канцелярия эта не раз сносила по сему предмету с Главным магистратом, что Главный магистрат не раз посылал в магистрат города Переяславля-Залесского указы о неправильности действий последнего – "точию оный Магистрат не токмо по оным не исполнял, но и вяще прежних еще обиды причинял, да и у оного поверенного Боженова в 739 году, запечатав лавку, и поныне не распечатывает, и не токмо для продажи, но и до вынудия из оной товаров в ту лавку не допускают. И от таковых обид, разорения и от недопущения до торгов они, помытчики, не имея никакой земли, паче же за выбылью в разные по указам службы и умершими немалого числа душ, не точию к помыканию потребных птиц, которую службу они исполняют своим коштом, но и к платежу государственных поборов пришли в несостояние и совершенную нищету".

Правительствующий Сенат, рассмотрев это дело и приняв во внимание жалованные помытчикам грамоты, отдал все-таки предпочтение закону общему и воспретил помытчикам производить всякую торговлю, кроме разрешенной в 1755 году всем крестьянам по тогдашнему Таможенному уставу. Что же касается городской службы и постоев, то Правительствующий

Сенат признал в этом случае силу дарованных помытчикам грамот продолжающуюся и от сказанной службы и постоев велел помытчиков освободить. "Также за неимением никакой земли, кто пожелает из купечества им, помытчикам, под дворы и прочее земли во владение уступать: в том Переяславскому Магистрату препятствия и никаких притеснений и обид не чинить. Упоминаемого ж Андрея Боженова с детьми и внуцаты, по его торговым промыслам, и как в челобитье своем объявляет, что прадеды, деды и отец его, Боженова, были гостиной сотни купцы, по желанию его быть в купечестве, в силу вышеобъявленных Уложения, Регламента Главного Магистрата и Именных 208 и 722 годов Высочайших указов, Главному Магистрату, по тем его торговым промыслам освидетельствовав в том Переяславле-Залесском в купечество записать и положить его против прочих купцов в обыкновенный оклад; однако, будучи в купечестве, и прежнюю соколью службу на всегдашнее время потомственно ему, Боженову, исправлять тож. Буде и другие кто из помытчиков Переяславля-Залесского пожелают по торговым их промыслам в купечестве ж быть, о записки их Главному Магистрату чинить надлежащее в силу указов определение; ибо из того в службе помытчицъей, хотя б оные и все в купечестве были записаны, ни малого опущения быть не может, для того, что они прежнюю их службу, против вышеписанного, потомственно исполнять должны". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11177).

В том же 1766 году, в марте месяце, одним из приписанных к московскому купечеству соколых помытчиков, Дмитрием Блазновым, было донесено Обер-егермейстерской конторе о невозможности для

него отправиться в Архангельск для понуждения к лучшей кречетов ловле со стороны вологодских помытчиков, которых в числе 20 человек направили туда тою весною, причем причиною такой невозможности Блазнов приводил постановление московского купечества о выборе его на какую-то общественную должность. Обер-егермейстерская канцелярия вошла по этому поводу в сношение с московским магистром, указывая, что хотя состоявшимися сенатскими постановлениями и было предписано занимающихся торговлю помытчиков записывать в купечество, однако Сенат вполне определенно выразился, что подобная запись не должна отзываться ущербом на прямом деле помытчиков — на помыкании ими для Императорской охоты ловчих птиц. Кроме того, все касавшиеся того же предмета указы Правительствующего Сената подтверждали права помытчиков о невыборе их на городские и общественные должности. Руководствуясь этим, Обер-егермейстерская канцелярия не только не изменила своего приказания об отправлении Блазнова в Архангельск для указанной выше цели, но и предложила Московскому магистрату раз навсегда запретить московскому купечеству нарушать установленные Правительствующим Сенатом порядки, присовокупляя к этому, что "если ж и за сим указом он, Блазнов, в какую гражданскую службу купечеством выбран будет, и от Московского Магистрата в том запрещения учинено не будет, и от того какой-либо в охоте, к Ее Императорского Величества увеселению, в птицах последует недостаток, то в том ответственность имеет оный Московский Магистрат". (Тот же арх., оп. 70. д. No 36).

Из помянутой выше партии вологодских

помытчиков, направленных в 1766 году на промысел в Архангельск, один помытчик Комельской трети, деревни Климовой, Иван Соколов, "за учиненный им от помыкания ко птичьей охоте птиц побег и прочие непорядочные поступки и пьянство" был отослан в Государственную военную коллегию для определения в солдаты. Весьма интересным является тот факт, что за подобный поступок одного из своих товарищей поплатились все вологодские помытчики. С них велено было взыскать 10 руб. 91 1/2 коп. в пользу Обер-егермейстерской конторы за купленное отданному в солдаты помытчику рекрутское платье и за выданное ему же трехмесячное жалованье. (Тот же арх., оп. 70, д. No 50).

508 11 декабря 1758 года "соколи помытчики птичьей Ее Императорского Величества охоты" (вероятно, комплектные, о которых говорилось выше), Дмитрий Яковлев, Дмитрий Иванов и Федор Максимов, дети Блазновы, донесли Обер-егермейстерской конторе, что "в прошлых де разных годах, при державе Вседражайшего Родителя Ее Императорского Величества Блаженныя и вечной Славы достойныя Памяти Государя Императора Петра Первого" было повелено всех городов кречетых и соколих помытчиков во всяких делах судом и расправою ведать в Москве, в Преображенском приказе, на дворах их постоев не ставить, а в то время, когда они бывают от соколиной ловли свободны, разрешать им для прокормления домов их торговать с платежом пошлин как в Москве, так и в других городах. Затем повелевалось, кроме оброчных птиц, никаких податей с них не брать и ни в какие службы, без особых Высочайших именных указов, не назначать.

Блазновы доносили, что, несмотря на доставление

ими оброчных птиц бездоимочно, "когда они, для улову ко двору Ее Императорского Величества положенных на них птиц в надлежащие, а особливо от Москвы отдаленные места, ежегодно отлучку имеют, где немалое время, оставя в Москве, во-первых, имеющийся к пропитанию торг, также и дома свои, для показанного улову и продолжаются, то в небытность их в Москве от Московской Полициймейстерской Канцелярии требуют с домов их всяких полицейских исправлений, также и постой к ним на дворы ставят, чего они исправлять не в состоянии и от того претерпевают в найме (людей, вместо себя) ко исправлению оных полицейских должностей немалые убытки, а в содержании, в небытность их в Москве, от постоев великие утеснения бывают". Подобные притеснения, по заявлению Блазновых, приводят их в разорение и недостаток, почему в силу необходимости принуждены они ходатайствовать об освобождении их, на основании вышеприведенных грамот, от постоя и исправления полицейских должностей, "дабы б они во время отлучек из Москвы для улову к означенной птичьей Ее Императорского Величества охоте птиц не могли претерпевать нужды и от того бы их недостатку не могло последовать в улове ко птичьей Ее Императорского Величества охоте птиц остановки".

Обер-егермейстерская контора 15 декабря того же года определила послать по изложенному делу промеморию в Московскую полициймейстерскую канцелярию, которую требовать, дабы она Канцелярия благоволила удовлетворить ходатайство названных помытчиков, чтобы последние "того наследственного им отягощения иметь не могли" и чтобы "оние в приносе ко птичьей Ее Императорского

Величества охоте подлежащих птиц исправными всегда находиться имели и в том бы никакой отговорки Обер-Егермейстерской Конторе представлять не могли". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 15).

Последний известный нам сенатский указ описываемой эпохи, разъясняющий некоторые права помытчиков, относится к концу 1785 года.

В это время московский губернатор Лопухин представлял главнокомандующему в Москве генерал-фншефу Брюссу, что из числа записанных в московское купечество сокольных помытчиков Дмитрия Блазнова жене было приказано во время отсутствия ее мужа, командированного на ловлю птиц распоряжением Обер-егермейстерской канцелярии, очистить лавку последнего в седельном ряду от товаров вследствие истечения сроков, на которые лавка эта была предоставлена Блазнову. За жену Блазнова заступилась Обер-егермейстерская канцелярия, сообщив в Московское губернское правление, чтобы до прибытия Блазнова никаких по сказанному предмету распоряжений не делать и вообще по подобным делам раньше какого бы то ни было решения сноситься с Обер-егермейстерскою конторою, не осмеливаясь чинить присылок за проживающими в Москве сокольными помытчиками, подведомственными исключительно Обер-егермейстерской канцелярии.

С своей стороны, Лопухин находил, что подобное распоряжение Обер-егермейстерской канцелярии могло быть принято к руководству только по отношению помытчиков, не приписанных к купечеству, почему, так как Блазнов состоит в московском купечестве, Обер-егермейстерская канцелярия может им распоряжаться "токмо по должности, до птичьей охоты относящейся, не вступаясь ни мало в коммерческие

дела".

Дело это дошло до Правительствующего Сената, который нашел, что жалованные грамоты и прочие узаконения о бытии сокольим помытчикам под судом и расправою в бывшем Преображенском приказе, а, наконец, в Обер-егермейстерской канцелярии принадлежат единственно для тех токмо, кои в купечестве не записаны, а с записанными в купечество и живущими в Москве своими домами как по купеческим их торгам, так и другим городовым выгодам касательно до суда их поступать должно по точной силе высочайше изданных от Ее Императорского Величества о губерниях учреждений, Устава благочиния и Городского Положения, в чем Егермейстерской Конторе никакого препятствия и помешательства чинить не должно". (1-с Полн. Собр. Зак., ст. 16290).

К 23 октября 1793 года относится ордер Обер-егермейстерской канцелярии, в котором, между прочим, читаем: "Помытчика Михаила Блазнова мыслать непременно в Вологду, на прежнее его жилище". Отмечаем этот факт как интересный вследствие того обстоятельства, что Блазнов до того времени жил в сокольничей слободе, но был, как о том докладывал статейничий Дмитрий Рыкунов обер-егермейстеру князю Голицыну, "поведения весьма непорядочного и делал великие обманы, чем и наводил команде немалую конфузию". При отправке его на родину, старосте помытчиков с товарищами было предписано, впредь ему, Блазнову, увольнительных билетов ни под каким видом не выдавать. (Общ. Арх. Мин. Двора, дело 1658, стр. 580, 389).

509 В августе 1776 года Московская обер-егермейстерская контора доносила Сенату: "К

охоте Ее Императорского Величества и Его Высочества птиц против прежнего гораздо более готовится и приходящие из разных мест с приносными птицами помытчики помещались в состоящих здесь в Москве трех помытчиковых дворах, кои, по силе указа из Сената, посланного 1763 году мая 23 дня в Полицеймейстерскую Канцелярию (вероятно, после изложенного выше ходатайства Блазновых от 11 декабря 1758 года и после сношения по этому предмету Обер-егермейстерской канцелярии с Московской полицеймейстерскою канцеляриею), от постоя и полицейских должностей уволены. Ныне по умножению птиц приходящие с ними помытчики в тех трех дворах поместиться уже никак не могут, потому что должны они до приему от них птиц в Семеновском на потешном дворе, приготовляя к отдаче годными, жить на тех дворах по немалому времени, и за таковым утеснением трех дворов куплен еще Переславским сокольим помытчиком, здешним жителем Андреем Поповым, дом, состоящий за Земляным Городом, в приходе Богоявления Господня, что в Елохове, на котором постоя содержится и полицейские должности отправляются, и хотя о увольнении от оных от Конторы Московской полиции и сообщено двоекратно, но она, за вышеписанным Сенатским указом, не увольняет. А как по необходимости для птичьей охоты означенного помытчика Попова двор неотменно построен, то и просила, дабы, сверх уволенных от постоя и служб трех дворов", был бы также уволен и новокупленный Поповым двор.

Правительствующий Сенат, принимая во внимание, что такие же льготы сокольим помытчикам были определяемы указами 7015, 7117, 1700 и 1711 годов, а также что в утвержденном высочайшею властью штате

Императорской охоты 1773 года оговорено, что "сокольным помытчикам остаться впредь до рассмотрения на прежнем основании", – изложенное ходатайство Обер-егермейстерской конторы уважил. (Подл. Сен. Ук. 26 авг. 1776 года; Рук. Имп. ох.).

В декабре 1784 года Симбирская казенная палата просила Правительствующий Сенат указать ей, следует ли имеющихся в городе Симбирске двух сокольных помытчиков по неимению у них для хлебопашества земли оставить в одном семигивенном окладе или как надлежит поступить с ними.

Правительствующий Сенат указал, что так как симбирские соколы помытчики по штату Императорской охоты 1773 года не оставлены (собственно говоря, они не были только проектированы к оставлению, а проект этот апробован не был), то их нужно приписать к дворцовым крестьянам, наделить землею и наложить на них повинности, как и на прочих дворцовых крестьян, "что Казанской Палате следовало сделать своевременно". (Подл. ук. Сен., No 10190, 1784 г.; Рук. Имп. ох.).

510 24 декабря того же года Московская обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Рыкунову по поводу объявления некоего Нестерова о взыскании по векселю денег с помытчика Андреева: "Оное объявление отдать обратно означенному просителю, с объявлением тем, что Контора не такое присутственное место, чтоб о долговых деньгах по письменным видам или векселям судить могла, почему разбирательства и взыскания учинить не может, а просил бы о том и искал он, господин Нестеров, если пожелает, в таком присутственном месте, где по законам надлежит. Помытчика ж Михайлу Андреева, призвав в

присутствие Конторы, объявить, чтоб он отныне впредь, за открывшимся по делу о двойном прозвании его обстоятельством, никаким бы прозванием, ни Блазновым, ни Гагариновым, не назывался и не подписывался, а назывался б, согласно с его плакатным пашпортом, Михайлою Андреевым, в чем и обязать его подпискою". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 393).

26 февраля 1786 года воспоследовал именной высочайший указ ярославскому и вологодскому генерал-губернатору Алексею Петровичу Мельгунову, пунктом 7-м какового указа повелевалось: "Соколы помытчики, по их жительству в городах, не могут отклоняться от полицейских должностей; а буде они упражняются в мещанских промыслах, то и тягости сего звания нести обязаны на основании городского положения". (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 16331).

511 Вскоре по отсылке этого указа, присланный из Казанской губернской канцелярии с птицами чебоксарский соколий помытчик Никифор Алаторкин подал в Обер-егермейстерскую контору челобитную, в которой указывал, что, "по силе де Ее Императорского Величества указов, велено им помыкать птиц и приносить ко птичьей Ее Императорского Величества охоте повсягодно, и как де придет к улову птиц удобное время, тогда их того города Чебоксар воевода Федор Шахмометев ставит в доме своем, також у канцелярии и у тюрьмы на караулы человек по шти и держит месяца по два и более ж, и для услуг своих для гребли в судне берет в Казань человек по шти ж, и всегда посылает по разбойническим и всяким делам в посылки, а прочие помытчики за малосемейством всегда, вместо себя, нанимают, и тем во птичьей ловле им чинит помешательство и остановку, отчего они приходят в самое убожество и скудость".

По рассмотрении дела Обер-егермейстерская контора послала в Чебоксарскую воеводскую канцелярию указ, которым повелевала, дабы воевода Шахмометев состоящих в ведомстве этой конторы чебоксарских помытчиков для указанных выше надобностей употреблять "отнюдь не дерзал под опасением за такие чинимые показанным помытчикам обиды и разорения подлежащего ответа и штрафа по указам. Ежели ж впредь объявленным помытчикам такие наглые обиды и разорения чинимы будут, то Обер-Егермейстерская Контора о том должна будет, куда надлежит, представить". Вместе с тем Казанской губернской канцелярии предписывалось, "взяв ответ" с Шахмометева по изложенному делу, рапортовать о последующем в Обер-егермейстерскую контору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 2833).

512 В июне того же 1773 года в Обер-егермейстерскую контору поступило прошение от чебоксарских помытчиков, которые просили об увольнении их от посылки в Оренбург для ловли птиц "за погорением их дворов и сделанных для ловли тех птиц избушек" и о дозволении конторою позаимствовать из Чебоксарской воеводской канцелярии денег, необходимых для изготовления к ловле птиц материалов. Контора представила это дело на усмотрение Обер-егермейстерской канцелярии, а последняя рассудила, что по случаю приключившегося у чебоксарских помытчиков разорения и "за погорением имевшихся у них в кречетей ловле инструментов, от поездки в Оренбург для ловли птиц уволить хотя и можно, но только нынешний год, а не более, ибо во оное время надлежит им исправиться инструментами и прочим домашним строением. На изготовление ж тех к ловле птиц материалов деньги из Чебоксарской

Воеводской Канцелярии могут они просить сами собою, а Обер-Егермейстерской Канцелярии об оном с тою Чебоксарскою Воеводскою Канцеляриею в переписки вступать не должно". Руководствуясь изложенным, Обер-егермейстерская канцелярия постановила предложить своей конторе послать старосте чебоксарских помытчиков указ вышеприведенного характера с подтверждением, чтобы освобождаемые в том году от ловли птиц помытчики в будущем году отправились на промысел непременно, в обыкновенное время, "и старались бы птиц помкнуть с наибольшим удовольствием за определенное им от Канцелярии в нынешнем году отдыховенье; в место ж оных Чебоксарских помытчиков, в нынешнее отправление оной Конторе отправить, по рассмотрению своему, из других мест помытчиков, хотя и не по очереди, но только бы они действительно отправлены были для ловли реченных птиц в Оренбургскую губернию, куда помянутые Чебоксарские помытчики хаживали, во всем на том же основании, как и Чебоксарские бывали отправляемы". (Тот же арх., оп. 69, д. No 40).

513 В начале января 1716 года ярославские помытчики подали Петру I следующую любопытную челобитную:

"Державнейший царь, государь милостивый " – " В нынешнем, государь, 716 году Ярославского уезду Юхотской волости боярина Бориса Петровича Шереметева села Нового приказный его человек, Иван Костров, разорил нас, нижепоименованных рабов твоих, до конца: из деревень нашу братью сокольных помытчиков, всех из дворов наших вывез в иные вотчины и дома наши запечатал, также и хлеб, и всякую рухлядишку. И пойман у нас, рабов твоих был сокол вешняк, и хотели мы нести его к тебе, великому

государю, к Москве, в Семеновское, на Потешный двор. И того сокола он приказный человек, запечатал же в доме нашем, и ныне, государь, тот сокол жив ли, или нет, про то мы, рабы твои, не ведаем. И ныне у нас соколя ловля стала от него, приказного человека, и помыкать соколов на тебя, великого государя, некому. А по какому указу он, приказный человек, нашу братью, соколых помытчиков, из деревень повывез в иные вотчины и дома наши запечатал, и хлеб и всякую рухлядишку, того мы, рабы твои, не ведаем.

"Всемилоостивейший государь, просим вашего величества, великий государь, из Преображенского приказу послать свой государев указ в Ярославль, в Юхотскую волость и того вышеписанного приказного человека, Ивана Кострова, допросить: по какому указу он нас, рабов твоих, из деревень наших вывез в иные вотчины и хлеб, и дома наши, и всякую рухлядишку нашу запечатал и соколю ловлю остановил, и по допросу его, что ты, великий государь, укажешь, а нашу, государь, братью, соколых помытчиков, вели, государь, ему, приказному человеку, из вотчины привезти в наши деревнишки по-прежнему и дома наши, и хлеб, и всякую рухлядишку вели, государь, распечатать и отдать нам, рабам твоим, чтоб нам было когда на тебя, великого государя, соколов помыкать, а впредь бы нам от него, приказного человека, разоренным не быть и дела бы ему до нас, рабов твоих, никакого не было".

Во внимание к этой челобитной ближний стольник князь Федор Юрьевич Ромодановский по указу царя сделал распоряжение о немедленном удовлетворении ходатайства просителей, приказав, независимо этого, сыскать и допросить по делу управляющего домом генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича

Шереметева.

Последнее поручение было возложено на солдата Лейб-гвардии Преображенского полка Данилу Несмеянова, который, представ 25 апреля того же года перед князем Ромодановским с товарищами в Преображенском приказе, доложил, что во дворе фельдмаршала графа Шереметева ему сказали, что приказные дела поручены графом его стряпчему Андрею Тиханову и что живет Тиханов на Арбатской улице. Затем, разыскав дом Тиханова, Данило в течение двух дней не мог добиться свидания со стряпчим фельдмаршала, так как он оказался больным и отдал приказание, чтобы его не тревожили. Тогда в Преображенский приказ был вытребован дворецкий фельдмаршала, Еким Булатов, и при допросе показал, что приказный человек графа Шереметева, Иван Костров, действовал по приказу своего господина фельдмаршала и что приказ этот был вызван тем обстоятельством, что челобитчики, помытчики деревень Павлово и Рашково, не платят ни государю, ни ему, фельдмаршалу, податей, подобно прочим крестьянам, тогда как названные деревни составляют собственность графа Шереметева. К этому Булатов прибавил, что относительно пойманного помытчиками сокола, а также относительно остановки дальнейшей ловли соколов он, Булатов, никаких сведений не имеет и что по силе указа, полученного из Преображенского приказа, распоряжение о водворении помытчиков в их домах и о неказании впредь до нового указа никаких обид и утеснений уже приведено в исполнение.

Между тем Преображенский приказ запросил приказ Большого Дворца о даче справки из писцовых книг данной местности, были ли сокольи помытчики деревень Павлово и Рашково записаны в тягле вместе с

прочими крестьянами, какие именно и по каким указам лежат на них повинности и были ли помытчики эти отданы вместе с названными деревнями в собственность графу Шереметеву. Приказ Большого Дворца доставил чрезвычайно подробную и обширную справку из писцовых книг Юхотской волости относительно новых владений графа Шереметева, из которой заимствуем лишь сведения, непосредственно касающиеся помытчиков.

Из справки этой можно усмотреть, что Юхотская волость составляла в конце XVI и в начале XVII столетий вотчину князей Милославских, а затем, после князя Федора Ивановича Милославского, поступила в число дворцовых волостей. В волости этой имелось в числе прочих село Новое, а к погосту последнего села, Клементьевскому, была, между прочим, приписана деревня Павлово на речке Кое с пустошью Рашково.

В январе 1632 года по челобитной жителей деревни Павлово, Ивашки да Трофимки Сысоевых, государь Михаил Федорович пожаловал их в сокольи помытчики и велел "деревню Павлово, в которой они живут и с пустошми для государевой сокольи ловли обелить, а платить им на государеву кречатню по 4 сокола в год".

В 1681 году, как мы уже упоминали, в деревне Павлово числилось 9, а в деревне Рашково два двора помытчиков. Помытчики эти платили подати соколами натурою или деньгами за ловчих птиц, в различные годы в различных размерах, и, кроме того, около 1691 года с них бралось "полоняничных и ямских денег" по 10 денег от каждого двора.

В 1706 году, августа 26 дня, Петр I, в бытность в военном походе в Киев, пожаловал "большого полку генерал-фельдмаршала и военного мальтийского

свидетельствованного славного чина святого Апостола Андрея Кавалера Бориса Петровича Шереметева за многия его верныя службы" владением в Юхотской волости Ярославского уезда, состоявшим из четырех сел, в том числе и села Нового с деревнями, и 1800 крестьянских дворов "со всем, как во дворце было". О дворах помытчиков в указе ничего не было сказано.

Чем окончилось это дело, мы не знаем, но можем предполагать, что графу Шереметеву было разъяснено недоразумение, а ростовские помытчики были оставлены в ведомстве Преображенского приказа, так как они продолжали поставлять соколов на Семеновский потешный двор, причем привозили довольно много птиц. Помытчики эти были наделены пашенною землею, сенокосами и всякими угодиями и, кроме приноса птиц, не платили в это время решительно никаких других повинностей. (Тот же арх., оп. 178, д. No 19).

514 16 апреля того же года статейничий Рыкунов получил от Обер-егермейстерской конторы указ: "Поданным в Контору сию вы рапортом представляли, имеющиеся де при птичей охоте кречета и их челига уже в выдержку служителям розданы, соколов же при птичей охоте ни одного не имеется, к выдержке ж оных наступило удобное время, а положенных на помытчиков соколов еще ни одного ко птичей охоте не доставлено, почему и благоволено б было тем помытчикам, на коих положен принос соколов подтвердить, чтоб они непременно доставили овых гораздо раннее, и чтоб не упустить к выдержке оных удобного времени. А по справке в Конторе, поданными в Контору вы рапортами представляли, что принято ко птичьей охоте, Углицкой округи, Юхотской волости, деревень Павлова, Раткова и Синцова, от сокольных

помытчиков соколов: дикомытей восемь, вешняк один, кречет молодой один, челигов кречетых молодых два, челиг кречетий дикомыть один, которые кречета и челига считаются каждый за два сокола, а со оными и имеет всего быть от них в приносе на сей 1792 год 17 птиц; положено ж приносить Юхотским по двенадцать, а Переславским по восьми, итого двадцать соколов в год. Но в приносе от Переславских помытчиков и поныне еще ни одного сокола нет, к которым Переславским помытчикам о приносе соколов и указом от Конторы, минувшего февраля 27 числа, подтверждено: Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Контора сия Приказали: Переславских сокольных помытчиков, к старосте с товарищи, послать (и послан) вторичной указ, коим наистрожайше подтверждено, дабы они на сей год положенное на них число соколов непременно к охоте доставили, под опасением за непринос, сверх положенного штрафа, за каждую птицу по 10 рублей денежного взыскания". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 261).

К 7 октября того же 1792 года относится следующий указ Московской обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову: "В ордере Обер-егермейстерской канцелярии, минувшего сентября от 17 числа, написано, чтоб она Контора ко всем сокольим помытчикам, на коих положен принос птиц, учинила от себя накрепчайшее подтверждение, чтоб оные старались, как наивозможно, птиц помыкать и к охоте доставлять без заломки перьев да и гораздо ранее, нежели ими в нынешнем лете оные доставлены. Буде же ими и з сим предписанием те птицы также поздно будут к охоте принесены, да и в заломке перьев, то оные, за таковое их небрежение и поздание, непременно будут штрафованы. Того ради, по указу Ее

Императорского Величества, Контора сия Приказали: с прописанием вышеписанного города Переславля-Залесского и Углицкой округи Юхотской волости деревень Павлова, Раткова и Синцова сокольных помытчиков, к старостам с товарищи послать (и посланы) указы, коими наистрожайше подтверждено, дабы они, как наивозможно старались в поимке соколов гораздо против прошлых городов ранее, и доставляли к охоте, ни мало не медля, да и без всякой, как в крыльях, так и хвостах, перьев заломки; если ж ими сего исполняемо не будет, то непременно штрафованы быть имеют". (Там же, стр. 285).

515 Несмотря на указ 1715 года, до 1720 года из Симбирска и низовых городов не было представлено в село Семеновское ни одной птицы, почему в последнем году, 15 апреля, была отправлена с солдатом Лейб-гвардии Семеновского полка Иваном Небогатым новая грамота в Казанскую губернию к ближнему боярину и губернатору Алексею Петровичу Салтыкову с приказом выслать в Москву вышепомянутого помытчика Ивана Зиновьева с уловными птицами, что у него есть.

Зиновьев явился на потешный двор 24 июня вместе с Небогатым и представил 5 кречетов, челига кречетья да от 5 мертвых птиц крылья и хвосты, при чем объявил, что одна птица от него в дороге отшиблась и ушла.

О приеме птиц живых и крыльев и хвостов птиц умерших был уведомлен князь Иван Федорович Ромодановский, в то время бывший в С.-Петербурге, который приказал Зиновьева отпустить обратно, подтвердив прежний указ.

Одновременно с этим была послана новая грамота Салтыкову, в которой повелевалось, чтобы Зиновьев

ловил птиц по всем низовым городам, "где пристойно и где такие птицы появятся, в чьих ни есть угодьях с великим радением, неоплошно", чтобы Зиновьева не назначать ни к каким другим делам и не посылать ни в какие посылки "для того, что такие птицы из Москвы с Семеновского потешного двора посылаются во окрестные государства непрестанно". По мере улова птиц предписывалось отправлять их в Москву зимою. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 23). Помянутый выше соколий помытчик низовых городов, помещик Иван Зиновьев, несмотря на приказ, не поставил с 1720 г. по 1724 г. на Семеновский потешный двор ни одной птицы, почему в последнем году его велено было разыскать и выслать с пойманными им птицами в Москву; если же его дома не окажется, то выслать в Москву же его людей, Ивана Башкирова с товарищами. В ответ на это приказание в октябре месяце казанский вице-губернатор Кудрявцев доносил князю Ивану Федоровичу Ромодановскому, что он посылал в симбирское поместье Зиновьева нарочного солдата Петра Степанова, который нашел Зиновьева в селе Богородском лежащим больным. За болезнью Зиновьев ехать в Казань отказался, а про человека своего, Башкирова, сказал, что услал его для своих нужд в Пензу. Других людей Зиновьев также не отпустил и велел передать Кудрявцеву, что у него имеется в улове лишь один челиг кречетий. (Там же, оп. 75, д. No 23).

В марте 1727 года высочайшим указом из Преображенского приказа в Казанскую губернию предписывалось немедленно выслать в Москву к князю Ивану Федоровичу Ромодановскому как симбирского сокольего помытчика Зиновьева, который опять не явился сам на потешный двор, так и чебоксарского помытчика Михаила Алаторцева с детьми, со всеми

находящимися у них в улове птицами. Зиновьеву велено было ехать на своих подводах, а Алаторцеву приказано было дать под птицы подводы, "какие пристойны". (Там же, оп. 52 – 752, д. No 584).

От 1721 года сохранилась справка Преображенского приказа, из которой усматривается, что в предшествовавшие сказанному годы, по указу государя и по приказу ближнего стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского, велено было Вологодского уезда, Комельской волости, деревни Еговерова с приписными к ней деревнями жителям ловить и приносить в Семеновское на потешный двор ежегодно 12 вешних и осенних соколов дикомытей, с этих помытчиков положено было взыскивать штраф в размере 3 рублей за каждую недоставленную птицу. В ноябре этого года еговеровские вологодские помытчики, Борис Ларионов с товарищами, представили в Семеновское на потешный двор 8 соколов дикомытей (из окладных), 2 сокола молодика и 3 ястреба молодика же. За недоставленных 4 соколов дикомытей с них было взыскано 12 рублей. (Там же, оп. 39, д. No 349).

В 1722 году упоминаются сокольи помытчики Белозерского уезда, волока Словинского, деревни Закозья. В феврале этого года по указу ее величества жене одного из названных помытчиков, Степана Васильева, – Афросинье Фадеевой велено было отправиться "к марциальным водам для лечения, которая и приехала, только оные воды ей пить не позволено". Фадеева была отпущена домой, причем императрица дала ей на дорогу 3 рубля денег. (Сборн. арх. докум. о Петре Вел., т. II, стр. 133).

516 No 9-й К 1769 году относится известие, что казанские помытчики командировались для помыкания

ловчих птиц в Оренбургскую губернию. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 22).

25 января 1795 года обер-егермейстер князь Голицын предписывал Московской обер-егермейстерской конторе: "Как из рапорта сей Конторы усмотрено, что кречетником Григорием Шахмотовым с помытчиками привезено ко птичей охоте только семь птиц, да по месячному рапорту минувшего генваря к и числу показано оных двенадцать, то, в рассуждении малого оных числа, за нужное почитается предписать, чтоб Контора, с своей стороны, подтвердила иметь неослабное смотрение, дабы оные, как наивозможно, сохранены и исправлены были; но чтоб не могло последовать в птицах при охоте недостатка, то немедленно всем сокольим помытчикам, на коих принос соколов положен, предписать, чтоб оные, как наивозможно, старались помкнуть оных более и доставить к охоте против прежнего ранее, через что и недостатка последовать не может". (Там же, стр. 443).

16 июня того же года Московская обер-егермейстерская контора уведомила статейничего Рыкунова о следующем своем постановлении: "Кречетника Алексея Коноплева, к понуждению Казанского наместничества разных городов кречетных помытчиков к довольному помыканию в охоту кречетов и их челигов, в Уфимское и Пермское наместничества отправить, коему из Москвы и выехать сего июля 13 числа непременно, о чем для ведома вам послать сей указ". (Там же, стр. 461).

517 4 июня 1763 года Обер-егермейстерская канцелярия послала весьма интересный указ на имя архангельского губернатора, в котором, обращая, между прочим, внимание на то обстоятельство, что

"птичья охота к Всевысочайшему Ея Императорского Величества увеселению оказалась весьма угодна", высказалась, что "всевозможным своим старанием хочет усугубить, чтоб оную птичью охоту привести в наилучший порядок, а особливо в оной охоте самых лучших пород, то-есть белые и белокрапчатые кречеты и челиги, которые, по выдержании, в напускании на диких птиц бывают весьма проворны, кои в приносе бывают от Архангельских соколых (sic) помытчиков. И хотя минувшего апреля 14 дня, по определению Обер-Егермейстерской Канцелярии, присланным ко оным помытчикам указом и подтверждено, чтоб они нынешнего года осенью в помыкании таких кречетов и челигов цветных приложили старание, с тем, ежели тех птиц помкнуто будет с довольствием, то, сверх платежа им за них из Архангельской Губернской Канцелярии положенного по указам числа денег, имеет быть по приносе в Москву ко птичьей охоте за них же от Обер-Егермейстерской Канцелярии в награждение такая плата за каждую птицу, что и от Губернской Канцелярии они получают, — однако Обер-Егермейстерская Канцелярия ныне за потребно рассудила для понуждения помытчиков к непременному приобретению реченных птиц отправить туда нарочного. Того ради для помыкания вышеописанных кречетов и челигов и понуждения к тому помытчиков, отправлен нарочный статейщик Моисей Рыкунов да кречетник Ефим Микулин, коим, по прибытии к городу Архангельску, отправиться от одного водою в самые отдаленнейшие места к северу: буде же, сверх чаяния, помытчики для помыкания птиц отправятся на море до приезде статейщика, то, истребовав ему от оной Архангельской Губернской Канцелярии на покупку двух судов подлежащее число

денег на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии и купя на оные деньги те суда настоящею ценою, и взяв с собою оставшихся помытчиков, ехать с ними на тех судах водою на лучшее уловное место и помыкать птиц, как данным ему, Рыкунову, указом повелено, а оттуда отправиться сухим путем, а о суднах двух, купленных на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии, представить ему в Архангельскую Губернскую Канцелярию доношением, которым требовать, чтобы оные суда, как казенные, благоволено было, кому надлежит, принять под казенное охранение и в приеме тех судов взять ему, Рыкунову, росписку. Как же из всех уловных мест помытчики, також и он, статейщик, и кречетник со птицами в город Архангельск прибудут, то, приготова потребные к увозу в Москву сани и прочее, и истребовав от Архангельской Губернской Канцелярии под птицы надлежащее число, а под статейщика с кречетником двух и на платеж за оные две подводы прогонов деньги на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии, а под птиц за подводы, також за сани и прочие к отвозу птиц принадлежности деньги ж из следуемых в дачу от оной Губернской Канцелярии за улов птиц определенных, по силе Правительствующего Сената указов, денег потребное число, ехать со оными птицами в Москву по первому зимнему пути, ни мало не медля, и взять с собою для препровождения тех птиц и хождения за оными в пути помытчиков знающих надлежащее число, а во оную Архангельскую Губернскую Канцелярию повелено послать указ, которым требовать, дабы она благоволила, по требованию реченного статейщика, для отправки его водою на покупку помянутых двух суден с принадлежащими к ним снастями и на платеж за две подводы, на коих

статейщик с кречетником отправится в Москву, прогонов и на прочее, как будучи там в городе, так и в пути неминуемые расходы деньги из надлежащих сумм на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии ж выдать без удержания, також и в прочем, а особливо, что касаться будет к лучшему тех птиц приобретению и о учинении во всех тамошних местах ведомства оной Губернской Канцелярии обывателям в ловле тех птиц всякого вспоможения, благоволено б было от оной Губернской Канцелярии реченному статейщику дать послушный указ. А сколько именно на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии выдано будет статейщику денег и о том прислать во оную Канцелярию письменное известие, и когда от Губернской Канцелярии назначено будет отдать оные деньги, то отданы будут без всякого удержания". ("Арханг. губерnsk. ведом." за 1875 год, No 80).

В феврале 1765 года Обер-егермейстерская канцелярия приказывала "к приобретению кречетов и челигов кречетых с наибольшим удовольствием и при том лучших пород Архангелогородской губернии посылать ежегодно помытчиков, разделяя оных для помыкания птиц на две ватаги, из которых одну отправлять на Мурманский остров в самое дальнейшее поморское место, то-есть к Коле, а другую на Зимний берег, на сделанных к тому для морского ходу двух судах". (Рукоп. Имп. ох.).

18 января 1797 года Контора предписывала Рыкунову: "В ордере из Обер-Егермейстерской Канцелярии, сего генваря от 7 числа, написано, что Канцелярия старанием кречетника Петра Большого в помкнутии и доставлении ко птичьей охоте сорока четырех птиц весьма довольна, за что ему и объявить благодарность, а вам велеть, чтоб вы тех принятых к

охоте птиц старались наилучше выдержать и, справя оных, а особливо цветных, доставить к главной команде в Санкт-Петербург неотменно..." (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 171).

518 В феврале месяце 1766 года царской птичьей охоты сокольник Александр Микулин донес в Обер-егермейстерскую контору, что в минувшем 1765 году, во время его пребывания в Архангельске, "для понуждения тамошних Двинских кречетых помытчиков к улову и привозу в Москву кречетов и кречетых челигов, а паче цветных и белокрапчатых", и после того, как партия помытчиков, с которою следовал он, Микулин, на ловлю, поймала лишь 22 ловчих птицы простых и ни одной цветной или крапчатой, несмотря на "всеусердное его старание", слышал он от солдат Архангелогородского гарнизона, и баталиона, трех братьев Мезенцевых с товарищами, в числе десяти человек, следующее: "уведомились де они, что к охоте Ее Императорского Величества потребны птицы кречеты и кречетьи челиги цветные и белокрапчатые, а мы де известны, что около Пустозерского острога, в приморских различных местах, кречеты и кречетьи челиги, в том числе есть самых лучших пород цветных и белокрапчатых; того ради желают они для Всевысочайшего Ее Императорского Величества увеселения нашей Всемиловитвейшей Государыни в улове оных птиц принести верную по присяжной должности услугу, чтоб для лову оных птиц указом Ее Императорского Величества повелено было определить их в состоящую при Пустозерской Воеводской Канцелярии Архангелогородского гарнизона первого баталиона команду, а ежели той баталионной команды там состоять не будет, а определится штатская, то б и их в ту штатскую причислить и быть им на том же

определенном жалованье в том Пустозерском остроге неотлучно и в приобретении означенных птиц тамошним им никакого помешательства и препятствия не чинить – подтверждено б было Ее Императорского Величества указами". Кроме того, Мезенцевы с товарищами заявили, что будут привозить пойманных птиц в Архангельск своим коштом, а для приобретения птиц и лучшего способа их помыкания, также для лучшего в общем распорядка и лучшего привоза кречетов в Архангельск просили, чтобы повелено было от Обер-егермейстерской канцелярии "в каждый год посылать к ним из кречетников или из сокольников, не позже марта месяца, по одному, да из Двинских кречетых помытчиков, впредь до знания поимки тех птиц, по два человека достойных".

Руководствуясь тем, что императрица "вссьма соизволит жаловать оною птичьєю охотою веселиться", каковое обстоятельство побуждает Обер-егермейстерскую канцелярию принимать всевозможные меры к приисканию лучших пород ловчих птиц, названная канцелярия в апреле того же года послала промеморию в Государственную военную коллегию с требованием, "дабы для показания реченных мест к помыканию кречетов и челигов кречетых лучших пород из вышеписанных, находившихся в Архангелогородском горнизонном первом баталионе откомандировать человек шесть солдат, трех братьев Мезенцовых и трех братьев Олоховых, в реченный Пустозерский острог, в состоящую там оного баталиона Команду", или назначить их туда к какой-либо другой должности, но непременно имея в виду дать им возможность указывать удобные для ловли кречетов места в удобное для ловли время.

Государственная военная коллегия ответила
Обер-егермейстерской канцелярии, что
вышеназванных солдат, где б они в отлучке ни были,
предписано освободить от службы немедленно, заместя
другими, и отправить в Пустозерский острог для
причисления к состоящей там команде первого
батальона также немедленно.

С своей стороны Обер-егермейстерская канцелярия,
по указу императрицы, распорядилась:

1) "Находящемуся при Двинских кречетых
помытчиках у понуждения оных к помыканию ими
птиц, кречетнику Григорию Перову послан указ и
велено ему, выбрав из оных помытчиков двух человек с
следственными к помыканию птиц принадлежностями
и для отправления их с вышеписанными солдатами в
Пустозерский острог, представить к его
превосходительству генерал-майору и кавалеру и
Архангелогородской губернии губернатору господину
Головцыну, и как отправлены будут, то и ему, Перову,
истребовав от его ж превосходительства одну ямскую
подводу и для лучшего порядку для понуждения к
примечанию вышеписанных около Пустозерского
острога удобных мест и помыкания птиц, ехать за ними
в тот острог немедленно, а на платеж указанных
прогонов до того острога и обратно до города
Архангельского с наловленными птицами, на разные
необходимые при том расходы, истребовать ему от
Архангелогородской Губернской Канцелярии, на счет
Обер-Егермейстерской Канцелярии, денег сорок
рублев, а буде оных по усмотрению явится
недостаточно, то хотя и более. Если же, сверх чаяния,
онные солдаты и два человека помытчиков отправятся
до того Пустозерского острога водою, то и ему, Перову,
идти обще с ними водою ж, а подводы тогда уже не

требовать. А из вышеписанных денег велено ему на разные приключаящиеся там и в пути необходимые потребности и ему на произведение кормовых в расход употреблять надлежащее, безо всякого излишества, и напрасной траты по присяжной должности, и всему оному расходу для отчета иметь ему верующую записку. А вышеписанным двум помытчикам, для оного их отправления, на содержание их в тамошнюю бытность пищею и протчим велено старосте дать из принятых от Архангелогородской Губернской Канцелярии положенной за птиц первой сего года половины денег надлежащее число; а как оттуда возвратятся со птицами, то сколько ими самими точно помкнуто будет, за оных велено в Москве Конторе из полученной от Статс-Конторы за птиц же второй половины денег выдать из прежних в добавок по положенному за тех птиц окладу, сполна, безобидно. По приезде ж туда ему, Перову, как в показании оными солдатами ему и помытчикам около того острога мест; где птицам вод (ход? лет? лов?) бывает, так и в помыкании оных прилагать неусыпное старание, и тех солдат, тако ж и помытчиков к тому понуждать неослабно, дабы оных птиц помкнуто было с довольствием. А при том ему, Перову, вышереченным солдатам объявить, если ими во всем том доказано будет усердие, за то им от Обер-Егермейстерской Канцелярии имеет быть награждение и сверх того они, по их желанию будут там находиться бессменно. И что происходить будет, о том ему, Перову, в Канцелярию присылать рапорты почаще; при том же ему взять с собою ружье и на довольствие пойманных кречетов и челигов кречетых стрелять всякую дичь, потому что в тамошних местах, уповательно, в корм оным кречетам к покупке говядины да голубей и отыскать будет

невозможно, а ежели где оное сыщется к покупке, то ему в случае нужды покупать, а более стараться стрелять диких птиц. От реченного острога ему отправиться до города Архангельска; взяв с собою для препровождения оных птиц из тех солдат надлежащее число, а от одного города тех птиц в Москву отправить с теми, кои наловлены будут Архангелогородскими и Вологодскими помытчиками в прежних местах, в двух ватагах, под его смотрением и командою. И при том подтверждено ему, чтобы в пути оных птиц крайне берегли, дабы из них не было никакого упадка и повреждения. А по приезде в Москву явиться с теми птицами на Семеновский потешный двор у капитана Ивана Рыкунова. А ему, Рыкунову, оных приняв, в Контору подать рапорт с показанием порознь, сколько из тех птиц и каких именно наловлено точно в двух ватагах, також и в Пустозерском остроге солдатами и двумя помытчиками. А из оной конторы представить рапорт же в Канцелярию неукоснительно", с отчетом о расходах Перова.

2) Сообщить в Статс-Контору, чтобы Архангельской Губернской Канцелярии было предложено выдать Перову деньги для указанных выше надобностей.

3) Архангельскому Губернатору генерал-майору Головцыну послать сообщение, чтобы он распорядился отправлением в Пустозерск солдат и помытчиков, согласно вышеизложенному, в кратчайший срок, во избежание потери лучшего для ловли кречетов времени.

4) В Пустозерскую Воеводскую Канцелярию послать указ и требовать, "чтоб от оной тамошним, о нечинении вышеобъявленным солдатам и будущим с ними, ведомства Обер-Егермейстерского, кречетнику и

помытчикам в помыкании около одного Пустозерского острога водяным и сухим путем в удобных местах птиц никакого препятствия и помешательства, объявлено было с подпискою, или тем солдатам и кречетнику с помытчиками от оной Воеводской Канцелярии дан был с прочетом указ". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. No 16).

Сохранилось известие, что вышепоименованный кречетник Григорий Перов пробыл на севере "для понуждения тамошних помытчиков к лову птиц" с 15 марта 1766 по 1 января следующего 1767 года. (Тот же арх., оп. 71, д. No 31).

В ноябре 1774 года Пустозерская воеводская канцелярия доносила Канцелярии обер-егермейстерской, что, получив приказ от архангельского губернатора генерал-майора Головцына отправить прямо в Москву с пойманными птицами солдат Архангельского гарнизона, состоящих при Пустозерской команде, для ловли кречетов, дав им прогонные деньги "по представленному от них порядку, полагая на каждые четыре птицы по одной подводе", – за счет Обер-егермейстерской канцелярии, – Воеводская канцелярия призвала помытчиков-солдат с птицами, причем убедились, что последних поймано нынешним летом три кречета крапчатых, которые в присутствии и осматриваны, и по свидетельству "у одной птице в хвосте одного пера нет, а у прочих двух птиц как в крылье, так и в хвостах заломов не явилось". На вопрос о пути солдаты-помытчики сказали, что надо им ехать от Пустозерского острога до Усцелемской слободки 250, а от той слободки до Вожгорской деревни 250, от Вожгор до Вышки 120, от Вышки до Ньюги 80, от Ньюги до Выи 60, от Выи до Пинежни 30, от Пинежни до Милы 80, от Милы до Верхней Тоимы

17, от Верхней Тоимы до Заостровы 90, от Заостровы до Муланды до Золотилова яму 18, от Золотилова яму чрез Вологду и Ярославль до Москвы 891 верста, всего 1896 верст (где-нибудь пропуск перегона в 30 верст, так как сумма приведенных цифр 1866), "а другой дороги, окромя оной, они не знают". Пойманные ловчие птицы были отправлены в Москву с сокольим помытчиком Яковым Даниловым и Никитой Затопляевым, которым выдано было прогонных денег, по деньге за версту, 9 руб. 48 коп. (Тот же арх., оп. 72, д. No 20).

В июле 1777 года Архангельская губернская канцелярия представила Обер-егермейстерской канцелярии о жалобе прибывших в Архангельск из Пустозерска двух солдат местного гарнизона, которые не только не были отправлены Пустозерскою воеводскою канцеляриею, по силе прежнего указа, с пойманными тамошними солдатами-помытчиками девятью птицами прямо в Москву, но даже не получили никаких денег на дорогу в Архангельск. Представление это, довольно пространное и содержащее в себе, главным образом, арифметические подсчеты, сколько следовало выдать солдатам за пойманных птиц, их прокорм и на прогоны до Москвы, как не содержащее каких-либо новых, ранее нами не приведенных, данных, упускаем. (Тот же арх., оп. 53, д. No 316).

519 По следственному акту над обер-комендантом города Астрахани Чириковым, относящемуся к 1719 году, этому лицу ставилось, между прочим, в великую вину то обстоятельство, что он отправлял от себя за море соколов и кречетов. (Соловьев, т. XVI, стр. 247).

В июле 1715 года, по указу царя Петра Алексеевича, велено было симбирскому жителю Ивану

Михайловичу Зиновьеву в низовых городах, где появятся, помыкать птиц кречетов, соколов и их челигов с великим радением и неоплошно и присылать пойманных птиц в Москву, в Семеновское на потешный двор. Кроме Зиновьева и его людей, никому не разрешалось ловить таких птиц, а в случае появления самовольных помытчиков последних велено было ловить и чинить им наказание, а птиц отбирать и отдавать Зиновьеву для представления князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. No 25).

520 Римско-цесарские и голландские сокольники были посланы в Архангельскую провинцию, в Кольский уезд для ловли белых соколов; к ним в помощь были посланы русские помытчики, по одному помытчику на каждого иностранного охотника, причем помытчикам было между прочим вменено в неперменную обязанность следить, чтобы иностранные сокольники ничего, кроме белых соколов, не ловили и в "неприличные" дела не мешались^{A12}.

521 В апреле 1776 года Обер-егермейстерская канцелярия послала в московскую свою контору следующий интересный указ:

"Ее Императорское Величество весьма соизволит жаловать птичью охоту для Всевысочайшего своего оною охотою во время выездов на поле увеселения, и вследствие сего Обер-Егермейстерская Канцелярия к приобретению ежегодно кречетов и челигов кречетых с наибольшим удовольствием, а при том лучших пород, т. е. белых и белокрапчатых, чрез высокие к тому способы прилагает крайнее к тому старание. Токмо из уловных тем кречетам мест от определенных ведомства оной Канцелярии помытчиков, не токмо таковых

лучших, но и простых пород кречетов и челигов помыкание и принос в Москву к охоте Ее Императорского Величества весьма уменьшился, чего ради для такого приобретения оных, а наипаче лучших пород птиц, також и к понуждению в том помытчиков, в разные места отправляются в каждый год от птичьей охоты нарочные служители. А сего марта 21 дня в поданном в Обер-Егермейстерскую Канцелярию Олонецкого уезда от Выгорецких раскольников Аммоса Корнилова сына Валютина да Алексея Тимофеева сына Кисилева с товарищи доношении объявлено: для промыслов де своих ездят они в дальние морем и сухим путем места, где часто видают кречетов и челигов кречетых, а помыкать оных собою без дозволения не смеют. А как де во оных птицах, для Всевысочайшего Ее Императорского Величества увеселения, состоит надобность, чего ради просили, дабы оных птиц, где они, по приезде им для промыслов, в разных местах найти могут, а особливо на Кане () носу, по реке Печоре до Карского моря и до речки Оби, також и на Датском острове Груманте, помыкать дозволить, которых они как, где и сколько, помкнут, должны привозить к городу Архангельскому, а от одного до Москвы, и для того отвозу от города благоволено б было давать до Москвы казенные подводы, и о всем том дать им от оной Канцелярии указ. А понеже, как выше предписано, что принос оным кречетам весьма умалился, почему и впредь надежды в том иметь совсем невозможно, того ради, по указу Ее Императорского Величества и Обер-Егермейстерской Канцелярии определению, означенным раскольникам Аммосу Валютину и Алексею Киселеву с товарищи, которые сами добровольно доношением своим обязались в помыкании ими во время езды их морем и

сухим путем, как на Кане носу по реке Печоре и до Карского моря, так до реки Оби и на Датском острове Груманте вышепоказанных кречетов и челигов кречетых, сколько где оных найти могут, для привозу только в Москву к охоте Ее Императорского Величества дозволено отныне на один год для апробации с тем, если ими тех кречетов и челигов кречетых поймано и сюда привезено будет, а особливо вышеписанных лучших пород, белых и белокрапчатых, то и впредь будущие годы дано будет им всегда таковое ж позволение, а притом за оное их из воли своей ревностное к службе Ее Императорского Величества усердие в те ж годы Обер-Егермейстерская Канцелярия учинит распоряжение, чтобы с состоящих в ведомстве оной Вологодских и прочих помытчиков за надлежащих от них в принос к охоте птиц взыскивать денежный оброк, потому что оные Вологодские помытчики просили сами, дабы их морем с Архангелогородскими помытчиками не посылать, а по близости оных помытчиков жилища таких птиц не имеется, и для того из одного оброку реченным расколщикам, Валютину и Киселеву с товарищи, будет производиться против того, как и Архангелогородским Двинским кречетым помытчикам производится ж денежная плата от Архангелогородской Губернской Канцелярии, и для того подтверждено им, чтобы они в помыкании птиц в вышеописанных местах прилагали свое крайнее усердие между своими промыслами; токмо на сторону из тех пойманных ими птиц отнюдь ни за какие деньги не продавать, ибо оные птицы, как выше предписано, весьма потребны здесь в Санкт-Петербурге для Всевысочайшего Ее Императорского Величества увеселения, в чем они в Обер-Егермейстерской Канцелярии обязаны

подпискою с подтверждением. И как с теми птицами к городу Архангельску они прибудут, то им к отвозу оных птиц до Москвы о даче ямских подвод подлежащего числа, по примеру того как и Архангелогородским помытчикам под птицы подводы ж даются, и по выдаче на платеж указных прогонов денег истребовав от Архангелогородской Губернской Канцелярии на счет Обер-Егермейстерской Канцелярии, ехать в Москву и явиться в Обер-Егермейстерской Конторе, а оной от них принять тех птиц к охоте капитану Ивану Рыкунову и о том (репортовать) в Канцелярию с обстоятельством. А в Архангелогородскую Губернскую Канцелярию послан указ и требовано, чтоб от оной благоволено было вышепоказанным Валютину и Киселеву с товарищи, дабы в тех местах ведомства оной Канцелярии от обывателей и протчих в помыкании кречетов и челигов кречетых никакого препятствия и обид не происходило, дать с прочетом указ, а сверх того и от Обер-Егермейстерской Канцелярии оным же Валютину и Киселеву для исполнения в вышеписанных обстоятельствах дан указ же, и Обер-Егермейстерской Конторе о том ведать и учинить по Ее Императорского Величества указу". (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. No 46).

522 В феврале месяце 1770 года Обер-егермейстерская контора на основании высочайшего указа, объявленного егермейстером Вильгельмом Романовичем фон Пальманом, предписала ростовским сокольим помытчикам, чтобы они, сверх положенного на них количества ловчих птиц, "как наивозможно старались помкнуть четырех филинов, коих и к охоте в Москву принести июля к 1 числу непременно".

Подобное приказание, по всей вероятности, было

отдано и комплектным сокольим помытчикам, состоявшим в Москве при Императорской птичьей охоте, так как заведовавший в то время этою охотою капитан Иван Рыкунов подал 15-го февраля того же 1770 года в Обер-егермейстерскую контору следующий, не лишенный интереса, рапорт:

"По присланному мне из оной Конторы сего февраля 14-го дня указу велено как возможно для отправления со птичьей охотою в С.-Петербург помкнуть четырех филинов и об оном помкнутии подтвердить накрепчайше всем сокольим помытчикам, чтоб оных филинов как возможно ж помкнули неотменно и без всяких отговорок и принесли б в Москву ко птичьей охоте, а по справке при птичьей охоте для помыкания означенных филинов знающих к тому помытчиков никого не имеется, да и инструментов, касающихся к тому помыканию означенных филинов, не имеется ж, да и как тех филинов помыкать оные помытчики и знания никакого не имеют, ибо оные филины ловятся особливим противу улова соколов и протчих тому подобных птиц инструментом и в особливые времена, а не так как вышеписанные птицы теми помытчиками помыкаются, и для того к тем помытчикам по незнанию их к тому улову означенных филинов и подтверждения посылать не для чего. А оные филины современем (по временам?) ловятся в одном токма Измайловском зверинце, в котором зверинце в прошлом 1769 году тамошними зверовщиками и пойман один, и принесен ко птичьей охоте, которой и ныне стоит на лицо, о чем Обер-Егермейстерской Конторе сим во известие репортую". (Тот же арх., оп. 74, д. No 53).

В 1753 году последовало по указу ее

императорского величества приказание наловить в Переяславской провинции до 25 пар турухтанов, а по наловлении таковых отправить их в Москву к Высочайшему двору. Для перевозки пойманных птиц приказано было "сделать телегу с долгими дрогами и на оную поставить клетку долгую, чтоб было одно дно и на нем перегородка в длину одна и в нее вделать поперешных тринадцать, и во всякую посадить по одному турухтану, а со стороны и верх сеткою покрыть и так их вести исподволь".

Для ловли этих птиц были откомандированы восемь человек помытчиков, которые, выполнив данное им поручение с надлежащим успехом, принесли пойманных турухтанов в Москву сами, в руках, так как, по их заключению, везти этих птиц не представлялось никакой возможности, во избежание потери в противном случае в пути всех турухтанов без исключения. В награду за принесенных турухтанов каждому сокольему помытчику было выдано по 1 рублю денег. (Тот же арх., оп. 305, д. No 1).

523 26 июня 1775 года, поднося на высочайшее воззрение вновь проектированный штат Императорской охоты. Обер-егермейстер Нарышкин, между прочим, докладывал следующее: "Для увеселения Вашего Императорского Величества птиц соколов и кречетов содержать, сколько оных в котором году помкнуто и принесено к охоте, без недостатка, а для лова тех птиц быть помытчиком: для кречетов – в Казани, Свияжке, в Кузьмодемьянске, в Чебоксарах, в Кокшайске, у города Архангельского, Двинским, Вологодским; для соколов – в Переславле-Залесском, в Ростове, в Ярославле, которые и прежде сего состояли в ведомстве Обер-Егермейстерской Канцелярии; а Симбирских, Коломенских, Белозерских, Суздальских,

всего 211 душ взять. Дворцовой Канцелярии в ведомство свое, а оставшиеся в ведомстве Обер-Егермейстерской Канцелярии помытчики за то, что приносить будут к охотам птиц, должны только с себя платить подушные семигривенные деньги, а за рекрут складочную указную цену брать с них по прошествии написанного в Именном и от Правительствующего Сената опубликованном прошлого 1770 года августа 16 дня указе двадцатилетнего срока, в которые годы они от рекрутского набора уволены; натурою ж с них рекрут и никаких других податей не брать, и кроме лова и приноса птиц, служб никаких не испавлять. Сверх того дозволяется им, помытчикам, где будет способно, торговать, кто чем похочет, как и купцам, и которые из оставшихся при птичьей ловле помытчики выбыли в купечество – возвратить всех оных в прежнюю помытческую должность. В удобных им местах помыкании птиц никому никакого помешательства им не чинить, и быть им, помытчикам, ведомым, кроме криминальных дел, в Обер-Егермейстерской Канцелярии; а в криминальных и формальных судных делах по требованиям отсылать Обер-Егермейстерской Канцелярии от себя, куда будут подлежательны".

Однако на докладе об этом императрица Екатерина II положила собственною рукою следующую резолюцию: "О сокольных помытчиках остаться впредь до рассмотрения на прежнем основании". (Подл. доклад Нарышкина, Рукоп. Имп. ох.).

В том же месяце обер-егермейстер Нарышкин вошел с представлением в Правительствующий Сенат, прося отдать приказание, чтобы по силе упомянутого выше именного высочайшего указа от 16 августа 1770 года сокольным помытчикам были возвращены

складочные за рекрут деньги и чтобы впредь подобных денег с помытчиков не взималось. Однако Правительствующий Сенат объяснил обер-егермейстеру, что указ 16 августа понят Обер-егермейстерскою канцеляриею неправильно, что таковой касался лишь лиц, сосланных в Сибирь, почему не только приказал сказанные деньги с помытчиков собирать по-прежнему, но и предписал взыскать, под опасением штрафа, все числящиеся на помытчиках по этой статье недоимки. (Подл. ук. Сен., No 384 – 1775 г., Рукоп. Имп. ох.).

524 В 1782 году Правительствующий Сенат занялся вопросом о регулировании прав сокольных и кречетых помытчиков, предписав, между прочим, указом от 31 декабря провинциальным казенным палатам доставить необходимые для того сведения, касающиеся современного положения помытчиков. (Подл. ук., Рукоп. Имп. ох.). По этому поводу в следующем 1785 году поступили следующие донесения:

Казенная палата Вологодского наместничества доносила, что сокольи и кречетьи помытчики, проживающие в подведомственном ей районе, коих по последней (4-й) ревизии насчитывалось 519 душ, оставлены по-прежнему, до указа, в одном семигривенном окладе повинностей.

Означенное количество вологодских помытчиков слагалось из следующих: 1) Грязовецкой округи, Комельской трети, деревни Климова-Блазмы с приписными к ней деревнями – 301 душа; 2) Кандинской округи, Сянжемской волости, села Никольского с деревнями – 153 души; 5) Холмогорской округи, Курейской волости – 42 души, Куростровской волости – 10 душ и Богоявленской Устьостровской волости – 13 душ.

Таблица о личном составе и содержании чинов
Ораниенбаумской охоты

По этому донесению Правительствующий Сенат постановил запросить Обер-егермейстерскую канцелярию, все ли помянутые помытчики для приносу к охоте Ее Императорского Величества птиц употребляются, нужны ли они впредь и нельзя ли потребное для птичьей охоты количество птиц доставать покупкою, положив помытчиков в равный оклад с прочими государственными крестьянами. (Рукоп. Имп. ох.).

Казенная палата Ярославского наместничества доносила, что по 4-й ревизии в Ярославской губернии сокольных помытчиков оказалось: Углицкого уезда, Юхотской волости, в деревнях: Рашкове – 19 душ, Синцове – 13 душ, Павлове – 59 душ да в городе Ростове – 70 душ. Деревенские помытчики в звание свое поступили в 1739 и 1740 годах по указу великого государя из Приказа Большого дворца и по челобитью их дедов из дворцовых крестьян. Помытчики эти до 3-й ревизии платили только семигривенный сбор. Птиц ловят они в разных отдаленных уездов местах, от своих деревень не ближе 100 и 200 верст и доставляют ежегодно в Императорскую птичью охоту с каждых 5 душ по одному соколу да с каждых 15 душ по одному кречету. Эти птицы с доставкою обходятся: сокол в 5 руб. и кречет в 15 руб., а все 18 соколов и 6 кречетов в 180 рублей. Сказанные деревенские помытчики обладают земельною собственностью общим пространством в 545 десятин 172 квадратные сажени. Городские помытчики вступили в это звание в 1700, 1702, 1703 и 1717 годах, также по челобитным их дедов и отцов, из ростовских посадских людей. Им

велено помыкать по 12 птиц ежегодно, во всех местах беспрепятственно, а обывателям для них к улову и на корм птиц велено давать живых голубей. Никаких повинностей эти помытчики не несут, а за неимением земли пользуются правом торговли. Птиц всегда доставляют к охоте с излишеством. Во что обходится каждая доставляемая ими птица, Палате неизвестно. Из этих помытчиков в 1764 и 1770 годах девятеро записаны в купечество.

Представляя эти сведения, Ярославская казенная палата приобщила и свое мнение относительно того, в каком положении следовало бы быть помытчикам на будущее время. Палата полагала: 1) городских помытчиков "для уравниения в общественных тягостях со всеми городскими жителями" записать: а) имеющих капиталы – в купечество; б) прочих – в мещане и цехи; 2) деревенских помытчиков положить в оклад наряду с дворцовыми крестьянами. Подобное мнение Палата, между прочим, мотивировала тем, что почти из тех же сословий стали эти люди помытчиками, причем находила целесообразным "соколов и другого рода птиц доставать от охочих людей, коих, уповательно, сыскать может довольное число за повольную цену".

Правительствующий Сенат направил это дело на заключение Обер-егермейстерской канцелярии, затребовав вместе с сим подобные же мнения от прочих казенных палат. (Подл. ук. Сен. № 8764 – 1783 года, Рукоп. Имп. ох.).

В следующем 1784 году были представлены заключения по тому же предмету прочих казенных палат.

Палаты Новгородская, Владимирская и Казанская полагали находящихся в тех наместничествах городах и уездах соколых и кречетых помытчиков оставить в

ведении Обер-егермейстерской канцелярии, но собирать государственные с них подати: Новгородская и Казанская только подушные семигривенные, а Владимирская – "против мещан сорокаалтынные". При этом названные палаты, в особенности Казанская, упирали на то обстоятельство, что некоторые помытчики за неимением земельной собственности до сего времени не платили никаких податей.

525 Обер-егермейстерская канцелярия доносила Сенату, "что состоящих в ведомстве ее сокольных и кречетых помытчиков.. кроме одних именованных в штате той Канцелярии (смотри штат 1775 года) излишними, необходимо нужно оставить навсегда для помыкания к охоте Ее Императорского Величества потребных птиц на прежнем основании", причем указывала Сенату, что "и излишние не иначе из ведомства той Канцелярии исключены быть могут, как с тем, чтоб оставшие могли пользоваться по прежним узаконениям всеми их преимуществами и правами, в награждение, что они не получают ни прогонов, ни кормовых денег, а доставляют птиц на своем коште".

Последнее относилось, очевидно, к помытчикам, на которых был положен известный оклад, то есть принос к охоте определенного количества птиц в виде оброка.

Сенат затруднился положить какую-либо определенную по этому предмету резолюцию и постановил все дело, не предрешая его, поднести на высочайшее воззрение. (Подл. ук. Сен. № 2856 – 1784 года, Рукоп. Имп. ох.).

Как взглянула на это дело императрица Екатерина Великая, мы не знаем.

Письмо № 1. Письмо царя Петра к царю Ивану. Мой государь превозлюбленный батко и брат Царь Иоанн Алексеевич истинно всего Государства своего

повелитель.

Здравия желателно хочу тебе яко ртцу и ссосуругою твоею, а моею государынею невескую исрождением.

О извещении через письмо от милости Твоей братцкой, во много возблагодарих, втаком далном разлучении и некакую утеху великую принял сердцу своему, некак слухом, но яко устне.

О желании же о мне твоей милости (Богу соизвольшу) по своему намерению умедлити но и со мною радостию возвращения хочу.

И чтоб особу твою братскую купно стеткою своею и материю моею государынею Царевною Татьяною Михайловною и со всеми нашими особыми. И прошу милости ежебы через тебя моей государыне матки, и тетки сестрам же и невеске и домашным Любительной поклон да отдастся.

От Города Августа В 9 ден 202 года.

Petrus Письмо No 2. Письмо царя Петра матери Наталье Кириловне. Государные моей матушке Царице Наталье Кириловне изволила ты писат ко мне с Васильем Соймоновым что я тебя государыню опечалил тем что о приезде своем не отписал и о том и ныне подлино отписат не могу для того что даждаюс караблей, а как ане будут о том никто неведает а ожидают вскоре потому что болше трех недел и отпущены из Амстердама, а как оне будут и я искупа что надобет поеду тотчас день и ночь да о единой милости прошу чего для изволиш печалитца обомне изволила ты писат что предала меня впаству Матери божией и такова пастыря имеючи но что печаловат тоябо молитвами и претстателством не точию: я един но и мир сохраняет Господ его за сем благословения прошу Недостойный Петрушка от города Августа в 14

ден.

Письмо No 3. *Письмо* царя Петра матери Наталье Кириловне. Вседрожайшей моей матушке Царице Наталье Кириловне Изволила ты радость моя писат чтоб я писал почаще и я и так на всякую почту приписываю сам толко виноват что не выслал что радость моя скорым путем неначего и ты пожалуй своею печалью – не натсади меня а я слава Богу кроме сего натсажат себя сным не стану и поеду помере не замешкав ландунския карабли еще не бывали по сем радость моя здравствуй а я молитвами твоими жив.

Petru От Города Сентября в 8 д. *Письмо* No 4. Катеринушка друг мой сердешный здравствуй.

Я сего моменту из Выборха приехал х красной горки где нашел нашу эскадру под парусами 3 господином адмиралом и взяв завтрашний праздник здес, Г будем отведоват корабли ден или другой, а потом пойдем х Кроньшлоту. А ты приезжай в Питергоф в пятницу или субботу.

Петрь с Яхты Анна в 26 д. Июля 1720.

Г которым Вам поздравляем, *Письмо* No 5. *Письмо* царя Феодора Алексеевича. Иоакиму Милостию Божию Царствующего града Москвы и всеа великия и малыя и белыя Росии Патриарху грешны Царь Феодор поклон сотворяю и благословения твоего желаю. Да сохранит тя Архиерей Вышний (Иис) (Хс) здрава и долгоденьсвующа и право правяща слово божия рукою моею *Письмо* No 6. Катеринушка друг мой сердешный здравствуй.

Писмо твое и фрукты я через Шепелева получил, за что благодарствую. А что сумневаешся о мне, слава Богу здоров и не имел болезни, кроме обыкновенной с похмелья. Истинно вер тому, завтра будут все пополудни в Петергофе, а позавтрее будут обедат у

Гаврилы Ивановича, для того что близко там, где воду пускат будут. Я бы желал чтобы и вы там были, ежели вам не трудно, и лучше бы на завтрее туды прямо проехали: понеже лучше дорога, нежели от Петергофа, которая зело дурна; а пускат воду без вас не хочетца Петр Из Ораниенбаума в 6 день Августа 1721 года.

На обороте конверта: Ее Величеству Государыне Царице Екатерине Алексеевне.

Письмо Но 7. Господин Зейкер Понеже время приспело учит внука нашего, того ради ведая ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому, которое дело Начни 3 Богом по осени, а именно в октябре или первых ноября конечно.

Петрь от Коломны день 17 мая 1722 г. *Письмо* Но 8. *Автограф императрицы Елисаветы неизвестным лицам.* Господин Генерал Из вестие здес имеется что в Питербурхе опасная воспа ходит и многие умирают, то прикажите осведомится во всем Питербурхе подлинно в такой опасности находятся и меня немедленно уведомите. Княгине Даре Федоровне поклон, прошу отдать, и дай Богъ Вас благополучно вскоре увидеть.

И остаюся непременно Елисавет.

Господин Генерал-Маиор Поздравляю Вас неоцененным наступающим праздником с вели воскресением которое желаю вам многих таких еще торъжеств видить, во всяком благополучие. При сем посылаю к вам кавалерию Св. Анни, которая вдороге вас охранят будет светими своими молитвами и желаю носит на здоровье и видить вас в ней Елисавет.

Сей час идем в церковь свербой стоять сожелею что вас нету то бы можно вербою старые кости поправить.

Герб рода князей Репининых. Щит имеет две части, верхнюю пространную и нижнюю малую

серебряную, в которой изображены две птицы, держащие во рту по одной стреле, а в лапах золотые шары. В верхней части, разрезанной перпендикулярною чертою, в правом красном поле Ангел в сребротканой одежде, держащий в правой руке серебряный меч, а в левой золотой щит. В левом золотом поле черный одноглавый Орел в золотой на главе Короне с распростертыми крылами, имеющий в лапе позлащенный Крест. Щит покрыт мантиею и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству.

A1 Помытчик при птичьей охоте предназначался, главным образом, а может быть и исключительно, для ловли воронок и других птиц, долженствовавших служить для обучения вынашиваемых на Семеновском потешном дворе ловчих птиц.

A2 Форштмейстеры заведовали зверинцами; от них требовались познания как лесничего, так и охотника, в последнем случае главным образом по уходу за зверями и различными охотничьими животными. Бюксен-шпаниер – должностное лицо, обязанности коего главным образом заключались в надзоре за ружьями особ императорской фамилии; кроме того, при ружейных охотах они всегда находились близ венценосцев, заряжали и подавали их ружья. Обер-егерь старшее звание охоты егерской, т. е. подружейной с легавыми собаками, облавной, на токах и чучелах. Пикер – слово французское; буквальный перевод на русский язык – доезжачий. Комиссары заведовали хозяйственной частью различных частей придворных охот.

A3 От 1784 года сохранился весьма любопытный документ, прекрасно рисующий картину нравов, взаимных отношений и служебных порядков, существовавших в то время среди чинов московских придворных охот. Документ этот – нижеследующий указ Московской обер-егермейстерской конторы главностатейничему Ларионову от 19 июля: "Репортом вы Конторе сей представили: апреля 10 дня поданным к вам статейничий Дмитрий Рыкунов и статейщик Федор Коноплев репортом представляют, что состоящий в команде вашей птичьей охоты сокольник Иван Николаев сын Шамотов, отважась между

разговоров и забыв по званию его послушность и сохранение относительного респекта к командирам; а потому и самую (в подлиннике "самому") благопристойность презря, столь преступнические против законного долга говорил поносные и весьма укорительные слова, в защищение чего и просили вас о таковой их обиде, куда надлежит, к законному суждению представить, а какие поносные слова и при ком именно тот сокольник Шахмотов говорил, о том точно в поданном от них, статейничего и статейщика, репорте изъяснено, который для лучшего рассмотрения в оригинале при том репорте приложу, требовали, чтоб по рассмотрении оного, с винным (т. е. с виновным) учинить по законам, дабы и прочие служители впредь нималейших противу командиров своих презрительных и ругательных слов чинить не отваживались, а в том поданном вам от означенных статейничего Дмитрия Рыкунова и статейщика Федора Коноплева репорте написано: минувшего де апреля 6 числа вышеписанный сокольник Шахмотов, будучи в доме, имеющемся в Сокольницкой слободе, у отца его отставного пенсионера, охотника Николая Алексеева сына Шахмотова, как при том отце своем и при живущем по найму при птичей охоте прапорщике Федоре Швыковском и при случившемся у оного Швыковского отставном подпоручике Максиме Иванове Островском, отважась между разговоров и забыв по званию его сокольническому послушность и сохранение относительного респекта к командирам, а потому и самую благопристойность презря, столь преступнические против законного долга говорил поносные и весьма укорительные на пожалованную им честь слова, называя из них Рыкунова чихирником, а Коноплева сукиным сыном да и мясниковым сыном же,

прибавя к тому еще недовольно в пренебрежение чести их следующие слова, что де и некого из них почесть, в чем во всем он, сокольник Шахмотов засвидетельствован отцем его и оными Швыковским и пришельцем господином подпоручиком Островским, а потом при вас собственным сво(им) признанием изобличился, испрашивая при вас от них на все прощение, то об оном, по долгу присяги их, и нашлись они в защищение чести их просить, куда надлежит, к законному суждению представить, включая при том: повелено б было спросить его, сокольника Шахмотова, точно ль из дворян, и чем то свое право доказать может; а означенный сокольник, апреля 19 Дня, письменно показал, что он против поданных от вас и статейничего Рыкунова да статейщика Коноплева репортов в поношении им, Шахмотовым, к бесчестию оных Рыкунова и Коноплева укорительными словами, которые в представленной от них просьбе означены, признал себя во всем виновным, на что от тех же искателей, при всей команде служителей, и просил милостивое прощение; вторично ж поданным в Контору сию репортом вышеупоминаемые статейничий Рыкунов и статейщик Коноплев представили, какого де к бесчестию их оным сокольником Шахмотовым словами его поносное укорение при трех свидетелях было произнесено, о том де уж и вам от них во обстоятельстве представлено особым репортом, а потому и от вас к суждению одного дела Конторе сей предложено; но как тот сокольник Шахмотов, собственным его признанием пред командою птичей охоты служителей изобличась и раскаясь во всем оном пред ними, что он то преступление по несовершенным его летам да и по сущей его глупости и неразумию учинил, и на все оное испрашивал от них прощение,

которое ему от них и дано с тем, что они на него более не искатели, но дабы прочие той охоты служители не могли в подобных сему поношениях найтись против командиров, о том требовали, чтоб благоволила сия Контора уведомить вас письменно с тем, чтоб вы тем служителям с наистрожайшим подтверждением объявили с подпискою. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Обер-Егермейстерская Контора приказали: как из вышеписанных поданных репортов оказалось, что сокольник Иван Шахмотов против командиров своих, то-есть статейничего и статейщика, в поносных им, Шахмотовым, произносимых об них словах оказался виновным, в чем во всем сам собою признался повинным и просил у них прощения, кое и получил с тем, что он те поносные слова об тех командирах своих произносил по глупости своей и по несовершенным своим летам, однако, дабы другие из подчиненных пред так делать и командиров своих ругательными словами поносить никто не отваживался, в страх, того одного сокольника Шахмотова, при собрании всех птичьей охоты служителей, вам штрафовать содержанием в дневальной светлице под караулом, на хлебе и воде, по вашему рассмотрению, а сколько суток тот Шахмотов под караулом продержан будет, о том вам подать в Контору репорт, по подаче коего тогда и Канцелярии отрепортовано быть имеет, о чем для исполнения вам сим и предписывается, чтоб об оном объявлено было всем птичьей охоты служителям с подписками, а по взятии те подписки представить в Контору при репорте немедленно". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. No 1658, стр. 76).

Дополнением к приведенному документу может служить и следующий, относящийся к 15 марта 1785

года: "Благородный и почтенный господин статейничий Рыкунов. По дозволению от Обер-Егермейстерской Канцелярии, имею я отъехать из Москвы, для собственных моих нужд, дней на десять, для чего вашему благородию сим рекомандую, в небытность мою в Москве, иметь вам неослабное смотрение как птичьей охоты за служителями, так равно и за птицами и за казенными лошадьми, наблюдая при том, дабы все служители находились во всяком порядке и благопристойности, а птицам кормы и лошадям фураж производили по окладу сполна; состоящих же на конюшне лошадей отнюдь в езду никому не давать, кроме определенных по указам, и наблюдать ежедневную чистоту в конюшне и птичьих амбарах. Если ж кто из служителей в каких-либо непристойных поступках находиться будет, таковым учинить вам штраф в силу законов. По приезде ж, моем, имеете вы меня обо всем репортовать. В протчем пребуду вашего благородия всягдашний слуга Яков Ларионов" (там же, стр. 493).

A4 3 мая 1749 года последовало, по высочайшему повелению, "строжайшее запрещение в тридцати верстах вокруг около сел Царского и Красного ловить зверей и ходить на охоту с ружьями или птицами всем посторонним". (Яковкин. Кратк. летоп. о селе Царск., стр. 295).

A5 Рукоп. сборн. им. указ., No 76.

A6 В 1739 году обер-егерь Бем представлял обер-егермейстеру Волынскому, что "в летнее время оленей горохом кормить не способно; они могут быть оттого жирны, а в жары мереть; и чтоб вместо гороха употреблять овес, против того втрое", — на что и получил разрешение.

A7 Соль употреблялась, между прочим, на "соление глины".

A8 Свечи требовались на осматривание "олений в зимнее время".

A9 Арх. кн. Воронцова, т. XXXIII, стр. 91.

A10 К 1 июля 1721 года в Семеновском состояло налицо: 3 кречета, 12 челигов кречетых, 25 соколов, 1 челиг соколий и 14 ястребов, а в июле следующего года: 20 кречетов, 20 челигов кречетых, 22 сокола, 4 челига сокольных, 2 ястреба, да у ястребников на дворах 13 ястребов, всего 82 птицы. (Прих.-расх. кн. Сем. пот. дв.). В декабре же 1723 года состояло: 36 кречетов, 19 челигов кречетых, 40 соколов, 14 ястребов, всего 109 птиц, а к концу января 1724 года на 3 сокола меньше. (Сборн. арх. бум. о Петре Вел., т. II, стр. 334).

В 1742 году птичья охота Семеновского потешного двора была увеличена такою же слившеюся с нею охотою, отобранною, по повелению императрицы Елисаветы Петровны, от графа Михаила Головкина. (Моск. арх. Мин. юст., кн. Сен., 3 – 1429).

В 1750 году при птичьей охоте на Семеновском потешном дворе состояло 50 сокольничьих лошадей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. No 1758).

К 1 марта 1761 года в Семеновском потешном дворе состояло: кречетов розмытей 5, кречетов молодых 14, челигов кречетых дикомытей 1, челигов кречетых молодых 12, соколов дикомытей 4, соколов вешняков 1, соколов осенчаков 5, ястребов дикомытей 2, ястребов розмытей 2, ястребов молодых 2, челигов ястребных дикомытей 4, челигов ястребных молодых 5, всего 57 птиц, да 50 охотничьих казенных лошадей. (Тот же арх., оп. 66, д. No 4). К 1-му же марта следующего 1762 года там же состояло 80 птиц, причем

противу прошлого года увеличилось, главным образом, количество кречетов, которых было: 8 дикомытей, 2 розмытей и 24 молодика, а также челигов кречетых, которых было 33 штуки. Лошадей к тому же сроку числилось при птичьей охоте лишь 28 штук. Однако в октябре месяце того же года кречетником Микулиным было приобретено для птичьей охоты 10 лошадей в Москве, на конной площадке, по 20 р. за лошадь, да 10 лошадей в Лебедяни, по 25 р. за лошадь. (Тот же арх., оп. 66, д. No 36).

A11 9 октября того же года Московская обер-егермейстерская контора предписывала статейничему Дмитрию Рыкунову: "Приведенных двадцать восемь лошадей поставить на Семеновском потешном дворе в конюшню, на которых, с самого их вступления, то-есть с сентября 23 числа, по требованию вашему, для поправления их от худобы, так как они, будучи в дальнем проводе, от одного несколько и Конторою усмотрены худы, до отправления их в Санкт-Петербург производить, под смотрением вашим, комисару Петру Рыкунову фураж, овес и сено по положенному на каждую лошадь окладу сполна". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 73).

Вышепоименованные лошади были доставлены для птичьей охоты с Дона. (Там же, стр. 74).

12 июля 1784 года Московская обер-егермейстерская контора предписывала, между прочим, статейничему Рыкунову: "На взятых с полевого корму для выездов со птичьей охотою на поля двадцати семи лошадей, кои будут находиться в селе Царском, производить сего июля с 6 числа против протчих по окладам фураж до тех пор, пока оные при той охоте пробудут". (Там же, стр. 80).

Указом 28 числа того же месяца та же Контора

предписывала статейничему Дмитрию Рыкунову приискать вольного коновала, который взялся бы вылечить 15 лошадей птичьей охоты, заболевших в то время паршою, при условии, чтобы все эти лошади непременно выздоровели до наступления лета, то есть до времени выпуска лошадей на полевой подножный корм, ибо в противном случае та же болезнь могла бы привиться и ко вновь купленным для охоты лошадям. Следует заметить, что помянутые больные лошади были присланы в Москву из С.-Петербурга.

Приисканный коновал признал прежде всего необходимым поместить больных лошадей на вольном воздухе, для чего и велено было сделать особую загородку из жердей. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 185 и 189).

К 12 мая того же года относится указ Обер-егермейстерской конторы статейничему Дмитрию Рыкунову: "Для sprawy птичьей охоты, когда выезды на поля начнутся и состоять будет надобность, то тогда от псовой охоты Комисару Федору Панову и пикеру Павлу Извольскому шесть лошадей отдать ко птичьей охоте в прием ваш, на которых и положенный овес, со отдачи их, производить от псовой охоты, записывая в расход, в прием ваш с росписками. Когда ж для sprawy птиц конторские две лошади вами требуются будут, то оных, на одно назначенное для той sprawy время, отдать и со отдачи овес да и повеленный Канцеляриею к тому в добавок к окладному числу по одному гарнцу в сутки, если потребен будет, по рассмотрению вашему, производить с протчими, записывая Комисару в расход, в прием ваш, с росписками". (Там же, стр. 271).

К октябрю того же года относится известие, что по возвращении из С.-Петербурга в Москву птичьей и псовой охот негодные "к полевой езде" лошади

отбирались и продавались. (Там же, стр. 370).

5 марта 1786 года обер-егермейстер князь Голицын предписывал статейничему Дмитрию Рыкунову: "Велено отправить вас в крепость Святого Дмитрия для покупки к охотам Ее Императорского Величества верховых сорока лошадей, шерстми двадцать соловых и двадцать же серых, ежели же возможно будет набрать, то купить всех соловых, когда ж не отыщите их, то купить всех серых, ценою от двадцати и в двадцать пять рублей, а не дороже, и деньги взять в Воронежской казенной палате; для провода просить помощи генерал-губернаторов и других особ людьми". (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 95).

A12 К 1741 году относится известие, что частным лицам, как русского происхождения, так и иностранцам, поимка ловчих птиц на севере Европейской России воспрещалась безусловно и только в виде исключения в этом году была дозволена голландским и римско-цезарским подданным для их дворов, "для особого оным дворам угождения". (Внутр. быт Росс. гос. 1740–1741 годов, ч. I, стр. 300).

Последнее разрешение, данное указом 3 мая 1741 года, было вызвано "требованием Римско-Цезарского и Голландского Резидующих Министров" и заключалось в том, что в Архангельскую провинцию и Кольский уезд были посланы римско-цезарские и голландские сокольники для ловли белых соколов, к которым в помощь были приданы русские помытчики, по одному помытчику на каждого иностранного охотника, причем помытчикам было, между прочим, вменено в неперемнную обязанность следить, чтобы иностранные сокольники ничего, кроме белых соколов, не ловили и в "неприличные" дела не мешались. ("Арханг. губ. вед." 1846 года, No 8).